БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств»
Министерства культуры, по делам национальностей
и архивного дела Чувашской Республики

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ, ПРАВА И СОЦИОЛОГИИ

Материалы
Всероссийской научно-практической конференции с международным участием
(Чебоксары, 12 марта 2026 г.)

Научное электронное издание

Чебоксары
Издательский дом «Среда»
2026

УДК 08
ББК 94.3
А43

Рекомендовано к публикации на основании приказа Чувашского государственного института культуры и искусств Минкультуры Чувашии №01-01-05/16 от 27.01.2026

Рецензенты: **Васильев Федор Петрович**, д-р юрид. наук, доцент ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России», член Российской академии юридических наук
Радина Оксана Ивановна, д-р экон. наук, профессор филиала ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» в г. Новошахтинске

Редакционная коллегия: **Фомин Эдуард Валентинович**, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств Минкультуры Чувашии

А43 **Актуальные вопросы экономики, права и социологии** : материалы Всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. участ. (Чебоксары, 12 марта 2026 г.). – Чебоксары: Среда, 2026. – 406 с. – 1 CD-ROM. – Загл. с титул. экрана. – Текст : электронный.

ISBN 978-5-908083-72-0

В сборнике представлены научные публикации, посвященные вопросам развития экономической науки, права и социологии. В материалах сборника приведены результаты теоретических и прикладных изысканий представителей научного и образовательного сообщества в данной области. Предназначен для широкого круга читателей. Издание может быть полезно научным сотрудникам, преподавателям, студентам, аспирантам и всем, кто интересуется проблемами и перспективами социально-экономического развития и права России и зарубежья. Ответственность за приведенные в исследовании экономические данные несут авторы. Статьи представлены в авторской редакции.

Минимальные системные требования:
PC с процессором Intel 1,3 ГГц и выше ; 256 Мб (RAM) ; Microsoft Windows, MacOS ; дисковод CD-ROM ; Adobe Reader

УДК 08
ББК 94.3

© БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, 2026
© Издательский дом «Среда», 2026

ISBN 978-5-908083-72-0
DOI 10.31483/r-10852

ПРЕДИСЛОВИЕ

БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики представляет сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием **«Актуальные вопросы экономики, права и социологии»**.

В сборнике представлены научные публикации, посвященные вопросам развития экономической науки и права. В материалах сборника приведены результаты теоретических и прикладных изысканий представителей научного и образовательного сообщества в данной области. Предназначен для широкого круга читателей. Издание может быть полезно научным сотрудникам, преподавателям, студентам, аспирантам и всем, кто интересуется проблемами и перспективами социально-экономического развития и права России и зарубежья. По содержанию публикации разделены на основные направления:

1. Основные аспекты экономической теории, теории экономических процессов, экономической истории.
2. Менеджмент и маркетинг.
3. Финансы и кредит. Экономика предпринимательства.
4. Конституционное и муниципальное право.
5. Гражданское и семейное право.
6. Трудовое и предпринимательское право.
7. Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.
8. Гражданское и семейное право.
9. Актуальные вопросы юриспруденции.
10. Современные тенденции развития мирового сообщества.
11. Социально-экономическое развитие общества.

Авторский коллектив сборника представлен городами (Москва, Санкт-Петербург, Белгород, Владимир, Воронеж, Дзержинск, Екатеринбург, Иркутск, Казань, Калининград, Красногорск, Краснодар, Кстово, Магадан, Нижневартовск, Нижний Новгород, Ростов-на-Дону, Рязань, Самара, Саранск, Стерлитамак, Таганрог, Тула, Ульяновск, Чебоксары, Челябинск) России, Республики Беларусь (Минск, Новополоцк) и Республики Таджикистан (Душанбе).

Среди образовательных учреждений выделяются следующие группы: академические учреждения (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ), университеты и институты России (Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Воронежский государственный технический университет, Иркутский государственный университет путей сообщения, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ, Московский международный университет, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижневартовский государственный университет, Поволжский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, Российский государственный социальный университет, Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Российский университет кооперации, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Рязанский государственный радиотехнический университет имени В.Ф. Уткина, Самарский государственный экономический университет, Самарский юридический институт ФСИН России, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербургский университет МВД России, Северо-Восточный государственный

университет, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова, Ульяновский государственный университет, Уральский государственный экономический университет, Уфимский университет науки и технологий, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Чувашский государственный институт культуры и искусств, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова), Республики Беларусь (Белорусский государственный экономический университет, Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой) и Республики Таджикистан (Институт экономики и демографии Национальной академии наук Таджикистана).

Участники конференции представляют собой разные уровни образования и науки: доктора и кандидаты наук, профессора и доценты, преподаватели, научные сотрудники, аспиранты, соискатели, ассистенты, магистры и магистранты, студенты вузов.

Отрадно отметить, что участниками конференции являются представители разных направлений деятельности: как ученые, так и практические работники сферы правовой и экономической жизни нашего общества.

Редакционная коллегия выражает сердечную благодарность нашим глубокоуважаемым авторам за участие в подготовке и издании сборника материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием **«Актуальные вопросы экономики, права и социологии»**. Мы надеемся на наше дальнейшее сотрудничество и желаем всем успехов в научно-педагогической и исследовательской деятельности.

Главный редактор
канд. филол. наук, доцент,
заведующий кафедрой
БОУ ВО «Чувашский государственный
институт культуры и искусств»
Министерства культуры,
по делам национальностей и архивного дела
Чувашской Республики
Э.В. Фомин

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ, ТЕОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ, ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ.

Звонарева Д.А. Теоретические аспекты экономической безопасности предприятия.....11

Казакова Н.Е. Грузоперевозки сквозь призму права, логистики, экономики и технологии 13

Колесова А.В. Теоретические аспекты инвестиционной политики предприятия..... 16

Куликова И.Ю., Черемичкин А.В. Управление цифровой трансформацией регионов в условиях перехода к экономике данных 19

Леньшин М.И. Особенности и тенденции развития рынка индивидуального жилищного строительства в современных условиях..... 23

Развин И.Д. Инструменты оптимизации бизнес-процессов на предприятиях индивидуального жилищного строительства (ИЖС) 27

Торопов В.А., Никишкин А.В. Бизнес-проекты в спортивной индустрии на современном этапе развития России..... 32

Угурчиева А.М. Особенности организации товароснабжения магазинов спортивного питания 36

Юсупова М.А. Свободные экономические зоны как механизм развития предпринимательства в Республике Таджикистан..... 39

Янчу К.К. Государственное управление в военной сфере России: альтернативные ветви развития в условиях новых глобальных вызовов 42

МЕНЕДЖМЕНТ И МАРКЕТИНГ

Бабкевич Е.Р. Формирование стратегии развития предприятия в современных условиях..... 46

Беркович О.Е., Матрёшина Е.Б., Тхоренко Т.Д. Психологические аспекты командного взаимодействия в управлении проектной деятельностью 49

Захарова Н.В. SMM как технология формирования внешнего имиджа университета (на примере сообщества «ВКонтакте» Нижневартовского государственного университета) 53

Конечная П.И., Авакова Э.Б. Инфлюенсеры как агенты влияния на аудиторию бренда в цифровой среде..... 59

Орлов М.С. Событийный маркетинг как инструмент конкурентного позиционирования на рынке лизинга 62

Орлов М.С. Формирование стратегии и тактики конкурентного поведения на рынке лизинга методами маркетинга (на примере ООО «Альфамобиль»)..... 65

Патрахина Т.Н., Килигой А.Л., Порошин А.С. Управление информационными потоками организации с учетом стратегического развития..... 68

Патрахина Т.Н., Круглова А.И. Инструменты стратегического управления рисками в деятельности хозяйствующих субъектов..... 70

Сакунова А.С., Авакова Э.Б. Событийные коммуникации как инструмент PR-продвижения организации сферы общественного питания..... 73

Тамонова А.Е. Омниканальный маркетинг в продвижении мероприятий..... 76

Черномаз С.А. Взаимосвязь экономических и правовых факторов в управлении эффективностью государственных учреждений на примере спортивных объектов..... 79

Ялкуйе Моктар Взаимосвязь менеджмента и маркетинга в современных экономических условиях 82

ФИНАНСЫ И КРЕДИТ. ЭКОНОМИКА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Балагуров А.М. Современное состояние и тенденции развития внутреннего туризма 85

Блинова Е.А., Иргалиев А.К. Трансформация правового положения органов муниципального контроля 88

Васильева А.М., Сеюков Б.Р. Экономические последствия повышения утильсбора для российского автомобильного рынка 91

Давлетова А.К., Нусрутдинов И.И. Сущность, оценка и пути оптимизации дебиторской и кредиторской задолженности предприятия 93

Клементьева А.Е. Организация поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) на муниципальном уровне на примере г. Салехарда ЯНАО 96

Новикова М.Н. Оценка эффективности денежно-кредитной политики банка России в обеспечении финансовой стабильности в условиях санкционных ограничений 102

Новикова М.Н. Роль коммуникационной политики Банка России в управлении инфляционными ожиданиями как элемент экономической безопасности 104

Стоян А.А. Источники альтернативного финансирования строительных проектов 106

Сукиева А.М.-Г., Пенчук А.Ю., Богославцева Л.В. Особенности развития малого бизнеса Ростовской области на современном этапе 109

Шуляк П.В. Финансовые инновации и их роль в современной экономике 112

Яковлева Н.В. Отраслевая специфика экономической безопасности теплоэлектроэнергетических компаний 113

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Дедов С.В. От переходного акта к постоянной Конституции: сравнительно-правовой анализ эволюции государственного строя Непала (2007–2015 гг.) 117

Ефремова С.В. Конституционно-правовые пределы использования искусственного интеллекта в судебной власти 120

Кулаева Е.А. Идеология в тексте конституции: модели правового статуса личности в современном мире 123

Кулаева Е.А. Конституционное понятие «ограничение прав и свобод человека и гражданина»: генезис, сущность и роль в российском пра 125

Кулаева Е.А. Судебный конституционный контроль как механизм защиты Конституции: сущность, границы и взаимосвязь с надзором 127

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Антонов Б.А. Защита авторских прав на персонажей: вопросы квалификации и правоприменения 130

Богоненко В.А. О систематизации норм энергетического законодательства (на примере правового опыта Республики Беларусь и Российской Федерации) 132

Николаева М.И. Проблема оспаривания завещаний в современном российском наследственном праве 135

Серебрякова К.Д. Брачный договор как инструмент защиты имущественных прав 138

Харитонов С.А., Суетин И.Н. Привлечение контролирующего лица к субсидиарной ответственности: пробелы в правовом регулировании 140

ТРУДОВОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Валов В.Д. Экономические гарантии и льготы как элемент социального обеспечения 143

Зейдер Е.Б. Совместное банкротство супругов: коллизии законодательного регулирования и перспективы систематизации 147

Казанцев Р.С. Механизм правового тарифного регулирования 149

Лавриненко А.А. Подходы к начислению стимулирующих выплат и премий: анализ поправок в Трудовой кодекс РФ и позиция Конституционного Суда 151

Писарева А.А. К вопросу о понятии злоупотребления правом в корпоративных правоотношениях 154

Фирсова Н.Г. Цифровые журналы инструктажей с 2027 года: как подготовиться к революции в охране труда уже сегодня 157

Чапкина Н.А., Кочетова В.С. Экономико-правовые аспекты регулирования трудовых отношений и социальной защиты населения на Севере 160

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Андрющенко М.А. Оценка эффективности конфискации имущества, полученного преступным путем, как инструмента обеспечения экономической безопасности 165

Галимова Л.М. Цифровизация как инструмент антикоррупционной политики в Республике Татарстан 167

Некрасов А.П. Виды мер профилактики за уклонения от отбывания наказания в виде лишения свободы в пенитенциарной системе 169

Нигмадзянова Л.Д. Трансформация структуры коррупционной преступности в России (2021–2024 гг.): количественный и качественный анализ на основе судебной статистики 173

Соловьева А.В., Хорольский Г.В. Воспринимаемый возраст в делах об изнасиловании: юридический анализ по статье 131 УК РФ 175

Хачатрян А.Е., Кочнев А.А., Миллер А.В. Влияние современных технологий на процесс расследования преступлений: правовые нормы, тактические приёмы и этические дилеммы 178

ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

Крашенинникова К.В. Документарное производство в делах о несостоятельности (банкротстве): итоги и возможности развития 181

Кузьмина Д.О. Актуальные проблемы медиации как способа урегулирования споров в современной России 183

Петрова П.А. Проблемы и практика применения положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об отнесении судебных расходов на лицо, злоупотребляющее правом 186

Утеев А.К. Проблемы применения электронных доказательств в гражданском судопроизводстве 189

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

Грязнов С.А. Тенденции и вызовы цифровой криминалистики 192

Ивенский А.И. О возможностях применения особого порядка принятия судебного решения по делам о преступлениях, совершенных группой лиц 194

Ивенский А.И. О соотношении особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением и стимуляции позитивного посткриминального поведения 197

Ивенский А.И. Об исторических предпосылках упрощенного судопроизводства в отечественном уголовном процессе 200

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Азрапкина В.В. Вопросы правового режима имущества супругов по брачному договору..... 203

Алексеева К.А. Развитие законодательства о персональных данных в свете технологических инноваций: вызовы и перспективы 207

Андреева Е.Г. Задачи и функции государственной инспекции труда 210

Андрющенко М.А. Совершенствование кадровой политики правоохранительных органов как условие повышения эффективности борьбы с экономической преступностью 213

Анисимов А.А. Актуальность исследования злоупотребления правом в процедуре несостоятельности (банкротства) 216

Блинова Е.А., Пономарев М.С. Особенности закупок, осуществляемых государственными корпорациями и государственными компаниями 219

Бондаренко С.В. Правовые основы управления формированием правовой культуры несовершеннолетних..... 222

Даминов Р.И. Правовые пределы компенсации за нарушение авторских прав: обеспечение баланса интересов в судебной практике..... 227

Данилевская Е.М. Цифровые технологии в регистрации прав на недвижимость: опыт зарубежных стран и перспективы применения в России..... 229

Заугольников В.М. Особенности регулирования суррогатного материнства в условиях современной России..... 233

Иванова О.В. Особенности правового регулирования института наследования по завещанию в Российской Федерации 237

Казаков С.Б. Правовые проблемы и перспективы развития малого и среднего предпринимательства в системе государственного регулирования 241

Кем Н.А. Актуальные проблемы правового регулирования вещных прав на недвижимость .. 244

Кириллин А.А. Особенности поступления на государственную службу в Российской Федерации..... 248

Клавдиева М.Р. Генезис и современное развитие правового регулирования импортозамещения в системе государственных и муниципальных закупок: практика применения, эффективность национального режима и антикоррупционные механизмы 252

Колбасова К.А. Правовые последствия генетического родства при использовании донорских половых клеток: вопросы отцовства, материнства и наследования 256

Кузьмина У.М. Право собственности на жилое помещение в Российской Федерации 260

Кулаева Е.А. Цифровизация и право на неприкосновенность частной жизни: правовые вызовы и перспективы защиты в условиях развития технологий 263

Матвеева К.В. Роль брачного договора в рамках недействительности брака, последствия, риски и возможности сохранения имущественных прав..... 265

Морозов Д.Р. Лицензирование и разрешительный порядок осуществления предпринимательской деятельности в РФ 269

Мухортикова П.С. Особенности доказывания по делам об усыновлении детей иностранными гражданами 272

Панфилова Л.С. Актуальные проблемы применения брачного договора в РФ 274

Перелыгина А.Д. Ограничение принципа свободы договора в Российской Федерации: система, проблема и пути совершенствования 278

Пугоев А.Р. Гражданско-правовая ответственность коммерческих организаций за нарушение договорных обязательств..... 281

Сайфуллин А.И. Особенности производства по делам об административных правонарушениях в арбитражных судах и перспективы его развития 284

Сибирина Д.С. Особенности защиты исключительных прав на фотографические произведения в сети интернет 287

Фалинская Л.Е. Налоговое регулирование предпринимательской деятельности: проблемы и пути совершенствования 291

Фаткуллин О.Р. Неустойка как способ обеспечения исполнения обязательств в хозяйственном обороте 294

Филатова Д.В. Защита личных неимущественных прав ребенка по российскому законодательству 297

Филиппова В.О. Соглашение об уплате алиментов как институт семейного права Российской Федерации 300

Чупрова Е.Д. Правовое понятие «источник повышенной опасности» 304

Эйфир М.М. Исследование правового регулирования использования искусственного интеллекта в сфере психологической помощи 308

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА

Мальцева П.Н. Особенности разработки бизнес-планов по продвижению регионального туристского продукта (на примере Магаданской области) 312

Рахматов А.А. Аспекты социальной модернизации российского социума 315

Стренюк Е.А. Современные формы терроризма и их влияние на экономическую безопасность России 317

Стренюк Е.А. Терроризм как угроза устойчивому социально-экономическому развитию государства 319

Шемет В.С. Международное военное сотрудничество как фактор укрепления обороноспособности Белорусского государства 322

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА

Горшкова М.В. Планирование и прогнозирование обеспеченности жильем населения Рязанской области 325

Давлетова А.К. Моделирование влияния неравенства на экономический рост через призму социальной мобильности и инвестиций в человеческий капитал: подход на основе перекрывающихся поколений 327

Исаева О.О. Анализ состояния рынка страховых услуг в Республике Мордовии 330

Калмыков Н.Н. Цифровые «тайм-киллеры» как фактор социально-экономической эффективности и медиабезопасности: когнитивные риски в условиях глобализации 333

Кротова В.В. Культура пищевого поведения молодежи: проектирование механизмов как основа самосохранительных стратегий 339

Кутало М.Б., Новикова Т.А. Проектирование, строительство и эксплуатация дорог 342

Лапшина И.В. Экологически чистый водород в глобальном переходе к безуглеродной экономике 346

Литвяк Л.Г. К вопросу об истории возникновения национальных проектов в России и основных этапах их развития 350

Лунева П.А. Влияние экономического пространства на предпринимательскую активность малых и средних предприятий в Российской Федерации 354

Махинов Д.С. Особенности деятельности Российского союза молодёжи в реализации молодёжной политики на территории Магаданской области ... 360

Морозов Л.О. Цифровое неравенство городского и сельского населения: доступ, навыки и практики использования интернета ... 362

Набиуллина Г.Р., Павлова И.И. Доступность стоматологических услуг в разных социальных группах: барьеры и решения ... 367

Рассадина Я.А. Роль образования в социально-экономическом развитии регионов России ... 370

Рудниченко Т.Д. Развитие физической культуры и спорта как основа формирования здорового образа жизни молодежи в Магаданской области ... 372

Суетин И.Н., Кошечкин Д.Д. Социальное обслуживание граждан пожилого возраста в Российской Федерации в условиях цифровизации: проблемы интеграции ... 374

Фан-Юнг Г.Ю. Значимые попытки создания содового производства в России в 1860–1870-х гг. ... 377

Финогеева Н.Н., Фомин Э.В. Организация культурно-досуговой деятельности людей с ограниченными возможностями здоровья ... 380

Фомин Э.В., Резниченко А.А. Технологии организации досуга подростков в условиях сельского учреждения культуры: опыт и перспективы ... 387

Черкасова Р.Д. Влияние инфляции на рождаемость в разных регионах России ... 400

Чугреева В.А. Брачность и разводимость в России: анализ тенденций, прогноз на 2025–2030 гг. и стратегии укрепления семьи ... 403

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ, ТЕОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ, ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Звонарева Дарья Александровна
студентка
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ

Аннотация: *в статье рассмотрены теоретические аспекты экономической безопасности предприятия как ключевого элемента устойчивого функционирования хозяйствующего субъекта. Раскрыта сущность категории «экономическая безопасность предприятия», охарактеризованы факторы внутренней и внешней среды, влияющие на уровень защищенности организации. Проанализирована система показателей, применяемая для оценки экономической безопасности, а также рассмотрены основные методики оценки и подходы к управлению рисками. Показано, что обеспечение экономической безопасности требует комплексного подхода и постоянного анализа изменяющихся условий деятельности предприятия.*

Ключевые слова: *экономическая безопасность предприятия, теоретические аспекты, система показателей, методы оценки, управление рисками, внутренняя среда, внешняя среда.*

Экономическая безопасность предприятия в современных условиях приобретает особую значимость. Развитие рыночных отношений, нестабильность экономической ситуации, усиление конкуренции и технологические изменения формируют новые вызовы для хозяйствующих субъектов. В этих условиях устойчивость предприятия напрямую зависит от способности своевременно выявлять угрозы и эффективно реагировать на них. Экономическая безопасность становится не просто теоретической категорией, а практической основой стабильной деятельности.

Экономическая безопасность предприятия – это такая характеристика состояния предприятия, при котором оно способно достигнуть своих целей и результатов при ограниченных изменениях внешней и внутренней среды [3].

Данная категория отражает уровень устойчивости, финансовой независимости и способности к развитию. Экономическая безопасность тесно связана с финансовой устойчивостью, платежеспособностью и эффективностью управления ресурсами.

Теоретические аспекты экономической безопасности базируются на системном подходе. Предприятие рассматривается как открытая социально-экономическая система, функционирующая во взаимодействии с окружающей средой. Внешняя среда формирует условия деятельности, включающие государственное регулирование, налоговую политику, состояние финансовых рынков, уровень конкуренции и потребительский спрос. Внутренняя среда определяется структурой управления, кадровым потенциалом, финансовой дисциплиной и уровнем организации производственных процессов.

С целью более четкого представления факторов, влияющих на экономическую безопасность, представлена следующая таблица.

Таблица 1

Факторы внутренней и внешней среды, влияющие на экономическую безопасность предприятия

Группа факторов	Конкретные проявления	Возможные последствия
Внешняя среда	Изменение законодательства	Рост издержек
	Колебания валютного курса	Финансовые потери
	Снижение спроса	Сокращение прибыли
	Усиление конкуренции	Потеря рыночных позиций
	Ошибки управления	Снижение эффективности
Внутренняя среда	Высокая долговая нагрузка	Потеря финансовой устойчивости
	Низкая квалификация персонала	Снижение производительности
	Недостаточный контроль	Рост внутренних рисков

Анализ факторов показывает, что экономическая безопасность формируется под воздействием совокупности взаимосвязанных условий. При этом значительная часть внутренних угроз может быть минимизирована за счет совершенствования системы управления и контроля.

Одним из ключевых элементов теории является система показателей экономической безопасности. Она позволяет количественно оценить текущее состояние предприятия и определить уровень его устойчивости. Наиболее распространенными являются финансовые показатели, однако для комплексной оценки необходимо учитывать и нефинансовые параметры.

Таблица 2

Система показателей экономической безопасности предприятия

Группа показателей	Примеры показателей	Экономическое значение
Финансовые	Коэффициент текущей ликвидности	Оценка платежеспособности
	Рентабельность продаж	Эффективность деятельности
	Коэффициент автономии	Финансовая независимость
Производственные	Оборачиваемость запасов	Рациональность использования ресурсов
Кадровые	Текучесть персонала	Стабильность трудового коллектива
Инновационные	Доля новых продуктов	Перспективы развития

Использование системы показателей позволяет выявить проблемные зоны и определить направления повышения устойчивости предприятия. Комплексный анализ финансовых и нефинансовых показателей дает более объективную оценку уровня экономической безопасности.

Методы оценки экономической безопасности различаются по степени сложности и глубине анализа. На практике применяются коэффициентный анализ, сравнительный метод, экспертная оценка и интегральный подход.

Коэффициентный анализ основан на расчете и сопоставлении финансовых показателей с нормативными значениями. Сравнительный метод предполагает анализ динамики показателей во времени или сопоставление с отраслевыми данными. Экспертная оценка позволяет учитывать качественные факторы, которые трудно выразить количественно. Интегральный подход объединяет несколько показателей в единый сводный индекс, что облегчает интерпретацию результатов.

Особое внимание в теории экономической безопасности уделяется управлению рисками. Риск рассматривается как вероятность наступления неблагоприятных событий, способных повлиять на финансовое состояние предприятия. Было отмечено, что риски могут иметь как внешний, так и внутренний характер. К внешним относятся изменения рыночной конъюнктуры, экономические кризисы, изменения законодательства. К внутренним – ошибки управления, недостаточный контроль, неэффективная структура затрат.

Процесс управления рисками включает несколько этапов: выявление угроз, их оценку, разработку мер по снижению негативного воздействия и контроль за реализацией принятых

решений. Среди инструментов управления рисками выделяются диверсификация деятельности, страхование, формирование резервных фондов, совершенствование внутреннего контроля и повышение квалификации персонала. Это позволяет снизить вероятность критических потерь и обеспечить более устойчивое функционирование предприятия.

Следует подчеркнуть, что экономическая безопасность не является разовым мероприятием. Она формируется в процессе постоянного анализа и корректировки управленческих решений. Изменения во внешней среде требуют гибкости и способности к быстрой адаптации. Внутренние процессы также нуждаются в регулярной оценке и совершенствовании. Вследствие этого создается система, способная противостоять угрозам и обеспечивать стабильное развитие.

В итоге экономическая безопасность предприятия представляет собой комплексную категорию, объединяющую анализ внутренней и внешней среды, использование системы показателей и применение различных методик оценки. Ее обеспечение становится важным направлением управления, поскольку от уровня защищенности зависит устойчивость и конкурентоспособность предприятия в долгосрочной перспективе.

Список литературы

1. Балакова А.И. Современные подходы к обеспечению экономической безопасности предприятия / А.И. Балакова // Вестник науки. – 2022. – №5 (50). – С. 47–55. EDN AAGRML

2. Маилян С.С. К вопросу о критериях оценки экономической безопасности предприятий / С.С. Маилян // Вестник экономической безопасности. – 2020. – №5. – С. 216–218. DOI 10.24411/2414-3995-2020-10325. EDN BGBQVZ

3. Экономическая безопасность предприятия: монография / А.К. Моденов, Е.И. Белякова, М.П. Власов, Т.А. Лелявина; СПбГАСУ. – СПб.: СПбГАСУ, 2019. – 550 с. EDN MORRVH

4. Нуретдинова Ю.В. Индикаторный метод оценки уровня финансовой безопасности / Ю.В. Нуретдинова // Столыпинский вестник. – 2020. – №3. – С. 87–92.

5. Соколов А.П. Научные подходы к обеспечению экономической безопасности предприятия / А.П. Соколов // Экономические исследования. – 2024. – С. 99–105.

6. Шлыков В.В. Комплексное обеспечение экономической безопасности предприятия / В.В. Шлыков. – М.: Алетея; Санкт-Петербургский университет МВД России; Рязанский институт права и экономики МВД России, 2021. – 144 с.

Казакова Настасья Евгеньевна
студентка
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
технологический институт (технический университет)»
г. Санкт-Петербург

ГРУЗОПЕРЕВОЗКИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРАВА, ЛОГИСТИКИ, ЭКОНОМИКИ И ТЕХНОЛОГИИ

Аннотация: *в статье представлен комплексный анализ понятия «грузовые перевозки» с позиций правового, логистического, экономического и технологического подходов. Систематизированы существующие трактовки термина, выявлены их различия и взаимодополняемость.*

Новизна исследования заключается в обосновании интегративного определения грузоперевозок как комплексной деятельности по перемещению грузов, объединяющей нормативные, процессные, экономические и операционные аспекты. Впервые предложен социально-экологический подход, учитывающий влияние грузоперевозок на окружающую среду и ESG-принципы.

Практическая значимость работы связана с возможностью использования результатов для унификации терминологии, совершенствования правового регулирования, оптимизации логистических процессов и разработки методик оценки эффективности с учётом факторов устойчивого развития.

Ключевые слова: *грузовые перевозки, правовое регулирование, транспортная логистика, экономический аспект грузоперевозок, технологический процесс транспортировки, нормативно-правовое регулирование, эффективность грузоперевозок.*

Понятие «грузовые перевозки» обладает значительной многозначностью и трактуется по-разному в зависимости от контекста и области применения. Цель данной статьи – провести комплексный анализ существующих подходов к определению данного термина, выявить их специфику, взаимосвязи и прикладную ценность, а также сформулировать авторскую позицию, дополняющую существующие концепции. Актуальность исследования обусловлена необходимостью унификации терминологии в сфере грузоперевозок, что позволит повысить эффективность взаимодействия между участниками рынка, оптимизировать нормативно-правовое регулирование и улучшить качество логистических услуг.

В правовом поле понятие «грузоперевозки» закреплено в Федеральном законе №520-ФЗ от 29 декабря 2025 года «О допуске к осуществлению перевозок грузов автомобильным транспортом по территории Российской Федерации». Согласно закону, грузоперевозки определяются как «услуги по перевозке грузов автотранспортными средствами по территории Российской Федерации на основании договора перевозки груза либо иного договора, предусматривающего обязанность доставки груза в пункт назначения за плату с использованием автотранспортного средства» [1]. Закон регулирует отношения, связанные с допуском к предоставлению таких услуг, и направлен на защиту интересов заказчиков, повышение качества перевозок и обеспечение безопасности.

В транспортной логистике под грузоперевозками понимается процесс перемещения грузов от одного места к другому с использованием различных видов транспорта. Логистика охватывает не только транспортировку, но и сопутствующие операции: планирование маршрутов, выбор транспорта, упаковку и маркировку, таможенное оформление, страхование грузов, контроль за состоянием груза в пути. Цель транспортной логистики – обеспечить доставку грузов в нужное время, в сохранности и с минимальными затратами [7].

С экономической точки зрения продукция транспорта, включая грузоперевозки, – это перемещение грузов во времени и пространстве без изменения их физических и химических свойств. Транспорт выступает необходимым ресурсом для внутренних и внешних перевозок. Ключевые экономические характеристики включают дополнительные трудовые затраты на перемещение, удорожание стоимости продукции на величину издержек транспортировки, а также влияние на ценообразование и конкурентоспособность товаров [8].

В учебных пособиях грузовые перевозки рассматриваются как основной элемент транспортного процесса, включающий работу подвижного состава с момента подачи под погрузку до постановки под разгрузку. Транспортный процесс условно состоит из трёх подпроцессов: погрузки, перевозки и разгрузки, при этом перевозка грузов является ключевым элементом, а остальные ему подчинены [9].

Для наглядности различия в трактовках представлены в сравнительной таблице, где сопоставлены четыре ключевых подхода к определению грузоперевозок с выделением их целей, фокуса и ключевых элементов. Это позволяет увидеть целостную картину и избежать односторонней трактовки термина.

Анализ показывает, что подходы не противоречат друг другу, а формируют единую систему: право создаёт нормативную базу, логистика выстраивает процесс, экономика измеряет эффект, технология реализует перевозку. При этом подходы не статичны: изменения в законодательстве влияют на логистику, экономические факторы диктуют технологические решения, а технологические инновации требуют правового регулирования.

Таблица 1

Сравнение подходов

Аспект	Правовое определение	Логистический подход	Экономический аспект	Технологический подход
Фокус	Регулирование отношений и требований к перевозчикам	Организация и оптимизация доставки	Стоимость и влияние на экономику	Технологический процесс перемещения груза
Ключевые элементы	Договор, плата, автотранспортное средство	Маршрут, выбор транспорта, контроль груза	Затраты, изменение потребительской стоимости	Погрузка, транспортировка, разгрузка
Цель	Защита интересов сторон, безопасность	Эффективная доставка с минимальными затратами	Удовлетворение потребностей в перевозках	Обеспечение доставки груза в пункт назначения

На основе проведённого анализа можно сформулировать интегративное определение понятия «грузовые перевозки»: грузоперевозки – это комплексная деятельность по перемещению грузов во времени и пространстве, осуществляемая на основе договорных отношений с использованием транспортных средств и технологий, направленная на обеспечение эффективной и безопасной доставки с учётом экономических издержек и оптимизацию логистических процессов. Такое определение объединяет все рассмотренные подходы, подчёркивает системность и взаимосвязь элементов, учитывает как нормативную базу, так и практическую реализацию, а также акцентирует внимание на конечной цели – эффективной доставке.

Кроме того, автор предлагает дополнить существующую классификацию социально-экологическим подходом, который учитывает влияние грузоперевозок на окружающую среду (выбросы, шум, нагрузка на инфраструктуру), социальную ответственность бизнеса (безопасность труда водителей, условия работы персонала) и внедрение «зелёных» технологий (электротранспорт, оптимизация маршрутов для снижения выбросов). Этот подход особенно актуален в контексте глобальных трендов устойчивого развития и ESG-принципов.

Проведённый анализ показал, что понятие «грузовые перевозки» многогранно и требует комплексного подхода к его изучению. Различные трактовки не противоречат, а дополняют друг друга, формируя целостную систему взглядов на данный феномен. Предложенное интегративное определение и дополнение в виде социально-экологического подхода позволяют углубить теоретическое понимание термина, улучшить прикладную применимость в практике управления грузоперевозками и учесть современные вызовы устойчивого развития. Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку методик оценки эффективности грузоперевозок с учётом всех выделенных аспектов, а также на создание моделей оптимизации логистических процессов с учётом ESG-факторов.

Список литературы

1. Федеральный закон от 29.12.2025 №520-ФЗ «О допуске к осуществлению перевозок грузов автомобильным транспортом по территории Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

2. Постановление Правительства РФ от 21.12.2020 №2200 «Об утверждении Правил перевозок грузов автомобильным транспортом и о внесении изменений в пункт 2.1.1 Правил дорожного движения Российской Федерации».

3. Логистика и управление цепями поставок на транспорте: учебник для вузов / под ред. Е.И. Павловой. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2026. – 414 с. – ISBN 978-5-534-21976-0.

4. Коваленко Б.Б. Процессное управление в логистике и цепях поставок: монография / Б.Б. Коваленко. – СПб.: Изд-во Университета при МПА ЕврАзЭС, 2025. – 142 с. EDN HBTTAA

5. Есин М.С. Современные проблемы управления логистикой: оптимизация ресурсов при транспортировке грузов / М.С. Есин, А.А. Корепанова, А.А. Сабреков // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. – 2023.
6. Щербаков В.В. Управление трансформационными изменениями в обеспечении динамики цифровой зрелости логистики / В.В. Щербаков, Г.Ю. Силкина, С.Ю. Шевченко // n-Economy. – 2024. – Т. 17. №5. – С. 132–145. DOI 10.18721/JE.17508. EDN AIHOPA
7. Мартакуш Б.М. Значение в экономике грузовых перевозок / Б.М. Мартакуш // Автономия личности. – 2020. – №2 (22).
8. Телепова И.Е. Экономические аспекты развития транспортной отрасли в России / И.Е. Телепова // Молодой учёный. – 2023. – №47 (494). – С. 125–126. EDN RTDEFY
9. Логистика и управление цепями поставок на транспорте: учебник для вузов / под ред. Е.И. Павловой. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2026. – 414 с. – ISBN 978-5-534-21976-0.

Колесова Александра Владимировна
студентка
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ПРЕДПРИЯТИЯ

Аннотация: *в статье изучены основные теоретические аспекты инвестиционной политики и ее роль в управлении предприятием. Выявлено, что инвестиционная политика является важнейшим элементом общей финансовой стратегии и тесно связана с экономической безопасностью предприятия.*

Ключевые слова: *инвестиционная политика предприятия, субъекты инвестиционной политики предприятия, экономическая безопасность предприятия, финансовая устойчивость, инвестиционная деятельность.*

В настоящее время отечественная экономика находится в постоянно меняющихся условиях функционирования, поэтому деятельность предприятий осуществляется в условиях повышенной неопределенности. Под влиянием таких факторов, как колебания рыночной конъюнктуры, усиление конкурентного давления, трансформация финансовых рынков, санкционное давление и технологические изменения, формируются новые угрозы, препятствующие устойчивом развитию хозяйствующих субъектов. Следовательно, возрастает необходимость обеспечения экономической безопасности предприятия как состояния защищенности его ресурсов и стратегических интересов.

Одним из важнейших факторов эффективной деятельности предприятия является успешная реализация инвестиционной политики. Именно через инвестиционные решения формируется производственный потенциал, обеспечивается финансовая устойчивость и создаются условия для долгосрочного развития компании, что позволяет рассматривать инвестиционную политику не только как инструмент роста, но и как элемент системы защиты предприятия от внутренних и внешних угроз.

Инвестиционная политика предприятия определяется как совокупность целей, принципов и управленческих решений, направленных на формирование, распределение и реализацию наиболее эффективных форм вложений капитала, с целью расширения экономического потенциала предприятия. Инвестиционная политика должна быть ориентирована не только на получение дохода, но и на сохранение устойчивости предприятия.

Основными целями инвестиционной политики являются:

1) эффективное распределение инвестиционных ресурсов между проектами;
2) создание оптимальной структуры инвестиционного портфеля;
3) снижение уровня инвестиционных и финансовых рисков;
4) формирование базы для инновационного развития;

5) достижение планируемых результатов внедрения и показателей эффективности по инвестиционным проектам.

Для достижения целей инвестиционной политики выделяют следующие этапы ее формирования и реализации.

1. Аналитико-диагностический этап. На этом этапе выполняются следующие задачи:

1) анализ внешней инвестиционной среды (макроэкономические условия, состояние финансового рынка, уровень конкуренции и т.д.);

2) оценка внутреннего потенциала предприятия (финансовое состояние, структура капитала, производственные мощности, кадровый и научно-технический потенциал);

3) выявление инвестиционных потребностей и ограничений.

Результатом этапа становится формирование информационной базы и выявление стратегических проблем предприятия, требующих инвестиций.

2. Определение целей и формирование принципов инвестиционной политики предприятия. На втором этапе определяются:

1) стратегические и тактические цели инвестирования;

2) приоритетные направления инвестирования;

3) принципы инвестиционной политики (приоритет финансовой устойчивости, обеспеченность инвестиций ресурсами, сбалансированность доходности и риска, поддержание инвестиционной и инновационной активности; учет требований экономической безопасности).

3. Разработка и отбор инвестиционных проектов. На данном этапе формируется подборка возможных проектов и проводится их многофакторная оценка по следующим показателям:

– финансовая эффективность (NPV, IRR, PI, срок окупаемости);

– коммерческая привлекательность (рыночный потенциал, доля рынка, конкурентные преимущества);

– технологические и инновационные характеристики;

– влияние на экономическую безопасность и устойчивость предприятия.

4. Формирование системы финансирования. На этом этапе определяются источники финансирования инвестиционного проекта:

– внутренние (прибыль, амортизационные отчисления, высвобождение оборотного капитала);

– внешние (банковские кредиты, облигационные займы, акционерный капитал, лизинг, венчурное финансирование, государственная поддержка).

Необходимо нахождение соотношения собственных и заемных средств, которое обеспечивает максимизацию стоимости активов предприятия при допустимом уровне финансовых рисков.

5. Контроль за реализацией инвестиционного проекта. Заключительный этап включает:

1) поэтапную реализацию инвестиционных проектов;

2) организацию системы мониторинга сроков, бюджетов и результатов;

3) корректировку планов при изменении внешних и внутренних условий;

4) оценку фактической эффективности и анализ отклонений.

Для формирования и реализации инвестиционной политики предприятия необходимо привлечение, как внутренних, так и внешних субъектов.

Таблица 1

Субъекты инвестиционной политики предприятия

Классификация	Субъекты	Задачи субъектов
Внутренние субъекты	Собственники и акционеры	определяют стратегические приоритеты, уровень допустимого риска, дивидендную и реинвестиционную политику
	Совет директоров	отвечает за разработку и практическую реализацию инвестиционной стратегии, координацию функциональных подразделений
	Высшее руководство (генеральный директор, топ-менеджмент)	отвечает за разработку и практическую реализацию инвестиционной стратегии, координацию функциональных подразделений
	Финансовая служба	проводит финансовый анализ, планирование, управление источниками финансирования, оценку эффективности проектов
	Инвестиционные и инновационные отделы	формируют портфель проектов, осуществляют технико-экономическое обоснование, мониторинг реализации
	Отделы риск-менеджмента и экономической безопасности	оценивают инвестиционные риски, угрозы безопасности, разрабатывают защитные меры
Внешние субъекты	Банки и финансовые институты	предоставляют кредитные ресурсы, инвестиционные услуги, участвуют в структурировании сделок
	Институциональные инвесторы (фонды, страховые компании)	могут выступать акционерами, кредиторами или партнерами в проектах
	Государственные органы	формируют нормативную, налоговую и регуляторную среду, предоставляют субсидии и гарантии, участвуют в государственно-частных партнерствах.
	Поставщики и стратегические партнеры	внедрение совместных инвестиционных и инновационных проектов.
	Консалтинговые и аудиторские компании	предоставление экспертизы, независимой оценки и сопровождения сделок.

Уровень эффективности взаимодействия перечисленных субъектов оказывает влияние на успешное формирование и реализацию инвестиционной политики предприятия, степень ее гибкости и устойчивость к внешним вызовам.

Инвестиционная политика является одним из ключевых инструментов обеспечения экономической безопасности предприятия. Ее роль проявляется в следующих аспектах:

– диверсификация инвестиционного портфеля снижает зависимость от отдельных рынков, контрагентов и видов деятельности;

– модернизация и технологическое обновление уменьшают технологические риски и уязвимость перед конкурентами;

– укрепление ресурсной базы (основные средства, нематериальные активы, научно-технический потенциал) повышает способность противостоять внешним шокам;

– развитие собственных источников финансирования снижает риск потери контроля и финансовой зависимости.

Таким образом, обобщая все вышесказанное, можно подвести итог, что теоретические аспекты инвестиционной политики предприятия формируют методологическую основу для стратегического управления и развития бизнеса. Оптимальная инвестиционная политика на предприятии должна сочетать стремление к росту доходности с требованиями стабильности и безопасности, формируя устойчивую модель развития.

Список литературы

1. Бланк И.А. Инвестиционный менеджмент / И.А. Бланк. – URL: https://www.phantastike.com/management/investitcionnii_menedzhment/djvu/view/ (дата обращения: 10.01.2026).
2. Власова Ю.А. Теоретические аспекты инвестиционной политики компании / Ю.А. Власова, Ж.И.Герзелиева // Управленческий учет. – М.: ФГБОУ ВО Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова.
3. Лю Юэ. Инвестиционная политика организации: сущность и этапы / Юэ Лю. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/investitsionnaya-politika-organizatsii-suschnost-i-etapy (дата обращения: 14.01.2026).
4. Мельничук Д.В. Роль инвестиционной привлекательности в системе обеспечения экономической безопасности предприятия / Д.В. Мельничук, В.А. Ваганова. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-investitsionnoy-privlekatelnosti-v-sisteme-obespecheniya-ekonomicheskoy-bezopasnosti-predpriyatiy (дата обращения: 12.01.2026).
5. Экономическая безопасность предприятия / А.К. Моденов, Е.И. Белякова, М.П. Власов, Т.А. Лелявина; СПбГАСУ. – СПб., 2019. – 550 с. EDN MORRVH
6. Шаповал Е.В. Исследование методик анализа финансового состояния организаций / Е.В. Шаповал, К.М. Якиманская. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-metodik-analiza-finansovogo-sostoyaniya-organizatsiy (дата обращения: 14.01.2026).

Куликова Ирина Юрьевна
канд. экон. наук, доцент
Черемичкин Александр Владимирович
студент
ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых»
г. Владимир, Владимирская область

УПРАВЛЕНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИЕЙ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ЭКОНОМИКЕ ДАННЫХ

Аннотация: *статья посвящена проблематике цифровой трансформации региональных социально-экономических систем в условиях перехода к экономике данных. Рассматривается качественное изменение роли информации, превращающейся в основной стратегический ресурс развития. Анализируется воздействие новых технологий на управленческие процессы, организационные структуры и способы генерации общественных благ в регионах. Особое внимание в работе уделяется вызовам и возможностям, возникающим на мезоуровне в условиях пространственной асимметрии и необходимости укрепления технологической независимости.*

Ключевые слова: *регион, трансформация, экономика данных, цифровое развитие, управление.*

Современный этап эволюции глобального технологического развития ознаменован формированием нового хозяйственного уклада, в котором информация и данные обретают статус фундаментального ресурса, сопоставимого по значимости с трудом, капиталом и природными факторами. Возникновение экономики данных представляет собой не очередную фазу развития информационного общества, а коренной сдвиг парадигмы хозяйствования, где ключевым источником добавленной стоимости становится анализ значительных объемов разнородной информации, а конфигурация бизнес-процессов и практик управления выстраивается вокруг информационных потоков. Данные преобразования интенсивно воздействуют на все иерархические уровни социально-экономической организации, включая мезотерритории, выступающие важнейшим звеном реализации государственной стратегии и пространством сопряжения интересов предпринимательских структур, социума и институтов власти.

Цифровая трансформация региональных социально-экономических систем в сложившихся условиях означает не модернизацию технической базы, а глубинное преобразование

их структурной организации, целеполагания, институциональной среды и механизмов коммуникации на основе повсеместного внедрения цифровых технологий и разного рода платформенных решений, оперирующих данными. Актуальность научного осмысления этой проблематики продиктована потребностью в выработке теоретически обоснованных подходов к регулированию трансформационных процессов применительно к российским реалиям, которым присущи высокая пространственная дифференциация, наличие институциональных ограничений и насущная необходимость достижения технологической независимости. В связи с этим раскрытие сущности, инструментария и векторов цифрового преобразования регионов в условиях экономики данных представляет собой актуальную научную проблему. Для ее решения требуется рассмотреть ряд аспектов: конкретизация концептуальных оснований перехода к экономике данных на региональном уровне; анализ изменений элементов социально-экономической системы под воздействием данных; идентификация специфических проблем регионального развития; формулирование принципов и приоритетов стратегии функционирования мезотерриторий.

Следует заметить, что прежний подход к внедрению цифровых технологий в регионах акцентировался на автоматизации сложившихся административных и производственных операций, интеграции разрозненных информационных систем и развитии сопутствующей инфраструктуры. В логике экономики данных центр тяжести перемещается с технической функции технологий на их преобразующий потенциал. Данные утрачивают статус вторичного продукта деятельности и становятся первостепенным стратегическим ресурсом, что обусловливает необходимость создания профильной инфраструктуры для их накопления, обработки и интерпретации, а также формирования новых профессиональных компетенций, институтов и нормативной базы [1, с. 233].

На уровне региона экономика данных проявляется многопланово. Во-первых, возникают новые источники конкурентных преимуществ территорий, базирующиеся не на обеспеченности природными ископаемыми, а на умении аккумулировать, обогащать и коммерциализировать данные.

Во-вторых, видоизменяется структура валового регионального продукта и рынка труда: увеличивается вес секторов, специализирующихся на создании цифровых платформ, аналитических инструментов, алгоритмов искусственного интеллекта и систем информационной безопасности [2, с. 48].

В-третьих, внедряются инновационные модели государственного и муниципального администрирования, опирающиеся на прогностическую аналитику и принятие решений, управляемых данными, в сферах транспорта, жилищно-коммунального хозяйства, здравоохранения и социальной защиты [4].

Таким образом, цифровая трансформация в парадигме экономики данных предполагает реконфигурацию основ региональной системы, где данные выступают интегрирующим звеном между обновленными производственными процессами, сервисными моделями и институциональной средой. Это процесс, сопряженный со значительной неопределенностью и комплексностью, требующий согласованных усилий всех участников и пересмотра основ стратегического планирования.

Трансформация охватывает все ключевые подсистемы региона. В управленческой подсистеме наблюдается движение от иерархических, отраслевых структур к платформенным форматам. Региональные органы власти постепенно принимают на себя функции регулятора информационных потоков и заказчика цифровых сервисов, обеспечивая формирование и поддержку цифровой инфраструктуры как общественного блага. Принципиально важным становится создание региональных центров компетенций, консолидирующих информацию из различных источников, гарантирующих ее достоверность и защищенность и предоставляющих ее для анализа бизнесу, научному сообществу и органам власти [2; 3]. Цикл управления дополняется фазой непрерывного наблюдения за цифровыми следами и оперативной адаптации решений на основе актуальных данных.

В экономической подсистеме преобразования выражаются в формировании цифровых экосистем, зачастую имеющих межрегиональный или общенациональный масштаб, но локализованных на конкретных территориях посредством развития кадрового потенциала и профильной инфраструктуры. Субъекты малого и среднего предпринимательства обретают возможность использования аналитических инструментов и рыночных данных, ранее бывших прерогативой крупного бизнеса, что потенциально способствует снижению барьеров для инноваций и росту конкурентоспособности [2, с. 50].

Промышленность осваивает концепции «умного» производства, когда информация с сенсоров оборудования в режиме реального времени задействуется для оптимизации производственных цепочек, прогнозного обслуживания и персонализации продукции. Аграрный сектор эволюционирует в направлении «точного земледелия», управляемого данными спутникового мониторинга, беспилотных летательных аппаратов и полевых датчиков [5].

Социальная и пространственная подсистемы также подвергаются существенным изменениям. Возникает потребность в новых цифровых компетенциях у населения, что диктует необходимость реформирования систем профессионального и непрерывного образования. Появляются новые форматы занятости и социальных коммуникаций, опосредованных цифровыми платформами. В контексте пространственного развития размываются прежние границы между городскими и сельскими территориями в части доступности ряда услуг (образование, медицина, госуслуги), что создает предпосылки для замедления депопуляции удаленных районов. Вместе с тем формируется риск нового типа цифрового неравенства – дифференциации по способностям извлекать выгоду из использования данных, что требует реализации целенаправленной политики инклюзивности.

Переход к экономике данных порождает для регионов ряд специфических проблем. Ключевой среди них является углубление цифрового разрыва, выражающегося в диспропорциях между регионами по уровню развития базовой и специализированной цифровой инфраструктуры, а также по наличию человеческого капитала, способного эффективно работать с данными и инструментами искусственного интеллекта. Существует опасность консервации периферийного статуса за регионами – поставщиками «необработанных» данных, тогда как центры их обработки, анализа и коммерциализации будут сосредоточены в ограниченном числе ведущих агломераций [3].

Серьезным вызовом выступает проблема технологического суверенитета и безопасности. Зависимость от иностранных платформенных решений, алгоритмов и аппаратного обеспечения создает уязвимости как на национальном, так и на региональном уровнях. Разработка собственных (в том числе межрегиональных) технологических комплексов и экосистем становится задачей обеспечения не только экономической, но и стратегической устойчивости. При этом важно соблюсти баланс между протекционистскими мерами и сохранением конкурентоспособности [1; 3].

Управление процессами цифровой трансформации регионов в условиях становления экономики данных должно опираться на ряд принципов. Принцип опережающего развития инфраструктуры предполагает вложения не только в обеспечение широкополосного доступа в интернет, но и в создание сетей для интернета вещей, вычислительных мощностей для периферийной обработки данных и систем обеспечения доверия к информации. Принцип рассмотрения данных как общественного блага диктует необходимость формирования открытых, но защищенных региональных информационных пространств с прозрачными правилами доступа и использования. Принцип экосистемности требует отказа от реализации разрозненных проектов в пользу формирования условий для самоорганизации объединений заинтересованных сторон вокруг решения конкретных территориальных задач с помощью данных. Принцип человекоцентричности ставит во главу угла не технологии сами по себе, а улучшение качества жизни населения, что предполагает вовлечение общества в определение приоритетов цифровизации.

Исходя из перечисленных принципов, можно выделить ключевые направления трансформационной политики. Первое направление – создание региональной цифровой архитектуры, включающей единую платформу данных, цифровые двойники основных систем и комплекс кибербезопасности. Второе направление – стимулирование спроса на данные со стороны реального сектора экономики посредством организации индустриальных лабораторий, грантовой поддержки пилотных инициатив и развития механизмов государственно-частного партнерства. Третье направление – наращивание кадрового потенциала через обновление образовательных программ высших и средних специальных учебных заведений, создание центров переподготовки в области Data Science и искусственного интеллекта, а также привлечение талантливых специалистов.

Подводя итог сказанному выше, следует заключить, что цифровая трансформация региональных социально-экономических систем в период становления экономики данных представляет собой сложный, многоаспектный и нелинейный процесс преобразования их базисных оснований. Данное обстоятельство представляет собой не автоматическое следствие технологического прогресса, а итог целенаправленной стратегии, базирующейся на глубоком понимании новой роли данных как ключевого актива развития. Успешность трансформации определяется способностью регионов преодолеть традиционную логику цифровизации как технического оснащения и перейти к логике реинжиниринга, формируя институты и инфраструктуру для генерации, движения и конвертации данных в общественное благо и экономическую динамику.

Список литературы

1. Экономика данных / Т.Н. Астахова [и др.] // International Journal of Open Information Technologies. – 2024. – №10. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomika-dannyh (дата обращения: 16.03.2026). EDN RATMNH

2. Грачева Н.А. Экономика данных в России и за рубежом / Н.А. Грачева, О.А. Полищук, А.А. Булгакова // Регион: системы, экономика, управление. – 2025. – №1 (68). – С. 44–53. DOI 10.22394/1997-4469-2025-68-1-44-53. EDN UORWNO

3. Цифровая экономика как драйвер модернизации регионов / Н.А. Ковалева, В.В. Водопьянова, М.А. [и др.] // Прикладные экономические исследования. – 2025. – №5. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-ekonomika-kak-drayver-modernizatsii-regionov (дата обращения: 16.03.2026). DOI 10.47576/2949-1908.2025.5.5.007. EDN BUFKUT

4. Миролюбова Т.В. Цифровая экономика и цифровая трансформация региональной экономики / Т.В. Миролюбова, Р.С. Николаев // Вестник ПГУ. Серия: Экономика. – 2024. – №3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-ekonomika-i-tsifrovaya-transformatsiya-regionalnoy-ekonomiki-izmerenie-i-osobennosti (дата обращения: 16.03.2026). DOI 10.17072/1994-9960-2024-3-340-354. EDN XMIQWI

5. Цифровая экономика: 2025: краткий статистический сборник / В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025.

Леньшин Михаил Игоревич
студент
ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
г. Москва

ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РЫНКА ИНДИВИДУАЛЬНОГО ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация: *в статье рассматривается рынок индивидуального жилищного строительства (ИЖС) в современных социально-экономических условиях и факторы, определяющие его динамику. Показаны драйверы спроса и предложения, включая изменение образа жизни, развитие ипотечных инструментов, профессионализацию подрядчиков и индустриализацию технологий строительства. Отдельное внимание уделено инфраструктурным и институциональным ограничениям и проанализированы основные тенденции развития сегмента – переход к форматам «под ключ», рост требований к энергоэффективности и качеству эксплуатации, а также развитие комплексной малоэтажной застройки. Сделан вывод о том, что устойчивый рост ИЖС возможен при повышении прозрачности регулирования, снижении транзакционных издержек и обеспечении предсказуемого инфраструктурного развития.*

Ключевые слова: *индивидуальное жилищное строительство, рынок жилья, малоэтажное строительство, ипотека ИЖС, инфраструктура, домокомплекты, индустриализация строительства, энергоэффективность, цифровизация, пространственное развитие.*

Рынок индивидуального жилищного строительства в современных условиях становится одним из наиболее динамичных сегментов жилищной сферы. Под ИЖС обычно понимают строительство отдельно стоящих жилых домов для проживания одной семьи, как правило на земельных участках, предназначенных для индивидуальной жилой застройки, личного подсобного хозяйства или садоводства (в зависимости от правового режима участка). Интерес к этому формату усилился на фоне изменения моделей занятости и образа жизни, роста цен на городское жилье, развития ипотечных инструментов и повышения требований населения к качеству среды проживания. При этом ИЖС нельзя рассматривать только как «альтернативу квартире», в ряде регионов это основной способ обеспечения жильем, а для государства и бизнеса – важный канал расширения строительного рынка, развития инфраструктуры и занятости в смежных отраслях.

Особенность ИЖС состоит в высокой неоднородности, различаются регионы по климату и логистике, по доступности земли и инженерных сетей, по уровню доходов и структуре спроса, по локальным регламентам и качеству муниципального управления. Поэтому рынок ИЖС развивается неравномерно и чувствителен к институциональным условиям. В крупных агломерациях спрос часто формируется за счет маятниковой миграции и стремления домохозяйств к большей площади при сопоставимом бюджете, тогда как в малых городах и сельских территориях ИЖС тесно связано с демографией, доходами и состоянием социальной инфраструктуры. В результате при внешнем сходстве продукта (дом) экономическая логика проектов может существенно отличаться, где-то дом строят как «первое жилье», а где-то как улучшение условий или как объект длительного семейного накопления.

Современная макросреда задает рынку ИЖС одновременно стимулы и ограничения. С одной стороны, повышенная неопределенность и колебания стоимости материалов делают покупателей осторожнее, удлиняют цикл принятия решения и усиливают спрос на понятные сметы, фиксированные сроки и договорные гарантии. С другой стороны, распространение удаленной и гибридной занятости поддерживает тренд на «жизнь за городом», а развитие сервисов доставки, телемедицины и дистанционного образования снижает барьер территориальной удаленности. Дополнительным фактором становится ценовая динамика на рынке

многоквартирного жилья, когда квартиры заметно дорожают, часть спроса перетекает в ИЖС, поскольку дом позволяет увеличить площадь и получить собственный участок при более прогнозируемом наборе характеристик. При этом важно понимать, что общая доступность ИЖС определяется не только стоимостью строительства «коробки», но и затратами на коммуникации, подъездные дороги, благоустройство, оформление документов, а также дальнейшими расходами на эксплуатацию и транспортную доступность.

Спрос на ИЖС в последние годы все чаще принимает «проектный» характер, покупателю нужен не просто участок и материалы, а комплексное решение «под ключ», включающее архитектурный проект, инженерные системы, подключение к сетям, внутреннюю отделку и гарантийное обслуживание. Это связано с дефицитом времени и компетенций у конечных потребителей и с ростом требований к качеству и безопасности. На этой основе усиливается роль профессиональных застройщиков и подрядчиков, которые предлагают типовые или адаптируемые проекты, стандартизированные комплектации, а также сервисное сопровождение. Параллельно сохраняется сегмент самостроя, но его доля и привлекательность зависят от доступности рабочих рук, стоимости материалов и уровня регуляторных требований. В целом рынок постепенно смещается от «строительства силами семьи» к более индустриальной модели, где дом становится продуктом с заданными параметрами, контролем качества и понятной финансовой моделью [4].

Предложение на рынке ИЖС также меняется. Одной из заметных тенденций является развитие домокомплектов и технологий ускоренного строительства, включая каркасные решения, панели заводской готовности, клееный брус и другие варианты индустриализации. Суть тренда – перенос части работ с площадки на завод, что снижает зависимость от погодных условий, уменьшает количество ошибок, повышает повторяемость качества и сокращает сроки. Для потребителя это важно, поскольку уменьшает риски «долгостроя» и облегчает контроль. Для бизнеса индустриализация открывает возможность масштабирования и более устойчивого управления себестоимостью. Вместе с тем в России сохраняются ограничения, связанные с логистикой, региональными различиями в доступности производственных мощностей и квалификации монтажных бригад, а также с неодинаковой культурой применения строительных стандартов.

Отдельного внимания заслуживает инфраструктурный фактор, который во многом определяет реальную емкость рынка ИЖС. Дом без надежного электроснабжения, качественной дороги и доступной социальной инфраструктуры превращается в компромисс, который устраивает не всех. Поэтому в современных условиях спрос смещается в сторону территорий, где уже есть сети или где подключения предсказуемы по срокам и стоимости, что усиливает роль пригородных зон крупных городов и «второго пояса» агломераций, а также повышает ценность участков с готовыми коммуникациями. Одновременно растет ожидание от муниципалитетов и регионов по комплексному развитию территорий, включая дороги, школы, детские сады, общественный транспорт и цифровую инфраструктуру. В тех местах, где такие проекты реализуются последовательно, ИЖС становится не точечной застройкой, а частью управляемого развития поселений; где же развитие стихийно, возникают проблемы с нагрузкой на сети, транспортными заторами и дефицитом общественных услуг.

Финансирование – один из основных узлов рынка ИЖС. Традиционно строительство частного дома опиралось на собственные накопления и поэтапные вложения, что делало процесс длительным и повышало риск остановки работ при ухудшении доходов. В последние годы заметно расширяются ипотечные инструменты для ИЖС, в том числе через механизмы, которые приближают этот сегмент к более «банковскому» формату, банкам важно видеть прозрачный договор подряда, понятный график работ, контроль целевого использования средств и юридически корректное оформление объекта. Там, где такие условия соблюдаются, доступность ИЖС повышается, а спрос становится более массовым. Однако ужесточение кредитных условий, изменение процентных ставок и требований к заемщикам быстро отражаются на рынке, часть домохозяйств переносит решение о строительстве, часть снижает

бюджет или выбирает меньшую площадь. Поэтому для устойчивого развития сегмента важны не только ставки, но и институциональная надежность подрядчиков, качество типовых договоров, страхование рисков и предсказуемость процедур регистрации [1; 3].

Регулирование и правовая среда для ИЖС в современных условиях постепенно усложняются и одновременно становятся более структурированными. С одной стороны, государство стремится обеспечить безопасность строительства, упорядочить оборот земли и снизить долю некачественных объектов. С другой стороны, избыточная сложность процедур и неоднозначность требований в разных муниципалитетах могут повышать транзакционные издержки и толкать людей к неформальным практикам. Важной тенденцией является постепенное развитие стандартов и сервисов, которые упрощают путь от выбора участка до регистрации дома, в том числе через цифровизацию услуг, развитие электронных реестров и типизацию документов. Для рынка это означает снижение барьеров входа и рост прозрачности, но также повышение требований к юридической чистоте проектов и профессионализму участников.

Заметным драйвером спроса становится изменение потребительских ожиданий к качеству дома и к стоимости владения. Дом все чаще рассматривается как инженерно сложный объект, где важны энергоэффективность, надежность отопления, вентиляция, водоподготовка, качество утепления, пожарная безопасность. Рост тарифов и внимания к эксплуатационным расходам стимулирует интерес к решениям, уменьшающим потери тепла и повышающим комфорт. На практике это проявляется в спросе на более качественные материалы ограждающих конструкций, на современные окна, системы управления отоплением, а также на комбинированные варианты инженерии. Одновременно усиливается запрос на экологичность и «здоровый дом» – низкая влажность и отсутствие плесени, чистый воздух, достаточная инсоляция, безопасные отделочные материалы. Эти требования повышают средний уровень проекта и, как следствие, поднимают входной бюджет, но в долгосрочном плане могут снижать затраты на эксплуатацию и повышать ликвидность объекта.

Цифровая трансформация тоже влияет на рынок ИЖС, хотя и не всегда очевидно для конечного покупателя. Распространяются онлайн-платформы подбора проектов, расчетов смет и календарных графиков, сервисы контроля строительства, удаленные консультации, цифровые каталоги материалов. Для подрядчиков цифровые инструменты важны как способ стандартизации процессов и снижения ошибок, для клиентов – как средство контроля и повышения доверия. Отдельная линия развития – применение BIM-подходов в малоэтажном строительстве, хотя масштаб и глубина внедрения пока уступают крупным коммерческим проектам. Тем не менее даже частичная цифровизация (единые спецификации, фиксированные комплектации, прозрачные акты выполненных работ) способна заметно снизить конфликтность и повысить предсказуемость результата [3].

В современных условиях рынок ИЖС сталкивается и с рядом устойчивых проблем. Одной из главных остается кадровый вопрос, нехватка квалифицированных рабочих и мастеров повышает стоимость работ и может ухудшать качество при высокой загрузке бригад. Второй блок – волатильность цен и поставок материалов, особенно в периоды логистических перестроек и сезонных пиков. Третий блок связан с участками, далеко не всегда доступная по цене земля имеет понятные правовые характеристики, хорошую транспортную доступность и возможность недорогого подключения к сетям [2]. Четвертый блок – информационная асимметрия: потребитель часто не может объективно оценить качество проекта и подрядчика до начала работ, что создает поле для недобросовестной конкуренции. Перечисленные проблемы постепенно решаются через рост доли профессиональных игроков, развитие гарантийных обязательств и повышение финансовой дисциплины, но полностью не исчезают и продолжают определять рисковый профиль сегмента.

Если говорить о тенденциях ближайших лет, то можно выделить постепенный переход от точечного ИЖС к более комплексным форматам малоэтажной застройки, где девелопер или специализированная компания обеспечивает не только строительство домов, но и

внутренние дороги, освещение, благоустройство, иногда базовую социальную инфраструктуру и единый архитектурный регламент. Такой подход повышает качество среды и ликвидность объектов, но требует больших инвестиций и более сложного согласования. Параллельно будет развиваться сегмент типовых проектов с возможностью ограниченной кастомизации, покупатели хотят индивидуальности, но готовы ограничить выбор ради скорости, понятной цены и гарантий. Вероятно также усиление интереса к компактным домам рациональной планировки, поскольку рост стоимости заемных средств и материалов повышает чувствительность к бюджету, а запрос на функциональность стимулирует оптимизацию площади [3].

Таким образом, рынок индивидуального жилищного строительства в современных условиях развивается под влиянием одновременно социально-экономических, технологических и институциональных факторов. Его ключевая особенность – высокая региональная дифференциация и зависимость от инфраструктуры и качества управления территориями. Главные тенденции – профессионализация и индустриализация строительства, расширение ипотечных и сервисных решений «под ключ», рост требований к энергоэффективности и качеству эксплуатации, а также постепенное формирование более комплексных малоэтажных проектов. Для устойчивого развития сегмента критически важны предсказуемые правила подключения к инженерным сетям, прозрачные правовые процедуры, снижение информационных рисков для потребителя и поддержка стандартов качества. В этих условиях ИЖС может выступать не только способом улучшения жилищных условий, но и значимым ресурсом пространственного развития, диверсификации строительной отрасли и повышения качества жизни населения.

Список литературы

1. Манохин П.Е. Рынок малоэтажного жилищного строительства: анализ текущей ситуации и основные проблемы / П.Е. Манохин, С.Э. Пономарев // Вестник магистратуры. – 2022. – №5–1 (128). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rynok-maloetazhnogo-zhilischnogo-stroitelstva-analiz-tekuschey-situatsii-i-osnovnye-problemy (дата обращения: 23.02.2026).

2. Методологические аспекты управления малоэтажным индивидуальным жилищным строительством / Г.В. Михеев, И.А. Скрипкина, О. Д. Софьяников [и др.] // Вестник евразийской науки. – 2019. – №6. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-aspekty-upravleniya-maloetazhnym-individualnym-zhilischnym-stroitelstvom (дата обращения: 23.02.2026). EDN CBKAVQ

3. Рынок индивидуального жилищного строительства России. Итоги 2025 года и прогнозы на 2026: аналитический отчет. – URL: https://dom.tn.ru/blog/rynok-individualnogo-zhilishchnogo-stroitelstva-rossii-itogi-2025-goda-i-prognozy-na-2026/?ysclid=mlyd0pb3dq1598206 (дата обращения: 23.02.2026).

4. Саврадым В.М. Перспективы развития малоэтажного строительства как приоритетного направления отрасли жилищного строительства / В.М. Саврадым, Е.Н. Шулекина // Инновации и инвестиции. – 2021. – №6. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-maloetazhnogo-stroitelstva-kak-prioritetnogo-napravleniya-otrasli-zhilischnogo-stroitelstva (дата обращения: 23.02.2026). EDN JJFKRG

Развин Иван Дмитриевич
студент
ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
г. Москва

ИНСТРУМЕНТЫ ОПТИМИЗАЦИИ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА (ИЖС)

Аннотация: *статья посвящена теоретическому анализу инструментов оптимизации бизнес-процессов на предприятиях индивидуального жилищного строительства (ИЖС). Показано, что специфика ИЖС как «проектно-поточного» вида деятельности (уникальность объекта при повторяемости типовых операций) требует сочетания процессного управления и инструментов бережливого производства, управления проектами и цифровизации. Обоснована необходимость рассматривать оптимизацию не как разовую меру по сокращению затрат, а как управляемый цикл улучшений, обеспечивающий предсказуемость сроков, качества и себестоимости при сохранении гибкости под запросы заказчика.*

Ключевые слова: *бизнес-процессы, оптимизация, ИЖС, бережливое производство, BPM, управление проектами, BIM, стандартизация, KPI.*

Индивидуальное жилищное строительство ИЖС в современных условиях развивается как массовый рынок, где заказчики ожидают «понятный продукт», фиксируемые сроки, прозрачную смету, гарантируемое качество и удобный сервис. Для предприятий ИЖС это означает усиление конкуренции не только по цене, но и по управляемости исполнения обязательств. В отличие от крупного девелопмента, предприятия ИЖС часто работают в формате малого и среднего бизнеса, опираются на смешанную модель ресурсов (собственные бригады плюс субподряд), сталкиваются с сезонностью, высокой долей ручного труда и сильной зависимостью результата от дисциплины снабжения и организации работ на площадке. В таких условиях оптимизация бизнес-процессов становится фактором устойчивости, она снижает вариативность исполнения, уменьшает потери времени и материалов, повышает качество и воспроизводимость результата [2].

Теоретически оптимизация бизнес-процессов трактуется как целенаправленное изменение содержания, последовательности и правил выполнения работ, обеспечивающее улучшение показателей эффективности и результативности. Для ИЖС важно подчеркнуть, что улучшение должно быть системным – локальная «экономия» на отдельной операции может приводить к росту общих потерь (например, удешевление материала увеличивает переделки и рекламации). Поэтому корректнее рассматривать оптимизацию через логику создания ценности для заказчика и управления потоком работ от обращения клиента до сдачи дома и сервисного периода [4].

Специфика ИЖС состоит в одновременном присутствии двух логик управления. С одной стороны, каждый объект строительства – это проект с уникальными условиями участка, инженерных сетей, требований заказчика и регуляторных ограничений. С другой стороны, внутри проекта повторяются типовые операции (геодезия, фундамент, стены, кровля, инженерия, отделка), которые целесообразно стандартизировать и улучшать как процессы. Отсюда следует теоретический вывод – предприятиям ИЖС необходим «гибридный» набор инструментов, объединяющий процессный подход (BPM), инструменты бережливого производства, методы управления ограничениями и рисками, а также цифровые средства (BIM-моделирование, учет, планирование, CRM). При этом выбор инструментов должен определяться не модой на методики, а диагностикой основных потерь и узких мест конкретной организации.

Для систематизации инструментов оптимизации целесообразно выделить типовую цепочку создания ценности в ИЖС. В упрощенном виде она включает маркетинг и продажи (привлечение, консультация, расчет, договор), проектирование и согласования, подготовку строительства (геология, план организации работ, мобилизация бригад), снабжение и логистику (закупки, доставка, складирование), строительно-монтажные работы (СМР) по этапам, контроль качества и сдачу объекта, а также гарантийный сервис. На каждом звене возникают характерные потери: ожидание решений и материалов, переделки из-за ошибок проекта, простоев бригад, конфликтов графиков субподрядчиков, дефицита информации на площадке, а также потери от «разрывов» между офисом и стройкой. Следовательно, инструменты оптимизации должны покрывать как офисные процессы, так и операционную работу на площадке.

В теории управления процессами центральным шагом оптимизации является описание процесса «как есть» и проектирование процесса «как должно быть» с фиксацией входов, выходов, ответственных и показателей. Для ИЖС это особенно важно, поскольку многие проблемы возникают из-за неявных правил, кто подтверждает изменения заказчика, кто отвечает за комплектацию, кто контролирует скрытые работы, как передается информация между отделом продаж, проектировщиком, снабженцем и прорабом. Процессное описание позволяет снять неопределенность, уменьшить число устных договоренностей и снизить зависимость результата от отдельных сотрудников. Однако в ИЖС формализация должна быть минимально достаточной, чрезмерно детальные регламенты могут замедлить принятие решений на объекте и снизить гибкость работы с заказчиком.

Инструменты оптимизации удобно рассматривать по трем уровням – стратегическому (как устроена система создания ценности и какие процессы дают конкурентное преимущество), тактическому (как организованы планирование, ресурсы, снабжение, управление подрядчиками) и операционному (как выполняются работы на площадке и как обеспечивается качество). Таблица 1 обобщает наиболее применимые инструменты для предприятий ИЖС и ожидаемый эффект от их внедрения.

Таблица 1

Инструменты оптимизации бизнес-процессов предприятий ИЖС и их назначение [3]

Уровень управления и зона	Инструмент	Сущность инструмента	Типовой эффект для ИЖС
Стратегический, сквозные процессы	Моделирование процессов (BPMN, SIPOC), карта цепочки ценности	Фиксация основных этапов от заявки до сдачи, границ и ответственности	Прозрачность «кто за что отвечает», снижение потерь на стыках
Стратегический, управление целями	KPI-система и «дерево показателей»	Связь целей (срок, качество, маржа) с измеримыми метриками по процессам	Управляемость, можно контролировать не «занятость», а результат
Тактический, планирование строительства	Last Planner System (LPS), недельно-суточное планирование	Планирование с участием исполнителей и фиксацией готовности фронта работ	Снижение срывов графика, меньше простоев бригад
Тактический, управление ограничениями	Теория ограничений (TOC) и управление буферами	Поиск узкого места (например, снабжение, прораб, бригада) и защита графика буфером	Рост пропускной способности
Тактический, снабжение и логистика	ABC, XYZ-анализ, стандартизация номенклатуры, уровни запасов	Классификация материалов по важности и предсказуемости потребления	Меньше дефицита и излишков, меньше заморозки денег

Уровень управления и зона	Инструмент	Сущность инструмента	Типовой эффект для ИЖС
Операционный, площадка	5S и визуальное управление	Порядок на складе, площадке, маркировка, понятные зоны хранения	Снижение потерь времени и повреждения материалов
Операционный, качество	Чек-листы качества, контрольные карты работ, «точки стоп»	Фиксация обязательных проверок по этапам (скрытые работы и т. п.)	Снижение переделок и рекламаций
Операционный, непрерывные улучшения	PDCA	Короткий цикл – запланировали улучшение, сделали, проверили, закрепили	Регулярное улучшение без больших «реформ»
Цифровизация (сквозная)	BIM (по уровню применимости), ERP, учет, CRM, мобильные формы на объекте	Единые данные о проекте, закупках, работах, изменениях, фотофиксация	Меньше ошибок и споров, быстрее согласования, точнее учет

Представленная систематизация показывает, что «инструменты оптимизации» для ИЖС не сводятся к одному методу. Наиболее устойчивые результаты дает пакет взаимодополняющих решений – процессная прозрачность, дисциплина планирования, управляемое снабжение, стандартизация качества и цифровая фиксация фактов. При этом теоретически важно различать два типа задач оптимизации. Первый тип – устранение потерь и текущих сбоев (простои, ожидание материалов, переделки). Второй тип – повышение зрелости управления, то есть создание способности повторять успешный результат на многих объектах и при росте объемов.

На практике предприятия ИЖС часто начинают оптимизацию с локальных изменений (например, внедрение CRM или учетной системы). Однако без процессного основания существует риск «автоматизации хаоса», когда цифровой инструмент фиксирует ошибки, но не устраняет их причины. Поэтому теоретически обоснованной является последовательность, сначала описать и согласовать целевой процесс (включая роли, данные и правила), затем внедрять цифровые решения как поддержку процесса, а не как замену управления.

Содержательно оптимизация процессов ИЖС должна быть привязана к типовым потерям. В строительстве, включая ИЖС, существенную роль играют потери ожидания (материалы, решения заказчика, готовность фронта работ), потери от лишних перемещений и неудобной организации площадки, потери из-за перепроизводства (закупили раньше срока, испортили, украли, повредили), а также потери от дефектов и переделок. Отдельную группу составляют информационные потери – несоответствие версии проекта, отсутствие актуальных спецификаций, незафиксированные изменения, разрыв между сметой и фактическими закупками. Таблица 2 связывает типовые потери предприятий ИЖС с инструментами, которые теоретически наиболее подходят для их сокращения.

Таблица 2

Типовые потери в ИЖС и инструменты их снижения [3]

Потеря (проблема)	Как проявляется в ИЖС	Инструменты оптимизации, наиболее уместные теоретически
Ожидание материалов и техники	Простой бригад, сдвиг этапов, срочные дорогие доставки	LPS (готовность фронта), стандарты снабжения, буферы TOC, ABC, XYZ и уровни запасов
Переделки и дефекты	Демонтаж, перерасход материалов, конфликты с заказчиком	Чек-листы качества, «точки стоп», стандарты узлов, обучение, фотофиксация, контроль скрытых работ
Несогласованность субподрядчиков	Бригады мешают друг другу, срывы очередности	Такт, поэтапное планирование, LPS, матрица ответственности (RACI), единый календарь
Ошибки в документации и спецификациях	Закупка «не того», расхождения сметы и факта	Управление версиями, единый источник данных (BIM, общая спецификация), регламент изменений
Лишние перемещения и беспорядок на площадке	Потери времени, порча материалов, травмоопасность	5S, визуальное управление, стандарты складирования, план логистики на участке
«Ручное управление» и зависимость от людей	Все решения через собственника, прораба, нет повторяемости	Процессное описание, владельцы процессов, KPI, обучение, стандарты работ и приемки

Важным аспектом оптимизации является стандартизация. В ИЖС стандартизация не должна означать «одинаковые дома», но должна означать единые правила выполнения типовых операций и единые критерии качества. Теоретически стандартизация выступает механизмом снижения вариативности, а вариативность напрямую связана с риском дефектов и срывов сроков. Если предприятие ИЖС использует несколько типовых технологий (например, каркас, газобетон, СИП), то стандартизация может быть организована по технологическим «пакетам» – перечень обязательных контрольных точек, типовые узлы, чек-листы приемки этапа и минимальные требования к материалам, что позволяет ускорять обучение новых работников и снижать зависимость качества от конкретной бригады.

Отдельно следует рассмотреть инструменты планирования и диспетчеризации. Для ИЖС характерна сетевая организация работ, параллельно ведется несколько объектов, а одни и те же бригады и подрядчики перемещаются между ними. В таких условиях классические календарные планы часто оказываются формальными, они не учитывают реальную готовность фронта и ограниченность ресурсов. Поэтому в теоретической литературе по строительству распространено обоснование подходов, где план строится от фактической готовности и обязательств исполнителей. К таким подходам относят Last Planner System, недельно-суточное планирование, визуальные доски статусов, а также управление ограничениями, когда до начала операции проверяется наличие материалов, допусков, чертежей, инструмента и свободного фронта. Для предприятий ИЖС это особенно важно, поскольку стоимость простоя бригады и стоимость срочной поставки могут «съедать» маржу проекта [4].

Цифровые инструменты оптимизации в ИЖС следует рассматривать как средства повышения прозрачности и качества данных. CRM помогает управлять воронкой и ожиданиями заказчика; учетные системы и ERP-контуры – связы вать смету, закупки и фактические затраты; мобильные формы и фотофиксация на объекте – снижать споры и ускорять контроль; BIM и цифровые спецификации – уменьшать ошибки проектирования и закупок. Теоретическое требование здесь состоит в том, что цифровизация должна опираться на регламент данных: кто вводит информацию, в какие сроки, какая структура справочников используется, что считается «истиной» по проекту (единый источник данных). Без этого цифровые системы дают иллюзию контроля при низком качестве первичных данных.

Для оценки эффективности оптимизации необходимы показатели. В ИЖС важно измерять не только финансовый результат, но и стабильность процесса, потому что именно стабильность делает бизнес масштабируемым. Таблица 3 предлагает базовый набор показателей, пригодный для теоретической модели мониторинга улучшений. Конкретные целевые значения зависят от технологии строительства, региона, сезонности и продуктовой линейки.

Таблица 3

Показатели мониторинга оптимизации бизнес-процессов в ИЖС [5]

Направление	Пример показателя	Смысл для управления
Сроки	План-факт длительности этапов; доля выполненных недельных обязательств (PPC в логике LPS)	Предсказуемость графика и дисциплина планирования
Качество	Доля переделок в трудозатратах, стоимости; число дефектов на объект; рекламации в гарантийный период	Реальная стоимость качества и зрелость контроля
Себестоимость и маржа	Отклонение фактических затрат от сметы; маржа по объекту; перерасход материалов	Финансовый эффект оптимизации и снижение потерь
Снабжение	Доля срочных закупок; срок поставки; доля недопоставок, пересорта	Надежность поставок как фактор непрерывности работ
Производительность	Выработка бригад по типовым операциям; доля простоев	Эффективность использования ресурсов
Клиентский результат	Время ответа; прозрачность статуса; NPS, CSI; доля рекомендаций	Конкурентоспособность сервиса и доверие заказчика
Управляемость	Доля операций, зафиксированных в системе; своевременность отчетов по объектам	Насколько управление опирается на данные, а не на «ощущения»

С теоретической точки зрения оптимизация бизнес-процессов на предприятиях ИЖС должна быть оформлена как непрерывный цикл улучшений. Наиболее универсальным считается цикл PDCA – планирование улучшения (на основе данных о потерях), внедрение на пилотном участке или группе объектов, проверка результата по показателям и закрепление нового стандарта. Для ИЖС принципиально важно закрепление, новый порядок снабжения или новый чек-лист качества должен стать обязательным и воспроизводимым на всех объектах, иначе эффект будет краткосрочным. Закрепление реализуется через простые стандарты, обучение, регулярные разборы отклонений и ответственность владельцев процессов (например, владелец процесса «снабжение объекта», владелец процесса «сдача этапа и контроль качества»).

Наряду с преимуществами, инструменты оптимизации имеют ограничения. В ИЖС высокий риск «переноса офисных практик» без учета поля, если регламенты и показатели не учитывают реальную технологию и сезонность, персонал будет их обходить. Также существует риск фрагментарного внедрения, когда, например, внедряется 5S на площадке, но снабжение остается хаотичным, и итоговый эффект теряется. Еще одно ограничение связано с человеческим фактором, предприятия ИЖС часто зависят от сильных прорабов и субподрядчиков, поэтому оптимизация должна учитывать мотивацию, договорные модели и прозрачность требований к качеству и срокам.

Обобщая теоретические положения, можно сделать вывод, что оптимизация бизнес-процессов на предприятиях ИЖС требует системного, но простого по исполнению подхода – описания сквозного процесса создания ценности, выявления потерь, внедрения дисциплины планирования и снабжения, стандартизации качества и опоры на данные. Наиболее результативными являются не одиночные инструменты, а согласованный набор – процессное моделирование плюс управление ограничениями и планированием (включая LPS), стандарты качества и чек-листы, организационные меры на площадке (5S, визуальное управление) и поддерживающая цифровизация. Такой пакет позволяет снизить вариативность исполнения,

повысить предсказуемость сроков и качества, уменьшить переделки и потери материалов, что в итоге укрепляет конкурентоспособность предприятия ИЖС на растущем рынке.

Список литературы

1. Волкова Е.С. Стратегические альтернативы развития малых строительных предприятий / Е.С. Волкова, С.В. Кузьмин // Менеджмент в России и за рубежом. – 2024. – №11 (98). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskie-alternativy-razvitiya-malyh-stroitelnyh-predpriyatiy (дата обращения: 25.01.2026).
2. Громов А.И. Управление бизнес-процессами: современные методы: монография / А.И. Громов, А. Фляйшман, В. Шмидт; под ред. А.И. Громова. – М.: Юрайт, 2026. – 367 с.
3. Гусакова Е.А. Основы организации и управления в строительстве: учебник и практикум для среднего профессионального образования / Е.А. Гусакова, А.С. Павлов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2026. – 615 с.
4. Козлов В.Р. Оценка эффективности стратегических инициатив в строительном секторе / В.Р. Козлов // Экономика строительства. – 2025. – №1 (89). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ocenka-effektivnosti-strategicheskih-iniciativ-v-stroitelnom-sektore (дата обращения: 26.01.2026).
5. Эпштейн М.М. Методы управления проектами / М.М. Эпштейн, С.А. Тронин // Успехи в химии и химической технологии. – 2024. – №11 (290). – С. 78–92.

Торопов Виктор Алексеевич
д-р пед. наук, профессор, профессор
Никишкин Александр Владимирович
канд. юрид. наук, доцент, член-корреспондент Российской академии естественных наук (РАЕН), полковник полиции

ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД России»
г. Санкт-Петербург

БИЗНЕС-ПРОЕКТЫ В СПОРТИВНОЙ ИНДУСТРИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ РОССИИ

Аннотация: *в статье сформулированы определения профессиональному спортсмену, понятиям – спортивный маркетинг, спортивный менеджмент. Изложена мотивация того, что создание Всемирного антидопингового агентства (WADA) привело к политизации спорта и использованию его как инструмента с целью устранения сильнейших конкурентов на соревнованиях международного масштаба.*

Ключевые слова: *спортивный маркетинг, спортивный менеджмент, менеджер, коммерческие отношения, политизация спорта, профессиональный спортсмен, биостимуляторы, допинг.*

После политических изменений в России, спорт высших достижений в стране трансформировался в профессиональную сферу, в полную меру зависящую от тех людей, которые инвестирует в него. Известно, что международный спорт, включая высшие спорт высших достижений за рубежом, формируется по принципам коммерции и превратился в товар. Россия также переходит на рыночные модели, при этом физкультура и спорт всё больше подчиняются экономическим законам. В такой обстановке особое значение приобретает спортивный маркетинг и управленческая деятельность.

На основании изучения научной литературы было дано понятие профессиональному спортсмену – лицу, которое ежедневно выполняет специализированную нагрузку, направленную на повышение уровня подготовленности и достижение высоких результатов на соревнованиях либо завоевание призовых мест. За выполнение таких задач спортсмен получает финансовое или иное вознаграждение. Обязательным условием является наличие письменного соглашения или контракта с руководителем спортивного учреждения, и строгое соблюдение всех его требований.

Для эффективной организации учебно-тренировочного процесса и успешного участия в международных состязаниях спортивные структуры и клубы располагают объектами инфраструктуры – спортивными комплексами, сооружениями, базами отдыха, которые должны находиться в исправном состоянии. Это создаёт необходимость выплаты вознаграждения обслуживающему персоналу, а профессиональным атлетам – предоставление дополнительной финансовой поддержки за свой сложный труд. Все эти объективные условия способствуют формированию коммерческих связей в сфере физической культуры и спорта.

Согласно данным международных изданий, инвестиции в спорт высших достижений составляют десятки миллиардов долларов. По оценкам экспертов, спортивная отрасль ежегодно выпускает продукции и оказывает услуг на сумму свыше 150 миллиардов долларов США. В России внедрить физкультуру и спорт в коммерческую плоскость было крайне сложно, в связи с отсутствием опыта у спортивных ведомств в сфере маркетинга. Для обеспечения работы спортивных коллективов, Дворцов спорта, бассейнов, оздоровительных комплексов, организации соревнований и предоставления физкультурно-спортсменским услугам требуется значительное финансирование.

Термин «спортивный маркетинг» впервые был применён в середине 1970-х годов в США. Тогда спорт стали задействовать как платформу для продвижения промышленных товаров. На стадионах и в спортивных залах появились рекламные щиты с логотипами автомобилей, пива и других продуктов.

Под спортивным маркетингом понимается использование спорта как объекта купли-продажи (слово «маркетинг» происходит от английского «market» – рынок). Речь идет об установлении рыночных связей, направленных на обеспечение людей необходимыми товарами, сооружениями для занятий спортом и услугами в области физической культуры. Такие процессы подразумевают развитие современной инфраструктуры, подготовку квалифицированных кадров, проведение научных разработок, а также стремление получить доход за счёт зрелищных событий и вовлечения граждан в активную спортивную жизнь с учётом индивидуальных потребностей и интересов каждого человека.

Ключевыми направлениями развития спортивного маркетинга выступают анализ рынка, изучение спроса, предпочтений и потребностей граждан, а также выпуск продукции, соответствующей этим запросам.

Согласно мнению отечественных учёных, формированию, развитию и повышению эффективности спортивного маркетинга в Российской Федерации способствует работа в таких областях:

– всестороннее изучение потребительских потребностей, ожиданий и пожеланий;

– применение накопленного опыта отечественных и международных компаний в производстве спортивных товаров и предоставлении услуг;

– способность прогнозировать динамику рынков сбыта, проведение научных разработок в данной сфере;

– создание и внедрение передовых технологий изготовления отечественной продукции и сервисов;

– умение предлагать товары по конкурентоспособным ценам;

– установление контактов с аудиторией через средства массовой информации и рекламную активность;

– привлечение инвестиций и спонсорской поддержки для модернизации производства спортивных товаров и услуг.

Специалистам в области физической культуры и спорта важно осознавать, что сегодня наблюдается переход к новым ценностям в спорте, вызванный условиями рыночной экономики. Коммерциализация спортивной сферы во многих странах продолжает развиваться уже многие годы.

Необходимо понимать, что спорт, занятия физкультурой и оздоровительные услуги воспринимаются как товары для потребителей. Установление новых рекордов спортсменами привлекает огромное число болельщиков, что напрямую влечёт за собой высокие доходы.

Формы коммерциализации профессионального спорта трансформировались, появились новые игроки между спросом и предложением, которые оперативно адаптировали свою стратегию, заметив значительный потенциал дохода в данной сфере. Компании переработали архитектонику спортивной экипировки, обуви, инвентаря, техники и объектов инфраструктуры, превратив их в товарные знаки. Развитие высокого уровня подготовки спортсменов потребовало серьезного увеличения затрат, что повысило стандарты требований к спортивной инфраструктуре, стимулируя рост и модернизацию спортивного маркетинга.

Современные виды спорта невозможны без использования биостимуляторов – лекарственных и медицинских препаратов, необходимых для преодоления чрезвычайно высокой физической и психоэмоциональной нагрузки. Следовательно, требуется формирование новых научно-инженерных и медицинских центров, ориентированных на повышение эффективности организма спортсменов и развитие оздоровительных программ в области физкультуры.

Специалисты в области медицины и учёные обязаны внедрять в образовательный процесс передовые методические разработки и данные экспериментальных исследований, направленные на оптимизацию функционального состояния организма спортсменов для получения максимальных спортивных показателей. Однако этот подход порождает отрицательные последствия: многие атлеты, стремясь добиться рекордов, вместо использования безопасных биостимуляторов прибегают к запрещённым веществам, что противоречит правилам Международного олимпийского комитета.

Проблема массового применения допинга на международной арене стала причиной создания в ноябре 1999 года Всемирного антидопингового агентства – организации, отвечающей за мониторинг и выявление запрещённых препаратов в организме спортсменов. В январе 2008 года при поддержке федерального агентства по физической культуре и спорту была основана Российская антидопинговая организация – «РУСАДА».

Известно, что Россия остаётся одной из лидеров в мировом спорте, что подтверждается высокими позициями наших спортсменов на Олимпийских играх, чемпионатах мира и Европы. Тем не менее, создание WADA вызвало перекос в сторону политической ангажированности спорта, который стал средством давления на наиболее успешные команды. Доказательством этого стали следующие события:

– после доклада Ричарда Макларена (2015) на совещании WADA «РУСАДА» было признано несоответствующим установленным стандартам;

– из-за допингового скандала в Олимпийские игры в Рио-де-Жанейро вошли лишь 283 спортсмена, то есть половина сборной;

– участие российской паралимпийской команды в Играх было полностью заблокировано вследствие сложившейся ситуации с допингом;

– заседание ВАДА, состоявшееся 17 ноября 2017 года в Сеуле под девизом «Играй честно», международная пресса окрестила «процессом, наполненным политическими манипуляциями и ведущим никуда», а являющийся на тот момент президентом Олимпийского комитета России Александр Жуков высказал предположение, что сотрудники WADA находят любые поводы, чтобы затянуть процесс восстановления статуса «полного соответствия» у РУСАДА;

– кубок мира по биатлону, прошедший в Австрии с 13 по 16 декабря 2018 года, стал местом для инцидента – в вечерние часы полиция страны провела обыск в базе российской команды, сославшись на то, что наши спортсмены в 2017 году в Хохфильцене нарушили антидопинговые нормы на чемпионате мира. Посещение в ночное время было направлено на дестабилизацию психологического фона нашей сборной перед стартами;

– 28 февраля 2019 года на чемпионате мира по лыжным гонкам в Австрии произошёл скандал, связанный с применением вещества, получившего название «кровопускание». Пятеро участников не вышли на старт на дистанции 15 км: двое австрийцев, двое эстонцев и один спортсмен из Казахстана.

В 2021 году на Олимпиаде в Токио жюри по художественной гимнастике некорректно оценило выступление сестёр Дины и Арины Авериных, что позволило израильской гимнастке Линой Ашрам получить золотую медаль. Под «кровопусканием» понимают метод повышения производительности, основанный на отборе крови за несколько недель до соревнований, её последующем хранении и возвращении перед стартом. Такая процедура способствует росту уровня гемоглобина в крови – белка, связывающего кислород. Это напрямую увеличивает запас кислорода, используемый организмом во время нагрузки как важнейший источник энергии. Одновременно все допинг-пробы окажутся отрицательными.

В дальнейшем следует подчеркнуть, что в Российской Федерации формируется новая модель управления физической культурой и спортом. Благодаря развитию рынков в стране активно используется понятие «менеджмент» – искусство эффективного руководства различными структурами. В российской научной и учебной литературе этот термин применяется как аналог капиталистических подходов к управлению, которые включают государственные учреждения, органы муниципального контроля, спортивные объединения и профессиональные команды. В контексте рыночной экономики такое направление получило название спортивного менеджмента – области, где действуют как отдельные лица, так и группы людей, решая масштабные задачи: профилактика заболеваемости, развитие социальной инфраструктуры, создание рабочих мест, достижение финансового эффекта и пр.

Для эффективного руководства физкультурой и спортом требуются квалифицированные профессионалы, способные защищать ключевые интересы спортивной среды. Например, руководитель спортивного учреждения или федерации должен обладать глубокими познаниями в различных видах спорта, владеть навыками управления административными и тренерскими командами, уметь решать финансовые задачи, координировать подготовку в спортивных коллективах и секциях, правильно распределять функции среди персонала, разрешать внутренние конфликты, отслеживать изменения в нормативно-правовой базе, устанавливать адекватный уровень вознаграждения сотрудников и решать широкий круг организационных вопросов. Подобные специалисты получили название менеджеров – их задачей стало анализ состояния рынка, применение передовых подходов к управлению, постоянное наблюдение за выполнением поручений подчинёнными, личный контроль над их деятельностью, своевременное выявление проблем и оперативное внесение корректив.

С учётом вышеизложенного становится очевидным, что значительная часть поклонников спорта и самих специалистов проявляет недоверие к внедрению принципов маркетинга и менеджмента в спортивную практику. По их мнению, коммерциализация может трансформировать спорт в товарный рынок и зрелищное шоу, а рыночные механизмы рискуют подорвать гуманистические ценности, заложенные ещё при создании Олимпийских игр Пьером де Кубертэном.

Список литературы

1. Никишкин А.В. Подводный спорт / А.В. Никишкин, А.А. Любаков, В.А. Сорокина // Физкультурно-спортивные чтения Республики Саха (Якутия) – 2025: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Якутск, 13–14 ноября 2025 года). – Чебоксары: Среда, 2025. – С. 75–79. EDN TMDBWW

2. Никишкин А.В. Совершенствование нормативно-правового регулирования для развития спорта и физической культуры в образовательной сфере / А.В. Никишкин // Истоки культуры в образовании: сб. ст. по педагогике (Санкт-Петербург, 19 января 2024 г.). – СПб.: Фонд научных исследований в области гуманитарных наук «Знание – сила», 2024. – С. 56–59. EDN FXFFGT

3. Никишкин А.В. Государственная политика Российской Федерации в сфере развития физической культуры и спорта / А.В. Никишкин // Современные образовательные практики: сб. ст. по педагогике. – СПб.: Фонд научных исследований в области гуманитарных наук «Знание – сила», 2023. – С. 84–89. – EDN DSXZVK.

4. Средства обучения спортивным способам плавания различных категорий занимающихся: учеб.-метод. пособие / Е.А. Калинин, А.Д. Крюкович, О.Н. Федорова [и др.]. – СПб.: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2025. – 96 с. – EDN IQKJUS.

5. Маркетинг и менеджмент в сфере физической культуры и спорта / В.А. Торопов, А.В. Фока, С.В. Лашин, А.С. Тяжелкова // Спорт высших достижений: интеграция науки и практики: материалы V Междунар. науч.-метод. конф., посвящ. XXIV зимним Олимпийским играм в г. Пекине (Уфа, 15 марта 2022 г.) / редкол.: Н.А. Красулина [и др.]. – Уфа: Уфимский государственный нефтяной технический университет, 2022. – С. 132–136. – EDN NNQJXJ.

Угурчиева Ася Мурадовна
студентка

Научный руководитель
Тагирова Асет Вахаевна
старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет»
г. Нижневартовск, ХМАО – Югра

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ТОВАРОСНАБЖЕНИЯ МАГАЗИНОВ СПОРТИВНОГО ПИТАНИЯ

Аннотация: *статья посвящена вопросу особенностей организации товароснабжения магазинов спортивного питания в Российской Федерации. Рассматривается структура поставщиков, включая федеральных и региональных дистрибьюторов, производителей биологически активных добавок, напитков и функциональных перекусов, а также роль логистических операторов в обеспечении стабильного ассортимента. Анализируются проблемы, связанные с волнообразностью спроса, несоответствием графиков поставок и ограничениями в северных регионах, что приводит к дисбалансу товарных запасов и увеличению издержек хранения. Отдельное внимание уделено динамике развития рынка и росту импорта спортивного питания, в частности поступлению продукции из Китая, США и европейских стран. Предложены решения по повышению эффективности товароснабжения, включающие цифровое прогнозирование спроса и координацию поставок, что обеспечивает адаптацию системы к колебаниям спроса и снижает логистические риски.*

Ключевые слова: *товароснабжение, магазины спортивного питания, логистика, поставщики, управление запасами, прогнозирование спроса, северные регионы, цепочка поставок.*

Организация товароснабжения магазинов спортивного питания формируется в рамках взаимодействия с разнородной системой поставщиков, отличающихся ассортиментной направленностью, масштабами деятельности, уровнем специализации и логистическими возможностями. Указанная система характеризуется высокой степенью неоднородности, что обусловлено спецификой реализуемой продукции, а также особенностями целевой аудитории, ориентированной на функциональное питание, поддержание физической формы и достижение спортивных результатов. Эффективность процесса товароснабжения напрямую влияет на стабильность ассортимента, уровень товарных запасов и степень удовлетворённости покупателей, что обусловливает необходимость системного подхода, постоянного мониторинга и аналитической поддержки управленческих решений [1].

Важным условием, определяющим специфику организации товароснабжения магазинов спортивного питания, являются масштабы и динамика развития рынка спортивного питания в Российской Федерации. По оценкам аналитических агентств, в том числе BusinesStat, в 2024–2025 гг. объёмы импорта спортивного питания в Россию увеличились на 22% по сравнению с 2023 г. и достигли 4,8 тыс. тонн в 2025 г. [6] (рис. 1).

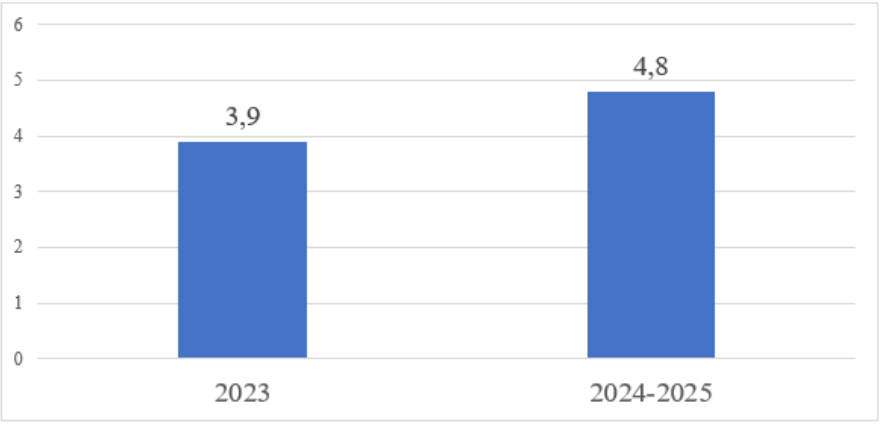

Рис. 1. Объемы импорта спортивного питания в РФ на 2023–2025 г, тыс. тонн

Рост импортных поставок связан с формированием альтернативных логистических маршрутов, а также с устойчивым спросом на зарубежную продукцию, прежде всего специализированные продукты для профессиональных спортсменов, аналоги которых в полной мере отсутствуют в ассортименте отечественных производителей. Одновременно изменилась страновая структура импорта: если до 2022 г. основными поставщиками выступали США и страны Европейского союза, то в 2024–2025 гг. преобладающее положение заняла продукция, поступающая из Китая, что оказало влияние на сроки поставок, ценовую политику и требования к организации товароснабжения [3].

Ключевую роль в снабжении магазинов спортивного питания играют федеральные и региональные дистрибьюторы, поставляющие продукцию ведущих брендов, востребованных целевой аудиторией. К числу партнёров относятся компании «Артлайф», «Спорт-Экспресс», «Протеин.ру», обеспечивающие магазины протеиновыми смесями, аминокислотами, предтренировочными комплексами и гейнерами. Преимуществом сотрудничества с федеральными дистрибьюторами является высокий уровень контроля качества и поставка сертифицированной продукции, соответствующей международным и национальным стандартам. Одновременно логистическая политика крупных поставщиков ориентирована на работу с крупными партиями и фиксированными графиками, что ограничивает возможность оперативной адаптации объёмов поставки к фактическому спросу конкретной торговой точки. В условиях северных регионов подобные ограничения усиливаются вследствие удлинения логистических цепочек, зависимости от погодных факторов и роста транспортных издержек, что вынуждает магазины формировать увеличенные страховые запасы [4].

Значимую часть системы товароснабжения формируют специализированные поставщики биологически активных добавок, включая компании «Эвалар», «ФармаМед», «Витрум». Отличительной особенностью указанной группы поставщиков является широкий ассортимент витаминов, минералов и функциональных комплексов, а также относительная гибкость обновления товарной линейки. Вместе с тем в периоды сезонного роста спроса, прежде всего в осенне-зимний период, логистические возможности производителей БАДов оказываются ограниченными, что приводит к задержкам отгрузок. Для северных территорий проблема усугубляется необходимостью соблюдения специальных условий транспортировки и ограниченным выбором транспортных операторов, обслуживающих удалённые районы [4].

Отдельную группу поставщиков составляют производители напитков, полезных перекусов и сопутствующих товаров, включая ООО «БОМББАР» (бренды Bombbar, Snaq Fabriq), а также компании «RULED.ME» и «BioTechUSA». Перечисленные партнёры обеспечивают магазины продукцией смежных товарных категорий, включая протеиновые десерты, батончики и функциональные снеки. Работа производителей перекусов, как правило, связана с меньшими объёмами поставок и более гибкими графиками, что позволяет оперативно реагировать на краткосрочные всплески спроса, характерные для магазинов, расположенных вблизи спортивных объектов. Одновременно гибкие условия сотрудничества

сопровождаются сниженной предсказуемостью сроков доставки, что осложняет планирование выкладки и поддержание стабильной товарной матрицы [2]. В северных регионах перечисленные сложности дополняются общими логистическими ограничениями, что требует более раннего формирования заявок и усиленной координации взаимодействия с поставщиками [5].

Совокупность указанных поставщиков формирует многоуровневую и неоднородную систему товароснабжения, в рамках которой магазин взаимодействует с различными логистическими операторами и каналами поставок, что наглядно отражено на рисунке 2.

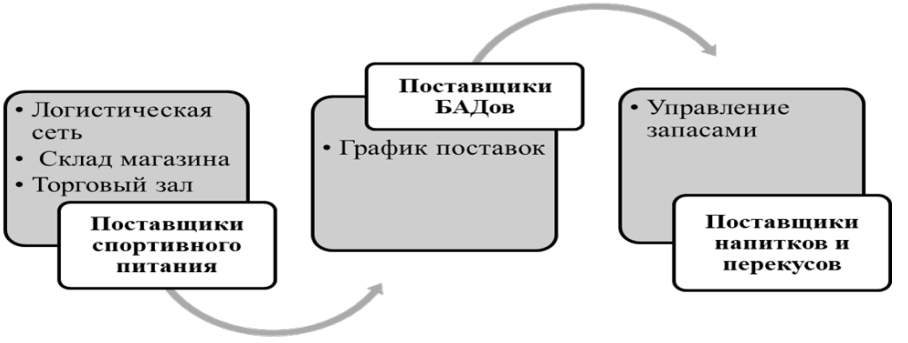

Рис. 2. Взаимосвязь между поставщиками,
логистическими операторами и магазином

Анализ функционирования системы товароснабжения позволяет выявить проблему несоответствия фактического спроса покупателей и графиков поставок. Магазины спортивного питания, расположенные вблизи фитнес-центров, характеризуются выраженной волнообразностью покупательского потока, связанной с расписанием тренировок. В утренние и вечерние часы спрос на энергетические напитки, белковые коктейли и предтренировочные комплексы возрастает в несколько раз. При этом поставщики, прежде всего дистрибьюторы спортивного питания, ориентируются на усреднённые показатели потребления и не учитывают специфику отдельных торговых точек [2].

Длительные циклы поставки по наиболее востребованным товарным позициям, достигающие двух недель, вынуждают магазины осуществлять закупки на основе прогнозов, сформированных по историческим данным, которые не всегда отражают резкие колебания спроса. В результате формируется дисбаланс товарных запасов, при котором высокооборачиваемые позиции временно отсутствуют в продаже, тогда как менее востребованные товары накапливаются на складе, увеличивая издержки хранения. Для северных регионов подобные риски усиливаются вследствие увеличенных сроков доставки и вероятности срыва графиков по внешним причинам [4].

Дополнительным негативным фактором выступает отсутствие согласованности между поставщиками различных товарных категорий. Ситуации, при которых напитки и снеки поставляются с высокой частотой, а ключевые позиции спортивного питания – значительно реже, приводят к снижению конверсии покупателей и перераспределению спроса в пользу конкурентов. Недостаточная оперативность информирования о задержках и изменениях в логистике со стороны отдельных поставщиков нарушает планы закупок и снижает общий уровень управляемости товароснабжением [2].

Повышение эффективности организации товароснабжения целесообразно связывать, во-первых, с внедрением динамического прогнозирования спроса, основанного на сочетании данных о продажах, сезонности, расписании работы спортивных объектов и текущем покупательском трафике. Использование цифровых аналитических инструментов повышает точность планирования закупок и снижает риски дефицита по ключевым товарным позициям [5].

Во-вторых, значительный эффект обеспечивает углубление координации с поставщиками на основе цифровизации информационного обмена и консолидации поставок через

логистических операторов. Реализация подобного подхода способствует синхронизации разрозненных графиков, снижению транспортных издержек и повышению регулярности завоза, что особенно важно для магазинов спортивного питания, функционирующих в условиях северных территорий [4].

Реализация перечисленных направлений позволяет сформировать более устойчивую и управляемую систему товароснабжения, способную адаптироваться к волнообразному спросу, минимизировать логистические риски и обеспечить стабильное присутствие ключевых товарных категорий в ассортименте магазинов спортивного питания.

Список литературы

1. Заздравных А.В. Экономика отраслевых рынков: учебник и практикум для вузов / А.В. Заздравных, Е.Ю. Бойцова. – 2-е изд. – М.: Юрайт, 2025. – 359 с.

2. Мартынюк Я.П. Спортивное питание как объект маркетинговой деятельности / Я.П. Мартынюк // Прикладные экономические исследования. – 2024. – №2. – С. 203–210. DOI 10.47576/2949-1908.2024.43.20.028. EDN PWBUPA

3. Николаева М.А. Состояние и перспективы развития рынка продуктов спортивного питания в России и за рубежом / М.А. Николаева, М.С. Худяков, О.Д. Худякова // Российский внешнеэкономический вестник. – 2024. – №6. – С. 65–78.

4. Степанова Е.Н. Оптимизация логистических процессов в торговле / Е.Н. Степанова // Вестник БГУ. Экономика и менеджмент. – 2023. – №4. – С. 88–93. DOI 10.18101/2304-4446-2023-4-88-93. EDN AIVOAI

5. Чкалова О.В. Развитие розничной торговли в контексте инновационно-инвестиционных преобразований / О.В. Чкалова, Т.Д. Муранова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2024. – №1 (73). – С. 41–48. DOI 10.52452/18115942_2024_1_41. EDN HVIITK

6. Анализ рынка спортивного питания в России в 2021–2025 гг., прогноз на 2026–2030 гг. – URL: https://marketing.rbc.ru/research/41694/ (дата обращения: 09.03.2026).

Юсупова Малика Акбарджоновна
научный сотрудник
Институт экономики и демографии
Национальной академии наук Таджикистана
г. Душанбе, Республика Таджикистан

СВОБОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗОНЫ КАК МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Аннотация: *предпринимательство является одним из важных факторов развития экономики любого государства. Формирование различных форм собственности и поддержка на государственном уровне способствует созданию конкурентного рынка, повышает уровень занятого населения, что приводит к увеличению дохода и, соответственно, расширяет спрос, и в конечном итоге увеличивает темпы роста экономики, способствует росту капитальных вложений в экономику. Малое и среднее предпринимательство является более гибким по отношению к внедрениям инноваций в производственный процесс, что способствует более быстрому удовлетворению потребительского спроса. В связи с этим в статье рассматриваются основные направления развития малого и среднего предпринимательства за счёт такого механизма, как свободные экономические зоны. При исследовании были использованы такие методы как функциональный анализ, индуктивный и дедуктивный методы, синтез эмпирических исследований и теоретических взглядов. В результате предложены меры по развитию и совершенствованию малого и среднего предпринимательства в различных сферах экономики за счёт такого системного подхода как свободные экономические зоны.*

Ключевые слова: *малое предпринимательство, среднее предпринимательство, свободные экономические зоны, конкурентоспособность, инфраструктура, институциональные изменения, бизнес-среда, ресурсный потенциал.*

Одним из важных факторов экономического роста является предпринимательская деятельность. Развитие малого и среднего бизнеса способствует реструктуризации экономики, формированию эффективной структуры видов экономической деятельности и технологической структуры экономики, совершенствованию инфраструктуры рынка, институциональным изменениям. Постоянно меняющаяся конъюнктура рынка, на которую оказывает влияние потребительский спрос, предъявляют к предпринимателям высокие требования. Поэтому в силу своей мобильности на рынке, способности быстро и без значительных потерь перестроиться к потребностям внешней среды, гибкости перепрофилирования, созданием новых рабочих мест производства малые и средние предприятия являются важным институтом социально-экономических отношений. Поддерживая высокий уровень конкурентоспособности на рынке, они приобретают большую значимость для стабилизации производства и устойчивого развития экономики.

В развитых странах предприятия малого и среднего бизнеса являются основой экономического развития, так как они производят более 50% валового внутреннего продукта страны. Это связано с тем, что они имеют значительные преимущества перед крупным бизнесом, которые заключаются в том, что они быстрее насыщают рынок товарами и услугами, на которые предъявляется высокий спрос, функционируют в сфере свободной конкуренции тем самым нивелируя отраслевой и региональный монополизм. Обладая такими преимуществами, малый и средний бизнес вовлекает в производственный процесс значительные резервы рабочей силы, которые крупные предприятия в силу своей технологической особенности не имеют возможности задействовать.

На сегодняшний день в Республике Таджикистан существует достаточно много проблем и барьеров, связанных с развитием эффективного предпринимательства. В целом недостаточно чётко разработан системный подход к управлению предприятиями малого и среднего бизнеса на уровне всей экономики и её отдельных регионов. Необходимы теоретические исследования основных направлений развития и эффективного функционирования предприятий малого и среднего предпринимательства, формирование бизнес-среды в комплексе с основными направлениями развития всей экономики страны в целом [2, с. 44]. В связи с этим одним из механизмов государственной поддержки малого и среднего предпринимательства выступают свободные экономические зоны (СЭЗ), основная цель которых заключается в развитии экономики страны, привлечении инвестиций как внутренних, так и внешних, создании рабочих мест и повышении экспортного потенциала, основанного на более глубокой переработке сырья и производстве продукции с высокой долей добавленной стоимостью [4, с. 192].

Формирование особых условий, которые определяют эффективность свободных экономических зон, по оценкам специалистов, обеспечивают 30% мирового товарооборота [8]. Основными направлениями формирования и функционирования СЭЗ в Таджикистане выступает ресурсный потенциал, географическое положение и социально-экономические цели развития всей страны [3, с. 197]. В связи с этим были созданы следующие СЭЗ в регионах республики – «Сугд», «Дангара», «Ишкошим», «Пяндж» и «Куляб».

Наиболее перспективными направлениями развития данных СЭЗ можно определить следующие.

1. Переработка сельскохозяйственной продукции – Таджикистан обладает богатым природно-климатическим потенциалом, благоприятным климатом и обширными сельскохозяйственными угодьями, что даёт возможность СЭЗ страны создавать перерабатывающие предприятия для производства продукции пищевой промышленности.

2. Развитие текстильной и швейной промышленности – поскольку большая часть хлопка, производимого в Таджикистане экспортируется в необработанном виде, перспективным направлением является создание предприятий полного цикла от переработки хлопка до производства тканей и готовой продукции. Для реализации данного направления можно привлечь инвесторов и создать национальные бренды, ориентированные на региональные и международные рынки [1, с. 122].

3. Энергетика и производство оборудования – как известно, Таджикистан занимает лидирующие позиции по гидроэнергетическим ресурсам в Центральной Азии. Это предоставляет республике возможность производить выработку электроэнергии в больших объёмах и обеспечивать не только национальные потребности, но и экспортировать. Также в стране имеется производственный потенциал развивать производство оборудования для гидро- и солнечной энергетики, создавать «зеленые» СЭЗ с ориентацией на экологически чистую энергию.

4. Развитие туристического бизнеса и гостеприимства – народ Таджикистана славится своим гостеприимством, а страна уникальностью природы: горные массивы Памира, исторические памятники, такие как Саразм и Гиссарская крепость, минеральные и термальные источники, а также культурные традиции. На этой основе можно создавать туристско-рекреационные зоны, как один из типов свободных экономических зон, туристические кластеры в СЭЗ с гостиницами, базами отдыха и сопутствующей инфраструктурой.

5. Информационно-коммуникационные технологии и цифровизация экономики – данное направление является одним из перспективных на сегодняшний день, так как происходит развитие и внедрение новых инновационных технологий во все сферы экономики. В связи с этим Лидер нации, Основатель мира и национального единства, Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмона в своем послании Парламенту Республики Таджикистан 28 декабря 2024 г. объявил 2025–2030 годы «Годами развития цифровой экономики и инноваций» [5]. Благодаря огромной поддержке со стороны Президента, в республике получили развитие различные стартапы, которые использовали специальные программы по предоставлению льгот и инвестиций, IT-парки, аутсорсинговые компании для разработки программного обеспечения и услуг в области кибербезопасности. Особое внимание заслуживает национальный стартам, который зарекомендовал себя на мировом рынке и в данный период реализуется в республике – Zypl.ai. Основная идея данного стартапа была разработана в инкубаторе Startup Garage Стэнфордского университета выпускником GSB и HKS Азизджоном Азими [6]. В рамках данного стартапа была разработана синтетическая модель искусственного интеллекта на основе технологии zGAN, которая является революционным архитектурным решением искусственного интеллекта. В начале 2025 г. один из крупнейших мировых инвесторов в сфере инновационных технологий Prosus Ventures инвестировал в стартап Zypl.ai $2,5 млн при, а также приобрел вторичные акции на $1,4 млн. Реализация данного стартапа значительно повысит уровень цифровизации экономики и как отметил Азизджон Азими «Наш путь создал прецедент для всего региона – и мы только набираем обороты… Синтетические модели – это настоящее и будущее индустрии, и мы стоим в авангарде этого движения» [7].

Для эффективной реализации проектов в свободных экономических зонах необходима государственная поддержка, обеспечение благоприятного инвестиционного климата, упрощение административных процедур, улучшение нормативно-правовой базы, улучшение транспортной и энергетической инфраструктуры, использование информационно-коммуникационных технологий и цифровизация производства. Всё это позволит реализовать системный подход к развитию малого и среднего предпринимательства в стране.

Список литературы

1. Каримова М.Т. Роль свободных экономических зон в развитии промышленности в Таджикистане / М.Т. Каримова // Актуальные вопросы экономики и управления: материалы II Междунар. науч. конф. (Москва, октябрь 2013 г.). – М.: Буки-Веди, 2013. – С. 122–124. – URL: https://moluch.ru/conf/econ/archive/91/4089/ (дата обращения: 18.01.2026).

2. Каримова М.Т. Современное состояние и перспективы развития свободных экономических зон Таджикистана / М.Т. Каримова, Х.Ш. Сафарова // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. – 2023. – №3. – С. 44–49. – EDN EMGWIW.

3. Комилов С.Д. Роль свободных экономических зон в развитии инвестиционного потенциала региона (на примере Республики Таджикистан) / С.Д. Комилов, Ф.М. Гафаров // Проблемы современной экономики. – 2017. – №3 (63). – С. 194–197. – EDN ZSRFAJ.

4. Юсупова М.А. Роль СЭЗ в индустриально-инновационном развитии регионов / М.А. Юсупова // Экономика Таджикистана. – 2022. – №2. – С. 190–196. – EDN BUBACN.

5. URL: https://www.prezident.tj (дата обращения: 23.02.2026).
6. URL: https://zypl.ai/ru/about (дата обращения: 23.02.2026).
7. URL: https://fintech-retail.com/2025/02/21/zypl-ai/ (дата обращения: 23.02.2026).
8. URL: https://mfa.tj/ru/berlin/otnosheniya/svobodnye-ekonomicheskie-zony (дата обращения: 23.02.2026).

Янчу Константин Константинович
магистр, начальник отделения

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ВОЕННОЙ СФЕРЕ РОССИИ: АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ВЕТВИ РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Аннотация: *статья посвящена поиску альтернативных и дополняющих парадигм развития системы государственного военного управления в России в условиях нарастающей неопределенности и появления новых классов угроз (климатических, биологических, когнитивных). Автор, не отвергая значимость традиционных направлений модернизации (цифровизация, централизация), предлагает рассмотреть три потенциальные «ветви» эволюции управленческой модели. Первая ветвь предполагает дополнение жесткой иерархической вертикали адаптивными сетевыми структурами (временными оперативными группами), ориентированными на решение непредсказуемых задач в логике гибридных конфликтов. Вторая ветвь рассматривает общество не как пассивный объект, а как источник стратегической обратной связи и коллективного интеллекта, предлагая механизмы гражданского аудита и краудсорсинга для решения небоевых задач военной сферы. Третья ветвь обосновывает необходимость интеграции в военное планирование принципов упреждающей этики и гуманитарного прогнозирования для системного управления долгосрочными последствиями применения силы. В заключении делается вывод о том, что ключевой компетенцией будущего военного управления становится не просто эффективность, а архитектурная гибкость – способность реконфигурировать систему, выбирая и сочетая различные подходы в зависимости от характера вызовов.*

Ключевые слова: *государственное военное управление, модернизация, адаптивные сети, горизонтальные связи, гражданский аудит, краудсорсинг, упреждающая этика, гуманитарное прогнозирование, архитектурная гибкость, нетипичные угрозы, стратегическое планирование.*

За пределами традиционной модернизации: поиск новых парадигм.

Обсуждение модернизации системы государственного военного управления в России часто сосредотачивается на очевидных векторах: цифровизация, централизация, технологический рывок. Эти направления безусловно важны и составляют основу текущей трансформации. Однако в условиях нарастающей непредсказуемости, сжатия временных циклов принятия решений и появления принципиально новых классов угроз (климатических, биологических, когнитивных) возникает необходимость рассмотреть альтернативные или дополняющие пути развития. Данная работа предлагает взгляд на три потенциальные «ветви» эволюции системы управления, которые выходят за рамки оптимизации существующих процессов и предлагают пересмотр некоторых базовых принципов организации. Речь идет не об отмене действующего курса, а о его обогащении за счет гибких, нетривиальных и в чем-то даже асимметричных подходов.

От «вертикали власти» к «адаптивным сетевым структурам»: управление в условиях хаоса.

Доминирующая парадигма управления в военной сфере – это четкая, иерархическая вертикаль, обеспечивающая единство командования и контроля. Ее эффективность в классических конфликтах неоспорима. Однако гибридные войны, действия негосударственных

акторов и необходимость быстрого реагирования на локальные инциденты требуют иной, дополнительной логики – логики адаптивных сетей.

Суть подхода заключается в легализации и институционализации горизонтальных связей управления на тактическом и оперативно-тактическом уровнях. Речь идет о создании в мирное время штатных, но «виртуальных» структур – временных оперативных групп (ВОГ), которые формируются под конкретную задачу из представителей различных родов войск, силовых ведомств (МЧС, Росгвардия), гражданских специалистов (кибернетики, логисты, психологи) и даже местных администраций. Эти группы работают на основе общего протокола взаимодействия (тактического стандарта), имеют доступ к необходимым данным в едином информационном контуре и значительную степень автономии в принятии решений для достижения поставленной цели.

Механизмы реализации:

– *создание платформы тактического взаимодействия*: цифровая среда (аналогичная коммерческим платформам для управления проектами), где автоматически создается «рабочее пространство» под задачу, приглашаются необходимые участники, стыкуются их права доступа к данным и средствам связи;

– *культивирование «менеджеров военных проектов»:* введение в штаты новой категории офицеров-управленцев, чья основная задача – не командование подразделением в классическом смысле, а координация и интеграция усилий разнородных сил в рамках конкретного проекта (например, «обеспечение безопасности крупного международного мероприятия», «ликвидация последствий кибератаки на критическую инфраструктуру региона»);

– *переход от плановых учений к «сетевым стресс-тестам»:* регулярное проведение нештатных ситуационных игр, где заранее неизвестен состав участников и четкий сценарий, а цель – отработать процедуры быстрого установления доверия, обмена информацией и координации в условиях дефицита времени и неполных данных.

Преимущество такого подхода – невероятная гибкость и скорость реакции на непредсказуемые угрозы. Риск – потенциальная эрозия единоначалия и необходимость кардинального изменения военной культуры, где инициатива и ответственность за результат будут цениться выше, чем простое исполнение приказа.

«Обратная связь» как стратегический актив: гражданский аудит и общественное проектирование безопасности.

Традиционно связь армии и общества строится по схеме «информирование – воспитание – поддержка». Общество выступает объектом воздействия и источником ресурсов. Альтернативная ветвь предлагает рассмотреть общество как источник стратегической обратной связи, коллективного интеллекта и даже гражданского контроля в сфере, которая всегда считалась исключительной прерогативой государства.

Речь не идет о вмешательстве в оперативное управление или раскрытии гостайны. Речь идет о создании легитимных каналов для участия гражданских экспертов, ученых, представителей бизнеса и просто ответственных граждан в решении конкретных управленческих проблем военной сферы, не связанных непосредственно с боевым применением.

Механизмы реализации.

Гражданские экспертные советы при ключевых департаментах Минобороны: постоянно действующие структуры, состоящие из независимых экономистов, экологов, социологов, IT-специалистов, которые проводят аудит процессов в зонах, открытых для обсуждения: энергоэффективность военных городков, экологический мониторинг полигонов, анализ эффективности социальных программ для военнослужащих, usability военных цифровых сервисов для семей военных.

Платформы краудсорсинга для решения технологических задач («военный Иннополис»): публикация в специальном закрытом контуре для проверенных участников (студенты

технических вузов, инженеры, ученые) конкретных технических проблем, с которыми столкнулись войска (например, «способ защиты аппаратуры от перегрева в условиях пустыни», «алгоритм распознавания целей на зашумленном изображении»). Лучшие решения поощряются грантами, премиями, контрактами.

Партисипаторное бюджетирование в части инфраструктуры гарнизонов: предоставление военнослужащим и членам их семей права участвовать в распределении части бюджета, выделяемого на благоустройство гарнизонов (спортивные площадки, детские комнаты, зоны отдыха), через голосование за проекты.

Этот подход кардинально повышает уровень общественного доверия, создает новые каналы для «утечки» инноваций в армию из гражданского сектора и формирует у граждан чувство сопричастности и реальной ответственности за оборону страны. Основное препятствие – преодоление глубинного стереотипа о полной закрытости военной сферы и недоверие со стороны части военного аппарата.

Упреждающая этика и гуманитарное прогнозирование: управление последствиями применения силы.

Современное военное управление фокусируется на планировании и осуществлении применения силы. Гораздо меньше внимания уделяется системному управлению последствиями этого применения – как на поле боя, так и в долгосрочной гуманитарной, социальной, экологической и правовой перспективе. Новая ветвь развития предполагает интеграцию принципов упреждающей этики и инструментов гуманитарного прогнозирования в процесс планирования операций и разработки вооружений.

Механизмы реализации.

Создание в структуре Генерального штаба и штабов военных округов подразделений оценки гуманитарных последствий (ОГП): в их задачи входит моделирование и оценка не только военных, но и неизбежных гуманитарных последствий планируемых действий (потоки беженцев, разрушение критической гражданской инфраструктуры, экологический ущерб, долгосрочные психологические травмы населения). Выводы ОГП становятся обязательным элементом доклада командиру при принятии решения.

Разработка и внедрение «этических протоколов» для автономных систем и систем с элементами ИИ: закрепление на уровне технических заданий и программного кода ряда ограничений и правил (аналогичных «Трем законам робототехники», но более конкретных), регулирующих применение автономного оружия, например, полный запрет на атаку объектов с заранее неизвестным статусом, приоритет минимизации сопутствующего ущерба даже в ущерб тактической эффективности.

Подготовка офицеров – «медиаторов» и «восстановителей»: специализация части офицерского корпуса не на ведении боевых действий, а на установлении диалога с местным населением на освобожденных территориях, организации гуманитарной помощи, восстановлении работы гражданских институтов. Их задача – нести не только силу, но и легитимность, сразу же запуская процессы послевоенного восстановления и снижая уровень враждебности.

Эта ветвь направлена на формирование долгосрочных позитивных результатов применения силы, укрепление морального авторитета армии и соответствие формирующимся международным нормам в области ответственного применения новых технологий. Это инвестиция в будущую стабильность и репутацию государства.

Заключение.

Управление выборами: гибкость как главный принцип.

Представленные альтернативные ветви – «адаптивные сети», «гражданский аудит» и «упреждающая этика» – не являются взаимоисключающими и тем более не заменяют собой базовую модернизацию. Они представляют собой стратегические опции, набор инструментов, которые могут быть активированы в зависимости от характера вызовов.

Ключевой компетенцией будущего военного управления становится не просто эффективность в рамках заданной модели, а *способность к архитектурной гибкости* – умение быстро реконфигурировать саму систему управления, переключаясь между иерархической вертикалью и сетевыми структурами, между режимом закрытости и режимом избирательной открытости для общества, между логикой силового решения и логикой управления последствиями.

Новый облик государственного военного управления в России может и должен включать в себя эту многовариантность. Это путь от системы, идеально отлаженной для войн прошлого, к системе, способной к концептуальному разнообразию и интеллектуальной адаптации для обеспечения безопасности в сложном, многомерном и непредсказуемом мире будущего. Выбор и сочетание этих путей – и есть главная управленческая задача следующего десятилетия.

Список литературы

1. Бартош А.А. Гибридные войны: новая архитектура угроз и обороны / А.А. Бартош // Военная мысль. – 2020. – №6. – С. 5–18. – ISSN 0236-2058.

2. Ефимов Н.Н. Принципы организации управления в гибридной войне: от иерархии к гетерархии / Н.Н. Ефимов, Д.В. Поляков // Проблемы управления. – 2022. – №4 (89). – С. 45–56. – DOI 10.25728/pu.2022.4.4.

3. Крутских А.В. Когнитивная война: новый этап развития информационного противоборства / А.В. Крутских // Международная жизнь. – 2022. – №5. – С. 62–73. – ISSN 0130-9625.

4. Панченко А.Ю. Сетевые структуры в системе обеспечения военной безопасности государства / А.Ю. Панченко // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2021. – Т. 17. №9 (402). – С. 1752–1767. – DOI 10.24891/ni.17.9.1752.

5. Чебан В.В. О сущности и содержании войн будущего: взгляд на проблему / В.В. Чебан // Военная мысль. – 2023. – №1. – С. 25–38. – ISSN 0236-2058.

МЕНЕДЖМЕНТ И МАРКЕТИНГ

Бабкевич Елизавета Романовна
магистрант

Научный руководитель
Мантуленко Валентина Вячеславовна
канд. пед. наук, доцент

ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет»
г. Самара, Самарская область

ФОРМИРОВАНИЕ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация: *в статье рассматриваются вопросы формирования стратегии развития предприятия в условиях макроэкономической нестабильности 2026 года. На примере ООО «Минерал Групп» предложены практические рекомендации, включающие сценарное планирование, адаптацию товарной политики и повышение операционной эффективности.*

Ключевые слова: *стратегия развития, сценарное планирование, строительная отрасль, товарная политика, операционная эффективность.*

В современных экономических условиях формирование эффективной стратегии развития предприятия становится критическим фактором не только достижения конкурентных преимуществ, но и обеспечения выживаемости бизнеса. Как справедливо отмечают эксперты, в середине 2020-х годов «стратегия перестает быть разговором о мечте. Она становится прикладной дисциплиной про управляемое будущее: как разложить неопределенность на измеримые части и начать с ней работать» [1]. Актуальность темы исследования обусловлена совокупностью макроэкономических факторов, определяющих условия функционирования российских предприятий в 2026 году. Ключевая ставка Банка России на уровне 15,50% годовых встроена в любую модель роста – от оборотного финансирования до долгосрочных инвестиций. Рекордно низкая безработица (2,2% в декабре 2025 года) сжимает выбор на рынке труда, повышает стоимость найма и усиливает конкуренцию за квалифицированные кадры [1]. Инфляционные ожидания населения остаются повышенными, что влияет на потребительское поведение и структуру спроса. Особую значимость стратегическое планирование приобретает для предприятий строительной отрасли, которая в 2025–2026 годах столкнулась с существенными структурными изменениями. Согласно данным аналитических агентств, ожидается умеренный рост сектора на уровне 1,8% при одновременном замедлении темпов ввода жилья (снижение около 5%) и падении спроса на отдельные виды материалов [2]. В этих условиях успешными будут те компании, которые смогут адаптировать свои стратегии к новым реалиям: высокой стоимости капитала, дефициту кадров, изменению потребительских предпочтений в сторону экологичности и безопасности материалов [2].

В современной экономической литературе под стратегией развития предприятия понимается долгосрочная программа действий, направленная на достижение устойчивых конкурентных преимуществ и реализацию миссии компании в условиях изменяющейся внешней среды. Ключевая особенность стратегического подхода заключается в переходе от реактивного управления (реагирования на события) к проактивному (формированию желаемого будущего). Исследователи подчеркивают междисциплинарный характер стратегического управления: математика и статистика отделяют шум от сигнала, теория игр учитывает ответные ходы конкурентов, история возвращает к устойчивым паттернам поведения, география и логистика напоминают об ограничениях инфраструктуры [1]. Современная концепция стратегического управления предполагает наличие трех временных горизонтов, каждый из которых требует особых подходов и инструментов: горизонт 90 дней (операционная тактика),

горизонт 12 месяцев (построение экономики продукта), горизонт 3 года (стратегические ставки). Ключевым инструментом работы с неопределенностью выступает сценарный подход, предполагающий разработку 3–4 жизнеспособных сценариев и портфеля шагов под них [1].

Строительная отрасль России в 2026 году функционирует в сложных, но структурированных условиях. Согласно прогнозам, ожидается умеренный рост сектора на уровне 1,8% [3]. Основными драйверами рынка становятся проекты по созданию центров обработки данных и развитие энергетической инфраструктуры. Значительное влияние на рынок оказывает рост тарифов на сталь и алюминий: эффективная ставка пошлин на строительные товары достигла максимума за 40 лет и составляет от 25% до 30% [3]. Ситуация с кадрами остается одной из наиболее сложных проблем: по прогнозам, в 2026 году девелоперам потребуется дополнительно 499 тысяч новых квалифицированных сотрудников, при этом около 41% текущего персонала планирует выйти на пенсию к 2031 году [3]. Эксперты выделяют три главных тренда, формирующих стратегическую повестку строительной отрасли в 2026 году: экология как норма (16,5% покупателей учитывают экологичность материалов), акустический комфорт как необходимость, безопасность во главе угла (введена обязательная маркировка стройматериалов) [2].

Объектом исследования выступает ООО «Минерал Групп» – предприятие строительной индустрии, расположенное в г. Самара и осуществляющее деятельность с 2013 года. Компания специализируется на производстве строительных материалов, включая известь, щебень, минеральный порошок, бетонную тротуарную плитку и изделия из известняка. Ассортиментный ряд предприятия включает 5 основных товарных групп и более 20 видов продукции. Анализ динамики экономических показателей за 2021–2024 гг. позволяет сделать вывод о нестабильной ситуации на предприятии. Объем валовой продукции в 2024 году составил 358 322 тыс. руб., что на 1,08% выше уровня 2023 года, однако объем реализованной продукции снизился на 0,33% до 332 704 тыс. руб. Производительность труда сократилась на 1,4% до 1 257,27 тыс. руб. на человека при росте среднесписочной численности на 2,52%. Позитивным фактором является рост чистой прибыли на 12,46% до 7 240 тыс. руб. и увеличение рентабельности продаж до 2,18%. Анализ ликвидности выявил критически низкий уровень абсолютной ликвидности (0,043 при норме $\geq 0,2$), что свидетельствует о недостатке наиболее ликвидных активов для покрытия краткосрочных обязательств. Коэффициент текущей ликвидности (2,97) формально соответствует нормативу, но находится у нижней границы. Основной вид деятельности компании характеризуется сезонностью: пик производства и сбыта приходится на II-III кварталы (более 73% годового объема), минимум – на зимний период. Структура товарооборота показывает преобладание традиционных строительных материалов (известь, щебень), составляющих около 77% продаж. Продукция базового ассортимента демонстрирует минимальный рост (менее 1%), отдельные категории (прессованная плитка, колонны, мозаика) показывают снижение объемов, перспективные направления (литая плитка, порошковые материалы) демонстрируют рост 3–7%. Проблемой является рост остатков готовой продукции (темп роста до 124%), что указывает на недостаточно эффективное управление запасами и прогнозирование спроса.

Систематизация сильных и слабых сторон, возможностей и угроз предприятия позволяет выделить следующие ключевые моменты. Сильные стороны: широкий ассортиментный перечень, гарантия качества и соответствие ГОСТам, наличие современной производственной базы, экологически чистое производство. Слабые стороны: редкое обновление ассортимента, неразвитость маркетинга, рост остатков продукции, сезонность, недостаток ликвидности. Возможности: совершенствование информационных технологий, увеличение доли рынка, импортозамещение в связи с уходом иностранных конкурентов, рост спроса на экологичные материалы. Угрозы: макроэкономическая нестабильность, сезонные колебания спроса, рост цен на сырье, усиление требований к безопасности материалов.

На основе проведенного анализа сформулированы ключевые направления стратегии развития ООО «Минерал Групп». Первое направление – адаптация товарной политики к рыночным трендам. В условиях роста спроса на экологичные и безопасные материалы целесообразно сделать ставку на эти характеристики в позиционировании продукции. Предприятию рекомендуется расширить ассортимент за счет импортозамещающей продукции, например, запустить производство фасадной минеральной декоративной штукатурки, что позволит занять нишу, освободившуюся после ухода иностранных производителей (Ceresit). Экономическая эффективность такого решения подтверждается расчетами: при инвестициях 1,9 млн руб. срок окупаемости составляет 3–4 месяца. Второе направление – повышение операционной эффективности в условиях дорогого капитала. Высокая ключевая ставка требует особого внимания к управлению оборотным капиталом: необходимо внедрение системы управления запасами для снижения остатков готовой продукции, оптимизация дебиторской задолженности (41,3 млн руб. на конец 2024 г.), проведение ABC-XYZ-анализа для фокусировки на наиболее маржинальных позициях, сокращение производственного цикла за счет применения инструментов бережливого производства.

Третье направление – внедрение сценарного планирования. Предприятию необходимо разработать несколько сценариев развития с определением «переключателей» – индикаторов, сигнализирующих о необходимости перехода между сценариями. Оптимистический сценарий предполагает снижение ключевой ставки до 12–14% и оживление спроса, что позволяет расширять ассортимент, инвестировать в маркетинг и нанимать персонал. Базовый сценарий (сохранение текущих условий) ориентирован на умеренный рост, оптимизацию затрат и работу с существующим ассортиментом. Пессимистический сценарий (дальнейшее ухудшение макроэкономической ситуации) требует сокращения издержек, фокуса на наиболее ликвидных позициях и консервации части мощностей. Четвертое направление – развитие кадрового потенциала. Учитывая кадровый дефицит в отрасли, стратегия должна включать программы удержания ключевых сотрудников, повышение производительности труда за счет автоматизации, развитие цифровых компетенций персонала, внедрение системы сбора и стимулирования рационализаторских предложений («фабрика идей»). Пятое направление – цифровая трансформация бизнес-процессов. Внедрение цифровых технологий становится обязательным условием конкурентоспособности, позволяя сокращать сроки выполнения работ на 20%. Рекомендуется внедрение CRM-системы для управления взаимоотношениями с клиентами, автоматизация складского учета с использованием штрих-кодирования, развитие интернет-маркетинга и продаж через цифровые каналы, создание цифровых паспортов качества продукции.

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить ключевые проблемы ООО «Минерал Групп» (рост остатков продукции, недостаток ликвидности, сезонность) и разработать комплекс рекомендаций по формированию стратегии развития, включающий адаптацию товарной политики к рыночным трендам, повышение операционной эффективности в условиях дорогого капитала, внедрение сценарного планирования, развитие кадрового потенциала и цифровую трансформацию, что позволит предприятию укрепить конкурентные позиции и обеспечить устойчивое развитие.

Список литературы

1. Горгуль Г. Стратегия в 2026: как сделать нужный исход логическим следствием / Г. Горгуль // РБК Компании. – URL: https://companies.rbc.ru/news/beWi3YtWqT/strategiya-v-2026-kak-sdelat-nuzhnyij-ishod-logicheskim-sledstviem (дата обращения: 12.03.2026).

2. Эксперты назвали три главных тренда строительного рынка в 2026 году. – URL: https://incrussia.ru/news/eksperty-nazvali-tri-glavnyh-trenda-stroitelnogo-rynka-v-2026-godu/ (дата обращения: 12.03.2026).

3. Строительная отрасль адаптирует стратегии к экономическим вызовам 2026 года // CFO Russia. – URL: https://www.cfo-russia.ru/issledovaniya/?article=97151 (дата обращения: 12.03.2026).

4. Абрютина, М. С. Экономический анализ товарного рынка и торговой деятельности: учеб. пособие / М. С. Абрютина. – М.: Дело и Сервис, 2025. – 464 с.

5. Савицкая Г.В. Комплексный анализ хозяйственной деятельности предприятия: учебник / Г.В. Савицкая. – М.: НИЦ ИНФРА-М, 2020. – 608 с. EDN IXLFIY
6. Федько В.П. Товарная политика организации: учебник для вузов / В.П. Федько. – СПб.: Питер, 2025. – 608 с.

Беркович Ольга Ефимовна
канд. пед. наук, доцент
Московский областной филиал
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ»
г. Красногорск, Московская область
Матрёшина Евгения Борисовна
канд. психол. наук, доцент, доцент
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского»
г. Нижний Новгород, Нижегородская область
Тхоренко Татьяна Денисовна
магистрант
Московский областной филиал
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ»
г. Красногорск, Московская область

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОМАНДНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В УПРАВЛЕНИИ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Аннотация: *в статье рассматриваются ключевые психологические аспекты командного взаимодействия в управлении проектной деятельностью. Анализируются механизмы межличностной коммуникации, распределения ролей, формирования доверия, психологической безопасности, эмоционального интеллекта и управления конфликтами; использованы научные исследования российских авторов, результаты собственных исследований (проведенных в период с 2020 по 2024 г.), что обеспечивает научную обоснованность выводов. Материал может быть использован в образовательной, исследовательской и практической деятельности в области управления проектами.*

Ключевые слова: *проектная деятельность, командное взаимодействие, коммуникация, эмоциональный интеллект, психологическая безопасность, управление конфликтами, проектная команда.*

Современная проектная деятельность характеризуется высокой степенью неопределённости, временными ограничениями и необходимостью координации действий специалистов различного профиля. В таких условиях психологические аспекты командного взаимодействия становятся определяющим фактором успешности проекта.

Как отмечают Г.Р. Шагеева, И.И. Павлова, чьи точки зрения нам близки, проектная деятельность представляет собой особый вид управленческой активности, направленный на достижение уникального результата в условиях ограничений по ресурсам, времени и качеству [10, с. 4–5]. Проектная команда – это временная группа специалистов, объединённых общей целью, задачами и ограниченными ресурсами. Её эффективность определяется сочетанием профессиональных компетенций и психологических характеристик взаимодействия.

Ряд исследователей в сфере управления проектной деятельностью (в частности: Л.В. Ершова, А.М. Чеботарев, С.П. Андрианов и др.) подчёркивают, что неправильно подобранный для проекта менеджер может существенно снизить мотивацию команды, а значит, и сроки выполнения проекта [8, с. 386–393].

К основным механизмам совместной деятельности, определяющим способность команды к координации, адаптации и принятию решений в социологии и социальной психологии чаще всего относят: мотивацию участников, их межличностное восприятие и социальные роли в командном взаимодействии, их возможности и уровень эмоциональной регуляции, взаимного доверия и психологической безопасности, а также групповую сплочённость проектной команды [1, с. 12, 18, 36].

Как нами упоминалось ранее, в командообразовании в процессе совместной проектной деятельности, центральным элементом взаимодействия уместно считать коммуникативную компетентность членов команды. Коммуникация обеспечивает обмен информацией, координацию действий и формирование общего видения проекта: «Развитие коммуникативного потенциала юриста представляет собой систему свойств, умений и индивидуальных способностей, обеспечивающих ей успешность общения, понимания и взаимопонимания с участниками проектной деятельности, способности к овладению коммуникативными качествами, умениями и навыками общения. Коммуникативный потенциал будущего юриста является основой успешного овладения проектной деятельностью» [1, с. 27].

Как предшествующие исследования авторов, так и проанализированные нами вышеперечисленные научные источники, дают основания полагать: не достаточная степень развитости навыков коммуникации, мотивационного, волевого компонентов у членов проектной команды – могут повлечь повышение конфликтного фона взаимодействия, снижение мотивационной активности, эмоционально-волевой регуляции. В частности, такое снижение может отразиться в коммуникативных барьерах, возникающих вследствие различия представлений о профессиональном языке, недостатке информации, искажении сообщений, не вполне адекватных ситуации взаимодействия эмоциональных реакций – что, в свою очередь, может стать причиной межличностного конфликта [2, с. 48–50]. К причинам конфликтов в проектной команде в практике социального взаимодействия часто относят: несовпадение целей и интересов; различия в стилях работы; неравномерное распределение нагрузки; личностные особенности; дефицит информации.

В этой связи нам представляется уместным обратить внимание на роль лидера, руководителя проектной команды в организации подготовки коллектива к осуществлению проектной деятельности. Такая организация предполагает свое начало от непосредственного набора в команду проекта, на этапе командообразования [3, с. 31–34]. Нам близка точка зрения Н.Ю. Филоненко, А.М. Чеботарева, С.П. Андрианова, Л.В. Ершовой о роли руководителя в проектном коллективе как, прежде всего, о лидере, который правильно использует ресурсы, создаёт команду [7, p. 06015]. Если рассмотреть упрощенный вариант схемы коммуникаций руководителя с группами в проектной команде, можно выделить три основных направления: аналитики, исполнители, коммуникаторы (по нисходящей), заказчик (стейкхолдер) – по восходящей. Стоит упомянуть о многоплановом характере коммуникаций в проектной команде, а также о необходимость прозрачности информационных потоков в ней. Таким образом, роль руководителя проекта, это не только роль функционального управленца, а и роль «менеджера»: организатора, заинтересованного и мотивирующего подчинённых на достижение конечного результата [5, с. 11–15]. Так руководитель проектной команды обоснованно выполняет и управленческую деятельность по регулированию конфликтов. Как нами упоминалось в более ранних исследованиях [1, с. 49–59; 3, с. 31–34; 4, с. 33–58] и др. – конфликты в команде неизбежны. В этой связи возрастает роль правильно подобранных, уместных методов управления конфликтами на каждом этапе конфликтного взаимодействия в интерсубъектном пространстве. Подобный подход способен обеспечить либо предотвращение конфликта, либо – его конструктивное разрешение, что, в свою очередь, может способствовать большей сплоченности в коллективе, повышению уровня доверия и, как следствие – повышению творческой активности.

Высокий уровень профессиональной компетентности руководителя проекта предполагает высокую степень развития навыков в эмоционально-волевой сфере. В современной

психологии, социальной психологии и других науках психологического цикла подобную компетентность: как на личностном, так и на межличностном, социальном уровнях – принято определять как эмоциональный интеллект.

Как показывает практика социального взаимодействия, руководитель с развитым эмоциональным интеллектом формирует в команде здоровую атмосферу. Это снижает число скрытых конфликтов, повышает мотивацию и способствует более открытому обмену информацией. В таких условиях решения принимаются быстрее, а ошибки корректируются конструктивно. Эмпатия помогает лидеру точнее распределять роли, учитывая сильные стороны сотрудников, а навыки саморегуляции позволяют сохранять стабильность даже в кризисных ситуациях.

Для команды эмоциональный интеллект является инструментом эффективного взаимодействия. Умение распознавать эмоциональные сигналы коллег способно облегчать коммуникацию, снижать напряжение и способствовать более гармоничному сотрудничеству. Команды, в которых участники обладают высоким уровнем эмоционального интеллекта быстрее проходят конфликтные фазы развития и достигают стадии продуктивного сотрудничества.

Таким образом, полагаем, что эмоциональный интеллект в современном управлении так же важен, как профессиональные навыки и аналитические способности, поскольку способствует формированию основы устойчивого и результативного взаимодействия в проектной команде.

Представляется, что психологическая безопасность и доверие играют роль фундаментальных компонентов эффективного командного взаимодействия. Эта роль особенно важна и заметна условиях проектной деятельности, где высокая степень неопределённости требует от участников открытости, гибкости и готовности к совместному принятию решений. Д.Д. Вильданов и Р.Ф. Сулейманов определяют психологическую безопасность как «климат, в котором людям комфортно выражать себя и быть собой» [6, с. 76–77]. В командах, где участники ощущают поддержку и уважение, формируется атмосфера, способствующая инновациям, обучению, креативному мышлению, творчеству и быстрому разрешению проблем.

Доверие, в свою очередь, является системообразующим элементом групповой динамики. Как подчёркивают В.И. Павлов, В.И. Корниенко, И.И. Павлова, доверие, сформированное между членами команды, позволяет им сплотиться для реализации социально одобряемой цели, стоящей перед ней, мотивироваться на эффективность ее реализации в совместном творческом взаимодействии [9, с. 153–158]. В этой связи доверие проявляется через последовательность действий, прозрачность решений и справедливое распределение ответственности.

Полагаем важным отметить, что руководитель проекта играет ключевую роль в формировании этих условий. Его способность к эмпатии, эмоциональной регуляции и поддержке инициативы определяет, насколько безопасной и доверительной будет среда внутри команды. В условиях высокой психологической безопасности участники охотнее берут на себя ответственность, делятся идеями и конструктивно реагируют на критику. В этой связи психологическую безопасность и доверие полагаем уместным рассматривать как факторы, существенно влияющие на эффективность проектной деятельности.

На основании проведенного нами научного исследования представляется уместным сделать выводы о том, что психологические аспекты командного взаимодействия являются ключевым фактором успешной реализации проектов. Эффективная коммуникация, распределение ролей, эмоциональный интеллект, доверие и психологическая безопасность формируют основу продуктивной работы команды. Роль руководителя проекта занимает центральное место в его организации и управлении, обеспечивая формирование профессиональной (в том числе и коммуникативной) компетентности членов проектной команды, её сплочённости, обеспеченной высоким уровнем эмоционального интеллекта, доверия и психологической

безопасности, мотивированности на эффективную творческую реализацию социально одобряемых целей, стоящих перед проектной деятельностью.

Список литературы

1. Беркович О.Е. Психологические основы организации и управления проектной деятельностью в сфере юриспруденции: учеб. пособие / О.Е. Беркович, Е.Б. Матрешина, И.А. Киселева, Е.В. Шарунова. – Казань: Бук, 2022. – 76 с. – ISBN 978-5-00118-854-4. – EDN BEPRVD.

2. Беркович О.Е. Юридическая психология в правоохранительной деятельности: учеб. пособие для курсантов, слушателей и студентов-юристов по дисциплине «Юридическая психология в правоохранительной деятельности», «Юридическая психология», «Оперативно-розыскная психология» / О.Е. Беркович, Е.Б. Матрешина. – Казань: Бук, 2022. – 146 с. – ISBN 978-5-00118-932-9. – EDN ELICIO.

3. Беркович О.Е. Психология организации коллективной проектной деятельности будущих юристов / О.Е. Беркович, Е.Б. Матрешина, А.В. Бутырская // Юридическая психология. – 2022. – №1. – С. 31–34. – DOI 10.18572/2071-1204-2022-1-31-34. – EDN XQFCRU.

4. Беркович О.Е. Юридическая психология: учеб.-метод. пособие / О.Е. Беркович, Е.Б. Матрешина; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. – Казань: Бук, 2020. – 130 с. – ISBN 978-5-00118-536-9. – EDN TYNDGJ.

5. Бурмистров С.В. Влияние приложений для ментального здоровья на преодоление академического стресса у студентов / С.В. Бурмистров, И.И. Павлова // Психолого-педагогическое образование в современных условиях: материалы VIII Всероссийской науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Чебоксары, 2025. – С. 11–15. EDN GVYECW

6. Вильданов Д.Д. Влияние психологической безопасности на рабочий процесс, а также как добиться психологической безопасности в своей организации / Д.Д. Вильданов, Р.Ф. Сулейманов // Студенческая наука. – 2024. – С. 76–77. EDN IIRYXO

7. National Strategies for Sustainable Development G-7: Trends 2010–2020 / R. Khussamov, E. Galiy, E. Anisimov, L. Ershova [et al.] // E3S Web of Conferences. – Yekaterinburg: EDP Sciences, 2020. – Vol. 208. – P. 06015. – DOI 10.1051/e3sconf/202020806015. – EDN MDACHD.

8. Ершова Л.В. Реализация инновационных технологий для формирования лидерских компетенций на основе внутривузовского сотрудничества / Л.В. Ершова // Современное образование: векторы развития. Социально-гуманитарное знание и общество: материалы VII конф. с междунар. участием, посвящ. 150-летию МПГУ / под общ. ред. М.М. Мусарского, Е.А. Омельченко, А.А. Шевцовой. – М.: Московский педагогический государственный университет, 2022. – С. 386–393. – DOI 10.37492/ETNO.2022.59.97.049. – EDN DBLMPD.

9. Павлов В.И. Законы творчества в педагогическом опыте профессоров Ю.П. Сокольникова и И.П. Прокопьева / В.И. Павлов, И.И. Павлова // Яковлевские чтения: патриотизм, гражданственность, духовность в аспекте современных социокультурных процессов: сб. ст. по материалам II Всероссийской науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2025. – С. 153–158. – EDN AVBRSW.

10. Шагеева Г.Р. Проектная деятельность. Организация деятельности в проектной экономике: учеб.-метод. пособие / Г.Р. Шагеева. – М.: Мир науки, 2023. – 22 с. EDN OCIWQA

Захарова Наталья Викторовна
бакалавр, студентка

Научный руководитель
Безбородова Юлия Владимировна
канд. филол. наук, доцент, доцент
ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет»
г. Нижневартовск, ХМАО – Югра

DOI 10.31483/r-154708

SMM КАК ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ВНЕШНЕГО ИМИДЖА УНИВЕРСИТЕТА (НА ПРИМЕРЕ СООБЩЕСТВА «ВКОНТАКТЕ» НИЖНЕВАРТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)

Аннотация: *в статье рассматривается потенциал технологий Social Media Marketing (SMM) как инструмента формирования внешнего имиджа современного университета. Эмпирическую базу исследования составили количественные данные официальных сообществ Нижневартовского государственного университета (НВГУ), Югорского государственного университета (ЮГУ) и Сургутского государственного университета (СурГУ) в социальной сети «ВКонтакте», собранные и обработанные с помощью сервиса Popsters за период с января по ноябрь 2025 года. На основе сравнительного анализа абсолютных показателей и рассчитанных относительных метрик вовлеченности выявлено, что ставка на диалоговую активность и качественное взаимодействие с аудиторией позволяет НВГУ сформировать высоколояльное сообщество, что является трудно воспроизводимым конкурентным преимуществом и фундаментом для укрепления имиджа вуза как научно-образовательного центра региона.*

Ключевые слова: *SMM, имидж университета, внешний имидж, социальные сети, ВКонтакте, цифровые коммуникации, маркетинг в социальных сетях, маркетинг в образовании.*

В условиях цифровизации всех сфер жизни и растущей конкуренции на рынке образовательных услуг, социальные сети перестают быть просто площадкой для информирования и превращаются в ключевой канал стратегических коммуникаций. Для вузов Social Media Marketing (далее SMM) выступает не только инструментом продвижения, но и комплексной технологией управления внешним имиджем, позволяющей формировать устойчивые связи с целевой аудиторией – абитуриентами, студентами, родителями, партнерами.

Объектом исследования выступает сообщество «ВКонтакте» Нижневартовского государственного университета (далее НВГУ). Предметом исследования является SMM как технология формирования внешнего имиджа университета.

Цель исследования – оценка эффективности применения SMM-технологии для формирования внешнего имиджа Нижневартовского государственного университета (далее НВГУ) в сравнении с вузами-конкурентами.

Для достижения поставленной цели решались следующие задачи:

– проанализировать деятельность Отдела по связям с общественностью НВГУ в цифровой среде;

– провести сравнительный анализ активности официальных сообществ НВГУ, Югорского государственного университета (далее ЮГУ) и Сургутского государственного университета (далее СурГУ) в социальной сети «ВКонтакте»;

– рассчитать ключевые метрики вовлеченности (ERday, ERpost) и на их основе определить эффективность контент-стратегии.

Нижневартовский государственный университет – первый вуз Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, который на текущий момент реализует 141 образовательную программу [3; 4]. В структуре университета ключевую роль в управлении коммуникациями

играет Отдел по связям с общественностью (ОСО), в задачи которого входит ведение официальных сообществ в социальных сетях: ВКонтакте, Telegram, Одноклассники, RuTube, Яндекс Дзен [2]. Согласно данным на ноябрь 2025 года, основная часть целевой аудитории сосредоточена в сетях ВКонтакте (9 481 подписчик) и Telegram (2 032 подписчика).

Основными региональными конкурентами НВГУ выступают Югорский государственный университет (ЮГУ, г. Ханты-Мансийск) и Сургутский государственный университет (СурГУ, г. Сургут), что создает высококонкурентную среду и требует от НВГУ четкого позиционирования [5].

Для достижения поставленной цели был проведен анализ официальных сообществ трех университетов в социальной сети «ВКонтакте» за период с 1 января по 1 ноября 2025 года. Выбор данной цифровой платформы в качестве базовой для исследования обусловлен тем, что именно в ней сосредоточена наибольшая аудитория подписчиков НВГУ (9 481 человек на начало ноября 2025 года) по сравнению с другими официальными аккаунтами университета (Telegram, Одноклассники, RuTube, Яндекс Дзен), что делает сообщество ВКонтакте наиболее репрезентативным для анализа внешнего имиджа вуза.

Методологическую основу составил сбор количественных данных (подписчики, публикации, лайки, репосты, комментарии, просмотры) с помощью сервиса Popsters (https://popsters.ru) и их последующий анализ с расчетом относительных метрик вовлеченности: коэффициента ежедневной вовлеченности (ERday) и вовлеченности на пост (ERpost).

Анализ количественных показателей (таблица 1) показывает, что по абсолютному числу подписчиков НВГУ (9 481) уступает как СурГУ (17 486), так и ЮГУ (11 798). Однако, несмотря на это, сообщество НВГУ демонстрирует уникальные качественные результаты.

Таблица 1

Сравнительный анализ сообществ в социальной сети ВКонтакте
в период с 1 января по 1 ноября 2025 года, шт.

Критерий	Наименование		
	НВГУ	СурГУ	ЮГУ
Подписчики	9481	17486	11798
Публикации	914	1 118	860
Лайки	70 340	58 918	77 141
Репосты	5 756	7 055	10 212
Комментарии	6 348	1 075	4 173
Просмотры	3 602 148	3 705 218	3 982 805

Таким образом, при наименьшем количестве подписчиков НВГУ лидирует по числу комментариев и вплотную приближается к лидерам по лайкам и просмотрам, что свидетельствует о высокой активности и лояльности его аудитории.

Для более глубокого понимания динамики развития сообществ были проанализированы помесячные изменения ключевых метрик.

Анализ просмотров (рис. 1) демонстрирует, что ЮГУ является лидером по общему охвату, сохраняя стабильно высокие позиции на протяжении всего года.

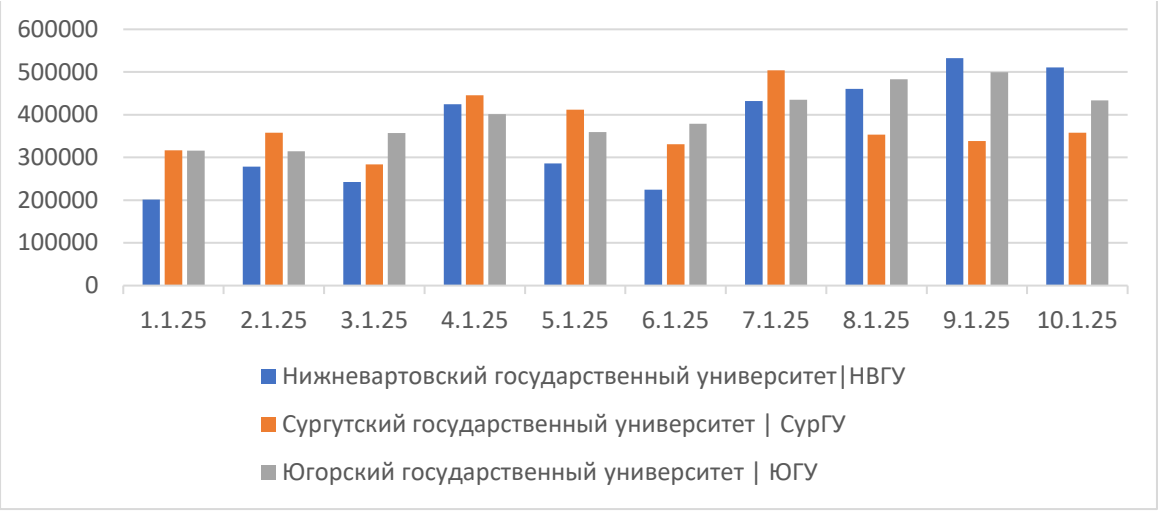

Рис. 1. Просмотры сообществ в социальной сети ВКонтакте, шт.

По рассмотренной статистике ключевым открытием является наиболее значительная положительная динамика у НВГУ. Если в январе 2025 года сообщество университета значительно уступало конкурентам по охватам, то к октябрю оно не только сократило отставание, но и вышло в лидеры по данному показателю в отдельные месяцы. Столь существенный рост во второй половине года (сентябрь-октябрь) – свидетельствует об успешной адаптации контент-стратегии под алгоритмы рекомендаций ВКонтакте, что позволило университету при наименьшей исходной базе подписчиков добиться охватов, сопоставимых с более крупными сообществами ЮГУ и СурГУ. Данная динамика создает прочный фундамент для дальнейшего наращивания аудитории и укрепления имиджевых позиций вуза в цифровом пространстве.

Анализ лайков (рис. 2) показывает, что ЮГУ является лидером по общему количеству (77 141), что говорит о стабильно высоком качестве и виральности его контента.

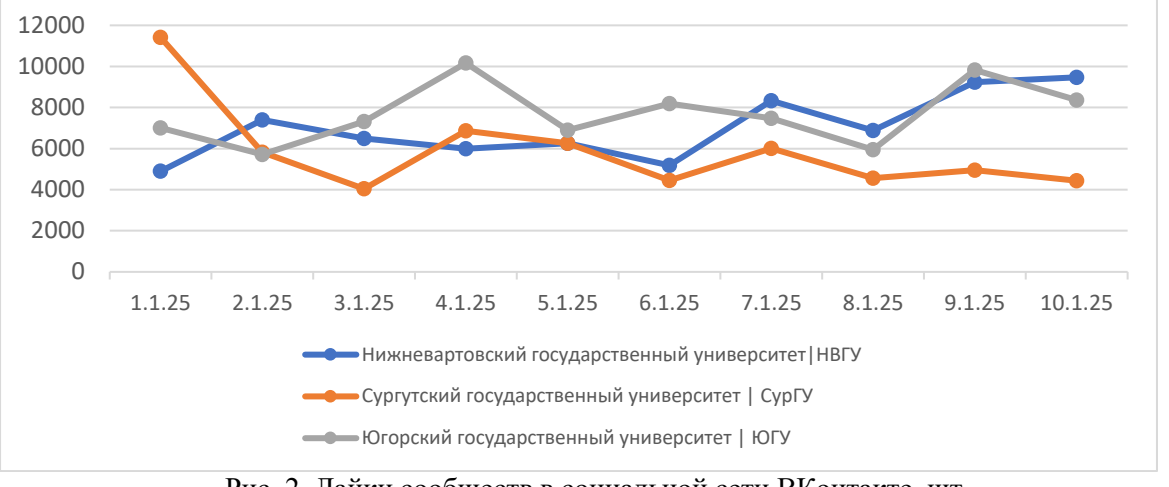

Рис. 2. Лайки сообществ в социальной сети ВКонтакте, шт.

Исходя из проанализированных данных НВГУ, занимая второе место по общему числу лайков (70 340), демонстрирует динамику: взрывной рост в октябре позволил ему стать лидером в этом месяце, что свидетельствует о высоком потенциале закрепления на первой позиции.

Главным результатом количественного анализа является абсолютное лидерство НВГУ по числу комментариев (рис. 3).

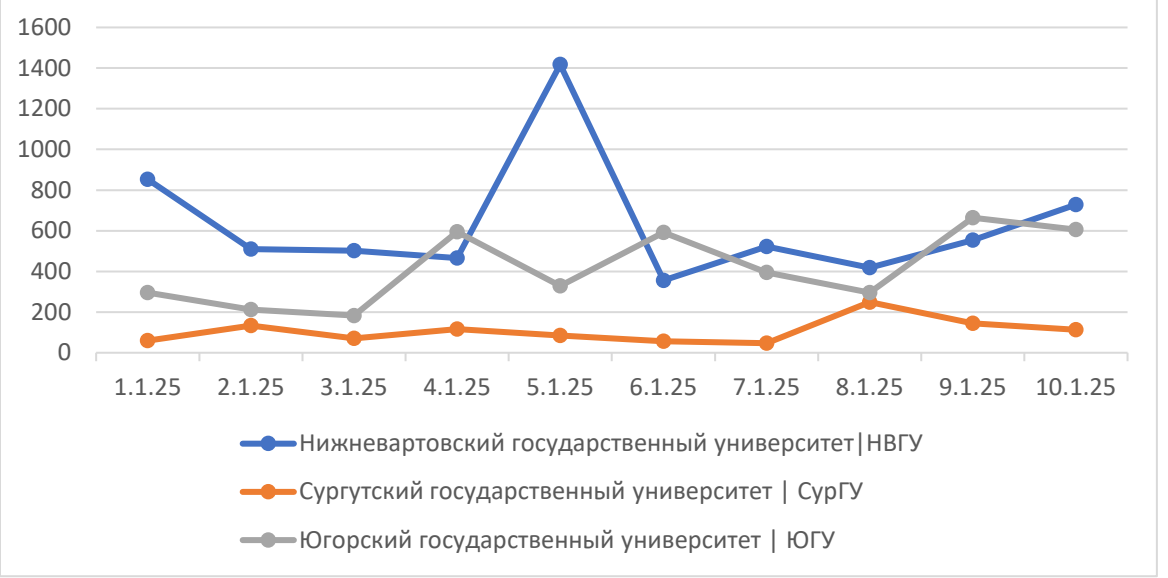

Рис. 3. Комментарии сообществ в социальной сети ВКонтакте, шт.

Однако наиболее показательным результатом сравнительного анализа стало абсолютное лидерство НВГУ по количеству комментариев – 6 348 за исследуемый период, что в 6 раз превышает показатель СурГУ (1 075) и в 1,5 раза – показатель ЮГУ (4 173). Данная метрика является ключевым индикатором сформировавшегося диалогового сообщества, поскольку комментарии требуют от пользователя значительно больших временных и когнитивных затрат, чем лайки или репосты. Зафиксированные пики комментирования в мае и октябре 2025 года точно коррелируют с важнейшими этапами в жизни целевой аудитории – завершением учебного года, стартом приемной кампании и началом осеннего семестра. Это свидетельствует о высокой релевантности контента и точном попадании в информационные потребности абитуриентов и студентов. Столь высокий уровень диалоговой активности, достигнутый при наименьшем количестве подписчиков, доказывает, что ставка на качественное взаимодействие и оперативную обратную связь, реализуемая Отделом по связям с общественностью НВГУ, позволяет сформировать ядро высоколояльной аудитории, что является трудно воспроизводимым конкурентным преимуществом в цифровой среде.

Анализ репостов (рис. 4) показывает, что ЮГУ лидирует по общему количеству (10 212), демонстрируя способность создавать виральный контент.

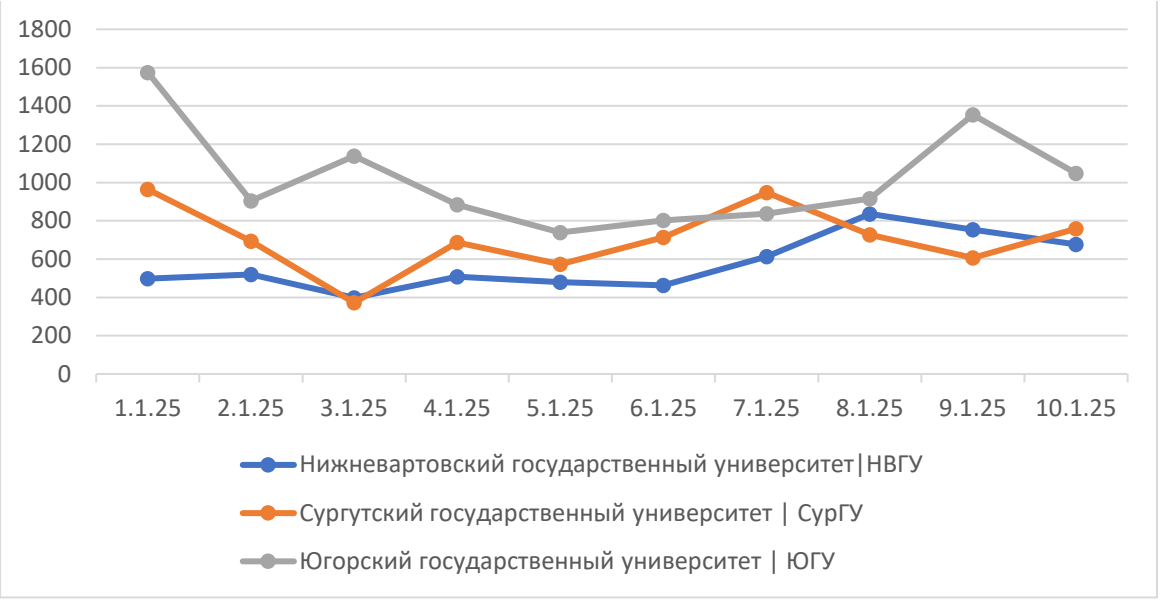

Рис. 4. Репосты сообществ в социальной сети ВКонтакте, шт.

В проведенном анализе ключевым трендом является уверенный рост данного показателя у НВГУ во второй половине 2025 года. Если в первом полугодии университет демонстрировал скромные результаты, уступая конкурентам, то к осени (сентябрь–октябрь) динамика репостов существенно усилилась. Репосты являются важнейшей метрикой виральности контента, поскольку именно они обеспечивают органический охват за пределами подписчиков сообщества и способствуют расширению аудитории. Их рост у НВГУ свидетельствует о том, что университет нашел эффективные форматы контента, которые пользователи готовы распространять в своих личных сетях. В сочетании с абсолютным лидерством по комментариям (6 348) это формирует уникальную синергию: с одной стороны, высокая диалоговая активность указывает на наличие лояльного ядра подписчиков, с другой – растущая виральность обеспечивает постоянный приток новой аудитории. Такое сочетание метрик является индикатором здорового и органически растущего сообщества, что представляет собой значимое конкурентное преимущество НВГУ в цифровой среде.

Для объективной оценки эффективности SMM-стратегии, нивелирующей разницу в размере аудитории, были рассчитаны относительные показатели вовлеченности.

Коэффициент ежедневной вовлеченности (ERday), показывающий, какой процент подписчиков ежедневно взаимодействует с контентом, рассчитывается по формуле: ERday = ((лайки+комментарии+репосты) / период в днях) / количество подписчиков × 100% [1, с. 69]. За анализируемый период (303 дня) получены следующие результаты:

– НВГУ: ERday = 2,86% (высокий показатель);
– ЮГУ: ERday = 2,55% (высокий показатель);
– СурГУ: ERday = 1,26% (средний показатель).

Наивысший ERday у НВГУ доказывает, что его контент-стратегия, ориентированная на качество и диалог, является наиболее эффективной [6, с. 196].

Для оценки качества отдельно взятого контента использовался показатель вовлеченности на один пост (ERpost), который рассчитывается как отношение суммы всех взаимодействий (лайков, комментариев и репостов) к общему количеству подписчиков, выраженное в процентах. Данный показатель позволяет оценить, насколько эффективно каждый отдельный пост резонирует с аудиторией, независимо от размера сообщества. ERpost НВГУ составляет 0,95%, что превышает показатели конкурентов: у ЮГУ – 0,90%, у СурГУ – 0,34%.

Детальный анализ вовлеченности по дням недели (рисунок 5) позволил выявить паттерны активности аудитории.

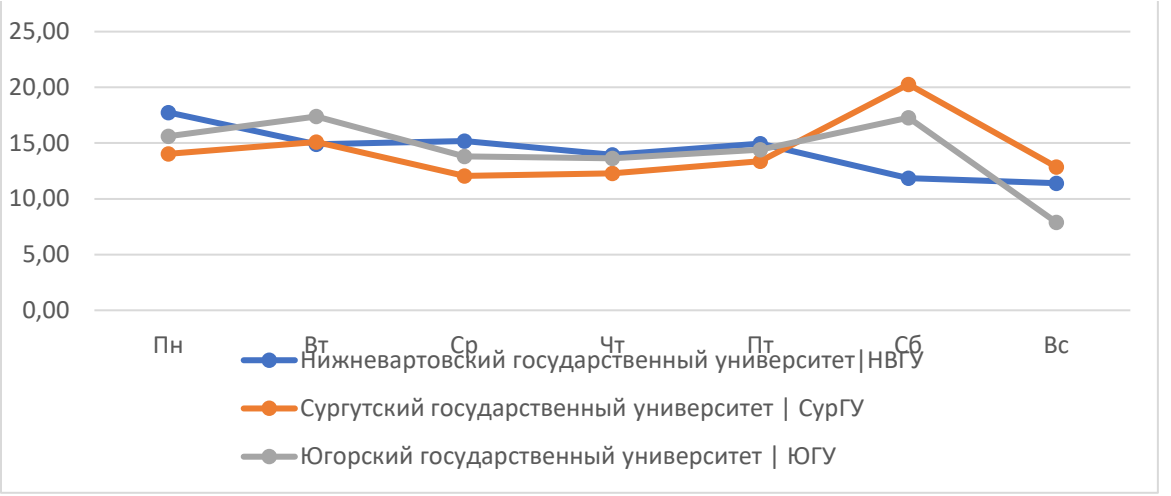

Рис. 5. Дни активности сообществ в социальной сети ВКонтакте, %

Таким образом, пик активности аудитории НВГУ приходится на понедельник (17,75%), что говорит об успешном вовлечении пользователей в информационную повестку после выходных. Вторник также является продуктивным днем для ЮГУ, который достигает пика вовлеченности (17,39%). Суббота – это день СурГУ, демонстрирующего абсолютный пик (20,27%). Воскресенье единогласно признано наименее эффективным днем для публикаций.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что SMM-технология, реализуемая Отделом по связям с общественностью НВГУ, является высокоэффективным инструментом формирования внешнего имиджа. Несмотря на изначально меньший размер аудитории, университету удалось создать самое лояльное и вовлеченное цифровое сообщество. Лидерство по диалоговой вовлеченности и наивысший коэффициент ERday – это результат выверенной стратегии, основанной на публикации релевантного контента и выстраивании прямого диалога с подписчиками.

Таким образом, НВГУ обладает мощным фундаментом для дальнейшего укрепления имиджа в цифровой среде. Достигнутый успех в SMM должен стать платформой для трансляции реальных научных и образовательных достижений университета. Синергия между эффективной онлайн-коммуникацией и реальными успехами в научно-инновационной деятельности позволит НВГУ перейти от позиции «вуза с качественным образованием» к имиджу ключевого научно-образовательного и инновационного центра региона.

Список литературы

1. Евдокимова Ю.В. Рост коэффициента вовлеченности, как показатель развития SMM маркетинга / Ю.В. Евдокимова // Высшая школа: научные исследования: материалы Межвузовского международного конгресса (Москва, 27 мая 2021 года). – Т. 2. – М.: Инфинити, 2021. – С. 66–70. EDN SZQNER

2. План работы ОСО на 2025 год // Официальный сайт ФГБОУ ВО «НВГУ». – URL: https://nvsu.ru/files/ufiles/План%20работы%20ОСО%20на%202025%20год.pdf (дата обращения: 27.10.2025).

3. Официальный сайт ФГБОУ ВО «НВГУ». Полезная информация. История университета. – URL: https://nvsu.ru/rus/history/ (дата обращения: 23.10.2025).

4. Официальный сайт ФГБОУ ВО «НВГУ». Сведения об образовательной организации. – URL: https://nvsu.ru/sveden/education/ (дата обращения: 23.10.2025).

5. Лучшие вузы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры 2025. – URL: https://postupi.info/rating/region/46 (дата обращения: 23.10.2025).

6. Филимонов Ф.В. Анализ активности депутатов Кемеровской области в социальной сети ВКонтакте: метрики вовлеченности и кейс М.С. Городештян / Ф.В. Филимонов, А.А. Митин // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия Политические, социологические и экономические науки. – 2025. – Т. 10. №2 (36). – С. 191–204. DOI 10.21603/2500-3372-2025-10-2-191-204. EDN VVLGSE

Конечная Полина Ильинична
магистрант
Авакова Элина Борисовна
канд. социол. наук, доцент
ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»
г. Санкт-Петербург

ИНФЛЮЕНСЕРЫ КАК АГЕНТЫ ВЛИЯНИЯ НА АУДИТОРИЮ БРЕНДА В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Аннотация: *в статье рассматриваются вопросы влияния инфлюенсеров на потребительские предпочтения и поведенческие модели пользователей в цифровой среде. Авторы затрагивают теоретические вопросы феномена инфлюенс-культуры и практические аспекты сотрудничества брендов с лидерами мнений. Исследование подтверждает, что инфлюенс-культура является значимым элементом современных коммуникационных стратегий, направленных на повышение узнаваемости бренда и формирование лояльности аудитории.*

Ключевые слова: *инфлюенсеры, инфлюенс-культура, коммуникация, связи с общественностью, цифровая среда.*

Суть инфлюенс-культуры заключается в выстраивании доверительных отношений между инфлюенсерами и их аудиторией. Инфлюенс-культура представляет собой особую систему коммуникационных практик, в рамках которой известные личности (лидеры мнений) формируют потребительские предпочтения и поведенческие модели, влияют на восприятие.

Явление инфлюенс-культуры рассматривается на пересечении нескольких научных областей – социальной психологии, маркетинга и цифровых коммуникаций. Среди теоретических положений, объясняющих это явление, например, принципы социального воздействия в рамках психологии влияния – взаимность, обязательство и последовательность, социальное доказательство, авторитет, симпатия и дефицит. В контексте инфлюенс-культуры особенно значим принцип социального доказательства: люди склонны следовать поведению тех, кого воспринимают как подобных себе. Именно поэтому рекомендации инфлюенсеров работают эффективнее прямой рекламы – они создают ощущение «коллективного одобрения» [8]. Так, более 60% россиян когда-либо совершали покупки по совету от блогеров, при этом 36% доверяют инфлюенсеру по причине личной симпатии [6]. Заслуживает внимания, например, концепция создания ценного контента, которая смещает фокус с навязчивой рекламы на создание контента, естественным образом привлекающего аудиторию. Для инфлюенс-стратегий это означает необходимость создавать контент, решающий реальные проблемы аудитории; выстраивать долгосрочные отношения с инфлюенсерами вместо разовых интеграций; отслеживать не только охват, но и глубину взаимодействия (вовлеченность, тональность комментариев и пр.) [9].

Понятие «инфлюенсер» в свою очередь трактуется по-разному в зависимости от контекста и подхода исследователя. В академической среде не сформировалось единого определения, что связано с динамичностью феномена и его многогранностью. Так, разные исследователи акцентируют внимание на тех или иных характеристиках, свойственных инфлюенсерам, среди которых: тактика интеграции приватного и публичного, влияние на нормы, ценности и установки аудитории [1, с. 771], оказание социализирующего воздействия через используемые медиаканалы [2, с. 30.], наличие большой лояльной аудитории, которая доверяет их мнению [4, с. 54] и др. Важно понимать при этом, что большое число подписчиков в соцсетях само по себе еще не делает человека лидером мнений. Чтобы заслужить этот статус, необходимо обладать реальным авторитетом среди тех людей, на которых нацелен бренд.

Инфлюенсеры представляют собой разнообразную группу: это и признанные эксперты в той или иной области, и селебрити из мира кино, музыки, спорта и др., и так называемые вирусные знаменитости, которые неожиданно и стремительно получили популярность благодаря успешному контенту. Их объединяет одно – наличие лояльной и активной аудитории в медиапространстве. Создавая вдохновляющий и мотивирующий контент, они привлекают внимание подписчиков и тем самым становятся ценными партнерами для бренда.

Сегодня все больше людей следят за контентом от блогеров и прислушиваются к их рекомендациям. При этом инфлюенсеры особенно сильно влияют именно на онлайн-потребление. Контент блогеров, выделяющийся оригинальностью и многообразием форматов, помогает удерживать внимание аудитории, повышает доверие к их советам и способствует формированию лояльности к тем брендам, которые они представляют. Так, по результатам всероссийского исследования, проведенного платформой VK AdBlogger и порталом Hi-Tech Mail, 24,9% россиян смотрят контент от блогеров в соцсетях каждый день, 24,2% – несколько раз в неделю, а 20,9% – несколько раз в месяц. 36,3% респондентов доверяют мнению блогеров, а треть опрошенных признались, что покупают рекомендуемые блогерами товары сами или же делятся рекомендациями с друзьями, которых эти товары могут заинтересовать [3]. Другой опрос, организованный экспертами СберСеллер и платформы по работе с блогерами Perfluence среди россиян в возрасте от 18 до 55 лет, покупающих товары в интернете, включал в том числе вопрос, связанный с количеством подписчиков блогера. Так, выяснилось, что контент-мейкеры с аудиторией, превышающей 700 тыс. подписчиков, мотивируют к совершению покупки 23% пользователей, макроинфлюенсеры (100–700 тыс. подписчиков) – 16% пользователей. Блогеры с числом подписчиков до 100 тыс. влияют на 13% аудитории, а те, у которых до 10 тыс. подписчиков, – на 10%. Это доказывает, что блогеры, независимо от количества подписчиков, становятся ключевыми игроками в формировании трендов и управлении покупательским поведением [7].

Истоки феномена инфлюенс-культуры уходят в доцифровую эпоху, роль «лидеров мнений» тогда выполняли общественные деятели, звезды эстрады, профессиональные эксперты. Они влияли на аудиторию через печатные издания, радио и телевидение. Однако подлинный расцвет инфлюенс-культуры пришелся на эпоху социальных сетей, появление и распространение которых создало технологическую основу для прямого диалога между создателями контента и аудиторией, позволило масштабировать личное влияние без посредников и формировать устойчивые сообщества по интересам.

Ключевая особенность инфлюенс-культуры – гибридность ролей. Инфлюенсер выступает одновременно как контент-мейкер, эксперт, коммуникатор и предприниматель. Его влияние строится на реципрокности: двусторонний диалог (комментарии, прямые эфиры, опросы) создает ощущение «равного общения». При этом авторитет всегда контекстуален – он укоренен в конкретной нише (мода, технологии, материнство и т.д.) и подкрепляется экономической составляющей: монетизацией через рекламные интеграции, партнерские программы или продажу собственных продуктов.

Структура инфлюенс-культуры включает взаимосвязанные элементы:

– инфлюенсеров (субъектов влияния с разной аудиторией);
– аудиторию (сообщества, объединенные интересами);
– платформы (цифровые среды для взаимодействия);
– контент (инструменты трансляции ценностей);
– бренды (коммерческих участников, использующих инфлюенс-каналы).

Сотрудничество с инфлюенсерами открывает для бренда много возможностей благодаря генерации экспертного контента, отвечающего запросам аудитории; точному охвату целевых сегментов с высоким уровнем вовлеченности и лояльности; высокому уровню доверия, которое уже есть у аудитории к инфлюенсеру; узнаваемости на рынке и пр. Одновременно в этом сотрудничестве присутствуют и определенные риски. Так, сложности могут

возникнуть, начиная с этапа выбора партнеров, если не учтены в полной мере все необходимые критерии, так и при анализе эффективности уже проведенных кампаний [5, с. 178.].

Для достижения запланированных бизнес-целей компаниям необходимо тщательно подбирать инфлюенсеров, с которыми они планируют сотрудничать. Именно грамотно отобранный пул лидеров мнений способен помочь бренду реализовать намеченные задачи. Успех инфлюенсера определяется рядом ключевых критериев, которые необходимо учитывать при выборе партнеров для коммуникационных кампаний. Бренд изучает множество профилей, обращая внимание не только на количество подписчиков, но и на качество аудитории: ее демографические характеристики, интересы, уровень вовлеченности. Важна и тематика контента инфлюенсера – она должна гармонировать с ценностями и позиционированием бренда. Например, для продвижения спортивной одежды логичнее выбрать блогера, специализирующегося на здоровом образе жизни и фитнесе, а не кулинара или техноблогера. Параллельно проводится проверка репутации инфлюенсера: изучаются его прошлые рекламные интеграции, отзывы аудитории, наличие скандалов или спорных ситуаций.

Ключевой характеристикой инфлюенсера является его способность выстраивать прочные, доверительные отношения со своей активной аудиторией. Именно эта особенность делает лидеров мнений эффективными агентами влияния. Через эмоциональную связь с аудиторией создается уникальная возможность транслировать ценности бренда.

Список литературы

1. Ефанов А.А. Инфлюенсер как особый тип лидера общественного мнения / А.А. Ефанов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2022. – Т. 27. №4. – С. 767–774. – http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-767-774. EDN DVDIMG

2. Захаркин Р.А. Инфлюенсеры как медиазначимые другие: современные тренды вторичной социализации / Р.А. Захаркин, Н.А. Аргылов // Власть. – 2021. – Т. 29. №6. – С. 27–37. – DOI 10.31171/vlast.v29i6.8674. EDN VUTMZV

3. Каждый четвертый россиянин смотрит контент блогеров каждый день. Исследование/ – URL: https://www.seonews.ru/events/kazhdyy-chetvertyy-rossiyanin-smotrit-kontent-blogerov-kazhdyy-den-issledovanie/ (дата обращения: 21.02.2026).

4. Кислицына А.А. Маркетинг влияния в современных политических кампаниях / А.А. Кислицына // Общество: политика, экономика, право. – 2019. – №8 (73). – С. 54–58. – DOI 10.24158/pep.2019.8.9. EDN RVHXQE

5. Конечная П.И. Сотрудничество с инфлюенсерами в рамках построения эффективной коммуникационной стратегии бренда / П.И. Конечная, Э.Б. Авакова // Социально-экономические процессы современного общества: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участ. / гл. ред. Э.В. Фомин. – Чебоксары: Среда, 2026. – С. 177–179.

6. Опрос показал, как россияне относятся к рекомендациям блогеров/ – URL: https://1prime.ru/20251119/opros-864681332.html (дата обращения: 21.02.2026).

7. респондентов учитывают мнения других людей и блогеров при покупке/ – URL: https://www.sostav.ru/blogs/272646/61014 (дата обращения: 21.02.2026).

8. Cialdini R.B. Influence: The Psychology of Persuasion. 6th ed. New York: Harper Business, 2021. 320 p.

9. Halligan B. Inbound Marketing: Get Found Using Google, Social Media, and Blogs / B. Halligan, D. Shah. 2nd ed. Hoboken: Wiley, 2014. 304 p.

Орлов Матвей Сергеевич
магистрант
АНО ВО «Московский международный университет»
г. Москва

СОБЫТИЙНЫЙ МАРКЕТИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ КОНКУРЕНТНОГО ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ НА РЫНКЕ ЛИЗИНГА

Аннотация: *в статье исследуется роль событийного маркетинга в формировании конкурентных позиций компаний на рынке лизинга. Рассматриваются специфика b2b-коммуникаций в лизинговой отрасли и механизмы вовлечения корпоративных клиентов через профессиональные мероприятия. Проведён типологический анализ event-форматов и предложен алгоритм интеграции событийного маркетинга в конкурентную стратегию лизинговой компании.*

Ключевые слова: *событийный маркетинг, лизинг, конкурентное позиционирование, b2b-маркетинг, маркетинговые коммуникации, финансовые услуги, стратегия продвижения.*

Рынок лизинга в России представляет собой один из наиболее динамично развивающихся сегментов финансового сектора. Интенсификация конкуренции в условиях сближения продуктовых предложений обусловливает необходимость поиска инструментов дифференциации, выходящих за рамки традиционного ценового соперничества. В данном контексте событийный маркетинг приобретает стратегическое значение как механизм формирования нематериальных конкурентных преимуществ. Актуальность настоящего исследования определяется недостаточной проработанностью в отечественной научной литературе вопроса о применении event-инструментария в лизинговой отрасли. Целью работы является выявление механизмов и условий эффективного использования событийного маркетинга для конкурентного позиционирования на рынке лизинга. Объектом исследования выступают маркетинговые коммуникации лизинговых компаний, предметом – практики применения инструментов событийного маркетинга в финансовом секторе.

Теоретический базис исследования формируется на пересечении концепций интегрированных маркетинговых коммуникаций, теории конкурентных стратегий и современных подходов к event-менеджменту. Фундаментальный вклад в разработку концепции конкурентного позиционирования внесли М. Портер, обосновавший типологию базовых конкурентных стратегий, и Э. Траут, сформулировавший принципы занятия уникального места в сознании целевой аудитории. Вопросы событийного маркетинга систематизированы в работах Н. В. Красовской, рассматривающей event-деятельность как платформу для диалога между брендом и аудиторией, где мероприятие выступает медиатором смыслов и ценностей организации [3, с. 52]. Коммуникационные аспекты маркетинговых стратегий на финансовых рынках исследованы Е. С. Григорян [1, с. 178], а концепция эффективных интегрированных маркетинговых коммуникаций разработана Н. П. Кетовой и соавторами [2, с. 388]. В зарубежной науке механизмы вовлечения через событийный маркетинг изучались Р. Сетиаван и соавторами, определившими его как коммуникацию, в которой создание эмоционального и когнитивного опыта участников становится центральной задачей организаторов [11, с. 165]. Т. Альтшвагер и соавторы обосновали связь между событийным взаимодействием и долгосрочной бренд-лояльностью [9, с. 53].

Методологическую основу исследования составляет комплексный подход, сочетающий систематический анализ научной литературы по проблематике событийного маркетинга и маркетинговых коммуникаций, типологический анализ форматов мероприятий b2b-сектора, а также контент-анализ коммуникационных практик лизинговых компаний. Сравнительный анализ использовался для сопоставления event-форматов по критериям целевой аудитории, коммуникационных задач и ожидаемых эффектов. Метод структурно-функционального анализа применялся при разработке алгоритма интеграции событийного маркетинга в

конкурентную стратегию. Исследование базируется на междисциплинарной методологической рамке, интегрирующей инструментарий маркетинга, теории коммуникации и стратегического менеджмента. Эмпирическую базу составили открытые данные о маркетинговой активности ведущих лизинговых компаний России за период 2022–2025 годов.

Рынок лизинга как среда применения событийного маркетинга обладает рядом структурных характеристик, принципиально отличающих его от потребительских рынков. Лизинговая услуга представляет собой сложный финансовый продукт с длительным циклом принятия решений, в ходе которого корпоративный клиент оценивает надёжность партнёра, качество сервисного сопровождения и репутацию компании в профессиональном сообществе. Высокая однородность базовых продуктовых предложений среди крупных игроков смещает конкурентную борьбу в нефинансовую плоскость – к сфере отношений, экспертизы и коммуникаций. Данная особенность создаёт объективные предпосылки для высокой результативности event-инструментов: погружение участников в специально созданную событийную среду формирует устойчивую идентификацию с брендом и долговременные следы в памяти, влияющие на поведение при выборе поставщика услуг [10, с. 42]. Ключевой коммуникационной задачей лизинговых компаний выступает построение репутации компетентного партнёра, а традиционные инструменты рекламного продвижения демонстрируют здесь ограниченную эффективность ввиду устойчивого скептицизма корпоративной аудитории по отношению к прямым рекламным сообщениям.

Событийный маркетинг предоставляет качественно иные коммуникационные возможности: организация профессиональных мероприятий позволяет лизинговой компании выступить в роли фасилитатора отраслевого диалога, формируя устойчивые ассоциации между брендом и высоким уровнем экспертизы. Участники взаимодействуют с компанией не как объекты рекламного воздействия, а как равноправные члены профессионального сообщества, что снижает психологические барьеры к установлению деловых отношений. Типологический анализ форматов событийного маркетинга применительно к лизинговой отрасли позволяет выделить несколько ключевых категорий [4]. К форматам, ориентированным на позиционирование интеллектуального лидерства, относятся отраслевые конференции и бизнес-форумы. Образовательные семинары и вебинары эффективны для работы с потенциальными клиентами на ранних стадиях воронки принятия решений. Нетворкинг-мероприятия формируют горизонтальные связи внутри профессионального сообщества вокруг бренда, а гибридные онлайн-форматы позволяют расширить охват event-коммуникации до федерального масштаба [7, с. 615].

Интеграция событийного маркетинга в систему маркетинговых коммуникаций лизинговой компании требует стратегического подхода, обеспечивающего синергию между мероприятиями и иными коммуникационными каналами. Каждое событие необходимо проектировать как генератор контента для последующего распространения: аналитические материалы с ключевыми выводами дискуссий, видеозаписи экспертных выступлений, тематические публикации продлевают жизненный цикл мероприятия и расширяют его аудиторию за пределы непосредственных участников [8, с. 2519]. Организация событийного маркетинга предполагает использование накопленных профессиональных компетенций: глубокое понимание отраслевой проблематики, способность формировать актуальную повестку дискуссии и привлекать авторитетных экспертов создают мероприятия, воспринимаемые участниками как значимые профессионально, а не как замаскированные рекламные акции.

На основе проведённого анализа предлагается алгоритм интеграции событийного маркетинга в конкурентную стратегию лизинговой компании, включающий шесть последовательных этапов. Визуализация предложенного алгоритма представлена на рисунке 1, отражающем последовательность и взаимосвязь этапов интеграции событийного маркетинга в конкурентную стратегию лизинговой компании.

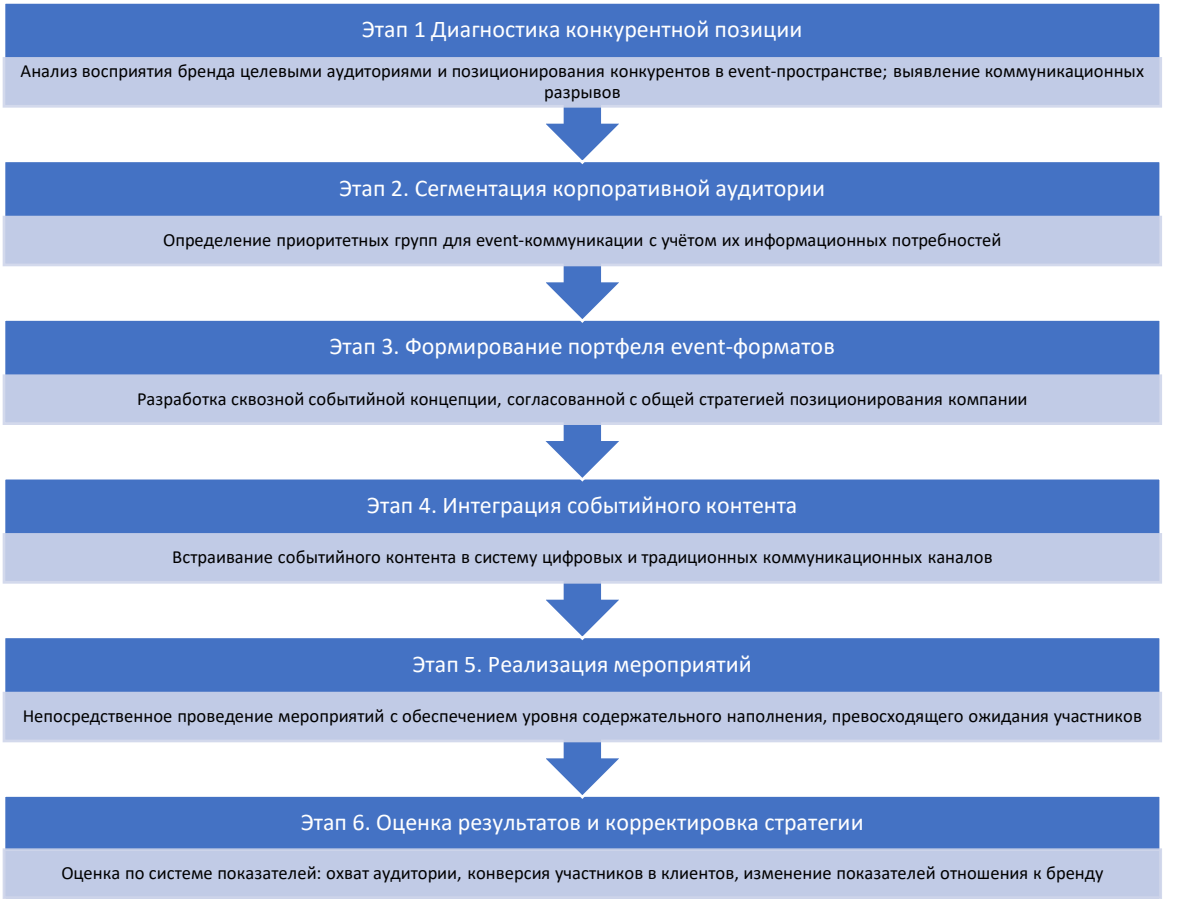

Рис. 1. Алгоритм интеграции событийного маркетинга
в конкурентную стратегию лизинговой компании

Первый этап – диагностика конкурентной позиции и выявление коммуникационных разрывов: анализируется восприятие бренда целевыми аудиториями и позиционирование конкурентов в event-пространстве. Второй этап – сегментация корпоративной аудитории и определение приоритетных групп для event-коммуникации с учётом их информационных потребностей. На третьем этапе формируется портфель event-форматов и разрабатывается сквозная событийная концепция, согласованная с общей стратегией позиционирования компании. Четвёртый этап посвящён интеграции событийного контента в систему цифровых и традиционных коммуникационных каналов. Пятый этап – непосредственная реализация мероприятий с обеспечением уровня содержательного наполнения, превосходящего ожидания участников. Шестой этап предусматривает оценку результатов по системе показателей, включающей охват аудитории, динамику конверсии участников в клиентов и изменение показателей отношения к бренду, с последующей корректировкой стратегии. Результаты проведённого исследования позволяют констатировать, что событийный маркетинг представляет стратегически значимый инструмент конкурентного позиционирования на рынке лизинга, обеспечивающий формирование нематериальных конкурентных преимуществ, трудно воспроизводимых конкурентами. Специфика его применения в лизинговой отрасли детерминируется высоким значением доверия и репутации в b2b-коммуникациях, что смещает акцент с рекламных форматов в сторону экспертных дискуссионных площадок и профессионального нетворкинга. Интеграция событийного маркетинга в конкурентную стратегию требует соблюдения баланса между коммерческими целями и созданием подлинной ценности для аудитории – реализации этого баланса способствует предложенный шестиэтапный алгоритм. Цифровая

трансформация открывает перспективы развития гибридных форматов, расширяющих географию присутствия и создающих многоуровневый опыт для различных сегментов корпоративной аудитории, что обусловливает возрастающую роль событийного маркетинга в системе интегрированных коммуникаций лизинговых компаний.

Список литературы

1. Григорян Е.С. Маркетинговые коммуникации: учебник / Е.С. Григорян. – М.: Инфра-М, 2023. – 294 с. – ISBN 978-5-16-014741-3. – DOI: 10.12737/1002563. EDN QYDHUM

2. Кетова Н.П. Концепция эффективных интегрированных маркетинговых коммуникаций как элемент управления инновационной системой современной компании / Н.П. Кетова, И.Ю. Грановская, В.В. Зундэ // Креативная экономика. – 2022. – Т. 16. №2. – С. 381–396. – DOI: 10.18334/ce.16.2.114269. EDN SDMVAK

3. Красовская Н.В. Событийный маркетинг: учебное пособие для вузов / Н.В. Красовская. – 2-е изд. – М.: Юрайт, 2022. – 127 с. – ISBN 978-5-534-12592-4.

4. Попов Е.В. Типология мероприятий событийного маркетинга в продвижении проектов умного города / Е.В. Попов, К.А. Семячков, П.О. Краева // Маркетинг в России и за рубежом. – 2024. – №6. – ISSN 1028-5849. EDN WVLLJO

5. Попова О.И. Событийный маркетинг: вызовы и возможности нового времени / О.И. Попова, Т.Л. Сысоева // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2023. – Т. 12. №3. – С. 133–137. – DOI: 10.24412/2225-8264-2023-3-133-137. EDN AZTWES

6. Портер М. Конкурентная стратегия: методика анализа отраслей и конкурентов / М. Портер; пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2020. – 453 с. – ISBN 978-5-9614-3357-9.

7. Прохоров А.В. Современные тенденции событийного маркетинга в продвижении бренда / А.В. Прохоров // Неофилология. – 2022. – Т. 8. №3. – С. 613–620. – DOI: 10.20310/2587–6953–2022–8-3–613–620. EDN GRZMKA

8. Светник, Н. В. Организация событийного маркетинга в вузе / Н. В. Светник // Креативная экономика. – 2022. – Т. 16. №6. – С. 2515–2532. – DOI: 10.18334/ce.16.6.114862. EDN CGETJW

9. Event Engagement: Using Event Experiences to Build Brands / T. Altschwager, J. Conduit, I. O. Karpen, S. Goodman // Australasian Marketing Journal. 2024. Vol. 32. No. 1. Pp. 46–58. DOI: 10.1177/14413582221127317. EDN XYOCFM

10. Iversen, N. M. The Role of Immersive Festival Experiences, Identity, and Memory in Cultural Heritage Tourism / N. M. Iversen, C. Foley, L. E. Hem // Event Management. 2023. Vol. 27. No. 1. Pp. 33–50. DOI: 10.3727/152599522X16419948694847. EDN TVZIQB

11. Setiawan R. Defining Event Marketing as Engagement-Driven Marketing Communication / R. Setiawan, D. Wibisono, M.S. Purwanegara // Gadjah Mada International Journal of Business. 2022. Vol. 24. No. 2. Pp. 151–177. DOI: 10.22146/gamaijb.63788. EDN VCFLWY

Орлов Матвей Сергеевич
магистрант
АНО ВО «Московский международный университет»
г. Москва

ФОРМИРОВАНИЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ КОНКУРЕНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НА РЫНКЕ ЛИЗИНГА МЕТОДАМИ МАРКЕТИНГА (НА ПРИМЕРЕ ООО «АЛЬФАМОБИЛЬ»)

Аннотация: *в статье исследуется применение маркетинговых методов для формирования стратегии и тактики конкурентного поведения лизинговой компании. Проведён анализ конкурентной среды рынка автолизинга и выявлены ключевые факторы конкурентоспособности его участников. На примере ООО «Альфамобиль» обоснованы стратегические и тактические маркетинговые решения, обеспечивающие устойчивое конкурентное положение компании в b2b-сегменте.*

Ключевые слова: *лизинг, конкурентная стратегия, конкурентное поведение, маркетинг, рынок автолизинга, дифференциация, b2b-маркетинг, тактика продвижения.*

Российский рынок лизинга входит в число наиболее динамичных сегментов финансового сектора. По данным агентства «Эксперт РА», по итогам 2023 года объём нового бизнеса

достиг рекордных 3,59 трлн рублей; в 2024 году рост в денежном выражении составил ещё 9,5%, а совокупный лизинговый портфель увеличился до 12,8 трлн рублей [6]. Сегмент автолизинга стабильно обеспечивает около 51% отраслевого нового бизнеса, оставаясь наиболее конкурентно насыщенным направлением [7]. Сближение продуктовых условий ведущих игроков обусловливает возрастающую роль маркетинговых методов как инструментов формирования устойчивых конкурентных преимуществ.

Теоретическую основу исследования составляет концепция базовых конкурентных стратегий М. Портера, в соответствии с которой устойчивое преимущество достигается посредством лидерства в издержках, дифференциации или фокусирования [5, с. 71]. Для рынка финансовых услуг наибольшую значимость приобретает дифференциация – создание воспринимаемых клиентом уникальных выгод, за которые он готов демонстрировать устойчивую лояльность. Специфика b2b-рынка определяет коллективный и многоэтапный характер принятия решения о выборе лизингодателя, а ценность предложения оценивается через надёжность партнёра и качество сопровождения сделки [3, с. 95].

ООО «Альфамобиль» – специализированная лизинговая компания группы «Альфа-Лизинг» с уставным капиталом 12,93 млрд рублей. По итогам 2024 года лизинговый портфель группы превысил 926 млрд рублей (+30%), а выручка выросла до 87 млрд рублей; компания входит в топ-5 крупнейших лизингодателей России [8]. Ближайшими конкурентами выступают ПАО «ЛК «Европлан» – лидер рынка автолизинга с новым бизнесом 238,3 млрд рублей в 2024 году – а также ООО «РЕСО-Лизинг» и ООО «Интерлизинг» [6]. Конкурентное давление усиливается выходом банковских структур в автолизинг: Газпромбанк Автолизинг занял второе место по охвату аудитории в первом квартале 2025 года [8].

Ключевыми факторами выбора лизинговой компании корпоративным клиентом являются: скорость одобрения заявки, условия финансирования (аванс, ставка удорожания), ассортимент доступных марок, качество сервисного сопровождения и удобство цифрового взаимодействия. При сопоставимых продуктовых условиях крупных игроков конкуренция смещается в сферу нематериальных преимуществ [4, с. 213]. Исходя из этого ООО «Альфамобиль» реализует стратегию дифференциации, ориентированную на корпоративный b2b-сегмент: компания формирует комплекс воспринимаемых клиентом преимуществ, перевешивающих ценовые соображения при выборе лизингодателя.

На стратегическом уровне конкурентное поведение компании обеспечивается четырьмя маркетинговыми методами. Первый – брендовое позиционирование: принадлежность к группе «Альфа» создаёт ресурс доверия в корпоративной аудитории и сокращает цикл принятия решения о сделке. Второй – управление продуктово-ценовой архитектурой: гибкие схемы аванса, сезонные акции с дилерами и специальные программы для флотовых клиентов обеспечивают сегментированное ценообразование без утраты маржинальности [2, с. 34]. Третий – цифровая трансформация: статус ИТ-компании [8], онлайн-калькулятор и интеграция с государственными базами данных ускоряют скоринг и снижают транзакционные издержки клиента. Четвёртый – партнёрский маркетинг: приоритетные соглашения с дилерами популярных марок (Lada, Haval, Geely) обеспечивают стабильный поток квалифицированных лидов при ограниченных расходах на привлечение.

На тактическом уровне конкурентное поведение реализуется через три группы инструментов. Контент-маркетинг и экспертное позиционирование формируют доверие аудитории на допродажной стадии: аналитические материалы об условиях автолизинга, сравнения с кредитованием и разъяснения налоговых преимуществ финансовой аренды решают информационные задачи потенциальных клиентов; в b2b-сегменте маркетинг нацелен прежде всего на демонстрацию экспертизы, а не на прямое продвижение [9, с. 89]. Программы клиентской лояльности – специальные условия перезаключения договоров, персональный менеджмент, приоритетный доступ к дефицитным моделям – создают барьеры переключения для

флотовых клиентов, повторный бизнес которых многократно окупает инвестиции в удержание. Участие в государственных закупках (по данным ЕГРЮЛ, 15 заключённых контрактов) формирует отдельный конкурентный трек, требующий специализированной тактики работы с государственными заказчиками.

На основе проведённого анализа предлагается трёхуровневая модель согласования маркетинговой стратегии с конкурентным поведением лизинговой компании. Стратегический уровень определяет тип конкурентного поведения (для ООО «Альфамобиль» – дифференциация с фокусом на корпоративный автолизинг) и маркетинговую платформу. Тактический уровень реализует инструментальные решения по продукту, цене, каналам и продвижению. Операционный уровень обеспечивает мониторинг конкурентной среды и измерение ключевых показателей результативности с последующей корректировкой стратегии [4, с. 216]. Устойчивая рыночная позиция ООО «Альфамобиль» в автолизинге достигается не отдельными тактическими инициативами, а интегрированной маркетинговой стратегией, последовательно охватывающей управление брендом, ценовую политику, развитие партнёрской сети и цифровую трансформацию клиентского взаимодействия. Предложенная модель создаёт методическую основу для принятия обоснованных управленческих решений в динамично меняющейся конкурентной среде рынка лизинга.

Список литературы

1. Голубков Е.П. Маркетинговые исследования: теория, методология и практика / Е.П. Голубков. – 5-е изд. – М.: Финпресс, 2022. – 544 с. – ISBN 978-5-88299-242-7.

2. Григорьев М.Н. Маркетинг: учебник для вузов / М.Н. Григорьев. – 4-е изд. – М.: Юрайт, 2022. – 559 с. – ISBN 978-5-534-00099-9.

3. Котлер Ф. Маркетинг менеджмент / Ф. Котлер, К.Л. Келлер; пер. с англ. – 15-е изд. – СПб.: Питер, 2023. – 848 с. – ISBN 978-5-459-01814-5.

4. Кузнецова Е.В. Управление конкурентоспособностью организации: учебное пособие / Е.В. Кузнецова. – М.: КноРус, 2023. – 248 с. – ISBN 978-5-406-10752-3.

5. Портер М. Конкурентная стратегия: методика анализа отраслей и конкурентов / М. Портер; пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2020. – 453 с. – ISBN 978-5-9614-3357-9.

6. Эксперт РА. Рынок лизинга по итогам 2024 года: ставки высоки. – URL: https://raexpert.ru/researches/leasing/2024/ (дата обращения: 04.03.2026).

7. Эксперт РА. Рынок лизинга по итогам 2023 года: время ренессанса. – URL: https://raexpert.ru/researches/leasing/2023/ (дата обращения: 04.03.2026).

8. Медиарейтинг лизинговых компаний: I квартал 2025 года. – URL: https://scan-interfax.ru/ratings/mediareiting-lizingovyh-kompanii-1-kvartal-2025/ (дата обращения: 04.03.2026).

9. Эресман Дж. Маркетинг в сфере B2B / Дж. Эресман; пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2021. – 312 с. – ISBN 978-5-9614-6734-5.

10. Яшева Г.А. Конкурентоспособность предприятий: методология оценки и формирования: монография / Г.А. Яшева. – Витебск: ВГТУ, 2022. – 297 с. – ISBN 978-985-481-431-8.

Патрахина Татьяна Николаевна
канд. филос. наук, доцент
Килигой Алена Леонидовна
магистрант
Порошин Александр Сергеевич
магистрант

ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет»
г. Нижневартовск, ХМАО – Югра

УПРАВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫМИ ПОТОКАМИ ОРГАНИЗАЦИИ С УЧЕТОМ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация: *в статье представлено обоснование необходимости управления внутри предприятия всеми видами информационных потоков. Данный вид управления необходим не только в целях оперативного управления всеми видами процессов предприятия, но и с учетом стратегического развития.*

Ключевые слова: *информационный поток, стратегическое развитие, управление информацией, информационные системы.*

Значение и роль информации как фактора производства постоянно возрастает с течением времени. Сегодня все признают, что без достоверной, актуальной и полной информации предприятие не сможет осуществлять эффективную деятельность особенно с учетом стратегического развития. Именно информация является основой для всех управленческих процессов, которая непосредственно связана с принятием решений. Информация позволяет взаимодействовать не только с потенциальными покупателями и поставщиками, но своевременно реагировать на изменения внешней среды, например, налогового законодательства [3], финансово-кредитной политики [2]. Вместе с понятием информации появляется и понятие «информационный поток», которое имеет особое значение в области логистики. В общем виде информационный поток представляет собой движение в некоторой среде данных, выраженных в структурированной форме.

Информационные потоки – это совокупность данных, которые перемещаются внутри организации и за её пределы, направленных на решение управленческих проблем и в других целях. Данное движение может быть установлено в различных формах представления информации: бумажной, электронной и др.

Следует выделить два подхода к информационному обеспечению хозяйственной деятельности предприятий. Во-первых, это создание и функционирование собственно логистических информационных систем. Во-вторых, построение подсистемы информационного обеспечения логистической деятельности предприятия [5].

Управление информационными потоками – это процесс планирования, контроля, организации и анализа передачи информации внутри или вне организации. Оно включает в себя управление всеми видами информации, которые поступают в организацию, обрабатываются и передаются дальше в целях корректировки как текущих параметров деятельности, так и стратегического развития.

Цель управления информационными потоками заключается в том, чтобы обеспечить эффективное распределение и использование информации для принятия решений, повышения производительности и улучшения коммуникаций внутри организации. Кроме того, управление информационными потоками способствует защите информации от утечек и несанкционированного доступа.

Корректное управление информационными потоками помогает предотвращать утечки данных, хакерские атаки, ошибки обработки информации, и обеспечивает эффективное использование ресурсов организации. Также это способствует лучшей координации работы

сотрудников, улучшению процессов принятия решений и повышению безопасности информации в целом [1].

Управление информационными потоками на предприятии важно по нескольким причинам. Во-первых, информация является одним из самых ценных ресурсов предприятия, и управление ею позволяет эффективно использовать и распределять этот ресурс. Это помогает предприятию быть более конкурентоспособным и успешным на рынке.

Во-вторых, управление информационными потоками позволяет обеспечить безопасность и защиту конфиденциальности информации предприятия. Это особенно важно в условиях современного цифрового мира, где угрозы кибербезопасности становятся все более серьезными.

Кроме того, управление информационными потоками позволяет оптимизировать стратегические бизнес-процессы, ускорить принятие решений и повысить эффективность работы предприятия в целом. В результате, это способствует увеличению прибыли и улучшению репутации компании.

В мире для управления информационными потоками на предприятиях используются различные сайты и сервисы. К наиболее популярным относят следующие.

1. Информационные системы, такие как 1С. Эти системы обеспечивают автоматизацию учета, финансовых операций, управления складом, планирования ресурсов предприятия и других бизнес-процессов.

2. ERP-системы (Enterprise Resource Planning) – такие как SAP, Oracle ERP, Microsoft Dynamics и другие, которые объединяют различные аспекты бизнеса, такие как управление закупками, учет, логистика и управление связями с клиентами воедино, создавая централизованную систему управления.

3. CRM-системы (Customer Relationship Management) – например, Salesforce, Zoho CRM, HubSpot, позволяющие управлять взаимодействием с клиентами, продажами и маркетингом, а также анализировать данные для улучшения взаимодействия с клиентами.

4. SCM-системы (Supply Chain Management) – такие как JDA Software, Kinaxis, Blue Yonder, которые помогают управлять цепями поставок, отслеживая и оптимизируя процессы снабжения предприятия.

5. BI-системы (Business Intelligence) – такие как Tableau, Power BI, Qlik, которые позволяют визуализировать и анализировать данные предприятия для принятия управленческих решений.

Предприятия производят обмен информацией как внутри организации, так и за её пределы. В связи с этим годовой оборот документированных данных предприятия может достигнуть сотни, тысячи и миллионы единиц. Однако количество данных в отчетах не прямо пропорционально содержащейся в них информации, поскольку под информацией понимают только те данные, которые способствуют решению поставленных задач.

Получение качественной информации о сложившейся организации управления и тенденциях ее развития в настоящее время может быть организовано из следующих источников [1].

Первый источник – данные отчетности. Этот источник дает возможность выявить количественные показатели в деятельности предприятия.

Второй источник – изучение директивной документации (приказы, распоряжения, протоколы совещаний, материалы по проверке исполнения, отчеты отдельных подразделений и т. п.). Этот источник дает возможность выявить качественные показатели в деятельности предприятия.

Третий источник – специальные исследования (получение данных об организации управления с помощью проведения специальных опросов работников предприятия). Этот источник является в настоящее время основным, т.к. отражает как количественные, так и качественные стороны деятельности предприятия.

Управление информационным потоком рекомендуется оценивать по следующим параметрам: общее время реагирования, интенсивность и избыточность информации, ее

дублирование, нестабильность, погрешность, форма представления информации. Рекомендуется использовать следующие методы оценки управления информационных потоков: формализованное изучение информации, экспертная оценка, статистическая оценка, метод «запуска птички», накопление сбоев, SWOT-анализ [4].

Оперативность и качество управления производством во многом зависит от своевременного обеспечения управленческого звена необходимой и достоверной информацией. Создание информационной сети, передача управленческой, технологической, контрольно-справочной информации позволит предприятиям оперативно работать на рынке товаров и услуг.

Таким образом, управление информационными потоками внутри хозяйствующего субъекта позволяет определить пробелы во входящей и исходящей информации, разработать пути оптимизации этих потоков, что необходимо для стратегического управления.

Список литературы

1. Городнова Н.В. Метод оценки качества информационных потоков при формировании big data в цифровой экономике / Н.В. Городнова // Вопросы инновационной экономики. – 2022. – Т. 12. №1. – С. 607–624. – DOI 10.18334/vinec.12.1.114142. – EDN IUVZEE.

2. Маслихова Е.А. Сравнительный анализ индивидуальных инвестиционных счетов коммерческих банков России / Е.А. Маслихова, Ю.М. Ильиных, С.В. Данилова // Сибирская финансовая школа. – 2022. – №2 (146). – С. 88–95. – DOI 10.34020/1993-4386-2022-2-88-95. – EDN GFTFLG.

3. Маслихова Е.А. Оценка эффективности современной государственной налоговой политики / Е.А. Маслихова, С.В. Данилова, Ю.М. Ильиных // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2023. – №10–1. – С. 84–90. – DOI 10.17513/vaael.2995. – EDN SVUKCK.

4. Шульмина А.И. Цифровизация в логистике / А.И. Шульмина // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2020. – №12–3 (70). – С. 220–223. – DOI 10.24411/2411-0450-2020-11164. – EDN ABWWAB.

5. Christensen D.M. Information flow and management guidance / D.M. Christensen, A. Morris, B.R. Walther, L.A. Wellman // Review of Accounting Studies. 2023. Vol. 28. No. 3. Pp. 1466–1499. DOI 10.1007/s11142-022-09671-7. EDN BLVRYP

Патрахина Татьяна Николаевна
канд. филос. наук, доцент
Круглова Анастасия Ивановна
магистрант
ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет»
г. Нижневартовск, ХМАО – Югра

ИНСТРУМЕНТЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

Аннотация: *в статье представлен теоретический разбор необходимости управления рисками на предприятии, проанализированы стратегические инструменты управления рисками и как они повлияют на дальнейший стратегический рост и развитие предприятия.*

Ключевые слова: *управление рисками, инструменты стратегического управления рисками, диверсификация, оценка рисков, стратегии выхода.*

Наличие риска является неотъемлемой частью организации бизнеса любого уровня. Риск, как экономическая категория, представляет собой возможность получения убытков вместо ожидаемой прибыли, потерю дохода или имущества, потерю денежных средств в результате случайного изменения условий экономической деятельности [3]. Однако в целях стратегического развития любому субъекту хозяйственной деятельности необходимо разрабатывать не только стратегические документы [2], но и заниматься управлением и предупреждением рисковых ситуаций. Предприниматели сталкиваются с необходимостью принимать решения, которые могут быть как рискованными, так и менее рискованными, что подразумевает постоянный баланс между риском и потенциальной прибылью, что позволяет не только получать прибыль, но привлекать дополнительные источники финансирования (например, кредитные

ресурсы [4]). Понимание природы риска и его связи с прибылью позволяет предпринимателям более эффективно управлять своей деятельностью, выбирая оптимальные альтернативы и минимизируя негативные последствия, позволяет обеспечить развитие любого хозяйствующего агента с учетом стратегических целей и приоритетов.

Необходимость управления рисков заключается в том, что она позволяет предпринимателям принимать более обоснованные решения, снижать вероятность убытков и увеличивать шансы на получение прибыли. Кроме того, понимание рисков помогает компаниям адаптироваться к изменениям в окружающей среде, эффективно управлять ресурсами и создавать конкурентные преимущества, формировать собственные стратегии развития.

Предприятие, оценивая уровень риска, при принятии того или иного решения, связанного с рисками, может применять инструменты, минимизирующие риски, такие как распределение риска по разным агентам, страхование риска, осуществление самострахования рисков, организация диверсификации производства, лимитирование, осуществление альтернативного планирования, создание гибкой структуры производства, создание резервных фондов, мониторинг информации, обучение и тренировка персонала, применение гибких технологий, уклонение от риска.

Остановимся подробнее на отдельных инструментах стратегического управления рисками в деятельности хозяйствующих агентов.

1. Диверсификация: распределение инвестиций и ресурсов между различными проектами, продуктами или рынками помогает снизить влияние негативных событий на общую деятельность компании. Например, если один продукт не пользуется спросом, другие могут компенсировать убытки.

Диверсификация – это стратегический подход, направленный на распределение ресурсов, таких как инвестиции, продукты или услуги, между различными направлениями или рынками. Основная цель диверсификации заключается в снижении рисков, связанных с зависимостью от одного источника дохода или одного продукта. Распределяя ресурсы между несколькими направлениями, компания может минимизировать влияние негативных событий на одно конкретное направление. Диверсификация позволяет исследовать новые рынки и возможности, что может привести к дополнительным источникам дохода. Разные рынки и продукты могут иметь разные циклы спроса, что помогает сгладить колебания доходов. Диверсификация может стимулировать инновации, поскольку компании могут экспериментировать с новыми идеями и технологиями в разных областях.

2. Страхование: использование страховых полисов для защиты от финансовых потерь в случае непредвиденных обстоятельств (пожары, кражи, аварии и т. д.) позволяет минимизировать последствия рисковых ситуаций.

3. Анализ и оценка рисков: регулярный анализ потенциальных рисков и оценка их вероятности и воздействия на бизнес помогают заранее выявить уязвимые места и разработать стратегии их устранения. Анализ и оценка рисков – это ключевые процессы, которые помогают организациям и самозанятым выявлять, оценивать и управлять потенциальными угрозами [5].

Первым шагом в анализе и оценке рисков является их идентификация, где определяются возможные угрозы, такие как финансовые, операционные или технологические. Это может происходить с помощью различных методов, включая мозговые штурмы и SWOT-анализ. После анализа и оценки рисков важно их приоритизировать, чтобы сосредоточить внимание на наиболее критичных. В результате, анализ и оценка рисков играют важную роль в принятии обоснованных решений и обеспечении устойчивости как в бизнесе, так и в личной жизни.

4. Создание резервного фонда: формирование резервов для покрытия непредвиденных расходов или убытков помогает обеспечить финансовую стабильность и защиту от краткосрочных рисков.

5. Контроль и мониторинг: постоянный контроль за внутренними процессами и внешними факторами позволяет оперативно реагировать на изменения и корректировать стратегии управления рисками.

6. Обучение и развитие персонала: повышение квалификации сотрудников и обучение их методам управления рисками способствует более эффективному реагированию на потенциальные угрозы. Обучение и развитие персонала – это важные аспекты управления человеческими ресурсами, которые способствуют повышению эффективности и конкурентоспособности организации. Этот процесс начинается с выявления потребностей в обучении, что позволяет определить, какие навыки и знания необходимо развивать у сотрудников для достижения стратегических целей компании в управлении рисками [5].

Для повышения результативности управления рисками требуется специализированное обучение персона, что может включать как внутренние тренинги, так и внешние курсы или семинары. Важно, чтобы обучение было адаптировано к конкретным задачам и требованиям, а также учитывало индивидуальные особенности сотрудников.

После проведения обучения необходимо оценить его эффективность. Это можно сделать через обратную связь от участников, анализ результатов работы и наблюдение за изменениями в производительности. Кроме того, развитие персонала включает в себя создание возможностей для карьерного роста, что помогает удерживать талантливых сотрудников и способствует их мотивации [1]. Таким образом, обучение и развитие персонала становятся не только инструментом повышения квалификации, но и важным фактором в управлении рисками на предприятии.

6. Разработка стратегий выхода: наличие заранее подготовленных планов действий на случай возникновения кризисных ситуаций помогает быстро и эффективно реагировать на риски.

7. Заключение контрактов: использование юридических соглашений для защиты интересов бизнеса, например, контрактов с поставщиками и клиентами, может снизить риски, связанные с выполнением обязательств.

8. Использование технологий: внедрение современных технологий для автоматизации процессов и улучшения управления данными помогает снизить риск ошибок и повысить эффективность работы.

Таким образом, представленные инструменты стратегического управления рисками могут быть использованы как по отдельности, так и в комбинации, в зависимости от специфики бизнеса и характера рисков. Правильное применение этих подходов поможет предпринимателям не только минимизировать риски, но и создать устойчивую основу для дальнейшего стратегического роста и развития.

Список литературы

1. Грачев С.А. Оценка и управление рисками: учеб. пособие / С.А. Грачев, М.А. Гундорова. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2020. – 287 с.

2. Данилова С.В. Стратегическое планирование на муниципальном уровне (на материалах стратегии социально-экономического развития Нижневартовского района до 2020 года и на период до 2030 года) / С.В. Данилова // Актуальные вопросы современной экономики. – 2015. – №1. – С. 9–18. – EDN UNRBQR.

3. Иванов А.В. Управление рисками учебно-методическое пособие / А.В. Иванов. – Владимир: ВФ РАНХиГС, 2014. – 207 с.

4. Маслихова Е.А. Сравнительный анализ индивидуальных инвестиционных счетов коммерческих банков России / Е.А. Маслихова, Ю.М. Ильиных, С.В. Данилова // Сибирская финансовая школа. – 2022. – №2 (146). – С. 88–95. – DOI 10.34020/1993-4386-2022-2-88-95. – EDNGFTFLG.

5. Уродовских В.Н. Управление рисками предприятия: учебное пособие / В.Н. Уродовских. – М.: Инфра-М, 2024. – 168 с.

6. Hillson D. Effective Opportunity Management for Projects: Exploiting Positive Risk. New York: Basel, 2003. 340 p.

Сакунова Анастасия Сергеевна
студентка
Авакова Элина Борисовна
канд. социол. наук, доцент
ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»
г. Санкт-Петербург

СОБЫТИЙНЫЕ КОММУНИКАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ PR-ПРОДВИЖЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ СФЕРЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ

Аннотация: *статья посвящена вопросу изучения событийных коммуникаций как эффективного инструмента PR-продвижения. Авторы рассматривают преимущества событийных коммуникаций, которые направлены на формирование устойчивых эмоциональных и ценностных связей с аудиторией; создание уникального потребительского опыта через впечатления; укрепление имиджа и репутации организации сферы общественного питания; повышение вовлеченности и лояльности клиентов.*

Ключевые слова: *событийные коммуникации, связи с общественностью, специальное событие, специальное мероприятие, общественное питание.*

В условиях трансформации коммуникационной среды и усиления конкурентной борьбы за внимание аудитории возрастает значимость комплексных инструментов продвижения, ориентированных не только на передачу информации, но и на формирование устойчивых эмоциональных и ценностных связей. Перенасыщенность медиапространства рекламными сообщениями, снижение уровня доверия к традиционной рекламе и рост требований со стороны потребителей обусловливают поиск дополнительных форм коммуникационного взаимодействия, обеспечивающих высокий уровень вовлеченности и лояльности целевых групп. В данном контексте событийные коммуникации рассматриваются как эффективный инструмент выстраивания диалога между организацией и общественностью.

Для сферы общественного питания событийные коммуникации обладают выраженной спецификой, обусловленной синтезом сенсорного восприятия, атмосферы пространства, социального взаимодействия и культурного контекста потребления. Совокупность данных факторов позволяет рассматривать гастрономические события как значимый элемент PR-стратегии ресторанов, кафе и сетевых заведений, способствующий укреплению их медийного присутствия и формированию репутационного капитала.

Результаты опросов свидетельствуют о том, что потребители готовы искать гастрономический опыт далеко за пределами своего места жительства и специально отправляться для этого в путешествие. Такие результаты показал, например, опрос, проведенный Talker Research среди 2000 респондентов. Пятая часть опрошенных призналась, что планируют свои поездки исключительно ради еды [3]. Согласно другим данным 89% россиян хотели бы совершить поездку по России именно с целью гастрономического туризма [8].

Событийные коммуникации выступают одной из PR-технологий, ориентированных на эмоциональное и ценностное вовлечение аудитории. Исследователи рассматривают событийные коммуникации как разновидность социокультурных коммуникаций, в рамках которых основным способом взаимодействия выступает «специальное событие» или «специальное мероприятие» [5, с. 54], ориентированное на трансляцию ценностей и достижение целей определенного сообщества, объединенного социальными, культурными или корпоративными основаниями [6, с. 151]. Их сущность заключается в интеграции информационного, эмоционального и социального воздействия, что делает событийные коммуникации одним из наиболее эффективных инструментов современного PR, особенно в отраслях, ориентированных на опыт и впечатления потребителей.

В коммуникационной деятельности организаций сферы общественного питания событийные коммуникации выступают эффективным информационным поводом, позволяющим привлечь внимание СМИ, различных блогеров и пользователей цифровых платформ. Специальные мероприятия позволяют формировать и поддерживать желаемый образ организации, транслировать ее уникальность и укрепить позиционирование, а также закреплять ассоциативные связи бренда с его системой ценностей.

Ключевым направлением событийных коммуникаций в сфере общественного питания является маркетинг впечатлений, предполагающий целенаправленное проектирование эмоционального опыта потребителя. В рамках данного подхода применяются перфоманс-коммуникации, иммерсивные гастрономические шоу, тематические вечера, дегустационные сеты с элементами сторителлинга, а также обучающие события, такие как мастер-классы, встречи с шеф-поварами и гастрономические лекции [7]. Подобные мероприятия трансформируют традиционный визит в ресторан в событие культурного и социального характера, где потребитель вовлекается в коммуникацию на когнитивном, эмоциональном и сенсорном уровнях. Важным инструментом здесь являются «эмоциональные коллаборации», предполагающие партнерство ресторанов с массово известными брендами. Такие коллаборации усиливают символический капитал события, расширяют аудиторию и создают дополнительный информационный повод для медиа- и PR-сопровождения. Другой инструмент – геймификация и интерактивные механики. Квесты, игровые сценарии, системы поощрений и персонализированные предложения усиливают вовлеченность участников и повышают запоминаемость события. В сфере общественного питания данные инструменты способствуют формированию позитивного пользовательского опыта и стимулируют повторные визиты, что особенно важно в условиях возрастающей конкуренции.

Неотъемлемым элементом выстраивания современных коммуникаций является интеграция цифровых инструментов, которые позволяют решать повседневные производственные задачи намного эффективнее, чем без них [1, с. 297]. Результаты опроса «РБК Исследований рынков» показывают, что потребители все активнее вовлекаются в цифровой мир, используя различные цифровые каналы взаимодействия с ресторанами. Так, 36,7% опрошенных изучают сайты ресторанов перед посещением, 27,3% – активно используют мобильные приложения ресторанов, 7,6% являются активными участниками сообществ ресторанов в социальных сетях, 8,0% – узнают мнения блогеров, 16,4% и 9,0% – делятся позитивным и негативным (соответственно) опытом посещения ресторана в социальных сетях [10].

Социальные сети, мессенджеры и онлайн-платформы уже давно интегрированы во все этапы жизненного цикла события: от предварительного анонсирования и формирования ожиданий до взаимодействия с аудиторией после проведения мероприятия. Цифровые каналы позволяют усиливать эффект офлайн-мероприятий за счет прямых трансляций, интерактивных механик, конкурсов и обратной связи, а также продлевать коммуникацию после завершения события [4]. Одним из ключевых аспектов при этом является омниканальный подход, предполагающий использование различных медиа- и коммуникационных каналов. Существенным преимуществом цифровой среды также является возможность персонализации коммуникаций, которая является одним из ключевых трендов в развитии событийных коммуникаций. На основе анализа пользовательских данных могут быть сформированы индивидуальные предложения, рекомендации и персонализированные сценарии участия в событии [9].

В условиях повсеместной цифровизации и высокой требовательности потребителей к сфере общественного питания ключевым условием эффективности выступает дифференцированный подход к взаимодействию с различными сегментами целевой аудитории. При работе с широкой аудиторией, а именно: посетителями ресторанов, кафе и сетевых заведений, приоритетными принципами становятся зрелищность и интерактивность, но самым важным остается вовлеченность. События в формате гастрономических фестивалей, дегустаций, кулинарных шоу и тематических праздников позволяют формировать устойчивый

эмоциональный контакт с брендом и стимулировать повторные посещения. Например, взаимодействие с узкими и специализированными сегментами целевой аудитории, такими как: гастрономические почитатели, гастроблогеры и профессиональное сообщество, строится на принципах экспертности и эксклюзивности. Для данной аудитории эффективны закрытые дегустации, авторские ужины, презентации новых концепций меню, а также профессиональные мероприятия образовательного характера [2, с. 16].

Таким образом, в условиях трансформации медиасреды и усиления конкуренции событийные коммуникации в системе PR-деятельности организаций общественного питания выступают эффективным инструментом продвижения. Использование различных форматов и инструментов событийных коммуникаций, включая маркетинг впечатлений и цифровые каналы продвижения, позволяет рассматривать их как элемент комплексной коммуникационной стратегии, ориентированной на долгосрочное взаимодействие с представителями целевой аудитории и достижение устойчивых конкурентных преимуществ.

Список литературы

1. Авакова Э.Б. Корпоративные коммуникации в условиях цифровизации / Э.Б. Авакова, А.А. Кузнецов // Социальные институты в цифровой среде: сб. трудов второй международной научно-практ. конференции (Ростов-на-Дону, 19–20 ноября 2020 года) / под ред. Т.В. Игнатовой, Д.А. Корсунова, Н.В. Брюхановой. – Ростов н/Д.: Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС, 2020. С. 296–302. EDN AABVOV

2. Бондаренко В.А. Роль событийного маркетинга в построении отношений с целевой аудиторией / В.А. Бондаренко, О.В. Иванченко // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). – 2017. – №4 (60). – С. 15–20. EDN YNZICC

3. Гастрономический компас: молодежь выбирает маршруты по запаху еды – URL: https://www.pravda.ru/news/travel/2314413-food-focused-travel/ (дата обращения: 08.02.2026).

4. Иванченко О.В. Маркетинговые инструменты продвижения в сфере общественного питания в условиях санкционных ограничений / О.В. Иванченко, Е.В. Барауля, А.О. Перепелица // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). – 2022. – №2 (78). – С. 95–101. – DOI: 10.54220/v.rsue.1991-0533.2022.78.2.014. EDN QTQWRQ

5. Каверина Е.А. Событийные коммуникации в координатах современности / Е.А. Каверина // Международный журнал исследования культуры. – 2017. – №27. – С. 54–64. EDN ZEZKXH

6. Каверина Е.А. Событийные коммуникации в пространстве культуры XX века / Е.А. Каверина // Terra Humana. – 2014. – №2. – С. 151–155. EDN SGTXUD

7. Куренова Д.Г. Инструменты маркетинга впечатлений в продвижении предприятий общественного питания / Д.Г. Куренова, Е.В. Кривошеева, Д.С. Волошина, Т.Ю. Захарова // Креативная экономика. – 2024. – Т. 18. №3. – С. 625–646. – DOI: 10.18334/ce.18.3.120727. EDN CADODT

8. Почему в России становится популярным гастрономический туризм – URL: https://rg.ru/2024/09/18/otpravitsia-v-gastroputeshestvie-gotovy-9-iz-10-rossiian.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 08.02.2026).

9. Рынок мероприятий 2026: 10 трендов, которые усилятся после 2025 // РБК Компании. – URL: https://companies.rbc.ru/news/sVS1iyuLOH/ryinok-meropriyatij-2026-10-trendov-kotoryie-usilyatsya-posle-2025/ (дата обращения: 04.01.2026).

10. Тренды в потребительском поведении посетителей ресторанов и кафе. – URL: https://marketing.rbc.ru/articles/15541/ (дата обращения: 08.02.2026).

Тамонова Ангелина Евгеньевна
магистрант
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы»
г. Москва

ОМНИКАНАЛЬНЫЙ МАРКЕТИНГ В ПРОДВИЖЕНИИ МЕРОПРИЯТИЙ

Аннотация: *в статье представлена проблема низкой эффективности привычных каналов продвижения мероприятий. На основе анализа кейса рассматриваются методы объединения онлайн- и офлайн-инструментов для формирования бесшовного клиентского опыта. Результатом исследования являются практические рекомендации, которые позволяют повысить вовлеченность целевой аудитории и конверсию в посещение мероприятия.*

Ключевые слова: *омниканальный маркетинг, интеграция каналов, продвижение мероприятий, клиентский опыт.*

В современном мире все пользователи так или иначе взаимодействуют с различными брендами. Это могут быть разные каналы, начиная с социальных сетей, заканчивая офлайн-магазинами, телевидением и мероприятиями. В условиях такого разнообразия каналов компаниям становится необходима согласованная стратегия [1, с. 208]. Омниканальный маркетинг становится важнейшим инструментом для достижения этой цели. Более того, цифровизация мира изменила потребительское поведение и подходы компаний и брендов к взаимодействию с целевой аудиторией. В условиях информационного хаоса и высокой конкуренции большое значение приобретает омниканальный маркетинг – подход в продвижении, который включает в себя получение клиентом целостного контента и опыта взаимодействия с брендами через все доступные каналы коммуникации.

Множество раз в день современные потребители меняют онлайн- и офлайн-каналы между собой при том, что хотят увидеть гладкий, персонализированный и релевантный контент на каждом этапе общения с брендами [3].

В ивент-продвижении комбинация этих требований стоит особо остро. Все потому, что мероприятие несет в себе высокий уровень эмоционального вовлечения, чаще всего необходимость офлайн-общения и имеет ограничение по срокам. Все это приводит к тому, что традиционные мультиканальные стратегии продвижения перестают обеспечивать тот уровень эффективности, который ожидается.

Продвижение мероприятий (event-маркетинг) представляет собой особую область коммуникаций, которая обладает несколькими отличительными чертами, что делает применение омниканального подхода не просто эффективным, а остро необходимым.

Мероприятие – это услуга, которая обладает уникальными особенностями: нематериальность (его нельзя оценить до потребления), единство с источником (процесс создания и потребления совпадают), непостоянство уровня качества (успех зависит от многих вводных) и недолговечность (билет непроданный к началу события теряет ценность). Это делает продвижение мероприятий достаточно сложным: необходимо продать впечатление, статус и эмоции. Самая важная задача коммуникаций – снизить потенциальный риск через создание доверия клиента (отзывы, информация о спикерах/стендах) и формирование ожиданий [9].

В продвижении мероприятий немаловажной особенностью является сложный путь клиента. Это значит, что от первого упоминания, который увидел пользователь, до покупки билета путь совершенно не прямой [2, с. 233].

- Пользователь может увидеть тизер в Telegram, прочитать длинный и развернутый пост во ВКонтакте, сравнить тарифы на сайте, посмотреть отзывы на RuTube, получить ретаргетинговую рекламу в Яндексе, а купить билет в итоге через мобильное приложение. Каждая точка контакта должна быть учтена и интегрирована в стратегию продвижения [4].

Далее, если говорить об измеримости результата, то в отличие от многих brand-awareness кампаний, результативность продвижения ивента возможно точно оценить количественно, например, по количеству регистраций, показателю явки на мероприятие, активности в социальных сетях, продажи билетов, освещению в СМИ [5].

Омниканальный подход с единой системой аналитики (например, сквозной аналитикой) поможет расценить конверсию не просто по последнему клику, а понять долю вклада каждого канала в длинном и сложном пути потребителя.

Цели продвижения мероприятия носят комплексный характер. Это могут быть как прямые коммерческие цели (продажи билетов, ROI), так и коммуникационные (охват, вовлеченность, лояльность) и имиджевых. Очень важно отслеживать метрики на всех этапах:

До мероприятия – Cost per Lead (CPL), коэффициент конверсии сайта или лендинга, объем предпродаж, социальный охват и тональность упоминаний.

На мероприятии – шкала активности в социальных сетях с хештегами, количество UGC, посещаемость интерактивных зон.

После мероприятия – Net Promoter Score (NPS), процент возврата клиентов на следующее событие, долгосрочный рост сообщества участников, медиаактивность.

За последние два десятилетия маркетинговые коммуникации эволюционировали. Эти изменения могут быть описаны как движение от хаотичности к объединению, от направленности на канал к ориентации на клиента. Осознание данной эволюции очень важно для осмысления сути омниканального подхода.

Мультиканальный маркетинг – это этап, на котором компания имеет несколько каналов (email, веб-сайт, социальные сети), но каналы функционируют отдельно друг от друга. У каждого канала могут быть свои метрики: команда, KPI, бюджет и даже разное сообщение. Для клиента это показывает несогласованный опыт. Например, акция, рекламируемая во ВКонтакте, может быть неактивна при покупке на сайте. В призме мероприятий это означало бы, что информация о спикерах в приложении и на сайте не совпадает с анонсами в Telegram, а стоимость билета в мобильном приложении разниться с ценой на сайте-партнере.

Кросс-канальный маркетинг [6] – следующий этап, на котором появляется понимание необходимости объединения между каналами. Участник может начать взаимодействие в определенном канале, а завершить в другом. Компании стараются обеспечить техническую возможность такого плавного перехода. Например, увидеть мероприятие в социальной сети, затем перейти по ссылке на сайт или лендинг, далее подписаться на email-рассылку для получения различных уведомлений. Более того, кросс-канальность достаточно часто сфокусирована на операционной связке, а не на целостности опыта. Данные о клиентах между каналами могут передаваться, но единая картина о клиенте отсутствует.

Омниканальный маркетинг – это принципиально иная философия. Омниканальность подразумевает в центре внимания не каналы, а единый бесшовный опыт клиента. Каналы становятся едиными, интегрированными в экосистему. Явная разница в том, что омниканальность предполагает, что все каналы взаимодействуют друг с другом в реальном времени, имея полную информацию о предыдущих действиях клиента. Как отмечает известный автор Д. Роджерс, цифровая трансформация помогает перейти от управления различными каналами к управлению связанными с клиентом потоками данных. Для посетителя мероприятия это происходит так: обсудив в онлайн-чате вопросы к спикеру, он приходит на само событие, где ведущий или модератор, имея доступ к аналитике, задает самый интересный или популярный вопрос, а после мероприятия участник получает на почту вырезку с ответом на свой вопрос и приглашение на тематическую встречу.

Рассмотрим кейс: «Яндекс.Такси» и конференция Yet Another Conference (YAC). Это яркий пример гибридного события, где омниканальный подход стал ключевым.

Перед мероприятием были размещены загадочные анонсы и тизеры в социальных сетях и в приложении «Яндекс.Такси». Далее использование данных для приглашения водителей-

партнеров как особой категории гостей через push-уведомления в приложении водителя. Это явный пример глубокой интеграции каналов на уровне данных.

Само мероприятие проводилось одновременно и онлайн и офлайн. Для зрителей в онлайне был создан интерактивный интерфейс, который позволял участвовать в опросах, выбирать ракурсы камер, задавать вопросы выступающим. Эти онлайн взаимодействия были видны также аудитории, кто был офлайн. Главные спикеры выступали и на сцене и удаленно. Все взаимодействие проводилось в Telegram-чате для участников, не различая их по формату участия.

После мероприятия запись была разделена на тематические потоки и отправлена различным сегментам аудитории на основе их интересов, которые были выявлены во время события.

Самые активные участники получили доступ к большему количеству полезных материалов.

Инструментарий для омниканального event-маркетинга на практике.

1. Платформы, такие как Контур.Сегмент+ (для крупных проектов), или связка AmoCRM + Unisender [10] для среднего бизнеса.

2. Платформы для продажи билетов с API, например, Timepad, Яндекс.Афиша и другие. Здесь важна опция передавать данные о покупке или регистрации в CRM/CDP в реальном времени.

3. Мобильные приложения мероприятия и интерактивы, например, Eventicious помогают создавать наполненные полезной информацией event-приложения [7] с расписанием, картами, персонализацией, чатом, нетворкингом и геймификацией.

4. Сквозная аналитика, например, Яндекс.Метрика с настройкой событий для построения сложных моделей атрибуции по данным мероприятия [8].

Самые важные вызовы при внедрении – это борьба с разрозненностью внутри компании. Отдел продаж, маркетинг, отдел PR, технические специалисты должны работать как одна команда с общими показателями эффективности. Цена и проблемы с интеграцией разнородных систем нуждается в квалифицированных специалистах. Работа с персональными данными клиентов с учетом 152-ФЗ. Необходимость создать прозрачную политику согласий на каждом этапе.

Переходя к выводам, можно отметить, что омниканальный маркетинг превращает продвижение мероприятий из разрозненных активностей в целостный и измеримый клиентским опытом. Успех определяется глубиной интеграции используемых каналов вокруг данных о человеке, что в результате ведет к повышению лояльности, конверсии, и ценности мероприятия как бренда.

Практические рекомендации для организаторов мероприятий:

1. Определите четкие цели (продажи, вовлеченность, лояльность) и составьте карту пути участника мероприятия.

2. Используйте не только сложные, но и простые связки инструментов.

3. Планируйте контент-план, который развивает историю на разных каналах, а не дублирует одно и то же сообщение везде.

Продумайте, как digital-активности будут воплощены на площадке, и как офлайн-впечатления вернутся в онлайн.

Список литературы

1. Котлер Ф. Маркетинг 4.0. Разворот от традиционного к цифровому. Технологии продвижения в интернете / Ф. Котлер, Х. Картаджайя, И. Сетиавэн. – М.: Эксмо, 2022. – 208 с.

2. Шульц Д.Е. Новая парадигма маркетинга: интегрируемые маркетинговые коммуникации / Д.Е. Шульц, С.И. Танненбаум, Р.Ф. Лаутерборн. – М.: Инфра-М, 2004. – 233 с.

3. Искусственный интеллект в медиа: от хайпа к стандарту. – URL: https://www.sostav.ru/publication/iskusstvennyj-intellekt-v-media-ot-khajpa-k-standartu-80175.html (дата обращения: 10.12.2025).

4. Ретейл медиа, живой офлайн, видеопродакшен и посевы в Telegram. – URL: https://www.sostav.ru/publication/retejl-media-zhivoj-oflajn-videoprodakshen-i-posevy-v-telegram-78186.html (дата обращения: 05.12.2025).

5. Особенности разработки и продвижения бренда в России. – URL: https://soldis.ru/vision/osobennosti-razrabotki-i-prodvizheniya-brenda/ (дата обращения: 03.01.2026).
6. Соцсети, стриминги или ТВ. Как принято смотреть информационный и развлекательный контент в 2025 году. – URL: https://adpass.ru/tv-socseti-i-striming-v-ssha-v-2025/ (дата обращения: 11.12.2025).
7. AdIndex: теория и практика рекламы. – URL: https://adindex.ru/ (дата обращения: 10.01.2026).
8. Digital 2025: Global Overview Report. – URL: https://prexplore.ru/trendy/digital-2025-global-overview-report-samoe-vazhnoe/ (дата обращения: 09.12.2025).
9. Digital 2025: The Russian Federation. – URL: https://datareportal.com/reports/digital-2025-russian-federation (дата обращения: 09.12.2025).
10. Digital Media Trends: Social platforms are becoming a dominant force in media and entertainment. – URL: https://www.deloitte.com/us/en/insights/industry/technology/digital-media-trends-consumption-habits-survey/2025.html (дата обращения: 04.12.2025).

Черномаз София Анатольевна
бакалавр, студентка

Научный руководитель
Широкова Елена Александровна
канд. экон. наук, доцент, декан
директор института экономики и права

ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет»
г. Магадан, Магаданская область

DOI 10.31483/r-154625

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ ФАКТОРОВ В УПРАВЛЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ СПОРТИВНЫХ ОБЪЕКТОВ

Аннотация: *в статье через призму концепции правовых пробелов анализируются экономические факторы, обуславливающие функционирование спортивных объектов в современном мире. Описывается зарубежный опыт, акцент сделан на российской правовой системе.*

Ключевые слова: *экономика, право, спорт, регулирование.*

Спортивная деятельность остается одной из ключевых сфер, на которую обращено пристальное внимание государства. Так, в федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» вносили поправки посредством более 80 федеральных законов, то есть законодатель не отрицал проблемы соответствующего правового регулирования и далеко не раз пытался их решить [1]. Однако проблемы эффективного регулирования спортивной жизни, осуществления эксплуатации масштабных государственных спортивных объектов по-прежнему остаются. Так, согласно недавним сведениям от Счетной палаты, в 2024 году было выделено 12,1 млрд руб. для создания спортивных объектов, а деньги были освоены на 99,9% [2]. Проблемы возникали в управлении спортивными учреждениями, поскольку из 60 запланированных к вводу в строй учреждений ввели в эксплуатацию только 45. Счетная палата связала указанное положение дел с рядом причин: нарушением механизмов формирования финансового обеспечения при выполнении государственного задания, предоставления субсидий и реализации норм, регулирующих процедуры закупок.

Проблема эффективности государственных учреждений, курирующих деятельность соответствующих спортивных объектов, выглядит многогранной. Так на специфику состояния спортивных объектов влияют нормы, регулирующие как минимум проведение госзакупок и выделение субсидий.

Для изучения заявленной проблемы целесообразно рассмотреть ее общие аспекты, а также экономические и правовые факторы влияния, способные обеспечить как позитивное, так и негативное развитие государственных спортивных объектов. Основополагающим

началом же является развитие масштабных государственных проектов в сфере физической культуры, таких как Национальный проект «Спорт России» (2019–2024 гг.), Федеральный проект «Развитие физической культуры и массового спорта», Государственная программа по физической культуре и спорту в России до 2036 года.

В силу действующих норм русского языка под распространенным (в том числе в экономической доктрине) термином «фактор» понимается существенное обстоятельство, обуславливающее какой-либо процесс. Государство не упоминает в федеральном законе «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» термин «фактор» ни разу. Однако оно указывает принципы, основополагающие начала спорта и физической культуры. В указанном контексте термины «фактор» и «принцип» выглядят синонимичными.

Так, в силу ст. 3 Федерального закона 329-ФЗ выделяются следующие основополагающие начала физической культуры и спорта [1]:

1) государство обеспечивает право каждого на доступ к физкультуре и спорту;

2) гарантируется единство нормативной базы на территории всего государства;

3) правовое регулирование отношений в мире спорта осуществляется посредством приложений усилий со стороны государства как такового и прочих субъектов отношений в сфере физкультуры и спорта;

4) устанавливаются государственные гарантии обеспечения прав субъектов правоотношений в России;

5) запрещается дискриминация, обеспечивается безопасность лиц, причастных к спортивным мероприятиям;

6) соблюдаются нормы международного права;

7) обеспечивается содействие лицам с ограниченными возможностями;

8) предполагается взаимодействие органов власти различных уровней (федеральная, муниципальная власть, органы власти субъектов России) в плане развития федеральной территории «Сириус»;

9) обеспечивается непрерывность физического развития российских граждан;

10) государство содействует развитию разнообразных видов спорта.

Эти принципы можно считать и факторами, обуславливающими регулирование состояния государственных спортивных объектов в России.

Формулируемые государством принципы физкультуры и спорта выглядит логичными применительно и к государственным спортивным объектам, несмотря на то, что термин «спортивный объект» в соответствующие норме права даже не закреплен. Так, выглядит оправданным строительство пандусов для лиц с ограниченными возможностями, ведь содействие инвалидам обеспечивается п. 8 ч. 1 ст. 3 329-ФЗ [1].

Сложности спортивной жизни тем временем, как представляется, во многом обусловлены тем, что федеральный закон не поспевает за быстротечностью социальных отношений. В описываемом случае имеет место множество правовых пробелов. Государство не регулирует непосредственно абсолютно все нюансы общественных отношений, оставляет недосказанности в нормативных правовых актах. Указанная политика не во всех случаях благоприятна. Данные выводы относятся и к управлению государственными спортивными объектами.

Запросы времени наглядно представлены в трудах экономистов. Так, О.Н. Вишнякова обосновывает со ссылками на статистику, доводы первых лиц государства о целесообразности создания цифровых паспортов спортивных сооружений [4, с. 23, 32]. При этом используется не формально-юридический подход, а процессный и структурно-логический методы, клиентоцентрированное проектирование, аналитическая оценка. Применяются концепция информационной поддержки принятия решений и критериальный анализ.

Согласно концепции О.Н. Вишняковой [4], цифровой паспорт должен строиться на базе определенных моделей из классификации объектов спортивной инфраструктуры, в том числе, тех, за которые несут ответственность государственные учреждения. Впоследствии выявленные признаки объектов и методы используемых классификационных систем должны

заноситься во ФКиС и ГИС. Указанная информация будет становиться ядром для анализа управления спортивными объектами. Действительно, в указанной концепции имеется рациональное зерно.

Очень похожие проблемы, изучая экономическую специфику государственных спортивных объектов, отмечает А.В. Александров. Исследователь выступает за создание общей цифровой системы фиксации спортивных объектов, прозрачных критериев систематизации спортивных объектов, модернизацию механизмов наблюдения и взаимодействия между государственными учреждениями в вопросах спорта [3, с. 147].

Похожие проблемы (отсутствие систематизации при выделении субсидий, фактическое неравенство субъектов правоотношений) отмечала и Счетная палата России [2]. Одним из наиболее показательных примеров стала закупка инвентаря лишь для 2 государственных спортивных объектов из 32 в Краснодарском крае в 2024 году. Похожая ситуация фиксировалась в Волгоградской области.

Аналогичные исследования имеются и за рубежом. Например, К. Цехликовский изучал города в Европе и особенности поддержки крупных спортивных объектов и соответствующих учреждений со стороны органов власти [5, с. 9]. Примеры Вильнюса, Варшавы и других городов показали несколько факторов, оказывающих существенное влияние на модели эффективного управления спортом в этих городах:

– во-первых, это поиск стратегического делового партнера в эксплуатации и развитии крупнейшего спортивного объекта. Имя спонсора впоследствии приводится в наименовании арены;

– во-вторых, играет роль уровень многофункциональности спортивного объекта. Указанное включает в себя, например, оборудование в конференц-залах, возможность организации культурных мероприятий;

– в-третьих, имеется в виду уровень коммерциализации спортивного объекта. К примеру, рассчитывается стоимость аренды площадей внутри стадиона для осуществления различных видов коммерческой деятельности, учитываются особенности осуществления большого количества различных мероприятий;

– в-четвертых, играет роль уровень прозрачности административной структуры. Учитываются разделение функций собственника здания, управляющего недвижимостью, управляющего спортивного клуба для осуществления мероприятий;

– в-пятых, имеет значение преобладающий тип мероприятий. Он принимается во внимание с учетом привлекательности мероприятий с точки зрения развития спорта в городе.

Таким образом, можно констатировать, что действующее национальное право, нормы которого регулируют деятельность государственных спортивных объектов, содержит правовые пробелы. Указанные пробелы желательно устранять как минимум на уровне формулировки основных принципов и факторов. Одними из наиболее актуальных основополагающих начал, потенциально интегрируемых в законодательство, выглядят принципы цифровизации и равенства.

Список литературы

1. О физической культуре и спорте в Российской Федерации: федеральный закон от 04.12.2007 №329-ФЗ (ред. от 28.11.2025) // Российская газета. – 2007. – №276.

2. ГРБС-2024: Счетная палата проверила исполнение бюджета в сфере спорта. – URL: https://ach.gov.ru/checks/grbs-2024-v-sfere-sporta (дата обращения: 09.03.2026).

3. Александров А.В. Анализ системы нормативно-правового регулирования создания и эксплуатации спортивных сооружений / А.В. Александров // Дискуссия. – 2025. – №5. – С. 142–149. DOI 10.46320/2077-7639-2025-5-138-142-149. EDN DZXHJR

4. Вишнякова О.Н. Внедрение цифровых технологий в управление объектами спортивной инфраструктуры / О.Н. Вишнякова // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2024. – №2. – С. 23–32. DOI 10.25198/2077-7175-2024-2-23. EDN XQTMXW

5. Cieślikowski K. Determinants of effective management in the sport with the use of large sport arenas in selected cities // European Journal of Service Management. 2017. No. 21. Pp. 5–10.

Ялкуйе Моктар
магистрант
Научный руководитель
Иовлева Ольга Владимировна
канд. экон. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»
г. Екатеринбург, Свердловская область

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕНЕДЖМЕНТА И МАРКЕТИНГА В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Аннотация: *в статье рассматривается эволюция взаимодействия управленческой и маркетинговой парадигм в деятельности современного предприятия. Анализируется переход от функционального разделения к интегрированной модели управления, ориентированной на создание ценности для потребителя. Особое внимание уделяется влиянию цифровой трансформации на процессы принятия решений, где стираются грани между внутренним менеджментом и внешней маркетинговой коммуникацией. Автором обосновывается необходимость формирования синергетического подхода, при котором маркетинг становится философией бизнеса, а менеджмент инструментом ее реализации, что в совокупности обеспечивает устойчивое конкурентное преимущество в условиях нестабильности рынка.*

Ключевые слова: *менеджмент, маркетинг, синергия, конкурентоспособность, цифровая трансформация, стратегическое управление, клиентоориентированность, интегрированные коммуникации.*

В условиях современной экономики, характеризующейся высокой турбулентностью, цифровизацией и изменением моделей потребительского поведения, традиционное разделение функций менеджмента и маркетинга становится не просто устаревшим, но и опасным для выживания бизнеса. Долгое время в теории и практике эти две дисциплины существовали параллельно: менеджмент отвечал за внутреннюю эффективность, структуру, персонал и финансы, а маркетинг за изучение рынка, рекламу и сбыт. Однако сегодня граница между «внутренним» и «внешним» размывается.

Актуальность данной темы обусловлена необходимостью поиска новых моделей управления, способных обеспечить синергетический эффект. Целью данной статьи является анализ современных подходов к интеграции менеджмента и маркетинга, а также определение роли их синергии в повышении конкурентоспособности предприятия в цифровой среде.

1. Теоретические аспекты взаимодействия менеджмента и маркетинга.

Исторически маркетинг рассматривался как одна из функций менеджмента, наряду с производством, финансами и кадрами. Классическая школа управления (Ф. Тейлор, А. Файоль) видела задачу в построении эффективной внутренней структуры. Маркетинг же, в понимании Ф. Котлера, это вид человеческой деятельности, направленный на удовлетворение нужд и потребностей посредством обмена. Долгое время они существовали в разных плоскостях.

Однако эволюция рыночных отношений привела к смене парадигмы. Концепция социально-этичного маркетинга и маркетинга взаимоотношений (Р. Морган, Ш. Хант) потребовала пересмотра роли потребителя. Компании осознали, что нельзя создать качественный продукт без понимания рынка, и нельзя выстроить долгосрочные отношения с клиентом без эффективного внутреннего менеджмента качества и сервиса. Возникла потребность в интеграции, где маркетинг перестает быть просто отделом, а становится философией бизнеса, пронизывающей все уровни управления.

2. Цифровая трансформация как катализатор интеграции.

Цифровая экономика стала главным катализатором сближения менеджмента и маркетинга. Внедрение CRM-систем, Big Data, искусственного интеллекта и маркетинговой

автоматизации привело к тому, что данные о клиентах стали ключевым ресурсом для принятия управленческих решений.

1. Клиентоцентричность. Если раньше маркетологи собирали «голос клиента» (VOC), а менеджеры принимали решения, то сегодня сбор и анализ данных происходит в режиме реального времени. Управленческие решения (изменение логистики, ассортимента, сервисных стандартов) должны приниматься мгновенно на основе маркетинговой аналитики.

2. Управление репутацией (ORM/SERM). Репутация компании в digital-среде напрямую зависит от качества менеджмента. Негативный отзыв о плохой работе склада это проблема логистического менеджмента, но последствия (потеря лояльности) проблема маркетинга. Следовательно, управление репутацией требует совместных, синхронных действий.

3. Agile и Scrum в управлении. Методологии гибкого управления, пришедшие из IT, активно применяются в маркетинге. Создание кросс-функциональных команд, где маркетологи, разработчики и менеджеры работают вместе над созданием ценности для клиента, разрушает функциональные барьеры.

3. Синергия как фактор конкурентоспособности.

Синергия менеджмента и маркетинга означает достижение такого состояния системы управления, при котором общий эффект от взаимодействия двух функций превышает сумму эффектов каждой из них, работающих по отдельности. Рассмотрим, как это влияет на ключевые факторы конкурентоспособности:

Стратегическое планирование. Маркетинговые исследования рынка и конкурентов становятся основой для миссии и видения компании, которые разрабатывает высший менеджмент. Стратегия роста компании неразрывно связана с маркетинговой стратегией позиционирования.

Инновации и разработка продукта. Менеджмент обеспечивает ресурсы и процессы для создания продукта, а маркетинг идеи и требования рынка. Пример Apple или Tesla показывает, что технический менеджмент невозможен без глубокого маркетингового понимания потребностей пользователя.

Управление персоналом (HR-бренд). Внутренний маркетинг становится задачей менеджмента. Компания должна «продать» себя сотрудникам так же, как и потребителям.

Эффективность коммуникаций. Когда компания «делает то, что говорит» (менеджмент обеспечивает качество обещанного маркетингом), возникает доверие. Рассогласование же (например, агрессивная реклама и плохой сервис) ведет к кризису.

4. Проблемы и барьеры на пути к синергии.

Несмотря на очевидные преимущества, многие компании сталкиваются с трудностями при интеграции.

Организационная структура. Жесткие иерархические структуры препятствуют обмену информацией между отделами.

Различие в KPI. Маркетологи часто оцениваются по охватам и лидам, а менеджеры по выполнению плана и сокращению издержек. Эти цели могут конфликтовать.

Бюджетирование. Сохранение «силосных» (разрозненных) бюджетов мешает реализации комплексных проектов.

Корпоративная культура. Отсутствие культуры сотрудничества и взаимопонимания между «технарями» и «гуманитариями» (маркетологами).

5. Модель интегрированного управления в цифровой среде.

Для достижения синергии современным предприятиям рекомендуется переход к модели «Маркетинго-ориентированного менеджмента». Ключевые элементы этой модели следующие.

1. Единая информационная платформа: Использование CRM и ERP систем в едином контуре, где данные о клиентах доступны всем подразделениям.

2. Кросс-функциональные команды: Создание проектных групп под конкретные задачи, включающих специалистов по продажам, маркетингу, производству и логистике.

3. Customer Journey Map (CJM) как инструмент управления: Карта пути клиента должна быть не просто маркетинговым документом, а основой для оптимизации бизнес-процессов всего предприятия (менеджмента).

4. Единая система мотивации: Внедрение общих KPI, связанных с пожизненной ценностью клиента (LTV) и уровнем удовлетворенности (CSI/Net Promoter Score), что объединяет цели менеджмента и маркетинга.

Синергия менеджмента и маркетинга перестает быть желательным дополнением и становится критическим условием выживания и развития бизнеса в XXI веке. В условиях цифровой экономики компания не может быть успешной, если ее менеджмент игнорирует маркетинговые данные, а маркетинг не учитывает реальные производственные и управленческие возможности компании.

Интеграция этих функций позволяет создать адаптивную систему управления, способную быстро реагировать на изменения рынка, выстраивать доверительные отношения с клиентами и формировать устойчивые конкурентные преимущества.

Список литературы

1. Котлер Ф. Маркетинг менеджмент. Экспресс-курс / Ф. Котлер; пер. с англ. под ред. С.Г. Божук. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2021. – 448 с.

2. Друкер П. Энциклопедия менеджмента / П. Друкер. – М.: Вильямс, 2019. – 432 с.

3. Ламбен Ж.-Ж. Менеджмент, ориентированный на рынок / Ж.-Ж. Ламбен; пер. с англ. под ред. В.Б. Колчанова. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2018. – 928 с.

4. Ойнер О.К. Управление результативностью маркетинга: учебник для вузов / О.К. Ойнер. – М.: Юрайт, 2023. – 350 с.

5. Траут Дж. Маркетинговые войны / Дж. Траут, Э. Райс. – Юбилейное изд. – СПб.: Питер, 2020. – 304 с.

6. Ансофф И. Стратегический менеджмент. Классическое издание / И. Ансофф; пер. с англ. – СПб.: Питер, 2020. – 344 с.

7. Porter M.E. Competitive Strategy: Techniques for Analyzing Industries and Competitors. New York: Free Press, 1980.

8. Хаммер М. Реинжиниринг корпорации: Манифест революции в бизнесе / М. Хаммер, Дж. Чампи. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021. – 288 с.

9. Патлова О.В. Цифровая трансформация маркетинга: новые вызовы и возможности / О.В. Патлова // Вопросы экономики и управления. – 2022. – №4 (26). – С. 12–18.

ФИНАНСЫ И КРЕДИТ. ЭКОНОМИКА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Балагуров Александр Михайлович
аспирант
АНОО ВО ЦС РФ «Российский университет кооперации»
г. Москва

DOI 10.31483/r-154627

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ВНУТРЕННЕГО ТУРИЗМА

Аннотация: *в статье осуществлен многоаспектный анализ современного состояния и детерминант развития рынка внутреннего туризма РФ в 2026 г. с позиций институционального и поведенческого подходов. Актуальность исследования детерминирована завершением фазы экстенсивного восстановления отрасли и переходом к этапу структурной перестройки в условиях макроэкономической нестабильности и трансформации потребительских паттернов. Эмпирическую базу составили данные отраслевых регуляторов (Ростуризм в структуре Минэкономразвития), аналитические материалы АТОР, РСТ и международные обзоры Research and Markets.*

В работе выявлены ключевые векторы институциональных изменений, связанные с редефиницией туристского продукта, проанализирована фрагментация потребительского спроса (феномен «биполярной стратификации»), а также исследовано влияние технологических инноваций и дефицита трудовых ресурсов на операционную эффективность туристско-рекреационного комплекса. Сделан вывод о переходе отрасли в фазу «зрелого спроса», характеризующуюся превалированием качественных параметров над количественными и необходимостью имплементации предиктивных стратегий управления.

Ключевые слова: *внутренний туризм, институциональная архитектоника, редефиниция турпродукта, биполярная стратификация спроса, глубина бронирования, автотуризм, кадровая депривация, имплементация AI-технологий, устойчивое развитие туризма.*

Современный этап развития российской туристской индустрии знаменуется переходом от посткризисного восстановительного роста, индуцированного эффектом импортозамещения и закрытием ряда зарубежных направлений, к фазе структурной трансформации, сопряженной с комплексом макроэкономических и институциональных вызовов. К 2026 году внутренний туризм утрачивает черты «компенсаторного» механизма и обретает характеристики самостоятельного, системообразующего сегмента национальной экономики, требующего углубленного теоретического осмысления.

Проблемное поле исследования очерчено противоречием между статистически фиксируемым ростом туристского потока (97 млн поездок в 2025 г. с прогнозируемой положительной динамикой) и нарастающими признаками стагнации потребительской активности, проявляющимися в снижении эластичности спроса по доходу и изменении поведенческих паттернов туристов. Цель данной работы заключается в идентификации и систематизации ключевых тенденций, детерминирующих архитектонику внутреннего туризма в 2026 г., а также в оценке адаптационного потенциала отрасли в условиях макроэкономической турбулентности и институциональной реконфигурации.

Исследование базируется на синтезе институционального подхода (анализ формальных правил и норм, регулирующих отрасль) и теории потребительского поведения (концепция «экономики впечатлений» Б. Пайна и Дж. Гилмора, теория поколений). В работе применялись общенаучные методы анализа, синтеза, систематизации, а также методы сравнительного и структурно-функционального анализа.

1. Институциональная динамика и редефиниция туристского продукта.

Значимым событием 2026 г., детерминирующим конфигурацию рынка, является имплементация с 1 марта поправок в Федеральный закон №132-ФЗ «Об основах туристской деятельности» [1]. Данная новелла знаменует собой расширение дефиниции «туристский продукт» для сферы внутреннего туризма посредством включения в его структуру комплексов услуг, интегрирующих размещение с экскурсионным, инструкторским и гидовым сопровождением.

С позиций институциональной теории, данная мера направлена на редуцирование транспарентности рынка и легализацию деятельности значительного сегмента региональных туроператоров. Как отмечает вице-президент РСТ Д. Горин, ранее сложные многокомпонентные маршруты не подпадали под формальные критерии турпродукта, что исключало возможность претендовать на фискальные преференции (освобождение от НДС) и иные меры государственной поддержки. Расширение понятийного аппарата призвано не только стимулировать предложение, но и выступить фактором, сдерживающим ценовую динамику за счет инкорпорирования субъектов «теневого» рынка в легальное поле и, как следствие, усиления конкурентной среды.

Анализ динамики раннего бронирования на летний сезон 2026 г., проведенный АТОР, выявляет феномен, который может быть охарактеризован как «биполярная стратификация спроса». На фоне общего сокращения объема продаж (в среднем на 10% год к году) наблюдается разнонаправленная динамика в различных сегментах.

Данная тенденция коррелирует с макроэкономической ситуацией, а именно – с сохранением высокой ключевой ставки и переходом значительной части домохозяйств к сберегательной модели поведения. Следствием этого выступает:

Сокращение глубины бронирования: временной лаг между приобретением тура и датой заезда минимизируется, что индицирует переход к «отложенному спросу» и низкую предсказуемость потребительского выбора.

Интрарегиональная миграция турпотоков: внутри Краснодарского края фиксируется перераспределение туристов из высокобюджетной локации (Сочи) в более доступные (Анапа, Геленджик), что подтверждает тезис о ценовой эластичности массового сегмента.

Рецессия в экскурсионном и санаторно-курортном сегментах: данные направления демонстрируют стагнацию, что может интерпретироваться как оптимизация потребительских бюджетов в пользу более прагматичных форматов отдыха (пляжный туризм).

На микроуровне в 2026 г. отчетливо прослеживается консолидация тренда на автономные путешествия с использованием личного автотранспорта. Автотуризм выступает не просто способом экономии, но и механизмом обеспечения гибкости маршрута и минимизации транзакционных издержек, связанных с ожиданием транспорта и привязкой к расписанию [2].

В контексте теории поколений, представители когорты Y и Z (миллениалы и зумеры) демонстрируют тяготение к «полицентричной модели отпуска», диверсифицируя свои поездки в течение года и комбинируя форматы. При этом, согласно данным ассоциации «Турпомощь», наблюдается дивергенция интересов: наряду с традиционными южными направлениями, возрастает аттрактивность регионов Центральной России (Владимирская, Тульская, Ярославская области), предлагающих культурно-познавательный контент и выступающих альтернативой перегруженным пляжным локациям.

Индустрия гостеприимства в 2026 г. функционирует в условиях дуализма: с одной стороны, активная цифровизация и имплементация AI-технологий, с другой – острый дефицит трудовых ресурсов (кадровая депривация) [3]. Автоматизация рутинных операций посредством внедрения систем на базе искусственного интеллекта (умные номера, роботизированные консьерж-сервисы, чат-боты) перестает быть маркетинговым инструментом и становится необходимым условием операционной деятельности.

Однако, как справедливо отмечают эксперты, технологизация не элиминирует потребность в человеческом капитале, а трансформирует его функции, смещая акцент на эмоциональный интеллект и креативные компетенции. Параллельно усиливается запрос на

уникальность туристского опыта, что проявляется в росте популярности нишевых сегментов: сонный туризм, ретриты, гастрономические экспедиции, детокс-программы, – требующих высокой степени персонализации.

На макроуровне мировой туристический рынок, по оценкам авторитетных организаций, демонстрирует устойчивую положительную динамику. Так, общий объем мирового туристического рынка в 2025 году превысил 10,62 трлн долларов США, а экспортные доходы от международного туризма достигли 2,2 трлн долларов США. Ожидается, что рынок внутреннего туризма продолжит активный рост и приблизится к отметке 4,31 трлн долларов США к 2030 году.

Глобальными драйверами выступают популяризация ESG-принципов, развитие сельского и экологического туризма, а также внедрение предиктивных аналитических систем на базе AI для кастомизации предложений.

Для российской практики данные тренды релевантны с определенной лакуной: экологическая ответственность и устойчивое развитие становятся значимыми факторами выбора для молодой аудитории, тогда как цифровизация преимущественно ориентирована на решение операционных проблем дефицита кадров [4], а не на создание принципиально новых потребительских ценностей.

Таким образом, современное состояние внутреннего туризма в РФ (2026 г.) характеризуется переходом от экстенсивной модели роста к интенсивной, основанной на качественных параметрах и адаптации к структурным ограничениям. Архитектоника рынка претерпевает изменения под воздействием трех групп факторов: институциональных (редефиниция турпродукта), экономических (биполярная стратификация спроса, сокращение глубины бронирования) и технологических (имплементация AI в условиях кадрового дефицита).

Перспективы дальнейшего развития отрасли детерминированы способностью стейкхолдеров (туроператоров, отельеров, регуляторов) консолидировать усилия для формирования устойчивой экосистемы туризма, ориентированной на создание уникальной потребительской ценности и эффективное использование инструментов государственной поддержки в условиях «новой нормальности». Ключевым вызовом выступает необходимость балансирования между ценовой доступностью и рентабельностью бизнеса в условиях сжатия платежеспособного спроса.

Список литературы

1. Федеральный закон от 24.11.1996 №132-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 02.12.1996. – №49. – Ст. 5491.

2. Исследование: россияне выбирают автопутешествия для семейного отдыха // Ведомости. Туризм. – 2025. – 6 нояб. – URL: https://www.vedomosti.ru/tourism/trends/news/2025/11/06/1152680-issledovanie-rossiyane-vibirayut-avtoputeshestviya-dlya-semeinogo-otdiha (дата обращения: 09.03.2026).

3. Искусственный интеллект в гостиничном бизнесе России: тренды 2026 года и кейс нейроконсультанта Ника 3.0. – URL: https://www.librahospitality.com/company/news/iskusstvennyy-intellekt-v-gostinichnom-biznese-rossii--trendy-2026-goda-i-keys-neyrokonsultanta-nika/ (дата обращения: 09.03.2026).

4. «Работай и путешествуй»: как туротрасль пытается справиться с критическим дефицитом кадров // Российская газета. – 2025. – 27 нояб. – URL: https://rg.ru/2025/11/27/esh-rabotaj-i-tancuj.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Falice.yandex.ru%2F (дата обращения: 09.03.2026).

5. Внутренний туризм в России в 2025 году: замедление роста, смещение в зарубежные направления и прогнозы на 2026. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8340699 (дата обращения: 09.03.2026).

6. Отдельные показатели деятельности организаций туриндустрии / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm (дата обращения: 09.03.2026).

7. Газгиреева Л.Х. Основные тренды в туризме и индустрии гостеприимства: аналитика, проблемы и перспективы на 2026 год / Л.Х. Газгиреева // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2025. – Т. 19. №2. – С. 100–111.

8. Богданов Е.И. Экономика отрасли туризма: учебник / Е.И. Богданов, Е.С. Богомолова, В.П. Орловская; под ред. проф. Е.И. Богданова. – М.: Инфра-М, 2026. – 318 с.

Блинова Екатерина Алексеевна
аспирант
Иргалиев Айдар Кайратович
магистрант
Научный руководитель
Бочков Павел Валерьевич
канд. экон. наук, доцент

Уральский институт управления (филиал)
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ»
г. Екатеринбург, Свердловская область

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ОРГАНОВ МУНИЦИПАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

Аннотация: *в статье исследуется процесс трансформации правового положения органов муниципального контроля в ходе реформы контрольно-надзорной деятельности, проводимой в Российской Федерации в 2020–2025 годах. Анализируются ключевые направления реформы: внедрение риск-ориентированного подхода, развитие профилактических мероприятий, цифровизация контрольных процедур, реформа досудебного обжалования. Выявляются основные изменения в правовом статусе органов муниципального контроля, их полномочиях и ответственности. Особое внимание уделяется проблемам правоприменения и перспективам дальнейшего развития института муниципального контроля в новых правовых реалиях. На основе проведенного анализа формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования муниципального контроля.*

Ключевые слова: *муниципальный контроль, реформа контрольно-надзорной деятельности, риск-ориентированный подход, профилактика нарушений.*

Реформа контрольно-надзорной деятельности, развернувшаяся в Российской Федерации в последние годы, представляет собой одну из наиболее масштабных административных преобразований, направленных на снижение административной нагрузки на бизнес и повышение эффективности государственного и муниципального управления. Принятие Федерального закона от 31 июля 2020 г. №248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» ознаменовало новый этап в развитии института муниципального контроля, кардинально изменив его правовую природу, принципы осуществления и процедурные основы.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления произошедших за пять лет преобразований, оценки их влияния на правовое положение органов муниципального контроля и выявления проблемных аспектов правоприменения, требующих дальнейшего совершенствования законодательства. Цель настоящей статьи заключается в комплексном анализе трансформации правового статуса органов муниципального контроля в контексте реформы контрольно-надзорной деятельности 2020–2025 годов.

Реформа существенным образом изменила правовое положение органов муниципального контроля по нескольким ключевым направлениям.

Во-первых, произошло законодательное закрепление системных принципов осуществления муниципального контроля. К числу таких принципов отнесены: законность, соблюдение прав и законных интересов контролируемых лиц, открытость и доступность информации об организации контроля, применение риск-ориентированного подхода, стимулирование добросовестного соблюдения обязательных требований, недопустимость дублирования полномочий. Закрепление указанных принципов на законодательном уровне создало правовую

основу для единообразного понимания целей и задач муниципального контроля, ограничило возможности произвольного усмотрения должностных лиц.

Во-вторых, кардинально изменилась структура видов муниципального контроля. Закон №248-ФЗ установил закрытый перечень видов контроля, которые могут осуществляться на муниципальном уровне: муниципальный контроль в сферах благоустройства, дорожной деятельности, жилищных отношений, торговой деятельности, а также иные виды контроля, предусмотренные федеральными законами. При этом значительная часть ранее существовавших видов контроля была упразднена или передана на региональный уровень, что, с одной стороны, сократило нагрузку на муниципалитеты, но с другой – потребовало перестройки сложившихся практик взаимодействия с контролируемыми лицами.

В-третьих, произошло перераспределение полномочий между уровнями публичной власти в сфере контроля. Если ранее многие вопросы организации контроля решались на муниципальном уровне самостоятельно, то новый закон установил жесткую регламентацию процедур, оставив муниципалитетам лишь право конкретизации в пределах, установленных федеральным законодательством. Это способствовало унификации контрольных процедур, но одновременно ограничило возможности муниципалитетов по учету местной специфики.

Как отмечается в учебном пособии, посвященном контрольно-надзорной деятельности в муниципальном управлении, ключевым нововведением стало внедрение системы управления рисками, в соответствии с которой интенсивность проведения контрольных мероприятий ставится в зависимость от отнесения деятельности контролируемого лица к определенной категории риска. Для органов муниципального контроля это означало необходимость освоения новых методов планирования своей деятельности, разработки критериев отнесения объектов контроля к категориям риска, ведения соответствующих информационных систем.

Несмотря на очевидные позитивные изменения, реализация реформы на муниципальном уровне сопровождается рядом проблем, требующих дальнейшего совершенствования правового регулирования.

Во-первых, сохраняется проблема кадрового обеспечения органов муниципального контроля. Новая система требует от должностных лиц не только знания законодательства, но и владения современными методами управления рисками, цифровыми компетенциями, навыками профилактической работы. В небольших муниципалитетах, где численность сотрудников контрольных органов минимальна, обеспечение такого уровня квалификации крайне затруднительно.

Во-вторых, недостаточно урегулированными остаются вопросы межведомственного информационного взаимодействия. Органы муниципального контроля нуждаются в доступе к значительному объему информации, содержащейся в государственных информационных системах (ЕГРН, ЕГРЮЛ, ФИАС и др.). Несмотря на законодательное закрепление принципов открытости и доступности информации, на практике получение необходимых сведений часто сопряжено с бюрократическими барьерами и затягиванием сроков.

В-третьих, сохраняются сложности в разграничении предметов ведения муниципального контроля и иных видов государственного контроля (надзора). Особенно остро эта проблема проявляется в сферах земельных отношений и жилищно-коммунального хозяйства, где полномочия различных контрольных органов пересекаются, создавая риск дублирования проверок в отношении одних и тех же лиц по одним и тем же основаниям.

В-четвертых, требуют дальнейшего развития критерии отнесения объектов контроля к категориям риска. В настоящее время для многих видов муниципального контроля такие критерии либо отсутствуют, либо сформулированы недостаточно четко, что не позволяет в полной мере реализовать потенциал риск-ориентированного подхода.

Анализ правоприменительной практики позволяет сформулировать следующие предложения по совершенствованию правового регулирования муниципального контроля:

– разработка и утверждение типовых административных регламентов осуществления муниципального контроля, учитывающих специфику различных видов контроля и особенности муниципальных образований разного типа;

– совершенствование механизмов межведомственного информационного взаимодействия, включая заключение соглашений об обмене информацией между органами муниципального контроля и держателями государственных информационных систем;

– введение специальных программ профессиональной переподготовки и повышения квалификации для должностных лиц органов муниципального контроля с акцентом на освоение современных методов контрольной деятельности;

– развитие методической поддержки муниципальных образований со стороны федеральных и региональных органов власти, включая подготовку разъяснений по спорным вопросам правоприменения, проведение обучающих семинаров и вебинаров.

Реформа контрольно-надзорной деятельности 2020–2025 годов привела к кардинальной трансформации правового положения органов муниципального контроля в Российской Федерации. Основными направлениями этой трансформации стали: внедрение риск-ориентированного подхода, развитие профилактической направленности контроля, цифровизация контрольных процедур, введение обязательного досудебного обжалования, унификация видов контроля и процедур их осуществления.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в ходе реформы удалось достичь значительных результатов в снижении административной нагрузки на бизнес, повышении прозрачности контрольной деятельности, внедрении современных методов управления. Вместе с тем сохраняется ряд проблем, связанных с кадровым обеспечением, межведомственным взаимодействием, разграничением полномочий, которые требуют дальнейшего совершенствования правового регулирования.

Перспективы развития института муниципального контроля связаны с углублением дифференциации контрольных процедур в зависимости от категорий риска, расширением использования дистанционных методов контроля, совершенствованием механизмов обратной связи с контролируемыми лицами. Важным направлением является также дальнейшая интеграция муниципального контроля в единую систему государственного контроля (надзора) при сохранении самостоятельности органов местного самоуправления в решении вопросов местного значения.

Список литературы

1. Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 №248-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/?ysclid=mm2cbyhbj0834878089 (дата обращения: 25.02.2026).

Васильева Анастасия Максимовна
студентка
ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет»
г. Ульяновск, Ульяновская область
Сеюков Булат Русланович
учащийся
Горчаковский лицей ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ»
г. Москва

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПОВЫШЕНИЯ УТИЛЬСБОРА ДЛЯ РОССИЙСКОГО АВТОМОБИЛЬНОГО РЫНКА

Аннотация: *в статье анализируются экономические последствия повышения утилизационного сбора (утильсбора) на автомобили в Российской Федерации. Отмечается рост цен на новые автомобили, снижение спроса, изменения в структуре рынка и воздействие на доходы бюджета. Рассматриваются реакции производителей, дилеров и потребителей, а также влияющие макроэкономические факторы. Сделан вывод, что повышение утильсбора имеет противоречивый эффект, так как, с одной стороны, усиливает фискальную функцию и протекционизм, но одновременно снижает доступность автомобилей и замедляет развитие рынка.*

Ключевые слова: *утилизационный сбор, автомобилисты, автомобильный рынок, социальное неравенство, экономическая политика, потребительское поведение, мобильность населения, фискальные инструменты.*

Утилизационный сбор на транспортные средства в РФ за последние годы стал предметом активной публичной дискуссии. Формально утильсбор декларируется как экологическая и инфраструктурная мера, направленная на покрытие будущих затрат по утилизации транспортных средств и поддержание «круговой экономики», однако на практике он выполняет и фискальные, и протекционистские функции, влияя на цены импорта, поведение производителей и потребителей, а также на развитие вторичного рынка [8].

Разрыв между обязательностью и слабой «видимостью отдачи» делает утильсбор типичным примером скрытого фискального инструмента. В рамках экономической теории подобные платежи часто воспринимаются населением как замаскированные налоги: они встраиваются в стоимость товара и «растворяются» в цене, а потому ощущаются как постоянное удорожание жизни без понятного объяснения, куда именно и с каким эффектом уходят средства. Чем ниже прозрачность распределения поступлений и чем меньше публичных отчетов о результатах, тем выше вероятность, что сбор будет интерпретироваться не как специализированная мера, а как обычное пополнение бюджета под иным названием [2].

Таким образом, утильсбор выполняет двойную функцию. На уровне декларируемой цели он должен стимулировать переработку и обновление автопарка, а на уровне фактического экономического действия – становится устойчивым источником изъятия доходов через рынок автомобилей. Это и создает основу для его анализа как фискального, а не только экологического механизма.

Утильсбор в современном виде появился в России в 2012 году и с тех пор неоднократно корректировался. В 2024–2025 гг. наблюдалась резкая поэтапная индексация ставок: с 1 октября 2024 года ставки были повышены на значительные проценты (в ряде категорий – 70–85%), дальнейшая ежегодная индексация планировалась на период до 2030 года [7].

Повышение утильсбора оказывает прямое влияние на стоимость ввоза и, соответственно, на конечную цену как новых, так и подержанных импортных автомобилей. Аналитики отмечают, что индексация 2024–2025 гг. привела к ожиданиям удорожания на всех сегментах рынка [6].

Итак, можно выделить основные последствия повышения ставок утильсбора.

1. Российские автоконцерны получают конкурентные преимущества.

2. Макроэкономические последствия:

– снижение объёма импорта автомобилей на 25–35 % в первый год после повышения;

– рост доли локального производства до 70–75 % в течение 2–3 лет;

– вклад в инфляцию на уровне 0,3–0,6 процентных пунктов из-за удорожания транспорта;

– увеличение доходов бюджета на 50–100 млрд рублей ежегодно;

– приток инвестиций в производство автокомпонентов.

3. Эффект для конечных потребителей. Граждане сталкиваются с:

– заметным повышением розничных цен на новые автомобили;

– сокращением выбора доступных моделей;

– вынужденным переключением на отечественные марки или подержанные авто возрастом до 3 лет;

– увеличением среднего срока эксплуатации имеющихся транспортных средств [1].

Особенно болезненно повышение ставок утилизационного сбора, вступившего в силу с 1 октября 2024 года, ударило по регионам, традиционно ориентированным на импорт: Дальнему Востоку (японский автопарк), южным регионам (ввоз из Армении и Казахстана) и Сибири (высокий спрос на внедорожники). На этом фоне активизировались и теневые схемы – ввоз через страны ЕАЭС с занижением характеристик, фальсификация документов о возрасте автомобилей, а также манипуляции с временным ввозом и последующей «легализацией». Производители в ответ на вызовы ищут способы минимизировать нагрузку: наращивают долю российских комплектующих, пересматривают логистические схемы и добиваются статуса «локализованного производства», дающего право на льготы. Власти при этом аргументируют повышение сбора необходимостью финансировать систему утилизации, заботиться об экологии и поддерживать отечественных производителей в условиях санкций [5]. Кроме того, рост цен на импорт при закрытом рынке стимулирует появление серого импорта и перераспределение торговых потоков через третьи страны [9].

Повышение утильсбора ожидаемо повышает цены на подержанные автомобили, особенно для тех сегментов, где доля ввоза с пробегом велика.

Увеличение цен на новые автомобили приводит к снижению мобильности граждан с доходами ниже среднего, так как они вынуждены покупать поддержанные машины, которые менее безопасны и экологичны. Это в совокупности приводит к устареванию парка машин.

Это повышает социальную напряженность в обществе, так как для многих автомобиль не только средство передвижения, но и дохода. В совокупности снижается уровень стандарта жизни, населения и прослеживается рост обязательных платежей, в том числе и из-за повышения ставок по автокредитам.

В совокупности у граждан складывается мнение, что государственные меры ухудшают качество жизни. Теряется доверие к экономической политике государства.

Итак, повышение утильсбора в России – сложная регуляторная мера с множественными экономическими, институциональными и социальными эффектами. Оно может способствовать финансированию инфраструктуры утилизации и поддержке локального производства, но одновременно вызывает рост цен, изменяет структуру спроса и может ухудшать доступность транспорта для части населения.

Легитимность и эффективность такой политики зависят от прозрачного распределения собранных средств, согласованной долгосрочной стратегии по утилизации и модернизации автопарка, а также от компенсирующих мер для наиболее уязвимых групп и регионов.

Рекомендуется сочетать фискальные коррективы с программами инвестиционной модернизации, социальными компенсаторами и строгой отчётностью по расходованию средств, чтобы утильсбор действительно работал на экологическую и промышленную политику, а не становился инструментом произвольного ограничения конкуренции.

Таким образом, утильсбор как инструмент должен сопровождаться реальными инвестициями в инфраструктуру переработки автомобилей и программами обмена [4]. Практическая политика должна опираться на моделирование распределения бремени между импортёрами, производителями и потребителями автомобилей [3].

Список литературы

1. Белев С. Г. Последствия повышения утилизационного сбора для транспортных средств в Российской Федерации / С. Г. Белев, Е. О. Матвеев // Ars Administrandi (Искусство управления). – 2022. – Т. 14. №1. – С. 25–43. – DOI 10.17072/2218-9173-2022-1-25-43. EDN COHEZB

2. Гордиенко М.С. Утилизационный сбор в системе фискальных неналоговых платежей РФ / М.С. Гордиенко // Налоги и налогообложение. – 2019. – №10. – С. 25–36. – DOI: 10.7256/2454-065X2019.10.31348. EDN IVDNRJ

3. История утилизационного сбора в России. – URL: https://tass.ru/info/7196227?utm_ (дата обращения: 15.12.2025).

4. Кречетова А. Глава «Автостата» оценил влияние нового утильсбора на удорожание авто с пробегом Глава «Автостата» оценил влияние нового утильсбора на удорожание авто с пробегом / А. Кречетова. – URL: https://www.forbes.ru/biznes/551004-glava-avtostata-ocenil-vlianie-novogo-util-sbora-na-udorozanie-avto-s-probegom?utm_ (дата обращения: 10.01.2026).

5. Мирошниченко Н. Индексация утильсбора всегда будет триггером для спроса / Н. Мирошниченко // Газета «Коммерсант». – 24.10.2025. – №197. – С. 10.

6. Никитина О. История утильсбора и его роль в автопроме / О. Никитина // Коммерсантъ. – 30.07.2024. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/6864097?utm_ (дата обращения: 09.01.2026).

7. Николаева С. Утильсбор с 1 января 2026 года: новые правила / С. Николаева // Lenta.ru. – 26.01.2026. – URL: https://lenta.ru/articles/2025/11/11/utilizatsionnyy-sbor-s-1-dekabrya/?utm_ (дата обращения 27.01.2026).

8. Панков А. Прощай, Kia. Вот как изменится рынок бюджетных иномарок в России / А. Панков // Autonews.ru. – 14.10.2025. – URL: https://www.autonews.ru/news/68ee092b9a79470ea6676a82?utm_ (дата обращения 10.01.2026).

9. Повышение утильсбора с 1 октября 2024 // РИА Новости. – 23.10.2024. – URL: https://ria.ru/20241023/utilsbor-1979656211.html?utm (дата обращения 10.01.2026).

Давлетова Алина Камиловна
канд. экон. наук, доцент, преподаватель
Нусрутдинов Инсаф Иршатович
магистрант

Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»
г. Стерлитамак, Республика Башкортостан

СУЩНОСТЬ, ОЦЕНКА И ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ ДЕБИТОРСКОЙ И КРЕДИТОРСКОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ

Аннотация: *в статье рассмотрены сущность, методы оценки и пути оптимизации дебиторской и кредиторской задолженности предприятия. Проведен анализ влияния задолженности на финансовую устойчивость компании. Предложены практические рекомендации по управлению дебиторской и кредиторской задолженностью с целью повышения ликвидности и платежеспособности предприятия.*

Ключевые слова: *дебиторская задолженность, кредиторская задолженность, управление задолженностью, финансовая устойчивость, оптимизация.*

Дебиторская и кредиторская задолженность являются неотъемлемыми элементами финансовой деятельности предприятия. Их рациональное управление позволяет минимизировать финансовые риски, повысить ликвидность и обеспечить устойчивое развитие компании.

Цель исследования – проанализировать природу дебиторской и кредиторской задолженности, методы их оценки и предложить пути оптимизации.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1) раскрыть экономическую сущность дебиторской и кредиторской задолженности;
2) рассмотреть методы оценки задолженности;
3) выявить факторы, влияющие на ее динамику;
4) предложить меры по оптимизации управления задолженностью.

Дебиторская задолженность – это сумма денежных средств, которую должны предприятию контрагенты (покупатели, заказчики) за поставленные товары, выполненные работы или оказанные услуги.

Существует такие виды дебиторской задолженности, как:
1) нормальная (текущая) – срок погашения не истек;
2) просроченная – платежи не поступили в установленный срок;
3) безнадежная (сомнительная) – вероятность погашения минимальна;
4) дебиторскую задолженность отражают на счетах учёта расчётов – это 60, 62, 68, 69, 70 и другие счета. Когда долг перед организацией появился или увеличился, его отражают по дебету, а если уменьшили или погасили – по кредиту;
5) дебиторскую задолженность показывают в активах бухгалтерского баланса: отражают в строке 1230, а процентные займы – в строках 1170 и 1240.

Некоторые виды кредиторской задолженности:
– задолженность перед поставщиками – долги за поставленные товары и материалы, оказанные услуги;
– задолженность по заработной плате – невыплаченная зарплата, премии, отпускные и компенсации сотрудникам;
– налоговые обязательства – задолженность перед бюджетом по НДС, налогу на прибыль, НДФЛ и страховым взносам;
– задолженность перед покупателями – полученные предоплаты за товары или услуги, которые ещё не поставлены;
– прочие обязательства – займы от учредителей или третьих лиц, задолженность по аренде и коммунальным платежам, обязательства по лизинговым платежам, штрафы и пени по различным нарушениям.

Кредиторская задолженность – обязательства предприятия перед поставщиками, бюджетом, работниками и другими кредиторами.

Виды кредиторской задолженности:
– по срокам погашения: краткосрочная – срок погашения не превышает 12 месяцев, долгосрочная – срок погашения превышает 12 месяцев;
– по своевременности исполнения: задолженность, срок погашения которой ещё не наступил, просроченная задолженность;
– по вероятности погашения: нормальная, сомнительная, безнадёжная к взысканию;
– по типу кредитора: кредитная (банковская), небанковская.

Учёт кредиторской задолженности:
– в бухгалтерском учёте долгосрочные долги указываются в разделе IV Бухгалтерского баланса, а краткосрочные – в разделе V Баланса, в частности краткосрочная кредиторская задолженность показывается по строке 1520;
– расчёты по кредиторской задолженности нужно отражать в том размере, в каком организация считает её правильной. По полученным займам и кредитам задолженность показывается с учётом причитающихся на конец отчётного периода к уплате процентов.

Отметим отличие дебиторской и кредиторской задолженности: дебиторская задолженность – это долги клиентов и партнёров перед компанией, кредиторская – это долги компании перед контрагентами. Кредиторскую задолженность нужно контролировать и своевременно погашать, чтобы избежать штрафов, а дебиторскую – активно взыскивать для поддержания денежного потока.

Оптимальное соотношение дебиторской задолженности и кредиторской задолженности – важный показатель финансовой устойчивости предприятия.

Рассмотрим методы оценки дебиторской и кредиторской задолженности.

Анализ оборачиваемости:

– коэффициент оборачиваемости ДЗ = Выручка / Средняя ДЗ;

– период погашения ДЗ = 365 / Коэффициент оборачиваемости;

– коэффициент оборачиваемости КЗ = Себестоимость продаж / Средняя КЗ.

Анализ структуры задолженности:

– доля просроченной дебиторской задолженности в общей сумме;

– соотношение краткосрочной и долгосрочной кредиторской задолженности.

Оценка рисков:

– вероятность возникновения безнадежных долгов;

– влияние задолженности на платежеспособность компании.

Исследование вывело комплекс практических рекомендаций по оптимизации процессов управления как дебиторской, так и кредиторской задолженностью организации.

Для того, чтобы управлять дебиторской задолженностью необходим контроль платежной дисциплины (проверка кредитоспособности контрагентов, установление лимитов кредитования), использование скидок за досрочную оплату, факторинг – продажа долгов специализированным организациям, страхование дебиторской задолженности.

Для того, чтобы управлять кредиторской задолженностью необходимы оптимизация сроков погашения, реструктуризация долгов, использование товарного кредита, контроль за соотношением дебиторской задолженности и кредиторской задолженности.

Эффективное управление дебиторской и кредиторской задолженностью позволяет предприятию минимизировать финансовые риски, улучшить платежеспособность и повысить рентабельность. Оптимизация задолженности должна включать комплекс мер: от ужесточения контроля за платежами до использования современных финансовых инструментов (факторинг, страхование).

Системный подход к управлению дебиторской и кредиторской задолженностью позволяет создать устойчивую финансовую модель предприятия, обеспечивающую баланс между рисками и доходностью, что особенно важно в условиях экономической нестабильности. Реализация предложенных мер требует комплексного подхода, сочетающего финансовый менеджмент, риск-менеджмент и операционную эффективность.

Список литературы

1. Бланк И.А. Финансовый менеджмент / И.А. Бланк. – М.: Омега-Л, 2022.

2. Савицкая Г.В. Анализ хозяйственной деятельности предприятия / Г.В. Савицкая. – М.: Инфра-М, 2023.

3. Шеремет А.Д. Методика финансового анализа / А.Д. Шеремет. – М.: Юрайт, 2021.

Клементьева Альбина Ербаевна
магистрант
Уральский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
г. Челябинск, Челябинская область

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОДДЕРЖКИ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА (МСП) НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ НА ПРИМЕРЕ Г. САЛЕХАРДА ЯНАО

Аннотация: *в статье рассматриваются подходы к организации поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) на муниципальном уровне и анализируется практическая реализация мер поддержки на примере г. Салехард (Ямало-Ненецкий автономный округ) с актуализацией по состоянию на 2025–2026 гг. Методологическую основу исследования составили анализ нормативных правовых актов и программных документов муниципалитета, а также изучение механизмов предоставления финансовой и имущественной поддержки и работы инфраструктуры «Мой бизнес». Показано, что муниципальная поддержка в Салехарде в 2025–2026 гг. строится на сочетании программного управления (муниципальные программы на период 2022–2026 гг.), административных регламентов предоставления субсидий (в том числе социальным предприятиям) и имущественных механизмов (перечни муниципального имущества для льготного доступа), а также на использовании региональной инфраструктуры поддержки и цифровых каналов подачи заявок. Выявлены сильные стороны модели («единое окно», цифровые сервисы, координация с региональными институтами развития) и обозначены направления повышения эффективности (управление результативностью, таргетирование мер, актуализация имущественных перечней и повышение информационной открытости, оценка эффектов для занятости и оборота МСП).*

Ключевые слова: *малое предпринимательство, среднее предпринимательство, муниципальная поддержка, Салехард, Ямало-Ненецкий автономный округ, социальное предпринимательство, субсидии, имущественная поддержка, инфраструктура «Мой бизнес».*

Развитие малого и среднего предпринимательства (МСП) традиционно рассматривается как один из ключевых факторов устойчивости локальной экономики: МСП обеспечивают занятость, формируют конкурентную среду и повышают адаптивность территорий к внешним шокам. При этом формирование предпринимательской среды во многом происходит на уровне муниципального образования, где концентрируются повседневные барьеры ведения бизнеса – доступ к муниципальной недвижимости и земельным участкам, локальные регламенты, закупки, контрольные мероприятия, информационная поддержка. В исследованиях подчеркивается, что именно муниципальный уровень является точкой прикладного взаимодействия бизнеса и власти, а эффективность местных моделей поддержки оказывает прямое влияние на предпринимательский климат территории [10, с. 4367–4369].

Для арктических муниципалитетов проблема поддержки МСП имеет дополнительную специфику. Высокие логистические издержки, климатические ограничения, сезонность спроса, ограниченность рынка труда и удаленность от крупных центров повышают стоимость запуска и расширения бизнеса. В таких условиях меры поддержки должны быть не только универсальными, но и адаптированными к территориальным особенностям. Это особенно актуально для г. Салехард – административного центра Ямало-Ненецкого автономного округа, где МСП выполняют важную функцию диверсификации экономики и развития сферы услуг.

Цель исследования – раскрыть организационную модель поддержки субъектов МСП на муниципальном уровне и оценить ее ключевые инструменты на примере г. Салехард (ЯНАО) с учетом изменений и практик 2025–2026 гг. Для достижения цели решались задачи:

- анализ нормативно-правовой и программной базы муниципальной поддержки;
- описание институциональной схемы предоставления мер поддержки и взаимодействия муниципалитета с региональной инфраструктурой;
- систематизация инструментов поддержки (финансовых, имущественных, информационно-консультационных);
- формулирование рекомендаций по повышению результативности муниципальной политики в сфере МСП.

Эмпирическая база исследования включает нормативные правовые акты муниципального образования город Салехард, регламентирующие меры поддержки предпринимателей, а также материалы региональных институтов развития, обеспечивающих доступ предпринимателей к финансовым и нефинансовым сервисам. В качестве источников использованы:

– муниципальные правовые акты и программные документы на период 2022–2026 гг. [1, с. 1];

– муниципальные конкурсные механизмы предоставления субсидий, в том числе для социальных предприятий [2, с. 1];

– официальные сведения о региональной инфраструктуре поддержки предпринимательства и ее финансовом статусе [3, с. 1];

– официальные ресурсы о мерах господдержки МСП в ЯНАО и цифровые каналы подачи заявок/сервисов [6, с. 1; 7, с. 1; 9, с. 1];

– федеральные положения, определяющие рамки поддержки МСП, включая 209-ФЗ [8, с. 1].

Методологически работа опирается на инструменты прикладного институционального анализа и кейс-стади. Использованы методы: контент-анализ нормативных актов (выделение видов поддержки и механизмов предоставления), классификация мер поддержки по типам ресурсов (финансовые, имущественные, информационные), а также качественная оценка организационной модели по критериям доступности (простота входа), прозрачности (понятность условий) и управляемости (наличие ответственных исполнителей и измеримых показателей).

Правовая рамка поддержки предпринимательства в Российской Федерации формируется на основе федерального законодательства, устанавливающего понятия и критерии МСП, а также возможные формы поддержки и полномочия органов публичной власти, включая органы местного самоуправления [8, с. 1]. В практическом измерении муниципальный уровень выступает не только «точкой приложения» общих мер (например, подтверждение статуса МСП через включение в Единый реестр), но и самостоятельным субъектом политики за счет программно-целевого управления и имущественных решений, которые непосредственно влияют на издержки бизнеса.

В г. Салехард поддержка предпринимательства институционально закрепляется в муниципальных программах. Для периода 2022–2026 гг. в нормативной базе муниципалитета фиксируются программные документы, в рамках которых формируются мероприятия по экономическому развитию города и предпринимательской активности [1, с. 1]. Программный подход обеспечивает связку целей (рост предпринимательской активности, развитие услуг и торговли, поддержка занятости) с бюджетным планированием и показателями результативности.

Организация муниципальной поддержки МСП включает распределение функций между структурными подразделениями администрации города и использование региональной инфраструктуры поддержки предпринимательства. В частности, в конкурсных процедурах по предоставлению субсидий социальным предприятиям указывается профильный муниципальный исполнитель (организационное сопровождение и консультации) [2, с. 1].

Одновременно значимую роль играет региональный институт развития – Фонд «Агентство ЯНАО «Мой бизнес» (МКК). Сведения о фонде как действующей микрофинансовой организации и его юридические реквизиты публикуются в перечнях/реестрах финансового рынка [3, с. 1]. Практика «Мой бизнес» обеспечивает предпринимателям доступ к

инфраструктурным сервисам (консультации, прием заявок, цифровой личный кабинет), а также интегрирует региональные меры поддержки с муниципальными конкурсными механизмами [7, с. 1; 2, с. 1].

Таким образом, модель поддержки в Салехарде может быть описана как координационная: муниципалитет формирует локальные меры (в том числе имущественные решения и отдельные субсидии), задает правила и критерии отбора, а региональная инфраструктура обеспечивает «фронт-офис» сервисов и снижает транзакционные издержки доступа к поддержке. По сути, создается вариант «единого окна», где предприниматель взаимодействует с понятной сервисной точкой входа, а распределение полномочий между органами власти и институтом развития сохраняет управляемость мер поддержки.

Содержание муниципальной поддержки МСП целесообразно анализировать через классификацию по типам ресурсов: финансовые меры, имущественные меры, информационно-консультационные меры и организационные мероприятия по развитию предпринимательского климата. Ниже представлены ключевые инструменты, реализуемые или применяемые на территории г. Салехард в актуальной практике 2025–2026 гг.

Финансовая поддержка. На муниципальном уровне финансовые меры чаще всего реализуются в форме субсидий и грантов, предоставляемых на конкурсной основе. В Салехарде сохраняется инструмент субсидирования социальных предприятий: максимальный размер субсидии – до 500 000 рублей, а отбор проводится в формате конкурсной кампании (например, прием заявок в 2025 году был объявлен с 11 августа по 10 сентября 2025 года) [2, с. 1]. Средства могут направляться на приобретение оборудования и программного обеспечения, приобретение мебели и расходных материалов, обучение персонала, рекламу, доставку и транспортировку, аренду или покупку нежилого помещения (в том числе нестационарных объектов), аренду или покупку земельного участка, а также на оплату паушального взноса по франшизе [2, с. 1]. Наличие перечня допустимых затрат повышает прозрачность механизма и позволяет предпринимателю заранее оценить соответствие расходов условиям поддержки.

Дополнительно в 2025–2026 гг. усиливается роль региональных финансовых инструментов, которые фактически «подхватывают» муниципальные меры. Так, на уровне инфраструктуры «Мой бизнес» в ЯНАО фиксируются меры компенсационного и грантового характера (в том числе в логике софинансирования затрат), а также инструменты промышленного финансирования: льготные займы на приобретение оборудования (до 25 млн руб., срок до 5 лет) и совместные займы с Фондом развития промышленности (20–200 млн руб., срок до 5 лет) [7, с. 1]. Отдельно обозначаются параметры грантовой поддержки социальных предприятий: для впервые признанных социальными в 2025 году – грант в диапазоне 100 000–500 000 руб., не более 70% затрат по утвержденному плану расходов [7, с. 1]. В результате муниципальная субсидия (как локальный инструмент) дополняется региональной линейкой финансовых продуктов, расширяя «воронку» поддержки – от небольших инвестиционных расходов до проектов модернизации.

Имущественная поддержка. Если антикризисные решения периода 2020–2022 гг. носили преимущественно временный характер (льготные коэффициенты аренды, отсрочки платежей и освобождения для пострадавших отраслей), то в 2025–2026 гг. ключевым устойчивым механизмом выступает системная имущественная поддержка через формирование и публикацию перечня муниципального имущества, предназначенного для передачи субъектам МСП на льготных условиях. На муниципальном сайте выделяется отдельный блок «имущественная поддержка», включающий заявление о предоставлении имущества в аренду и перечень муниципального имущества для предоставления имущественной поддержки [4, с. 1]. Нормативно на федеральном уровне закреплено требование к публичности и ежегодному дополнению таких перечней, а также к представлению сведений о них в Корпорацию МСП для мониторинга в рамках 209-ФЗ [5, с. 1]. Для предпринимателя это снижает неопределенность

доступа к помещениям/объектам: вместо точечных «ручных» решений формируется предсказуемый канал – перечень, правила доступа, заявительная процедура.

Информационно-консультационная поддержка. Помимо прямых финансовых и имущественных мер, критичны сервисы, облегчающие доступ предпринимателя к государственным и муниципальным инструментам. На региональном уровне в ЯНАО предусматривается комплекс мер поддержки МСП, включающий компенсации, субсидии (гранты), займы и микрозаймы, поручительства и иные меры; информация о них консолидируется на официальных ресурсах и витринах поддержки [6, с. 1; 7, с. 1]. На федеральном уровне с 2025 года усиливается проектная рамка поддержки предпринимательства (в том числе через федеральные проекты, ориентированные на повышение эффективности и конкурентоспособности экономики, где поддержка МСП выступает одним из устойчивых блоков) [11, с. 1]. Существенным элементом «снижения входного порога» становятся цифровые каналы: для части мер подача заявок и сопровождение переводятся в личные кабинеты/онлайн-сервисы инфраструктуры поддержки [7, с. 1].

Регистрационная и правовая «точка входа». Практически все меры поддержки ориентируются на подтверждение статуса субъекта МСП через включение в Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства, ведение которого обеспечивает ФНС России. Реестр выступает единым источником верификации статуса предпринимателя при обращении за поддержкой, что снижает административные издержки и повышает сопоставимость условий для разных категорий получателей [9, с. 1].

Для удобства аналитического представления в таблице 1 систематизированы основные меры поддержки, их организационные особенности и нормативные основания.

Таблица 1

Ключевые инструменты поддержки субъектов МСП в г. Салехард (ЯНАО)

Вид поддержки	Что включает (кратко)	Где оформлять / оператор
Финансовая	Муниципальные субсидии (в т.ч. социальным предприятиям); региональные гранты/компенсации/льготные займы через «Мой бизнес»	Администрация Салехарда; «Мой бизнес» ЯНАО
Имущественная	Перечни муниципального имущества для МСП + заявительный порядок аренды/предоставления	Администрация Салехарда
Консультационная	Консультации, «единое окно», сопровождение заявок, навигация по мерам	«Мой бизнес» ЯНАО + муниципальные консультации
Цифровая/сервисная	Использование федеральных витрин и сервисов поддержки (МСП.РФ) и подтверждение статуса МСП через реестр	МСП.РФ / ФНС + участники мер поддержки

Представленная систематизация показывает, что муниципальный уровень поддержки МСП в Салехарде в 2025–2026 гг. опирается на комплементарность мер: финансовые инструменты (субсидии и гранты) стимулируют развитие и инвестиции в бизнес, тогда как имущественные механизмы через перечни муниципального имущества снижают постоянные издержки и повышают устойчивость предприятий.

Таблица 2

Имущественные антикризисные меры поддержки МСП в г. Салехард в 2020 году

Мера	Суть	Примечание
Перечень имущества	Публикация списка объектов, предназначенных для льготного доступа МСП	Должен поддерживаться и дополняться (ежегодная актуализация в логике 209-ФЗ)
Заявление/порядок предоставления	Заявительная процедура на аренду/предоставление объектов из перечня	На муниципальном сайте (раздел имущественной поддержки)
Торги/аренда (при необходимости)	Передача объектов через процедуры торгов (когда применимо)	Публикуется в разделе муниципальных торгов
Витрина «Имущество для бизнеса»	Подбор объектов через МСП.РФ (агрегация данных)	Опирается на перечни органов власти/МСУ

Рассмотренный кейс показывает, что муниципальная политика поддержки МСП в г. Салехард реализуется через сочетание нормативно закрепленных имущественных механизмов (перечни имущества и правила доступа), конкурсных финансовых инструментов (субсидии социальным предприятиям) и интеграцию с региональной инфраструктурой «Мой бизнес». Для муниципального уровня в целом характерны две организационные роли: (1) «регулятор и владелец ресурса» (имущество, земля, локальные регламенты), (2) «координатор доступа к поддержке» – навигация предпринимателя к региональным и федеральным мерам. Такая двухуровневая логика соответствует выводам исследований о необходимости поиска эффективных моделей взаимодействия малого бизнеса и местной власти [10, с. 4367–4369].

Сильные стороны модели Салехарда. Во-первых, обеспечивается доступность участия в мерах поддержки через цифровые каналы и сервисы инфраструктуры, а также за счет наличия муниципального сопровождения конкурсных процедур [2, с. 1; 7, с. 1]. Во-вторых, переход от разовых антикризисных решений к системной имущественной поддержке (перечни имущества, правила доступа, публичность) повышает предсказуемость и снижает транзакционные издержки предпринимателей [4, с. 1; 5, с. 1]. В-третьих, наличие регионального института развития, предоставляющего финансовые продукты (льготные займы, гранты и др.), дополняет муниципальные субсидии и расширяет линейку возможностей для проектов разного масштаба [7, с. 1; 3, с. 1].

Ограничения и зоны роста. Во-первых, эффективность муниципальных мер во многом зависит от качества управления результативностью: наличия прозрачных показателей (число получателей, созданная/сохраненная занятость, рост оборота/налоговой базы), процедур мониторинга и публичной отчетности. Во-вторых, для арктического муниципалитета критично таргетировать меры на факторы удорожания бизнеса (логистика, энергоэффективность, сезонность), иначе субсидии и гранты могут иметь «размытый» эффект и не приводить к устойчивому росту. В-третьих, значима информационная открытость: предпринимателю необходима единая витрина мер поддержки и календарь конкурсов, синхронизированный с региональными и федеральными сервисами [6, с. 1; 7, с. 1].

На основе анализа предлагаются следующие направления повышения эффективности муниципальной поддержки МСП в Салехарде (с привязкой к логике стратегии-2030 – «точки роста» и устойчивость экономики):

– внедрение набора KPI муниципальной политики по МСП (получатели поддержки, выживаемость предприятий, изменение занятости, доля проектов с инвестициями, вклад в приоритетные виды деятельности);

– развитие «муниципальной витрины мер» по принципу жизненных ситуаций (старт бизнеса, масштабирование, социальное предпринимательство, проекты в сфере услуг и туризма), с маршрутизацией к региональным инструментам;

– развитие имущественной поддержки через регулярную актуализацию перечня муниципального имущества, доступного для льготной аренды, и публикацию «карточек объектов» с условиями доступа (ставка, срок, ограничения, контакт ответственного подразделения);

– настройка консультационного сопровождения получателей субсидий/грантов (пост-акселерация) для повышения доли проектов, переходящих от «получения поддержки» к устойчивому росту;

– проведение регулярной оценки регулирующего воздействия (ОРВ) муниципальных актов, влияющих на издержки МСП, с обязательным учетом обратной связи предпринимательского сообщества.

Организация поддержки субъектов МСП на муниципальном уровне требует сочетания стратегического и программного управления, локальных регуляторных решений и развитой инфраструктуры сервисов. Кейс г. Салехард демонстрирует модель, где муниципальные инструменты (имущественные механизмы через перечни, конкурсные субсидии) дополняются возможностями региональной инфраструктуры «Мой бизнес», выступающей «единым окном» для предпринимателя [2, с. 1; 3, с. 1; 7, с. 1]. Встроенность поддержки в программную рамку 2022–2026 гг. усиливает управляемость мер и позволяет увязывать поддержку МСП с задачами устойчивости городской экономики и качества жизни населения [1, с. 1].

Финансовая поддержка, включая субсидии социальным предприятиям до 500 тыс. рублей и региональные грантовые/кредитные инструменты 2025–2026 гг., выступает инструментом стимулирования инвестиций в развитие бизнеса и повышает инклюзивность предпринимательской среды [2, с. 1; 7, с. 1]. Параллельно системная имущественная поддержка через перечни муниципального имущества и требования к их публичности создает более устойчивый базис снижения постоянных издержек для МСП [4, с. 1; 5, с. 1].

Список литературы

1. Администрация города Салехарда. Постановление (изменения) к муниципальной программе муниципального образования город Салехард «Экономическое развитие города» на 2022–2026 годы. – URL: https://base.garant.ru/404771047/ (дата обращения: 14.02.2026).

2. Конкурсный отбор заявок для предоставления субсидий социальным предприятиям. – URL: https://www.salekhard.org/city/podderzhka-subektov-msp/finansovaya-podderzhka-msp/vnimanie-konkurs/ (дата обращения: 14.02.2026).

3. Фонд «Агентство ЯНАО «Мой Бизнес» (МКК)». – URL: https://cbr.ru/finorg/foinfo/?ogrn=1098900000814 (дата обращения: 14.02.2026).

4. Администрация города Салехарда. Имущественная поддержка МСП: заявление о предоставлении имущества в аренду, перечни муниципального имущества для предоставления имущественной поддержки. – URL: https://www.salekhard.org/city/podderzhka-subektov-msp/imushchestvennaya-podderzhka-msp/zayavlenie-o-predostavlenii-imushchestva-v-arendu/ (дата обращения: 14.02.2026).

5. Оказание имущественной поддержки МСП (требования к перечням имущества, публикации и мониторинг в рамках 209-ФЗ). – URL: https://corpmsp.ru/support/property/ (дата обращения: 14.02.2026).

6. О мерах государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства. – URL: https://de.yanao.ru/activity/428/ (дата обращения: 14.02.2026).

7. Агентство инвестиционного развития и поддержки предпринимательства ЯНАО «Мой бизнес». Финансовая поддержка: меры, параметры займов/грантов, периоды заявочных кампаний (актуальные условия и документы). – URL: https://mb89.ru/measures/financial-support/ (дата обращения: 14.02.2026).

8. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2007 №209-ФЗ. – URL: https://kremlin.ru/acts/bank/25971 (дата обращения: 14.02.2026).

9. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства: офиц. сайт ФНС России. – URL: https://rmsp.nalog.ru/ (дата обращения: 14.02.2026).

10. Пысина Н.В. Поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства в условиях малого города на муниципальном уровне / Н.В. Пысина // Российское предпринимательство. – 2015. – Т. 16. №24. – С. 4367–4374. – DOI: 10.18334/rp.16.24.2149. EDN VKSLVN

11. Контур. Госпрограммы поддержки малого бизнеса в 2025 (обзор изменений/рамки поддержки с 2025 года). – URL: https://kontur.ru/articles/4710 (дата обращения: 14.02.2026).

Новикова Мария Николаевна
студентка
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ БАНКА РОССИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ФИНАНСОВОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ

Аннотация: *в статье дается оценка эффективности денежно-кредитной политики Банка России в условиях санкций 2022–2024 гг. Анализируются антикризисные меры регулятора: повышение ключевой ставки, введение контроля за движением капитала и поддержка ликвидности банков. Рассматривается устойчивость финансового сектора и динамика валютного рынка. Делается вывод о высокой результативности принятых мер, позволивших предотвратить кризис, и обозначаются возникшие среднесрочные издержки.*

Ключевые слова: *денежно-кредитная политика, Банк России, финансовая стабильность, санкции, ключевая ставка, банковская система, ликвидность.*

Актуальность исследования обусловлена беспрецедентным санкционным давлением на финансовую систему России с 2022 года, которое потребовало от Банка России экстренного пересмотра подходов к регулированию. Анализ эффективности этой адаптации важен для выработки будущих антикризисных стратегий.

Цель исследования: оценить эффективность мер денежно-кредитной политики Банка России по обеспечению финансовой стабильности в условиях санкционных ограничений.

Задачи исследования.

1. Проанализировать ряд мер денежно-кредитной политики, реализованных Банком России в ответ на введение санкционных ограничений в период 2022–2024 годов.

2. Провести оценку эффективности политики Банка России на основе сопоставительного анализа динамики выбранных индикаторов.

3. Выявить и сформулировать основные последствия и проблемы для финансовой системы, возникшие как результат применения антикризисных мер.

Гипотеза исследования заключается в том, что экстренный комплекс мер денежно-кредитной политики оказался эффективным для оперативной стабилизации финансовой системы, но при этом породил значимые издержки в виде замедления кредитования реального сектора и накопления новых рисков.

Столкновение с санкциями и финансовым кризисом в феврале-марте 2022 года потребовало от Банка России перехода от стандартного инфляционного таргетирования к экстренной стратегии дифференцированного регулирования. Ее фундаментальный принцип заключался в изолированном, но одновременном воздействии на различные контуры финансовой системы разнонаправленными инструментами для единой цели – предотвращения упадка. Данная стратегия реализовалась через пять взаимосвязанных направлений.

Экстренное ужесточение процентной политики стало первым и самым сильным сигналом Центробанка. Решение от 28 февраля 2022 года о повышении ставки Центрального Банка с 9,5% до 20% годовых [2] стало главным шагом в противодействии кризису. Ставка в 20% выступила «якорем» для всей финансовой системы в момент крайней неопределенности.

Введение жёстких мер валютного регулирования и контроля за движением капитала было направлено прямо на валютный рынок. Банк России в координации с Правительством ввел пакет временных административных ограничений. Они позволили физически заблокировать основные каналы оттока капитала и подавить спекулятивную атаку на рубль.

Параллельно было проведено масштабное регуляторное смягчение для поддержки банковского сектора. Парадоксальное на первый взгляд сочетание жесткой ставки и мягкого надзора было важным элементом стратегии.

Действенным механизмом прямой поддержки стали активные операции рефинансирования. Резко нарастив объемы предоставления рублевой ликвидности через аукционы РЕПО, регулятор фактически исполнил роль «кредитора последней инстанции», заместив заблокированные иностранные источники фондирования.

Уже на этапе стабилизации, в 2023–2024 годах, потребовалось дополнительное ужесточение для сдерживания новых рисков. Высокие ставки и ограниченность альтернатив спровоцировали рост рискованного потребительского кредитования. В ответ Банк России ввел и последовательно повышал макропруденциальные надбавки к коэффициентам риска по необеспеченным кредитам.

Стратегия дифференцированного регулирования позволила действовать на опережение: монетарное ужесточение стабилизировало макросреду (курс, инфляцию), а регуляторное смягчение обеспечило устойчивость финансовых институтов. Этот баланс стал главным фактором преодоления острой фазы кризиса.

Эффективная стабилизация финансовой системы была достигнута за счет формирования новой, более жесткой макроэкономической среды, что породило ряд вызовов для экономической безопасности в среднесрочной перспективе.

Сжатие кредитного канала для реального сектора. Наиболее значимым последствием стало удорожание кредитов для предприятий, особенно малого и среднего бизнеса (МСБ). Средняя ставка по кредитам МСБ выросла, что привело к сокращению доли банковских кредитов в источниках инвестиций. Политика стабильности создала барьеры для инвестиционного роста и технологической модернизации.

Рост уязвимости домохозяйств. Высокая ключевая ставка, на фоне ограниченности альтернатив, побудила банки наращивать рискованные портфели потребительских кредитов. Быстрый рост долговой нагрузки населения вынудил Банк России в 2023–2024 годах пойти на ужесточение макропруденциальных требований [1]. Краткосрочная стабилизация сама стала источником новых системных рисков.

Конфликт с фискальной политикой. Масштабные бюджетные расходы, финансируемые за счет размещения облигаций федерального займа, создали эффект «вытеснения» частных заемщиков. Высокий спрос Минфина на деньги оказывает повышательное давление на ставки, вынуждая Банк России сохранять их на высоком уровне для нейтрализации инфляции.

Антикризисная политика 2022–2024 годов, доказав свою эффективность в предотвращении коллапса, одновременно создала структурные ограничения для будущего роста, проявляющиеся в сжатии инвестиционного кредита и росте долговой нагрузки населения.

Денежно-кредитная политика Банка России в период 2022–2024 годов доказала свою высокую эффективность в качестве инструмента антикризисного управления. Реализовав стратегию дифференцированного регулирования, регулятору удалось предотвратить системный финансовый коллапс, стабилизировать рубль и сохранить устойчивость банковского сектора.

Однако достигнутая стабильность имеет структурную цену. Политика высоких ставок привела к сжатию кредитования реального сектора и спровоцировала рост рискованного потребительского кредитования, потребовавший ответного макропруденциального ужесточения. Подтвердилась гипотеза о том, что комплекс мер, эффективный для краткосрочной стабилизации, породил значимые среднесрочные издержки. Это требует эволюции политики в сторону более селективных инструментов и углубленной координации с бюджетной стратегией для обеспечения долгосрочного роста.

Список литературы

1. Банк России повышает макропруденциальные требования по необеспеченным потребительским кредитам. – URL: https://cbr.ru/press/pr/?file=63823136129373069 9FINSTAB.htm (дата посещения: 22.11.2025).

2. Ключевая ставка Банка России. – URL: https://cbr.ru/hd_base/KeyRate/ (дата посещения: 22.11.2025).
3. Указ Президента РФ от 28.02.2022 №79 (ред. от 09.06.2022, с изм. от 20.05.2024) «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций» // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://cbr.ru/press/event/?id=12248 (дата обращения: 22.11.2025).
4. Указ Президента РФ от 01.03.2022 №81 (с изм. от 20.05.2024) «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410578/ (дата обращения: 22.11.2025).

Новикова Мария Николаевна
студентка
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

РОЛЬ КОММУНИКАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ БАНКА РОССИИ В УПРАВЛЕНИИ ИНФЛЯЦИОННЫМИ ОЖИДАНИЯМИ КАК ЭЛЕМЕНТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация: *в статье анализируется роль коммуникационной политики Банка России в управлении инфляционными ожиданиями как факторе экономической безопасности. В условиях санкционного давления доверие к действиям регулятора становится критическим фактором стабильности. Исследуются основные каналы коммуникационного воздействия и их адаптация в кризис 2022–2024 годов. Делается вывод о том, что последовательная коммуникация способствовала сдерживанию инфляционных ожиданий, предотвратив раскручивание инфляционной спирали и укрепив финансовый суверенитет.*

Ключевые слова: *коммуникационная политика, Банк России, инфляционные ожидания, экономическая безопасность, таргетирование инфляции.*

Актуальность исследования обусловлена изменением роли центральных банков: сегодня монетарная политика в значительной степени стала политикой управления ожиданиями. В условиях высокой неопределенности поведение экономических агентов определяется не столько текущими ставками, сколько ожиданиями будущей инфляции. Неконтролируемый рост этих ожиданий способен сам по себе раскрутить инфляционную спираль, подрывая социально-экономическую стабильность. Способность центрального банка эффективно формировать ожидания напрямую превращается в элемент экономической безопасности.

Целью статьи является анализ механизмов, инструментов и эффективности коммуникационной политики Банка России в управлении инфляционными ожиданиями для обеспечения макроэкономической стабильности как основы экономической безопасности.

Задачи исследования.

4. Раскрыть теоретические основы влияния коммуникации центрального банка на формирование инфляционных ожиданий.

5. Проанализировать институциональные основы и основные каналы коммуникационной политики Банка России.

6. Исследовать адаптацию коммуникационной стратегии в период кризиса и санкционного давления (2022–2024 гг.).

7. Оценить эффективность коммуникационного воздействия на динамику инфляционных ожиданий и основные показатели экономической безопасности.

Гипотеза исследования состоит в том, что в условиях ограниченной эффективности традиционных инструментов последовательная коммуникационная политика Банка России

стала решающим фактором сдерживания инфляционных ожиданий, выполнив функцию защиты финансового суверенитета.

Современная теория отводит коммуникации центральное место в арсенале регулятора. Это обусловлено режимом инфляционного таргетирования, где будущие ожидания становятся основным объектом управления. Механизм влияния работает через несколько каналов.

Механизм влияния работает через несколько взаимосвязанных каналов. Во-первых, это канал сигналирования. Через заявления и пресс-конференции центральный банк сигнализирует о своих оценках и намерениях. Четкий сигнал о неприятии высокой инфляции сдерживает спекулятивное поведение. Во-вторых, действует канал координации ожиданий. Публичное обязательство достичь целевого уровня инфляции служит координационным фокусом, «якорем» для ожиданий. Наконец, важнейшим является канал формирования доверия и кредитности. Доверие – это нематериальный, но самый ценный актив центрального банка. Оно накапливается последовательностью действий: регулятор делает прогноз, достигает заявленной цели.

Институциональное оформление коммуникационной политики Банка России тесно связано с переходом к режиму инфляционного таргетирования, официально объявленному в 2014 году. Данный переход потребовал коренного изменения философии взаимодействия с рынком: от относительной закрытости к активному формированию публичного информационного поля. Правовой основой для этого служит Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», который возлагает на ЦБ РФ функцию обеспечения стабильности рубля и развития финансового рынка, что невозможно без построения доверительного диалога с участниками.

Период 2022–2024 годов стал стресс-тестом для коммуникационной стратегии Банка России. В условиях информационного кризиса и валютной паники, когда инфляционные ожидания в марте 2022 года превышали 20%, перед регулятором стояла задача восстановить контроль и предотвратить коллапс доверия.

Анализ коммуникационных решений позволяет выделить ключевые адаптации. Во-первых, стратегия была перестроена на принципах максимальной простоты и категоричности. В экстренном заявлении от 28 февраля 2022 года Банк России предельно четко обозначил приоритет – борьбу с инфляцией и стабилизацию рынка [3]. Резкое повышение ставки до 20% было подкреплено жесткими формулировками о готовности использовать все необходимые инструменты. Во-вторых, регулятор использовал словесные сигналы как способ прямого влияния на поведение инвесторов. В моменты девальвации публичные заявления о наличии инструментов для сглаживания волатильности играли роль не менее важную, чем фактические интервенции. В-третьих, произошло смещение фокуса на объяснение немонетарного характера инфляции. Банк России последовательно разъяснял, что драйвером роста цен стали санкции и разрывы цепочек поставок, а политика регулятора направлена на недопущение закрепления высоких ожиданий.

Эффективность стратегии подтверждается динамикой инфляционных ожиданий. Если в марте 2022 года ожидания населения взлетели до рекордных уровней, то к концу 2022 – началу 2023 года они начали устойчиво снижаться. Профессиональные участники рынка относительно быстро стабилизировали свои прогнозы вокруг сигналов регулятора.

Рассматривая коммуникационную политику через призму экономической безопасности, можно выявить её прямую связь с защитой национальных интересов. Стабильность национальной валюты, устойчивость финансовой системы и социальное согласие напрямую зависят от контроля над инфляцией и инфляционными ожиданиями. Доверие, формируемое через диалог регулятора с обществом, становится не менее важным активом, чем золотовалютные резервы.

Перспективы развития связаны с дальнейшей институционализацией коммуникационной политики. Возможными шагами являются формализация прогнозов по более широкому

кругу показателей и дифференциация коммуникации: усиление просветительской работы с населением и углубление технического диалога с профессиональным сообществом.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что коммуникационная политика Банка России эволюционировала из вспомогательного инструмента в полноценный элемент денежно-кредитной политики. Управление инфляционными ожиданиями через прозрачные и последовательные сообщения доказало высокую эффективность в условиях внешних кризисов 2022–2024 годов. Примененные стратегии позволили предотвратить раскоординацию действий экономических агентов и раскручивание инфляционной спирали, что в ином сценарии привело бы к глубокой дестабилизации. Роль коммуникационной политики выходит за рамки информирования – она является действенным механизмом обеспечения экономической безопасности.

Список литературы

1. Доклад о денежно-кредитной политике (выпуск №4, декабрь 2024 года) // Банк России. – URL: https://cbr.ru/about_br/publ/ddkp/ (дата обращения: 18.12.2025).

2. Информация об инфляционных ожиданиях // Банк России. Статистический раздел. – URL: https://cbr.ru/statistics/ddkp/inflationary_expectations/ (дата обращения: 18.12.2025).

3. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 год и период 2026 и 2027 годов // Банк России. – URL: https://cbr.ru/about_br/publ/ondkp/on_2025_2027/ (дата обращения: 18.12.2025).

4. Пресс-релиз от 28.02.2022 «О решении Совета директоров Банка России» // Банк России. – URL: https://cbr.ru/press/pr/?file=28022022_133000keyd.htm (дата обращения: 18.12.2025).

5. Соболева Е.Н. Оценка влияния коммуникации Банка России на инфляционные ожидания россиян / Е.Н. Соболева, А.С. Власенко, А.Л. Богданов // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2025. – №69. – С. 356–366. DOI 10.17223/19988648/69/20. EDN IRLPRS

6. Указ Президента РФ от 13.05.2017 №208 (ред. от 10.07.2024) «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41921 (дата обращения: 18.12.2025).

7. Федеральный закон от 10.07.2002 №86-ФЗ (ред. от 01.07.2024) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». Статья 3. Цели и функции Банка России. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37570/ (дата обращения: 18.12.2025).

Стоян Арсен Александрович
магистрант
Владимирский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
г. Владимир, Владимирская область

ИСТОЧНИКИ АЛЬТЕРНАТИВНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ СТРОИТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ

Аннотация: *строительная отрасль в РФ в последние годы оказалась в непростом состоянии: санкционное давление и высокая процентная ставка нередко являются стоп-факторами, из-за которых реализация ряда строительных проектов затрудняется. Однако мировой опыт показывает наличие множества способов альтернативного финансирования, адаптация и развитие которых на отечественном рынок дает возможность не только найти источники инвестирования определенных проектов, но и поддержать отрасль в целом.*

Ключевые слова: *строительная отрасль, рынок коллективных инвестиций, синдицированное кредитование, государственно-частное партнерство, краудфандинг.*

В современных условиях, когда финансирование строительных проектов вызывает ряд трудностей как из-за определенных изменений законодательства в последние годы, так и из-за внешних факторов, наиболее серьезным из которых является санкционное давление. Это, в свою очередь, создает высокую ставку по кредитам, что тормозит возможность реализации

строительных проектов из-за проблемы с поиском источника финансирования, когда достаточно привычное банковское кредитование оказывается недоступным, либо снижает всю возможную маржинальность.

В таком случае возникает потребность найти источники финансирования из альтернативных каналов, основываясь на мировом опыте. Конечно, имеются определенные сложности, например, находящееся в процессе формирования или усовершенствования законодательство, регулирующее отношения между участниками. Отсутствие или неточность того или иного вопроса приводит к возрастающим рискам для участников, тем не менее, в каждом индивидуальном случае риски необходимо оценивать отдельно, как в зависимости от проекта и состава участников, так и самого альтернативного источника финансирования.

Среди источников альтернативного финансирования можно выделить следующие.

1. Средства с рынка «новых денег», включая краудфандинг. В первую очередь, наиболее распространены из них краудфандинговые платформы (народное финансирование). Хотя для финансирования строительных проектов такие варианты пока достаточно экзотичны, тем не менее, для краудфандингового финансирования уже имеется как опыт финансирования различных проектов, так и соответствующая законодательная база (№259-ФЗ от 02.08.2019 года «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ»). Кроме того, в России активно развивается его направление «краудинвестинг», представляющее собой перспективный инструмент финансирования проектно-инновационной деятельности девелоперов.

2. Конечно, в законодательстве в части регулирования краудфандинговой деятельности есть ряд «белых пятен» вроде ограниченного в сравнении с мировым опытом количеством альтернативных вариантов краудфандинга, кроме того, нет четкого описания процедуры взаимодействия с иностранными участниками, а также гармонизации с требованиями законодательств стран, к которым относятся эти участники [1].

3. Если касаться чуть шире возможности работы с рынком «новых денег» помимо краудфандинга, то другим аспектом привлечения альтернативных источников финансирования являются цифровые токены, чьему распространению способствует как рост популярности криптовалют, так и внедрению технологий биткоина и ему подобных. Цифровой токен выступает подобием акции, на имитирование которых (ICO) требуется меньше времени [3, с. 47].

4. Однако, зачастую для подобной деятельности компаниям требуется самим выпускать подобный цифровой токен, обладая соответствующей инфраструктурой и оснащением, но в данном случае вопрос во многом упирается в ограниченные законодательные рамки, поскольку на отечественном рынке привлечения финансирования подобные технологии находятся на ранней стадии внедрения и пока не получили соответствующего регулирования, в отличие от ряда западных стран, где существует достаточно проработанное законодательное описание процессов и правовых норм, возникающих в связи с этим, что положительно влияет на значительный рост популярности такого способа привлечения финансирования [2, с. 535].

5. Рынок коллективных инвестиций (ЗПИФ). Закрытые паевые инвестиционные фонды являются более привычным в плане технологичности способом привлечения финансирования. Наличие ЗПИФ у девелопера позволяет не только аккумулировать средства частных и институциональных инвесторов, направляя их под финансирование выбранных проектов, но и дает возможность оптимизации налогообложения и структурирования самих сделок с недвижимостью. Причем в соответствии с новыми трендами, объектами инвестирования подобных ЗПИФ становятся уже не только жилая, офисная или складская недвижимость, но и дата-центры, различные индустриальные объекты, заводские помещения и иные сегменты. ЗПИФ в России развиваются по аналогии с западными REIT (Real Estate Investment Trusts), однако, имеется ряд требующих в отечественном формате улучшения моментов для дальнейшего полноценного развития, среди которых стоит выделить необходимость более развитого

вторичного рынка паев, а также технологии обеспечения большей прозрачности сделки и учета ее доходности.

6. ESG-инструменты (environmental, social, governance). Подобные облигации, учитывающие принципы экологического, социального и корпоративного управления при принятии решений, зачастую используются при реализации проектов с участием государства, где учитывается определенная важность подобных проектов. Например, «зеленые» облигации используются для финансирования экологического строительства, а «социальные» – для реализации строительных проектов социальной инфраструктуры. Эмитентами могут выступать институциональные структуры: как сами органы власти, так и девелоперы с поддержкой государственных гарантий. В мировой практике подобные инструменты успешно используются для финансирования строительства социального жилья и масштабных инфраструктурных проектов. Кроме того, имеется отдельный подвид – инфраструктурные облигации, которые ориентируются на принципы ESG, но рассчитаны на долгий срок и большой масштаб последующей реализации проекта.

7. Мезонинное финансирование. Такой источник финансирования представляет собой инвестиции специализированных мезонинных фондов, ресурсов которых хватает для принятия больших рисков с целью повышения будущей доходности после реализации проекта. По сути, подобное финансирование занимает промежуточное место между заемным и собственным капиталом. В ситуации, когда банковское кредитование вызывает сложности, девелопер привлекает средства мезонинного фонда поэтапно, в зависимости от стадии проекта и его реализационной сметы. Мезонинный фонд считается активным участником с правом получения определенной прибыли от проекта, либо его средства структурируются как субординированный долг с учетом всех потенциальных рисков.

8. Средства страховых и пенсионных фондов. Подобные институциональные инвесторы могут участвовать в финансировании строительных проектов, но в случае их высокой ориентированности на возможность получения долгосрочной прибыли с постоянной доходностью и рисками умеренного характера. Однако, потенциал подобного источника финансирования в настоящее время не раскрыт в должной мере как из-за некоторых моментов законодательного регулирования, так и наличия широкого опыта реализации подобного рода проектов. Но это вопрос времени, связанный с улучшением и гармонизацией соответствующего законодательства, а также увеличения количества качественных инфраструктурных проектов с понятными и прозрачными условиями реализации на всех стадиях.

Кроме того, существуют различные формы государственно-частного партнерства, создания жилищных кооперативов, синдицированное кредитование и прямые частные инвестиции. Таким образом, несмотря на некоторые проблемы с банковским кредитованием, для реализации строительных проектов имеется немало альтернатив, связанных с привлекаемыми источниками финансирования разной степени представленности и развития на отечественном рынке.

Список литературы

1. Краудфандинговое инвестирование в условиях цифровой трансформации: риски, возможности и институциональные перспективы / Е.А. Воробьева, М.А. Лобзова, Е.И. Петрова [и др.] // Вестник евразийской науки. – 2025. – Т. 17. №4. – URL: https://esi.today/PDF/18FAVN425.pdf (дата обращения: 02.03.2026).

2. Стоян А.А. Привлечение средств с рынка «новых денег» для финансирования бизнеса / А.А. Стоян // Новые вызовы цифровизации в стратегическом развитии регионов: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Владимир, 9 апреля 2025 г.). – Владимир: Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, 2025. – С. 533–537. – EDN ZZSWGH.

3. Шувалова О.С. Цифровизация финансового рынка: вызовы и возможности / О.С. Шувалова, О.Ю. Орлова // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2024. – №3. – С. 46–49. EDN HHALRS

Сукиева Айша Магомед-Гиреевна
студентка
Пенчук Алина Юрьевна
студентка
Богославцева Людмила Викторовна
канд. экон. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)»
г. Ростов-на-Дону, Ростовская область

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ МАЛОГО БИЗНЕСА РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация: *в статье рассматриваются современное состояние и векторы развития малого бизнеса в Ростовской области. Представлена отраслевая структура малых предприятий и определена роль федеральных и региональных проектов в обеспечении эффективной и конкурентной экономики. Выявлены проблемы, сдерживающие развитие малых предприятий, а также представлены возможные пути их разрешения в контексте современности.*

Ключевые слова: *малый бизнес, развитие, федеральные проекты, региональные проекты, Ростовская область.*

Функционирование субъектов малого бизнеса в рыночной экономике всегда положительно отражалось на развитии рынка. Субъекты малого предпринимательства Ростовской области также считаются одним из двигателей экономического роста региона. Ростовская область обладает обширной материально-технической базой, следствием чего является перспективная среда для частных коммерческих начинаний. Однако в нынешних условиях перед предпринимателями стоит немалое количество вызовов, которые требуют комплексной помощи как со стороны органов власти как на региональном, так и на общефедеральном уровне.

Различные внешние вызовы и внутренние изменения в России за последние годы по-разному влияли на динамику малого бизнеса. Именно в этих условиях возрастает значение государственного регулирования деятельности малых предприятий.

Главным нормативно-правовым документом, определяющим порядок деятельности малых предприятий, является Федеральный закон от 24.07.2007 №209-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». Важной формой их финансовой поддержки стало программно-проектное финансирование. Так, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. №309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» Минэкономразвития России разработало новую структуру паспорта федерального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» ключевая цель которого обеспечить к 2030 году реальный рост дохода на одного работника субъекта малого и среднего предпринимательства.

В Ростовской области также реализуется региональный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» на период 01.01.2025 – 31.12.2030 гг., который связан с государственной программой Ростовской области «Экономическое развитие и инновационная экономика» до 2030 года. Отметим, что Региональный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» составляет 35,6% к итого объему финансирования по всему национальному проекту «Эффективная и конкурентная экономика» Ростовской области [4].

Ростовская область стабильно входит в топ-10 лидирующих субъектов страны по ключевым показателям, характеризующим сферу МСП в нынешних экономических условиях [6].

По официальным данным, которые публикуются на официальных сайтах, темпы роста числа малых и средних предприятий в Российской Федерации не были стабильными: в сентябре 2025 года рост числа МСП составил +3,2% (что на 0,6% меньше, чем в прошлом году); сокращение вновь созданных МСП уменьшилось с 3,1% в 2024 году до 1,1% в 2025 году. Традиционно значительную долю МСП занимают в торговле – 36%; на втором месте идет недвижимость – 16%, что на 4% меньше, чем в 2023 году; в остальных отраслях МСП занимают 10% и меньше [3].

Аналогично, основная часть коммерческих единиц малого предпринимательства сконцентрирована в области розничной и оптовой торговли Ростовской области.

Согласно экспертным оценкам, в последние годы отмечается тренд к переводу деятельности бизнеса в интернет-пространство, а также рост числа индивидуально занятого населения, выбирающих официальный метод осуществления работы.

Однако, все еще незначительная доля МСП в отраслях, формирующих экономику предложения, а именно, туризм, ИТ, обрабатывающие производства, инжиниринговые центры и технологические компании [3].

Основные векторы активизации малого предпринимательства в регионах задаются федеральным центром. В соответствии заявлениям руководства Министерства экономического развития Российской Федерации, первоочередной задачей является сейчас не одно только увеличение количества единиц МСП, а именно повышение эффективности и экспансия в новые сегменты, в том числе экспортные [5], а также перспективы создания и применения цифровой платформы МСП до 2030 года [1, с. 21].

Представители министерства декларируют смену состояния от разовых выплат к целостной системе содействия. Это заключается в сохранении кредитных привилегированных (льготных) программ, увеличении объема поручительств и предоставлении доступа к государственным заказам. Для такого центра с высоким предпринимательским потенциалом как Ростовская область, это сулит возможность задействовать бюджетные средства на партнерское финансирование региональных программ.

В Ростовской области сформирована широкая структура учреждений, призвание которых состоит в оказании поддержки предпринимательству на всех периодах развития.

Ключевым элементом этой структуры является Региональный институт развития, выступавший бывшим Фондом поддержки малого предпринимательства. Эта система объединяет ключевые способы нефинансовой и финансовой поддержки. Важную роль в господдержке МСП оказывает некоммерческая организация «Гарантийный фонд Ростовской области» [2, с. 65].

В первую очередь, вышеуказанные организации занимаются бесплатным консультированием по бухгалтерским, юридическим, маркетинговым вопросам. Также они содействуют в финансовом поле: предоставляют микрозаймы по низким ставкам, выдают гарантии (поручительства) перед банками, когда у предпринимателя не достает необходимого имущества для заклада. Кроме того, ведется активная поддержка внешнеэкономической деятельности. Организации оказывают помощь местному производству в вывозе товаров за границу Российской Федерации, в том числе сопровождая участников контракта в выставках международного масштаба. Ко всему прочему, существуют программы обучения, направленные на проведение семинарских занятий и тренингов для улучшения навыков руководителей предприятий. Помимо всего, в Ростовской области ведется активная работа муниципальных фондов и центров «Мой бизнес», выступающих единой точкой обслуживания.

Независимо от развитой системы поддержки, бизнесмены региона сталкиваются с комплексными трудностями.

В первую очередь, это сильная конкурентная борьба. Из-за того, что предпринимательство с давних времен расположено к торговле, свободные места попросту отсутствуют, что приводит к падению доходности и уменьшению эффективности.

Во-вторых, нехватка квалифицированных работников. Как и по всей стране, острый дефицит кадров, в том числе технических специалистов и инженеров.

Бизнес вынужден повышать заработный бюджет оплаты труда, что для небольших предприятий нередко вызывает сложности.

В последнюю очередь, административные препятствия. Вопреки общеизвестным правилам контроля, бизнесмены часто выражают недовольство по поводу проблем с доступом к техническим коммуникациям (вода, электричество) и продолжительных процедурах получения разрешений, в особенности в секторе строительства.

Не менее важным аспектом остается привлечение денежных средств. Несмотря на реализацию программы льготного кредитования, малому бизнесу и стартапам часто затруднительно подходить под все условия финансовых учреждений и кредиторов, даже при присутствии поручительского фонда.

Для последующего развития микробизнеса и предпринимательства в Ростовской области требуется всестороннее решение. Необходимо не только оказывать финансовую помощь, но и трудиться над улучшением условий работы и бизнес-среды в целом.

Мнение экспертов заключается в том, что будущее малого бизнеса за теми – кто способен осваивать и развивать производственные сегменты, внедрять новые идеи, использовать новейшие технологии и разработки и выходить на интернет-рынок.

Правительство Ростовской области, опираясь на государственные программы, продолжают развивать инфраструктуру помощи и поддержки МСП, осуществляя уклон в индивидуальную помощь конкретным проектам, которые, в свою очередь, способны организовать дополнительные рабочие места и увеличить доходную часть бюджета.

Список литературы

1. Аверин В.К. Перспективы создания цифровой платформы малым и средним предприятиям до 2030 года / В.К. Аверин, Л.В. Богославцева // Новые направления научной мысли: сборник научных статей Национальной (Всероссийской) НПК (Ростов-на-Дону, 14 декабря 2022 года). – Ростов н/Д.: АзовПринт, 2022. – С. 21–24. EDN MRTJYJ

2. Гилхаев М.М. Современные новации применения форм финансовой поддержки малого бизнеса в условиях санкционного давления / М.М. Гилхаев, Л.В. Богославцева // Новые направления научной мысли: сборник научных статей Национальной (Всероссийской) НПК (Ростов-на-Дону, 19 декабря 2024 года). – Ростов н/Д.: АзовПринт, 2024. – С. 65–67. EDN MWLYXQ

3. Доклад о состоянии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации и мерах по его развитию за 2019 – 1-е полугодие 2025 гг. и планах на период 2025–2030 гг. – URL: https://economy.gov.ru (дата обращения: 02.03.2026).

4. Единый аналитический план реализации государственной программы «Экономическое развитие и инновационная экономика» на 2025 год. – URL: https://mineconomikiro.donland.ru/documents/plans/371558/ (дата обращения: 02.03.2026).

5. Куринова Я.И. Развитие экосистемы поддержки малого и среднего предпринимательства в регионе: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Я.И. Куринова; Ростовский государственный экономический университет (РИНХ). – Ростов н/Д., 2022. – 27 с. EDN VXKTNO

6. Ростовская область вошла в топ-10 регионов по объемам поддержки МСП. – URL: https://economy.gov.ru/material/news/rostovskaya_oblast_voshla_v_top_10_regionov_po_obemam_podderzhki_msp.html (дата обращения: 02.03.2026).

Шуляк Полина Викторовна
студентка
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

DOI 10.31483/r-154358

ФИНАНСОВЫЕ ИННОВАЦИИ И ИХ РОЛЬ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация: *в статье анализируется роль финансовых инноваций в мобилизации капитала для проектов устойчивого развития. Рассмотрены теоретические основы и практические аспекты внедрения новых инструментов (деривативов, структурированных продуктов). Эмпирически подтверждено их положительное влияние на экономику, но указано на риски цифровой трансформации. Автор делает вывод: баланс инноваций и адекватного регулирования повышает устойчивость экономики и способствует долгосрочному росту.*

Ключевые слова: *финансовые инновации, деривативы, структурированные продукты, цифровые технологии, финансовые рынки, регулирование, риски, экономика, устойчивость, инвестиции.*

Введение.

В условиях глобальных вызовов, таких как постпандемийное восстановление и геоэкономическая напряженность, финансовые инновации становятся ключевым инструментом для привлечения капитала в устойчивое развитие. Новые деривативы и структурированные продукты помогают перераспределять ресурсы на долгосрочные экологические и социальные инициативы, но несут риски, включая рыночную волатильность. Цель исследования – выявить механизмы интеграции финансовых инструментов в инвестиционные процессы и оценить их влияние на экономическую устойчивость с учетом макроэкономических показателей. Практическая значимость заключается в разработке регуляторных решений для увеличения вклада финансовых инноваций в долгосрочную стабильность при минимизации рисков, что может помочь оптимизировать экономическую политику в условиях глобальной нестабильности.

1. Теоретические основы финансовых инноваций.

Эволюция финансовых инноваций отражает изменения в экономической науке. Сначала доминировала гипотеза технологического толчка, затем акцент сместился на решение проблем, рассматривающее инновации как ответ на рыночные несовершенства. Современные теории подчеркивают, что финансовые инновации повышают эффективность рынков капитала и способствуют экономическому росту. Основные инструменты включают деривативы (форварды, фьючерсы, опционы, свопы) и структурированные продукты, адаптированные под потребности инвесторов.

В последние годы выделяются три направления: искусственный интеллект, блокчейн и открытый банкинг, способствующие созданию новых продуктов. Деривативы важны для хеджирования рисков, фиксируя цены и обеспечивая ликвидность. Структурированные продукты формируют индивидуальные профили риска и доходности. Финансовые инновации улучшают доступность кредитов и снижают стоимость заимствований, что может стабилизировать инвестиционные потоки в России.

2. Оптимизация рисков и устойчивость.

Финансовые инновации создают системные риски, требующие классификации для управления. Основные категории включают рыночные риски, риски ликвидности, кредитные риски и операционные риски. Важным аспектом является взаимопередача рисков через взаимозависимости, что увеличивает уязвимость. Цифровая трансформация приводит к росту

киберугроз, делая информационную безопасность критически важной. В 2024 году количество кибератак на финансовый сектор России удвоилось, превысив 20 000 инцидентов.

Для оценки системных рисков в России применяются стресс-тестирование и сценарное моделирование. Меры системной значимости, такие как CoVaR и SRISK, помогают оценить вклад организаций в общий риск. Необходимы регуляторные инструменты, включая требования к капиталу и резервам, а также улучшение корпоративного управления и культуры управления рисками. Стандартизация продуктовых схем повысит прозрачность, а координация регуляторов должна учитывать особенности сектора.

Вывод.

Финансовые инновации, такие как деривативы и структурированные продукты, развиваются в ответ на экономические вызовы и важны для мобилизации капитала для устойчивого развития. Теоретически они подтверждают свою значимость, но эмпирические данные показывают, что могут как способствовать росту, так и создавать системные риски, включая волатильность. Примеры из России показывают, что инновационные инструменты могут приводить к неравномерному распределению капитала, что требует осторожного подхода. Для минимизации рисков необходимы адаптивные регуляторные меры, такие как стресс-тестирование и создание буферов, особенно в условиях геополитической нестабильности. При сбалансированном управлении рисками финансовые инновации могут стать ключевым фактором перехода к устойчивой экономической модели.

Список литературы

1. Господарик Е.Г. Анализ влияния цифрового и финансового развития страны на ее экономический рост на примере беларуси / Е.Г. Господарик, П.В. Лосякина // Журнал Белорусского государственного университета. Экономика. – 2022. – №1. – С. 65–78. EDN QAQLSF

2. Запольских Ю.А. Методы и инструменты финансовых инноваций / Ю.А. Запольских, Г.Р. Нигматуллина. – Уфа: ФГБОУ ВО Башкирский ГАУ, 2024.

Яковлева Нина Валерьевна
канд. экон. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет путей сообщения»
г. Иркутск, Иркутская область

ОТРАСЛЕВАЯ СПЕЦИФИКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ТЕПЛОЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ КОМПАНИЙ

Аннотация: *в статье систематизированы специфические черты бизнеса в теплоэлектроэнергетике, формирующие уникальную среду экономической безопасности. Подробно раскрыты четыре группы ключевых отраслевых факторов риска, предопределяющих структуру системы экономической безопасности подобных компаний. Особое внимание уделено классификации отраслевых рисков и их влиянию на денежные потоки и инвестиционные программы. Сделан вывод о необходимости интеграции системы экономической безопасности в стратегическое управление компанией и модификации методов ее оценки с учетом отраслевых ключевых показателей эффективности (KPI), таких как удельный расход топлива, потери в сетях и уровень износа фондов.*

Ключевые слова: *теплоэлектроэнергетический бизнес, экономическая безопасность, эффективность системы экономической безопасности, отраслевые риски.*

Теплоэлектроэнергетика выступает основой жизнеобеспечения населения и функционирования всех отраслей экономики, что предопределяет ее высокую стратегическую значимость и, как следствие, особые требования к устойчивости и надежности входящих в нее компаний. Специфика экономической безопасности (ЭБ) энергокомпаний коренится в двойственной природе их деятельности: с одной стороны, это коммерческие организации, нацеленные на получение прибыли и повышение инвестиционной привлекательности, с другой – это субъекты естественных монополий или высококонцентрированных рынков,

выполняющие публично-значимые функции по обеспечению общества тепловой и электрической энергией [1; 2]. Это противоречие формирует особую среду, в которой традиционные корпоративные риски усиливаются и модифицируются под воздействием отраслевых факторов, а система безопасности должна быть настроена на балансирование между коммерческой эффективностью и социально-экономической ответственностью.

Фундаментальной особенностью, определяющей все аспекты ЭБ в теплоэлектроэнергетике, является высокая капиталоемкость и длительный срок окупаемости инвестиций. Активы компаний, в том числе: ТЭЦ, котельные, магистральные и распределительные тепловые сети, генерирующее оборудование – требуют колоссальных первоначальных вложений и имеют эксплуатационный цикл, исчисляемый десятилетиями. Это формирует повышенные требования к инвестиционной безопасности как ключевому компоненту общей бизнес-системы. Любое нарушение инвестиционного цикла – будь то срыв финансирования модернизации или ошибки в выборе технологий, или неверная оценка долгосрочной конъюнктуры топливного рынка, все это способно поставить под угрозу не только экономическую эффективность, но и саму техническую возможность выполнения компанией своих обязательств [1; 3].

Второй определяющей чертой является жёсткое государственное и тарифное регулирование. Деятельность в сфере тепло- и электроснабжения, в большей части в транспортировке и распределении, относится к сферам естественных монополий или регулируемым видам деятельности. Тарифы на тепловую энергию и мощность формируются под контролем государственных органов (УФАС, региональных энергетических комиссий) по утвержденным методикам, зачастую не покрывающим в полной мере экономически обоснованные расходы и необходимую инвестиционную составляющую. Это создает специфический регуляторный риск, который напрямую воздействует на финансовую устойчивость компании. Несвоевременная индексация тарифов, их «замораживание» по социально-политическим мотивам, изменение правил расчета ведут к сокращению маржинальности, деформации денежных потоков и невозможности осуществлять запланированные инвестиционные программы [4].

Третья группа специфических факторов связана с технологической и производственной особенностью. В частности, теплоэлектроэнергетика характеризуется непрерывным, неотключаемым характером производства и потребления энергии, высокой степенью износа основных фондов во многих регионах, жесткой взаимозависимостью технологических процессов и климатической зависимостью (особенно для теплоснабжения) [5]. Всё это порождает следующие специфические риски ЭБ (рис. 1).

Риски бесперебойности	Топливные риски	Экологические риски
• аварии на генерирующих объектах или теплосетях имеют не только экономические последствия (штрафы, упущенная выгода, затраты на ремонт), но и тяжелейшие социальные и репутационные издержки.	• для большинства российских ТЭЦ ключевым ресурсом является природный газ и уголь. Зависимость от конъюнктуры цен на топливо, надёжности его поставок, логистических коридоров формирует ресурсную (топливную) составляющую экономической безопасности.	• теплоэлектроэнергетика — крупный источник выбросов загрязняющих веществ. Ужесточение экологического законодательства, введение квот на выбросы, платы за негативное воздействие на окружающую среду создают значительные финансовые обязательства и риски штрафных санкций.

Рис. 1. Риски ЭБ, характерные для сферы теплоэлектроэнергетики

Обобщая информацию о рисках бесперебойности, можно сказать, что технико-технологическая безопасность выходит на первый план, тесно переплетаясь с репутационной и социальной ответственностью. Инвестиции в модернизацию, диагностику и ремонт становятся не просто статьей расходов, а императивом выживания. Говоря о топливных рисках, стоит отметить, что диверсификация топливного портфеля, долгосрочные контракты, создание резервных запасов должны быть включены как необходимые элементы в стратегию минимизации данного риска, поскольку он напрямую влияет на себестоимость и финансовый результат компании.

Четвертая специфическая черта – это социальная и инфраструктурная значимость. Теплоснабжающие компании работают с конечными потребителями: населением, бюджетными учреждениями, предприятиями ЖКХ. Это порождает высокий уровень социального риска в виде задолженности населения за потребленное тепло, политической чувствительности тарифной политики, публичности любых аварийных ситуаций в зимний период. Управление данной сферой требует от системы ЭБ учета не только экономических, но и социально-психологических факторов, в том числе: выстраивание эффективной коммуникационной политики и работы с общественным мнением [1; 3].

Обобщая вышеизложенное, представим систему специфических черт бизнеса теплоэнергетической компании на рисунке 2.

Рис. 2. Специфические черты бизнеса теплоэнергетической компании

Таким образом, система ЭБ компании в сфере теплоэлектроэнергетики представляет собой сложную структуру, в котором классические функциональные сферы безопасности синтезированы с сугубо отраслевым содержанием. Её ядром становится управление системными рисками, возникающими на стыке технологической сложности, регуляторного давления, социальной ответственности и долгосрочности инвестиционных проектов. Эффективная

система должна быть интегрированной в стратегическое управление и основаться на непрерывном мониторинге как внешней среды и внутренних процессов. Методы её оценки, включая индексные и комплексные подходы, должны быть модифицированы с учетом отраслевых ключевых показателей эффективности (KPI), таких как: коэффициент использования установленной мощности, удельный расход топлива, потери в сетях, уровень износа основных фондов, выполнение графиков ремонтов, показатель бесперебойности снабжения. Только такая, глубоко специализированная и сбалансированная система ЭБ способна обеспечить энергетической компании не только выживание и устойчивое развитие в условиях множественных вызовов, но и, выполнение её стратегической миссии по надежному обеспечению общества теплом и электроэнергией.

Список литературы

1. Инфраструктурные аспекты социально-экономической динамики: для студентов, преподавателей и аспирантов / И. Ю. Сольская, А. В. Басова, Н. В. Яковлева [и др.]. – Иркутск: Иркутский государственный университет путей сообщения, 2020. – 293 с. EDN CKDWWU

2. Баранова Е.С. Проблемы формирования бюджетов субъектов Российской Федерации в период финансово-экономического кризиса / Е.С. Баранова, Н.В. Яковлева // Финансовые аспекты структурных преобразований экономики. – 2015. – №1. – С. 5–9. EDN VSFJHT

3. Рейтинговые оценки инвестиционной привлекательности регионов Российской Федерации / И.Ю. Сольская, О.И. Русакова, Н.В. Яковлева, С.А. Головань// Вопросы новой экономики. – 2021. – №4 (60). – С. 79–88. DOI 10.52170/1994-0556_2021_60_79. EDN TYIIQY

4. Невзгодина Е.Л. Предпринимательская деятельность в сфере теплоснабжения: перспективы и риски / Е.Л. Невзгодина, Л.А. Макарова // Вестник ОмГУ. Серия. Право. – 2023. – №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/predprinimatelskaya-deyatelnost-v-sfere-teplosnabzheniya-perspektivy-i-riski (дата обращения: 11.03.2026). DOI 10.24147/1990-5173.2023.20(1).34-42. EDN HJFXQC

5. Мамутова К.А. Особенности обеспечения Экономической безопасности предприятий теплоснабжения / К.А. Мамутова // Вестник магистратуры. – 2019. – №10–5 (97). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-obespecheniya-ekonomicheskoy-bezopasnosti-predpriyatiy-teplosnabzheniya (дата обращения: 10.03.2026).

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Дедов Станислав Витальевич
студент
ФГБОУ ВО «Тульский государственный
педагогический университет им. Л.Н. Толстого»
г. Тула, Тульская область

ОТ ПЕРЕХОДНОГО АКТА К ПОСТОЯННОЙ КОНСТИТУЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЭВОЛЮЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОЯ НЕПАЛА (2007–2015 гг.)

Аннотация: *целью статьи является проведение комплексного сравнительно-правового анализа Переходной Конституции 2007 года и Конституции 2015 года по трём основополагающим критериям: эволюция и конкретизация прав и свобод гражданина; трансформация модели устройства власти (от унитарного к федеративному государству); изменение баланса президента и парламента в системе государственного управления.*

Ключевые слова: *Непал, конституция, парламентская республика, учредительное собрание, государственная трансформация.*

История Непала на рубеже XX–XXI веков представляет собой уникальный в мировой конституционной практике случай глубокой и стремительной государственной трансформации, осуществлённой через последовательную смену двух основных законов. В период с 2007 по 2015 год страна, минуя эволюционный путь, совершила целенаправленный конституционный «скачок»: от переходного документа, фиксировавшего разрыв с многовековой монархической традицией и институционализирующего временный политический консенсус, к полноценной, детализированной Конституции государства. Этот переход не был лишь формальной сменой высшего нормативного акта, но явился результатом сложного процесса переговоров, национального диалога и осмысления собственной политической идентичности, проходившего на фоне преодоления последствий гражданской войны.

Данный процесс нашёл своё материальное воплощение в двух ключевых документах: Переходной Конституции Непала от 15 января 2007 года и окончательной Конституции Непала, принятой Учредительным собранием 20 сентября 2015 года. Если первый акт можно определить как «дорожную карту» национального примирения и политического переустройства, заложившую конституционно-правовые основы для ликвидации монархии и проведения выборов в Учредительное собрание, то второй документ – это масштабный проект будущего, окончательно закрепивший Непал как светскую, федеративную, демократическую и социально ориентированную республику.

Права гражданина и человека являются центральным элементом обеих конституций Непала, и каждая содержит обширные права и свободы, отражающие демократические и социальные устремления общества. Однако Конституция 2015 года демонстрирует не просто преемственность, а значительное расширение, конкретизацию и систематизацию этих положений.

Эволюционный характер этого продвижения особенно заметен при сравнении текстов. Так, Временная Конституция 2007 года закрепляла широкий спектр гражданских, политических и социально-экономических прав (ст. 12–32) [1]. Конституция 2015 года не только сохраняет этот перечень, но и существенно его развивает. В Части 3 (ст. 16–48) права структурированы более системно, что упрощает их восприятие и применение [2]. Более того, появляются новые, детализированные права, отражающие современные вызовы: право на чистую окружающую среду (ст. 30), право на питание и продовольственный суверенитет (ст. 36), право на жилище (ст. 37), права потребителей (ст. 44).

Это количественное и качественное расширение прав тесно связано с более глубоким акцентом на социальную справедливость. Если Переходная Конституция 2007 года в ст. 21 в общей форме говорит о праве на социальную справедливость для уязвимых групп, то Конституция 2015 делает решительный шаг вперед, посвящая целые отдельные статьи конкретным общинам и категориям: правам далитов (ст. 40), правам пожилых граждан (ст. 41), правам граждан с ограниченными возможностями, коренных народностей, мадхеси, мусульман и т. д. (ст. 42) [1; 2]. Такой подход отражает переход от общих деклараций к углубленному и дифференцированному механизму преодоления исторического неравенства, воплощая на практике принцип равенства. Логическим продолжением этого курса на защиту наиболее уязвимых является и усиление положений о защите от дискриминации. Обе конституции, безусловно, запрещают дискриминацию и кастовую практику неприкасаемости. Однако Конституция 2015 формулирует эти запреты более жестко и развернуто (ст. 24), прямо объявляя подобные действия тяжким социальным преступлением, что подчеркивает решимость государства искоренить эти глубоко укоренившиеся социальные пороки [2].

Этот прогресс в сфере прав логично дополняется существенным развитием конституционного регулирования обязанностей граждан. Здесь разрыв между двумя документами еще более очевиден. В Переходной конституции 2007 обязанности граждан не были структурированы и лишь в общей форме упомянуты в преамбуле и ст. 1,2 [1]. В отличие от этого, Конституция 2015 вводит отдельную и четкую статью 48, которая перечисляет конкретные обязанности, такие как защита национального суверенитета и целостности, верность нации, соблюдение Конституции и законов, а также обязанность платить налоги, охранять окружающую среду и культурное наследие [2]. Введение отдельного и детализированного каталога обязанностей указывает на укрепление концепции баланса между правами и обязанностями как основы гражданственности. Это отражает более зрелую конституционную философию, где индивидуальные свободы сбалансированы с ответственностью перед обществом и государством, что соответствует общей тенденции К-2015 к большей системности, конкретности и укреплению национального единства.

Таким образом, через призму прав человека Конституция 2015 года предстает как документ, который, опираясь на фундамент предыдущей конституции, систематизирует, расширяет и конкретизирует гарантии прав, делая особый акцент на инклюзивном развитии и активной борьбе со всеми формами дискриминации.

Включение раздела об устройстве власти логично продолжает анализ конституционной эволюции, смещая фокус с правового статуса личности на организацию самой государственной системы. Здесь действительно наблюдается наиболее радикальное преобразование, определившее переход от унитарного к федеративному государству, что стало итогом длительного политического процесса.

Если Временная Конституция 2007 года в ст. 4(1) провозгласила Непал федерацией, заложив лишь основу для будущих преобразований (ст. 138) и оставив детали на усмотрение Учредительного собрания, то Конституция 2015 года является прямым и окончательным итогом этого процесса. Её ст. 4(1) не просто повторяет, а развивает определение государства, добавляя принцип «ориентации на социализм» [1; 2].

Наиболее наглядно этот переход воплотился в изменении государственного устройства. Переходная Конституция 2007 года, носившая переходный характер, сохраняла, по сути, двухуровневую систему (центральное правительство и местные органы, ст. 139). В отличие от неё, К-2015 устанавливает сложную трехуровневую федеративную структуру: Федерация, Штаты и местные органы власти (ст. 56) [2]. Детальная регламентация в Частях 11–13, включая разграничение полномочий через приложения-списки (ст. 57, 109), превращает федерализм из декларации в работающий конституционный механизм.

Что касается формы правления, то обе конституции закрепили парламентскую республику. Однако К-2015 делает это более явно и объемно. Ст. 74 прямо провозглашает форму

правления как «многопартийную, конкурентную, федеральную, демократическую, республиканскую, парламентскую... основанную на плюрализме», что подчеркивает связь между новым государственным устройством (федерализмом) и политической системой [2].

Таким образом, в аспекте устройства власти Конституция 2015 года совершила качественный скачок: от временного и рамочного документа, объявившего о намерении построить федерацию, к постоянной и детальной конституции, которая реализовала эту модель, создав конкретные институты и прописав отношения между уровнями власти в рамках демократической и социально ориентированной республики.

Развитие федеративной модели и парламентской республики в Конституции 2015 года потребовало коренного пересмотра структуры и полномочий высших органов государственной власти. Если в аспекте прав и федерализма видна эволюция, то в системе власти президента и парламента происходит как институциональное усложнение, так и окончательное оформление классической парламентской модели.

Баланс полномочий в обеих конституциях соответствует принципу, согласно которому реальная исполнительная власть принадлежит правительству, ответственному перед парламентом. Однако Конституция 2015 года превращает эту модель из переходной в постоянную и детально регулируемую систему.

Институт президента эволюционировал от временного к постоянному и интегративному. В Переходной конституции 2007 года он был введен поправками и избирался Учредительным собранием, выполняя в основном церемониальную роль по рекомендации правительства [1]. Конституция 2015 года фундаментально закрепляет его статус (ст. 61–73). Президент избирается сложной федеральной коллегией, что подчеркивает его роль как символа национального единства в новом федеративном устройстве. Классическая парламентская формула «по рекомендации и с согласия Совета министров» (ст. 66(2)) становится основополагающей, четко отделяя его от реальной политической власти [2].

Парламент претерпел наиболее радикальную трансформацию -от переходного органа к сложной двухпалатной структуре. Переходная Конституция 2007 оперировала однопалатным переходным Законодательным (Учредительным) собранием, чья главная задача состояла в выработке консенсуса по новой конституции. В противоположность этому, Конституция 2015 учреждает двухпалатный Федеральный Парламент, состоящий из Палаты представителей (нижняя палата) и Национального собрания (верхняя, постоянная палата). Детальная регламентация его формирования, законодательного процесса, вотума доверия правительству и процедуры импичмента (ст. 100–101) свидетельствует о переходе к зрелой и стабильной парламентской системе, способной функционировать в условиях федерации [2].

Правительство (Исполнительная власть) в обеих конституциях – это Совет министров во главе с премьер-министром, ответственный перед парламентом. Однако Конституция 2015 года вносит важное уточнение, детализируя процедуру формирования правительства в условиях отсутствия явного парламентского большинства (ст. 76) [1; 2]. Это дополнение повышает устойчивость исполнительной власти в рамках многопартийной системы.

Таким образом, в сфере организации высшей власти Конституция 2015 года завершает переход от временных, переходных институтов, нацеленных на достижение конституционного консенсуса, к постоянной, сложной и четкой системе. Она основана на безусловном верховенстве парламента, реальной власти ответственного перед ним правительства и церемониальной, интегративной роли президента, что соответствует канонам развитой парламентской республики в федеративном государстве.

Проведенный сравнительный анализ демонстрирует глубокую эволюцию конституционного строя Непала от 2007 к 2015 году. Если Переходная Конституция 2007 года была документом «дорожной картой», фокусирующимся на прекращении конфликта, упразднении монархии и создании условий для федеративного переустройства, то Конституция 2015 года

представляет собой зрелый, комплексный и детализированный основной закон устоявшейся федеративной демократической республики.

Список литературы

1. Переходная конституция Непала 2007 // Конституции государств (стран) мира. – URL: https://worldconstitutions.ru/?p=320 (дата обращения: 02.02.2026)
2. Constitution of Nepal 2015. – URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Nepal_2015 (дата обращения: 02.02.2026).

Ефремова Светлана Вадимовна
студентка
Научный руководитель
Гарифуллина Алсу Ринатовна
канд. юрид. наук, доцент

Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»
г. Казань, Республика Татарстан

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДЕЛЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

Аннотация: *в статье исследуются конституционно-правовые границы внедрения технологий искусственного интеллекта в судебную систему Российской Федерации. Анализируется соответствие алгоритмизации судопроизводства фундаментальным принципам правосудия – независимости судей, непосредственности судебного разбирательства, права на справедливое судебное разбирательство. Рассматриваются международные этические стандарты. На основе сравнительного анализа предлагаются критерии допустимого использования ИИ в судебной деятельности и обосновывается необходимость законодательного закрепления принципа «human-in-the-loop» (человек в контуре управления) как конституционной гарантии.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, судебная власть, конституционные принципы правосудия, независимость судей, право на справедливое судебное разбирательство, алгоритмическая прозрачность, human-in-the-loop.*

Развитие технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) оказывает возрастающее влияние на все сферы государственной деятельности, включая судебную систему. В Российской Федерации реализуются проекты по цифровизации судопроизводства: функционирует Государственная автоматизированная система «Правосудие», внедряются инструменты аналитики судебной нагрузки, разрабатываются модули для автоматизированного обобщения судебной практики. Вместе с тем технологический прогресс порождает фундаментальные конституционно-правовые вопросы о пределах допустимого использования алгоритмов при отправлении правосудия. Как отмечает Т.Я. Хабриева, цифровизация трансформирует не только инструментальную, но и сущностную сторону права, изменяя содержание, форму и механизм его действия [4, с. 5]. В этой связи особое значение приобретает задача, сформулированная Н.С. Бондарем: «На этой основе становится возможным достижение баланса конституционных ценностей в формирующейся информационно-цифровой среде, минимизация негативных последствий влияния новых технологий на демократические институты современного конституционализма» [2, с. 25].

С.А. Авакьян, анализируя влияние информационных технологий на конституционное право, подчеркивает, что «обращение к данной теме... является необходимостью определения задач науки и отрасли конституционного права в условиях электронно-цифровых технологий», поскольку они «ставят новые задачи перед государством, обществом, гражданами и их объединениями» [1, с. 23].

Конституция Российской Федерации устанавливает, что правосудие осуществляется только судом (ст. 118), судьи независимы и подчиняются только Конституции и федеральному закону (ст. 120). Принцип независимости предполагает, что при принятии решения судья не связан ничьей волей – ни волей сторон, ни мнением вышестоящей инстанции, ни, как следует добавить, рекомендацией алгоритмической системы. Принцип непосредственности судебного разбирательства, закрепленный в процессуальном законодательстве, требует личного восприятия судьей доказательств. Это означает, что оценка доказательств должна основываться на внутреннем убеждении судьи, которое невозможно алгоритмизировать без утраты сущностных характеристик правосудия.

В.Д. Зорькин, обращаясь к проблемам цифровизации правосудия, отмечает существенные изменения в структуре правонарушений и самом процессе отправления правосудия. По его мнению, «многие части судебных решений будет писать искусственный интеллект», однако при этом он предупреждает о рисках: «прежде всего такая опасность существует для индивида, который теряет традиционные ориентиры [4].

Право на справедливое судебное разбирательство (ст. 46 Конституции РФ) включает право знать основания принятого решения и возможность его обжалования. Использование непрозрачных алгоритмов создает препятствия для реализации данного права, поскольку сторона не может оспорить логику, которая не поддается объяснению. Как указывается в Этической хартии об использовании искусственного интеллекта в судебных системах, принятой Европейской комиссией по эффективности правосудия (CEPEJ), любое использование ИИ должно быть прозрачным и поддаваться проверке [7].

Международный опыт демонстрирует попытки формирования нормативных рамок для внедрения ИИ в правосудие. Наиболее авторитетным документом остается Этическая хартия CEPEJ 2018 года, устанавливающая пять ключевых принципов: соблюдение фундаментальных прав, отказ от дискриминации, качество и безопасность данных, открытость, беспристрастность и честность методов обработки данных и человеческий контроль [7]. В 2024 году вступил в силу Регламент ЕС об искусственном интеллекте (AI Act), который относит системы ИИ, используемые в правосудии, к категории высокого риска, что предполагает обязательную оценку соответствия, прозрачность и надзор со стороны человека [8].

Применительно к российской правовой системе необходимо определить сферы судебной деятельности, где использование ИИ допустимо, и те, где оно должно быть исключено принципиально. Представляется, что ИИ может эффективно применяться для автоматизации судебного делопроизводства и документооборота, аналитической поддержки – поиска и обобщения судебной практики, прогнозирования судебной нагрузки и оптимизации управления судебными потоками, помощи в составлении проектов судебных актов (без подмены самостоятельного изложения мотивов судьей), технической проверки соблюдения процессуальных формальностей.

Категорически недопустимым представляется использование ИИ для оценки доказательств (особенно в их совокупности, требующей внутреннего убеждения судьи), определения меры наказания, поскольку это требует учета индивидуализированных обстоятельств, не поддающихся полной формализации, прогнозирования решения вышестоящих инстанций (создает риск психологического давления на судью), любых действий, связанных с ограничением прав и свобод граждан, без непосредственного участия человека, принимающего окончательное решение.

Ключевым механизмом обеспечения конституционных пределов должен стать принцип «human-in-the-loop» (человек в контуре управления). Данный принцип предполагает, что любое решение, затрагивающее права и обязанности граждан, принимается судьей лично, а ИИ используется лишь как вспомогательный инструмент, рекомендации которого не имеют обязательной силы. При этом судья должен иметь возможность понять логику формирования алгоритмической рекомендации. Объяснимость алгоритмов выступает не просто

техническим требованием, а конституционным условием их легитимности в судопроизводстве, поскольку только объяснимое решение может быть проверено и, следовательно, обжаловано.

Практическая реализация предложенных подходов требует внесения изменений в процессуальное законодательство. Целесообразно закрепить в ГПК РФ, АПК РФ и УПК РФ общий принцип: «Использование систем искусственного интеллекта в судопроизводстве допускается только в качестве вспомогательного инструмента, не подменяющего личное участие судьи в исследовании доказательств и принятии решения по делу. Судья не вправе основывать свое решение исключительно на выводах, сгенерированных искусственным интеллектом, без их самостоятельной проверки и оценки». Необходимо также установить требования к системам ИИ: прозрачность алгоритмов, отсутствие дискриминационных предубеждений, защита персональных данных, подлежность независимому аудиту. Следует разработать этический кодекс использования ИИ в судопроизводстве, что согласуется с рекомендациями международных документов.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Внедрение искусственного интеллекта в судебную систему Российской Федерации должно осуществляться в строгих конституционных рамках, определяемых принципами независимости судей, непосредственности судебного разбирательства и права на справедливое правосудие.

2. Международные стандарты (Хартия CEPEJ, Регламент ЕС) свидетельствуют о консенсусе относительно недопустимости передачи алгоритмам функций, связанных с принятием окончательных решений по делу.

3. Ключевым гарантом соблюдения конституционных пределов выступает принцип «human-in-the-loop», предполагающий сохранение за судьей роли единственного субъекта, принимающего юридически значимое решение, а искусственный интеллект используется лишь как вспомогательный инструмент, рекомендации которого не имеют обязательной силы.

4. Требуется законодательное закрепление допустимых сфер использования ИИ в судопроизводстве, установление обязательных требований к таким системам и принятие этического кодекса, что согласуется с рекомендациями международных документов и позволит сформировать единые стандарты правоприменительной практики.

Технологический прогресс неизбежен, но в сфере правосудия он должен подчиняться не логике эффективности любой ценой, а логике конституционных ценностей. Только такой подход позволит сохранить человеческое измерение правосудия и обеспечить реализацию конституционных гарантий судебной защиты в цифровую эпоху, не допуская дегуманизации судебной деятельности и сохраняя доверие граждан к суду как независимому и справедливому арбитру.

Список литературы

1. Авакьян С.А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право / С.А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – №7. – С. 23–28. EDN ZYIYOL

2. Бондарь Н.С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации / Н.С. Бондарь // Журнал российского права. – 2019. – №11. – С. 25–42. DOI 10.12737/jrl.2019.11.2. EDN CNJFSM

3. Зорькин В.Д. Providentia или о праве будущего в эпоху цифровизации: лекция на Петербургском международном юридическом форуме, 2020 / В.Д. Зорькин // Legal Academy.

4. Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности / Т.Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2018. – №9. – С. 5–16. DOI 10.12737/art_2018_9_1. EDN OZGIAV

5. European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ). European Ethical Charter on the use of AI in judicial systems and their environment. Adopted at the 31st plenary meeting (Strasbourg, 3–4 December 2018).

6. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. 2024. 12 July. L 1689.

Кулаева Екатерина Александровна
студентка
Научный руководитель
Юн Лариса Владимировна
канд. юрид. наук, доцент
Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»
г. Казань, Республика Татарстан

ИДЕОЛОГИЯ В ТЕКСТЕ КОНСТИТУЦИИ: МОДЕЛИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Аннотация: *в статье исследуются концептуальные основы правового статуса личности в конституционных системах различных правовых семей. Автор выделяет либеральную (естественно-правовую) парадигму как базовую для большинства конституций, где права и свободы человека существуют независимо от государства и характеризуются как естественные данности. Подчеркиваются практические последствия выбора конституционной модели статуса личности.*

Ключевые слова: *конституционное право, правовой статус личности, либеральная концепция, мусульманское право, социалистическая концепция, сравнительное правоведение, конституционные обязанности, правовые семьи.*

В любой правовой системе, вне зависимости от национальной принадлежности, установление фундаментальных основ правового статуса индивида является неотъемлемой частью конституционного регулирования. Это включает в себя конституционные нормы, определяющие концепцию статуса личности, права, свободы и обязанности, принципы их реализации, а также основополагающие аспекты гражданства.

Либеральная или естественно-правовая концепция статуса личности исходит из постулата о существовании у каждого человека неотъемлемых, т.е. данных от природы прав и свобод. Считается, что эти права и свободы не зависят от воли или усмотрения государства, поскольку изначально принадлежат человеку как данность [2, с. 51]. Они не ограничены национальными рамками, не подчинены суверенитету государства, не зависят от географических, исторических, культурных или идеологических особенностей, а также от политической или экономической системы. Данная концепция отражена в конституциях государств, относящихся к романо-германской и англосаксонской правовым семьям. Однако ее влияние распространяется и на другие правовые семьи, что подтверждается использованием словосочетания «права человека» в конституционных текстах государств мусульманского и социалистического права. Данная концепция также находит отражение в международных и региональных документах по правам человека.

Наиболее показательными примерами закрепления либеральных идей о правах личности в основополагающих правовых актах являются Декларация независимости США 1776 года и Французская декларация прав человека и гражданина 1789 года. В Декларации независимости США закреплена норма о том, что основополагающим и очевидным принципом является равенство всех людей при рождении и наличие у них неотъемлемых прав, дарованных Богом, таких как жизнь, свобода и возможность стремиться к счастью. Для обеспечения этих прав и создаются органы государственной власти, чья законность основывается на согласии народа [4, с. 182].

Второй по распространенности является мусульманская концепция статуса личности. В ее рамках правовое положение индивида определяется не только нормами закона, но и религиозными нормами. Жизнь мусульманина регламентируется предписаниями пророка, выражающими волю Всевышнего; действия человека классифицируются как обязательные, рекомендуемые, допустимые, нежелательные и запрещенные [5, с. 270]. Мусульманская концепция отражена в конституциях стран, относящихся к мусульманской правовой семье, где на

уровне конституции ислам признается государственной религией и главным источником (или основой) законодательства (к примеру, Афганистан, Бахрейн, Египет, Иордания и другие) [12]. В Афганистане ни один закон не должен противоречить канонам ислама (ст. 3 Конституции 2004 г.) [3, с.16]. Аналогичное положение закреплено в Конституции Пакистана 1973 г. (ст. 227) [3, с. 694].

В основе социалистической (марксистско-ленинской) идеологии лежит приоритет интересов государства и коллектива над интересами отдельной личности. Права и обязанности индивида определяются потребностями государства [6; 10; 11]. Государство делегирует права и свободы гражданам для достижения целей социалистического и коммунистического строительства [5, с.67; 8; 9]. Эта концепция рассматривает личность в трех основных ролях: во-первых, как участника экономической и социальной политики государства; во-вторых, как политического деятеля, вовлеченного в управление государственными и общественными делами; и, в-третьих, как индивида с личными интересами и духовным [1, с. 24].

Принципы марксистско-ленинского подхода к положению личности как одного из институтов [7] отражены в конституциях стран, относящихся к семье социалистического права, таких как КНР, Вьетнам, КНДР, Лаос и Куба [3, с. 278].

В заключении, важно подчеркнуть, что выбор конституционной модели правового статуса личности имеет реальные, практические последствия. Эта модель, закрепленная в конституции, становится основополагающим принципом государственного и общественного устройства. Она определяет, какие права, свободы и обязанности будут гарантированы человеку, а также формирует цели и задачи государственной деятельности. По сути, выбор такой концепции программирует дальнейшее положение человека в государстве. Это напрямую влияет на развитие конституционного, уголовного, административного, гражданского, семейного и трудового законодательства.

Список литературы

1. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность / С.А. Авакьян. – 2-е изд. – М.: Сашко, 2000. – 528 с.

2. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности : монография / Н.В. Витрук. – М.: Норма; Инфра-М, 2026. – 448 с.

3. Конституции государств Азии / Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации / отв. ред. Т.Я. Хабриева. – В 3 т. Т. 2. Средняя Азия и Индостан. – М.: Норма, 2010. – 1021 с.

4. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / сост. О.Л. Лысенко, Е.Н. Трикоз; отв. ред. Н.А. Крашенинникова. – В 2 т. Т. 1. Древний мир и Средние века. – М.: Норма; Инфра-М, 2026. – 816 с.

5. Чиркин В.Е. Сравнительное правоведение: учебник для магистратуры / В.Е. Чиркин. – 2-е изд., пересмотр. – М.: Норма; Инфра-М, 2023. – 320 с.

6. Комкова Г.Н. Конституционное право Российской Федерации: учебник для вузов / Г.Н. Комкова, Е.В. Колесников, М.А. Липчанская. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2023. – 448 с. EDN LVXTTF

7. Липчанская М.А. Институционализация конституционной системы власти в федеративном российском государстве / М.А. Липчанская // Власть. – 2013. – №7. – С. 136–139. EDN QLIEMN

8. Липчанская М.А. Общественное обсуждение законопроектов как форма участия граждан Российской Федерации в управлении делами государства / М.А. Липчанская // Правовая политика и правовая жизнь. – 2011. – №2. – С. 12–18. EDN NUGWCL

9. Липчанская М.А. Формы участия граждан в управлении делами государства в решениях Конституционного Суда Российской Федерации / М.А. Липчанская // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2011. – №1 (17). – С. 32–40. EDN NYGEZH

10. Липчанская М.А. Деятельность общественных советов при федеральных органах исполнительной власти как форма участия граждан в управлении делами государства / М.А. Липчанская // Пробелы в российском законодательстве. – 2009. – №4. – С. 27–30. EDN OCBNTP

11. Колесников Е.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник / Е.В. Колесников, Г.Н. Комкова, М.А. Кулушева. – М.: Высш. образование, 2008. – 365 с. – ISBN 978-5-9692-0191-0. EDN QXLKLN

12. Юн Л.В. Модели конституционного правосудия как важный элемент конституционной юстиции: зарубежный опыт / Л.В. Юн // Российский судья. – 2021. – №2. – С. 52–54. DOI 10.18572/1812-3791-2021-2-52-54. EDN MXYVXJ

Кулаева Екатерина Александровна
студентка
Научный руководитель
Юн Лариса Владимировна
канд. юрид. наук, доцент

Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия им. В.М. Лебедева»
г. Казань, Республика Татарстан

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПОНЯТИЕ «ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА»: ГЕНЕЗИС, СУЩНОСТЬ И РОЛЬ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Аннотация*: в статье рассматриваются концептуальные основы и правовые аспекты ограничения прав и свобод человека и гражданина в российской конституционной правовой системе. Особое внимание уделяется определению границ, целей и методов ограничения прав, а также их роли в обеспечении общественного благосостояния, безопасности и нормального функционирования общества и государства.*

Ключевые слова*: Конституция РФ, ограничение прав и свобод, конституционно-правовые ограничения, правовой статус личности, законные цели ограничений, системное толкование, правотворчество, правоприменение, конституционные проекты.*

Общепризнано, что конституция служит фундаментом действующего законодательства и обладает высшей юридической силой. Однако для эффективной реализации этих юридических характеристик данного нормативного правового акта, требуется согласованное толкование конституционных положений всеми субъектами правотворчества и правоприменения, в том числе при защите незаконного ограничения прав и свобод сквозь призму конституционного правосудия [14].

Важность концепции «ограничение прав и свобод личности» как одного из ключевых элементов современной конституции подтверждается ее наличием в большинстве конституционных проектов, разработанных в период 1992–1993 годов. Данная категория присутствовала в проектах Конституционной комиссии Съезда народных депутатов РФ (ст. 13); рабочей группы под руководством Шахрая С.М. (ст. 2); разработанном Политсоветом Российского движения демократических реформ (ст. 3); представленном Президентом РФ (ст. 24); а также, одобренном Конституционным совещанием (ст. 55) [1, с. 311].

В российской Конституции 1993 года определение границ, рамок и пределов осуществления прав и свобод человека и гражданина [8;13], а также методов государственного влияния на сферу личной свободы, достигается посредством использования понятия «ограничение прав и свобод человека и гражданина». В Конституции России термин «ограничение», применяемый к правам и свободам, происходит от глагола «ограничить», что подразумевает установление рамок, границ, определение условий, а также уменьшение или сокращение охвата чего-либо [6, с. 444].

В научных работах обычно выделяют два ключевых аспекта, характеризующих ограничение прав или свобод: во-первых, это всегда некий установленный предел для свободы индивида, определяющий рамки, границы допустимого поведения, прав и свобод; во-вторых, такие ограничения вводятся с конкретными целями [4, с. 11].

А.В. Малько определяет правовое ограничение как «юридическое сдерживание противозаконных действий, создающее условия для удовлетворения интересов субъекта и общественных интересов [12] в сфере охраны и защиты, в том числе и при их участии в управлении делами государства [10;11]; это установленные правом границы, в рамках которых субъекты должны действовать, исключение определенных возможностей в деятельности лиц» [5, с.91]. Б.С. Эбзеев же определяет конституционно-правовые ограничения основных прав

как исключения из конституционного статуса личности и гражданина, санкционированные Конституцией и закрепленные федеральным законодательством. Кроме того, ограничением основных прав может являться сужение спектра возможностей, входящих в нормативное содержание соответствующих прав и свобод [7, с. 191].

Многие российские ученые, включая А.В. Малько, Б.С. Эбзеева и В.И. Гоймана, для описания феномена правовых ограничений используют широкий спектр терминов. Среди них встречаются такие, как «барьер», «граница», «предел», «изъятие определенных правомочий», «дополнительное условие», «мера стеснения», «сужение объема правомочий». Это терминологическое многообразие подчеркивает основную идею: реализация прав и свобод человека не является безграничной и осуществляется в установленных рамках.

Ввиду обозначенного ранее в рамках проводимого исследования отметим, что «ограничение прав и свобод человека и гражданина» можно определить как установленные федеральными законами, для достижения конституционно значимых целей, пределы реализации прав и свобод, соразмерные этим целям [9].

Конституционное понятие «ограничение прав и свобод человека и гражданина» выступает в качестве основополагающего для различных отраслей российского права. Так, Г.Т. Чернобель подчеркивает, что конституционные понятия и термины должны служить базой для толкования правовых норм во всех отраслях законодательства, во избежание противоречий и произвольного правоприменения. Конституционное понятие имеет не только теоретическую значимость, но и практическое применение при создании и реализации нормативных актов, а также в правоприменительной деятельности [3, с. 40].

Д.А. Керимов отмечал, что юридические понятия создаются для углубленного изучения и последующего преобразования правовой реальности [2, с. 162].

Таким образом, понятия, закрепленные в Конституции, динамичны и подвержены изменениям. Развитие понятия «ограничение прав и свобод человека и гражданина» предполагает его дальнейшую конкретизацию, что может позитивно отразиться на процессе правотворчества и правоприменения

Список литературы

1. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность / С.А. Авакьян. – 2-е изд. – М.: Сашко, 2000. – 528 с.

2. Керимов Д.А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права / Д.А. Керимов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: СГА, 2003. – 521 с.

3. Конституция, закон, подзаконный акт / И.В. Котелевская, М.А. Митюков, А.В. Мицкевич [и др.]; отв. ред. Ю.А. Тихомиров; Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М.: Юридическая литература, 1994. – 133 с. EDN XKZOPD

4. Подмарев А.А. Ограничение прав и свобод человека и гражданина: определение конституционного понятия / А.А. Подмарев // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2014. – №2. – С. 9–18. EDN QKBMAD

5. Стимулы и ограничения в праве / А.В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2003. – 248 с. EDN QVRHOJ

6. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Российская акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: А ТЕМП, 2006. – 938 с. EDN RXPFSL

7. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации / Б.С. Эбзеев. – М.: Юрид. лит., 2013. – 574 с. EDN KCXAKQ

8. Комкова Г.Н. Конституционное право Российской Федерации: учебник для вузов / Г.Н. Комкова, Е.В. Колесников, М.А. Липчанская. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2023. – 448 с. EDN LVXTTF

9. Липчанская М.А. Институционализация конституционной системы власти в федеративном российском государстве / М.А. Липчанская // Власть. – 2013. – №7. – С. 136–139. EDN QLIEMN

10. Липчанская М.А. Общественное обсуждение законопроектов как форма участия граждан Российской Федерации в управлении делами государства / М.А. Липчанская // Правовая политика и правовая жизнь. – 2011. – №2. – С. 12–18. EDN NUGWCL

11. Липчанская М.А. Формы участия граждан в управлении делами государства в решениях Конституционного Суда Российской Федерации / М.А. Липчанская // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2011. – №1 (17). – С. 32–40. EDN NYGEZH

12. Липчанская М.А. Деятельность общественных советов при федеральных органах исполнительной власти как форма участия граждан в управлении делами государства / М.А. Липчанская // Пробелы в российском законодательстве. – 2009. – №4. – С. 27–30. EDN OCBNTP

13. Колесников Е.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник / Е.В. Колесников, Г.Н. Комкова, М.А. Кулушева. – М.: Высш. образование, 2008. – 365 с. – ISBN 978-5-9692-0191-0. EDN QXLKLN

1. Юн Л.В. Модели конституционного правосудия как важный элемент конституционной юстиции: зарубежный опыт / Л.В. Юн // Российский судья. – 2021. – №2. – С. 52–54. DOI 10.18572/1812-3791-2021-2-52-54. EDN MXYVXJ

Кулаева Екатерина Александровна
студентка

Научный руководитель
Юн Лариса Владимировна
канд. юрид. наук, доцент
Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»
г. Казань, Республика Татарстан

СУДЕБНЫЙ КОНСТИТУЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ КАК МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИИ: СУЩНОСТЬ, ГРАНИЦЫ И ВЗАИМОСВЯЗЬ С НАДЗОРОМ

Аннотация: *статья анализирует институт конституционного контроля как ключевого элемента механизма правовой защиты Конституции и реализации судебной власти в разрешении конституционно-правовых споров. Особое внимание уделяется взаимозависимости понятий «конституционный контроль» и «конституционный надзор».*

Ключевые слова: *конституционный контроль, конституционный надзор, Конституционный Суд Российской Федерации, факультативный контроль, обязательный контроль, принципы конституционного судопроизводства, верховенство Конституции.*

Институт судебного конституционного контроля является важнейшим элементом механизма правовой защиты Конституции [13]. По сути, это способ реализации судебной власти для разрешения конституционно-правовых споров [7; 12]. Главным образом, это достигается путем проверки законов и других нормативных правовых актов на соответствие Конституции и установления фактов, имеющих конституционное значение. Конечная цель – защита конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина [9–11], а также обеспечение верховенства и прямого действия Конституции на всей территории государства [8].

Важно прийти к определенному выводу относительно взаимосвязи между «конституционным контролем» и «конституционным надзором» [5, с. 120].

Так, М.А. Шафир указывал на различия между конституционным контролем и надзором. Орган, осуществляющий надзор, не имеет полномочий самостоятельно отменять неправомерные акты, налагать взыскания на нарушителей или давать указания по устранению выявленных нарушений. Контроль же подразумевает прямое вмешательство контролирующих субъектов в деятельность тех, кто находится под контролем. Контролирующие инстанции вправе отменять незаконные решения. Ю.Л. Шульженко поддерживает данную точку зрения, подчеркивая, что именно право отмены неправомерных актов отличает контроль от надзора [6, с. 208].

С точки зрения обязательности проведения конституционный контроль, в том числе судебный, можно разделить на факультативный (инициативный) и обязательный.

Факультативный судебный конституционный контроль подразумевает, что суд осуществляет свои полномочия только в ответ на обращения уполномоченных законом субъектов – государственных органов, должностных лиц, граждан или организаций. При этом решение о том, обращаться ли в суд конституционного контроля, принимается самими этими субъектами по их собственному усмотрению. Они имеют право в любой момент, следуя законодательным нормам, инициировать конституционное судебное дело. Факультативный контроль является доминирующим, что отражает самостоятельный и исключительный характер судебной власти, обособленной от других государственных функций.

Обязательный судебный конституционный контроль, напротив, хотя и осуществляется, как правило, по обращениям уполномоченных субъектов, применяется в ситуациях, когда закон прямо требует такого обращения. Это существенно ограничивает возможность выбора для потенциального заявителя [2, с. 71].

Анализ практики Конституционного Суда РФ показывает, что осуществление им полномочий по обязательному конституционному контролю в ряде случаев не сопряжено с процедурой разрешения правовых споров [1, с. 11]. Обращение в Суд в рамках данных полномочий носит императивный характер для определенных субъектов, детерминированный нормами законодательства или прецедентными правовыми позициями самого Суда. Субъектный состав органов, уполномоченных на инициирование такого контроля, крайне ограничен и, как правило, включает единственного субъекта (например, Президента РФ или Совет Федерации), что обусловлено спецификой реализации соответствующих конституционных функций [3, с. 41].

Таким образом, применение основополагающих принципов конституционного судопроизводства в контексте полномочий Конституционного Суда РФ, касающихся обязательного конституционного контроля, имеет свои специфические черты. К примеру, принцип состязательности и равенства сторон, закрепленный в статьях 5 и 35 Закона «О Конституционном Суде РФ», может подвергаться ограничениям. В отдельных случаях в процессе участвует исключительно заявитель, а судебное разбирательство не всегда предполагает столкновение противоположных взглядов и интересов. Состязательность проявляется в разделении процессуальной функции Суда и функции стороны, инициирующей конституционное судопроизводство [4, с. 109]. Иными словами, Конституционный Суд РФ не является инициатором процесса и не рассматривает дела по собственной инициативе, а лишь решает вопросы, поставленные перед ним заявителем. В некоторых ситуациях, при осуществлении обязательного конституционного контроля, целесообразно отказаться от принципа устного разбирательства, предусмотренного статьей 32 Закона «О Конституционном Суде РФ», и допускается проведение судебных процедур без слушания дела.

Будучи специфическим социальным институтом, конституционный надзор играет ключевую роль в контексте фундаментального понятия конституционного строя. Последний характеризуется не только существованием Конституции и её регулирующей функцией в обществе, но и действующими, институционально закреплёнными элементами правового государства, демократическим политическим устройством, зафиксированным в основном законе страны. Конституционный контроль интегрирует и гарантирует соблюдение всех этих аспектов.

Список литературы

1. Бондарева Е.А. Правовые позиции конституционного суда Российской Федерации: понятие, юридическая природа / Е.А. Бондарева, Н.В. Белоконь // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2014. – №2 (17). – С. 6–15. EDN SDYEXH

2. Брежнев О.В. Обязательный судебный Конституционный контроль в России: проблемы теории и практики / О.В. Брежнев // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – №3 (100). – С. 67–75. DOI 10.17803/1994-1471.2019.100.3.067-074. EDN OHGAJQ

3. Запретилина М.А. Понятие, признаки и содержание правовых позиций конституционного суда Российской Федерации / М.А. Запретилина // Вестник магистратуры. – 2019. – №1–1 (88). – С. 40–43. EDN VTACSR

4. Мещеряков П.Н. Полномочия судов общей юрисдикции в сфере нормоконтроля и судебный запрос в Конституционный Суд РФ: правовое регулирование и проблемы реализации / П.Н. Мещеряков // Современное право. – 2011. – №8. – С. 108–112. EDN OFXNUT

5. Миронов А.Л. Конституционный контроль – механизм обеспечение конституционно-правового регулирования / А.Л. Миронов // Вестник Московского университета МВД России. – 2010. – №12. – С. 119–121. EDN NUDDCD

6. Шафир М.А. Компетенция СССР и союзной республики: (конституционные вопросы) / М.А. Шафир; АН СССР, Институт государства и права. – М.: Наука, 1968. – 225 с.

7. Комкова Г.Н. Конституционное право Российской Федерации: учебник для вузов / Г.Н. Комкова, Е.В. Колесников, М.А. Липчанская. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2023. – 448 с. EDN LVXTTF

8. Липчанская М.А. Институционализация конституционной системы власти в федеративном российском государстве / М.А. Липчанская // Власть. – 2013. – №7. – С. 136–139. EDN QLIEMN

9. Липчанская М.А. Общественное обсуждение законопроектов как форма участия граждан Российской Федерации в управлении делами государства / М.А. Липчанская // Правовая политика и правовая жизнь. – 2011. – № 2. – С. 12–18. EDN NUGWCL

10. Липчанская М.А. Формы участия граждан в управлении делами государства в решениях Конституционного Суда Российской Федерации / М.А. Липчанская // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2011. – № 1 (17). – С. 32–40. EDN NYGEZH

11. Липчанская М.А. Деятельность общественных советов при федеральных органах исполнительной власти как форма участия граждан в управлении делами государства / М.А. Липчанская // Пробелы в российском законодательстве. – 2009. – №4. – С. 27–30.

12. Колесников Е.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник / Е.В. Колесников, Г.Н. Комкова, М.А. Кулушева. – М.: Высш. образование, 2008. – 365 с. – ISBN 978-5-9692-0191-0 (В пер.).

13. Юн Л.В. Модели конституционного правосудия как важный элемент конституционной юстиции: зарубежный опыт / Л.В. Юн // Российский судья. – 2021. – №2. – С. 52–54. DOI 10.18572/1812-3791-2021-2-52-54. EDN MXYVXJ

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Антонов Богдан Айратович
магистрант
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
г. Казань, Республика Татарстан

ЗАЩИТА АВТОРСКИХ ПРАВ НА ПЕРСОНАЖЕЙ: ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация: *в статье исследуется правовая природа персонажа в качестве самостоятельного объекта авторского права и особенностей его защиты в российском законодательстве. Анализируются критерии, позволяющие отнести объект творческой деятельности в качестве персонажа в юридическом смысле, а также проблемы доказывания его охраноспособности. Рассматривается соотношение охраны персонажей в качестве объекта авторского права и товарного знака. Особое внимание уделяется проблематике правовой квалификации персонажей, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта, и оценке творческого вклада человека в конечный результат. В ходе исследования делается вывод о необходимости совершенствования нормативного регулирования и выработки единообразных подходов в правоприменительной практике.*

Ключевые слова: *персонаж, интеллектуальные права, защита авторских прав, произведение, объект авторских прав, юридическая квалификация, законодательное регулирование.*

Значительное количество субъектов предпринимательской деятельности в настоящее время интегрируют результаты творческой деятельности в систему своего бизнеса как обособленный инструмент формирования и продвижения своих услуг, работ или товаров. Привлечение определенной категории потребителей посредством оригинальных персонажей, размещаемых на обложках, упаковках и иной маркетинговой продукции обусловливает ускоренный темп коммерциализации творческой деятельности. Особую теоретико-прикладную сложность представляет вопрос о квалификации объекта такой деятельности в качестве персонажа в правовом толковании, предоставляемым законодателем. Неполный и фрагментарный характер правовой охраны персонажей как самостоятельного объекта авторского права, по мнению автора, препятствует единообразной судебной защите и требует нормативного уточнения на законодательном уровне, особенно в условиях роста числа правонарушений, связанных с неправомерным заимствованием персонажей в целях извлечения прибыли.

Для определения объема охраны рассматриваемого объекта авторских прав необходимо обратиться к правовой природе такой категории, как «персонаж». Действующее российское законодательство не содержит в себе определение данного понятия. Тем не менее, данная категория упоминается в п. 7 ст. 1259 Гражданского кодекса РФ [1, ст. 1259] (далее – ГК РФ) и устанавливает следующие важные для неё признаки: изначальное существование в составе иного произведения; возможность признания в качестве самостоятельного объекта; создание персонажа творческим трудом; выраженность в объективной форме.

Критерии дополняются Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 №10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [2, п. 81]. Таким образом, персонаж также должен быть узнаваем как часть конкретного произведения при его использовании отдельно от всего произведения в целом. Важным представляется тот факт, что для защиты прав истцу необходимо доказывать, что персонаж существует как отдельный результат интеллектуальной деятельности. Помимо этого, учитываются индивидуализирующие характеристики персонажа [2, п. 82]. Таким образом, основополагающим при защите своих прав на персонажей является сбор всех необходимых доказательств, свидетельствующих о наличии перечисленных автором критериев.

Отечественная доктрина также рассматривает правовую природу персонажа, выделяя её особенности. Так, Осипян А.Г. выделяет следующие особенности персонажа, отличающие его от остальных объектов авторского права: наличие ценности персонажа и в отрыве от произведения; ценность персонажа иногда может быть выше, чем ценность самого произведения [4, с. 26]. Автор согласен с этой позицией, так как в силу специфики своей деятельности некоторые субъекты предпринимательской деятельности рассматривают персонажей как ключевой элемент в получении прибыли. Например, одним из основных источников дохода анимационных студий является продажа товаров с персонажами произведений, что объясняет их интерес в пресечении продажи контрафактной продукции. Другая часть исследователей отмечают несовершенность правого регулирования данной области. Согласимся с Тебеньковой П. И. и Щегловой М. А., что законодателем была неудачно выбрана формулировка относительно правил охраноспособности персонажей путем использования словесной конструкции «может быть», что, в свою очередь, порождает неопределенность в судебной практике [5, с. 379].

На практике распространены случаи, когда персонажи регистрируются в качестве товарного знака. Автором было отмечено, что авторское право в первую очередь защищает конкретное произведение в целом, в то время как для защиты прав на персонажа как части такого произведения необходимо доказывать факт копирования, узнаваемость персонажа, его самостоятельность, творческий характер его создания и прочее. В случае же регистрации товарного знака правообладатель получает исключительное право использовать образ персонажа в коммерческом обороте в заявленных им классах МКТУ. Ещё одним из принципиальных различий является тот факт, что правообладатель может запретить не только точное копирование своего персонажа, но и сходные до степени смешения изображения таких персонажей. Чтобы доказать незаконное использование товарного знака ответчиком, достаточно провести фиксацию факта нарушения, подтвердить права на товарный знак и установления сходства до степени смешения. Вместе с тем неправомерное использование нескольких персонажей одного произведения следует рассматривать как одно правонарушение [3, п. 10], в то время как в отношении каждого товарного знака судья определяет отдельный размер компенсации, что больше соответствует интересам правообладателя. Важно иметь в виду, что регистрация персонажа в качестве товарного знака – это дополнительный инструмент, обеспечивающий защиту прав, и не является полной заменой авторского права.

На фоне развития искусственного интеллекта возникает новая правовая проблематика, связанная с охраноспособностью персонажей, сгенерированных искусственным интеллектом. Повышенное внимание научного сообщества к данному вопросу объясняется необходимостью более углубленного осмысления критериев авторства и правовой квалификации результатов деятельности с использованием алгоритмов искусственного интеллекта в системе действующего законодательства. В соответствии со ст. 1257 ГК РФ [1, ст. 1259] автором произведения признается гражданин, творческим трудом которого оно создано. Более того, творческий характер создания произведения не зависит от того, создано ли оно автором собственноручно или с использованием технических средств, к которым автор относит и искусственный интеллект. Тем не менее, автор рассматривает возможность разграничения подобных персонажей в зависимости от вложенного вклада пользователя искусственного интеллекта. Как было определено ранее, одним из существенных признаков персонажа в юридическом смысле является его создание творческим трудом. О творческом труде может свидетельствовать, например, переработка полученного результата в дальнейшем пользователем самостоятельно. Однако четкое значение, сколько именно творческого труда должно быть вложено в создание персонажа, отсутствует. Автор предлагает рассматривать возможность наличии авторских прав на персонажа только в том случае, если творческий труд пользователя значительно преобладает над работой искусственного интеллект. В настоящий момент вопрос о принадлежности авторского права на сгенерированных персонажей регулируется пользовательскими соглашениями, размещаемые разработчиками искусственного интеллекта, которые определяют ту область прав, на которую претендуют пользователи их сервиса. Наиболее острым эта проблематика является в той части, когда искусственный интеллект создает

изображения персонажей на основе существующих работ иных авторов. Автор проводит аналогию с человеком, который также способен создать своего персонажа, вдохновившись чужими работами. Следовательно, пользователь искусственного интеллекта, как и любой творческий деятель, не должен воссоздавать идентичные работы других авторов. Вместе с тем вопрос лежит на другой правовой плоскости, касающаяся правомерности использования разработчиками объектов авторского права для обучения искусственного интеллекта без согласования с их правообладателями.

Подводя итог, следует отметить, что правовая охрана персонажей характеризуется сложностью квалификацией и неоднозначностью правоприменения ввиду отсутствия определения понятия «персонаж» на законодательном уровне при условии его принятия в качестве самостоятельного объекта авторского права. Для приобретения персонажем охраноспособности необходимо доказать огромный спектр качеств, что значительно обременяет истца. Поэтому правообладатель пользуется и другими правовыми инструментами, например регистрация товарного знака, для более эффективной защиты своих прав. Развитие технологий искусственного интеллекта порождает новые вызовы, что требует новых критериев для оценки объема творческого вклада человек.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 №230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Российская газета. – 22 декабря 2006. – №289.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 №10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2019. – №96.

3. Верховный Суд Российской Федерации. Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.09.2015). – URL: https://www.vsrf.ru/files/14984/ (дата обращения: 23.02.2026).

4. Осипян А.Г. Персонаж как объект авторского права / А.Г. Осипян // Международные научные студенческие чтения – 2025: сборник статей II Международной научно-практической конференции (Петрозаводск, 24 апреля 2025 года). – Петрозаводск: Новая Наука, 2025. – С. 22–38. EDN RTOYBN

5. Тебенькова П.И. Персонаж как объект авторского права. охрана персонажей как объекта авторских прав / П.И. Тебенькова, М.А. Щеглова // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2023. – №5 (81). – С. 376–382. EDN EPBZEH

Богоненко Владимир Антонович
канд. юрид. наук, доцент
УО «Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой»
г. Новополоцк, Республика Беларусь

DOI 10.31483/r-154355

О СИСТЕМАТИЗАЦИИ НОРМ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА (НА ПРИМЕРЕ ПРАВОВОГО ОПЫТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

Аннотация: *рассматривается законодательство Республики Беларусь, а также Российской Федерации в сфере энергоснабжения. Анонсируются проблемы, связанные с энергоснабжением и охраной окружающей среды. Определяются проблемы, связанные со структурированием норм права, а также акцентируется внимание на возможностях кодификации законодательства в сфере энергетики. Методы исследования: частнонаучный, сравнительно-правовой, формально-юридический. По результатам исследования делаются выводы и формулируются предложения, направленные на совершенствование законодательства.*

Ключевые слова: *законодательство, кодификация, энергетические ресурсы, энергоснабжение, энергосбережение, окружающая среда.*

Производство, передача и потребление энергетических ресурсов образуют собой сложную систему отношений, требующих эффективного правового регулирования. Работа по

совершенствованию законодательства в сфере энергетики, а именно, в сфере производства, передачи и потребления энергетических ресурсов, относится к числу приоритетных задач для многих государств. Изначально основные трудности, касающиеся правового регулирования рассматриваемых отношений связаны с тем, что такие отношения попадают в сферу правового регулирования норм права, относящихся к различным отраслям права. Прежде всего, это гражданское и хозяйственное право. Кроме того, отдельные нормы содержатся в земельном праве и экологическом праве. Кодификация энергетического законодательства, актуальна в первую очередь для стран, располагающих значительными запасами энергетических ресурсов и развитой системой магистральных трубопроводов. Вместе с тем, интеграция в рамках региональных экономических сообществ, побуждает страны к разработке положений, которые создают основу правового регулирования именно в пределах региональных экономических союзов и сообществ, например, таких, как ЕАЭС.

Особый интерес представляет опыт интеграционного взаимодействия Российской Федерации и Республики Беларусь. Практика интеграционного взаимодействия двух стран отличается на двух уровнях: двусторонние интеграционные проекты и интеграционные проекты в рамках ЕАЭС.

Законодательство Республики Беларусь и Российской Федерации в сфере энергетики имеет особенности, которые влияют на оценку относительно перспектив кодификации энергетического законодательства. Имеющиеся особенности связаны с характером и направлениями национального нормотворчества и сложившейся ранее системой национальных законодательств в сфере энергетики.

Законодательство в сфере энергетических ресурсов России и Беларуси имеет объединяющее начало, а именно: наличие продолжительной практики интеграционного взаимодействия в сфере производства, передачи и потребления энергетических ресурсов. В Республике Беларусь и в Российской Федерации система энергетического законодательства включает в себя кодифицированные акты, представляющие собой результат систематизации в одной области: в сфере недропользования и водных ресурсов. В Российской Федерации был принят Водный кодекс, а в Республике Беларусь Кодекс о недрах. Кроме того, имеются специальные нормативные правовые акты, нормы которых регулируют отношения в сфере газоснабжения: Закон Республики Беларусь «О газоснабжении» и Закон «О газоснабжении в Российской Федерации». Однако в законодательстве двух стран есть и различия. В России в 2006 году был принят Закон «Об экспорте газа», а в Республике Беларусь в 2002 году Закон «О магистральном трубопроводном транспорте».

Важной особенностью нормотворческой деятельности законодателей двух стран стало параллельное нормотворчество, когда разрабатывались нормативные правовые акты в сфере энергосбережения. В отличие от предыдущих лет, энергоснабжение стало неотъемлемым элементом в системе законодательства, нормы которого регулируют отношения в сфере энергоснабжения.

Энергетическое законодательство Беларуси и России долгое время развивалось исключительно за счёт разработки и принятия специальных законов и иных нормативных правовых актов, направленных на регулирование широкого круга отношений в сфере энергетики. Исключением, стали вышеупомянутые кодексы. Процессы кодификации энергетического законодательства развивались по ограничительной составляющей и не получили полного развития и продолжения. В данном контексте следует говорить о необходимости выявления предпосылок и условий кодификационного нормотворчества, относящегося к энергетике. Следует подчеркнуть, что кодификация должна вписываться в канву энергетической стратегии, которой придерживаются страны и быть заявлена в качестве одной из целей законодателя, как это сделано в России [1, с. 10]. Важным условием кодификационного процесса является наличие отраслевого законодательства. Применительно к сфере энергетических ресурсов необходимо говорить о системе законодательства, которое, как указывается в юридической литературе, по своему характеру является комплексным [2, с. 9]. Здесь возникает вопрос о возможности кодификации норм, имеющих разную отраслевую принадлежность. Вопрос усложняется поскольку, увеличивается дисбаланс системы законодательства об энергетике

из-за изменения пропорций между нормами частноправового и публично-правового характера. Проблема возрастает в связи с параллельным нормотворчеством, охватывающим сферу энергосбережения, так как возникают задачи, относящиеся к технике нормотворчества и содержанию нормотворческого процесса.

Важно, что кодификацию норм энергетического законодательства необходимо рассматривать во взаимосвязи с вопросом о кодификации экологического законодательства. Это в большей степени относится к деятельности по использованию атомной энергии. Особенность в том, что развитие данного вида деятельности идёт в направлении расширения подвидов этой деятельности. Данная тенденция ведёт к увеличению рисков, связанных с использованием атомной энергии, и предполагает необходимость в совершенствовании механизма правового регулирования, создания правовых средств, обеспечивающих транспарентность и ядерную безопасность. Институт транспарентности становится главенствующим в системе координат, формирующих саму деятельность по использованию атомной энергии. Соглашаясь с тем, что среди иных видов ядерной деятельности наиболее распространённой является деятельность по использованию атомной энергии, необходимо указать на взаимосвязь энергетической отрасли с деятельностью по охране окружающей среды. Здесь частноправовые интересы сталкиваются с публично-правовыми интересами, когда такая деятельность посягает на установленный порядок природопользования и окружающую среду. Интерес представляет французский опыт кодификационного нормотворчества. Значительная часть норм, регулирующих отношения в сфере осуществления ядерной деятельности, в том числе устанавливающих последствия такой деятельности применительно к задачам по охране окружающей среды была помещена в Кодекс об окружающей среде. Такой выбор свидетельствует о том, что основополагающим принципом правового регулирования ядерной деятельности был признан принцип транспарентности и ядерной безопасности. Нормы, регулирующие отношения в сфере осуществления ядерной деятельности являются составной частью всего законодательства об охране окружающей среды, призваны обеспечить предупреждение аварий, вредоносное воздействие радиоактивных веществ и другие неблагоприятные последствия такой деятельности.

Отдельного внимания заслуживает тема, касающаяся правового регулирования отношений по перемещению нефти (нефтепродуктов) и газа по системе магистральных трубопроводов. В частности, до настоящего времени ведутся дискуссии о правовой природе договоров, используемых в данной области и об источниках правового регулирования. Например, применительно к условиям Российской Федерации в юридической литературе высказывается мнение, что договор транспортировки нефти (нефтепродуктов) по местным, региональным, магистральным и распределительным нефтепроводам следует идентифицировать как разновидность договора, относящегося к формируемому новому типу договоров: «Договору услуг по транспортировке жидких и газообразных товаров по трубопроводному транспорту» [3, с. 68].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что к решению вопроса о целесообразности кодификации норм энергетического законодательства следует подходить, опираясь в большей степени на систему законодательства. Достаточно важно и то, что кодификация норм энергетического законодательства должна осуществляться совместно с нормами законодательства об охране окружающей среды.

Список литературы

1. Гудков И.В. Энергетическая стратегия России в системе программных документов: внутригосударственные и международно-правовые аспекты / И.В. Гудков, П.Г. Лахно // Энергетическое право. – 2010. – №1. – С. 7–23. EDN LKDTDX

2. Свирков С.А. Основные проблемы гражданско-правового регулирования оборота энергии: монография / С.А. Свирков. – М.: Статут, 2013. – 479 с. EDN ZTVDFL

3. Лукьяненко В.Е. Правовое регулирование отношений в сфере транспортировки нефти, газа и других энергетических ресурсов по трубопроводам / В.Е. Лукьяненко. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-otnosheniy-v-sfere-transportirovki-nefti-gaza-i-drugih-energeticheskih-resursov-po-truboprovodam (дата обращения: 27.02.2026).

Николаева Марина Игоревна
бакалавр, студентка
Научный руководитель
Лазаренкова Ольга Григорьевна
канд. юрид. наук, доцент

ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина»
г. Санкт-Петербург

ПРОБЛЕМА ОСПАРИВАНИЯ ЗАВЕЩАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ НАСЛЕДСТВЕННОМ ПРАВЕ

Аннотация: *в статье исследуется актуальная проблема оспаривания завещаний в рамках современного российского наследственного права. Анализируются ключевые основания для оспаривания завещательных распоряжений, закреплённые в Гражданском кодексе РФ (ст. 1131 ГК РФ), включая порок воли наследодателя, давление на завещателя, формальные нарушения процедуры составления и удостоверения завещания, а также вопросы наследования цифровых активов. Особое внимание уделяется сложностям доказывания недееспособности наследодателя в момент составления завещания и проблемам квалификации психологического давления как основания для признания завещания недействительным. В работе рассматриваются особенности оспаривания завещаний, составленных в чрезвычайных обстоятельствах (ст. 1129 ГК РФ), а также специфика защиты прав обязательных наследников. При этом выявлены основные причины судебных споров, с учетом которых определены перспективные направления совершенствования законодательства.*

Ключевые слова: *оспаривание завещания, недействительность завещания, дееспособность наследодателя, обязательные наследники, цифровые активы, видеофиксация завещания, свобода завещания.*

Современное наследственное право Российской Федерации закрепляет принцип свободы завещания как основополагающий элемент распоряжения имуществом на случай смерти [1]. Этот принцип предусматривает, что гражданин вправе по своему усмотрению завещать имущество любым лицам, определять доли наследников, лишать наследства одного или нескольких наследников без указания причин, а также включать в завещание. Однако реализация последней воли наследодателя нередко сталкивается с препятствиями, наиболее значимым из которых выступает институт оспаривания завещаний. Данная проблема имеет особую актуальность в условиях усложнения структуры активов, трансформации семейных отношений и развития цифровых технологий, что требует комплексного научного осмысления.

Оспаривание завещания – это юридический механизм защиты прав лиц, чьи законные интересы нарушены содержанием завещательного распоряжения. В соответствии со ст. 1131 ГК РФ, завещание может быть признано недействительным по решению суда в случае нарушения требований закона при его составлении, подписании, удостоверении либо при наличии порока воли завещателя [1]. Основаниями для оспаривания выступают недееспособность наследодателя на момент составления завещания, давление со стороны заинтересованных лиц, введение в заблуждение, а также формальные нарушения процедуры оформления. При этом законодатель различает оспоримые и ничтожные завещания: первые требуют судебного решения о признании их недействительными, вторые недействительны изначально, независимо от решения суда.

Особую сложность в судебной практике представляет доказывание порока воли наследодателя. В многочисленных делах наследники оспаривают завещание, ссылаясь на то, что наследодатель в момент его составления не мог понимать значения своих действий или не руководил ими вследствие болезни, возрастных изменений или воздействия медикаментов [2, с. 145]. Для подтверждения или опровержения таких доводов суды назначают посмертные

психолого-психиатрические экспертизы, результаты которых, однако, не всегда дают однозначные ответы. Это порождает правовую неопределённость и увеличивает количество судебных споров, затягивая процесс наследования. Например, при наличии у наследодателя заболеваний, влияющих на когнитивные функции (болезнь Альцгеймера, деменция), но не приведших к официальному признанию недееспособности, установление действительного состояния его сознания в момент составления завещания становится крайне затруднительным.

Не менее острой является проблема давления на наследодателя. Если прямое насилие или угрозы относительно легко выявить и доказать, то психологическое давление (манипуляции, шантаж, изоляция от других родственников) установить значительно сложнее. Суды вынуждены опираться на косвенные доказательства: свидетельские показания, переписку, записи разговоров, данные о поведении наследодателя в период составления завещания. В последние годы наблюдается тенденция к расширению круга обстоятельств, признаваемых судами в качестве оснований для признания наследника недостойным, включая случаи систематического психологического воздействия [4, с. 88]. Например, если наследник, указанный в завещании, изолировал наследодателя от общения с другими родственниками, контролировал его контакты и доступ к информации, это может быть расценено как форма давления, влияющая на волеизъявление.

Формальные нарушения при составлении завещания также служат частым основанием для его оспаривания. К таким нарушениям относятся отсутствие нотариального удостоверения (за исключением чрезвычайных обстоятельств), ошибки в указании данных наследодателя или наследников, отсутствие подписи завещателя или свидетелей (в случаях, требующих их присутствия). Даже незначительные опечатки или неточности в паспортных данных наследников могут привести к затягиванию наследственного процесса и дополнительным судебным разбирательствам [5, с. 212]. В судебной практике встречаются случаи, когда завещание признавалось недействительным из-за отсутствия расшифровки подписи наследодателя, неправильного указания даты составления или отсутствия отметки нотариуса о проверке дееспособности завещателя.

Отдельную категорию споров составляют дела, связанные с наследованием цифровых активов. Включение в завещание криптовалюты, токенов, аккаунтов в социальных сетях и других виртуальных объектов требует чёткого указания способов доступа к ним (приватных ключей, паролей, адресов кошельков). Отсутствие таких данных или их утрата делают невозможным реализацию завещательного распоряжения, что порождает конфликты между наследниками и иными заинтересованными лицами [3, 119; 6, с. 67]. При этом действующее законодательство не содержит специальных норм, регулирующих порядок наследования цифровых активов, что создаёт дополнительные сложности. Например, если наследодатель не оставил информации о паролях или использовал двухфакторную аутентификацию, доступ к аккаунту может быть полностью заблокирован.

Срок исковой давности для оспаривания завещания варьируется в зависимости от основания. По общим правилам, он составляет один год для оспоримых завещаний (например, составленных под давлением) и три года для ничтожных (например, подписанных недееспособным лицом или подделанных) [1]. Отсчёт срока начинается с момента, когда заинтересованное лицо узнало или должно было узнать о нарушении своих прав. Это положение призвано сбалансировать интересы наследников и обеспечить стабильность гражданского оборота, однако на практике его применение вызывает споры, особенно в случаях позднего обнаружения обстоятельств, влияющих на действительность завещания. Например, наследник может узнать о существовании завещания, исключающего его из числа получателей имущества, только через несколько лет после смерти наследодателя, что ставит вопрос о справедливости ограничения срока исковой давности.

Судебная практика по делам об оспаривании завещаний демонстрирует тенденцию к усилению защиты интересов обязательных наследников. Лица, имеющие право на обязательную

долю (несовершеннолетние дети, нетрудоспособные супруги, родители, иждивенцы), могут претендовать на не менее половины доли, которая причиталась бы им по закону, даже если завещание составлено в пользу других лиц [1]. Это положение часто вступает в конфликт с волей наследодателя, особенно если он стремился передать имущество определённым лицам или организациям. Например, наследодатель может завещать всё имущество благотворительному фонду, но, если у него есть нетрудоспособный супруг, этот супруг получит обязательную долю, уменьшив тем самым объём имущества, переходящего по завещанию.

Значительную сложность представляют случаи оспаривания завещаний, составленных в чрезвычайных обстоятельствах. Согласно ст. 1129 ГК РФ, в ситуациях, явно угрожающих жизни, гражданин может изложить свою волю в простой письменной форме в присутствии двух свидетелей [1]. Однако такая форма завещания легко становится объектом злоупотреблений: сложно подтвердить истинную чрезвычайность обстоятельств, проверить дееспособность завещателя и отсутствие давления со стороны свидетелей. Судебная практика показывает, что значительная часть таких завещаний оспаривается и признаётся недействительными за несоблюдением условий, предусмотренных законом.

Для снижения рисков оспаривания завещаний рекомендуется придерживаться ряда правил: тщательно формулировать текст завещания, избегая двусмысленностей; указывать полные данные наследников (ФИО, дату рождения, паспортные данные, СНИЛС); регулярно обновлять завещание при изменении состава имущества или семейного положения; при наличии сложных активов (бизнес, цифровые активы) привлекать юристов для составления дополнительных инструкций; информировать доверенное лицо о месте хранения завещания [7, с. 173]. Нотариусы также играют ключевую роль в предотвращении споров: их обязанность – убедиться в дееспособности завещателя, разъяснить ему правовые последствия действий и зафиксировать процесс составления документа.

Перспективным направлением совершенствования законодательства является внедрение дополнительных гарантий достоверности волеизъявления. Например, видеофиксация процедуры составления завещания могла бы служить доказательством отсутствия давления и ясности сознания наследодателя. Аналогичным образом, расширение полномочий нотариуса в части проверки дееспособности (например, право запрашивать медицинские сведения с согласия завещателя) могло бы снизить количество споров, связанных с пороком воли. Также целесообразно разработать специальные правила наследования цифровых активов, включая порядок передачи доступа к ним и обязанности нотариусов по их учёту.

Таким образом, проблема оспаривания завещаний остаётся одной из наиболее острых в наследственном праве. Её решение требует комплексного подхода, включающего совершенствование законодательства, развитие судебной практики и повышение правовой грамотности граждан. Особое внимание следует уделить адаптации норм к новым видам имущества и технологиям, а также разработке механизмов защиты от недобросовестных действий наследников. Дальнейшее исследование данной проблематики должно быть направлено на поиск баланса между свободой завещания и защитой прав потенциальных наследников, а также на создание эффективных инструментов предотвращения злоупотреблений при составлении и исполнении завещательных распоряжений.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья): от 26.11.2001 №146-ФЗ: ред. от 24.07.2023 // Собрание законодательства РФ. – 2001. – №49. – Ст. 1110–1186.

2. Иванова Е.В. Наследственное право: учебник для вузов / Е.В. Иванова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2025. – 320 с.

3. Лазаренкова О.Г. Особенности наследования недвижимого имущества несовершеннолетними лицами / О.Г. Лазаренкова // Проблемы защиты прав: история и современность: материалы XVII Международной научно-практической конференции / отв. ред. И.С. Кокорин. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2023. – С. 118–122. – EDN KNKQBJ.

4. Петров А.Н. Цифровые активы в наследственных правоотношениях: проблемы теории и практики / А.Н. Петров // Право и экономика. – 2025. – №5. – С. 45–52.

5. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей / под ред. Т.Е. Абовой, М.М. Богуславского, А.Г. Светланова. – М.: Юрайт, 2024. – 672 с.
6. Смирнов И.К. Оспаривание завещаний: судебная практика и актуальные проблемы / И.К. Смирнов // Вестник гражданского права. – 2024. – №3. – С. 78–91.
7. Официальный сайт Федеральной нотариальной палаты РФ. Раздел «Наследственное право». – URL: https://notariat.ru (дата обращения: 15.03.2026).

Серебрякова Кэлен Денисовна
бакалавр, студентка
ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный
университет им. А.С. Пушкина»
г. Санкт-Петербург

БРАЧНЫЙ ДОГОВОР КАК ИНСТРУМЕНТ ЗАЩИТЫ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ

Аннотация: *статья посвящена анализу брачного договора как средства защиты имущественных прав супругов в условиях действия законного режима совместной собственности. Рассматриваются ключевые проблемы правового регулирования и правоприменения, включая неопределённость критериев «неблагоприятного положения» и коллизии между семейным и гражданским законодательством. Исследование основано на анализе нормативных положений, научных источников и судебной практики, включая позиции Верховного Суда РФ. Установлено, что брачный договор способен эффективно снижать имущественные риски, однако он ограничен пробелами законодательства и неоднозначностью судебных подходов. Сформулированы выводы о необходимости повышения качества договорного регулирования и развития единообразной практики.*

Ключевые слова: *брачный договор, имущественные права супругов, совместная собственность, договорный режим, судебная практика, неблагоприятное положение, защита имущества.*

Брачный договор в российском праве постепенно перестаёт восприниматься как экзотический инструмент и всё чаще используется для упорядочения имущественных отношений супругов. Его правовая природа позволяет сторонам заранее определить режим собственности, распределить риски и минимизировать возможные конфликты, возникающие как в период брака, так и при его расторжении. В условиях роста имущественных споров брачный договор становится важным механизмом защиты интересов каждого из супругов. Целью исследования является анализ брачного договора как инструмента защиты имущественных прав супругов и выявление ключевых проблем его правового регулирования и правоприменения в современной российской практике.

Из законодательства следует, что если у супругов нет брачного договора, то на совместное имущество супругов распространяется законный режим, то есть режим общей совместной собственности. Согласно ст. 39 СК РФ, при разделе общего имущества супругов и определении долей в этом имуществе доли супругов признаются равными, если иное не предусмотрено договором между супругами. Основная функция брачного договора заключается в изменении законного режима имущества супругов. Закон предоставляет широкие возможности для установления как раздельного, так и долевого или смешанного режима собственности. Это позволяет учитывать индивидуальные обстоятельства семьи: участие одного из супругов в бизнесе, наличие имущества, приобретённого до брака, необходимость защиты активов от возможных претензий кредиторов. В отличие от общих норм семейного законодательства, брачный договор позволяет гибко регулировать имущественные потоки, устанавливать порядок несения расходов, определять судьбу имущества в случае развода и даже предусматривать механизмы компенсации.

Проблема защиты имущественных прав через брачный договор проявляется прежде всего в том, что многие имущественные риски возникают не между супругами, а извне. Наиболее типичны ситуации, когда один из супругов ведёт предпринимательскую деятельность и несёт повышенные финансовые риски. При отсутствии брачного договора кредиторы вправе обратить взыскание на общее имущество супругов, что ставит под угрозу имущественные интересы второго супруга. Закрепление раздельного режима собственности позволяет исключить подобные последствия и защитить имущество, не связанное с предпринимательской деятельностью. Таким образом, брачный договор выполняет не только внутрисемейную, но и внешнюю защитную функцию.

Вместе с тем брачный договор не является универсальным средством защиты. Остаётся нерешённым вопрос о возможности включения в брачный договор условий, касающихся неимущественных отношений, что приводит к разным трактовкам в судебной практике [1, с. 93]. Закон ограничивает его содержание, запрещая включать условия, затрагивающие личные неимущественные отношения, права и обязанности в отношении детей, а также положения, ставящие одного из супругов в крайне неблагоприятное положение. Эти ограничения направлены на предотвращение злоупотреблений и сохранение баланса интересов.

В судебной практике возникают споры и по поводу самого брачного договора, который, казалось бы, должен урегулировать все возможные споры в будущем. Споры чаще всего связаны с желанием одного из супругов признать договор недействительным полностью или в части по каким-либо возможным причинам. Также часто споры из брачных договоров связаны с тем, что в законодательстве не полностью закреплен перечень условий, наличие которых не может быть в брачном договоре, а также ввиду неясности толкования категории «неблагоприятное положение» [3, с. 385].

На практике именно оценка «крайне неблагоприятного положения» вызывает сложности: суды по-разному трактуют этот критерий, что снижает предсказуемость правоприменения. В ряде случаев суды признают недействительными положения, которые стороны считали справедливыми и согласованными, что свидетельствует о необходимости более чётких ориентиров. Если условия договора нарушают основы семейного законодательства или приводят к очевидному дисбалансу интересов, то он может быть оспорен.

В судебной практике обращает на себя внимание позиция Верховного Суда РФ относительно квалификации имущества, предоставленного одному из супругов актом органа местного самоуправления. Несмотря на то, что передача такого имущества осуществляется без взимания платы, Верховный Суд подчёркивает, что административный акт не является гражданско-правовой сделкой и, следовательно, не подпадает под категорию «безвозмездных сделок», указанную в ст. 36 СК РФ. В «Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ №2 (2018)» суд указал, что акты государственных органов не относятся к сделкам в смысле гражданского законодательства, поскольку не выражают волю сторон как участников гражданского оборота, а представляют собой властное распоряжение. Законодатель разграничивает в качестве оснований возникновения гражданских прав и обязанностей договоры (сделки) и акты государственных органов, органов местного самоуправления и не относит последние к безвозмездным сделкам. Бесплатная передача земельного участка одному из супругов во время брака на основании акта органа местного самоуправления не может являться основанием его отнесения к личной собственности этого супруга [2].

Отдельного внимания заслуживает вопрос о брачном договоре как инструменте защиты имущества при разводе. В условиях эмоционального конфликта договорённости, достигнутые заранее, позволяют избежать затяжных судебных споров и обеспечить более цивилизованное завершение брачных отношений. Однако эффективность договора зависит от его качества: формальные, шаблонные документы часто не учитывают реальные имущественные интересы супругов и не обеспечивают должной защиты. Наиболее устойчивыми оказываются договоры, составленные с учётом конкретных источников доходов и возможных рисков.

Современные тенденции свидетельствуют о расширении сферы применения брачных договоров. Несмотря на очевидные преимущества, распространённость брачных договоров в России остаётся невысокой. Это объясняется как недостаточной правовой культурой, так и

устойчивыми стереотипами, воспринимающими договор как проявление недоверия. На практике же брачный договор является инструментом правовой определённости, а не недоверия, и его заключение свидетельствует о зрелом подходе к имущественным вопросам. Расширение практики заключения брачных договоров требует повышения уровня правовой грамотности населения и формирования позитивного отношения к договорному регулированию семейных отношений.

Таким образом, проведённый анализ позволяет заключить, что брачный договор действительно выступает действенным инструментом защиты имущественных прав супругов, однако его потенциал реализуется не в полной мере. Основные проблемы связаны с неопределённостью законодательных ограничений, отсутствием единообразных критериев оценки «неблагоприятного положения» и противоречиями между семейным и гражданским законодательством. Судебная практика подтверждает, что брачный договор способен снижать имущественные риски, в том числе связанные с предпринимательской деятельностью одного из супругов, но эффективность его применения зависит от качества составления и точности формулировок. Установлено, что правоприменение остаётся неоднородным, что требует дальнейшего совершенствования нормативной базы и разработки устойчивых подходов к оценке условий брачных договоров. В этих условиях брачный договор сохраняет значимость как механизм правовой определённости и защиты имущественных интересов супругов, однако нуждается в более чётком законодательном регулировании и повышении правовой культуры его заключения.

Список литературы

1. Кудрявцева Л.В. Актуальные проблемы договорного режима имущества супругов / Л. В. Кудрявцева, Д. А. Утов // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2024. – Т. 52. №4. – С. 92–98. – ISSN 2411-0299. – DOI 10.21779/2224-0241-2024-52-4-92-98. EDN AQCFOM

2. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации №2 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.07.2018) (ред. от 25.04.2025) // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/law/obzor-sudebnoi-praktiki-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii_29/ (дата обращения: 10.03.2026).

3. Яхьяева А.М. Проблемы правоприменительной практики в сфере регулирования имущественных правоотношений супругов и перспективы развития законодательства / А.М. Яхьяева // Право и управление. – 2025. – Т. 1. – С. 383–389. – ISSN 2224-9133. – DOI 10.24412/2224-9133-2025-1-383-389. EDN TGEGPB

Харитонов Станислав Алексеевич
студент
Суетин Илья Николаевич
канд. пед. наук, д-р ист. наук, доцент, профессор
ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова»
г. Ульяновск, Ульяновская область

ПРИВЛЕЧЕНИЕ КОНТРОЛИРУЮЩЕГО ЛИЦА К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ПРОБЕЛЫ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ

Аннотация: *в статье исследуются проблемы возложения субсидиарной ответственности на контролирующих лиц общества с ограниченной ответственностью. Предпринимаются попытки устранения пробелов в законодательстве.*

Ключевые слова: *общество с ограниченной ответственностью, контролирующее лицо, субсидиарная ответственность, недобросовестное поведение.*

В современных условиях интенсивного экономического развития [2–4] в России ежегодно увеличивается количество судебных актов о привлечении к субсидиарной ответственности

лиц, осуществляющих контроль над юридическими лицами, в контексте их долговых обязательств.

Российское законодательство определяет, что юридическое лицо обладает имущественной обособленностью и самостоятельной ответственностью, его участники имеют значительную свободу в принятии и согласовании деловых решений, что, как правило, освобождает их от субсидиарной ответственности по обязательствам юридического лица.

Положения гражданского законодательства, пункт 1 статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1], обязывают лиц, управляющих юридическим лицом, действовать добросовестно, разумно, заботясь об интересах компании и при этом возмещая убытки, причиненные по их вине. Ответственность наступает в том случае, если действия (бездействия) таких контролирующих лиц были неразумными, недобросовестными и выходили за рамки обычного гражданского оборота, а также обычного предпринимательского (делового) риска.

Аналогично установлена субсидиарная ответственность Федеральным законом от 08.02.1998 №14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон №14-ФЗ) [7], в частности, в статье 3 (пункты 3, 3.1) законодатель предусмотрел субсидиарную ответственность участников, иных контролирующих лиц, способных влиять на деятельность общества, в случае несостоятельности (банкротства) общества или исключения общества из единого государственного реестра юридических лиц, если их недобросовестность или неразумность стали причиной неисполнения обязательств.

Тем не менее, в отечественном законодательстве существует пробел: так кредиторы не могут привлечь к субсидиарной ответственности контролирующих лиц, чьи недобросовестные или неразумные действия привели к невозможности исполнения обязательств, если юридическое лицо формально существует, но фактически прекратило свою деятельность (деятельность не ведется, выручка отсутствует, активы выведены, искусственно поддерживается существование общества представлением отчетности). Для урегулирования данного вопроса достаточно дополнить пункт 3.1 статьи 3 Закона №14-ФЗ и распространить ответственность контролирующих лиц не только на случаи исключения юридических лиц, в частности обществ с ограниченной ответственностью, из государственного реестра, но и на случаи фактического прекращения деятельности общества, когда отсутствуют активы, нет выручки, сдаётся нулевая отчетность и т. п.

Такая гражданско-правовая ответственность контролирующих лиц призвана защитить права кредиторов и восстановить их имущественное положение. Для её применения необходимы следующие условия: во-первых, убытки кредиторов, во-вторых, недобросовестность или неразумность действий контролирующих лиц, в-третьих, причинно-следственная связь между ними, в-четвертых, вина этих лиц.

Для разграничения добросовестных и недобросовестных действий следует ориентироваться на стандарт поведения, ожидаемый от любого участника гражданского оборота. Такое поведение включает в себя учёт прав и законных интересов другой стороны, а также оказание ей содействия, в том числе в предоставлении необходимой информации. По общему правилу, закрепленному в пункте 5 статьи 10 ГК РФ, добросовестность и разумность действий участников гражданских правоотношений презюмируется, пока не доказано обратное. Важно, чтобы действия одного участника не ухудшали положение других участников оборота с точки зрения их правовой защиты. «Не должно быть ситуации, при которой должник в течение продолжительного срока не исполняет обязательства перед кредитором, не претерпевая при этом каких-либо негативных последствий» [1].

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении от 23 июня 2015 года №15 напомнил о фундаментальном принципе гражданского права, закрепленном в пунктах 3 и 4 статьи 1 ГК РФ [5]: добросовестность является обязательным условием для всех участников гражданских правоотношений при установлении, осуществлении и защите

прав, а также при исполнении обязанностей; извлечение выгоды из незаконных или недобросовестных действий недопустимо.

Добросовестное поведение, надлежащая степень осторожности, разумная предусмотрительность, ориентация на интересы компании служат надежным щитом для контролирующего органа юридического лица, предотвращая его привлечение к субсидиарной (дополнительной) ответственности в судебном порядке.

Зарубежные правовые системы подобно российской концепции «субсидиарной ответственности», применяют доктрину «снятия корпоративных покровов» [6]. Так, апелляционный суд США по второму округу выделил ряд факторов, которые применяют суды для определения возможности применения этой доктрины. К ним относятся: смешение личных и корпоративных активов, общие владельцы или руководители у разных компаний, использование компании как фиктивной структуры, использование ресурсов (офисы, сотрудники), вывод активов в ущерб кредиторам, несбалансированное распределение активов и пассивов между компаниями, а также недостаточная капитализация компании с учетом рисков.

Участникам гражданских правоотношений следует иметь ввиду, что помимо субсидиарной ответственности в отечественном законодательстве существует и уголовная ответственность, т.е. помимо финансовых потерь по уголовному законодательству можно получить и наказание вплоть до лишения свободы.

В заключение следует отметить, что законодательное расширение факторов, при которых возможно возложение субсидиарной ответственности на контролирующих лиц организации, будет способствовать повышению честного, разумного и добросовестного поведения участников гражданского оборота.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – №32. – Ст. 3301.

2. Кузнецова Н.И. К вопросу о развитии малого и среднего предпринимательства в Ульяновской области / Н.И. Кузнецова, М.А. Рябова, И.Н. Суетин // Актуальные вопросы права, экономики и управления: сборник материалов VI Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием (г. Ульяновск, 26 апреля 2024 г.). – Чебоксары: Среда, 2024. – С. 132–136. EDN PSNZYZ

3. Кузнецова Н.И. Человеческий капитал как фактор инновационного развития современной экономики региона / Н.И. Кузнецова, И.Н. Суетин, М.А. Рябова // Современные тренды управления, экономики и предпринимательства: от теории к практике: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Ульяновск, 14–15 ноября 2023 г.). – Чебоксары: Среда, 2023. – С. 331–336. EDN FVIONP

4. Курносенкова Д.О. К вопросу о методах принятия управленческих решений в современных организациях / Д.О. Курносенкова, И.Н. Суетин // Актуальные вопросы права, экономики и управления: сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием (г. Ульяновск, 25 апреля 2025 г.). – Чебоксары: Среда, 2025. – С. 251–253. EDN OKTINH

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 №25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс: справочная правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (дата обращения: 13.03.2026).

6. Проникающая ответственность в зарубежных правопорядках. – URL: https://conf.siblu.ru/pronikayushchaya-otvetstvennost-v-zarubezhnyh-pravoporyadkah (дата обращения: 13.03.2026).

7. Федеральный закон от 08.02.1998 №14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (последняя редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – №7. – Ст. 785.

ТРУДОВОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Валов Владислав Дмитриевич
бакалавр, студент
Научный руководитель
Гильмеева Гульназ Нургалиевна
канд. юрид. наук, доцент

Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия им. В.М. Лебедева»
г. Казань, Республика Татарстан

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ГАРАНТИИ И ЛЬГОТЫ КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Аннотация: *статья посвящена комплексному анализу экономических гарантий и льгот как фундаментального элемента системы социального обеспечения в Российской Федерации, в том числе нововведений в 2026 году. На основе судебных и нормативных актов демонстрируется, что эффективность предоставления экономических гарантий на практике зачастую зависит не столько от их законодательного закрепления, сколько от правоприменительных подходов. Автор приходит к выводу, что экономические гарантии и льготы представляют собой динамичный правовой институт, жизнеспособность которого определяется способностью судебной власти обеспечивать баланс между законными интересами государства в эффективном администрировании и конституционными правами граждан.*

Ключевые слова: *гарантии, льготы, социальное обеспечение, трудовой кодекс, социальное государство, конституционные принципы.*

Экономические гарантии и льготы представляют собой фундаментальные институты в системе социального обеспечения, выполняющие ключевую роль в реализации конституционных принципов социального государства. Их сущность заключается в законодательно закрепленной системе материальных предоставлений и преимуществ, направленных на компенсацию или минимизацию социальных рисков, связанных с утратой дохода, повышенными расходами или особыми условиями жизнедеятельности. Экономические гарантии, такие как установленный минимальный размер оплаты труда, пособия по безработице или страховые пенсии, формируют базовый уровень защиты, обеспечивая удовлетворение первичных потребностей индивида.

Их правовая природа проистекает из принципов социального государства, закреплённых в статье 7 Конституции РФ, и конкретизируется в отраслевом законодательстве, прежде всего в нормах Трудового кодекса [1]. Содержательно экономические гарантии можно определить как законодательно установленные обязательства государства или работодателя по обеспечению минимального уровня материальной поддержки гражданина в стандартных или особых жизненных ситуациях (например, гарантия МРОТ, сохранение среднего заработка, выходное пособие) [2]. Гарантии в обще смысле являются условиями реализации социального и правового статуса. Иными словами, гарантии обеспечивают реализацию чего-либо [3, с. 2]. Льготы же носят более адресный характер и представляют собой определенные преимущества, дополнительные права, предоставляемые некоторым категориям граждан, имеющие форму полного или частичного освобождения от уплаты налогов (налоговые льготы) и внесения других обязательных платежей (например, бесплатный проезд в общественном транспорте), а также освобождения от выполнения общих для всех обязанностей или форму дополнительных выплат (повышенные стипендии, пенсии, пособия) [4, с. 22]. Социальные льготы выступают в качестве особых преимуществ, предоставляемых государством гражданам, нуждающимся в поддержке [5, с. 551]. Эти инструменты разработаны для уменьшения

бремени, ложащегося на плечи лиц в уязвимом положении, путём их полного или частичного освобождения от обязательств, наложенных государственными стандартами и нормами.

Функциональное единство этих инструментов заключается в их общей цели – социальной защите и выравнивании положения граждан, однако их реализация на практике постоянно порождает правовые коллизии, требующие тонкого балансирования между интересами личности, работодателя и государства. Именно в этом контексте особую роль приобретает толкование норм Конституционным Судом РФ, который в своих решениях не только разрешает конкретные споры, но и формирует принципиальные подходы к пониманию социальных гарантий.

Основу правового регулирования экономических гарантий в сфере труда составляет Трудовой кодекс. Так, статья 130 ТК РФ закрепляет систему основных государственных гарантий по оплате труда, включая величину МРОТ, меры, обеспечивающие повышение уровня реального содержания заработной платы, и ограничение перечня оснований для удержаний. Непосредственно минимальный размер оплаты труда гарантируется статьёй 133 ТК РФ, которая устанавливает, что МРОТ не может быть ниже прожиточного минимума трудоспособного населения. При этом важное значение имеет разграничение составных частей заработной платы: согласно сложившейся правовой позиции, компенсационные выплаты (за работу в особых условиях, за сверхурочную работу) и стимулирующие надбавки не должны включаться в расчёт МРОТ, что обеспечивает реальность данной гарантии [2].

С 1 февраля 2026 года в России вступили в силу ключевые изменения в системе социальной поддержки, основным из которых стала плановая индексация более 40 социальных пособий и выплат на 5,6%. Повышение происходит автоматически и затрагивает широкий круг выплат: ежемесячные пособия по уходу за ребенком до полутора лет (минимальный размер составит 10 837,2 руб., максимальный – 83 021,18 руб.), единовременное пособие при рождении ребенка (28 450,45 руб.), выплаты по уходу за ребенком-инвалидом (11 563,2 руб.) и другие [6].

Значительно вырос и материнский капитал: для семей, впервые использующих право на первого ребенка, сумма составит почти 729 тыс. руб., а на второго – около 963 тыс. руб. Кроме того, в 2026 году были расширены налоговые льготы для отдельных категорий граждан. Герои Советского Союза, Герои Российской Федерации и полные кавалеры ордена Славы получили освобождение от уплаты транспортного налога за одно транспортное средство. Пенсионеры и предпенсионеры теперь полностью освобождаются от налога на имущество физических лиц на один объект каждого вида (квартиру, дом, гараж и т. д.), но при наличии нескольких объектов одного вида необходимо подать соответствующее уведомление в Федеральную налоговую службу. Таким образом, основные нововведения 2026 года направлены на повышение уровня жизни через индексацию выплат и предоставление дополнительных налоговых преференций наиболее уязвимым и социально значимым категориям граждан.

Гарантии и компенсации в широком смысле определяются статьёй 164 ТК РФ как средства, способы и условия, с помощью которых обеспечивается осуществление предоставленных работникам прав. Особый режим установлен для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. Так, статья 318 ТК РФ предусматривает, что при расторжении трудового договора в связи с ликвидацией организации либо сокращением численности или штата работников за указанными работниками сохраняется средний месячный заработок на период трудоустройства, но не свыше шести месяцев, с учётом выплаты выходного пособия [2]. Именно нормативное регулирование данной гарантии стало предметом детального рассмотрения Конституционного Суда РФ.

Конституционный Суд РФ в своей практике последовательно развивает и конкретизирует содержание социально-экономических гарантий, исходя из принципов справедливости, соразмерности и реальной социальной защиты. Ярким примером является Постановление Конституционного Суда РФ от 22 ноября 2024 года №54-П, вынесенное по делу о проверке

конституционности частей второй и третьей статьи 318 ТК РФ. Суть спора заключалась в том, лишается ли работник, уволенный по сокращению в районе Крайнего Севера, права на сохраненный средний заработок на период трудоустройства, если он на момент увольнения уже работал по совместительству у другого работодателя [7].

Конституционный Суд указал, что цель специальной гарантии, установленной статьёй 318 ТК РФ, – компенсировать повышенные сложности трудоустройства в особых климатических условиях и обеспечить временную материальную поддержку при потере основного места работы. Сам по себе факт работы по совместительству, которая часто является вынужденной и не всегда обеспечивает достаточный доход, не может автоматически свидетельствовать об отсутствии нуждаемости в государственной защите. Суд отметил, что такой формальный подход противоречит смыслу социального государства и принципу справедливости, и признал, что право на выплату должно сохраняться, если совместительство не предоставляет работнику достаточных средств к существованию, эквивалентных утраченному основному заработку. Это решение стало важным прецедентом, требующим оценки реального материального положения работника.

Конституционный Суд РФ последовательно защищает гарантированный уровень оплаты труда, указывая, что включение компенсационных выплат (за ночную, вредную работу и т. д.) в сумму МРОТ фактически снижает гарантированный минимум и нарушает принцип справедливости. Эта позиция, основанная на системном толковании Трудового кодекса, направлена на то, чтобы МРОТ был неприкосновенным минимумом, не поглощаемым оплатой особых условий труда. Таким образом, Суд наполняет формальные нормы социально-справедливым содержанием, обеспечивая баланс между экономикой и социальной защитой.

В итоге экономические гарантии и льготы – это динамичная правовая категория. Её содержание формируется не только законом, но и конституционно-судебным толкованием. Нормы ТК задают базовый каркас, а решения Конституционного Суда развивают его, придавая гибкость. Ключевая тенденция – переход от формального к содержательному подходу, когда гарантии оцениваются по их реальной способности обеспечить достойную жизнь, что соответствует сути социального государства.

Однако их реализация на практике неизбежно сопряжена с целым комплексом правовых коллизий и спорных ситуаций, что делает судебную практику не только механизмом разрешения индивидуальных конфликтов, но и важнейшим источником интерпретации норм, выявления пробелов в законодательстве и формирования правовых позиций, которые зачастую определяют вектор дальнейшего развития социального обеспечения.

Яркой иллюстрацией этого тезиса служит Определение Верховного Суда РФ от 03.03.2025 №5-КГ24-127-К2, в котором разрешался спор между неработающей пенсионеркой Бобровой Г.Ю. и органами социальной защиты Москвы[8]. Фабула дела сводится к следующему: истице, являющейся неработающим пенсионером, зарегистрированным в Москве более 10 лет и чье материальное обеспечение не достигает установленного городского социального стандарта, было отказано в назначении полагающейся ей по закону региональной социальной доплаты к пенсии. Основанием для отказа послужило то, что она подала заявление о назначении этой выплаты в письменной форме непосредственно в отдел социальной защиты, тогда как внутренние правила города Москвы требуют подачи такого заявления исключительно в электронной форме через Портал государственных и муниципальных услуг.

Истица ссылалась на отсутствие у нее навыков уверенного пользования интернетом, опасения относительно безопасности персональных данных при создании «личного кабинета» и тот факт, что федеральное законодательство не обязывает граждан регистрироваться на подобных порталах для получения социальных выплат. Нижестоящие суды трех инстанций поддержали отказ органа соцзащиты, приняв формальный подход и буквально истолковав региональные правила, однако Верховный Суд РФ, рассматривая дело в кассационном порядке, занял принципиально иную позицию.

Верховный Суд РФ, отменяя предыдущие судебные акты по делу пенсионерки Бобровой Г.Ю., защитил материальную суть социальных прав от формализма процедур. Суд подтвердил, что требование подавать заявление на социальную доплату исключительно в электронной форме, без учёта реальных возможностей и обстоятельств пенсионера (отсутствие навыков, опасения за безопасность), необоснованно ограничивает конституционное право на социальное обеспечение. Это решение напрямую связано с системой экономических льгот, демонстрируя, что их установление ещё не гарантирует получения.

Практика правоприменения может создавать искусственные барьеры между нормой закона и человеком. Верховный Суд укрепил принцип, согласно которому процедурные требования не должны подменять суть социальной гарантии, что соответствует общей тенденции судебной практики на оценку реального положения гражданина, а не формальных признаков (как в Постановлении Конституционного Суда №54-П). Таким образом, судебная практика корректирует систему социальной защиты, балансируя между интересами цифровизации и безусловным выполнением государством обязательств перед уязвимыми гражданами, наполняя законодательные гарантии практическим содержанием.

Таким образом, экономические гарантии и льготы, составляя материальную основу системы социального обеспечения, являются ключевым инструментом реализации конституционных принципов социального государства. Как показывает анализ законодательства и судебной практики, включая нормы Трудового кодекса и решения высших судов, эффективность этих механизмов определяется не только формальным наличием правовых норм, но и их содержательным толкованием, ориентированным на реальную социальную защищённость.

Решающая роль в обеспечении этой эффективности принадлежит правоприменительной практике, и в первую очередь – позиции Конституционного и Верховного Суда Российской Федерации. Именно суды, разрешая конкретные коллизии, как в рассмотренном деле о социальной доплате пенсионеру, наполняют законодательные гарантии социально-справедливым содержанием, защищая их от излишнего формализма и обеспечивая баланс между публичными интересами административной целесообразности и частными интересами конкретного человека в получении гарантированной поддержки.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 05.03.2026).

2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 №197-ФЗ: ред. от 28.12.2025 // Собрание законодательства РФ. – 2002. – №1 (ч. I). – Ст. 3.

3. Зудаева В.В. Правовая природа льгот, гарантий и компенсаций, предоставляемых государственным гражданским служащим / В.В. Зудаева // Universum: экономика и юриспруденция. – 2018. – №11 (56). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-lgot-garantiy-i-kompensatsiy-predostavlyaemyh-gosudarstvennym-grazhdanskim-sluzhaschim (дата обращения: 05.03.2026).

4. Афтахова А.В. Право социального обеспечения: учеб. пособие для среднего проф. образования / А.В. Афтахова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2024. – 474 с. EDN EOSYXX

5. Синицына А.В. Льготы в праве социального обеспечения / А.В. Синицына // Молодой ученый. – 2025. – №20 (571). – С. 550–552. – URL: https://moluch.ru/archive/571/125359 (дата обращения: 05.03.2026). EDN WCQWQJ

6. Постановление Правительства РФ от 23 января 2026 г. №30 «Об утверждении коэффициента индексации выплат, пособий и компенсаций в 2026 году». – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 08.02.2026).

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.11.2024 №54-П «По делу о проверке конституционности частей второй и третьей статьи 318 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Сергеева». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_491199/ (дата обращения: 09.02.2026).

8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 03.03.2025 №5-КГ24-127-К2 (УИД 77RS0009-02-2022-011293-45). – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411674063/ (дата обращения: 10.02.2026).

Зейдер Егор Борисович
бакалавр, студент
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
г. Казань, Республика Татарстан

СОВМЕСТНОЕ БАНКРОТСТВО СУПРУГОВ: КОЛЛИЗИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ

Аннотация: *в статье рассматриваются актуальные проблемы правового регулирования института совместного банкротства супругов в Российской Федерации. Проведён анализ существенного законодательного пробела в Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)» и вытекающих из него правоприменительных коллизий. Особое внимание уделено роли судебной практики, в частности разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ и решениям арбитражных судов, которые де-факто формируют процедурные подходы в условиях отсутствия прямых норм. На основе изучения существующих проблем автор формулирует предложения по совершенствованию законодательства в целях создания эффективного, экономичного и справедливого механизма реализации данной процедуры.*

Ключевые слова: *банкротство гражданина, совместное банкротство супругов, конкурсная масса, общие обязательства супругов, процессуальное объединение дел, законодательный пробел.*

Институт несостоятельности (банкротства) граждан, закреплённый в российском законодательстве, является необходимым элементом экономического оборота, позволяющим добросовестному должнику освободиться от долгового бремени. Однако в отношении супругов, чьё имущественное положение и обязательства зачастую неразрывно связаны, действующее правовое регулирование демонстрирует системный недостаток. Отсутствие специальной процедуры совместного банкротства порождает комплекс правовых, экономических и процессуальных проблем, вынуждая правоприменителя искать выходы в рамках существующей нормативной базы, что не обеспечивает единообразия и предсказуемости.

Федеральный закон от 26.10.2002 №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве) [3]» (далее – Закон о банкротстве) не содержит понятия и специальной процедуры совместного банкротства супругов. Данный пробел приводит к возникновению нескольких ключевых проблем:

Процессуальная раздробленность. Супруги вынуждены инициировать два независимых производства, что влечёт дублирование судебных расходов, включая вознаграждение финансового управляющего, и увеличивает нагрузку на судебную систему. Эта ситуация противоречит принципу процессуальной экономии.

Коллизии при определении состава конкурсной массы. Вопрос о включении в конкурсную массу имущества, составляющего общую совместную собственность супругов, решается судами неединообразно. Отсутствие чёткого критерия разграничения личного и общего имущества в целях банкротства создаёт риски для кредиторов и самих супругов.

Проблема квалификации общих обязательств. Законодательство не устанавливает презумпцию общности долгов, возникших в период брака. В результате суды, руководствуясь нормами семейного права (ст. 45 СК РФ [2]), вынуждены в каждом случае устанавливать, были ли обязательства направлены на нужды семьи. Это приводит к сложной доказываемой ситуации и, как показывает практика (например, Определение Арбитражного суда Челябинской области по делу А76- 34330/2021 [6]), может возложить бремя ответственности на супруга, не знавшего о возникновении долга, если суд признает его общим.

В условиях отсутствия прямого законодательного регулирования, функцию формирования подходов к совместному банкротству взяла на себя судебная практика.

Важнейшую роль сыграло Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 №48 [4], которое в п. 12 допустило возможность объединения в одно производство дел о банкротстве супругов. Критерием для объединения выступает наличие общих обязательств. Данная мера преследует цели оптимизации процесса: формирование единого реестра требований кредиторов, назначение одного финансового управляющего и единый порядок реализации имущества.

Арбитражные суды активно применяют этот подход. Так, Арбитражный суд Новосибирской области в решении по делу №А45-20897/2015 [5] прямо указал, что раздельное рассмотрение дел приведёт лишь к необоснованному увеличению судебных расходов и усложнит процедуру реализации общего имущества. Аналогичные решения принимались судами Московской области и других регионов.

Однако даже объединённое производство не снимает всех проблем. Остаётся нерешённым вопрос о распределении средств между кредиторами по личным и общим обязательствам. Выручка от реализации личного имущества одного супруга не может быть направлена на погашение личных долгов другого. Кроме того, из конкурсной массы исключаются требования, тесно связанные с личностью (алименты, возмещение вреда жизни и здоровью), что создаёт дополнительные сложности для формирования плана реструктуризации долгов или расчётов с кредиторами.

Сложившаяся правоприменительная практика однозначно указывает на необходимость законодательной регламентации института совместного банкротства супругов. Целесообразно рассмотреть следующие меры:

Введение в Закон о банкротстве специальной главы или норм, регулирующих процедуру совместного банкротства. Это позволит установить следующее.

1. Право супругов на подачу совместного заявления.
2. Особенности формирования конкурсной массы за счёт общего и личного имущества.
3. Чёткий порядок удовлетворения требований кредиторов, разделяя реестры общих и личных долгов.
4. Презумпцию общности долгов, возникших в период брака, с возможностью её оспаривания добросовестным супругом.

Синхронизация с семейным законодательством. Необходимо более чёткое определение в контексте банкротства понятий «общие нужды семьи» и «обязательства, обременяющие общее имущество». Это снизит уровень судебного усмотрения и повысит правовую определённость.

Закрепление процессуальных гарантий. Важно предусмотреть механизмы, защищающие имущественные права супруга, не являющегося должником, а также интересы несовершеннолетних детей, включая право на выдел доли из общего имущества до его реализации.

Таким образом, действующее законодательство о банкротстве не предоставляет адекватного механизма для разрешения финансовой несостоятельности семьи как единого экономического субъекта. Сформировавшаяся судебная практика, допускающая объединение дел, является временным и неполным решением, не устраняющим системные противоречия. Создание специальной, детально прописанной процедуры совместного банкротства супругов отвечало бы не только принципам процессуальной эффективности и экономии, но и задачам социальной справедливости, позволяя семьям в кризисной ситуации проходить реабилитационную процедуру целостно, с минимизацией издержек и максимальным учётом интересов всех сторон.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть первая) от 30 ноября 1994 г. №51-ФЗ (с изм. от 16 апреля 2022 г.) // Свод законов Российской Федерации. – 1994. – №32.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. №223-ФЗ (с изменениями от 19.12.2022) // Свод законов Российской Федерации. – 1995. – №52.
3. Федеральный закон от 26.10.2002 г. №127-ФЗ (с изменениями от 07.03.2018) «О несостоятельности (банкротстве)» // Свод законов Российской Федерации. – 2002. – №43.

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 №48 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Решение Арбитражного суда Новосибирской области по делу №А45-20897/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Решение Арбитражного суда Челябинской области по делу №А76-34330/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Несостоятельность (банкротство): учебный курс / под ред. С.А. Карелиной. – В 2 т. Т. 1. – М.: Статут, 2019. – 925 с.

Казанцев Роман Сергеевич
магистрант
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
г. Казань, Республика Татарстан

МЕХАНИЗМ ПРАВОВОГО ТАРИФНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация: *в статье выделена проблема сущности механизма правового тарифного регулирования, его места в системе права. Представлен анализ механизмов правового тарифного регулирования, которые применяются в Российской Федерации. Рассмотрены ключевые компоненты системы тарифного регулирования, включая структуру государственных регулирующих органов, а также нормативно-правовую базу. Уделено внимание методам государственного контроля за применением установленных тарифов.*

Ключевые слова: *тарифное регулирование, тарифы, правовые механизмы, государственные органы, регулятор.*

Тарифное регулирование представляет собой важнейший инструмент государственной экономической политики, направленный на обеспечение баланса интересов производителей и потребителей товаров и услуг в сферах деятельности субъектов естественных монополий, а также остросоциальным направлением деятельности государства. Актуальность исследования механизмов правового тарифного регулирования обусловлена необходимостью совершенствования существующих подходов формированию и установлению тарифов в условиях трансформации российской экономики и меняющихся внешних условий.

Цель настоящего исследования заключается в анализе действующих механизмов правового тарифного регулирования в Российской Федерации.

Важнейший аспект реализации тарифной политики – применяемый механизм тарифного регулирования [1, с. 68]. Под механизмом правового тарифного регулирования принято понимать следующее: 1) государственные органы тарифного регулирования, которые в зависимости от видов тарифов подразделяются на федеральный орган тарифного регулирования – Федеральная антимонопольная служба, а также органы тарифного регулирования субъектов Российской Федерации; 2) законодательство и методики тарифного регулирования, сюда же входят процедуры расчета и утверждения тарифов, а также их согласования с органом регулирования; 3) инструменты и методы государственного контроля за установлением и (или) применением регулируемых цен (тарифов).

Раскрывая вышеперечисленные механизмы тарифного регулирования, в первую очередь необходимо сказать о Федеральной службе по тарифам. Данная служба была создана в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 2004 года №332. Федеральная служба по тарифам являлась федеральным органом исполнительной власти, который был уполномочен осуществлять государственные регулирование цен, тарифов на товары и услуги в соответствии с законодательством РФ, а также контроль за их исполнением. Также, ФСТ осуществляла тарифное регулирование в области естественных монополий.

Дальнейшее развитие регулятора в области тарифов связано с упразднением Федеральной службы по тарифам. Согласно указу Президента РФ функции ФСТ были переданы Федеральной антимонопольной службе [2].

Органы тарифного регулирования субъектов РФ представлены в виде комитетов и создаются в соответствии с законодательством субъектов РФ для государственного регулирования цент (тарифов) на товары и услуги на территории субъектов РФ, а также контроля за их применением. Органы тарифного субъектов РФ в пределах своей компетенции обеспечивает реализацию единой ценовой и тарифной политики; участвуют в формировании государственной политики по ресурсосбережению; создают механизмы согласования баланса экономических интересов поставщиков (исполнителей) и потребителей регулируемых видов товаров и услуг.

Вторым элементом механизма правового тарифного регулирования является законодательство и методики тарифного регулирования. В данной области было издано множество нормативно-правовых актов, регулирующих установление цен (тарифов) на товары и услуги. Так, например, одним из первых был принят федеральный закон от 17.08.1995 №147-ФЗ «О естественных монополиях». Данный закон закрепил методы регулирования в области естественных монополий. В статье 6 данного закона указывается, что органами регулирования естественных монополий может использоваться такой метод, как ценовое регулирование, осуществляемое посредством определения (установления) цен (тарифов) или их предельного уровня [3].

В дальнейшем были приняты такие важнейшие нормативно-правовые акты как: Федеральный закон от 26.03.2003 №35-ФЗ «Об электроэнергетике»; Федеральный закон от 27.07.2010 №190-ФЗ «О теплоснабжении»; Федеральный закон от 07.12.2011 №416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении». В данных законах также указываются методы регулирования общественных отношений. Например, в сфере теплоснабжения используются такие методы как: метод экономически обоснованных расходов (затрат); метод индексации установленных тарифов; метод сравнения аналогов; метод обеспечения доходности инвестированного капитала.

Огромную роль в данном блоке играют подзаконные нормативные правовые акты. Среди них можно выделить постановление Правительства РФ от 22.10.2012 №1075 «О ценообразовании в сфере теплоснабжения», Постановление Правительства РФ от 13 мая 2013 г. №406 «О государственном регулировании тарифов в сфере водоснабжения и водоотведения» и др. Данные постановления важны, так как устанавливают основы ценообразования в регулируемых сферах, а также определенные правила по установлению тарифов, которые предусмотрены основами ценообразования.

Необходимо также упомянуть о приказах Федеральной службы по тарифам, которые продолжают действовать и по сей день. Данные приказы, содержат методические указания по расчету регулируемых тарифов и цен. В качестве примера можно привести Приказ ФСТ России от 06.08.2004 №20-э/2 [4].

Третьим аспектом механизма тарифного регулирования являются различные инструменты и методы за контролем за установлением и применением установленных тарифов. Так, например, данные методы можно найти в КоАП РФ. В частности, выделяется статья 14.6 КоАП РФ, которая предусматривает привлечение к административной ответственности за завышение или занижение регулируемых государством цен.

Также можно выделить такой инструмент, как проверка обоснованности затрат. Данный инструмент предполагает, что регулирующие органы обязаны исключать экономически необоснованные расходы из расчетов тарифов.

Правовое тарифное регулирование в Российской Федерации представляет собой комплексный механизм, занимающий особое положение на стыке административного и экономического права. Его значимость определяется ролью в обеспечении баланса интересов государства, хозяйствующих субъектов и потребителей. В современных условиях данный механизм выступает ключевым инструментом государственного воздействия на естественные монополии и социально значимые отрасли.

Особенность российской модели тарифного регулирования заключается в сочетании централизованного подхода с региональной спецификой через систему федеральных и региональных регуляторов. Это позволяет учитывать территориальные особенности при установлении тарифов на услуги ЖКХ, транспорта и энергетики.

Таким образом, механизм правового тарифного регулирования занимает стратегическое место в системе государственного управления экономикой России, обеспечивая устойчивое развитие инфраструктурных отраслей и социальную стабильность.

Подводя итог к вышесказанному, можно сделать вывод, что механизм правового тарифного регулирования является не только инструментом государственного воздействия на экономику, но и важнейшим фактором обеспечения баланса частных и публичных интересов.

Список литературы

1. Антимонопольное и тарифное регулирование в системе государственного контроля Российской Федерации: учебник / под ред. О.Ю. Кирилловой. – М.: Инфра-М, 2024. – С. 68.

2. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2015 №373 (ред. от 15.05.2018) «О некоторых вопросах государственного управления и контроля в сфере антимонопольного и тарифного регулирования» // Собрание законодательства РФ. – 27.07.2015. – №30. – Ст. 4571.

3. Федеральный закон от 17.08.1995 №147-ФЗ «О естественных монополиях» // Собрание законодательства РФ. – 21.08.1995. – №34. – Ст. 3426.

4. Приказ ФСТ России от 06.08.2004 №20-э/2 (ред. от 15.02.2022, с изм. от 22.01.2025) «Об утверждении Методических указаний по расчету регулируемых тарифов и цен на электрическую (тепловую) энергию на розничном (потребительском) рынке» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 01.11.2004. – №44.

Лавриненко Александра Александровна
канд. юрид. наук, доцент
Калининградский филиал ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД России»
г. Калининград, Калининградская область

ПОДХОДЫ К НАЧИСЛЕНИЮ СТИМУЛИРУЮЩИХ ВЫПЛАТ И ПРЕМИЙ: АНАЛИЗ ПОПРАВОК В ТРУДОВОЙ КОДЕКС РФ И ПОЗИЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА

Аннотация: *в статье рассмотрены подходы к материальному стимулированию работников с позиции соблюдения принципа справедливого вознаграждения за труд. Автор проводит анализ изменений, внесенных в статью 135 Трудового кодекса Российской Федерации, и позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в постановлении от 15 июня 2023 года.*

Ключевые слова: *трудовое право, работодатель, работник, оплата труда, стимулирующая выплата, премия, дисциплинарное взыскание, снижение размеров выплат.*

В условиях осложнения экономической ситуации в России, вызванного санкционным давлением ряда государств и геополитической напряженностью, для нашей страны важно наращивать темпы роста производства товаров, работ и услуг. В связи с этим в настоящее время одним из приоритетов остается повышение производительности труда, что позитивно влияет на бюджетную и социальную политику.

Для решения задач по достижению целей национального развития необходимо заботиться об улучшении положения в сфере труда, и прежде всего – о развитии кадрового потенциала. Следует обратить внимание на то, что для повышения эффективности производства недостаточно справиться с дефицитом кадров в тех или иных секторах экономики. Ключевым фактором роста уровня производительности труда сегодня является мотивация работников. А ее формирование во многом зависит от подходов работодателя к оценке результатов трудовой деятельности, в том числе в сфере материального стимулирования работников.

Материальное стимулирование, безусловно, относится к числу самых эффективных способов побуждения к выполнению функциональных обязанностей интенсивно и с наибольшей отдачей. Поэтому столь значимую роль играют в трудовом законодательстве нормы, регулирующие порядок оплаты труда, премирования, назначения надбавок стимулирующего характера.

1 сентября 2025 года вступили в силу внесенные в статью 135 Трудового кодекса Российской Федерации поправки, устанавливающие ограничения на снижение работодателем размера премий работникам, определяющие не только период, на который оно распространяется, но и его размер [1]. Основная цель осуществленных законодателем в данном случае изменений заключается в минимизации возможностей работодателя необоснованно лишать своих работников премий. Внедрение данных новаций вызвало на практике ряд вопросов, требующих разъяснений, связанных с отдельными понятиями и формулировками.

В первую очередь необходимо обратиться к постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июня 2023 года №32-П, которое и послужило основанием для внесения изменений к Трудовой кодекс. Дело в том, что часть вторая его 135-й статьи была признана не соответствующей Конституции, так как она порождала возможность произвольного установления работодателем правил исчисления отдельных выплат, входящих в состав заработной платы. Это обстоятельство позволяло без учета количества и качества затраченного труда, а также иных объективных критериев уменьшать размер заработной платы работника, имеющего неснятое (непогашенное) дисциплинарное взыскание. Причиной рассмотрения данного вопроса в Конституционном Суде стала жалоба гражданки Е.В. Царегородской, которая указала на отсутствие правовой основы для решения вопроса о лишении работника, имеющего неснятое (непогашенное) дисциплинарное взыскание, дополнительных (в том числе стимулирующих) выплат, входящих в состав его заработной платы, на весь срок действия дисциплинарного взыскания [2].

Из содержания жалобы Е.В. Царегородской следует, что в связи с наложенными на нее двумя дисциплинарными взысканиями в виде выговоров работодатель, начиная с момента наложения взыскания и вплоть до ее увольнения, выплачивал ей заработную плату, включающую только должностной оклад и надбавку за выслугу лет. Истец была лишена всех дополнительных выплат стимулирующего характера (они должны были начисляться с учетом оценки показателей эффективности ее труда, а также за осуществление деятельности по оказанию платных медицинских услуг) и иных стимулирующих выплат, предусмотренных для работников локальным нормативным актом. Кроме того, хотя и были предусмотрены, но не выплачивались единовременные денежные вознаграждения за добросовестное выполнение должностных обязанностей (по итогам календарного года, за месяц).

Следует обратить внимание на то, что понятия «стимулирующая выплата» и «премия» не являются равнозначными. Однако в вышеназванном постановлении Конституционный Суд относит к категории стимулирующих выплат как доплаты и надбавки стимулирующего характера, так и премии и иные поощрительные выплаты.

Отметим, что для начисления работнику как стимулирующих выплат, так и премий должны быть основания. Они закрепляются либо в ведомственном приказе вышестоящего органа управления, либо в локальном нормативном акте работодателя. Например, основаниями для назначения тех или иных стимулирующих выплат могут быть: осуществление дополнительных видов работ; выполнение работ сверх пределов нормы; соответствие работника установленным работодателем критериям; выполнение целевых показателей увеличения производительности труда; осуществление работ, приносящих дополнительный доход работодателю и др. Есть основания говорить о том, что назначение стимулирующих выплат является механизмом, побуждающим работников к увеличению объемов и качества своей трудовой деятельности. Поскольку существуют строго определенные основания для таких выплат (то есть фактически выполненная работа или достижение установленных работодателем показателей), наложенное на работника дисциплинарное взыскание не должно

становится поводом для снижения их размера или отказа в начислении. Это в полной мере соответствует принципу справедливого вознаграждения за труд в размере, соответствующем затраченным работником трудовым усилиям.

В отличие от стимулирующих выплат начисление премий имеет общую для всех организаций и предприятий специфику: как правило, это награда за добросовестное исполнение обязанностей в конкретный период времени. При этом такого рода выплаты не имеют прямой связи с исполнением работы сверх установленной нормы. Логичным является лишение работника премии за какой-либо период в случае совершения им в это время дисциплинарного проступка, который как раз и оказывается свидетельством ненадлежащего исполнения трудовой функции.

В пункте 2 резолютивной части вышеназванного постановления Конституционный Суд указал на то, что применение к работнику дисциплинарного взыскания за неисполнение или ненадлежащее исполнение по его вине возложенных на него трудовых обязанностей не может служить основанием для лишения этого работника на весь срок действия дисциплинарного взыскания стимулирующих выплат, входящих в состав его заработной платы (в частности ежемесячной или ежеквартальной премии и вознаграждения по итогам работы за год), или для произвольного снижения их размера, а также не является препятствием для начисления работнику дополнительных выплат. Однако содержание части 3 статьи 135 Трудового кодекса сформулировано несколько иначе. Работодателю предоставлено право предусматривать возможность снижения размера начисляемой работнику премии в связи с применением к нему дисциплинарного взыскания за совершение дисциплинарного проступка. Такое снижение допустимо в отношении только тех входящих в состав заработной платы работника премий, которые начисляются за период, в котором к работнику было применено дисциплинарное взыскание. При этом размер снижения премии не может приводить к уменьшению размера месячной заработной платы работника более чем на 20 процентов.

Таким образом, речь идет о том, что в измененной части статьи 135 Трудового кодекса акцент сделан на ограничении возможностей работодателей уменьшать исключительно премиальные выплаты. Исключения случаев лишения работников доплат и надбавок стимулирующего характера при наложении дисциплинарного взыскания статья 135 Трудового кодекса в новой редакции не предусматривает. Как верно отметил П.М. Смирнов, рассматриваемая норма отличается диспозитивностью, то есть предусматривает право, а не обязанность работодателя предусматривать в локальном нормативном акте условие снижения размера премии [3, с. 124].

Список литературы

1. Федеральный закон от 7 июня 2025 г. №144-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации».

2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июня 2023 г. №32-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 135 и части первой статьи 193 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е.В. Царегородской».

3. Смирнов П.М. Проблемные вопросы установления работодателем систем премирования / П.М. Смирнов // Закон и право. – 2025. – №10. – С. 122–126. DOI 10.24412/2073-3313-2025-10-122-126. EDN ZUFVNW

Писарева Анастасия Антоновна
студентка
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
г. Казань, Республика Татарстан

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ В КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Аннотация: *в статье анализируются понятия корпоративных правоотношений и злоупотребления правом, рассматриваются основные точки зрения на данные определения. Исследуется проблематика формулировки ст. 10 ГК РФ и правовые последствия ее применения. Предлагается определение злоупотребления правом в корпоративных правоотношениях и выделяются характерные признаки такого злоупотребления. Приведен пример толкования судами диспозиции ст. 10 ГК РФ и выявлены возможные решения проблемы единообразия судебной практики по вопросам квалификации действий субъекта права как злоупотребления.*

Ключевые слова: *злоупотребление правом, корпоративные правоотношения, нарушение, причинение вреда, полномочия.*

Диспозитивность правового регулирования в гражданском законодательстве выражается, в первую очередь, в предоставлении свободы субъектам правоотношений, проявляющейся в установлении, изменении и прекращении ими своих обязательств, осуществлении и защите своих прав и законных интересов. Принцип равенства в гражданских правоотношениях остается главенствующим, при этом такая свобода в выборе поведения лишь подтверждает необходимость соблюдения баланса прав и законных интересов участников отношений.

В связи с постоянным развитием экономики, расширением потребностей рынка и спроса, доступностью информации, увеличивается и количество юридических лиц, что приводит к постоянному развитию и широкому распространению корпоративных отношений.

Можно сказать, что подобные правоотношения возникли лишь недавно, в ходе перехода государства на рыночную экономику, в связи с чем отсутствует длительная и устойчивая законодательная, правоприменительная практика регулирования данных отношений. В связи с этим возникает почва для конфликтов, нарушений и злоупотреблений правом.

Для наибольшего погружения в тему исследования, представляется необходимым первоначально рассмотреть отдельно понятия корпоративных правоотношений и злоупотребления правом.

Если обращаться к этимологии слова «корпорация», то оно обозначает общность лиц или группу, союз по признаку совместного интереса, например, профессии или сословия. Такие союзы были известны еще Древнему Риму. В последствии данное слово было переработано и приобрело современное значение – это основанная на членстве или участии организация.

Важно отметить, что корпоративное право, регулирующее корпоративные правоотношения, самостоятельной отраслью не признано и является частью гражданского законодательства, чем объясняется диспозитивность регулирования и широкая свобода в определении предела полномочий. Данная подотрасль права получила свое развитие с одобрением Правительством Российской Федерации Концепции развития корпоративного законодательства до 2008 г., которая узаконивала статус корпораций, но не вводила понятия корпоративных правоотношений. Законодательное определение не введено и по настоящее время.

Соответственно, отсутствие легитимного понятия приводит к возможности широкого толкования. В научной литературе можно встретить определения в широком и узком смысле.

Так, в широком смысле это любая совместная (корпоративная) деятельность по достижению общих целей. В узком смысле, корпоративные отношения представляют собой отношения, связанные с участием учредителей в хозяйственных обществах по управлению и контролю за их деятельностью [7].

Помимо этого, Суханов Е.С. [5] разделяет корпоративные отношения на внутренние и внешние.

Но для целей нашего исследования остановимся на понятии, которое, как нам кажется, отражает основную суть правоотношений. Таким образом, корпоративные правоотношения – это общественные отношения по осуществлению совместной деятельности для достижения общих целей, выражающиеся в участии в управлении юридическим лицом. Иными словами, это деятельность по организации и управлению хозяйствующим субъектом.

Основополагающая норма, касающаяся злоупотребления субъектами своими правами, находится в Конституции Российской Федерации, которая сообщает о недопустимости нарушения прав и свобод других лиц при осуществлении прав и свобод человека и гражданина. ГК РФ конкретизирует эту норму и вводит законодательно более императивную конструкцию в ст. 10 ГК РФ [1] о недопустимости злоупотребления правом с исключительным намерением причинения вреда другому лицу, а также действий в обход закона с противоправной целью и иное заведомо недобросовестное поведение субъекта. Здесь же указаны и правовые последствия несоблюдения законодательной нормы в виде отказа в защите права субъекта, допустившего подобное поведение, полностью или частично.

При этом, по причине отсутствия дефиниции, данная норма носит оценочный характер. Ее конкретизация и толкование являются сложным интеллектуальным процессом, что приводит к разночтениям и отсутствию единообразия в правоприменительной практике. Важно отметить, что по этой причине участники гражданских правоотношений могут по-разному воспринимать одно и то же действие конкретного лица с позиции правомерности.

В то же время, в научной литературе встречается критика ст.10 ГК РФ. Так, например, Ветер Н.Ю. и Камышанский В.П. [6] в своей работе представляют запрет на злоупотребление правом принципом и называют представленные легальные формулировки неудачными, так как они не позволяют определить конкретные признаки злоупотребления правом. В то же время, авторы придерживаются мнения, что необходимость в закреплении легального определения отсутствует, ввиду оценочного характера содержания. С данной позицией сложно не согласиться.

Специфика категории злоупотребления правом заключается в том, что с одной стороны субъект действует в рамках своих правомочий и законного интереса. То есть лицо своим поведением, формально, правовые нормы не нарушает. С другой стороны, указанные поступки приводят к неблагоприятным последствиям в виде причинения вреда другому лицу и нарушению баланса правовых интересов. В данной ситуации наиболее ярко проявляется оценочный характер нормы, так как сложно сказать в каком месте располагается предел свободы осуществления гражданских прав в каждом конкретном случае.

В этой связи представляется подходящим высказывание Грибанова В.П [4]: «злоупотребление правом – это особый тип гражданского правонарушения, совершенного управомоченным лицом при осуществлении принадлежащего ему права, связанный с использованием недозволенных конкретных форм в рамках дозволенного ему законом общего типа поведения».

Помимо этого, можно сказать, что категория злоупотребления правом тесно связана с такими принципами как добросовестность и разумность. Первый принцип прямо упоминается в ст. 10 ГК РФ, не допускающей недобросовестного поведения. Принцип разумности означает соответствие действий субъекта и его решений понятиям добросовестности, моральным принципам, общим положениям логики и справедливости. Таким образом, не может признаваться злоупотреблением действия лица, который поступает добросовестно, в соответствии с моральными представлениями и в пределах своего права.

Исходя из изложенного, представляется излишним давать подробное определение злоупотребления правом, ввиду субъективности правовой нормы. Но для понимания сути следует назвать характерные признаки – это юридически недопустимое, недобросовестное и неразумное, но в то же время возможное поведение лица, участника гражданских правоотношений, совершаемое с целью извлечения личной выгоды, которое приводит к негативным

последствиям в виде намеренного причинения вреда другим субъектам, обществу или государству. Следовательно, данные действия всегда совершаются с умыслом.

На основании вышесказанного, на данном этапе работы представляется возможным перейти к рассмотрению определения злоупотребления правом в корпоративных правоотношениях. Нами было определено понятие корпоративных правоотношений и названы характерные черты злоупотребления правом. Если объединять эти два определения в одно, то можно вывести следующее: злоупотребление правом в корпоративных правоотношениях это определенный вариант поведения участника корпоративных правоотношений, осуществляемое в рамках его полномочий и с целью извлечения личной выгоды, но с прямым или косвенным умыслом на причинение вреда иному лицу, не соответствующее принципам разумности, добросовестности.

Данное определение помогает определить сущность такого явления и указывает на характерные признаки:

Во-первых, это субъектная принадлежность – злоупотребить правом может только участник корпоративных отношений.

Во-вторых, это действия в рамках собственных полномочий, так как нельзя злоупотреблять тем, чего не имеешь.

В-третьих, мотивация поведения субъекта направлена на достижение личной выгоды посредством причинения вреда – например, исключения неугодного участника из коллегиального органа.

Наконец, наличие умысла. На это указывает диспозиция ст. 10 ГК РФ, а именно упоминание исключительного намерения, противоправной цели и заведомо недобросовестного осуществления гражданских прав. Следовательно, злоупотребить правом случайно невозможно.

Подобное мнение можно встретить и у Колосова А.В. [8] По словам автора, корпоративным злоупотреблением будет считаться деятельность субъекта корпоративного права, направленная на нанесение ущерба корпорации или ее репутации, включающая в себя незаконное использование отдельных положений устава организации для своей личной выгоды.

Отсутствие единого подхода к вопросам квалификации действий субъекта как злоупотребления правом, а также четких критериев и признаков создают сложности не только к пониманию такого явления в целом, но и в правоприменительной практике судов. Решение данных вопросов целиком отнесено к субъективному восприятию и убеждению судей, что может привести не только к ошибочному признанию поведения лица злоупотреблением и отказу в его защите, но и, с другой стороны, нарушению гарантий соблюдения прав личности, которой причинен вред таким злоупотреблением.

Для решения этой проблемы, на наш взгляд, необходимо принять судебный разъяснительный акт, который мог бы обеспечить единообразие судебной практики по данным вопросам и установить объективные критерии злоупотребления правом в корпоративных правоотношениях.

Другим возможным решением, является внесение изменений в уставы юридических лиц, ограничивающих полномочия их участников для соблюдения прав и законных интересов остальных. Известны случаи, когда устав организации способствовал злоупотреблению правом со стороны участников. Так, суд квалифицировал определение в уставе или внутреннем документе акционерного общества места проведения общих собраний акционеров населенных пунктов, находящихся вне пределов Российской Федерации, как злоупотребление правом по смыслу ст. 10 ГК РФ [3]. Дополнительно суд разъяснил, что по смыслу норм Федерального закона «Об акционерных обществах» [2], возможные места проведения общих собраний акционеров должны определяться с учетом реальной возможности всех акционеров реализовать свое право на участие в собраниях. Определение в уставе общества мест проведения собрания вне пределов Российской Федерации или отдаленных населенных пунктов от местонахождения общества, создают возможность для воспрепятствования тем или иным акционерам участвовать в общих собраниях и является злоупотреблением правом.

Таким образом, для понимания сути явления и полноценного регулирования вопроса о злоупотреблении правом в корпоративных правоотношениях необходимо четко обозначить перечень признаков злоупотребления правом, которые будут являться составной частью легального определения.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994 №51-ФЗ // Российская газета. – 1994. – 8 дек. – №238–239.

2. Об акционерных обществах: Федеральный закон от 26.12.1995 №208-ФЗ // Российская газета. – 1995. – 29 дек. – №248.

3. Информационное письмо Президиума Высшего арбитражного суда «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» от 25.11.2008 №127 // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 26.02.2026).

4. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав / В.П. Грибанов. – М.: Статут, 2000. – С. 414.

5. Суханов Е.А. О Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации / Е.А. Суханов // Вестник гражданского права. – 2010. – №4. – С. 4–21.

6. Ветер Н.Ю. Злоупотребление правом: понятие, признаки, общая характеристика / Н.Ю. Ветер, В.П. Камышанский // Полиматематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2015. – №112.

7. Колонтаевская И.Ф. Понятие, природа, сущность и особенности корпоративных отношений / И.Ф. Колонтаевская // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. – 2019. – №1 (19). – С. 73–79. DOI 10.21777/2587-9472-2019-1-73-79. EDN VLSUDW

8. Колосов А.В. Злоупотребление корпоративными правами участниками хозяйственных обществ / А.В. Колосов // Право и управление. – 2024. – №9. – С. 73–76. DOI 10.24412/2224-9133-2024-9-73-76. EDN NYZVRH

Фирсова Наталья Григорьевна
специалист по охране труда
ООО «УК «Жилищный фонд»
г. Белгород, Белгородская область

DOI 10.31483/r-154331

ЦИФРОВЫЕ ЖУРНАЛЫ ИНСТРУКТАЖЕЙ С 2027 ГОДА: КАК ПОДГОТОВИТЬСЯ К РЕВОЛЮЦИИ В ОХРАНЕ ТРУДА УЖЕ СЕГОДНЯ

Аннотация: *в статье анализируются изменения трудового законодательства, связанные с обязательным переходом на электронные журналы инструктажей по охране труда с 2027 года. Рассматриваются преимущества цифровизации, возможные риски и предлагается практическая стратегия подготовки предприятий к новым требованиям.*

Ключевые слова: *охрана труда, электронные журналы инструктажей, цифровизация, законопроект №1103297-8, электронная подпись.*

Уже через полтора года бумажные журналы инструктажей по охране труда могут уйти в прошлое. Законопроект №1103297-8 [2], внесенный Правительством в Госдуму в декабре 2025 года, предполагает, что с 1 сентября 2027 года все документы о проведении инструктажей будут оформляться исключительно в электронном виде.

Для одних специалистов это долгожданное избавление от «бумажной писанины», для других – головная боль, связанная с внедрением новых систем и риском сбоев. Но и те, и другие сходятся в одном: готовиться к переменам нужно уже сейчас, чтобы 1 сентября 2027 года не стать заложником ситуации.

В этой статье разберем главные изменения, взвесим риски и предложим пошаговую стратегию перехода.

Что меняется и когда ждать.

Законопроект предлагает внести поправки в ч. 3 ст. 22.1 Трудового кодекса РФ [1]. Сейчас эта норма обязывает вести журналы регистрации инструктажей по охране труда исключительно на бумажном носителе.

Что предлагается:

– перевести в «цифру» документы, подтверждающие прохождение работниками всех видов инструктажей (вводный, первичный на рабочем месте, повторный, внеплановый);

– оформление будет осуществляться через цифровую платформу «работа в России»;

– подписывать документы можно будет усиленной квалифицированной электронной подписью (КЭП) [3] либо усиленной неквалифицированной подписью, выданной через инфраструктуру электронного правительства («Госключ») [3].

Важный нюанс: целевой инструктаж [4] (перед выполнением разовых работ, ликвидацией аварий и т. д.) пока остается «неприкасаемым» – его планируют оставить в бумажном или смешанном виде, так как он часто проводится в экстренных ситуациях.

Если закон будет принят (а судя по динамике, это вопрос времени), новые правила вступят в силу с 1 сентября 2027 года.

Почему это важно: *плюсы и скрытые угрозы.*

Ожидаемые преимущества.

Авторы законопроекта и эксперты рынка видят в цифровизации очевидные плюсы.

1. Прозрачность и защита от фальсификаций. Электронный документ сложнее подделать, чем бумажную «роспись». Каждая подпись будет иметь криптографическое подтверждение.

2. Автоматизация контроля. Система сама напомнит, что у сотрудника заканчивается срок действия инструктажа. Никаких забытых фамилий и просроченных допусков.

3. Экономия ресурсов на крупных предприятиях. Не нужно закупать, хранить и утилизировать тонны бумажных журналов.

Риски, *о которых молчат интеграторы.*

Однако у медали есть и обратная сторона. Переход на ЭДО в охране труда – это не просто установка программы. Это смена культуры безопасности [7].

Главные риски:

– технологический коллапс. Если на удаленном участке пропал интернет или сломался планшет – допуск сотрудника к работе парализован. Бумага в этом плане надежнее [6];

– человеческий фактор и саботаж. Работники могут потерять токены с подписями, передавать пароли коллегам или формально «пролистывать» инструкции, не вникая в суть. В суде это может обернуться признанием всей системы нелегитимной;

– юридическая уязвимость. Если будет доказано, что электронную подпись поставил не сам работник, а мастер за него, все документы могут признать ничтожными.

Дорожная карта: *готовимся к 2027 году.*

Кажется, что времени достаточно – почти полтора года. Но для крупного предприятия с разветвленной структурой этот срок пролетит незаметно. Чтобы войти в «цифру» безболезненно, разбейте подготовку на три этапа.

Этап 1. Аудит и выбор платформы (2026 год).

Не ждите сентября 2027 года. Начинайте сейчас.

Проведите ревизию. Посчитайте, сколько видов инструктажей и как часто вы проводите. Сколько сотрудников будут охвачены.

Изучите рынок. Протестируйте портал «Работа в России», а также коммерческие системы КЭДО (кадрового электронного документооборота). Они должны интегрироваться с вашей текущей HR-системой.

Рассчитайте бюджет. Выпуск электронных подписей, покупка планшетов для мастеров, обучение – все это стоит денег.

Этап 2. Пилотный запуск (2026 – начало 2027 года).

Не пытайтесь объять необъятное. Запустите «цифру» в одном цехе или отделе.

Отработайте механизм. Как выдавать подписи? Как фиксировать ознакомление? Кто отвечает за сохранность токенов?

Разработайте ЛНА. Создайте локальный нормативный акт об электронном документообороте, где пропишите личную ответственность работника за ключи подписи. Это станет вашим щитом при проверках ГИТ.

Соберите обратную связь. Узнайте у пилотной группы, с какими трудностями они столкнулись, и устраните «узкие места».

Этап 3. Масштабирование (2027 год).

За полгода до дедлайна начинайте тиражировать успешный опыт на все подразделения.

Обучите персонал. Проведите разъяснительную работу. Объясните, что это не слежка, а удобство и защита их прав.

Настройте мониторинг. Внедрите систему контроля сроков, чтобы видеть полную картину в режиме онлайн.

Отказывайтесь от бумаги. К 1 сентября 2027 года оставьте бумажные журналы только там, где это технически невозможно заменить (или для целевых инструктажей, если они останутся в «аналоге»).

Взгляд в будущее.

Цифровизация инструктажей [8] – это лишь часть глобального тренда. Параллельно с 1 марта 2026 года вводится электронное оформление справок о степени утраты трудоспособности, а с 1 сентября 2026 года станут обязательными электронные личные медицинские книжки. Государство последовательно движется к созданию единой цифровой среды контроля за безопасностью труда.

Для специалиста по охране труда это означает смену роли: от «писаря» с кипой бумаг к аналитику и системному администратору процессов безопасности. И лучше быть к этому готовым уже сегодня.

Список литературы

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 №197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – №1 (ч. 1). – Ст. 3.

2. О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации (в части ведения документов и регистров по охране труда в электронном виде): проект федерального закона № 1103297-8 // Система обеспечения законодательной деятельности ГАС «Законотворчество».

3. Об электронной подписи: Федеральный закон от 06.04.2011 №63-ФЗ // Российская газета. – 2011. – №75.

4. Об утверждении Порядка обучения по охране труда и проверки знания требований охраны труда: Постановление Правительства РФ от 24.12.2021 №2464 // Собрание законодательства РФ. – 2022. – №1 (ч. III). – Ст. 78.

5. Афонина А.А. Электронный кадровый документооборот и охрана труда: риски и перспективы внедрения / А.А. Афонина // Справочник специалиста по охране труда. – 2025. – №11. – С. 24–31.

6. Шестакова Е.В. Цифровизация трудовых отношений: новые вызовы для работодателя / Е.В. Шестакова // Трудовое право в России и за рубежом. – 2025. – №3. – С. 42–45.

7. Калинин И.В. Информационная безопасность в системах электронного документооборота предприятий / И.В. Калинин. – М.: Юрайт, 2024. – 215 с.

8. Паспорт федерального проекта «Цифровое государственное управление» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, протокол от 28.05.2025 №12) // Министерство цифрового развития РФ.

Чапкина Надежда Анатольевна
канд. экон. наук, заведующий кафедрой
Кочетова Вероника Сергеевна
студентка

ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет»
г. Магадан, Магаданская область

DOI 10.31483/r-154757

ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРЕ

Аннотация: *целью исследования является анализ регулирования трудовых отношений и социальной защиты населения на Севера. Рассмотрено влияние климатических факторов на трудовые отношения в северных регионах. Выделены особенности трудового законодательства, а также экономические аспекты регулирования труда и социально-экономического положения работников в условиях Крайнего Севера. Подробно рассмотрены вопросы социальной защиты работников в северных регионах. Особое внимание уделено аспектам регулирования трудовых отношений как в России, так и в Магаданской области. Выявлены проблемы, а также рассмотрены перспективы развития трудового законодательства и социальной защиты населения в северных регионах.*

Ключевые слова: *трудовые отношения, районы Крайнего Севера, социальная защита, льготы, правовое регулирование.*

Тема экономико-правовых аспектов регулирования трудовых отношений и социальной защиты населения на Севере является актуальной и значимой для обеспечения устойчивого развития регионов, сохранения их трудового потенциала и обеспечения социальной справедливости. Северные регионы характеризуются особыми климатическими условиями, которые оказывают влияние на трудовые отношения, экономическое развитие и социально-экономическое положение работников.

Целью исследования является анализ особенностей трудового законодательства, экономических аспектов регулирования труда и социально-экономического положения работников в условиях Крайнего Севера. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

– изучить влияние климатических факторов на трудовые отношения в северных регионах;

– рассмотреть экономические аспекты регулирования труда на Севере;

– оценить социально-экономическое положение работников в условиях Крайнего Севера;

– выявить проблемы и перспективы развития трудового законодательства и социальной защиты населения в северных регионах.

Особенностями труда на Крайнем Севере являются следующие: климатические факторы и их влияние на трудовые отношения; экономические аспекты регулирования труда на Севере; социально-экономическое положение работников в условиях Крайнего Севера.

Климатические условия Севера оказывают существенное влияние на трудовые отношения и требуют особого подхода к регулированию труда. К основным климатическим факторам, влияющим на трудовые отношения, можно отнести [1]:

– экстремальные погодные условия (сильные морозы, ветра, снегопады, полярная ночь и день), которые могут привести к снижению производительности труда, увеличению заболеваемости и травматизма;

– сезонность работ (летний и зимний периоды), которая требует адаптации трудовых отношений к изменяющимся условиям;

– удаленность от центров цивилизации, которая может привести к изоляции работников и снижению качества их жизни.

Для обеспечения эффективной работы в северных регионах необходимо учитывать климатические факторы и адаптировать трудовые отношения к ним.

Экономические аспекты регулирования труда на Севере включают в себя следующие направления:

– оплата труда (установление северных надбавок, районных коэффициентов, дополнительных гарантий и компенсаций);

– условия труда (обеспечение безопасности и охраны труда, создание комфортных условий для работы);

– трудовые гарантии (предоставление отпусков, гарантий и компенсаций при увольнении).

Экономические аспекты регулирования труда на Севере должны учитывать особенности региона и обеспечивать справедливые и эффективные трудовые отношения.

Социально-экономическое положение работников в условиях крайнего Севера характеризуется следующими особенностями:

– низкий уровень жизни (высокие цены на товары и услуги, ограниченный доступ к социальным услугам);

– проблемы с жильем (нехватка жилья, высокие цены на аренду);

– проблемы с образованием и здравоохранением (нехватка школ, больниц, высокие цены на услуги).

Для улучшения социально-экономического положения работников в условиях крайнего Севера необходимо разработать и реализовать комплекс мер, направленных на повышение уровня жизни, обеспечение доступности социальных услуг и улучшение жилищных условий.

Таким образом, экономико-правовые аспекты регулирования трудовых отношений и социальной защиты населения на Севере требуют особого подхода, учитывающего климатические факторы, экономические условия и социально-экономическое положение работников. Для обеспечения эффективной работы в северных регионах необходимо разработать и реализовать комплекс мер, направленных на адаптацию трудовых отношений к климатическим условиям, повышение уровня жизни работников и обеспечение доступности социальных услуг. Социальной защита работников в северных регионах включают: государственные программы поддержки работников; социальные гарантии и льготы для северян; профсоюзы в защите трудовых прав.

В северных регионах государственные программы поддержки работников играют важную роль в обеспечении социальной защиты населения. Они направлены на улучшение условий труда, повышение уровня жизни и обеспечение социальной справедливости.

Одной из основных программ является система государственных гарантий и компенсаций для работников, занятых в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. Эти гарантии включают в себя: дополнительный оплачиваемый отпуск; сокращенную рабочую неделю; оплату проезда к месту отпуска и обратно; выплату районных коэффициентов и процентных надбавок к заработной плате.

Кроме того, в северных регионах действуют различные социальные программы, направленные на поддержку семей с детьми, инвалидов, пенсионеров и других категорий населения. Эти программы включают в себя предоставление льгот на оплату жилья и коммунальных услуг, субсидии на приобретение жилья, бесплатное питание в школах и детских садах, бесплатное медицинское обслуживание и другие меры социальной поддержки.

Социальные гарантии и льготы для северян являются важным элементом системы социальной защиты населения в северных регионах. Они включают в себя: обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний; обязательное медицинское страхование; пенсионное обеспечение; социальное обслуживание [3].

Кроме того, в северных регионах действуют различные программы поддержки занятости населения, направленные на создание новых рабочих мест, повышение квалификации и переобучение работников, поддержку малого и среднего бизнеса.

Профсоюзы играют важную роль в защите трудовых прав работников в северных регионах. Они представляют интересы работников перед работодателями и органами власти, контролируют соблюдение трудового законодательства, организуют коллективные переговоры и заключают коллективные договоры, проводят массовые акции протеста в случае нарушения прав работников.

Однако, несмотря на все усилия государства и профсоюзов, проблемы в сфере социальной защиты населения в северных регионах сохраняются. Это связано с рядом факторов, включая:

– удаленность северных регионов от центральных районов страны;
– суровые климатические условия;
– высокая стоимость жизни;
– слабая развитость инфраструктуры.

Для решения этих проблем необходимо разработать и реализовать комплекс мер, направленных на повышение уровня жизни населения, улучшение условий труда, развитие социальной инфраструктуры, поддержку малого и среднего бизнеса, повышение квалификации и переобучение работников.

Таким образом, государственные программы поддержки работников, социальные гарантии и льготы, деятельность профсоюзов в защите трудовых прав являются важными механизмами социальной защиты населения в северных регионах. Однако для повышения эффективности этих механизмов необходимо учитывать специфику северных регионов и разрабатывать меры, адаптированные к их условиям [4].

Рассмотрим аспекты регулирования трудовых отношений. В условиях Севера, где климатические и географические особенности создают дополнительные вызовы для работников и работодателей, особое внимание уделяется регулированию трудовых отношений и социальной защите населения.

Действующее трудовое законодательство в России включает в себя ряд нормативных актов, регулирующих трудовые отношения и социальную защиту населения. Среди них можно выделить:

– Трудовой кодекс Российской Федерации (ТК РФ);
– Федеральные законы и подзаконные акты, конкретизирующие и дополняющие ТК РФ;
– Коллективные договоры и соглашения, устанавливающие дополнительные гарантии и компенсации для работников.

В условиях Севера особое внимание уделяется гарантиям и компенсациям, связанным с климатическими условиями, такими как повышенная оплата труда, дополнительные отпуска, сокращенное рабочее время и другие.

Трудовые договоры в условиях Севера имеют свои особенности, связанные с климатическими и географическими условиями. Среди них можно выделить:

– установление дополнительных гарантий и компенсаций для работников, связанных с климатическими условиями;
– учет особенностей рабочего времени и времени отдыха, связанных с коротким световым днем и полярной ночью;
– установление особых требований к условиям труда, связанным с холодом, ветром и другими природными факторами.

Судебная практика по трудовым спорам в северных регионах показывает, что суды уделяют особое внимание соблюдению прав работников, связанных с климатическими условиями. Среди наиболее частых категорий трудовых споров можно выделить: споры о размере заработной платы и других выплат; споры о предоставлении гарантий и компенсаций; споры о соблюдении условий труда.

Таким образом, регулирование трудовых отношений и социальная защита населения на Севере требуют особого внимания к экономико-правовым аспектам. Действующее трудовое законодательство устанавливает гарантии и компенсации, связанные с климатическими условиями, а судебная практика показывает, что суды уделяют особое внимание соблюдению прав работников. Однако, несмотря на это, остаются некоторые проблемы, связанные с соблюдением трудовых прав работников в северных регионах. Например, некоторые работодатели могут не предоставлять установленные гарантии и компенсации или не соблюдать условия труда.

Например, в Магаданской области могут действовать [5]:

– оплата труда с применением районного коэффициента (данная льгота регулируется главным образом законом №4520–1, иными федеральными НПА, письмом Департамента по вопросам пенсионного обеспечения Минтруда РФ от 09.06.2003 г. №1199–16);

– оплата труда с применением северных надбавок (регулируется законом №4520-1, приказом Минтруда №2, иными федеральными НПА) [3];

– дополнительный оплачиваемый отпуск (регулируется законом №4520-1, ТК РФ) [6];

– компенсацию проезда к месту проведения отпуска (регулируется законом №4520–1, ТК РФ) [6];

– льготы, связанные с медобслуживанием (регулируются законом №4520-1, ТК РФ);

– льготы для работников, имеющих детей (регулируются ТК РФ);

– сокращенная рабочая неделя (регулируется ТК РФ);

– гарантии и компенсации при ликвидации предприятий и сокращениях (регулируются ТК РФ);

– жилищные субсидии (регулируются законом «О жилищных субсидиях» от 25.10.2002 №125-ФЗ, иными федеральными НПА);

– льготы при выходе на пенсию (регулируются законом «О страховых пенсиях» от 28.12.2013 №400-ФЗ, законом «О трудовых пенсиях» от 17.12.2001 №173-ФЗ).

В Магаданской области существуют различные региональные меры социальной поддержки. Некоторые из них включают:

– дополнительное пособие на детей: предоставляется семьям с детьми для поддержки их материального благополучия. Размер пособия зависит от количества детей в семье и от доходов семьи;

– льготная выплата на детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: полагается на детей, потерявших родителей, и является дополнительной социальной поддержкой в определенном размере;

– льготы на оплату жилья и коммунальных услуг: гражданам с низкими доходами предоставляются субсидии или компенсации на оплату жилищно-коммунальных услуг (электричество, газ, вода, отопление и т. д.);

– льготы на проезд: различные категории граждан, включая пенсионеров и инвалидов, могут иметь право на льготы на проезд в общественном транспорте. Может предоставляться бесплатная проездная карта или существовать скидка на проездной билет;

– льготы на получение медицинской помощи: гражданам может быть предоставлена льготная медицинская помощь, включая бесплатное или льготное обслуживание и скидки на лекарства;

– льготы на получение поддержки при инвалидности: людям с ограниченными возможностями предоставляются различные льготы и социальная поддержка, включая пособия, предоставление медицинских услуг и технических средств реабилитации.

Таким образом, экономико-правовые аспекты регулирования трудовых отношений и социальной защиты населения в северных регионах требуют особого внимания. Необходимо учитывать климатические факторы, экономические условия и социально-экономическое положение работников для разработки и реализации комплекса мер. Государственные программы поддержки, социальные гарантии, льготы и деятельность профсоюзов играют

важную роль в защите трудовых прав. Однако для повышения их эффективности требуется адаптация к специфике северных регионов. Действующее трудовое законодательство устанавливает компенсации и гарантии, связанные с климатическими условиями, но остаются проблемы с их соблюдением работодателями. Это требует совершенствования законодательства и практики правоприменения для обеспечения прав работников и создания благоприятных условий для их труда и жизни.

Список литературы

1. «1С:Предприятие»: Работа в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. – URL: https://its.1c.ru/db/stafft/content/34527/hdoc (дата обращения: 13.03.2026).

2. Льготы работникам Крайнего Севера представлены весьма ощутимыми объемами социальных благ. – URL: https://nalognalog.ru/lgoty_garantii_i_kompensacii/kakie_polagayutsya_lgoty_rabotnikam_krajnego_severa-23/ (дата обращения: 13.03.2026).

3. О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях: Закон РФ от 19 февраля 1993 г. №4520-1 // Постановление ВС РФ. – 1993. – №4521-1.

4. Об утверждении Руководства по соблюдению обязательных требований трудового законодательства. Гарантии и компенсации работникам в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях: приказ Роструда №123 от 13.05.2022 г. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421256/a0fb7eebe29e68c928930644e339e1267494689d/ (дата обращения: 13.03.2026).

5. Правительство Магаданской области. Меры социальной поддержки. – URL: https://www.49gov.ru/search/index.php?doc_date_4=&doc_date_to_4=&site_id_4=1&source_id_4=14&tag_id_4=112&q_4=меры+социальной+поддержки&from_4=25 (дата обращения: 13.03.2026).

6. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 30 дек. 2001 г. №197-ФЗ // Российская газета. – 2001. – №256.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Андрющенко Мария Алексеевна
студентка
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА, ПОЛУЧЕННОГО ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ, КАК ИНСТРУМЕНТА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация: *анализируется эффективность конфискации имущества как инструмента борьбы с экономической преступностью. На основе данных МВД, ФНС и Судебного департамента за 2021–2024 гг. выявлены дисфункции: низкий процент изъятия активов, длительность процедур, сложность доказывания происхождения имущества. Предложены пути оптимизации: внедрение гражданской конфискации, совершенствование межведомственного обмена и развитие института управления конфискованным имуществом. Результаты имеют значимость для лишения преступников экономической основы.*

Ключевые слова: *экономическая безопасность, конфискация имущества, преступные доходы, легализация (отмывание) денежных средств, Росфинмониторинг.*

В условиях глобализации и цифровизации экономики преступные схемы становятся все более изощренными, а объемы незаконно полученных активов исчисляются триллионами рублей. Конфискация имущества, полученного преступным путем, выступает не просто карательной санкцией, а стратегическим инструментом экономической безопасности, направленным на лишение преступников финансовой основы и возмещение ущерба обществу и государству.

Научная новизна заключается в комплексном анализе статистики, судебной практики и проблем изъятия активов, включая криптовалюты и международные схемы.

Целью исследования является оценка современной эффективности конфискации имущества как инструмента обеспечения экономической безопасности, выявление системных проблем в правовом регулировании и правоприменении и разработка научно обоснованных путей оптимизации данного института.

Задачи исследования.

8. Проанализировать официальную статистику по возбужденным уголовным делам, аресту и конфискации имущества за последние годы.

9. Выявить основные правовые и организационные проблемы, препятствующие эффективному изъятию преступных доходов.

10. Предложить ряд мер по оптимизации процедур конфискации, включая возможное внедрение гражданской конфискации.

Гипотеза: низкая эффективность конфискации связана с системными проблемами правоприменения: фрагментарностью межведомственного взаимодействия, сложностью доказывания и отсутствием стратегии управления активами.

Для оценки эффективности конфискации необходимо проанализировать масштабы преступности, генерирующей незаконные доходы, и практику применения данной меры судами. Согласно данным Судебного департамента за 2024 год, по коррупционным составам осуждено 10765 лиц. По статьям о взяточничестве (ст. 290–291.2 УК РФ) осуждено 7353 человека. Однако конфискация имущества (ч. 1 ст. 104.1 УК РФ) назначена лишь 617 осужденным по всем коррупционным составам. По ст. 290 УК РФ из 1633 осужденных конфискация применена к 331, по ст. 291 УК РФ – к 118 из 2521 [2].

Эти цифры свидетельствуют о значительном разрыве между числом осужденных за преступления, сопряженные с незаконным обогащением, и частотой применения инструмента, прямо направленного на изъятие преступных доходов. Даже в делах о взяточничестве, где денежный характер предмета преступления очевиден, конфискация назначается менее чем в 20–25% случаев по ст. 290 и лишь в районе 5% случаев по ст. 291. Данные можно наглядно представить в следующей таблице.

Данные показывают, что значительная доля коррупционных преступлений связана с крупными и особо крупными суммами. Например, по ст. 290 УК РФ 873 осужденных получили взятки на сумму от 150 тыс. до 1 млн рублей, а 307 человек – свыше 1 млн рублей. По ст. 291 УК РФ 304 человека дали взятки в размере от 150 тыс. до 1 млн руб., 95 – свыше 1 млн руб. При этом конфискация, как видно из таблицы, применяется к существенно меньшему числу лиц, что косвенно указывает на проблемы с доказательством связи между конкретными активами и преступлением. Такой разрыв между масштабами преступных доходов и скромными результатами по их изъятию сигнализирует о глубоких системных дисфункциях в механизме конфискации.

Проведенный анализ статистики и правоприменительной практики позволяет выявить комплекс взаимосвязанных проблем, препятствующих эффективному изъятию преступно нажитых активов. Основной барьер заключается в необходимости установить и доказать в рамках уголовного судопроизводства преступное происхождение конкретного имущества (ст. 104.1 УК РФ). После длинных цепочек транзакций установить криминальный источник средств часто невозможно, поэтому суды отказывают в конфискации при недостаточности доказательств.

Серьезным препятствием является длительность и сложность процедур. Уголовный процесс, включая стадии предварительного расследования и судебного разбирательства, характеризуется значительной продолжительностью. За это время обвиняемые (подозреваемые) получают возможность вывести, скрыть или легализовать активы.

Эффективность также подрывает фрагментарность межведомственного взаимодействия и обмена информацией. Выявление и отслеживание преступных активов требует оперативного обмена данными между правоохранительными органами (МВД, СКР, ФСБ), финансовой разведкой (Росфинмониторинг), Федеральной налоговой службой, службой судебных приставов, регистрирующими органами (Росреестр) и кредитными организациями. Отсутствие единой цифровой платформы, агрегирующей данные о бенефициарном владении, движении средств по счетам, операциях с недвижимостью и иным ценным имуществом.

Еще одной проблемой является отсутствие эффективного механизма управления арестованным и конфискованным имуществом. Ограниченность международного сотрудничества затрудняет возврат активов, выведенных за рубеж, из-за сложных процедур и различий в правовых системах. Политические факторы и различия в правовых системах также создают дополнительные барьеры для возврата активов в Российскую Федерацию.

Для преодоления выявленных системных дисфункций необходим всесторонний подход, направленный на совершенствование как законодательства, так и правоприменительных процедур с активным использованием цифровых технологий. Наиболее действенным решением многих процессуальных проблем видится заимствование международного опыта и введение в российское законодательство института гражданско-правовой (необвинительной) конфискации. Внедрение такой меры потребует разработки отдельного федерального закона, четко определяющего процедуры, критерии «необъяснимого богатства» и гарантии прав ответчика.

Важнейшим направлением является создание единой государственной информационной системы отслеживания активов. Требуется разработка и внедрение федеральной платформы, интегрированной с базами данных Росфинмониторинга, ФНС, Росреестра, ФССП, ГИБДД, реестром юридических лиц.

Параллельно необходимо развитие института профессионального управления арестованным и конфискованным имуществом. Требуется законодательное закрепление механизма назначения внешних государственных или лицензированных частных управляющих для

сложных активов (бизнесы, ценные бумаги, объекты недвижимости), на которые наложен арест.

Конфискация имущества, добытого преступным путем, остается недостаточно эффективно используемым инструментом. Статистика судимости за коррупционные преступления демонстрирует значительные масштабы явления, но данные о применении конфискации свидетельствуют о глубоком разрыве между числом осужденных и частотой применения этой меры.

Центральным элементом изменений должно стать введение гражданской конфискации, подкрепленное цифровой экосистемой отслеживания активов, институтом управляющих и развитием международного сотрудничества. Реализация предложенных мер трансформирует конфискацию в реальный инструмент защиты экономического суверенитет.

Список литературы

1. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. Раздел «Статистика». – URL: https://мвд.рф/reports (дата обращения: 11.12.2025).

2. Официальные статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Форма №10.4.1 за 2024 год «Отчет о результатах рассмотрения уголовных дел по отдельным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации…». – URL: https://cdep.ru/index.php?id=150 (дата обращения: 11.12.2025).

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 24.02.2025). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 11.12.2025).

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 24.02.2025). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 11.12.2025).

Галимова Лейсан Мансуровна
студентка
Научный руководитель
Артеменко Наталья Николаевна
канд. юрид. наук, доцент, старший научный сотрудник

Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»
г. Казань, Республика Татарстан

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

Аннотация: *актуальность данной темы не подлежит сомнению, поскольку коррупция – одна из наиболее острых проблем любого времени, которая оказывает деструктивное влияние на экономическое развитие государств, социальное благополучие и доверие к институту власти. Правоохранительные органы, являясь основным институтом в вопросах расследования, выявления и предотвращении коррупционных правонарушений, выступают в качестве органа, поддерживающего правопорядок в обществе. Цифровизация существенно трансформировала их деятельность, позволяя проще выявлять преступные схемы, анализировать большие массивы данных за кратчайшие сроки, выявлять потенциальные риски и повышать прозрачность государственных процессов. Являясь одним из самых успешных субъектов Российской Федерации в контексте цифровизации, Республика Татарстан реализовала комплекс инициатив, направленных на противодействие коррупции посредством применения ИКТ. Среди успешных практик можно выделить внедрение программ «Контурная безопасность», «Цифровой ревизор», «Правовой контроль» в администрации города Казани.*

Ключевые слова: *цифровизация, антикоррупционная политика, Республика Татарстан, цифровой ревизор, правовой контроль, контурная безопасность.*

Под цифровизацией публичного управления понимается деятельность органов публичной власти по управлению соответствующими сферами общественных отношений и секторами экономики с использованием цифровых и информационно-коммуникационных технологий. Внедрение цифровых технологий способствует оптимизации управленческих процессов, обеспечивает более высокий уровень подотчетности и контроля, тем самым снижая коррупционные риски и укрепляя доверие граждан к государственным структурам [1].

Коррупция, являясь противоправным деянием, оказывает угнетающее воздействие на функционирование почти всех сфер жизнедеятельности человека, дестабилизирует работу различных структур и подрывает доверие к государственным институтам. Эффективность антикоррупционных мер, реализуемых в Республике Татарстан, доказывает проведенный опрос и статистический анализ, составленный на основании его результатов. В Татарстане наблюдается положительная динамика среди респондентов: доля граждан, столкнувшихся с коррупцией в 2024 году (9,6%) более чем в два раза ниже, чем в 2010 году (21%), помимо этого снизился и процент граждан, готовых пойти на подобное преступление [2].

Министерство цифрового развития государственного управления, информационных технологий и связи Республики Татарстан 20 января 2025 года на своем официальном сайте опубликовало отчет о достижениях в рамках национального проекта. Особое внимание уделено колоссальным успехам республики в области цифровизации, поскольку удалось перевести 100% государственных и муниципальных услуг в электронный формат и был проведен реинжиниринг 140 услуг [3].

На интернет-платформе «Открытый Татарстан» предоставляется возможность для широкой аудитории в любое удобное время ознакомиться с отчетами различных ведомств, в том числе о результатах проведения антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов и их проектов на региональном и муниципальных уровнях. К примеру, в 2025 году в Татарстане было подвергнуто проверке 381 проект и 23 НПА, причем 14 проектов не прошли антикоррупционную экспертизу вследствие выявления в них коррупциогенных факторов[4].

В 2022 году в администрации города Казани внедрили в работу цифровые системы для минимизации коррупционных рисков, среди которых «Контурная безопасность», предназначенная для предотвращения случаев корыстной заинтересованности государственных служащих в процессах государственных закупок и градостроительной деятельности; «Цифровой ревизор», осуществляющий мониторинг деятельности муниципальных контрольно-надзорных органов, что привело к более чем двукратному сокращению их объема загруженности; «Правовой контроль», представляющий возможность анализа судебной документации. Инновационные решения позволяют своевременно выявлять и предотвращать аномалии в финансово-экономической деятельности, особенно в случаях значительного увеличения денежных сумм в годовых отчетах в сравнении с устойчивыми показателями предыдущих годов. Советник мэра по вопросам противодействия коррупции Киям Беляев подчеркивает, что снижение прямого контакта между государственными служащими и гражданами способствует снижению «бытовой коррупции» [5].

9 октября 2025 года в Казанском Кремле прошло заседание круглого стола, посвященное актуальному функционированию ГИС РТ «Народный контроль», темой обсуждения которого были вопросы взаимодействия между населением и органами государственной власти с целью разрешения актуальных и значимых для республики вопросов и проблем, а также профилактике нарушений коррупционного характера в работе органов государственной власти и местного самоуправления. Отмечается, что в данной системе в 2015 году было введено направление «Противодействие коррупции», который включает в себя 17 категорий, охватывающий широкий спектр сфер деятельности, среди которых сфера государственных закупок, информатизации и иные. На основании предоставленных статистических данных, по данному направлению было зарегистрировано 342 уведомления от граждан из общего количества равного 69.554 уведомлений, из которых наибольшее поступило из Казани, что свидетельствует об активной гражданской позиции жителей столицы республики. По итогам обсуждения было принято решение о проведении 20 октября 2025 года просветительской передачи для повышения уровня правовой грамотности населения [6]. В дополнение к

вышеуказанным мерам, Комиссия по координации работы по противодействию коррупции в Республике Татарстан разработала и опубликовала памятку для граждан, содержащую руководство по поведению и ситуациях, связанных с незаконными действиями и злоупотреблениями полномочий.

Таким образом, Республика Татарстан, являясь одним из лидеров в сфере цифровизации, одной из первых внедряет новейшие технологии во все сферы жизнедеятельности. Анализ показал, что Республика Татарстан достигла значительных успехов в борьбе с коррупцией посредством внедрения программ «Контурная безопасность», «Цифровой ревизор», «Правовой контроль» в администрации города Казани, обеспечению эффективной работы ГИС РТ «Народный контроль». Эффективность этих мер подтверждается результатами опроса среди населения, которые показывают снижение уровня их столкновения с коррупционными проявлениями.

Список литературы

1. Цифровизация публичного управления: учебное пособие / С.Н. Костина [и др.] под ред. С.Н. Костиной. – Екатеринбург: Уральский федеральный университет, 2022. – С. 8.

2. В Татарстане процент опрошенных, столкнувшихся с коррупцией, снизился до 9,6% // Коммерсантъ: сайт. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/7677250 (дата обращения: 16.10.2025).

3. Национальный проект «Цифровая экономика» – ключ к успешному будущему: отчет Минцифры РТ: Официальный Татарстан: сайт. – URL: https://digital.tatarstan.ru/index.htm/news/2378322.htm (дата обращения: 19.10.2025).

4. Отчеты ведомств // Открытый Татарстан: сайт. -- URL: https://open.tatarstan.ru/reports/categories/10172183/reports/28457 (дата обращения: 19.10.2025).

5. В Казани внедрены информационные системы, отслеживающие и снижающие коррупционные риски // Официальный портал Казани: сайт. – URL: https://kzn.ru/meriya/press-tsentr/novosti/v-kazani-vnedreny-informatsionnye-sistemy-otslezhivayushchie-i-snizhayushchie-korruptsionnye-riski/ (дата обращения: 19.10.2025).

6. В Казанском Кремле проведен круглый стол по работе ГИС РТ «Народный контроль» // Официальный Татарстан: сайт. – URL: https://anticorruption.tatarstan.ru/index.htm/news/2458237.htm (дата обращения: 19.10.2025).

Некрасов Александр Петрович
д-р юрид. наук, профессор, профессор
ФКОУ ВО «Самарский юридический институт ФСИН России»
г. Самара, Самарская область

ВИДЫ МЕР ПРОФИЛАКТИКИ ЗА УКЛОНЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ

Аннотация: *в статье рассмотрены вопросы профилактики от уклонения от отбывания наказания в уголовно-исполнительной политике. Автор исследовал системный воспитательный процесс в местах лишения свободы и приходит к выводу, что сотрудникам УИС необходимо глубже изучать психологические навыки осужденных, и их девиантное поведение, что будет способствовать им более эффективного предупреждения правонарушения и преступления на осужденных в виде уклонения от отбывания наказания. Кроме того, им обращено внимание на более высокую профессиональную подготовку сотрудников и слаженное взаимодействие подразделений, по обеспечению профилактическое воздействие на осужденных и таким образом снижению уровня уклоняющегося поведения от отбывания наказаний.*

Ключевые слова: *общая и специальная профилактика, уголовное наказание, уклонение от наказания, меры воздействия, предупреждения правонарушений и преступлений, уголовно-исполнительная политика, эффективность исполнения наказаний, предупредительные меры.*

Профилактика уклонений от отбывания наказания в системе исполнения наказаний занимает важное место в уголовно-исполнительной политике государства, поскольку направлена на предупреждение противоправного поведения осужденных на стадии реализации приговора суда. В научной литературе отмечается, что эффективное исполнение наказаний невозможно без комплекса превентивных мер, ориентированных на недопущение уклоняющегося поведения.

В теории уголовно-исполнительного права профилактика рассматривается как система правовых, организационных, воспитательных и социальных мер, направленных на предупреждение нарушений порядка отбывания наказания. Профилактическая деятельность представляет собой неотъемлемую часть исполнения наказаний, поскольку именно на стадии исполнения осужденный к лишению свободы осознает требования к внутреннему распорядку и пенитенциарному праву. В этом контексте профилактика выходит за рамки вспомогательной функции и приобретает самостоятельное значение.

Профилактика уклонений тесно связана с общими целями наказания – исправлением осужденных и предупреждением новых преступлений. На сегодняшний день уголовно-исполнительная политика в местах лишения свободы, направлена не только на изоляцию виновного лица, но и на создание условий, способствующих законопослушному поведению.

По мнению Ю. М. Антоняна, «предупреждение уклоняющегося поведения позволяет минимизировать криминогенные последствия лишения свободы, включая распространение криминальной субкультуры и негативное влияние на других осужденных» [1]. Тем самым профилактика выполняет не только индивидуальную, но и общесоциальную функцию.

Задачи профилактической деятельности в системе исполнения наказаний носят комплексный характер. К их числу относятся выявление осужденных, склонных к уклонению, устранение причин и условий, способствующих формированию уклоняющегося поведения, а также формирование у осужденных устойчивой мотивации к соблюдению установленного порядка отбывания наказания» [2].

. Реализация указанных задач требует согласованных действий различных подразделений исправительного учреждения.

Особое внимание в научной литературе уделяется индивидуализации профилактики. Как отмечает В. П. Малков, «эффективная профилактическая работа невозможна без учета личности осужденного, его социального опыта, криминального прошлого и психологических особенностей» [3]. Индивидуальный подход позволяет своевременно корректировать поведение осужденного и предотвращать переход дисциплинарных нарушений в уголовно наказуемое уклонение.

Важной задачей профилактической деятельности является обеспечение баланса между контролем и воспитательным воздействием. В современных условиях чрезмерная репрессивность профилактических мер может приводить к обратному эффекту – росту протестного и уклоняющегося поведения.

Общие профилактические меры в исправительных учреждениях направлены на предупреждение уклонений от отбывания наказания посредством поддержания устойчивого правопорядка и надлежащей организации исполнения наказаний. В уголовно-исполнительной доктрине подчеркивается, что именно системные меры общего характера формируют базовые условия, препятствующие возникновению уклоняющегося поведения у осужденных [4].

Такие меры не ориентированы на конкретного осужденного, а обеспечивают функционирование всего режима исполнения наказания.

Центральное место среди общих профилактических мер занимают режимные меры, представляющие собой установленный законом порядок содержания осужденных, регламентирующий их права, обязанности и ограничения. Режим является основным инструментом профилактики нарушений, поскольку обеспечивает предсказуемое поведение осужденных, а также постоянный контроль за их деятельностью.

Соблюдение режима снижает вероятность как дисциплинарных проступков, так и уголовно наказуемых форм уклонения.

Режимные меры включают строгую регламентацию передвижения осужденных, порядок проведения проверок, организацию труда и отдыха, а также контроль за контактами с внешней средой.

Нарушение режима, напротив, создает предпосылки для дезорганизации исполнения наказаний и роста уклоняющегося поведения.

Важную роль в системе общей профилактики играют охранные меры, направленные на предотвращение самовольного оставления исправительного учреждения и обеспечение физической изоляции осужденных. К ним относятся инженерно-технические средства охраны, контрольно-пропускной режим, система надзора и конвоирования.

В то же время в современной доктрине подчеркивается, что эффективность охранных мер во многом зависит от их соразмерности и законности. Чрезмерная жесткость охраны при отсутствии воспитательного воздействия может вызывать у осужденных протестные формы поведения.

Наряду с режимными и охранными мерами важное значение имеет организационно-правовое обеспечение профилактики. Оно включает нормативное регулирование деятельности исправительных учреждений, разработку ведомственных инструкций, планирование профилактической работы и координацию действий различных подразделений. В научных исследованиях подчеркивается, что «… четкая организационная структура и распределение функций между сотрудниками являются необходимым условием эффективной профилактики уклонений» [5].

В системе исполнения наказаний особое место занимают специальные профилактические меры, применяемые в отношении осужденных, отнесенных к группе повышенного риска уклонения от отбывания наказания.

К числу ключевых специальных профилактических мер относится профилактический учет осужденных, склонных к уклоняющемуся поведению. Профилактический учет представляет собой систему организационных и контрольных мероприятий, направленных на наблюдение за поведением осужденных и своевременное выявление негативных тенденций. Как отмечает В.П. Малков, «постановка … на профилактический учет позволяет сосредоточить усилия персонала исправительного учреждения на наиболее проблемных категориях осужденных» [6].

Основания и порядок профилактического учета регламентируются ведомственными нормативными актами ФСИН России и предусматривают учет таких факторов, как характер совершенного преступления, наличие предыдущих судимостей, нарушения режима и данные психологических обследований. В научных исследованиях подчеркивается, что «профилактический учет носит предупредительный характер, направленный на предотвращение более опасных форм поведения и совершения общественно опасных деяний.

Важным элементом специальной профилактики является разработка и реализация индивидуальных планов профилактической работы с осужденными группы риска. Такие планы формируются с учетом личности осужденного, его социально-психологических характеристик, уровня правосознания и мотивации, т. е. речь идет о индивидуализации профилактических мероприятий, через которые можно изучить достаточно глубоко личность осужденного.

Индивидуальные планы профилактической работы, как правило, включают воспитательные беседы, психологическую коррекцию, участие в трудовой и образовательной деятельности, а также усиленный контроль за соблюдением режима. Таким образом, только комплексный подход может обеспечить контрольные и воспитательные функции индивидуума. Это позволяет не только предотвращать нарушения, но и способствовать исправлению осужденных.

Отдельное внимание уделяется роли междисциплинарного взаимодействия при реализации специальных профилактических мер. В разработке и исполнении индивидуальных

планов участвуют сотрудники режима и охраны, психологи, воспитатели и социальные работники. Как отмечает Немаловажным фактором является согласованность действий различных служб исправительного учреждения в эффективности профилактической работы с осужденными, которые входят в группу риска. Специальные профилактические меры должны соответствовать закону и уважать права осужденных. В свете сказанного индивидуальная профилактическая работа с осужденными должна обеспечить должное воздействие на них и минимизировать нарушения и негативное поведение в системе исполнения наказаний.

Огромное значение в воспитательном процессе и профилактики в предупреждении уклонения от отбывания наказания, принадлежит сотрудникам УИС, поскольку именно они обеспечивают практическую реализацию требований уголовно-исполнительного законодательства и осуществляют ежедневный контроль за поведением осужденных. В научной литературе подчеркивается, что «эффективность профилактики напрямую зависит от профессионализма, правосознания и согласованности действий персонала, а не только от формальной жесткости режима» [7].

Ключевым элементом профилактики уклоняющегося поведения осужденных, является профессиональная подготовка сотрудников УИС, ибо их недостаточный уровень знаний и профессиональная подготовка приводит к неспособности и к своевременному выявлению осужденных, уклоняющихся от отбывания наказаний.

На основании изложенного, следует сделать вывод, что особое значение в профилактической деятельности сотрудников УИС, необходимо иметь навыки не только в правовой культуре и методах профилактики, но и в психологическом поведении осужденных.

Таким образом, системный воспитательный процесс и изучение психологических навыков девиантного поведения отдельных осужденных, позволяет сотрудникам УИС, глубоко изучать их личности, способствует предупреждению правонарушений на ранней их стадии, предотвращать преступления а профессиональная подготовка сотрудников и эффективное взаимодействие подразделений обеспечивают профилактическое воздействие на осужденных, что способствует снижению уровня уклоняющегося поведения и повышению общей эффективности системы исполнения наказаний.

Кроме того, на основе изученной научной литературы и судебно-следственной практике предлагается создать отдел профилактике по предупреждению правонарушений и преступлений в пенитенциарном ведомстве, что даст обществу существенное снижение преступлений в не только в УИС, но и в социуме.

Список литературы

1. Антонян Ю.М. Криминология / Ю.М. Антонян. – М.: Юрайт, 2020. – С. 242. EDN ZITNNQ

2. Каширский К.В. Организационные и правовые основы профилактики правонарушений в исправительных учреждениях / К.В. Каширский // Правовое государство: теория и практика. – 2018. – №4 (54). – С. 157.

3. Уголовное право России. Общая часть: учебное пособие / Р.М. Валеев, Б.С. Волков, М.Д. Лысов, В.П. Малков [и др.]; под ред. В.П. Малкова, Ф.Р. Сундурова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1994. – С. 271.

4. Зубков А.И. Уголовно-исполнительное право Российской Федерации / А.И. Зубков. – М.: Норма, 2018. – С. 198.

5. Каширский К.В. Организационные и правовые основы профилактики правонарушений в исправительных учреждениях / К.В. Каширский // Правовое государство: теория и практика. – 2018. – №4 (54). – С. 158.

6. Уголовное право России. Общая часть: учебное пособие / Р.М. Валеев, Б.С. Волков, М.Д. Лысов [и др.]; под ред. В.П. Малкова, Ф.Р. Сундурова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1994. – С. 301.

7. Уголовно-исполнительное право / А.С. Михлин, П.Г. Пономарев, В.И. Селиверстов, И.В. Шмаров; под ред. И.В. Шмарова. – М.: БЕК, 1996. – С. 164. EDN WRVDKW

Нигмадзянова Лина Данисовна
студентка
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

DOI 10.31483/r-154218

ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРУКТУРЫ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ (2021–2024 гг.): КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ И КАЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ НА ОСНОВЕ СУДЕБНОЙ СТАТИСТИКИ

Аннотация: *в статье проводится исследование трансформации структуры коррупционной преступности в Российской Федерации за период с 2021 по 2024 год. На основе анализа данных официальной судебной статистики, предоставляемой Генеральной прокуратурой РФ, МВД России и Единой межведомственной информационно-статистической системой (ЕМИСС), выявлены основные количественные и качественные тенденции. Особое внимание уделяется периоду после 2022 года, характеризующемуся значительным ростом активности правоохранительных органов. Систематизированы проблемы ведомственной статистики (фрагментация, латентность). Сделан вывод о смещении коррупционных рисков в сферу госзакупок и необходимости консолидации данных для эффективной антикоррупционной политики.*

Ключевые слова: *коррупционная преступность, судебная статистика, взяточничество, латентность, антикоррупционная политика.*

Актуальность исследования определяется критическим влиянием коррупции на экономическую безопасность России. Правовая и судебная статистика служат основным инструментом для такой оценки, однако их интерпретация сопряжена с рядом методологических сложностей, главная из которых – фрагментация данных между различными ведомствами. Период 2021–2024 гг. отмечен ростом правоохранительной активности, что делает анализ структуры коррупционной преступности критически важным для оценки мер и корректировки политики.

Научная новизна обусловлена использованием единого массива судебной статистики за четырехлетний период, что гарантирует сопоставимость данных при анализе структурных изменений коррупционной преступности.

Цель исследования: на основе анализа официальной судебной статистики выявить и охарактеризовать основные тенденции трансформации структуры коррупционной преступности в России в период с 2021 по 2024 год.

Задачи исследования, рассмотренные в работе.

11. Проанализировать динамику общего количества лиц, осужденных за преступления коррупционной направленности.

12. Исследовать изменение структуры судимостей по основным составам (ст. 159, 285, 290, 291, 291.2 УК РФ).

13. Систематизировать методологические ограничения и проблемы интерпретации ведомственной статистики.

Объект исследования: коррупционная преступность в Российской Федерации в период 2021–2024 гг.

Предмет исследования: количественные и качественные изменения в структуре преступлений коррупционной направленности, отраженные в данных официальной судебной статистики о осужденных лицах.

Гипотеза исследования состоит в том, что за исследуемый период произошло качественное изменение структуры коррупции – доля традиционного взяточничества сократилась при росте сложных мошеннических схем с бюджетными средствами.

Анализ изменений коррупционной преступности требует четкого различения статистических баз. Данные о зарегистрированных преступлениях (форма МВД) и данные о осужденных лицах (судебная статистика СДЭП/Генпрокуратуры) отражают разные стадии уголовного процесса и несопоставимы напрямую из-за неизбежного отсеивания дел на стадиях расследования и суда. В данном исследовании в качестве основного источника используется судебная статистика, представленная на портале Совета директоров Европейской прокуратуры (СДЭП) [3]. Данный выбор обусловлен тем, что показатель «осужденные лица» является результативным, фиксирующим факт доказанности преступления в суде, и обеспечивает сопоставимость данных за весь рассматриваемый период.

Динамика общего количества лиц, осужденных за преступления коррупционной направленности, демонстрирует выраженный восходящий тренд [3]. Согласно данным СДЭП, в 2021 году были осуждены 35051 человек. После незначительного снижения в 2022 году (33120 чел.) последовал резкий рост до 36433 осужденных в 2023 году и далее до 38532 в 2024 году. За четырехлетний период общее число осужденных увеличилось на 9,9%. Устойчивый рост данного показателя свидетельствует о системном усилении активности правоохранительных и судебных органов в сфере противодействия коррупции.

Анализ данных МВД за 2020–2021 гг. выявляет структурное изменение, которое впоследствии отражается и в судебной статистике. В 2021 году коррупционное мошенничество (ч. 3–7 ст. 159 УК РФ) впервые вышло на первое место среди отдельных составов, составив 21,5% от всех зарегистрированных преступлений коррупционной направленности (7544 случая). Рост доли мошенничества с бюджетными средствами свидетельствует о переходе коррупции от административной сферы к крупным финансовым потокам, что повышает масштаб ущерба.

Также наблюдается относительная стабилизация доли преступлений, связанных со взяточничеством. В 2021 году мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ) составляло 20,1%, получение взятки (ст. 290) – 14,2%, дача взятки (ст. 291) – 12,8% [1]. Хотя взяточничество в сумме остается крупнейшим блоком (47,1%), его монополия как символа коррупции подвергается эрозии за счет роста более изощренных финансовых схем.

Анализ субъектного состава показывает, что значительную долю среди выявленных коррупционеров традиционно составляют сотрудники органов внутренних дел (726 человек в 2021 г.) [1]. При этом сами органы внутренних дел являются основным источником раскрытия таких преступлений (71,73% в 2021 году), что отражает как проблему внутренней коррупции, так и активность работы собственных служб безопасности ведомства.

Анализ данных СДЭП за 2022–2024 годы позволяет оценить как масштабы, так и некоторые аспекты эффективности борьбы с коррупцией. Рост числа осужденных при снижении общего установленного ущерба и доли тяжких составов может указывать на смещение фокуса правоохранительной системы на более массовые, но менее крупные по ущербу дела, которые проще расследовать и доводить до суда [3].

К фундаментальным ограничениям любого анализа, основанного на ведомственной статистике, относится ее высокая латентность. Официальные данные фиксируют лишь выявленную и доказанную часть преступлений. Кроме того, сохраняющаяся фрагментация данных между МВД, Генпрокуратурой, СКР и ФСБ, о которой пишут Мещерякова и Кривоногова [4], затрудняет формирование целостной картины. Отсутствие единого национального портала, интегрирующего статистику всех ведомств по единым классификаторам, остается серьезным препятствием для глубокого мониторинга и анализа.

Проведенный анализ судебной статистики за период 2021–2024 гг. позволяет подтвердить гипотезу о сдвиге от традиционного взяточничества к сложным мошенническим схемам (ст. 159 УК РФ) в сфере госзакупок и бюджетных инвестиций, что повышает угрозу экономической безопасности из-за масштабного ущерба.

Сферы государственного управления, образования, здравоохранения, строительства и транспорта стабильно сохраняют лидерство по уровню коррупционных рисков. Такая

устойчивость указывает на то, что коррупция в данных отраслях воспроизводится не столько благодаря индивидуальным злоупотреблениям, сколько в силу системных недостатков в механизмах распределения ресурсов, контроля и предоставления публичных услуг.

Для повышения эффективности антикоррупционной политики и укрепления экономической безопасности необходимы дальнейшее наращивание правоохранительного давления и стратегическое смещение акцентов. Приоритетами должны стать развитие финансовой разведки и аналитических систем для раннего выявления сложных мошеннических схем, усиление работы по обеспечению неотвратимости конфискации имущества.

Список литературы

1. Веденин Д.В. Анализ состояния коррупционной преступности на современном этапе / Д.В. Веденин // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2022. – №4. – С. 136–141. EDN SCJJGN

2. Гончарова М.В. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2021 г. и ожидаемые тенденции ее развития: аналитический обзор / М.В. Гончарова [и др.]. – М.: ВНИИ МВД России, 2022. – 78 с.

3. Данные судебной статистики по делам коррупционной направленности за 2021–2024 гг. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: http://cdep.ru/?id=150 (дата обращения: 21.12.2025).

4. Мещерякова А.Б. Анализ и оценка правовой статистики коррупционных преступлений в России: тенденция, ограничения и перспективы / А.Б. Мещерякова, Н.Т. Кривоногова // Естественно-гуманитарные исследования. – 2024. – №1 (51). – С. 187–191. EDN EDXDWS

5. Состояние преступности в России. Статистические отчеты формы 1-Е // Министерство внутренних дел Российской Федерации. – URL: https://мвд.рф/reports (дата обращения: 21.12.2025).

6. Статистика. Преступность // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). – URL: https://www.fedstat.ru/indicator/57540 (дата обращения: 21.12.2025).

Соловьева Алиса Владимировна
студентка
Хорольский Геннадий Валентинович
канд. юрид. наук

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина»
г. Краснодар, Краснодарский край

ВОСПРИНИМАЕМЫЙ ВОЗРАСТ В ДЕЛАХ ОБ ИЗНАСИЛОВАНИИ: ЮРИДИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПО СТАТЬЕ 131 УК РФ

Аннотация: *в статье рассматривается проблема квалификации преступлений, предусмотренных статьёй 131 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), в случаях, когда субъект преступления, оценивая внешний вид жертвы, не может достоверно установить, достигла ли она 18 лет [1]. Авторы утверждают, что если субъект добросовестно полагал, что жертва является совершеннолетней, и её внешний вид соответствовал этому предположению, то деяние следует квалифицировать по иной части или пункту статьи, отличному от части 3, пункта «а». В работе анализируется действующее законодательство, обсуждаются вопросы субъективного восприятия возраста жертвы и предлагаются рекомендации для совершенствования правоприменительной практики.*

Ключевые слова: *изнасилование, статья 131 УК РФ, воспринимаемый возраст, объективное вменение, уголовная квалификация.*

Квалификация преступлений в уголовном праве играет ключевую роль в обеспечении справедливости, поскольку от неё зависит выбор нормы закона, определяющей меру ответственности субъекта. Статья 131 УК РФ устанавливает ответственность за изнасилование, при этом её часть 3, пункт «а», предусматривает отягчающее обстоятельство – совершение преступления в отношении несовершеннолетней. Вопрос о применении принципа

объективного вменения (то есть привлечения к ответственности без учёта субъективного восприятия виновного) в таких случаях является дискуссионным. Российское уголовное право, как правило, отвергает объективное вменение (ст. 5 УК РФ), требуя установления вины. Однако в реальной практике возникают ситуации, когда субъект преступления, выбирая жертву на основании её внешнего вида, не имеет возможности точно установить её возраст. Если субъект полагал, что жертва достигла совершеннолетия, и её внешность объективно соответствовала этому предположению, возникает вопрос: оправдано ли применение отягчающего обстоятельства? Настоящая статья посвящена анализу данной проблемы и поиску путей её разрешения в рамках действующего законодательства.

Статья 131 УК РФ определяет изнасилование как половое сношение с применением насилия или угрозой его применения либо с использованием беспомощного состояния потерпевшего. Часть 3, пункт «а» этой статьи квалифицирует изнасилование как совершённое в отношении лица, не достигшего 18-летнего возраста, что влечёт более строгое наказание – лишение свободы на срок от 8 до 15 лет. Для применения данной нормы необходимо установить, знал ли субъект или должен ли был знать о несовершеннолетнем возрасте жертвы. Однако текст статьи прямо не указывает, как следует оценивать субъективное восприятие возраста жертвы в случаях, когда её внешний вид создаёт ошибочное представление о совершеннолетии. В таких ситуациях применение части 3 статьи 131 УК РФ фактически означает объективное вменение, поскольку ответственность наступает исключительно из-за фактического возраста потерпевшей, а не из-за осознания этого обстоятельства виновным. На практике суды нередко исходят из объективного факта возраста жертвы, игнорируя добросовестное заблуждение субъекта, что может приводить к несправедливым решениям.

Согласно статье 28 УК РФ, ошибка в фактических обстоятельствах, влияющих на квалификацию преступления, может исключать умысел на совершение более тяжкого деяния. Применительно к статье 131 это означает, что если субъект не знал и не мог знать о несовершеннолетнем возрасте жертвы, отягчающее обстоятельство не должно применяться. Однако отсутствие чётких разъяснений по этому вопросу в судебной практике создаёт правовую неопределённость.

Субъективная сторона преступления, включающая умысел и осознание обстоятельств, является неотъемлемой частью уголовной ответственности. В российском уголовном праве для квалификации деяния по отягчающим обстоятельствам, как правило, требуется, чтобы субъект осознавал наличие таких обстоятельств либо имел реальную возможность их установить. Например, в случае убийства (статья 105 УК РФ) квалификация по части 2, пункт «в» (убийство малолетнего) возможна только при доказанном знании субъекта о возрасте жертвы или при наличии очевидных признаков, указывающих на это.

Аналогичный подход применим к статье 131 УК РФ: если изнасилование квалифицируется по части 3, пункт «а», необходимо доказать, что субъект знал или должен был знать о несовершеннолетнем возрасте жертвы. Однако в случаях, когда жертва выглядит как совершеннолетняя и обстоятельства не дают оснований подозревать обратное, возложение на субъекта обязанности выяснять точный возраст жертвы представляется необоснованным. Таким образом, субъективное восприятие возраста, подкреплённое объективными признаками, должно учитываться при квалификации преступления.

Рассмотрим практический пример. Субъект преступления знакомится с жертвой в месте, где предполагается присутствие только совершеннолетних лиц, например, в ночном клубе с возрастным ограничением 18+. Жертва одета, ведёт себя и выглядит как взрослая, и ничто не указывает на её несовершеннолетие. После совершения преступления выясняется, что жертве 17 лет. Вопрос заключается в том, должен ли субъект нести ответственность по части 3, пункт «а» статьи 131 УК РФ, предусматривающей более строгое наказание, или же деяние следует квалифицировать по части 1, которая применяется к изнасилованию совершеннолетних и влечёт наказание в виде лишения свободы на срок от 3 до 6 лет.

С точки зрения принципов уголовного права, применение отягчающего обстоятельства в данном случае допустимо только при наличии умысла или грубой неосторожности субъекта в отношении возраста жертвы. Если внешний вид жертвы и контекст ситуации создавали у субъекта добросовестное заблуждение о её совершеннолетии, а доказательства обратного отсутствуют, квалификация по части 3 представляется чрезмерно суровой. Это подчёркивает необходимость более гибкого подхода к оценке субъективной стороны преступления.

Другой пример: жертва активно участвует в социальной среде, типичной для взрослых (например, посещает бары или размещает фотографии в социальных сетях, создающие впечатление о совершеннолетии). Если субъект, полагаясь на эти обстоятельства, не проверяет возраст жертвы, а затем выясняется, что ей менее 18 лет, возникает правовая дилемма. С одной стороны, защита несовершеннолетних требует строгого подхода; с другой стороны, наказание субъекта за обстоятельство, о котором он не знал и не мог знать, противоречит принципу вины.

Для устранения указанной правовой неопределённости предлагается следующее. Пленуму Верховного Суда Российской Федерации рекомендуется дополнить п. 22 постановления от 4 декабря 2014 г. №16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности», которое уточнит порядок оценки знания субъекта о возрасте жертвы при квалификации преступлений по статье 131 УК РФ[2]. В частности, судам следует предписать учитывать следующие факторы:

– внешний вид жертвы: одежда, поведение, физическое развитие и другие признаки, которые могли создать у субъекта впечатление о её совершеннолетии;

– контекст ситуации: место совершения преступления, обстоятельства знакомства и иные факторы, влияющие на восприятие возраста;

– доказательства знания: наличие или отсутствие информации, указывающей на то, что субъект знал или должен был знать о несовершеннолетнем возрасте жертвы.

Если совокупность доказательств свидетельствует о том, что субъект добросовестно заблуждался относительно возраста жертвы, и её внешний вид объективно соответствовал совершеннолетию, преступление должно квалифицироваться по части 1 статьи 131 УК РФ, а не по части 3, пункт «а». Такой подход не требует внесения изменений в текст статьи, а лишь уточняет её применение, что делает его более реалистичным и эффективным.

Альтернативный вариант – внесение изменений в статью 131 УК РФ, предусматривающих явное указание на возможность учёта ошибки в возрасте жертвы как обстоятельства, исключающего применение отягчающих квалификаций. Однако это может усложнить законодательную процедуру и вызвать споры о балансе между защитой несовершеннолетних и правами обвиняемых. Поэтому рекомендация Пленуму Верховного Суда представляется предпочтительной.

Текущая практика применения статьи 131 УК РФ в случаях, когда субъект преступления добросовестно заблуждался относительно возраста жертвы, не в полной мере соответствует принципам справедливости и индивидуализации ответственности. Учёт субъективного восприятия возраста жертвы, подкреплённого её объективным внешним видом, позволит избежать чрезмерно строгих санкций там, где отсутствует умысел на совершение более тяжкого преступления. Предложенные рекомендации Пленуму Верховного Суда РФ обеспечат судам чёткие ориентиры для квалификации таких дел, что повысит справедливость правосудия и устранит правовую неопределённость.

Предлагается, чтобы Пленум Верховного Суда Российской Федерации издал редакцию с дополнением в п. 22 действующего Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 №16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» следующего содержания:

«Применяя закон об уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных статьями 131–135 УК РФ, в отношении несовершеннолетних, судам следует исходить из того, что квалификация преступлений по соответствующим признакам (к

примеру, по пункту «а» части 3 статьи 131 УК РФ) возможна лишь в случаях, когда виновный знал или допускал, что потерпевшим является лицо, не достигшее восемнадцати лет или иного возраста, специально указанного в диспозиции статьи Особенной части УК РФ.

При этом, если внешний вид, поведение потерпевшего и обстоятельства совершения деяния объективно свидетельствовали о его совершеннолетии, а у обвиняемого отсутствовали основания полагать иное, применение квалифицирующего признака, связанного с возрастом, недопустимо, поскольку это противоречит принципу объективного вменения (ст. 5 УК РФ). В таких случаях деяние подлежит оценке по основной, а не по усиленной норме закона."

Такое разъяснение позволит унифицировать судебную практику, сохранив при этом действующий текст уголовного закона.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 №63-ФЗ с изм. и доп. от 23.03.2024 г. // СЗ РФ. – 1996. – №25. – Ст. 2954.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 №16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности».

Хачатрян Артем Еремович
бакалавр, студент
Кочнев Артем Алексеевич
студент
Миллер Арина Владиславовна
преподаватель

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина»
г. Краснодар, Краснодарский край

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ПРОЦЕСС РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПРАВОВЫЕ НОРМЫ, ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЁМЫ И ЭТИЧЕСКИЕ ДИЛЕММЫ

Аннотация: *в статье рассматривается комплексное влияние научно-технического прогресса на судебно-экспертную деятельность. Основное внимание уделяется легитимизации электронных доказательств, трансформации тактики расследования и разрешению этических конфликтов, возникающих при внедрении высоких технологий в уголовный процесс.*

Ключевые слова: *цифровая трансформация, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, электронные следы, киберпреступность, тактика ведения допроса, искусственный интеллект, права человека.*

Глобальная цифровизация общественных коммуникаций привела к виртуализации преступной деятельности, что обусловило необходимость анализа правовых норм, тактики и этических дилемм, возникающих в ходе расследований. Согласно статистике МВД России, за 2024 год было зарегистрировано 765,4 тыс. киберпреступлений за 11 месяцев, каждое четвертое преступление в стране совершалось с использованием информационно-коммуникационных технологий с 2020 года это максимальный показатель. В 2025 году число IT-преступлений сократилось почти на 12%, на 4,6% сократилось количество тяжких и особо тяжких преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий. Количество дистанционных краж снизилось на 23,6%, дистанционных мошенничеств – на 9%, а преступлений в сфере компьютерной информации – на 42,2%. В этих условиях традиционная криминалистическая парадигма, ориентированная в первую очередь на материально зафиксированные следы, претерпевает радикальную трансформацию. Появление термина «цифровая криминалистика» свидетельствует о формировании новой отрасли науки, изучающей

закономерности появления, поиска, фиксации и исследования информации в цифровой среде. Однако внедрение технологий в следственную практику опережает темпы законодательного регулирования, создавая правовые пробелы и этические конфликты.

Уголовно-процессуальное законодательство РФ регулирует использование информационных технологий, но имеет ряд пробелов. Ключевое нововведение – ст. 164.1 УПК РФ, которая устанавливает особый порядок изъятия электронных носителей информации [1] Закон требует обязательного участия специалиста, что обусловлено уязвимостью цифровой информации: её легко удалить или изменить.

Однако процессуальный статус самой цифровой информации остается неопределенным. Возникает вопрос, является ли она «вещественным доказательством» (статья 81 УПК РФ) или «иным документом» (статья 84 УПК РФ)? Проблема в том, что вещественные доказательства по своей сути неизменяемы и привязаны к физической подложке, в то время как цифровая информация может быть скопирована без потери своих свойств, что противоречит классической концепции уникальности вещественного доказательства [5]

Трансграничный характер данных создает дополнительные сложности. Улики часто хранятся не на физическом диске компьютера подозреваемого, а в «облачных» системах хранения, серверы которых расположены в иностранных юрисдикциях. Действующие положения УПК РФ о международном сотрудничестве (глава 53) предполагают длительный процесс запроса, который несовместим со скоростью уничтожения данных в интернете. Требуется разработка правовых механизмов для немедленного трансграничного доступа к данным в экстренных случаях [4].

Раньше стандартным методом выключения компьютера было экстренно отключить сетевой кабель («выдернуть вилку из розетки»), но эта практика утратила свою эффективность. Завершение работы системы таким образом приводит к потере содержимого оперативной памяти, которая является важной областью для хранения временных данных. Потеря этих данных означает потерю ключей шифрования, активных сообщений, следов вредоносных процессов и записей об удаленных подключениях [6].

Современный метод предполагает поддержание устройства в рабочем состоянии и использование специализированного программного обеспечения для безопасного извлечения данных из оперативной памяти. Этот процесс должен выполняться экспертами в присутствии независимых наблюдателей и специалиста для обеспечения точности и целостности процесса извлечения данных.

Современное место происшествия заполнено техническими устройствами: умными часами, фитнес-браслетами, IP-камерами и даже бытовой техникой. Тактика осмотра места происшествия теперь включает обязательную проверку сетевых подключений. Данные о частоте сердечных сокращений жертвы, полученные с помощью фитнес-браслета, позволяют определить точное время смерти с точностью до минут, а логи «умного дома» могут предоставить информацию о передвижениях преступника по помещению.

3D-сканирование все чаще используется в тактике следственных экспериментов и осмотров мест преступлений. Это позволяет создать цифровую копию места преступления, по которому участники судебного процесса могут виртуально попасть на место преступления спустя время после происшествия. Это значительно уменьшает риск потери информации о месте происшествия из-за погодных условий или деятельности человека.

Допросу подозреваемого теперь предшествует глубокий анализ его цифрового следа (следы, которые человек оставляет в процессе пользования интернетом или цифровыми технологиями). Изучение активности в социальных сетях, истории поисковых запросов и геолокации позволяет следователю применять тактику, основанную на знании скрытых сторон жизни допрашиваемого, что способствует более быстрому установлению психологического контакта или разоблачению лжи.

Использование высоких технологий в уголовном процессе неизбежно затрагивает сферу фундаментальных прав человека, порождая острые этические споры. Например, согласно статье 51 Конституции России, никто не обязан свидетельствовать против самого себя, ст. 23 Конституции РФ (право на тайну переписки и телефонных переговоров) [1] Возникает

вопрос, является ли принудительное прикладывание пальца подозреваемого к сканеру смартфона или сканирование его лица (FaceID) нарушением этих норм? С одной стороны, это является приемлемым способом получения «образцов для сравнительного исследования» (по аналогии с отпечатками пальцев). С другой стороны, смартфон является это цифровое продолжение личности, хранящее сокровенные мысли и переписку, и доступ к нему без согласия владельца равносилен принудительному допросу. Четкие рамки принудительной и добровольной биометрии оформились относительно недавно, в связи с принятием Закона №572-ФЗ и дополнением ст. 11 Закона №152-ФЗ и ч. 3 Закона №572-ФЗ [7].

Внедрение систем искусственного интеллекта для анализа больших данных позволяет прогнозировать вероятность совершения преступлений определенными лицами. Этический риск заключается в подмене принципа презумпции невиновности теоретической и статистической вероятностью виновности. Существует опасность того, что следствие будет предвзято относиться к конкретному лицу только потому, что алгоритм отметил его как склонного к рецидивам. Право на гуманное судебное решение является фундаментальным этическим требованием современного законодательства.

Системы распознавания лиц и повсеместное видеонаблюдение значительно облегчают поиск преступников на месте. Однако это снижает право граждан на неприкосновенность частной жизни. Этический баланс между общественной безопасностью и правом на неприкосновенность частной жизни остается широко обсуждаемой темой в области права.

Основываясь на анализе влияния технологий на процесс расследования, необходимо внести ряд изменений в правовую базу.

1. Законодательно закрепить понятие «цифровая информация» как самостоятельный объект, отличный от вещественных доказательств и документов [3].

2. Разработать регламент удаленной проверки данных в облачных хранилищах, с установлением четких границ для вмешательства в частную жизнь и процедуры получения судебного разрешения.

3. Легализовать использование нейронных сетей в криминалистических целях (например, для восстановления изображений с камер видеонаблюдения) при условии создания прозрачной методологии проверки точности работы алгоритмов и верификации результатов независимыми экспертами.

4. Создание стандартов «цифровой этики» для сотрудников правоохранительных органов, которые исключают использование полученных данных в целях, не связанных с интересами правосудия.

Влияние современных технологий на расследование преступлений имеет как положительные, так и отрицательные стороны. С одной стороны, правоохранительные органы получили беспрецедентные инструменты для раскрытия самых сложных и малоизвестных преступлений. С другой стороны, существует риск подрыва установленных процессуальных гарантий прав личности. Вместо того чтобы превращаться в цифровую инквизицию, технологии должны расширять интеллектуальные и технические возможности правосудия, не подрывая его фундаментальных принципов.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ.

3. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 №149-ФЗ.

4. Криминалистика: учебник для вузов / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская. – М.: Норма, 2026.

5. Мамонтов А.Г. Цифровая криминалистика: от истоков к современному состоянию / А.Г. Мамонтов // Право и государство: теория и практика. – 2020. – №12 (192).

6. Пастухов П.С. Цифровые платформы как основа электронного документооборота в уголовном судопроизводстве / П.С. Пастухов // Пермский юридический альманах. – 2023. – №6. EDN LNGSYX

7. Митянов З.О. Принудительная и добровольная биометрия: содержание и разграничение в российском праве / З.О. Митянов // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2024. – №3 (21).

ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

Крашенинникова Камилла Валерьевна
студентка
Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия им. В.М. Лебедева»
г. Казань, Республика Татарстан

ДОКУМЕНТАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ДЕЛАХ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ): ИТОГИ И ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ

Аннотация: *в статье продолжается поиск предложений по унификации цивилистического судопроизводства, необходимость которой вызвана продолжающимся ростом обращений в судебные инстанции для разрешения возникающих спорных правоотношений. Повышение размера государственной пошлины, предусмотренной для разрешения дел, не изменила динамику востребованности судебного урегулирования споров, потому единственным направлением по оптимизации правосудия остается внутрисистемное реформирование судебной системы и процессуального законодательства. Автором проводится анализ документарного производства в делах о несостоятельности (банкротстве) и дается оценка возможности развития данного института при рассмотрении иных категорий дел.*

Ключевые слова: *арбитражный процесс, документарное производство, дела о несостоятельности (банкротстве), унификация судопроизводства, качество правосудия.*

Судебная система продолжает пребывать в поиске новых механизмов унификации судопроизводства, выражающихся в переустройстве структуры судебных органов, модернизации процессуальных институтов и переосмыслении правовой природы материальных и процессуальных норм, применяемых в ходе рассмотрения и разрешения дел. Безусловно, наиболее выраженные процессуальные реформы внесли существенный вклад в совершенствование судебного процесса, при этом пути для их продолжения остаются открытыми.

Одной из задач в рамках цели по унификации судопроизводства является соблюдение разумных сроков судебного разбирательства. Внесенные в 2010 году изменения в процессуальное законодательство определили необходимость работы в данном направлении. Однако единой позиции по способам достижения «быстрого» правосудия в научной среде не сформировалось. Противники идеи ускорения судопроизводства отмечают приоритет качественности принимаемых судебных постановлений.

В поиске баланса между качеством и своевременностью правосудия обращается особое внимание к принципам состязательности и равноправия сторон, категориям «доказательства и доказывание», «исследование доказательств», что приводит к вышеупомянутому переосмыслению правовой природы материальных и процессуальных норм, а также содержанию самого судебного разбирательства.

Ввиду указанных обстоятельств в цивилистическое процессуальное законодательство введен институт документарного производства, позволяющий рассматривать споры без проведения судебного заседания в документарной форме. Такой вид производства получил наибольшее развитие в арбитражном процессе, поскольку правоотношения в экономической сфере в превалирующем количестве осуществляются посредством обмена документами и процесс доказывания обстоятельств спорного правоотношения основан на их содержании.

В настоящее время документарное производство получило свое развитие в делах о несостоятельности (банкротстве), в котором судебный процесс связан с разнообразием обособленных споров, рассматриваемых в ходе него. Так, стандартно в каждом деле рассматриваются заявления кредиторов о включении в реестр требований кредиторов, ходатайства

(заявления) об исключении какого-либо имущества из конкурсной массы и ходатайства о заключении локального плана реструктуризации долгов в отношении ипотечного жилья.

Поскольку настоящая статья не направлена на анализ норм материального права, в том числе законодательства о несостоятельности (банкротстве), необходимость в оценке разумности возможности освобождения должников от имеющихся обязательств отсутствует. Потому судебная система должна обеспечить возможность завершения процедур несостоятельности (банкротства) в короткие сроки посредством документарного производства.

В целях унификации правоприменительной практики новых нормативных предписаний было издано Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.12.2024 года №40. Данное постановление направлено на разрешение вопросов, связанных с вступлением в силу поправок, связанных с документарным производством по обособленным спорам [1, с. 266].

Документарное производство представляет собой следующие особенности, отличающие ее от классического рассмотрения и разрешения дел:

1) в части представления доказательств имеется единственный способ путем обмен процессуальными документами, переводя судебный процесс в письменный формат общения между лицами, участвующими в деле, и судом.

Ряд исследователей в этой связи сравнивают документарную форму производства с упрощенными процедурами, в которых судебное постановление принимается также исходя из письменных доказательств [2, с. 41] Складывание обозначенных дискуссий связано в том числе со схожестью предлагаемых идей по унификации судопроизводства, потому правоприменителю, законодателю и юридическому сообществу надлежит систематизировать положительные и негативные характеристики каждой из моделей, иначе разобщенность нововведений не приведет к оптимизации судопроизводства, напротив усугубив неопределенность в применении процессуальных механизмов защиты прав и (или) законных интересов субъектов правоотношений;

2) в рамках документарного производства предусмотрены иной порядок ознакомления с материалами обособленного спора, представления возражений и отзывов к ним, иной срок рассмотрения обособленного спора.

При документарном производстве копия определения о принятии заявления к производству не направляется участникам дела на бумажном носителе – они считаются извещенными на следующий день после публикации текста определения в сети Интернет, в частности в картотеке арбитражных дел.

Такой подход вынуждает лиц, участвующих в деле, регулярно отслеживать ход рассмотрения и разрешения обособленного спора, в том числе требуя дополнительных затрат, поскольку в арбитражном процессе сторонами процесса являются профессиональные субъекты, предполагая таким образом множественность имеющихся правоотношений, за отслеживанием каждого из которых потребовался бы определенный штат сотрудников. При этом обозначенной проблемы не было бы у физических лиц в рамках гражданского судопроизводства, поскольку согласно статистическим данным на одно физическое лицо более двух рассматриваемых дел не приходится;

3) в документарном производстве не проводятся судебные заседания, итоговые акты принимаются в форме резолютивной части, мотивированное определение выносится в случае подачи заявления в течение пяти дней после публикации резолютивной части или в рамках подачи апелляционной жалобы, что обеспечивает соблюдение процессуальных норм и правовых предписаний [3, с. 14].

При этом зачастую наблюдаются случаи, когда арбитражный суд не публикует резолютивные части по итогам рассмотрения заявлений о включении в реестр требований кредиторов в связи с тем, что судебные заседания по документарному производству не проводятся, а материалы дела могут попросту быть «забытыми» в судебных составах. После этого путем обращения в судебные инстанции они опубликовываются в картотеке дел и иногда такое

процессуальное нарушение может негативно повлиять на продолжительность рассмотрения дела и его исход.

Таким образом, документарное производство, внедренное при рассмотрении обособленных споров в делах о несостоятельности (банкротстве), создает предпосылки для его развития при рассмотрении иных категорий дел в рамках цивилистического судопроизводства. К примеру, в подавляющем количестве гражданские правоотношения возникают в связи со сделками, договорами, иными действиями и соглашениями сторон, отраженные на бумажных носителях. Предлагается рассмотреть возможность применения документарного производства в спорах, связанных с оказанием услуг (юридических, финансовых), а также при рассмотрении заявлений о возмещении судебных расходов.

На сегодняшний день в процессуальном законодательстве имеются институты приказного, упрощенного, заочного производства. Появление документарного производства с особенностями ознакомления с материалами дела, вынесения итоговых актов позволит систематизировать их положительные механизмы, тем самым предложив оптимальную модель унификации цивилистического судопроизводства. Документарное производство может быть наиболее доступным для граждан, поскольку нормы о приказном и упрощенном производстве имеют сложность в их понимании и вынуждают участников процесса обращаться за услугами профессиональных юристов.

Список литературы

1. Ланг П.П. Производство по делам о банкротстве: современные тенденции и перспективы / П.П. Ланг // Вестник гражданского процесса. – 2025. – Т. 15. №1. – С. 264–275. DOI 10.24031/2226-0781-2025-15-1-264-275. EDN HBLIYF

2. Раздьяконов Е.С. Документарное (упрощенное) производство в делах о банкротстве / Е.С. Раздьяконов // Вестник Арбитражного суда Московского округа. – 2025. – №4. – С. 36–45. DOI 10.46279/ASMO.2025.24.20.004. EDN NQMLGE

3. Царегородцева Е.А. Документарное производство как способ упрощения производства по делам о несостоятельности (банкротстве) / Е.А. Царегородцева // Арбитражный и гражданский процесс. – 2025. – №8. – С. 12–15. DOI 10.18572/1812-383X-2025-8-12-15. EDN OICWPO

Кузьмина Далия Олеговна
магистрант
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
г. Казань, Республика Татарстан

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕДИАЦИИ КАК СПОСОБА УРЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация: *в статье рассматриваются актуальные проблемы развития института медиации в современной России. Анализируются правовые основы применения медиации, особенности её функционирования в российской правовой системе, а также факторы, препятствующие широкому распространению данного способа альтернативного урегулирования споров. Особое внимание уделяется вопросам правовой культуры общества, недостаточной информированности граждан о процедуре медиации, а также проблемам профессиональной подготовки медиаторов. В работе рассматриваются перспективы развития института медиации и предлагаются возможные направления совершенствования законодательства и правоприменительной практики.*

Ключевые слова: *медиация, альтернативное разрешение споров, гражданский процесс, урегулирование конфликтов, медиатор, судебная система, правовое регулирование.*

В современном обществе количество правовых конфликтов постоянно увеличивается. Это связано как с развитием экономических отношений, так и с усложнением социальной структуры общества. Традиционным способом разрешения споров в России является

судебное разбирательство, однако судебная система часто испытывает значительную нагрузку, что приводит к увеличению сроков рассмотрения дел.

В этих условиях особую актуальность приобретают альтернативные способы разрешения споров, позволяющие урегулировать конфликт без длительного судебного процесса. Одним из наиболее эффективных механизмов такого рода является медиация – процедура добровольного урегулирования спора при содействии нейтрального посредника.

Медиация широко применяется во многих зарубежных государствах и доказала свою эффективность в сфере гражданских, семейных и коммерческих отношений. Основным преимуществом данной процедуры является возможность достижения взаимоприемлемого решения, которое учитывает интересы всех участников конфликта.

В Российской Федерации правовые основы медиации закреплены Федеральным законом от 27 июля 2010 г. №193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Несмотря на существование законодательной базы, уровень применения медиации в России остается относительно низким.

В связи с этим исследование проблем развития института медиации и определение перспектив его совершенствования представляют значительный научный и практический интерес.

Нормативное регулирование медиации в России основывается на Федеральном законе №193-ФЗ, который определяет основные принципы и правила проведения медиативной процедуры. Закон закрепляет понятие медиации, устанавливает требования к медиаторам, а также определяет правовые последствия заключения медиативного соглашения.

Согласно законодательству, медиация представляет собой способ урегулирования споров при участии независимого посредника – медиатора. Его задачей является содействие сторонам в поиске взаимоприемлемого решения, при этом медиатор не принимает решения за участников конфликта и не навязывает им свою позицию.

Основными принципами медиации являются добровольность участия сторон, конфиденциальность процедуры, сотрудничество и равноправие сторон, а также независимость и нейтральность медиатора. Эти принципы обеспечивают гибкость процедуры и способствуют достижению конструктивного диалога между участниками спора.

Процедура медиации может применяться как до обращения в суд, так и на любой стадии судебного процесса. В случае успешного завершения процедуры стороны заключают медиативное соглашение, которое может быть утверждено судом и приобрести силу исполнительного документа.

Несмотря на наличие законодательной базы, институт медиации в России сталкивается с рядом серьезных проблем, которые препятствуют его широкому распространению.

Одной из главных проблем является низкий уровень информированности населения о существовании и преимуществах медиации. Многие граждане предпочитают обращаться непосредственно в суд, не рассматривая возможность альтернативного урегулирования конфликта.

Другой важной проблемой является недостаточное количество профессиональных медиаторов. Хотя в России существуют образовательные программы подготовки специалистов в данной области, их число пока остается ограниченным.

Существенную роль играет и недостаточная популяризация медиации в юридическом сообществе. Некоторые юристы и представители судебной системы скептически относятся к данной процедуре, что также влияет на уровень её применения.

Кроме того, определенные сложности вызывает правовое регулирование деятельности медиаторов и порядок исполнения медиативных соглашений. В научной литературе неоднократно отмечается необходимость дальнейшего совершенствования законодательства в этой сфере.

Для успешного развития института медиации в России необходимо реализовать комплекс мер правового, организационного и образовательного характера.

Прежде всего, важным направлением является повышение уровня правовой культуры населения и распространение информации о преимуществах альтернативных способов разрешения споров.

Кроме того, необходимо развивать систему профессиональной подготовки медиаторов, включая создание специализированных образовательных программ и повышение квалификации специалистов.

Перспективным направлением является также более активное использование медиации в судебной практике. Судьи могут рекомендовать сторонам обратиться к процедуре медиации на ранних стадиях рассмотрения спора.

Ещё одним существенным новшеством может стать обязательное досудебное урегулирование конфликтов через институт медиации. Требуется нормативно закрепить алгоритм действий, допустимые методы и предельные сроки проведения примирительных процедур для отдельных категорий правовых споров.

Наконец, важную роль играет совершенствование законодательства, направленное на повышение эффективности медиативных процедур и укрепление доверия общества к данному институту.

Медиация представляет собой эффективный инструмент альтернативного урегулирования споров, который позволяет сторонам конфликта самостоятельно выработать взаимоприемлемое решение.

Несмотря на наличие законодательной базы, развитие медиации в России сталкивается с рядом проблем, среди которых можно выделить низкую осведомленность граждан, недостаточное количество профессиональных медиаторов и ограниченное применение данной процедуры в судебной практике.

Для преодоления этих трудностей необходимо совершенствовать законодательство, развивать систему подготовки медиаторов и активно популяризировать преимущества медиации среди населения.

Реализация указанных мер позволит значительно повысить эффективность альтернативных способов разрешения споров и укрепить роль медиации в современной правовой системе Российской Федерации.

Список литературы

1. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)».

2. Абова Т.Е. Альтернативные способы разрешения гражданских споров / Т.Е. Абова. – М.: Норма, 2020.

3. Курочкин С.А. Медиация в России: проблемы и перспективы развития / С.А. Курочкин // Журнал российского права. – 2021. – №7. – С. 85–92.

4. Силина Е.В. Перспективы развития альтернативных форм разрешения споров / Е.В. Силина // Ленинградский юридический журнал. – 2017. – №2 (48). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-alternativnyh-form-razresheniya-sporov (дата обращения: 24.02.2026).

Петрова Полина Аркадьевна
магистрант
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
г. Казань, Республика Татарстан

ПРОБЛЕМЫ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ ОТНЕСЕНИИ СУДЕБНЫХ РАСХОДОВ НА ЛИЦО, ЗЛОУПОТРЕБЛЯЮЩЕЕ ПРАВОМ

Аннотация: *в статье проведено исследование проблемы злоупотребления процессуальным правом в арбитражном процессе со стороны лиц, участвующих в деле. Автором рассматривается и анализируется судебная практика Арбитражных судов по вопросу применения и трактования положений статьи 111 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. На основании анализа судебной практики сделаны выводы об основных признаках и действиях лиц, очевидно свидетельствующих о злоупотреблении правом и применении последствий в виде отнесения судебных расходов на лицо, злоупотребляющее правом.*

Ключевые слова: *злоупотребление процессуальными правами, судебные расходы, правонарушение, лица участвующие в деле, стороны арбитражного процесса.*

В действующем Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (далее по тексту – «АПК РФ») закреплено императивное правило для лиц, участвующих в деле – в соответствии с положениями абзаца 1 части 2 статьи 41 АПК РФ, каждый из участников процесса должен добросовестно пользоваться принадлежащими процессуальными правами, а равно не нарушать права и интересы других лиц. Отклонение от настоящих правил влечет для лиц, злоупотребляющих своими правами, неблагоприятные последствия.

Законодательно закреплен ряд механизмов по борьбе со злоупотреблением процессуальными правами, наряду с которыми можно выделить отнесение судебных расходов на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами, что предусмотрено в положениях ст. 111 АПК РФ. В диспозиции части 1 рассматриваемой статьи указаны ситуации нарушения лицом, участвующим в деле, претензионного или иного досудебного порядка урегулирования спора, то есть такое нарушение, которое приводит к невозможности рассмотрения спора или его затягиванию. В соответствии с положениями части 2 статьи 111 АПК РФ законодатель описывает ситуацию злоупотребления процессуальными правами, при которых, ввиду действий одной из сторон, срываются судебные заседания или возникает невозможность рассмотрения дела по существу. Правовое последствие для каждого из указанных случаев – отнесение судебных расходов на лицо, злоупотребляющее правом.

В действующем законодательстве не определена грань между добросовестной реализацией стороной принадлежащей ей прав, исполнением процессуальных обязанностей и недобросовестным поведением. Поэтому в ходе анализа судебной практики важно определить, в каких ситуациях, ввиду каких действий сторон и при каких условиях суды приходят к выводу о наличии злоупотребления правом, а соответственно определить основания для применения правовых санкций в виде возложения всех судебных расходов на недобросовестного участника.

В ходе анализа судебной практики, а именно судебных актов арбитражных судов апелляционной и кассационной инстанции, автором настоящей статьи определены основные признаки, при наличии которых суд приходит к выводу о злоупотреблении лицом правами и применении к нему соответствующих неблагоприятных последствий.

1. Суд устанавливает факт злоупотребления правом.

Поведение одной из сторон может быть признано злоупотреблением правом как по заявлению одной из сторон, так и по инициативе суда. О злоупотреблении правом

свидетельствует очевидное отклонение лица, участвующего в деле, от добросовестного поведения, которое предполагается от любых участников судопроизводства.

В контексте рассматриваемого тезиса необходимо разграничивать злоупотребление процессуальным правом и невыполнение процессуальных обязанностей. Обе из указанных форм являются злоупотреблением процессуальным правом в его широком смысле.

Иллюстрацией злоупотребления процессуальными правами может служить такое поведение лица, участвующего в деле, систематически инициирующего необоснованные отводы либо заявляющего иные ходатайства, единственной целью которых является искусственное затягивание судебного разбирательства.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного суда Российской Федерации в Определении от 23.09.2015 №306-ЭС15-1364 по делу №А55-12366/2012 сделала вывод о наличии в действиях одной из сторон судебного разбирательства признаки злоупотребления правом. Ответчик неоднократно обращался в суд с ходатайствами, которые были направлены на приостановление дела или отложение судебного разбирательства. Ходатайства заявлялись Ответчиком исключительно на судебных заседаниях, по своему существу не были подтверждены доказательствами, сопровождались просьбами о предоставлении времени для окончательного формирования правовой позиции по делу, а также сбору необходимых доказательств.

В ряде случаев суды однозначно приходят к выводу о наличии в действиях сторон признаков злоупотребления правом, что проявляется в невыполнении стороной своих процессуальных обязанностей.

Если лицо уклонялось от предоставления экспертам объектов исследования или доступа к ним, или иным образом не выполняло процессуальные обязанности, суд вправе на основании части 2 статьи 111 АПК РФ отнести на это лицо понесенные экспертов расходы в размере стоимости фактически проведенного исследования (абзац второй пункта 25 Постановления Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 №23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе»).

В случае неисполнения лицом, участвующим в деле, обязанности по предоставлению истребованных другой стороной доказательств или не уведомлению суда о невозможности исполнения указанной обязанности с указанием на уважительные причины, суд вправе на основании части 2 статьи 111 АПК РФ отнести на это лицо судебные расходы (абзац 6 пункта 38 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 23.12.2021 №46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции»).

2. Суд устанавливает наличие причинно-следственной связи между действием или бездействием лица и наступившим последствием в виде срыва судебного заседания, затягивания рассмотрения дела.

Для отнесения на одну из сторон бремени возмещения судебных расходов по делу, независимо от результатов рассмотрения дела, необходимо наличие причинно-следственной связи между бездействием лица и возникновением судебного спора или наступившим процессуальным последствием.

В ряде случаев суд анализирует, является ли не направление или несовременное направления ответа на претензию злоупотреблением правом, что анализировалось, например в Постановлении Арбитражного суда Поволжского округа от 25.12.2025 №Ф06-7879/2025 по делу №А06-570/2024, Постановлении Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 01.04.2025 №13АП-1133/2025 по делу №А21-12347/2023.

3. Суд устанавливает наличие умысла и цели причинения вреда другому лицу.

В ходе судебного разбирательства суд может прийти к выводу о наличии в действиях или бездействии участника арбитражного судопроизводства признаки злоупотребления процессуальными правами. Однако важно отметить, что выводы о наличии или отсутствии противоправного интереса суд делает исключительно на основе имеющихся в деле материалов

дела и доказательств, а также поведения сторон в ходе судебного разбирательства. В связи с чем суду необходимо установить наличие у лица, участвующего в деле, вины в форме умысла. Указанными категориями, апеллируют суды при установлении признаков злоупотребления процессуальными правами. В постановлении Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 11.11.2024 №Ф02-4522/2024 по делу №А33-20783/2019 суд однозначно сделал вывод: «материалами дела наличие у заявителя умысла на заведомо недобросовестное осуществление прав, наличие единственной цели причинения вреда другому лицу (отсутствие иных добросовестных целей) не подтверждается».

Таким образом, суд устанавливает истинные мотивы поведения лица, а равно хотело и желало ли оно своими действиями или бездействиями достижения наступивших процессуальных последствий, что и является установлением умысла лица.

Многообразие судебной практики свидетельствует о том, что в настоящее время невозможно определить унифицированный подход к определению пределов злоупотребления процессуальным правом. Данное обстоятельство обуславливает дифференцированный подход судов к определению пределов осуществления прав и выявлению признаков злоупотребления ими.

В настоящей статье определены основные положения, которыми апеллирует суд при установлении наличии или отсутствии в действии лица признаков злоупотребления правом в разрезе применения к нему правовых последствий в виде возложения на него судебных расходов. Таким образом, факт злоупотребления правом лицом, участвующим в деле, должен быть явным и подтвержденным документальным. Оценка наличия или отсутствия фактов злоупотребления процессуальными правами является прерогативой суда, равно как и отнесение всех судебных расходов независимо от исхода делом.

Список литературы

1. Арбитражный процессуальный кодекс РФ: Федеральный закон от 24 июля 2002 №95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – №3. – Ст. 3012.

2. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 23.12.2021 №46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» // Бюллетень Верховного суда РФ. – 2022. – №3.

3. Постановление Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 №23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» // Вестник ВАС РФ. – 2014. – №6.

4. Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного суда Российской Федерации в Определении от 23.09.2015 №306-ЭС15-1364 по делу №А55-12366/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Постановлении Арбитражного суда Поволжского округа от 25.12.2025 №Ф06-7879/2025 по делу №А06-570/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Постановлении Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 01.04.2025 №13АП-1133/2025 по делу №А21-12347/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Постановлении Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 11.11.2024 №Ф02-4522/2024 по делу №А33-20783/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

8. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.В. Абсалямов, Д.Б. Абушенко, А.И. Бессонова [и др.]; под ред. В.В. Яркова. 4-е изд., испр. и перераб. – М.: Статут, 2020. – 1071 с.

Утеев Азамат Какимович
бакалавр, студент
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
г. Казань, Республика Татарстан

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация: *в статье анализируются современный правовой статус и процессуальные проблемы, связанные с использованием электронных доказательств в гражданском судопроизводстве Российской Федерации. Несмотря на цифровизацию общественных отношений, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – ГПК РФ) продолжает опираться на традиционные категории, относя цифровые данные преимущественно к письменным доказательствам. Опираясь на мнения ведущих российских правоведов, в настоящей работе мы попытались выявить ключевые проблемы, связанные с аутентификацией, целостностью и фиксацией электронных доказательств. В статье также предлагаются конкретные изменения в процессуальное законодательство, направленные на выделение электронных доказательств в самостоятельную категорию с определёнными стандартами допустимости.*

Ключевые слова: *электронные доказательства, гражданское судопроизводство, допустимость доказательств, цифровизация, метаданные, процессуальные проблемы.*

В настоящее время происходит стремительное развитие информационных технологий, что, в свою очередь, преобразило гражданский оборот. Заключение договоров стало часто проводиться при помощи мессенджеров, а оказание услуг – через цифровые платформы. Более того, деликты (например, клевета или нарушение авторских прав) всё чаще совершаются в виртуальном пространстве. Однако, при сложившейся ситуации процессуальное законодательство, в частности ГПК РФ, отстаёт от существующих изменений. Отсутствие законодательно урегулированных критериев допустимости и достоверности электронных доказательств приводит к противоречиям в судебной практике, что приводит к нарушению принципа состязательности гражданского судопроизводства.

Для начала рассмотрим определение электронного документа. Сегодня в ГПК РФ не содержится официальной дефиниции электронных документов, которые могли бы выступать в качестве доказательств по делу. Помимо этого, не разъяснено какими признаками должен обладать такой документ, чтобы признавать его допустимым доказательством в суде и приобщить к делу. Однако, статья 71 ГПК РФ допускает использование документов, полученных посредством электронной связи, но возводит данные цифровые материалы в систему письменных доказательств. Такая позиция создаёт концептуальный диссонанс: цифровой файл, для которого характерна динамичность и изменчивость, юридически приравнивается к статическому бумажному носителю.

Понятие электронного документа на законодательном уровне закреплено в статье 2 Федерального Закона от 27 июля 2006 года №149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». В этой статье под электронным документом понимается «документированная информация, содержащаяся в электронном виде, предназначенном для использования при помощи информационных технологий». Стоит заметить, что данное определение не противоречит позициям ГПК РФ [1, с. 3448].

Центральная дискуссия в российской правовой доктрине касается правовой природы электронной информации. Одни учёные определяют такую информацию в качестве физического объекта, а другие – в качестве уникальной категории доказательств.

На основании положений ГПК РФ можно сделать вывод, что электронные документы в большей степени относятся к письменным доказательствам. Согласно части 1 статьи 71 ГПК РФ, «письменные доказательства включают в себя документы и материалы… полученные посредством факсимильной, электронной или иной связи… позволяющие установить подлинность документа» [2, с. 4532] Знаменитый учёный-юрист М.К. Треушников утверждал,

что важна сама информация, а не носитель [3, с. 960]. Следовательно, пока цифровые данные могут быть восприняты визуально (к примеру, прочитаны судьей), они представляют собой письменное доказательство.

В противовес традиционной точке зрения, известный ученый А.Т. Боннер высказывал мнение, что приравнивание электронных документов к традиционным письменным доказательствам методологически некорректно. В своей монографии «Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе» Боннер писал, что электронные доказательства обладают уникальными характеристиками, в частности, отделением содержания от физического носителя и опорой на технические посредники (аппаратное и программное обеспечение) для восприятия [4, с. 611]

Аналогичным образом, С.П. Ворожбит утверждала, что электронные доказательства должны быть признаны самостоятельным средством доказывания. По мнению автора, классификация письменных доказательств не учитывает метаданные (то есть время создания, историю изменений, IP-адрес), которые зачастую имеют более доказательственную силу, чем сам визуальный текст [5, с. 25].

Однако, стоит учитывать, что хотя сеть Интернет и не является материальным предметом, поскольку электронный документ невозможно взять в руки в отличие от документа на бумажном носителе, но при этом такой документ всё равно считается материальным явлением. В связи с этим, на сегодняшнем этапе развития процессуального права доказательства, связанные с цифровыми технологиями, стоит обозначить как специфическую форму вещественных доказательств.

Таким образом, на основании вышеизложенного мы приходим к выводу, что электронный документ является смешанным видом доказательства, который следует относить как к письменным, так и к вещественным. Схожесть данных видов доказательств состоит в наличии информации, которая необходима для разрешения спора по делу, а различие – в существовании данной информации на электронном носителе – то есть в форме.

Практическое применение ст. 71 ГПК РФ приводит к существенным препятствиям в вопросе допустимости. Суды часто отклоняют электронные доказательства, такие как – скриншоты, журналы электронной почты, переписки в мессенджерах, по причине их недопустимости (ст. 60 ГПК РФ) или недостоверности (ст. 67 ГПК РФ). Например, маловероятно, что простая печать скриншота с сайта будет признана судом в качестве доказательства. Для того, чтобы признать данное доказательство, нужно заверить распечатанный скриншот у нотариуса, но при этом способе не всегда удается подтвердить достоверность, поскольку данные можно удалить или изменить.

Одним из способов установления достоверности электронного документа является квалифицированная электронная подпись (Далее – КЭП). Согласно Федеральному закону №63-ФЗ «Информация в электронной форме, подписанная квалифицированной электронной подписью, признается электронным документом, равнозначным документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью» [6, с. 836]. Допустимость такого варианта удостоверения высока, однако проблема состоит в том, что большинство гражданских споров связано с электронной почтой или мессенджером без КЭП.

Нужно заметить, что при отсутствии КЭП суды часто требуют цепочку доказательств, связывающую учетную запись с лицом (например, пункт договора, в котором указано, что адреса электронной почты сторон признаются обязательными). Без такого пункта суды могут счесть доказательство недопустимыми в связи с невозможностью установить авторство.

В отличие от бумажных носителей, цифровые данные могут быть изменены без оставления видимых физических следов. Как уже отмечалось выше, стороны часто представляют распечатанные скриншоты переписки. Верховный Суд РФ в пункте 55 Постановления от 23 апреля 2019 года №10 разъяснил, что скриншоты экрана допустимы, если они содержат информацию о времени создания и адресе интернет-ресурса [7]. Однако Е.А. Нахова предупреждает, что простой распечатанный скриншот достаточно легко подделать [8, с. 85]. В связи с этим суды часто требуют проведения нотариальной проверки сайта.

Несмотря на то, что нотариальный протокол имеет весомое доказательственное значение, для многих сторон он обходится слишком дорого, что создаёт проблемы доступа к

правосудию. Если сторона не может позволить себе услуги нотариуса, она предоставляет простую распечатку, которую другая сторона может легко оспорить, что побудит суд отклонить её.

Для разрешения этих доктринальных противоречий и практических препятствий в ГПК РФ следует перевести фокус от попытки отнести цифровые данные к письменным. Вместо этого наиболее эффективным представляется введение новой статьи 71.1, которая определила бы электронные доказательства следующим образом: «Электронные доказательства включают информацию, созданную, переданную, хранящуюся или обрабатываемую в цифровой форме, включая аудио-/видеозаписи, базы данных, электронные документы и метаданные». Значение данного определения состоит в том, что судьи будут признавать метаданные допустимым предметом судебного исследования и официально назначать техническую экспертизу целостности файлов.

Для упрощенная процедуры обеспечения доказательств предлагается разрешить их автоматизированную фиксацию. Механизм такой процедуры представляется следующим образом: необходимо узаконить использование автоматизированного программного обеспечения (сервисов временных меток), которое позволит сохранить состояние веб-страницы на определённый момент времени. К примеру, если сторона представляет файл, защищённый сертифицированным органом по проставлению временных меток, он должен иметь такую же допустимость (prima facie), как и нотариально заверенный протокол, при условии возможности опровержения.

Таким образом, сфокусированная на бумажных носителях парадигма Гражданского процессуального кодекса РФ на сегодняшний день не совсем состоятельна. Как справедливо заметил А.Т. Боннер, закон не должен игнорировать технические реалии эпохи [9, с. 22]. Классифицируя электронные доказательства лишь как письменные документы, российская правовая система создаёт искусственные препятствия для правосудия.

Ключевое решение данной проблемы заключается в признании уникальной природы цифровых доказательств. Законодательство должно перейти от строгого формализма в виде требования нотариального заверения или квалифицированных подписей для всех документов к системе, основанной на разумных презумпциях надежности и возможности технической проверки целостности электронных документов. Только в таком случае проблемы допустимости электронных доказательств могут быть решены, чтобы служить истинным целям гражданского правосудия.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: от 14.11.2002 №138-ФЗ: ред. от 31.07.2025 // Собрание законодательства РФ. – 2002. – №46. – Ст. 4532.

2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 №149-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2006. – №31 (1 ч.). – Ст. 3448.

3. Об электронной подписи: Федеральный закон от 06.04.2011 №63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2011. – №15. – Ст. 2036.

4. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 №10 // СПС КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/ (дата обращения: 05.12.2025).

5. Боннер А.Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе / А.Т. Боннер. – М.: Проспект, 2015. – 611 с. EDN NJCSCL

6. Боннер А.Т. Электронное правосудие: реальность или новомодный термин? / А.Т. Боннер // Вестник гражданского процесса. – 2018. – №1. – С. 22–38. EDN YQMWOU

7. Ворожбит С.П. Электронные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе: 12.00.15: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Сергей Петрович Ворожбит. – СПб., 2011. – 25 с. EDN QHGLZT

8. Гражданский процесс: учебник / под ред. М.К. Треушникова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2014. – 960 с. – ISBN 978-5-8354-1055-0.

9. Нахова Е.А. Проблемы применения электронных доказательств в цивилистическом процессе и административном судопроизводстве / Е.А. Нахова // Закон. – 2018. – №4. – С. 85–94. EDN XMLIZV

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

Грязнов Сергей Александрович
канд. пед. наук, доцент, декан
ФКОУ ВО «Самарский юридический институт ФСИН России»
г. Самара, Самарская область

ТЕНДЕНЦИИ И ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ

Аннотация: *статья представляет аналитический обзор современных тенденций и вызовов цифровой криминалистики, фокусируясь на изменении источников доказательств, эволюции методик сбора и анализа данных, а также правовых и организационных аспектах. Рассматриваются смещение акцента в сторону облачных и виртуализованных сред, внедрение методов машинного обучения и проблемы воспроизводимости выводов автоматизированных систем. Очерчены направления дальнейшего развития и практических мер, включающих эмпирическую валидацию методик, усиление правовой базы и подготовку междисциплинарных кадров.*

Ключевые слова: *цифровая криминалистика, облачные вычисления, стандартизация инструментов, защита персональных данных, блокчейн-криминалистика.*

В настоящее время цифровая криминалистика переживает этап ускоренной эволюции, вызванный многоплановой трансформацией информационных технологий и изменением поведенческих моделей пользователей. Ранее доминировавшее понятие «расследование цифровых преступлений, совершаемых с помощью отдельных устройств» постепенно уступает место более сложной картине, где источником доказательств становятся распределенные облачные сервисы, мобильные экосистемы, интернет вещей и многослойные сетевые инфраструктуры. Одновременно с этим увеличивается объем и разнообразие данных, растут требования к скорости реагирования и юридической устойчивости собранных материалов [1]. В этой связи видится актуальным аналитический обзор современных тенденций, инструментов и регуляторных практик, а также определение барьеров на пути становления цифровой криминалистики.

Первой и главной тенденцией является развитие облачной криминалистики. Здесь ключевые объекты исследований включают логи аутентификации и доступа, журналы событий сервисов (API-calls), снимки виртуальных дисков и памяти, метаданные объектов хранилищ, сетевую телеметрию. Перечень инструментов и практик сочетает международные коммерческие решения, отечественные продукты и свободно распространяемые утилиты, адаптированные под локальные реалии.

Так, для извлечения и анализа мультимедийных и пользовательских данных из мобильных устройств ранее широко применялся комплекс Belkasoft Evidence Center (российская компания BelkaSoft) [2], однако в 2022 году компания покинула российский рынок. Кроме того, из-за санкционного давления из России ушли многие зарубежные производители, например, израильская компания Cellebrite и швейцарская компания MSAB. Тем не менее в распоряжении силовых структур остались некоторые разработки, такие как «Мобильный криминалист» от компании «МКО-Системы», продукция компании Elcomsoft, а также китайское решение Forensic MagiCube. Подобные технологии позволяют установить, где находился человек в конкретный момент времени, а также выявить связи между подозреваемыми, если они оказывались в одном месте. Однако временная синхронизация является острой проблемой облачной криминалистики. В распределенных системах источники логов могут иметь различную точность временных меток, что требует четкой нормализации времени при корреляции событий. Также вызовом является необходимость верификации происхождения данных – документирование цепочки получения через API, запросы к поддержке провайдера и сохранение подписанных экспортов для судебной пригодности.

Вторая тенденция – машинное обучение и искусственный интеллект (ИИ). В прикладных процессах ИИ применяется для автоматизации триажа и приоритизации материалов, распознавания биометрии, обнаружения аномалий в логах и сетевой телеметрии, а также для обработки документов и трассировки транзакций в блокчейне – это повышает оперативность, но требует тщательной верификации результатов. В российской практике основу технической экосистемы составляют инструменты компьютерного зрения и аудиоанализа, ELK-стек и коммерческие SIEM-решения, а также отечественные продукты биометрии и кибераналитики. Ограничивающими факторами здесь являются правовые требования к персональным и биометрическим данным, дефицит репрезентативных и юридически пригодных обучающих наборов, уязвимость моделей к adversarial-приемам (преднамеренные манипуляции с входными данными) и возможные смещения, приводящие к систематическим ошибкам. Следовательно, судебная пригодность выводов на базе ИИ требует протоколов валидации, воспроизводимости и прозрачной документации, включая логирование данных, версионирование моделей и обязательное участие эксперта на финальном этапе.

Третья тенденция – развитие блокчейн-технологий, которые изменили природу финансовых и информационных следов – сделали их публичными в новом формате и одновременно породили уникальные вызовы по установлению субъектности и контекста транзакций. В криминалистике появился новый тип первичных артефактов – цепочки транзакций и графы взаимодействий, которые можно анализировать для восстановления последовательности, например, денежных переводов, и выявления закономерностей поведения адресов, обнаруживая паттерны, типичные для отмывания средств или финансирования преступной деятельности. Внутри профессиональных криминалистических команд появились новые специализации: on-chain аналитики, эксперты по смарт-контрактам, специалисты по взаимодействию с площадками обмена и юридические консультанты по вопросам криптовалютного права. В 2021 г. Федеральная служба по финансовому мониторингу Российской Федерации представила программное обеспечение под названием «Прозрачный блокчейн», созданное на базе ИИ. Данное программное обеспечение призвано решить следующие задачи: отслеживать цепочки перемещений цифровых финансовых активов; осуществлять мониторинг поведения участников криптовалютного рынка с целью их идентификации; вести базу данных криптовалютных кошельков, связанных с осуществлением противоправной деятельности и финансированием терроризма; составлять профили участников крипторынка и оценивать их роль в экономической деятельности; выявлять вероятность их участия в противоправной деятельности [3]. Таким образом, блокчейн-криминалистика вступила в динамичную фазу развития вследствие постоянного появления новых технологий и моделей злоупотреблений. Перспективы дальнейшего развития включают усиление междисциплинарного подхода, развитие стандартов верификации on-chain доказательств и усиление сотрудничества между государственными органами, биржами и аналитическими провайдерами.

Наконец, проблемы и перспективы развития научной и педагогической составляющих отрасли. современный преподаватель криминалистики должен обладать глубокими теоретическими знаниями в области криминалистики, а также иметь личный практический опыт в сфере противодействия преступности. Такая двухуровневая формула преподавателя обеспечит как предоставление аудитории необходимого качественного набора криминалистических знаний, так и обезопасит авторитет преподавателя. Такой уровень профессиональной криминалистической подготовки достигается в процессе обучения в аспирантуре (адъюнктуре), а также при прохождении преподавателем обязательного курса повышения квалификации (на системной и плановой основе) в правоохранительных органах, суде или экспертно-криминалистических лабораториях (в том числе цифровых). Нехватка квалифицированных кадров, необходимость междисциплинарного набора знаний и постоянное обновление компетенций стимулируют появление специализированных курсов, моделей сертификации и коллаборативных платформ для обмена опытом. При этом образовательные программы должны фокусироваться не только на инструментах, но и на методологии, правовой

грамотности и вопросах этики, что повысит качество работы и юридическую устойчивость выводов.

Обобщая вышеизложенное, можно констатировать что технические инновации открывают новые возможности для выявления и анализа цифровых преступлений, но одновременно порождают сложные вызовы, связанные с масштабом данных, распространением шифрования и применением антикриминалистических приемов. Адекватный ответ на эти вызовы требует комплексного подхода, объединяющего развитие методов сбора и анализа, стандартизации инструментов, усиления юридической и этической базы, а также инвестиций в человеческий капитал. Таким образом, стратегическая задача отрасли видится в обеспечении воспроизводимости и объяснимости выводов при одновременном уважении прав на приватность.

Список литературы

1. Григорьев А.Н. Развитие «цифровой криминалистики» как необходимое условие обеспечения цифрового суверенитета Российской Федерации / А.Н. Григорьев // Современные технологии и подходы в юридической науке и образовании: сборник материалов Междунар. науч.-практ. форума (Калининград, 27–31 августа 2020 г.). – Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2021. – С. 254–261.

2. Соколова А.В. Цифровая обработка криминалистически значимой информации на примере судебно-баллистической экспертизы / А.В. Соколова // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2025. – №3 (109). – С. 91–101. EDN PKOOLT

3. Чихрядзе А.М. Система блокчейн: криминалистический аспект / А.М. Чихрядзе // Философия права. – 2024. – №3 (110). – С. 187–192. EDN XZUBFL

Ивенский Андрей Иванович
канд. юрид. наук, доцент, доцент
ФКОУ ВО «Самарский юридический институт ФСИН России»
г. Самара, Самарская область

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ПРИМЕНЕНИЯ ОСОБОГО ПОРЯДКА ПРИНЯТИЯ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ ГРУППОЙ ЛИЦ

Аннотация: *исследуются проблемы применения особого порядка, регламентированного главой 40 УПК РФ, по делам о преступлениях, совершенных группой лиц. Анализируются причины, снижающие возможности рассмотрения таких уголовных дел в особом порядке. Использованы методы: диалектический, формально-логический, сравнительно-правовой, эмпирический, анализ, синтез. В выводах намечены перспективы развития особого порядка.*

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, преступления, совершенные в соучастии, досудебное производство по уголовному делу, судебное разбирательство по уголовному делу, особый порядок, сокращенное судопроизводство, цели уголовного судопроизводства, посткриминальное поведение, сотрудничество с органами предварительного расследования.*

Вокруг регламентированного главой 40 УПК РФ особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (далее «особый порядок» или ОП, если не оговорено иное) продолжаются научные дискуссии относительно различных вопросов, носящих нормативный, теоретический и практически-правоприменительный характер.

Проблемы целеполагания рассматриваемого порядка судебного разбирательства представляются основополагающими и весьма актуальными. В литературе нет единого мнения по вопросам целей и задач, которые предполагал достигнуть законодатель, степени их реализации в практике ОП, а также причин, препятствующим таковой. П. Н. Ременных выделяет три задачи ОП: «1) обеспечение экономии и рационального распределения сил и средств органов уголовной юстиции (необходима конкретизация: каких именно органов? – А.И.); 2)

сокращение продолжительности нахождения дела в суде (что представляется некорректным, поскольку: а) неясно – в каком суде с точки зрения множественности судебных стадий; б) уголовное дело физически находится «в суде» и после его рассмотрения и даже после исполнения приговора, ибо хранится в архиве суда – А.И.); 3) сокращение временного интервала от момента совершения преступления и до вынесения наказания [1, с. 13] (что также некорректно, поскольку может быть постановлен: а) не только обвинительный приговор; б) обвинительный приговор без назначения наказания- А.И.). А. А. Плясунова пишет, что ОП направлен «на сокращение сроков судебного рассмотрения уголовного дела» [2, с. 7], что в целом верно, но опять-таки не учтена стадийность. В этой части Н. В. Редькин высказывается более конкретно: ОП призван «упрощать общую форму судебного разбирательства по уголовным делам в судах первой инстанции» [3, с. 9–10], однако никаких иных целей не указывает. В. Н. Парфенов в качестве целей называет только экономию «средств, затрачиваемых на отправление правосудия, за счёт стимулирования позитивного для стороны обвинения поведения обвиняемого (подозреваемого)» [4, с. 7]. Проф. А. В. Смирнов относит к числу задач целерантного производства, в частности, процессуальную экономию, т. е. сокращение времени, сил и средств, используемых для разрешения части уголовных дел, и высвобождение их для производства по наиболее сложным делам [5, с. 544], не детализируя пути достижения «процессуальной экономии».

Наиболее развернутый перечень целей и задач ОП приводит К. А. Рыбалов, исходя из целей «отечественной уголовно-процессуальной политики» [6, с. 11], которые, по его мнению, законодатель стремится решить посредством ОП. В числе таких целей им указаны, в частности (нумерация введена нами – А.И.): 1) экономия сил и средств органов уголовной юстиции по расследованию преступлений и судебному разбирательству уголовных дел; 2) склонение обвиняемого к сотрудничеству с органами уголовного преследования, результатом чего предполагается решение таких задач, как: а) изобличение с его помощью других участников преступления, б) быстрое и с минимальными издержками раскрытие преступления, в) установление всех обстоятельства его совершения; 3) поощрение позитивного посткриминального поведения обвиняемого. Последнее трактуется как сотрудничество с органами предварительного расследования [6, с. 11; 7, с. 5, 7, 8], что односторонне и потому методологически неточно, поскольку содержание посткриминального поведения могут составлять два аспекта. Во-первых, оно связано с отношением обвиняемого к последствиям совершенного деяния, а именно с причиненным его действиями вредом. Здесь позитивным посткриминальным поведением являются действия обвиняемого, направленные на минимизацию и / или компенсацию причиненного вреда, что соответствует защите прав потерпевших, т. е. назначению уголовного судопроизводства (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ). Только во вторую очередь фактором позитивного посткриминального поведения следует считать сотрудничество с органами уголовного преследования.

В настоящей работе исследуются проблемы применения ОП делам о преступлениях, совершенных группой лиц, включая различные формы соучастия (ст. ст. 33, 35 УК РФ). Следует сразу отметить невысокую степень корреляции между ОП и стимуляцией положительного посткриминального поведения лиц в виде помощи правоохранительным органам по изобличению соучастников преступления (как полагает К. А. Рыбалов [6, с. 30]). Так, согласно нашим эмпирическим данным (возможно, несколько устаревшим, однако радикальных изменений в данной сфере не наблюдается), процент дел о групповых преступлениях составляет 7,1% от общего числа, рассмотренных в ОП [8, с. 16, 157].

Возможность и действенность такой стимуляции существенно снижается вследствие следующих факторов. Во-первых, органы предварительного расследования не решают вопросов ни о применении ОП, ни о назначении наказания, которое понесет лицо, т. е. не могут гарантировать достижение целей, из-за которых соучастник преступления готов пойти на сотрудничество. Во-вторых, изобличение одним соучастником других предполагает разногласия между ними: противоречия в показаниях, непризнание или неполное признание вины

другими соучастниками. Если же хотя бы один из обвиняемых не согласен с обвинением, он, как правило, не ходатайствует о применении ОП; поэтому рассмотрение уголовного дела в порядке гл. 40 УПК РФ невозможно. В п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 №60, исходя из существующей регламентации ОП, разъясняется, что в случаях, когда по уголовному делу привлекается несколько подсудимых, из которых хотя бы один не заявил ходатайство о рассмотрении дела в ОП либо «является несовершеннолетним, то при невозможности выделить дело в отношении лиц, заявивших ходатайство об особом порядке судебного разбирательства, и несовершеннолетних в отдельное производство такое дело в отношении всех обвиняемых должно рассматриваться в общем порядке» [9].

Однако если выделение уголовного дела в отношении несовершеннолетних прямо предусмотрено ст. 422 УПК РФ, то ни нормы главы 40 УПК РФ, ни какие-либо иные не предусматривают выделение уголовного дела в отношении лиц, заявивших ходатайство о применении ОП. Данное препятствие применению ОП может быть преодолено только путем регламентации дозволения такого выделения путем внесения соответствующей нормы в статьи 154 и 314 УПК РФ. Примером является регламентация выделения уголовных дел в отношении подозреваемых и обвиняемых, с которыми заключено досудебное соглашение о сотрудничестве (п. 4 ч. 1 ст. 154, ст. ст. 317.4, 317.5, 317.6 УПК РФ).

Выводы. Стимуляция за счет применения особого порядка позитивного посткриминального поведения в виде сотрудничества с органами уголовного преследования для лиц, совершивших преступления в соучастии представляется малоэффективной. В целях повышения заинтересованности отдельных соучастников в рассмотрении уголовного дела в особом порядке следует расширить гарантии возможностей выделения уголовного дела в отношении них в отдельное производство. Для этого необходимо дополнить ч. 1 ст. 154, а также ст. 314 УПК РФ нормами, регламентирующей возможность выделять уголовное дело в отношении обвиняемого, заявившего ходатайство, предусмотренное ч. 1 ст. 314 УПК РФ, в случаях, когда прочие соучастники не заявили такого ходатайства либо по иным причинам, делающим невозможным применение к ним особого порядка.

Список литературы

1. Ременных П.Н. Теоретические основы и практика применения особого порядка судебного разбирательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / П.Н. Ременных. – Барнаул, 2006. – 26 с. EDN NKERFF

2. Плясунова А.А. Особый порядок судебного разбирательства как упрощенная форма уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Плясунова. – Оренбург, 2008. – 21 с. EDN NKQENX

3. Редькин Н.В. Особый порядок судебного разбирательства в системе уголовного процесса РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.В. Редькин. – Краснодар, 2007. – 25 с. EDN NISUQT

4. Парфенов В.Н. Обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при особом порядке судебного разбирательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.Н. Парфенов. – М., 2010. – 25 с. EDN QHHZEF

5. Смирнов А.В. Уголовный процесс: учебник для вузов / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. – СПб.: Питер, 2004. – 696 с.

6. Рыбалов К.А. Особый порядок судебного разбирательства в Российской Федерации и проблемы его реализации / К.А. Рыбалов. – М.: Юрлитинформ, 2004. – 152 с.

7. Рыбалов К.А. Особый порядок судебного разбирательства в Российской Федерации и проблемы его реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / К.А. Рыбалов. – М.: РУДН, 2004. – 25 с. EDN NMRQYH

8. Ивенский А.И. Особый порядок судебного разбирательства: проблемы теории и практики: монография / А.И. Ивенский. – Саратов, 2008. – 227 с. EDN QRBATL

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 декабря 2006 г. №60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» (с изм. и доп. от: 24 февраля, 23 декабря 2010 г., 9 февраля, 5 июня 2012 г., 22 декабря 2015 г., 29 июня 2021 г.) // СПС Гарант. – URL: https://base.garant.ru/1780770/ (дата обращения: 18.02.2026).

Ивенский Андрей Иванович
канд. юрид. наук, доцент, доцент
ФКОУ ВО «Самарский юридический институт ФСИН России»
г. Самара, Самарская область

О СООТНОШЕНИИ ОСОБОГО ПОРЯДКА ПРИНЯТИЯ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ ПРИ СОГЛАСИИ ОБВИНЯЕМОГО С ПРЕДЪЯВЛЕННЫМ ЕМУ ОБВИНЕНИЕМ И СТИМУЛЯЦИИ ПОЗИТИВНОГО ПОСТКРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Аннотация: *исследуются такие цели особого порядка принятия решения, регламентированного главой 40 УПК РФ, как обеспечение положительного посткриминального поведения и примирения сторон. Дифференцируются составляющие посткриминального поведения. Анализируются причины, препятствующие достижению данных целей. Использованы методы: диалектический, формально-логический, сравнительно-правовой, эмпирический, анализ, синтез. В выводах намечены перспективы развития особого порядка.*

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, досудебное производство по уголовному делу, судебное разбирательство по уголовному делу, особый порядок, сокращенное судопроизводство, цели уголовного судопроизводства, посткриминальное поведение, возмещение вреда, примирение сторон.*

Регламентированной главой 40 УПК РФ «Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением» (далее «особый порядок» или «ОП», если не оговорено иное) будет еще долго вызывать оживленную научную полемику как по доктринальным проблемам, так и по вопросам правоприменительного характера. Так, с самого появления рассматриваемого порядка судебного разбирательства в юридической литературе дискутируется его предназначение, цели, которые предполагается достигнуть. А. В. Смирнов, используя для общего обозначения форм ускоренного и упрощенного процесса термин *целерантное* производство (который продолжают использовать многие исследователи [1; 2 и др.]), относит к числу его задач, в частности, примирение сторон [3, с. 544].

В той или иной мере о целях / задачах / направленности ОП высказываются многие исследователи [4, с. 7; 5, с. 9–10; 6, с. 13; 7, с. 7]. Наиболее развернутый перечень задач приводит К. А. Рыбалов, который, позиционируя нормы главы 40 УПК РФ как уголовно-процессуальный институт, базирующийся «на идее разумного компромисса в уголовном судопроизводстве» [8, с. 11], излагает свое видение задач «отечественной уголовно-процессуальной политики», которые законодатель стремится решить посредством ОП. В частности, автором декларируются (нумерация введена нами – А.И.): А) склонение обвиняемого к сотрудничеству с органами уголовного преследования; Б) поощрение позитивного посткриминального поведения обвиняемого, которое, впрочем, автор трактует в смысле облегчения раскрытия, расследования и судебного рассмотрения преступлений [8, с. 17 и др.; 9, с. 5, 7, 8], что фактически нивелирует задачи, обозначенные нами под пунктами А и Б.

Полемизируя, отметим, что перечисленные декларируемые цели не могут быть решены в полном объеме, что обусловлено как регламентацией ОП, так и правоприменительной практикой. Так, важным фактором, препятствующим достижению указанных целей, является то, что возможность применения ОП практически не связана с поведением обвиняемого на стадии предварительного расследования. Последний может как признать свою вину с самого начала расследования, так и отрицать ее вплоть до ознакомления с материалами уголовного дела, и только в протоколе о выполнении ст. 217 УПК РФ заявить о согласии с обвинением и ходатайствовать о рассмотрении дела в ОП. Между этими крайними формами существует широкий «веер возможностей» поведения обвиняемого в части начала и степени сотрудничества со следствием, отсутствие которого (сотрудничества) не является

критичным для возможности рассмотрения дела судом в ОП. Заметим также, что поскольку для ОП требуется не признание вины, а согласие с обвинением (ч. 1 ст. 314 УПК РФ), налицо парадоксальная ситуация, когда уголовное дело в отношении обвиняемого, не признающего вину и совершенно не сотрудничавшего со следствием, но выразившего согласие с обвинением, может быть рассмотрено в ОП. Применение ОП не связано даже с тем, давал ли обвиняемый в стадии предварительного расследования показания и какие именно. В п. 11.1 Постановления ПВС РФ от 05.12.2006 №60 разъясняется, что если подсудимый ранее оспаривал обвинение либо отказался от дачи показаний, суду при выяснении вопросов ч. 4 ст. 316 УПК РФ следует только «уточнить его позицию и убедиться …, что подсудимый … согласен с обвинением» [10].

ОП практически не оказывает влияния на решение задачи примирения сторон. Теоретически и нормативно такая возможность заложена, поскольку согласие (точнее, отсутствие возражений) потерпевшего необходимо для применения ОП (п. 3 ч. 2 ст. 314, ч. 4 ст. 316 УПК РФ). Имеются основания предположить, что в целях получения такого согласия обвиняемый заинтересован предпринимать шаги для полного либо частично заглаживания причиненного вреда, возмещения исковых требований. Однако фактически этому препятствуют следующие факторы: 1) потерпевший в большинстве случаев не имеет юридических познаний, в силу чего процессуально пассивен; 2) отказ от ОП для потерпевшего повлечет: а) увеличение собственных временных затрат на участие в процессе: как минимум на одно судебное заседание, поскольку суд будет обязан прекратить ОП и назначить судебное разбирательство в общем порядке, повторив вызов сторон; при необходимости вызова большого количества свидетелей – несколько судебных заседаний; б) невозможность возврата к ОП; в) вероятность ухудшения позиции подсудимого относительно добровольного заглаживания вреда, не связанная с видом судебного разбирательства. Все эти последствия нельзя признать благоприятными для потерпевшего. Не стимулирует примирение сторон также отсутствие в законе препятствий для применения ОП даже при полном отсутствии компенсационных действий подсудимого, что является нормативным недостатком ст. 316 УПК РФ.

В юридической литературе высказано справедливое мнение о необходимости двустороннего рассмотрения целей целерантного судопроизводства. Односторонняя трактовка позитивного посткриминального поведения обвиняемого в виде его сотрудничества с органами предварительного расследования неверна методологически. Х. Д. Аликперов отмечает: обвиняемые без уверенности в благоприятных для себя «конкретных последствиях совершаемых ими положительных посткриминальных поступков» не заинтересованы в сотрудничестве с органами предварительного расследования [11, с. 73]. Аналогична позиция К. А. Рыбалова [8, с. 30].

Следует уточнить, что содержание «положительного посткриминального поведения» включает в себя как сотрудничество с органами уголовного преследования, так и деятельное раскаяние, т. е должно рассматриваться в двух аспектах. В первую очередь это отношение обвиняемого к причиненному его действиями вреду. В этом смысле позитивным посткриминальным поведением являются совершаемые обвиняемым действия, направленные на минимизацию и / или компенсацию причиненного вреда. Обвиняемый может быть мотивирован добровольно согласиться с обвинением (фактически отказавшись от собственной защиты) только в своих интересах (крайне редки случаи самодостаточной позитивной реморализации обвиняемых: деятельное раскаяние, не преследующее целей получения выгод). Лишь получив возможность реальных преимуществ: снижение наказания, избавление от судебных издержек и т. д. – подсудимый может прийти к решению облегчить и труд прокуратуры (и, возможно, суда), и собственную участь. Опосредованно такая заинтересованность обвиняемого отвечает интересам потерпевшего, общества и государства, поскольку предполагается, что обвиняемый осознает свою вину, раскаивается в совершенном

преступлении и добровольно предпринимает шаги, направленные на заглаживание причиненного вреда.

Только во вторую очередь фактором положительного посткриминального поведения является сотрудничество с органами предварительного расследования и прокуратурой в соответствующих стадиях. В состав данного фактора нельзя включать сотрудничество с судом. Суд независим и беспристрастен; подсудимый, соглашаясь с обвинением и ходатайствуя о рассмотрении дела в ОП, сотрудничает с обвинением. Суд, не вступая в соглашение ни с обвинением, ни с защитой, проверяет законность их сотрудничества и самостоятельно принимает решение об удовлетворении ходатайства подсудимого и рассмотрении дела в ОП, либо об отказе в таковом и переходе в ординарный порядок. Несмотря на несомненное облегчение нагрузки на суд при ОП, расценивать это как сотрудничество подсудимого с судом неверно, такая трактовка противоречит принципу состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ).

Выводы. Стимуляция за счет применения особого порядка положительного посткриминального поведения обвиняемого как в виде заглаживания причиненного преступлением вреда, так и путем сотрудничества с органами уголовного преследования представляется малоэффективной. Полагаем, что внесение в ст. 316 УПК РФ изменений, ставящих возможность снижения наказания от исполнения обязанности по возмещению вреда, будет способствовать как стимуляции позитивного посткриминального поведения, так и достижению цели примирения сторон.

Список литературы

1. Сергеева А.В. Особый порядок судебного разбирательства через призму назначения уголовного судопроизводства / А.В. Сергеева // Молодой ученый. – 2020. – №18 (308). – С. 322–325. EDN PZJQVM

2. Конин В.В. Медиация в целерантном уголовном судопроизводстве / В.В. Конин // Ученые записки Орловского гос. ун-та. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2010. – №3–1 (37). – С. 268–270. EDN MXHFVV

3. Смирнов А.В. Уголовный процесс: учебник для вузов / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. – СПб.: Питер, 2004. – 696 с.

4. Плясунова А.А. Особый порядок судебного разбирательства как упрощенная форма уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Плясунова. – Оренбург, 2008. – 21 с. EDN NKQENX

5. Редькин Н.В. Особый порядок судебного разбирательства в системе уголовного процесса РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.В. Редькин. – Краснодар, 2007. – 25 с. EDN NISUQT

6. Ременных П.Н. Теоретические основы и практика применения особого порядка судебного разбирательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / П.Н. Ременных. – Барнаул, 2006. – 26 с. EDN NKERFF

7. Парфенов В.Н. Обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при особом порядке судебного разбирательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.Н. Парфенов. – М., 2010. – 25 с. EDN QHHZEF

8. Рыбалов К.А. Особый порядок судебного разбирательства в Российской Федерации и проблемы его реализации / К.А. Рыбалов. – М.: Юрлитинформ, 2004. – 152 с.

9. Рыбалов К.А. Особый порядок судебного разбирательства в Российской Федерации и проблемы его реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / К.А. Рыбалов. – М., 2004. – 25 с. EDN NMRQYH

10. Аликперов Х.Д. Преступность и компромисс / Х.Д. Аликперов. – Баку: Элм, 1992. – 181 с.

11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 №60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» (с изм. и доп. от: 24 февраля, 23 декабря 2010 г., 9 февраля, 5 июня 2012 г., 22 декабря 2015 г., 29 июня 2021 г.) // СПС Гарант. – URL: https://base.garant.ru/1780770/ (дата обращения: 18.02.2026).

Ивенский Андрей Иванович
канд. юрид. наук, доцент, доцент
ФКОУ ВО «Самарский юридический институт ФСИН России»
г. Самара, Самарская область

ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛКАХ УПРОЩЕННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: *в работе исследуются упрощенные процедуры производства по делам о преступлениях, исторически предшествовавшие в российской юриспруденции особому порядку принятия решения, регламентированному главой 40 УПК РФ. Использованы методы: диалектический, формально-логический, сравнительно-исторический, сравнительно-правовой анализ, синтез. В выводах намечены перспективы развития особого порядка.*

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, судебное разбирательство по уголовному делу, особый порядок, сокращенное судопроизводство, сделка о признании вины, сделка не случай признания вины.*

Значительно упрощенный и сокращенный «Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением» (далее «особый порядок», если не оговорено иное) является новеллой, регламентированной главой 40 УПК РФ 2001 года, которая сразу же вызвала и, видимо, будет еще долго вызывать оживленную научную полемику, предметом которой являются как доктринальные проблемы, так и вопросы правоприменительного характера.

Многие весьма авторитетные авторы полагают даже, что особый порядок является абсолютной новеллой для отечественного уголовного судопроизводства. Так, по мнению Б.Т. Безлепкина, установленный гл. 40 УПК РФ институт подобен «сделке о признании» и не имеет корней в истории отечественного судопроизводства [1, с. 356]. О.В. Качалова и Ю.В. Кореневский также считают, что особый порядок судебного разбирательства представляет собой принципиально новую согласительную процедуру, сходную со сделкой о признании вины [2, с. 498; 3, с. 532]. А.В. Смирнов пишет, что главой 40 УПК РФ «впервые в российском уголовном процессе предусмотрена возможность разрешения дела по ходатайству обвиняемого с помощью сделки об упрощении судебной процедуры» [4, с. 550]. Данные суждения нуждаются в критическом осмыслении.

Даже неглубокий исторический анализ показывает, что упрощенное производство по уголовным делам если и не традиционно, то уж во всяком случае неоднократно имело место в отечественной юриспруденции (хотя следует заметить, что разрешение таких дел не всегда носило строго уголовно-судопроизводственный характер). Так, еще И.Я. Фойницкий, оправдывая существовавший в конце XIX – начале XX в. административно-дисциплинарный порядок рассмотрения ряда малозначительных уголовных дел, писал: «Маловажность дела служит основанием изъятия из судебного порядка потому, что требуемая последним огромная затрата как личных сил, так и финансовых средств необходима только в делах … значительных, между тем как в делах ничтожных дорогая судебная процедура была бы крайне тягостна и для государства, и для лиц привлекаемых». Для определения «границы маловажности» И.Я. Фойницкий выделяет два критерия: 1) «объективный» – позитивное установление законодателем категорий маловажных дел; 2) «субъективный», то есть «с согласия обвиняемого». Указывая на разное воздействие на различных лиц одних и тех же принудительных мер, налагаемых законом, И.Я. Фойницкий отмечает предпочтительность «субъективного» критерия, то есть «чтобы дело, признаваемое законом объективно маловажным, тогда только устранялось от судебного порядка, когда и сам обвиняемый не возражает против несудебного

разбора» [5, с. 14]. Отмечая, что указанный «субъективный» критерий не представляется логически связанным с «маловажностью» дела, заметим, что данные критерии в целом вполне применимы для дел, рассматриваемых в особом порядке (гл. 40 УПК РФ). Сравнительно с существовавшей в дореволюционной России системы несудебного разрешения уголовных дел порядок, регламентированный гл. 40 УПК РФ, имеет преимущество принятия решения органом судебной, а не административной (исполнительной) власти.

Необходимо также отметить, что идеи соблюдения процессуальной экономии и даже некоторые элементы упрощения судебного разбирательства по уголовным делам имели место и в советский период. Например, в 70-х годах прошлого столетия В. И. Курляндский [6; 7, с. 81–87] и И.И. Карпец [8, с. 125] указывали на нецелесообразность полного соблюдения судебной процедуры в отношении малозначительных и несложных уголовных дел. Указанные авторы предлагали упростить порядок судопроизводства по делам о преступлениях, представляющих сравнительно небольшую общественную опасность, для чего предполагалось выделить их в отдельную категорию «уголовного проступка», производство по которому осуществлять в форме, близкой к административной, т. е. сходной с описываемой И.Я. Фойницким. Сходное мнение высказано В.К. Рябининой [9, с. 20].

Попытки законодательного упрощения судебного разбирательства по уголовным делам предпринимались и в последние годы действия предыдущего УПК РСФСР 1960 г. Так, ч. 2 ст. 446 УПК РСФСР устанавливалось, что при рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей при условии признания подсудимым (всеми подсудимыми) своей вины сразу после оглашения государственным обвинителем резолютивной части обвинительного заключения председательствующий судья сразу же предлагал каждому из подсудимых дать показания по поводу предъявленного обвинения и других обстоятельств дела. Процедура производства в суде присяжных возродила правило, согласно которому судебное следствие может быть существенно сокращено, если подсудимый (все подсудимые) полностью признал себя виновным. Судебное следствие в суде присяжных могло ограничиться только показаниями подсудимого, если сделанные признания не оспаривались сторонами и не вызывали сомнений у судьи. В этом случае председательствующий получал право с согласия всех участников процесса ограничиться исследованием лишь тех доказательств, на которые указывали стороны. При отсутствии таких указаний и собственных сомнений председательствующий мог объявить судебное следствие оконченным и перейти к прениям. Судебное следствие могло быть продолжено только в том объеме, в котором это счёл нужным судья с учетом мнения сторон [10, с. 699].

Весьма существенное сходство с процедурой, обусловленной гл. 40 УПК РФ, имела ст. 475 УПК РСФСР, которая устанавливала на основе диспозитивного соглашения сторон (ходатайства любой из сторон и отсутствия возражений другой, либо обоюдного ходатайства) право мирового судьи провести сокращенное судебное следствие, включающее допрос подсудимого и потерпевшего, а также исследование иных доказательств, на которые укажут стороны. При этом мировой судья должен был разъяснить сторонам, что их согласие на проведение сокращенного судебного следствия влечет за собой недопустимость обжалования или опротестования приговора по этому основанию [10, с. 731].

В приведенных нормах явно просматриваются тенденции: 1) симплификации процесса; 2) фрагментарного исследования доказательств (возможности исключения из доказывания обстоятельств, признанных обеими сторонами).

Резюмируя, отметим, что упрощенное уголовное судопроизводство не является абсолютной новеллой для российской юриспруденции, поскольку исторически последней известны процедуры, имеющие существенное сходство с порядком, регламентированным главой 40 УПК РФ. Данный отечественный законодательный опыт заслуживает пристального

изучения. В частности, перспективными представляются следующие нереализованные и пока малоисследованные идеи:

– применения отдельных элементов редуцирования судопроизводства на такой усложненный его порядок, как рассмотрение дел судом с участием присяжных заседателей;

возможности не абсолютного, а фрагментарного отказа от исследования доказательств.

Список литературы

1. Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс России: учеб. пособие / Б.Т. Безлепкин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби; Проспект, 2004. – 480 с. EDN PDYETF

2. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / А.С. Безнасюк [и др.]; под общ. ред. Н.А. Петухова, Г.И. Загорского. – М.: ЭКМОС, 2002. – 765 с.

3. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Г.Д. Агамов [и др.]; под общ. и науч. ред. А.Я. Сухарева. – 2-е изд., перераб. – М.: Норма, 2004. – 1102 с. EDN XWORMD

4. Смирнов А.В. Уголовный процесс: учебник для вузов / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. – СПб., 2004.

5. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства / И.Я. Фойницкий. – – Т. 1. – СПб.: Альфа, 1996. – 552 с.

6. Курляндский В.И. Нужен ли кодекс проступков? / В.И. Курляндский // Литературная газета. – 1972. – 17 мая.

7. Курляндский В.И. Неотвратимость наказания и борьба с преступностью / В.И. Курляндский // Советское государство и право. – 1972. – №9. – С. 81–87.

8. Карпец И.И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы / И.И. Карпец. – М.: Юрид. лит., 1973. – 287 с.

9. Рябинина Т.К. Особый порядок судебного разбирательства как одна из сокращенных форм уголовного судопроизводства / Т.К. Рябинина // Российский судья. – 2004. – №9. – С. 20–23. EDN OJZOKR

10. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / отв. ред. В.И. Радченко; науч. ред. В.Т. Томин. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2001. – 814 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Азрапкина Виктория Владимировна
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»
г. Москва

ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ ПО БРАЧНОМУ ДОГОВОРУ

Аннотация: *в статье исследуются теоретические и практические проблемы правового режима имущества супругов, устанавливаемого брачным договором по Семейному кодексу РФ. Акцентируется настороженное отношение к данному институту в России, обусловленное недостаточной нормативной определенностью. На основе анализа ст. 40–42, 44 СК РФ, позиций Конституционного Суда и судебной практики рассматриваются вопросы изменения законного режима имущества, пределов договорного регулирования и критерия «крайне неблагоприятного положения». Обосновывается необходимость четкого законодательного закрепления целей брачного договора. Анализируются дискуссионные аспекты его правовой природы, субъектного состава (включая несовершеннолетних, ограниченно дееспособных лиц и возможность представительства). Предлагаются меры по совершенствованию СК РФ и делается вывод о целесообразности интеграции гражданско-правовых механизмов для повышения эффективности правоприменения.*

Ключевые слова: *брачный договор, институт семьи, супруги, правовой режим имущества, Семейный кодекс РФ, режим общей собственности супругов, правовое регулирование семейных отношений.*

Краткий обзор подходов государств к правовому регулированию семьи в разных странах свидетельствует о том, что, не смотря на многие различия: политические, социальные, экономические, национальные и другие, в целом законодательстве находят воплощение общечеловеческие ценности в сфере брака и семьи [12]. Семья является основой общества и государства. В свою очередь, государство и общество берут на себя ответственность за сохранение, развитие и оказание всяческой поддержки институту семьи.

С целью урегулировать имущественные права и обязательства супругов на случай возможного развода или в случае определённых жизненных обстоятельств 1 марта 1996 года в Семейный кодекс РФ была введена отдельная глава, которая конкретизировала понятие брачного договора. Договор позволяет избежать конфликтов, связанных с разделом имущества, долговыми обязательствами и прочими финансовыми аспектами супружеской жизни.

В России до сих пор присутствует довольно неоднозначное, непростое отношение к такому относительно новому институту, как брачный договор. В глобальном сознании российского общества брачный договор представляется как нечто странное, нередко отношение к нему отрицательное. Таким образом, проблемы нормативной регламентации брачного договора приводят к возникновению у общественности сомнения в необходимости его заключения.

Существуют и отдельные пробелы в нормативном регулировании брачного договора.

Брачным договором является соглашение лиц, которые вступают в брак, или соглашение супругов, определяющее обязанности и имущественные права супругов в браке и (или) в случае его расторжения (ст. 40 Семейного кодекса РФ [2], далее – СК РФ).

Институт брачного договора в РФ содержит немало проблемных вопросов. Ниже указаны пути совершенствования данного института, которые, вероятно, помогут решить некоторые из них.

Статья 42 СК РФ устанавливает, что брачным договором супруги вправе изменить установленный законом режим совместной собственности. Это не вполне удачная формулировка. По нашему мнению, более правильной была бы позиция, согласно которой брачный договор может изменить как режим общей собственности, так и режим раздельной собственности каждого из супругов. Эта позиция подтверждается судебной практикой. Так, в Постановлении Президиума Санкт-Петербургского городского суда от 11.02.2009 №44г-24 [5] указано: «В соответствии со ст. 42 СК РФ супруги вправе изменить установленный законом режим собственности как в отношении добрачного имущества, так и в отношении имущества, нажитого в период брака, и определить, что на добрачное имущество распространяется режим общей собственности».

Брачный договор, как и любой другой договор, может быть признан недействительным. Одним из оснований признания брачного договора недействительным является условие, ставящее одного из супругов в крайне неблагоприятное положение. Однако определения крайне неблагоприятного положения не существует. Конституционный суд в своем Определении от 21.06.2011 №779-О-О [4] постановил: «Использованная в п. 2 ст. 44 СК РФ в целях закрепления основания для признания брачного договора недействительным описательно-оценочная формулировка «условия договора, ставящие одного из супругов в крайне неблагоприятное положение» не свидетельствует о неопределенности содержания данной нормы: разнообразие обстоятельств, оказывающих влияние на имущественное положение супругов, делает невозможным установление их исчерпывающего перечня в законе. Использование в федеральном законе в данном случае такой оценочной характеристики преследовало цель эффективного применения нормы к неограниченному числу правовых ситуаций, что не может рассматриваться как нарушение конституционных прав. Вопрос о том, ставит ли условие брачного договора одну из сторон в крайне неблагоприятное положение, должен решаться в каждом конкретном случае, исходя из ситуации».

По мнению Чефрановой Е.А. и Чашниковой С.Ю., нотариус при удостоверении брачного договора должен в случае необходимости разъяснять супругам, что условие, которое они хотят включить, является таким, которое ставит одного из супругов в крайне неблагоприятное положение. Если же супруги настаивают, то нотариус может удостоверить такой договор [18].

В качестве следующего проблемного момента можно обозначить то, что в действующие нормы права не включены аспекты, касающиеся цели и назначения заключения брачного договора. Поэтому необходимо, чтобы СК РФ содержал в своих нормативных закреплениях указание на точную цель брачного договора, дабы наше общество понимало, в чем предназначение такого соглашения. Ведь именно наличие прозрачности в уяснении гражданами целевой направленности брачного договора способно поменять к нему отношение, устранить недоверие и сомнение в отношении него [9].

К некоторому спорному моменту можно также отнести и то, что нормативными закреплениями СК РФ реализуется недостаточная проработанность и оформленность правового регулирования основных составляющих брачного договора. В частности, имеющиеся в СК РФ аспекты о брачном договоре характеризуются абстрактностью, в их содержании не представлены правовые инструменты, обеспечивающие уяснение всех практических нюансов заключения, применения, изменения и прекращения брачного договора. Зачастую на практике весьма затруднительно правильно определить функциональную направленность конкретного механизма правового регулирования брачного договора для его эффективной реализации. В свою очередь, видится объективно необходимым присоединение брачного договора к гражданско-правовому профилю, что обеспечит включение норм гражданского права в механизм правового регулирования данного соглашения. Тем самым правовое регулирование рассматриваемого феномена станет более полновесным. Причисление брачного договора в

разряд гражданско-правовых сделок, помимо ликвидации пробельных мест, поспособствовало бы также упрощению принятия решений в правоприменительной практике.

Для брачного договора характерен особый субъектный состав [16]. Субъектами, заключающими брачный договор, могут быть либо супруги (лица, зарегистрировавшие брак в установленном законом порядке), либо лица, вступающие в брак, а субъектами правоотношений, возникающих на основании брачного договора, могут быть супруги или бывшие супруги [7]. Признаки, позволяющие идентифицировать граждан как «лиц, вступающих в брак», не указаны ни в СК РФ, ни в Федеральном законе от 15 ноября 1997 г. №143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» [3]. Соглашаясь с Лёвушкиным А.Н. [11], данную терминологию следует признать неудачной, поскольку она «делает возможным предположение о том, что стороны должны вступить в брак в ближайшее время после заключения договора». Так как вопрос, имел ли законодатель целью ограничить последующее за брачным договором заключение брака какими-то временными рамками, остается открытым, Чефранова Е.А. предлагает обозначить данную категорию субъектов как «лица, имеющие намерение вступить в брак» [20]. Предложенная формулировка, на наш взгляд, является более точной, что позволяет избежать возникновения проблемных ситуаций на практике, связанных с обязанностью нотариуса идентифицировать обратившихся к нему по поводу заключения брачного договора лиц как надлежащих субъектов такого договора.

Во избежание дальнейшего неоднозначного толкования указанной нормы в п. 1 ст. 41 СК РФ, на наш взгляд, было бы целесообразно включить следующее положение: «Возможность заключения брачного договора до государственной регистрации заключения брака не зависит от факта подачи лицами заявления о заключении брака в органы записи актов гражданского состояния».

Также законодателем не разъяснен вопрос о возможности заключения брачного договора ограниченно дееспособным совершеннолетним гражданином. В юридической литературе высказывается мнение, что заключение брачного договора ограниченно дееспособными лицами не допускается, так как не относится к числу мелких бытовых сделок [13]. Пчелинцева Л.М. говорит о возможности заключения брачного договора такими лицами с согласия попечителей [14]. Так как законодатель установил запрет на заключение брака только в отношении недееспособных лиц, представляется, что ограниченно дееспособное лицо может заключить брачный договор с согласия попечителя (в соответствии с ч. 1 ст. 30 ГК РФ [1]).

В законе нет прямого указания на то, может ли брачный договор быть подписан представителями сторон на основании доверенности [6]. Решение данного вопроса зависит от возможности отнесения брачного договора к сделкам строго личного характера (п. 4 ст. 182 ГК РФ). В литературе также нет однозначного мнения на этот счет. Одни авторы утверждают, что брачный договор относится к таким сделкам, потому его подписание представителями сторон невозможно [13]. Другие признают возможным заключение брачного договора через представителя при наличии надлежаще оформленной доверенности, содержащей основные условия брачного контракта, что вытекает из имущественного характера сделки [10]. Анализ статей СК РФ позволяет нам сделать вывод, что брачный договор следует отнести к сделкам строго личного характера. В отличие от большинства сделок имущественного характера брачный договор нерасторжимо связан с личностями его участников и поэтому не может быть заключен ни с участием законного представителя, ни по доверенности [19].

Говоря о семьях, в которых супруг является участником специальной военной операции, вне зависимости содержания данного брачного договора денежные компенсации, начисленные погибшему военнослужащему, подлежат выплатам членам его семьи [17]. Для оформления выплат помимо заявления может потребоваться документы, подтверждающие право на них. Например, документы о статусе ветерана боевых действий, документы о родстве (для членов семьи), справки, подтверждающие факт гибели и т.п. [15]. Важно отметить, что право на выплату сохраняется за вдовой до тех пор, пока она не вступит в новый официальный брак.

Таким образом, представляется, что субъектами брачного договора могут быть: полностью дееспособные совершеннолетние, а также эмансипированные несовершеннолетние мужчина и женщина (п. 1 ст. 12 СК РФ); после государственной регистрации заключения брака – несовершеннолетние, получившие разрешение со стороны соответствующего государственного органа на вступление в брак; с согласия попечителя – ограниченно дееспособные совершеннолетние мужчина и женщина.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Российская газета. – 1994. – 8 дек. – №238–239.

2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 №223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Российская газета. – 1996. – 27 янв. – №17.

3. Федеральный закон от 15.11.1997 №143-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об актах гражданского состояния» // Российская газета. – 1997. – 20 нояб. – №224.

4. Определение Конституционного Суда РФ от 21.06.2011 №779-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Арбузовой Валентины Павловны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 44 Семейного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Постановление президиума Санкт-Петербургского городского суда от 11.02.2009 №44г-24 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Акимова И.Ю. Брачный договор: проблемы реализации / И.Ю. Акимова // Нотариус. – 2016. – №8. – С. 26–29. EDN XEQKND

7. Багрова Н.В. Субъекты брачного договора / Н.В. Багрова // Юрист. – 2008. – №2. – С. 18–20.

8. Чефранова Е.А. Имущественные отношения в российской семье: практическое пособие / Е.А. Чефранова. – М.: Юристъ, 1997. – 168 с.

9. Левин Ю.В. Актуальные вопросы брачного договора в РФ / Ю.В. Левин // Право и политика. – 2009. – №2. – С. 358–363.

10. Левушкин А.Н. Правовое регулирование института брачного договора / А.Н. Левушкин // Российский юридический журнал. – 2002. – №4. – С. 81–88. EDN WWZPCK

11. Левушкин А.Н. Проблемы применения и пути совершенствования законодательного регулирования института брачного договора / А.Н. Левушкин // Нотариус. – 2011. – №4. – С. 27–31. EDN OEEXSL

12. Липунов В.И. Современные проблемы правового регулирования семейных отношений / В.И. Липунов // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. – 2015. – №1 (6). – С. 27–30. – EDN: VHJAUH.

13. Настольная книга нотариуса: учебно-методическое пособие / Б.М. Гонгало, Т.И. Зайцева, П.В. Крашенинников [и др.]. – 2-е изд., испр. и доп. – В 2 т. Т. 2. – М.: БЕК, 2003. – 504 с.

14. Пчелинцева Л.М. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / Л.М. Пчелинцева. – М.: Норма; Инфра-М, 2002. – 688 с.

15. Рекомендации по организации правовой поддержки участников специальной военной операции и членов их семей при получении денежных выплат: учебно-методическое пособие / под ред. А.И. Землина. – М.: РУСАЙНС, 2024. – 37 с. – EDN: VEXUZU.

16. Семейное право: учебник / Б.М. Гонгало, П.В. Крашенинников, Л.Ю. Михеева [и др.]; под ред. П.В. Крашенинникова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2019. – 318 с.

17. Социальные гарантии участникам специальной военной операции: учебное пособие со справочником / под ред. О.Г. Безбабнова, А.И. Землина, В.М. Корякина. – М.: Красная звезда, 2024. – 240 с. – 39 с.

18. Чефранова Е.А. Применение семейного законодательства в нотариальной практике: учебное пособие / Е.А. Чефранова, С.Ю. Чашкова; Российская правовая академия Минюста России. – М.: РПА, 2012. – 183 с. EDN QSSYNF

19. Швец А.В. Правовая природа брачного договора / А.В. Швец, А.Е. Чубукина // Нотариус. – 2022. – №1. – С. 28–31. DOI 10.18572/1813-1204-2022-1-28-31. EDN USCAXB

20. Чефранова Е.А. Имущественные отношения в российской семье. Практическое пособие / Е.А. Чефранова. – М.: Юристъ, 1997. – С. 53.

Алексеева Кристина Александровна
магистрант
Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»
г. Москва

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В СВЕТЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация: *стремительное развитие цифровых технологий радикально меняет экономические и социальные отношения, ставя перед правом новые задачи по обеспечению баланса между интересами личности, бизнеса и государства. Российское законодательство о персональных данных переживает этап глубокой трансформации под влиянием биометрии, искусственного интеллекта, больших данных, интернета вещей, блокчейна и облачных сервисов. В статье анализируется эволюция регулирования персональных данных в Российской Федерации в сравнительно-правовом контексте, выявляются ключевые технологические вызовы и пробелы правоприменения, рассматриваются механизмы комплаенса и безопасности, а также формулируются перспективные направления модернизации. Предложены конкретные меры по гармонизации российских подходов со стандартами Совета Европы и лучшими зарубежными практиками при сохранении национальных приоритетов цифрового суверенитета. Особое внимание уделяется вопросам защиты прав субъектов персональных данных в условиях цифровизации, а также необходимости создания эффективных механизмов контроля за обработкой персональной информации. Материал опирается на нормативные акты РФ и международные документы, судебную и ведомственную практику, а также широкий круг отечественных и зарубежных научных источников. В заключение подчеркивается важность интеграции новых технологий в правовую систему с учетом этических аспектов и социальной ответственности, что позволит создать безопасное и справедливое цифровое пространство для всех участников экономических и социальных отношений.*

Ключевые слова: *персональные данные, биометрические данные, искусственный интеллект, большие данные, локализация данных, кибербезопасность, трансграничная передача.*

Цифровизация экономики и государственного управления приводит к экспоненциальному росту объема и разнообразия обрабатываемых персональных данных (далее – ПДн) [4], усложнению цепочек обработки и расширению круга участников экосистем данных. Параллельно растет регуляторная нагрузка на организации, а также ожидания общества в части приватности и безопасности [5]. Базовый каркас российского права о ПДн сформирован Федеральным законом №152-ФЗ «О персональных данных» [1] (далее – 152-ФЗ) и сопутствующими актами по безопасности и локализации. Цель статьи – выявить, как инновации трансформируют правовое регулирование персональных данных в РФ, какие вызовы стоят перед правоприменением и какие реформы представляются перспективными в свете международных стандартов. Методологически работа опирается на сравнительно-правовой, формально-юридический и риск-ориентированный подход, анализ правоприменительной практики и научного дискурса.

Российская модель защиты ПДн опирается на конституционные гарантии частной жизни, тайны переписки и информации о частной жизни, развиваемые в 152-ФЗ и подзаконном массиве: постановления Правительства о защите ПДн, уровнях защищенности и особенностях неавтоматизированной обработки, приказы ФСТЭК и ФСБ о требованиях защиты и моделировании угроз, а также нормы о локализации первичного сбора ПДн граждан РФ. С 2014–2015 годов акцент сместился к цифровому суверенитету (локализация, усиление надзора

РКН), а также к интеграции безопасности ПДн в более широкий контур критической информационной инфраструктуры. Новейшие изменения касаются биометрических данных, обработки в целях госуслуг и цифрового профиля, регулирования инцидентов и уведомления субъектов. Международные стандарты формируют ориентиры: Конвенция Совета Европы 108 продвигает риск-ориентированность, подотчетность и оценку воздействия, GDPR закрепляет детализированные принципы обработки, права субъектов, DPIA, DPO и трансграничные механизмы. ЕС дополняет экосистему данными публичного сектора, промышленными данными и доступом к IoT, а также актом об ИИ с режимом риска и ограничений «высокого риска».

Технологические инновации радикально усложнили ландшафт обработки персональных данных. Искусственный интеллект и машинное обучение опираются на масштабные датасеты, нередко собранные для иных целей, что ставит вопрос о совместимости целей первоначальной и последующей обработки, допустимости вторичного использования и достаточности мер деидентификации [7]. Российское право традиционно исходит из приоритета согласия субъекта и ограниченного набора альтернативных оснований, тогда как зарубежные модели шире используют «легитимный интерес» и тест баланса, подкрепляя его механизмами подотчетности. Биометрические технологии усиливают напряженность между эффективностью идентификации и правами личности [8]. Специальное регулирование биометрических ПДн закрепило повышенные требования к согласию, безопасности, хранению и инфраструктуре, однако встает проблема массового видеонаблюдения и удаленной идентификации в общественных пространствах, где тест пропорциональности и наличие реальных альтернатив приобретают ключевое значение [11]. В правоприменении это требует четких методик DPIA для биометрии, документирования оценок риска и ограничений, а также режимов изъятия и уничтожения шаблонов. Большие данные и профилирование поднимают вопросы предсказуемости целей и границ «обоснованных ожиданий» субъектов, особенно при вторичной аналитике и таргетинге. Российская доктрина деидентификации развивается в сторону риск-ориентированной оценки, но сохраняется опасность реидентификации при объединении наборов, что влияет на выбор правовых и технических мер защиты. На особом месте находится блокчейн с присущей ему неизменяемостью записей, что вступает в очевидное противоречие с принципами актуальности и удаления данных. Юридико-технические компромиссы включают хранение ПДн вне цепочки при использовании хешей для верификации, применение криптографических техник псевдонимизации и управляемой анонимизации, а также формулирование оговорок, разъясняющих пределы исполнения требований на распределенных реестрах. В совокупности эти вызовы демонстрируют необходимость перехода к подотчетности и системной оценке риска для прав и свобод как ключевого контура регулирования.

Современный комплаенс в сфере персональных данных в России складывается на пересечении требований 152-ФЗ, подзаконных актов к защите информации и практик риск-менеджмента. Хотя институт оценки воздействия на права и свободы прямо не закреплен, его функциональные аналоги вытекают из обязанности оператора обеспечивать соответствующие угрозам меры защиты и минимизацию обработки, что обосновывает внедрение процедур DPIA для высокорисковых сценариев, включая биометрию, профилирование и массовое наблюдение. Требования к безопасности ПДн устанавливают уровни защищенности информационных систем [6], структуру организационных и технических мер, порядок моделирования угроз, криптографическую защиту и аттестацию, причем все чаще эти требования интегрируются с режимом безопасности критической информационной инфраструктуры и отраслевыми стандартами киберустойчивости. Это предполагает комплексный подход: сегментацию и управление доступом, шифрование и управление ключами, журналирование и мониторинг событий, обучение персонала, регулярные тесты на проникновение и аудит поставщиков. Режим локализации первичного сбора ПДн граждан РФ и трансграничная передача данных образуют еще один контур комплаенса, требующий оценки юрисдикционных рисков, договорных гарантий

и технических мер (сквозное шифрование, хранение ключей у резидентов, распределение ролей и ответственности в цепочке обработки). В условиях фрагментации глобальных стандартов и ограничений международного обмена особую роль приобретает развитие методик оценки «адекватности» и модельных договорных условий. Правоприменение усиливается за счет роста штрафов, расширения полномочий Роскомнадзора и развития судебной практики по компенсации нематериального вреда и оценке достаточности мер защиты. Эффективное реагирование на инциденты предполагает готовность к оперативному уведомлению регулятора и субъектов, проведение форензики, реализацию корректирующих мер и ретестов, а также постоянное улучшение процессов на основе извлеченных уроков.

Перспективная траектория развития российского законодательства о персональных данных задается переходом от формально-процедурного к риск-ориентированному регулированию, в центре которого – подотчетность оператора. Обоснованным выглядит закрепление в законе обязательности DPIA для обработок повышенного риска, введение требований к назначению ответственного по защите данных в крупных организациях и при высокорисковых операциях, установление обязанности вести и актуализировать реестры операций, а также проводить периодические пересмотры мер защиты [3]. Режим биометрии нуждается в дальнейшей дифференциации по уровню риска и условиям использования. Должны быть обеспечены запреты или моратории на наиболее инвазивные практики, такие как удаленная биометрическая идентификация в публичных пространствах без достаточных гарантий, а также гарантированы полноценные альтернативы для отказавшихся от биометрии, усиление независимого надзора и прозрачности технологий. В сфере трансграничной передачи целесообразно развивать критерии «адекватности» и признанные договорные механизмы, поддерживать двусторонние рамки с ключевыми экономическими партнерами и стимулировать технические решения, снижающие трансграничные риски, включая распределение ключей шифрования и локализованные сегменты обработки. Важным направлением являются регуляторные песочницы и экспериментальные правовые режимы, позволяющие тестировать инновационные модели обработки при усиленных гарантиях для субъектов данных и контролируемых рисках, с прозрачной методологией оценки и механизмами масштабирования успешных практик [9]. Институционально требуется развитие методических материалов регулятора по деидентификации и псевдонимизации, модельных договоров и стандартов взаимодействия операторов и порученных лиц, а также просветительские инициативы, повышающие цифровую грамотность и осведомленность граждан о правах и способах их реализации. Наконец, согласование режима ПДн с развитием цифрового государства предполагает четкие рамки объединения государственных и коммерческих массивов, независимые аудиты алгоритмов, механизмы алгоритмической транспарентности и регулярную оценку воздействия на права при запуске значимых госцифровых сервисов.

Технологические инновации усиливают ценность и уязвимость персональных данных, делая их центральным ресурсом цифровой экономики. Российское право в целом обеспечивает базовые гарантии защиты ПДн, но нуждается в системной адаптации к высоким рискам ИИ, биометрии, больших данных и трансграничных экосистем. Перенос в национальный контекст ключевых инструментов международных стандартов [2] – риск-ориентированного подхода, подотчетности, DPIA, усиленных прав субъектов и прозрачности алгоритмов – позволит укрепить доверие и повысить глобальную интероперабельность без утраты национальной специфики и приоритета безопасности.

Список литературы

1. Федеральный закон от 27.07.2006 №152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – №31 (ч. I). – Ст. 3451.

2. Баронов В.И. Международное право в схемах и таблицах: учебное пособие / В.И. Баронов, В.А. Батырь, В.И. Липунов; Московская академия экономики и права. – М.: Альфа-Пресс, 2011. – ISBN 978-5-94280-529-6. – EDN QSCFZX.

3. Бембеева Б.С. Право на защиту персональных данных и различные категории персональных данных / Б.С. Бембеева // Право в сфере Интернета: сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. – М.: Статут, 2018. – С. 48–61. – EDN VNLNWS.

4. Бондаренко Н.Л. Правовая и организационная природа процессов цифровизации и регуляторная функция государства в данной сфере / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич // Ex Jure. – 2021. – № 1. – С. 56–67. – EDN OZFAFE. DOI 10.17072/2619-0648-2021-1-56-67

5. Землин А.И. Обеспечение информационной безопасности в условиях специальной военной операции / А.И. Землин, Д.А. Колоколова // Военное право. – 2025. – №3 (91). – С. 13–17. – EDN DARBAZ.

6. Правовое обеспечение профессиональной деятельности для специальности «Информационные системы и программирование»: учебник / А.И. Землин, Д.Ю. Левшиц, Е.С. Митячкина, М.В. Мамонова. – М.: КноРус, 2024. – 128 с. – EDN DLIPYY.

7. Липунов В.И. Искусственный интеллект и тренды цифровизации: техногенный прорыв как вызов праву / В.И. Липунов // Искусственный интеллект и тренды цифровизации: техногенный прорыв как вызов праву: материалы Третьего Международного транспортно-правового форума (Москва, 10–11 февраля 2021 г.). – М.: Российский университет транспорта, 2021. – С. 241–249. – EDN PBDDMP.

8. Мамыкина Е.В. Правовой статус субъектов, участвующих в обработке персональных данных: субъект персональных данных; оператор персональных данных / Е.В. Мамыкина // Моя профессиональная карьера. – 2020. – Т. 3. №11. – С. 117–122. – EDN XYOPDW.

9. Раханов К.Я. Обеспечение конфиденциальности информации в сети Интернет: учебное пособие / К.Я. Раханов, Н.А. Раханова. – Новополоцк: ПГУ им. Евфросинии Полоцкой, 2021. – 192 с. – ISBN 978-985-531-723-5. – URL: https://e.lanbook.com/book/366821 (дата обращения: 21.10.2025).

10. Савельев А.И. Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «Больших данных» (Big Data) / А.И. Савельев // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2015. – №1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-primeneniya-zakonodatelstva-o-personalnyh-dannyh-v-epohu-bolshih-dannyh-big-data (дата обращения: 19.10.2025). EDN WYYJPP

11. Терещенко И.А. Биометрические персональные данные: проблемы и перспективы определения понятия / И.А. Терещенко // Закон и право. – 2024. – №2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/biometricheskie-personalnye-dannye-problemy-i-perspektivy-opredeleniya-ponyatiya (дата обращения: 19.10.2025). DOI 10.24412/2073-3313-2024-2-186-192. EDN KLMANL

Андреева Екатерина Геннадьевна
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»
г. Москва

ЗАДАЧИ И ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНСПЕКЦИИ ТРУДА

Аннотация: *в статье рассматриваются ключевые задачи и функции Государственной инспекции труда в Российской Федерации как основного органа надзора за соблюдением трудового законодательства. Анализируются контрольные полномочия инспекции, включая проведение плановых и внеплановых проверок, мониторинг условий и охраны труда, а также предупреждение производственного травматизма. Особое внимание уделяется правозащитной и консультативной деятельности инспекции, направленной на поддержку работников и работодателей, разрешение трудовых споров и повышение правовой грамотности. Освещаются меры государственного принуждения, применяемые к нарушителям, и взаимодействие инспекции с иными государственными и общественными структурами. Подчеркивается значимость регионального подхода, позволяющего учитывать отраслевую и территориальную специфику. Делается вывод о том, что реализация рассмотренных функций формирует целостную систему защиты трудовых прав граждан и обеспечения безопасных условий труда.*

Ключевые слова: *безопасность, профессиональное заболевание, несчастный случай, трудовые отношения, работодатель, работник, охрана труда.*

Основные задачи Государственной инспекции труда.

Задачи Государственной инспекции труда (далее – ГИТ) выступают основой для направления всей её деятельности и определяют приоритеты в реализации контроля и надзора за трудовым правом.

Согласно статье 335 Трудового кодекса РФ главной задачей ГИТ является осуществление государственного надзора и контроля за соблюдением трудового законодательства и других нормативных правовых актов с нормами трудового права. Цель такого контроля – обеспечение защиты трудовых прав граждан, включая гарантированное право на безопасность условий труда на всех предприятиях и в организациях вне зависимости от форм собственности и видов деятельности. Это требование создаёт фундамент для построения справедливых и законных трудовых отношений на территории Российской Федерации [11].

Важным функциональным направлением Государственной инспекции труда является мониторинг состояния охраны труда и предупреждение производственного травматизма и профессиональных заболеваний. Для этого инспекция проводит анализ условий труда на рабочих местах, оценивает соблюдение требований промышленной безопасности, а также организует мероприятия, направленные на повышение культуры безопасности и формирования ответственного поведения работодателей и работников. Эти функции способствуют снижению рисков возникновения несчастных случаев и улучшению качества жизни трудящихся [12].

Таким образом, основываясь на четко сформулированных задачах, Государственная инспекция труда реализует комплекс мер, направленных на соблюдение трудового законодательства, защиту прав работников и предотвращение нарушений в трудовой сфере.

Функции Государственной инспекции труда.

Основной функцией ГИТ является контрольно-надзорная деятельность. Она подразумевает проведение плановых и внеплановых проверок работодателей с целью выявления нарушений норм трудового права. При этом инспекторы оформляют предписания об устранении выявленных нарушений и составляют протоколы об административных правонарушениях. Такая функция позволяет не только фиксировать нарушения, но и обеспечивать их скорейшее устранение, что способствует защите прав работников и укреплению законности в трудовых отношениях [13].

ГИТ также реализует исполнительную функцию, связанную с рассмотрением дел об административных правонарушениях в сфере трудового законодательства. Инспекция имеет полномочия назначать административные наказания за нарушения, что обеспечивает механизм государственного принуждения и дисциплинирует работодателей. При этом материалы по выявленным нарушениям могут направляться в правоохранительные органы и суды для принятия дополнительных мер, что расширяет возможности регулирования.

Кроме того, инспекция выполняет консультативно-информационную функцию, предоставляя юридическую помощь и разъяснения как работникам, так и работодателям. Сервисы горячих линий и онлайн-платформы позволяют обращаться за советом дистанционно, что повышает доступность инспекционной помощи и способствует предупреждению нарушений за счет информированности участников трудового процесса. Такие меры направлены на поддержку правовой грамотности и формирование культуры соблюдения трудового законодательства.

Полномочия Государственной инспекции труда.

В процессе контроля ГИТ имеет полномочия проводить как плановые, так и внеплановые проверки работодателей. Причинами внеплановых проверок могут быть жалобы работников, сообщения о нарушениях, результаты анализа риска и другие законодательно установленные основания. При проведении проверок инспекторы оценивают соблюдение различных аспектов трудового законодательства, в том числе своевременную и полную выплату заработной платы, соответствие нормам рабочего времени и времени отдыха, законность увольнений, а также безопасность и охрану труда на рабочих местах. В ходе проверки инспекторы

оформляют документы, которые служат основанием для вынесения предписаний и принятия мер реагирования [15].

Регламентированные полномочия Государственной инспекции труда (далее – Инспекции) в области контроля работодателей являются одним из ключевых инструментов реализации государственной политики в сфере труда.

При осуществлении контроля государственные инспекторы труда обязаны неукоснительно соблюдать права и законные интересы как работников, так и работодателей. Это требование закреплено в статье 358 ТК РФ и предусматривает принцип объективности, не избирательности и уважения прав всех участников трудовых отношений.

Влияние деятельности Государственной инспекции труда в части безопасности и охраны труда.

Контроль за обеспечением требований охраны труда на рабочих местах занимает центральное место в миссии ГИТ, поскольку соблюдение требований охраны труда влияет на сохранение здоровья и жизни работников. Важность этого аспекта обусловлена не только требованием законодательства, но и социальным значением предотвращения травматизма и профессиональных заболеваний на предприятиях с различной степенью риска. Контроль безопасности становится одной из ключевых задач, направленных на формирование устойчивой системы управления охраной труда в масштабах всей страны [16].

Современный подход ГИТ к управлению безопасностью основан на риск-ориентированной модели контроля, что позволяет сосредотачивать усилия и ресурсы на предприятиях с высоким и чрезвычайно высоким уровнем опасности. Для таких организаций установлены плановые проверки, проводимые на основе согласованных графиков, что даёт возможность систематически отслеживать соблюдение требований техники безопасности и охраны труда. В то же время для предприятий с более низкой категорией риска действует мораторий на плановые проверки до 2030 года [14].

Для повышения уровня безопасности и подготовки к возможным проверкам работодателям рекомендуется использование чек-листов для самопроверки и сокращение классификации опасности производства.

Таким образом, деятельность Государственной инспекции труда в части обеспечения безопасности условий труда является фундаментом для эффективной защиты работников. Контроль, основанный на оценке степени риска и направленный на предприятия с высоким уровнем опасности, обеспечивает системный и приоритетный надзор за соблюдением требований охраны труда, что снижает вероятность несчастных случаев и повышает качество жизни работников.

Список литературы

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 №197-ФЗ (ред. от 29.09.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – №1. – Ст. 3.

2. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 26 июня 2015 г. №318н «Об утверждении Положения о территориальном органе Федеральной службы по труду и занятости» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2015. – №30.

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 21 июля 2021 г. №1230 «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – №30. – Ст. 5432.

4. Актуальные проблемы правового регулирования и организации контрольно-надзорной деятельности: учебник / С.Н. Артамонова, Е.В. Гоц, Ю.Г. Едигарева [и др.]. – М.: КноРус, 2023. – 592 с. – ISBN 978-5-406-10620-4. – EDN: ZFMLLM.

5. Колоколова Д.А. Недопустимость подмены трудовых отношений гражданско-правовыми // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2020. – №4 (44). – С. 224–227. – EDN: WVJLCL.

6. Митячкина Е.С. Имидж муниципального служащего в Российской Федерации / Е.С. Митячкина // The Scientific Method. – 2018. – Т. 2. №16. – С. 38–40. – EDN: YOIVPN.

7. Основы права (с практикумом): учебник / под общ. ред. А.И. Землина; А.И. Землин, И.В. Мишуткин, А.А. Агешин [и др.]. – М.: КноРус, 2024. – 373 с. – ISBN 978-5-406-13285-2. – URL: https://book.ru/book/955241 (дата обращения: 01.07.2025). – EDN: FJEQON.

8. Правовая культура: учебник / А.И. Землин, Е.В. Гоц, С.Н. Артамонова [и др.]. – М.: Юрайт, 2023. – 522 с. – ISBN 978-5-534-15223-4. – EDN: AOPYTL.

9. Правовое регулирование государственной службы (с практикумом): учебник / под общ. ред. А.И. Землина; А.И. Землин, И.В. Мишуткин, О.М. Землина [и др.]. – М.: КноРус, 2024. – 175 с. – ISBN 978-5-406-12337-9. – URL: https://book.ru/book/951504 (дата обращения: 01.07.2025). – EDN: VBONKD.

10. Финансово-правовые основы государственного и муниципального управления: учебник и практикум для вузов / И.В. Мишуткин, А.И. Землин, О.М. Землина, Н.П. Ольховская. – М.: Юрайт, 2022. – 194 с. – EDN: DTUNKH.

11. ТК РФ. Статья 355. Принципы деятельности и основные задачи федеральной инспекции труда. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/16822756ed7ecb06fed695ed20f833b50af1b76a/ (дата обращения: 24.02.2026).

12. ТК РФ. Статья 354. Федеральная инспекция труда. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/c3c3174047797f9eff3d810047638b42aa729caa/ (дата обращения: 24.02.2026).

13. ТК РФ. Статья 356. Основные полномочия федеральной инспекции труда. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/e1d3302610bfe8a8ec24f33c3029360eeab27635/ (дата обращения: 24.02.2026).

14. Постановление Правительства Российской Федерации от 10 марта 2023 г. №372. – URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=486327 (дата обращения: 24.02.2026).

15. Полномочия Государственной инспекции труда. – URL: https://git26.rostrud.gov.ru/informatsiya-o-gosudarstvennoy-inspektsii-truda/polnomochiya_i_struktura_gosudparstvennoy_inspektsii_truda_v_stavropolskom_krae/1230086.html (дата обращения: 11.03.2026).

16. ТК РФ. Статья 211. Государственное управление охраной труда. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 №197. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 11.03.2026).

Андрющенко Мария Алексеевна
студентка
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ КАК УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ БОРЬБЫ С ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Аннотация: *анализируется влияние кадровой политики правоохранительных органов на эффективность борьбы с экономической преступностью. Выявлены системные проблемы: дефицит специалистов с цифровыми и финансовыми компетенциями, высокий уровень выгорания и слабая интеграция с бизнес-средой. Предложена концепция «преобразующей кадровой политики», включающая целевой наем, непрерывное обучение и реформу системы мотивации. Результаты имеют практическую значимость для формирования кадрового потенциала, способного противодействовать сложным экономическим преступлениям.*

Ключевые слова: *экономическая преступность, кадровая политика, правоохранительные органы, цифровая трансформация.*

Актуальность исследования обусловлена разрывом между ужесточением законодательства и реальной эффективностью борьбы с экономической преступностью. Существует глубокая дисфункция правоприменения, одной из ключевых причин которой является неготовность кадрового состава правоохранительных органов к новым вызовам. Современная

экономическая преступность стремительно цифровизируется, используя криптовалюты и сложные финансовые схемы, что требует от сотрудников МВД, СКР и ФСБ уникального набора компетенций на стыке юриспруденции, IT и финансового аудита. Однако существующая кадровая политика не успевает адаптироваться к этим изменениям.

Научная новизна заключается в рассмотрении кадровой политики как стратегического условия оперативной эффективности, а не вспомогательной функции, через связь провалов в раскрытии преступлений с дефицитом конкретных компетенций.

Целью исследования является анализ текущей кадровой политики правоохранительных органов в контексте борьбы с экономической преступностью и разработка научно обоснованных рекомендаций по ее совершенствованию.

Задачи исследования.

14. Выявить системные недостатки в существующих механизмах подбора, аттестации, обучения и мотивации кадров в правоохранительных органах.

15. Исследовать проблемы межведомственного кадрового обмена и взаимодействия со внешними экспертами из финансового и IT-сектора.

16. Разработать концептуальные предложения по трансформации кадровой политики в направлении создания гибкого, технологически подкованного и высокомотивированного кадрового корпуса.

Гипотеза: низкая эффективность борьбы со сложными экономическими преступлениями напрямую связана с устаревшей кадровой политикой, что требует перехода от бюрократической модели к стратегическому управлению человеческим капиталом.

Экономическая преступность перестала быть областью примитивных хищений, превратившись в высокотехнологичную индустрию. По данным ГИАЦ МВД России, в 2024 году было зарегистрировано свыше 340 тысяч преступлений экономической направленности, при этом доля IT-преступлений в этой сфере неуклонно растет. Сегодня правоохранительные органы сталкиваются не с отдельными правонарушениями, а со сложными бизнес-моделями, искусно сочетающими легальные и нелегальные операции и использующими пробелы в регулировании разных стран.

Анализ кадровой работы в правоохранительных органах выявляет хронические дисфункции. Центральной проблемой является устаревшая модель подбора, ориентированная на воспроизводство системы через ведомственные вузы, чьи программы не успевают за динамикой преступных технологий. Аттестация носит формальный характер, оценивая соответствие должности, а не потенциал развития узкоспециализированных навыков.

Серьезной проблемой является высокий уровень профессионального выгорания и текучести кадров. Работа сопряжена с колоссальной интеллектуальной нагрузкой, однако мотивационная система, основанная на статусных стимулах и регламентированных выплатах, не компенсирует этих затрат. Получив уникальный опыт, молодые сотрудники уходят в коммерческий сектор (банки, аудит, консалтинг), где их знания оцениваются значительно выше.

Существует барьер между правоохранительными ведомствами и источниками современных компетенций (вузы, IT, финансы): программы стажировок и совместных исследований носят эпизодический характер. Кроме того, кадровые политики МВД, СКР и ФСБ остаются замкнутыми и слабо скоординированными.

Для преодоления проблем необходим переход к стратегическому управлению человеческим капиталом. Концепция «преобразующей кадровой политики» включает несколько направлений.

Первоочередным направлением является внедрение гибкой системы целевого найма для притока профессионалов из бизнеса. Помимо выпускников ведомственных вузов, необходимо привлекать состоявшихся специалистов из смежных отраслей. Эффективным инструментом могут стать программы временного прикомандирования (стажировки) сотрудников из Банка России, ФНС, Росфинмониторинга и IT-компаний для работы над конкретными проектами, а также создание реестра внешних экспертов, привлекаемых по контракту.

Вторым важным элементом является глубокая реформа системы профессионального обучения и развития. Необходим отказ от устаревшей модели «разового повышения квалификации» в пользу системы непрерывного профессионального развития (*CPD – Continuing Professional Development*). Качественный скачок могло бы обеспечить создание специализированных учебно-тренажерных центров передового опыта на базе ведомственных вузов или ведущих оперативных подразделений. В таких центрах сотрудники на реальных данных могли бы отрабатывать расследование сложных схем отмывания, кибератак или корпоративного мошенничества в условиях, близких к реальным.

Третье направление – трансформация мотивационной и карьерной системы, призванная остановить «утечку мозгов». Необходимо ввести «экспертную» карьерную вертикаль, позволяющую специалисту расти в звании и доходе, оставаясь практикующим экспертом без перехода в руководящий состав. Инновацией могло бы стать проектное финансирование следственно-оперативных групп с премированием за успешное завершение сложных дел (в т.ч. за счет части конфискованных средств).

Наконец, необходима целенаправленная работа по укреплению межведомственного и внешнего взаимодействия на кадровом уровне. Формирование смешанных следственно-оперативных групп из сотрудников разных ведомств, временная ротация кадров между МВД, СКР и ФСБ для обмена практиками. Поддержка профессиональных сообществ для неформального обмена знаниями.

Технологическое превосходство, глубина финансового анализа и скорость реакции правоохранительных органов становятся решающими факторами. Нынешняя кадровая политика, к сожалению, не в полной мере соответствует масштабу этой задачи. Она ориентирована на воспроизводство универсальной, но зачастую поверхностной компетенции в условиях, когда требуются специалисты экстра-класса в узких областях.

Предложенная концепция «преобразующей кадровой политики» нацелена на разрыв этого порочного круга. Ее основные элементы (открытость внешнему рынку талантов, непрерывное практико-ориентированное обучение, двойная карьерная лестница и сильная нематериальная мотивация) призваны сделать государственную службу в экономических подразделениях привлекательной для лучших выпускников и профессионалов рынка.

Список литературы

1. Банк России: официальный сайт. – URL: https://www.cbr.ru/ (дата обращения: 20.12.2025).

2. Генеральная прокуратура Российской Федерации: официальный сайт. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ (дата обращения: 20.12.2025).

3. Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. – URL: https://мвд.рф (дата обращения: 20.12.2025).

4. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон №342-ФЗ от 30.11.2011 // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/ (дата обращения: 20.12.2025).

5. О Следственном комитете Российской Федерации: Федеральный закон №403-ФЗ от 28.12.2010 // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108565/ (дата обращения: 20.12.2025).

6. Федеральная служба по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг): официальный сайт. – URL: http://www.fedsfm.ru/ (дата обращения: 20.12.2025).

Анисимов Алексей Анатольевич
магистрант
Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»
г. Москва

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ В ПРОЦЕДУРЕ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА)

Аннотация: *статья рассматривает проблему злоупотребления правом в процедурах банкротства физических и юридических лиц. Исследуются причины широкого распространения недобросовестных практик, выявляются пробелы и недостатки российского законодательства, стимулирующие такое поведение. Поднимается вопрос правовой природы злоупотребления правом, особенностей его квалификации и доказывания в судах. Анализируется влияние действующего законодательства на развитие института добросовестности и ограничений злоупотреблений.*

Актуальность обусловлена увеличением количества дел о банкротстве и фактов злоупотреблений. Основная цель – определить ключевые проблемы правового регулирования, препятствующие эффективной борьбе с нарушениями. Применяются методы формально-юридического анализа законодательных норм и судебной практики по делам о злоупотреблениях в ходе банкротства.

Среди задач исследования – изучение норм, ограничивающих злоупотребления, анализ судебной практики и выявление нерешённых вопросов профилактики нарушений. Результаты подчеркивают необходимость дальнейшего научного изучения и выработки единых подходов судебной практики, что обеспечит повышение качества правосудия и действенную защиту прав всех участников банкротных процессов.

Ключевые слова: *злоупотребление правом, недобросовестность, несостоятельность, банкротство, физическое лицо, юридическое лицо, кредитор.*

Злоупотребление правом – сложная категория российского гражданского права, регулируемая положениями ст.10 Гражданского кодекса РФ [2] (далее по тексту – ГК РФ). С момента введения в действие Федерального закона от 26 октября 2002 г. №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [4] институт злоупотребления правом развивался от почти полного отсутствия внимания к проблематике до проявления практически в каждом обособленном споре в делах о банкротстве.

Рост случаев злоупотребления правом объясняется отсутствием эффективного способа разрешения проблемы, сложностью доказывания фактов злоупотребления правом и склонностью судебной системы к рассмотрению споров по существу без разрешения связанных с предметом спора обстоятельств злоупотребления правом [9]. Несмотря на включение в Закон о банкротстве главы III.1 «Оспаривании сделок должника», данная проблема осталась окончательно нерешённой.

Основной целью правового регулирования в сфере банкротства выступает пропорциональное удовлетворение требований кредиторов и восстановление платёжеспособности должника. При этом, освобождение должника от исполнения обязательств посредством его банкротства – это экстраординарный способ восстановления платежеспособности, поскольку при этом ущемляются права третьих лиц – кредиторов должника, рассчитывающих на полное удовлетворение своих требований.

Для достижения целей института банкротства Законом о банкротстве устанавливаются специальные условия и порядок проведения процедур банкротства должника, а к участникам

дела о банкротстве предъявляются повышенные стандарты доказывания добросовестности реализации своих прав в процедуре банкротства.

Наделяя субъектов гражданских правоотношений правами, законодатель предусмотрел возможность пресечения ими злоупотребления своими правом, установив пределы осуществления согласно нормам ст. 10 ГК РФ.

Злоупотребление правом закреплено в ст. 10 ГК РФ и определено, как осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действие в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав. При установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения» [2].

Злоупотребление правом, исходя из указаний ст. 10 ГК РФ – это вредоносное осуществление субъективного гражданского права, хотя и правомерное, но приводящее к явно несправедливому результату, которому суд обязан противодействовать.

По мнению некоторых учёных-правоведов, в том числе А.В. Проценко, данное определение допускает расширительное толкование и недостаточно точно определяет границы осуществления гражданских прав [13].

В Обзоре практики применения арбитражными судами ст. 10 ГК РФ, утвержденным информационным письмом Президиума ВАС РФ от 25.11.2008 №127 [7], указаны иные случаи злоупотребления правом, которые не обозначены в ст. 10 ГК РФ.

По общему правилу, закрепленному в п. 5 ст. 10 ГК РФ, поведение стороны, участника спора, будет считаться добросовестным до тех пор, пока другая сторона процесса не докажет обратное, приводя при этом достаточные, достоверные и убедительные доводы. Наличие таких доводов приведет к необходимости первоначальной стороне доказывать обратное, то есть свою добросовестность. Указанные выводы следуют и из Определения Верховного суда РФ от 15.12.2014 г. по делу №309-ЭС14-923 [14], Обзора судебной практики Верховного Суда РФ №2, Постановления Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 23.08.2021 №12АП-6547/2021 по делу №А12-3029/2021 [15].

В делах о банкротстве кредиторы преследуют цель удовлетворения своих требований к должнику за счет конкурсной массы, в том числе, посредством оспаривания сделок должника на основании специальных норм Закона о банкротстве, при этом должник заинтересован в сохранении своего имущественного положения.

Указанные противоположенные интересы должника и его кредиторов являются катализатором проявления злоупотребления правом в правоотношениях участников в деле о банкротстве [12].

Выделяют две основные категории злоупотреблений правом – скрытые и прямые. Скрытые злоупотребления связаны с искажением или сокрытием реальной цели реализации права, тогда как прямые формы предполагают активное вмешательство в процесс банкротства путём нарушения установленного законом порядка [13].

Злоупотребление правом в процедуре банкротства обусловлено разнообразием обстоятельств, которые можно разделить на четыре ключевые группы – объективные, субъективные, организационные и экономические.

Объективные обстоятельства связаны с пробелами в законодательстве и социально-экономической нестабильностью.

Субъективные обстоятельства злоупотребления правом проявляются в намерении участников процедуры о обойти требования закона в личном интересе в ущерб иных интересов.

Организационные обстоятельства связаны с определенной свободой реализации некоторых процессов и мероприятий процедур банкротства, на усмотрение участников дела о банкротстве.

Экономические обстоятельства формируются из факторов, связанных с расходами на реализацию мероприятий процедур банкротства, а также сложностью формирования конкурсной массы должника.

Все указанные обстоятельства взаимодополняют друг друга, создавая благоприятные условия для злоупотребления правом участниками дела о банкротстве, а понимание этих аспектов важно для разработки профилактических мер и повышения эффективности процедуры банкротства.

Основным признаком злоупотребления правом участниками дела о банкротстве является фактическая реализации своих легитимных гражданских прав, которые, при наличии других признаков злоупотребления правом, признаются незаконными [6].

Вторым признаком злоупотребления правом в процедуре банкротства является злонамеренная цель субъекта реализации права, то есть наличие намерения причинить своими законными действиями вред другому лицу.

Принимая во внимание сложность выявления признаков заведомого злоупотребления участником дела своими правами, законодатель наделил правом инициирования признания недобросовестным поведения одной стороны не только другую сторону, но и суд (ст. 65 АПК РФ [3]).

Третий признак злоупотребления правом – использование участником своих возможностей вопреки закону, формально соблюдая нормы, но нарушая права других. Если должник умышленно затягивает процедуру банкротства, суд может утвердить план реструктуризации без его согласия [16].

Четвёртым признаком злоупотребления правом является судебный акт, устанавливающий недобросовестность участника процедуры. До вынесения соответствующего судебного акта поведение лица признаётся правомерным согласно принципу презумпции добросовестности.

На сегодняшний день не рассмотрены и не изучены все случаи недобросовестного поведения в делах о банкротстве, исследования которых позволит выработать эффективные способы защиты лиц, участвующих в банкротных делах, от последствий злоупотребления правом [10].

Для эффективного противодействия недобросовестному поведению, участникам банкротных дел необходимо своевременные выявлять и в судебном порядке осуществлять пресечение злоупотреблений, а следовательно, совершенствовать и развивать соответствующую судебную практику.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12.12.1993: с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 20.10.2025).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ: ред. от 31.07.2025. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 20.10.2025).

3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 №95-ФЗ: ред. от 01.04.2025. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 20.10.2025).

4. Федеральный закон от 26.10.2002 №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»: ред. от 26.12.2024. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения: 20.10.2025).

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 №25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». – URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/8435/ (дата обращения: 20.10.2025).

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 №45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан». – URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/8455/ (дата обращения: 20.10.2025).

7. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25.11.2008 №127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83961/ (дата обращения: 20.10.2025).

8. Гурылева К.И. Конфликт интересов как причина злоупотреблений при несостоятельности (банкротстве) / К.И. Гурылева // Хозяйство и право. – 2022. – №5 (544).

9. Казакова И.А. К вопросу анализа совершенствования института несостоятельности юридических лиц / И.А. Казакова, Н.В. Куркина, Е.С. Митячкина // Вестник Академии управления и производства. – 2022. – №4. – С. 139–146. – EDN XLLPHQ.

10. Казакова И.А. Определение правового статуса юридического лица как объекта процедур несостоятельности (банкротства) / И.А. Казакова, Н.В. Куркина, Е.С. Митячкина // Право и государство: теория и практика. – 2022. – №7 (211). – С. 121–123. – DOI 10.47643/1815-1337_2022_7_121. – EDN XXWNBG.

11. Карпухина Е.Е. Проблемы защиты прав кредиторов при банкротстве юридических лиц / Е.Е. Карпухина // Молодой учёный. – 2019. – №8 (246).

12. Куркина Н.В. Проблемы правового регулирования определения объекта процедур несостоятельности (банкротства) / Н.В. Куркина, Е.С. Митячкина, И.В. Татьянов // Вестник Академии управления и производства. – 2022. – №2. – С. 150–158. – EDN ARYYAG.

13. Проценко А.В. Злоупотребление правом в процедуре банкротства / А.В. Проценко // Научный журнал. – 2017. – №10 (23).

14. Определение Верховного суда Российской Федерации от 15.12.2014 г. по делу №309-ЭС14-923. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70738994/ (дата обращения: 11.03.2026).

15. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 23.08.2021 №12АП-6547/2021 по делу №А12-3029/2021. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi (дата обращения: 11.03.2026).

16. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 25.04.2017 №02АП-2287/2017 по делу №А82-1580/2016 Требование: О завершении процедуры реструктуризации долгов гражданина и введении процедуры реализации имущества гражданина. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS002&n=77168#BQj9B0VSUkE8v8w6 (дата обращения: 11.03.2026).

Блинова Екатерина Алексеевна
аспирант
Пономарев Марк Сергеевич
магистрант
Научный руководитель
Бочков Павел Валерьевич
канд. экон. наук, канд., доцент

Уральский институт управления (филиал)
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ»
г. Екатеринбург, Свердловская область

ОСОБЕННОСТИ ЗАКУПОК, ОСУЩЕСТВЛЯЕМЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ КОРПОРАЦИЯМИ И ГОСУДАРСТВЕННЫМИ КОМПАНИЯМИ

Аннотация: *в статье исследуются особенности правового регулирования закупочной деятельности государственных корпораций и государственных компаний как особых субъектов, действующих в рамках Федерального закона №223-ФЗ. Анализируется правовой статус указанных организаций, их место в системе корпоративных закупок, специфика формирования и утверждения положений о закупке. Особое внимание уделяется соотношению публичных и частных начал в регулировании закупочной деятельности госкорпораций, а также проблемам антимонопольного контроля и ответственности за нарушения законодательства о закупках. На основе проведенного анализа формулируются предложения по*

совершенствованию правового регулирования закупок государственных корпораций и компаний.

Ключевые слова: *государственные корпорации, государственные компании, корпоративные закупки, положение о закупке, антимонопольный контроль, публичные закупки.*

Государственные корпорации и государственные компании занимают особое место в системе юридических лиц Российской Федерации. Их правовая природа отличается двойственностью: с одной стороны, они создаются государством для выполнения публично значимых функций, с другой – функционируют как самостоятельные хозяйствующие субъекты, наделенные значительной автономией в управлении своими активами. Эта двойственность предопределяет и специфику правового регулирования их закупочной деятельности.

Федеральный закон от 18.07.2011 №223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее – Закон №223-ФЗ) в ст. 1 прямо относит государственные корпорации и государственные компании к числу заказчиков, обязанных руководствоваться его положениями при осуществлении закупок. Согласно ст. 7.1 Федерального закона «О некоммерческих организациях», государственной корпорацией признается не имеющая членства некоммерческая организация, учрежденная Российской Федерацией на основе имущественного взноса и созданная для осуществления социальных, управленческих или иных общественно полезных функций. Государственная компания, в свою очередь, представляет собой некоммерческую организацию, созданную для оказания государственных услуг и выполнения иных функций с использованием государственного имущества на основе доверительного управления.

К числу действующих государственных корпораций относятся: Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом», Государственная корпорация по космической деятельности «Роскосмос», Государственная корпорация «ВЭБ.РФ», Государственная корпорация «Агентство по страхованию вкладов», Государственная корпорация «Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства», а также Государственная компания «Российские автомобильные дороги» («Автодор»). Все эти организации обладают значительными финансовыми и материальными ресурсами, а их закупочная деятельность оказывает существенное влияние на состояние соответствующих отраслей экономики.

Как справедливо отмечает О.А. Беляева, специфика правового положения государственных корпораций и компаний в сфере закупок обусловлена тем, что они, будучи некоммерческими организациями, созданными государством, одновременно выступают в роли крупнейших заказчиков, действующих в рыночной среде. Это порождает необходимость поиска баланса между публичными интересами (обеспечение прозрачности, эффективности расходования средств, противодействие коррупции) и частными началами (самостоятельность в определении условий хозяйственной деятельности, коммерческая тайна).

Основу правового регулирования закупок государственных корпораций и компаний составляет Закон №223-ФЗ, который устанавливает общие принципы закупки товаров, работ, услуг и основные требования к ее осуществлению. К числу таких принципов ст. 3 Закона №223-ФЗ относит: информационную открытость закупки; равноправие, справедливость, отсутствие дискриминации и необоснованных ограничений конкуренции; целевое и экономически эффективное расходование денежных средств; отсутствие ограничения допуска к участию в закупке путем установления неизмеряемых требований к участникам.

Однако в отношении государственных корпораций и компаний законодатель устанавливает дополнительные требования, обусловленные их особым публично-правовым статусом. Статья 3.1-1 Закона №223-ФЗ, введенная в 2024 году, специально посвящена особенностям осуществления закупок заказчиками – государственными корпорациями, государственными компаниями, а также хозяйственными обществами с долей участия Российской Федерации свыше пятидесяти процентов и их дочерними обществами. Данная норма предусматривает возможность установления Правительством Российской Федерации дополнительных

требований к порядку подготовки и осуществления таких закупок, включая типовые положения о закупке, обязательные для применения указанными заказчиками.

Важной особенностью правового регулирования является также распространение на государственные корпорации и компании требований о проведении оценки соответствия и мониторинга соответствия планов закупки требованиям законодательства, предусматривающим участие субъектов малого и среднего предпринимательства. В соответствии со ст. 5.1 Закона №223-ФЗ, такая оценка проводится в отношении планов закупки товаров, работ, услуг, годовых отчетов. Для государственных корпораций и компаний установлены повышенные нормативы объема закупок у субъектов МСП: не менее 25% совокупного годового объема закупок, при этом не менее 18% должно закупаться по результатам специальных процедур, участниками которых могут быть только субъекты МСП.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что правовое регулирование закупок государственных корпораций и государственных компаний представляет собой сложный комплекс норм, сочетающих публично-правовые и частноправовые элементы. Специфика правового статуса указанных организаций предопределяет необходимость установления для них особых требований, выходящих за рамки общих принципов Закона №223-ФЗ.

Важнейшими особенностями закупок государственных корпораций и компаний являются: наличие специальных требований к формированию и утверждению положения о закупке с участием представителей государства; обязанность проведения оценки и мониторинга соответствия планов закупки; повышенные нормативы объема закупок у субъектов малого и среднего предпринимательства; распространение режима национального режима при закупках иностранной продукции; особый порядок антимонопольного контроля.

В то же время анализ правоприменительной практики выявляет ряд проблем, требующих дальнейшего совершенствования законодательства: разграничение сфер применения Законов №223-ФЗ и №44-ФЗ при бюджетном финансировании, обеспечение реального, а не формального участия субъектов МСП в закупках, уточнение критериев применения национального режима, определение пределов самостоятельности госкорпораций в определении условий договоров.

Представляется, что дальнейшее развитие законодательства о закупках государственных корпораций и компаний должно идти по пути поиска оптимального баланса между обеспечением публичных интересов (прозрачность, эффективность, противодействие коррупции) и сохранением необходимой хозяйственной самостоятельности этих организаций как участников рыночных отношений.

Список литературы

1. Федеральный закон от 18.07.2011 №223-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116964/ (дата обращения: 25.02.2026).

2. Федеральный закон от 05.04.2013 №44-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 25.02.2026).

Бондаренко Светлана Викторовна
студентка
Научный руководитель
Землин Александр Игоревич
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой
ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ УПРАВЛЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЕМ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация: *в статье рассмотрены правовые нормы управления формированием правовой культуры несовершеннолетних, исследуются правовые аспекты формирования правовой культуры у несовершеннолетних. Анализируются нормативные акты, регулирующие вопросы правового просвещения подрастающего поколения, а также изучаются пути интеграции правовых знаний в учебные программы на различных исторических этапах. Правовая культура выступает как значимый элемент социального и личностного развития, определяя поведение в правовой сфере, осознание прав, обязанностей и ответственности, а также уровень гражданской активности. Организация процесса формирования правовой культуры требует системного подхода, методической последовательности и адаптации к возрастным и социальным особенностям целевой аудитории. Исследуются факторы, влияющие на формирование правовой культуры, а также воздействие медиа на правосознание молодежи в условиях цифровизации. Рассматриваются меры юридической ответственности, направленные на минимизацию негативного влияния на правовую культуру несовершеннолетних. Обсуждаются механизмы взаимодействия государственных и общественных институтов, а также роль семьи и школы в передаче правовых знаний и формировании навыков у несовершеннолетних. Изучаются законодательные инициативы и воспитательные программы, направленные на развитие правосознания несовершеннолетних на различных этапах государственной истории. Оценивается применение существующих норм, выявляются пробелы и предлагаются меры по повышению их результативности. В заключение подчеркивается, что эффективное управление развитием правовой культуры несовершеннолетних является неотъемлемой частью системы профилактики правонарушений и важным фактором интеграции молодежи в правовое и социальное пространство общества, создавая предпосылки для стабильного развития правового государства.*

Ключевые слова: *правовая культура, правовое воспитание, гражданско-патриотическое воспитание, несовершеннолетние, семья, цифровизация, правовой нигилизм.*

Эффективность построения правового государства обусловлена уровнем правовой культуры и поведения индивидов.

Утвержденные Президентом России 28 апреля 2011 года «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» (№Пр-1168) ставят своей целью достижение высокого уровня правовой культуры населения, утверждение уважения к закону, правопорядку и судебной системе, формирование модели добропорядочного и добросовестного социального поведения, а также преодоление правового нигилизма, препятствующего развитию России как современного цивилизованного государства [6].

Согласно пункту 14 «Основ государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» от 28.04.2011 №Пр-1168, ключевые задачи государственной политики включают: формирование устойчивого уважения к закону и преодоление правового нигилизма в обществе; повышение уровня правовой культуры

граждан, включая их осведомленность и юридическую грамотность; создание системы мотивации к законопослушному поведению как основной модели социального поведения; внедрение в общественное сознание принципов добросовестного исполнения обязанностей и соблюдения правовых норм [6].

Как следует из пункта 12 «Основ государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» от 28.04.2011 №Пр-1168, к факторам, влияющим на формирование правовой культуры и позитивного типа правосознания и поведения, относятся: характер семейного воспитания и моральный климат в семье, законопослушное поведение родителей; высокий уровень воспитания и обучения в образовательных учреждениях, закрепление и развитие у обучающихся основ правосознания [6].

К мерам государственной политики в области образования и воспитания подрастающего поколения относятся: включение в примерные основные общеобразовательные программы дошкольного, начального общего образования задач по ознакомлению детей с элементарными общепринятыми нормами и правилами взаимодействия со сверстниками и взрослыми (внимательность к людям, готовность к сотрудничеству и дружбе, оказание помощи нуждающимся, уважение к окружающим), а также развитие ценностно-смысловой сферы личности; развитие практики преподавания основ права в образовательных учреждениях различного типа, поддержка региональных моделей правового образования, разработка учебных курсов, посвященных правовой тематике, соответствующих образовательных программ, методических пособий; применение специальных программ правового образования и воспитания детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, трудных подростков и несовершеннолетних правонарушителей [4].

В условиях развития информационных технологий и свободного, зачастую неконтролируемого доступа несовершеннолетних к интернет-ресурсам, включая запрещенные в РФ, необходимо уделять внимание духовно-нравственному воспитанию, формированию нравственной позиции, развитию эмпатии, привитию семейных ценностей, чувства долга и чести.

Еще в 1767 году Екатерина II подчеркнула необходимость обучения по книгам, излагающим законы. Эти идеи были реализованы и нормативно закреплены в книге «О должностях человека и гражданина» [7].

В XIX веке система народного образования в России приобрела сословный характер, что предопределило наличие специализированных учебных заведений для каждого сословия, выдвинув проблему правового обучения в ряд важных.

Основное внимание в нормативных актах, принятых в конце 1860-х годов, касающихся несовершеннолетних, уделялось недостаткам правового сознания. Формирование правосознания не рассматривалось как государственная задача, а правовое воспитание мыслилось как работа непосредственно с субъектами, нарушившими закон. Согласно Закону Российской империи от 5 декабря 1866 года, несовершеннолетние, совершившие преступления и отбывающие наказание в исправительных учреждениях, должны были направляться в «исправительно-воспитательные дома». Таким образом, акцент смещался с системы карательного воздействия к мерам перевоспитания.

Современный этап формирования правовой культуры несовершеннолетних определяется принятием и введением в действие Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», а также федеральных государственных образовательных стандартов, предусматривающих широкое использование интерактивных технологий обучения.

Принятый Указ Президента Российской Федерации в июне 2012 года «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» и разработанная в мае 2013 года Министерством образования и науки РФ Программа развития воспитательных компонентов в общеобразовательных учреждениях подчеркивают важность гражданско-патриотического воспитания в реализации основных направлений правового воспитания и социализации молодежи [5].

Следует отметить эффективность выбранной стратегии в период 2013–2020 годов: согласно статистическим данным МВД России, доля предварительно расследованных преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, в общей структуре преступности последовательно снижалась начиная с 2012 года: в 2014 году – 5,0%; в 2015 г. – 4,9%; в 2016 г. – 4,6%; в 2017 г. – 4,1%; в 2018 г. – 4,0%; в 2019 г. – 3,9%; в 2020 г. – 3,7%.

В процессе формирования правовой культуры несовершеннолетних, как верно отметил законодатель, нельзя недооценивать роль семейных и социокультурных факторов. Семейное воспитание, традиции, нормы поведения, отношение к закону и правовым ценностям передаются из поколения в поколение, влияя на формирование правовой культуры у несовершеннолетних и закладывая основы уважения к праву, ответственности и справедливости [6].

Д.Ю. Мартынкина в своей работе выделяет средства массовой информации в качестве субъектов, участвующих в формировании правовой культуры [8]. СМИ, интернет и социальные сети позволяют оперативно распространять правовую информацию. Однако важно контролировать качество и достоверность информации во избежание распространения правового нигилизма или дезинформации.

В 2023 году ВШЭ (ИСИЭЗ НИУ ВШЭ) провело исследование, согласно которому собственный смартфон появляется у каждого третьего ребенка дошкольного возраста (30% среди детей 3–6 лет), почти у каждого восьмого в том же возрасте есть планшет (13%), каждому двадцатому родители приобретают ноутбук, «умные» часы/фитнес-браслет (по 5%) или даже стационарный компьютер (4%). К 12–14 годам смартфоны имеют уже 90% детей, примерно у каждого пятого есть планшет (21%), ноутбук (20%) и/или стационарный компьютер (19%) [10].

В соответствии с пунктом 19 «Основ государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» от 28.04.2011 №Пр-1168, такая мера государственной политики, как введение механизма публичной оценки и рекомендаций в случае предполагаемого распространения произведений и информационных материалов, рекламной продукции, открыто пропагандирующих межнациональную и религиозную рознь, грубое нарушение норм общественной морали, неуважение к закону и суду, была признана эффективной для снижения негативного влияния в сферах культуры, массовой информации, эфирного и кабельного вещания, рекламной и издательской деятельности.

В качестве механизма реализации указанных мер законодатель рассматривает Федеральный закон от 27.07.2006 №149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», а также статью 20.29 Кодекса РФ об административных правонарушениях, предусматривающую штраф для граждан от 1000 до 3000 рублей или арест до 15 суток с конфискацией оборудования за создание и распространение экстремистских материалов. Уже с 1 сентября 2025 года введена статья 13.53 КоАП РФ, предусматривающая административные штрафы от 3000 до 5000 рублей за поиск в интернете экстремистских материалов и получение к ним доступа, в том числе через VPN (Федеральный закон от 31 июля 2025 г. №281-ФЗ). Вместе с тем законодатель освобождает лиц в возрасте до 16 лет от ответственности в случае просмотра или распространения информации запрещенных организаций в России, что нивелирует усилия законодателя по снижению негативного воздействия СМИ на несовершеннолетних, учитывая исследования о вовлечении несовершеннолетних в цифровизацию [3].

Одним из ключевых недостатков, снижающих эффективность и препятствующих достижению поставленных целей, является недостаточная системность применяемых подходов. Многие программы и инициативы реализуются фрагментарно, без четкой координации между различными институтами и структурами, что приводит к разрозненности усилий и снижает их общий эффект. Такой разрозненный подход не позволяет обеспечить комплексное воздействие на разные возрастные группы, что важно для формирования устойчивого правового сознания.

Сотрудничество школ и родителей становится особенно актуальным в условиях современных вызовов. Поддерживая связь с образовательными учреждениями, семьи могут более эффективно участвовать в правовом воспитании своих детей, объединяя усилия для достижения общей цели. В то же время этот потенциал законодателем используется не в полной мере, сводясь к работе с «трудными детьми», тогда как за счет совместных усилий родителей и педагогов можно создать условия для глубокого понимания детьми правовых норм и их значения для жизни в обществе, заложив прочные основы для формирования законопослушного гражданина.

Еще одним существенным недостатком является недостаточная продолжительность и последовательность реализуемых мероприятий. Часто программы проводятся эпизодически, без систематического продолжения и постоянного мониторинга, что снижает их воздействие и не способствует закреплению правовых ценностей. В результате, даже при наличии начальных положительных сдвигов, эффект со временем исчезает или ослабевает, а уровень правовой грамотности и уважения к праву остается низким.

Так, стратегия формирования правовой культуры несовершеннолетних в период с 2013 года и вплоть до 2024 года демонстрировала положительную динамику, однако, по данным статистики, в 2025 году уровень преступности среди несовершеннолетних вырос за четыре месяца на четверть.

Кроме того, многие существующие методы недостаточно ориентированы на внутреннее убеждение и формирование внутреннего уважения к праву. В основном акцент делается на внешних мотивациях, таких как наказание за правонарушения или обязательное обучение, что не способствует развитию внутренней ответственности и активного гражданского поведения. Такой подход не стимулирует к осознанному соблюдению правовых норм, а зачастую вызывает лишь формальное отношение к праву, что в долгосрочной перспективе ведет к правовому нигилизму и безразличию [9].

Еще одним важным недостатком является ограниченность методов воздействия на различные социальные группы. Многие программы, ориентированные на молодежь, не адаптированы под социальные характеристики аудитории, оставляя вне зоны внимания более младших, которые более подвержены влиянию внешних субъектов и, как следствие, неверному формированию ценностей, совершению преступлений.

В эпоху цифровых технологий информационные кампании, направленные на повышение правовой грамотности, зачастую реализуются недостаточно эффективно, что ограничивает охват аудитории и снижает их воздействие, способствуя распространению правового невежества и формированию правового нигилизма. Кроме того, прослеживается отсутствие четкого механизма отслеживания и блокировки СМИ, подрывающих привитые ценности у молодого поколения, формируя у них порой отрицание построенного гражданского общества и подрывая авторитет государства.

Наконец, одним из наиболее серьезных недостатков является слабая оценка эффективности реализуемых методов. Необходим систематический мониторинг и оценка результатов с целью внесения корректировок, учитывая выявленные недостатки. Без должного мониторинга и анализа ресурсы расходуются неэффективно, а достигнутые результаты зачастую не соответствуют поставленным задачам. Отсутствие объективных критериев оценки также мешает формированию научно обоснованных стратегий дальнейшего развития методов формирования правовой культуры.

Все перечисленные недостатки свидетельствуют о необходимости пересмотра существующих подходов и разработки более системных, комплексных и адаптированных к современным условиям методов. Только при условии учета всех указанных аспектов и внедрения инновационных решений можно добиться существенного повышения уровня правовой культуры несовершеннолетних и заложить устойчивую основу развития правового государства.

На основании вышеизложенного, полагаю, предложенные мероприятия повысят эффективность разработанных мер:

– использование современных методов педагогики, таких как проектное обучение, кейс-методы, обучение через участие в ролевых играх, моделирующих правовые ситуации, привлекая в дискуссии родителей, опекунов. На практике данные методы позволяют освоить правовые знания, развить навыки правового анализа и принятия решений, а также понять последствия своих действий в правовой сфере. Такой практико-ориентированный подход способствует формированию у граждан чувства ответственности и уважения к правовым нормам;

– внедрение систем мониторинга и анализа результатов, что позволит своевременно корректировать программы, выявлять наиболее успешные практики и расширять их применение. В этом контексте особое значение приобретает использование цифровых аналитических инструментов, автоматизированных систем сбора данных и обратной связи от участников программ;

– профессиональное развитие специалистов, ответственных за правовое воспитание.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. – 1993. – №3. – Ст. 28. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 25.02.2026).

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 №195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – №1. – Ст. 1. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 25.02.2026).

3. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – №31. – Ст. 3448. – URL: https://base.garant.ru/12148555/ (дата обращения: 25.02.2026).

4. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. – 2013. – №1. – Ст. 3. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 25.02.2026).

5. Указ Президента РФ от 01.06.2012 №761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – №23. – Ст. 2994. – URL: https://base.garant.ru/70183566/ (дата обращения: 25.02.2026).

6. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 28.04.2011 №Пр-1168) // Российская газета. – 2011. – №114. – URL: https://legalacts.ru/doc/osnovy-gosudarstvennoi-politiki-rossiiskoi-federatsii-v-sfere/ (дата обращения: 25.02.2026).

7. Наказ императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении проекта нового Уложения / под ред. Н.Д. Чечулина. – СПб., 1907.

8. Мартынкина Д.Ю. СМИ как субъект и инструмент правового просвещения населения / Д.Ю. Мартынкина // Медиаскоп. – 2011. – №1. – С. 2. EDN OHKGWZ

9. Певцова Е.А. Законность и правовая культура (теоретико-правовые и сравнительно-правовые аспекты): учебное пособие / Е.А. Певцова, Н.Я. Соколов. – URL: https://stroki.mts.ru/book/zakonnost-i-pravovaya-kultura-teoretiko-pravovyye-i-sravnitelno-pravovyye-aspekty-uchebnoye-posobiye-95580 (дата обращения: 25.02.2026).

10. Кузина Л.С. Дети в интернете / Л.С. Кузина, Е.А. Стрельцова // ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. – URL: https://issek.hse.ru/news/837320649.html (дата обращения: 25.02.2026).

Даминов Руслан Илдарович
магистрант
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
г. Казань, Республика Татарстан

ПРАВОВЫЕ ПРЕДЕЛЫ КОМПЕНСАЦИИ ЗА НАРУШЕНИЕ АВТОРСКИХ ПРАВ: ОБЕСПЕЧЕНИЕ БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Аннотация: *в статье исследуются особенности применения компенсации за нарушение исключительного права на произведение в контексте проблемы злоупотребления правом. Анализируется правовая природа компенсации, пределы её осуществления и критерии соразмерности, выработанные судебной практикой. Особое внимание уделяется вопросам недобросовестного осуществления исключительного права при серийном предъявлении требований о взыскании компенсации.*

Ключевые слова: *исключительное право, произведение, компенсация, гражданско-правовая ответственность, злоупотребление правом, интеллектуальная собственность.*

В рамках гражданско-правового механизма защиты интеллектуальных прав, компенсация за нарушение исключительных прав играет значимую роль. Российская правоприменительная практика сформировала определенные подходы к ее взысканию.

В научной литературе отсутствует единый подход к определению правовой природы компенсации. Часть исследователей рассматривает ее как разновидность гражданско-правовой ответственности, указывая на наличие состава правонарушения, имущественные неблагоприятные последствия для нарушителя и связь с презумпцией вины. Другая группа авторов подчеркивает, что компенсация выступает самостоятельной мерой защиты права, обладающей упрощенным характером и не сводимой полностью к классической модели ответственности, поскольку ее размер не соотносится напрямую с объемом доказанных убытков и определяется судом в установленных законом пределах.

Тем не менее, сохраняется правовая неопределенность в отношении критериев определения характера и справедливости компенсации. Отдельного внимания заслуживает проблема «злоупотреблением правом в сфере интеллектуальной собственности», проявляющаяся в подаче большого количества исков о нарушении интеллектуальных прав, мотивированных стремлением к личному обогащению, а не действительной защитой прав авторов творческих произведений, что приводит к более сложному определению действительной и реальной компенсации которая может восстановить нарушенные права.

В соответствии с положениями статьи 1250 Гражданского кодекса Российской Федерации, средства защиты интеллектуальных прав определяются нормами данного кодекса. Применение этих средств должно быть обусловлено спецификой нарушенного права и характером наступивших последствий.

Согласно статье 1301 Гражданского кодекса Российской Федерации, при нарушении исключительного права на произведение, автор или иной правообладатель, наряду с применением иных предусмотренных законом способов защиты и мер ответственности (включая статьи 1250, 1252 и 1253 ГК РФ), имеет право по своему выбору требовать от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты компенсации:

– в размере от десяти тысяч рублей до пяти миллионов рублей, определяемом по усмотрению суда;

– в двукратном размере стоимости контрафактных экземпляров произведения (подпункт 1);

– в двукратном размере стоимости экземпляров произведения (подпункт 2) или в двукратном размере стоимости права использования произведения, определяемой исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование произведения (подпункт 3).

Размер компенсации осуществляется судом в рамках установленной законом процедуры. При этом суд исходит из доказательств, представленных истцом в обоснование заявленной суммы, и учитывает право ответчика на оспаривание как самого факта нарушения, так и размера предъявленной к взысканию компенсации (статья 196 ГПК РФ, статья 168 АПК РФ).

Но иногда соответствующая сумма определяется из фактических обстоятельств, позволяющим суду снизить сумму компенсацию за нарушение исключительных прав на произведение.

В качестве одного из примеров можно привести судебное разбирательство по делу А65-16643/2025, где Истец инициировал процесс, требуя выплаты 66 666,66 рублей в качестве компенсации за неправомерное использование его фотографического произведения. Истец утверждал, что является автором фотографического произведения и, с целью популяризации своего творчества, разместил (обнародовал) данное изображение на сайте https://stock.adobe.com.

В свою очередь регистрация автора на сервисе Adobe и отправка фотографий в фотобанк означает совершение автором конклюдентных действия, направленных на юридическое согласие с условиями Adobe Stock Contributor, в рамках которого автор предоставляет компании Adobe лицензионные права на использование своих произведений в объеме, определенном соглашением. Данное соглашение квалифицируется как лицензионный договор в смысле статьи 1235 ГК РФ.

Таким образом, использование контента, включая фотографические произведения, опубликованные авторами на Adobe Stock, другими пользователями сервиса осуществляется на основании сублицензионного договора, который заключается в силу статьи 1238 ГК РФ между пользователем и компанией Adobe. Эта правовая позиция подтверждена определением Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 23.01.2025 №88-1293/2025.

На каждом из сайтов, указанных Истцом, как место публикации спорного фотоизображения, существует механизм приобретения лицензии. В частности, расширенная лицензия предоставляет пользователю не только возможность скачать и законно обнародовать фотографию, но и право на её модификацию или не указывать автора фотоизображения (позиция, изложенная в постановлении Арбитражного суда Московской области от 31 мая 2024 года по делу № А41-20817/2024, является релевантной, поскольку в рамках данного дела Истец выдвигал аналогичные требования, хотя и в отношении другого ответчика).

В данном случае прослеживается злоупотребление правом со стороны Истца. Он преднамеренно опубликовал свои фотографические произведения на сервисе, предусматривающий лицензирование произведений на условиях пользовательского соглашения, и впоследствии обратился в суд с целью защиты своих прав. Однако, ввиду того, что для признания действий лица злоупотреблением правом необходимо установить его умысел на заведомо недобросовестное осуществление прав, направленный исключительно на причинение вреда другой стороне (при отсутствии иных добросовестных целей), суд смог лишь фактически уменьшить размер исковых требований в своем решении. Ведь злоупотребление правом должно носить достаточно очевидный характер, а вывод о нем не должен являться следствием предположений.

Сам по себе аргумент о недобросовестности Истца не может служить основанием для освобождения от гражданско-правовой ответственности, если будет доказано нарушение исключительных прав на произведение, в отношении которого подан иск. Данная позиция подтверждается Постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 05 сентября 2024 г. №09АП-48227/24 по делу №А40-81870/2024.

Судебная практика, как правило, исходит из того, что выплата компенсации за неправомерное использование произведения возможна только при установлении факта такого использования и вины нарушителя. При этом вина нарушителя презюмируется, то есть считается доказанной, пока он сам не докажет обратное. Следует подчеркнуть, что в Постановлении №28-П от 13 декабря 2016 года Конституционный Суд Российской Федерации дал разъяснения по данному вопросу и указал, что компенсация не должна быть чрезмерно

карательной. Она обязана отвечать принципам справедливости и соразмерности последствиям, которые повлекло нарушение.

Указанное разъяснение Конституционного суда РФ можно увидеть из указанного прецедента, где проявляется очевидное злоупотреблением правом и суд может лишь воспользоваться механизмом уменьшением заявленных исковых требований для предотвращения обогащения лица, обратившегося за «защитой» собственных прав.

Тем самым судебная практика показывает, что даже при наличии признаков спорной модели поведения суды, как правило, не освобождают нарушителя от ответственности при доказанности факта использования произведения без соответствующей лицензии, однако могут снижать размер компенсации, руководствуясь принципами справедливости и соразмерности. Тем самым обеспечивается баланс интересов сторон с одной стороны защита исключительного права, с другой предотвращение чрезмерного или несоразмерного взыскания.

Список литературы

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: от 24.07.2002 №95-ФЗ: ред. от 15.12.2025: с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026 // Собрание законодательства РФ. – 2006. – 25 дек. – №52 (1 ч.). – Ст. 549.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): от 18.12.2006 №230-ФЗ: ред. от 23.07.2025 // Собрание законодательства РФ. – 1994. – 5 дек. – №32. – Ст. 3301.

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: от 14.11.2002 №138-ФЗ: ред. от 15.12.2025: с изм. от 22.12.2025: с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026 // Собрание законодательства РФ. – 2002. – 18 нояб. – №46. – Ст. 4532.

4. По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами арбитражного суда Алтайского края : постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 13 дек. 2016 г. №28-П. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208711 (дата обращения: 18.02.2026).

5. Постановление Арбитражного суда Московской области от 31 мая 2024 г. №А41-20817/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 05 сентября 2024 г. № 09АП-48227/24 по делу №А40-81870/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 23 января 2025 г. №88-1293/2025.

Данилевская Елизавета Максимовна
магистрант
Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»
г. Москва

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В РЕГИСТРАЦИИ ПРАВ НА НЕДВИЖИМОСТЬ: ОПЫТ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ В РОССИИ

Аннотация: *в статье проводится комплексный анализ внедрения цифровых технологий в системы регистрации прав на недвижимость как ключевого фактора повышения эффективности государственного управления и гражданского оборота. Рассматривается опыт зарубежных стран-лидеров цифровой трансформации (Эстония, Грузия, Сингапур, Канада), где успешно функционируют системы электронного нотариата, blockchain-регистрации сделок и полностью автоматизированного учета. Выявлены основные преимущества цифровизации: минимизация временных и транзакционных издержек, обеспечение прозрачности данных, снижение коррупционных рисков за счет исключения человеческого фактора и повышение инвестиционной привлекательности рынка недвижимости. Особое внимание*

уделено анализу текущего этапа цифровизации в России (ФГИС ЕГРН, электронные сервисы Росреестра) и существующим барьерам, включая пробелы в законодательном регулировании, вопросы кибербезопасности и проблему «цифрового неравенства» регионов. В работе обосновывается необходимость системной адаптации зарубежных практик к российской правовой действительности. В заключении сформулированы перспективные направления развития: создание единой платформы межведомственного взаимодействия на базе технологий распределенного реестра, внедрение смарт-контрактов для автоматизации расчетов при сделках, а также совершенствование механизмов удаленной идентификации субъектов права, что в совокупности позволит вывести систему регистрации недвижимости в России на качественно новый уровень.

Ключевые слова: *цифровые технологии, электронный документооборот, блокчейн, кадастр, автоматизация, Россия, зарубежный опыт.*

Регистрация прав на недвижимость является одним из фундаментальных элементов правовой системы, обеспечивающим защиту имущественных прав и стабильность сделок с недвижимостью. Традиционные бумажные процедуры регистрации зачастую сопровождаются длительными сроками рассмотрения заявлений, коррупционными рисками и неудобствами для участников рынка [4].

Развитие цифровых технологий кардинально меняет ситуацию, что особенно актуально в контексте глобального тренда на цифровое государство и автоматизацию государственного управления. Как отмечают Н.Л. Бондаренко и Ю.Г. Конаневич, регуляторная функция государства в сфере цифровизации приобретает ключевое значение для успешной трансформации общественных отношений [3]. Внедрение электронных сервисов, автоматизация процессов и использование современных решений, таких как блокчейн и искусственный интеллект, позволяют значительно повысить эффективность и прозрачность регистрационных операций.

Опыт зарубежных стран показывает успешные практики трансформации регистрационных систем, которые могут быть полезными для России. В статье подробно анализируется мировой опыт и делается акцент на перспективах цифровизации системы регистрации недвижимости в РФ с учётом существующих вызовов и возможностей.

Современные цифровые технологии в регистрации недвижимости: *обзор и тенденции.*

На сегодняшний день государства активно внедряют цифровые решения, которые можно классифицировать по четырем основным направлениям:

– электронные реестры и документооборот: переход от бумажных носителей к электронным базам данных даёт возможность хранения и обработки информации в цифровом формате. Это сокращает время обработки заявок и минимизирует ошибки. Как подчеркивают Е.И. Аврунев и М.П. Дорош, разработка информационных моделей способствует повышению достоверности кадастровой информации [1];

– блокчейн и смарт-контракты: использование распределённого регистра обеспечивает необратимость и прозрачность данных о правах на недвижимость. Л.Г. Максудова и Т.В. Маставичене в своем исследовании отмечают значительный потенциал систем распределенных реестров в информационных технологиях кадастра [9]. Смарт-контракты позволяют автоматизировать выполнение условий сделки.

– интеграция с геоинформационными системами (ГИС): визуализация объектов на карте и объединение с кадастровой информацией увеличивает удобство поиска и полноту данных;

– искусственный интеллект (AI) и машинное обучение: применение AI помогает анализировать документы, выявлять потенциальное мошенничество и оптимизировать процессы принятия решений.

Такой комплексный подход позволяет создавать единую цифровую экосистему, которая работает значительно эффективнее традиционных методов.

Зарубежный опыт.

Эстония: цифровое ориентированное государство. Эстония является признанным мировым лидером цифровой трансформации. Практически все государственные услуги, включая регистрацию прав на недвижимость, переведены в онлайн-формат. Ключевые особенности:

– единственный электронный реестр с открытым доступом к информации;

– возможность подачи заявлений и подписания документов через национальную систему идентификации и электронную подпись;

– высокий уровень защиты данных, регулярные аудиты и прозрачность;

– интеграция с другими регистрами, например, налоговым и земельным.

Эстония показывает, что поддержка на законодательном уровне и грамотные технические решения создают систему, удобную как для граждан, так и для бизнеса.

Грузия: эксперимент с блокчейн-технологией. В 2017 году Грузия первой внедрила блокчейн-систему для регистрации прав на недвижимость, сотрудничая со стартапом Bitfury. М.С. Яркин и Е.В. Бурцева в своем исследовании подчеркивают, что технология блокчейн становится эффективной платформой для сделок с землей, а грузинский опыт служит подтверждением этому тезису [10]. Это позволило:

– удержать все операции в защищённой, распределённой базе данных;

– уменьшить бюрократию и коррупцию;

– ускорить процесс регистрации;

– создать прозрачную систему проверки истории объектов.

Проект получил признание как пример успешного применения блокчейна в государственном секторе, и положительные результаты подтолкнули другие страны СНГ рассматривать подобные решения. Н.А. Ковалева отмечает, что совершенствование государственного регулирования применения блокчейн-технологий должно опираться на анализ успешного зарубежного опыта [8].

Сингапур и Канада: интеграция автоматизации и ГИС. В Сингапуре регистрация сочетается с ГИС, позволяя в режиме реального времени отслеживать изменения и характеристики объектов. Канадские провинции используют комбинирование геоданных с электронными реестрами и системой аукционов недвижимости, что способствует развитию рынка и предотвращает мошенничество.

Австралия: автоматизация и стандартизация. Австралия акцентирует внимание на стандартизации процедур и документации, а также на использовании электронных подписей и автоматизированных проверок документов для минимизации ошибок и ускорения оформления прав.

Текущий статус цифровизации регистрации недвижимости в России.

В России регистрация прав осуществляется через Федеральную службу государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр). За последние годы сделаны значительные шаги:

– основной инструмент – Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН), переведённый в электронный формат;

– создание интернет-порталов и сервисов на базе Госуслуг для подачи заявлений онлайн;

– внедрение электронной подписи и возможности дистанционного взаимодействия с ведомством;

– запуск пилотных проектов интеграции с другими государственными системами, включая геоинформационные решения.

Е.А. Жаркова в своем исследовании подробно анализирует состояние дел, проблемы и перспективы в сфере государственной регистрации права на недвижимость, отмечая как достижения, так и существующие сложности [4].

Тем не менее, остаются проблемы:

– в ряде регионов инфраструктура и информатизация отстают;

– частичное использование бумажного документооборота сохраняется из-за технологических и правовых ограничений;

– сложности с комплексной интеграцией кадастровой и регистрационной информации;

– медленное внедрение блокчейна и аналитических технологий;

– необходимость адаптации законодательства к новым цифровым инструментам.

Перспективы цифровых технологий в России.

Для успешного развития цифровой регистрации недвижимости в России востребованы следующие меры.

1. Разработка и принятие нормативно-правовой базы для цифровых технологий:

– введение законов и подзаконных актов, которые официально признают юридическую силу электронных документов, подписей и смарт-контрактов в сфере недвижимости. И.А. Казакова, Н.В. Куркина и Е.С. Митячкина в своей работе обращаются к определению теоретико-правового понятия дистанционной купли-продажи, что важно для формирования понятийного аппарата цифрового оборота недвижимости [7].

– регулирование использования блокчейн-технологий при регистрации прав с закреплением стандартов безопасности и управления данными;

– создание норм, разрешающих дистанционное ведение сделок с недвижимостью.

2. Стандартизация и интеграция информационных систем:

– разработка единых стандартов данных для госреестров и кадастра, обеспечивающих совместимость и обмен информацией между ведомствами;

– интеграция регистрационных систем с ГИС, налоговыми, финансовыми и судебными системами для создания единой цифровой экосистемы. Вопросы налогового регулирования в контексте цифровизации имущественных отношений также требуют внимания, что отражено в работе А.И. Землина [5].

3. Укрепление ИТ-инфраструктуры и кибербезопасности:

– модернизация технических средств и создание защищённых порталов для безопасного взаимодействия граждан и бизнеса с регистраторами недвижимости;

– внедрение многоуровневой системы защиты данных, включая шифрование и двухфакторную аутентификацию.

4. Внедрение автоматизации и искусственного интеллекта:

– создание инструментов для автоматического анализа и проверки документов;

– использование AI для выявления подозрительных или мошеннических операций.

5. Повышение квалификации кадров и цифровая грамотность населения:

– проведение обучающих программ для сотрудников Росреестра и профильных специалистов;

– информирование граждан и предпринимателей о возможностях и преимуществах цифровых сервисов.

6. Создание удобных и доступных сервисов:

– развитие порталов с возможностью полного дистанционного оформления прав на недвижимость;

– обеспечение мобильных приложений и поддержки для различных категорий пользователей.

Реализация комплексного плана позволит создать современную, прозрачную и надежную систему регистрации недвижимости.

Цифровая трансформация регистрационных процессов является необходимым этапом модернизации государственного управления недвижимостью. Зарубежные страны демонстрируют, что электронные реестры, блокчейн-технологии и автоматизация существенно повышают эффективность и прозрачность регистрационных операций.

России предстоит преодолеть ряд технологических и законодательных препятствий, чтобы максимально использовать возможности цифровизации. При грамотном развитии и поддержке инноваций цифровые технологии смогут изменить существующую систему

регистрации прав на недвижимость, сделать её более удобной, быстрой и защищённой как для граждан, так и для бизнеса.

Развитие цифровой регистрации – залог устойчивого правового и экономического развития в долгосрочной перспективе.

Список литературы

1. Аврунев Е.И. Разработка информационной модели для повышения достоверности кадастровой информации / Е.И. Аврунев, М.П. Дорош // Вестник СГУГиТ. – 2018. – Т. 23. №1. – С. 156–166. EDN YWRBUT

2. Баронов В.И. Международное право в схемах и таблицах: учебное пособие / В.И. Баронов, В.А. Батырь, В.И. Липунов. – М.: Альфа-Пресс, 2011. – ISBN 978-5-94280-529-6. – EDN QSCFZX.

3. Бондаренко Н.Л. Правовая и организационная природа процессов цифровизации и регуляторная функция государства в данной сфере / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич // Ex Jure. – 2021. – №1. – С. 56–67. – EDN OZFAFE. DOI 10.17072/2619-0648-2021-1-56-67

4. Жаркова Е.А. Состояние дел, проблемы и перспективы в сфере государственной регистрации права на недвижимость / Е.А. Жаркова // Вестник СГУПС: гуманитарные исследования. – 2019. – №1 (5). – С. 61–65. EDN RGEFVW

5. Землин А.И. Налоговое право: учебник / А.И. Землин. – М.: Форум, 2006. – EDN QWNEIB.

6. Зуева Е.Р. Гражданско-правовая защита сделок, заключенных с помощью сети интернет / Е.Р. Зуева, Е.С. Митячкина // Вестник науки. – 2022. – Т. 5, №1 (46). – С. 140–147. – EDN OGCUWH.

7. Казакова И.А. К вопросу определения теоретико-правового понятия «дистанционная купля-продажа» / И.А. Казакова, Н.В. Куркина, Е.С. Митячкина // Право и государство: теория и практика. – 2022. – №11 (215). – С. 175–177. – DOI 10.47643/1815-1337_2022_11_175. – EDN MNXNDK.

8. Ковалева Н.А. Практика государственного регулирования применения блокчейн-технологий и ее совершенствование на основе зарубежного опыта / Н.А. Ковалева // Экономика. Налоги. Право. – 2019. – Т. 12. №4. – С. 87–93. DOI 10.26794/1999-849X-2019-12-4-87-93. EDN VNZXGS

9. Максудова Л.Г. О системах распределенных реестров в информационных технологиях кадастра / Л.Г. Максудова, Т.В. Маставичене // Известия высших учебных заведений. Геодезия и аэрофотосъемка. – 2018. – Т. 62. №2. – С. 173–178. DOI 10.30533/0536-101X-2018-62-2-173-178. EDN YWZHYQ

10. Яркин М.С. Технология блокчейн – платформа для сделок с землей / М.С. Яркин, Е.В. Бурцева // Research Innovations 2020: сборник статей II Международного научно-исследовательского конкурса. – Петрозаводск, 2020. – С. 83–92. EDN IXRHLM

Заугольников Владислав Максимович
магистрант
Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»
г. Москва

ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация: *статья посвящена анализу правовых особенностей регулирования суррогатного материнства в Российской Федерации в условиях развития вспомогательных репродуктивных технологий и трансформации семейных отношений. Автор исследует нормативно-правовую базу института суррогатного материнства, закреплённую в Семейном кодексе РФ и Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», выявляя пробелы и противоречия в действующем законодательстве. Особое внимание уделяется порядку установления материнства в отношении ребёнка, рождённого суррогатной матерью, правовому статусу участников договора о суррогатном материнстве и проблемам реализации права ребёнка на происхождение. На основе анализа судебной практики Верховного Суда РФ и практики Европейского Суда по правам человека выявлены ключевые коллизии, возникающие при применении норм о суррогатном материнстве. Статья содержит предложения по совершенствованию законодательства с учётом баланса*

интересов ребёнка, генетических родителей и суррогатной матери, а также международных стандартов в области прав человека. Результаты исследования могут быть использованы при разработке законодательных инициатив и в правоприменительной практике.

Ключевые слова: *суррогатное материнство, репродуктивные права, установление материнства, вспомогательные репродуктивные технологии, договор о суррогатном материнстве, права ребёнка, семейное законодательство.*

Современные достижения в области репродуктивной медицины кардинально изменили традиционные представления о зачатии и рождении ребёнка, породив новые правовые и этические вызовы для законодателя. Суррогатное материнство как одна из форм вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) приобрело особую актуальность в условиях роста числа бесплодных пар и расширения возможностей медицинской науки. В Российской Федерации институт суррогатного материнства легализован с 1995 года, однако его правовое регулирование остаётся фрагментарным и не всегда соответствует современным реалиям.

Как отмечает А.М. Нечаева [10], «развитие репродуктивных технологий опережает правовое регулирование, что создаёт правовые коллизии в сфере установления происхождения детей». В условиях отсутствия специального закона, посвящённого суррогатному материнству, нормативная база данного института распылена по различным правовым актам, что затрудняет его единообразное применение. Цель настоящего исследования – выявить особенности правового регулирования суррогатного материнства в современной России, проанализировать пробелы законодательства и предложить пути их устранения.

1. Понятие и правовая природа суррогатного материнства.

Согласно ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан»), суррогатное материнство представляет собой «применение вспомогательных репродуктивных технологий с использованием суррогатной матери – женщины, вынашивающей эмбрион, полученный с использованием гамет генетических родителей или одного из них, с последующим передачей ребёнка генетическим родителям после его рождения» [2].

Е.В. Белова [4] подчёркивает, что «суррогатное материнство не является формой усыновления или опеки, а представляет собой особый способ реализации репродуктивных прав граждан». Правовая природа отношений, возникающих при суррогатном материнстве, остаётся дискуссионной. Большинство учёных (В.И. Старинский, О.Н. Кравец) рассматривают договор о суррогатном материнстве как разновидность гражданско-правового договора, направленного на оказание услуг по вынашиванию и рождению ребёнка [12]. Однако, в отличие от типичных гражданско-правовых договоров, предметом данного соглашения выступает не имущественный результат, а рождение ребёнка, что придаёт ему особый правовой статус [5].

Важно различать два вида суррогатного материнства: гестационное (когда суррогатная мать не является генетическим родителем ребёнка) и традиционное (когда используется яйцеклетка суррогатной матери). Российское законодательство допускает исключительно гестационное суррогатное материнство, что соответствует международным стандартам и минимизирует риски возникновения коллизий при установлении материнства.

2. Требования к участникам отношений и порядок установления материнства.

Статья 55 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан» устанавливает строгие требования к суррогатной матери: она должна быть совершеннолетней, иметь хотя бы одного ребёнка собственного рождения, давать информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство и проходить медицинское и психологическое обследование.

Особую сложность представляет порядок установления материнства. Согласно п. 3 ст. 51 Семейного кодекса РФ (СК РФ), «в случае рождения ребёнка суррогатной матерью запись о матери в книге записей рождений вносится на основании документа, подтверждающего согласие суррогатной матери на запись родителями ребёнка генетических родителей (отца и

матери)». При этом генетическая связь между ребёнком и заказывающими родителями не является обязательным условием – достаточно, чтобы хотя бы один из заказывающих родителей был генетическим родителем ребёнка.

Как справедливо отмечает М.А. Рожкова [11], «законодатель исходит из презумпции добровольности согласия суррогатной матери, не предусматривая механизмов его проверки на стадии регистрации рождения ребёнка». Это создаёт риски злоупотреблений, когда согласие суррогатной матери может быть получено под давлением или в условиях экономической зависимости.

Критическая ситуация возникает в случае отказа суррогатной матери дать согласие на запись генетических родителей. В такой ситуации генетические родители вынуждены обращаться в суд с иском об установлении материнства [9]. Судебная практика по данному вопросу неоднозначна. Так, Определением Верховного Суда РФ от 14.07.2023 №41-П установлено, что «отказ суррогатной матери от дачи согласия не может служить препятствием для установления материнства генетической матери при наличии доказательств её генетической связи с ребёнком и участия в программе ЭКО с использованием её яйцеклетки».

3. Проблемы правоприменения и судебная практика.

Анализ судебной практики позволяет выделить несколько ключевых проблем правоприменения в сфере суррогатного материнства:

Отсутствие единой формы договора о суррогатном материнстве. Закон не устанавливает обязательных условий такого договора, что приводит к правовой неопределённости и спорам о его действительности. Как отмечает Н.В. Куркина [6], «отсутствие типового договора создаёт почву для злоупотреблений со стороны медицинских организаций и посреднических агентств».

Неурегулированность вопроса о компенсации суррогатной матери. Статья 55 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан» допускает возмещение суррогатной матери расходов, связанных с беременностью и родами, но не содержит чёткого перечня таких расходов. Это приводит к ситуациям, когда фактически осуществляется коммерческое суррогатное материнство под видом возмещения расходов.

Проблема установления отцовства при отсутствии генетической связи. В случае, когда заказывающий отец не является генетическим родителем ребёнка (например, при использовании донорской спермы), установление отцовства возможно только в порядке усыновления, что создаёт дискриминацию по сравнению с генетической матерью.

Отсутствие защиты прав ребёнка. Действующее законодательство не предусматривает механизмов обеспечения интересов ребёнка в случае спора между генетическими родителями и суррогатной матерью. Между тем, согласно ст. 3 Конвенции о правах ребёнка, «во всех действиях в отношении детей независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения детей, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребёнка».

4. Перспективы совершенствования законодательства.

Для устранения выявленных пробелов и противоречий представляется необходимым следующее.

1. Принятие специального федерального закона «О суррогатном материнстве», устанавливающего единые требования к участникам, форме договора, порядку его заключения и исполнения.

2. Введение обязательной государственной регистрации договоров о суррогатном материнстве в едином реестре для обеспечения прозрачности и контроля за их исполнением.

3. Закрепление в законе исчерпывающего перечня расходов, подлежащих возмещению суррогатной матери, с запретом любых иных выплат.

4. Упрощение процедуры установления отцовства для заказывающего отца при отсутствии генетической связи с ребёнком при условии его участия в программе ВРТ с согласия суррогатной матери.

5. Введение института правового представителя ребёнка в спорах, связанных с установлением происхождения при суррогатном материнстве.

Как подчёркивает Е.С. Митячкина [8], «совершенствование законодательства о суррогатном материнстве должно осуществляться с приоритетом интересов ребёнка, обеспечивая при этом баланс прав всех участников правоотношений».

Суррогатное материнство в современной России представляет собой легализованный, но недостаточно урегулированный институт, правовое регулирование которого характеризуется фрагментарностью и отставанием от развития медицинских технологий. Действующее законодательство, закреплённое в ст. 51–52 СК РФ и ст. 55 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан», устанавливает базовые принципы данного института, но не решает многих практических проблем, возникающих при его реализации.

Ключевые проблемы включают: отсутствие единой формы договора, неопределённость в вопросе компенсации суррогатной матери, сложности установления материнства при отказе суррогатной матери от дачи согласия, а также недостаточную защиту прав ребёнка. Судебная практика Верховного Суда РФ постепенно формирует подходы к разрешению этих коллизий, однако системного решения проблем можно достичь только путём принятия специального закона [1].

Перспективы развития законодательства о суррогатном материнстве связаны с необходимостью баланса между реализацией репродуктивных прав граждан, защитой достоинства и прав суррогатной матери и обеспечением первенства интересов ребёнка. Только комплексный подход, учитывающий медицинские, юридические и этические аспекты, позволит создать эффективную правовую модель регулирования суррогатного материнства в условиях современной России.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 №223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №1. – Ст. 16.

2. Федеральный закон от 21.11.2011 №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – №48. – Ст. 6724.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 №23 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2022. – №2. – С. 5–21.

4. Белова Е.В. Правовые аспекты использования вспомогательных репродуктивных технологий в Российской Федерации / Е.В. Белова // Российский юридический журнал. – 2017. – №2. – С. 85–93.

5. Кравец О.Н. Семейное право России / О.Н. Кравец. – М.: Юрайт, 2015. – 416 с.

6. Куркина Н.В. Пробелы в законодательстве о регулировании донорства половых клеток и пути их устранения / Н.В. Куркина // Законодательство. – 2021. – №5. – С. 175–183.

7. Матвеева М.В. Актуальные проблемы суррогатного материнства в современной России / М.В. Матвеева, Е.А. Этко // Актуальные вопросы гражданского и предпринимательского права: сборник научных статей. – М.: Нефть и газ, 2009. – С. 28.

8. Митячкина Е.С. Перспективы совершенствования законодательства о регулировании донорства половых клеток в Российской Федерации / Е.С. Митячкина // Российский юридический журнал. – 2022. – №3. – С. 185–194.

9. Сравнительный анализ института суррогатного материнства в российском и зарубежном законодательстве / Т.А. Мосиенко, К.И. Лысогорская, О.С. Федоренко, Е.Н. Щекина // Вестник Ростовского государственного экономического университета. – 2016. – №4 (56). – С. 142–148. EDN YSEEOF

10. Нечаева А.М. Правовые проблемы установления происхождения детей при использовании вспомогательных репродуктивных технологий / А.М. Нечаева // Семейное и жилищное право. – 2016. – №3. – С. 110–118.

11. Рожкова М.А. Правовые аспекты регулирования донорства половых клеток в США / М.А. Рожкова // Американское право. – 2020. – №1. – С. 163–172.

12. Старинский В.И. Правовые проблемы установления родительства при использовании донорских половых клеток / В.И. Старинский // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2018. – №4. – С. 152–161.

Иванова Ольга Владиславовна
студентка
Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»
г. Москва

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА НАСЛЕДОВАНИЯ ПО ЗАВЕЩАНИЮ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: *в статье раскрывается база понятий «наследование», «наследование по завещанию», «завещание» в рамках действующего законодательства Российской Федерации. Цель исследования – раскрыть теоретические аспекты правового регулирования правоотношений, возникающих в процессе наследования по завещанию, рассмотреть основные признаки и основные обязательные условия при составлении завещания, проанализировать проблемы и перспективы развития института наследования по завещанию в Российской Федерации в современных экономических и социальных реалиях. Статья посвящена детальному анализу института наследования по завещанию в контексте российского законодательства, акцентируя внимание на особенностях, правовых аспектах и нововведениях, вступающих в силу с 2025 года. Центральное место в исследовании занимает понятие «наследование», трактуемое как процесс перехода имущественных прав и обязанностей от умершего лица к наследникам посредством универсального правопреемства, установленного статьей 1110 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ). В рамках данного подхода статья детально рассматривает вид наследования по завещанию как самостоятельный механизм распоряжения имуществом, акцентируя его отличие от наследования по закону и по наследственному договору. В статье анализируется юридическая природа завещания как особой односторонней сделки, удостоверяемой в строгом порядке и содержащей распоряжения на случай смерти гражданина по его имуществу и правам. Особое внимание уделено такому институту наследования по завещанию, как наследственный фонд. В целом правовое регулирование наследования по завещанию в России стремится к созданию более эффективной, прозрачной и защищенной системы, адаптирующейся к современным экономическим и социальным реалиям.*

Ключевые слова: *наследство, наследодатель, наследник, наследование по завещанию, завещание, наследственный фонд, налогообложение наследственного фонда.*

В российском законодательстве институт наследования по завещанию имеет ряд особенностей, связанных с правовым регулированием его порядка, формы и содержания, защиты обязательных наследников и нововведений 2025 года.

Ключевым понятием в системе наследственного права является понятие «наследование». Право наследования гарантируется Конституцией Российской Федерации [1]. Под наследованием понимается порядок перехода после смерти наследодателя принадлежащих ему на праве собственности имущества, а также имущественных прав и обязанностей. Согласно ст. 1110 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) при наследовании имущество умершего (наследство, наследственное имущество) переходит к другим лицам в порядке универсального правопреемства, то есть в неизменном виде как единое целое и в один и тот же момент [3].

В ГК РФ предусмотрены следующие виды наследования: по закону, по завещанию и по наследственному договору. В данной статье мы рассмотрим институт наследования по завещанию.

Юридическая природа завещания заключается в том, что завещание является сделкой, которая представляет собой правомерное действие, направленное на возникновение права

собственности на имущество, принадлежащее наследодателю, у наследника, без материальных затрат со стороны последнего. Так в ст. 1118 ГК РФ указано, что завещание создает права и обязанности после открытия наследства. Важными принципами завещания также являются свобода завещания, позволяющая наследодателю самостоятельно определять, кому и в каком объеме переходят его права на имущество и тайна завещания, когда содержание не разглашается посторонним до открытия наследства; все участвующие обязаны хранить конфиденциальность.

Таким образом, завещание – это особая личная односторонняя сделка, удостоверяемая в строгом порядке и содержащая распоряжения на случай смерти гражданина по его имуществу и правам [6].

Современное законодательство, основанное на Конституции РФ и Гражданском кодексе, уже содержит значительные нормы, регулирующие завещательное наследование, однако в юридической практике существуют проблемы, связанные с оформлением наследства, защитой прав наследников и процедурными вопросами.

В законодательстве Российской Федерации наследование по завещанию регулируется главой 62 ГК РФ. Завещание – письменное распоряжение наследодателя о переходе имущества после смерти, которое должно быть удостоверено нотариусом и составлено дееспособным в полном объеме гражданином. Завещание должно быть совершено лично одним гражданином, а также гражданами, состоящими между собой в момент его совершения в браке (совместное завещание супругов). Следует учитывать, что совместное завещание супругов утрачивает силу в случае расторжения брака или признания брака недействительным как до, так и после смерти одного из супругов. Один из супругов в любое время, в том числе после смерти другого супруга, вправе совершить последующее завещание, а также отменить совместное завещание супругов [10].

Завещатель вправе по своему усмотрению завещать имущество любым лицам, любым образом определить доли наследников в наследстве, лишить наследства одного, нескольких или всех наследников по закону, без объяснения причин такого лишения, а в случаях, предусмотренных ГК РФ, включить в завещание иные распоряжения. Кроме того, завещатель вправе совершить завещание, содержащее распоряжение о любом имуществе, в том числе о том, которое он может приобрести в будущем. Завещатель вправе отменить или изменить совершенное завещание, не обязан сообщать кому-либо о содержании, совершении, об изменении или отмене завещания.

Однако закон предусматривает ограничения свободы завещателя правилами обязательной доли для некоторых наследников: несовершеннолетних детей, нетрудоспособного супруга, родителей, а также инвалидов, находившихся на иждивении наследодателя минимум год. Эти наследники имеют право на обязательную долю, которая составляет не менее половины той части, что они получили бы по закону. При этом обязательная доля засчитывается с учетом всего наследственного имущества – как завещанного, так и незавещанного. Обязательная доля – это гарантированный минимум наследства для определенных категорий наследников при наследовании по завещанию [8].

Для вступления в наследство по завещанию наследник обращается к нотариусу в срок не позднее шести месяцев с момента смерти наследодателя. Но если срок пропущен, его можно восстановить через суд, указав причину. Заявление подается наследниками нотариусу по месту открытия наследства, по последнему постоянному адресу проживания наследодателя, с предоставлением всех необходимых документов для проверки и формирования наследственного дела и списка наследников, включая обязательных [2]. По окончании срока и оформления всех документов нотариус выдает свидетельство о праве на наследство. Оно подтверждает право наследника распоряжаться наследуемым имуществом. Также возможна фактическая форма принятия наследства – фактическое пользование имуществом, но без оформления права собственности.

С 1 сентября 2018 года в российское законодательство были внесены изменения, которые коснулись развития наследования по завещанию. Введен в действие такой институт гражданских правоотношений, как наследственный фонд [3]. Наследственный фонд позволяет более гибко и точно реализовать волю наследодателя по распоряжению имуществом после его смерти, особенно когда речь идет о сложных активах – бизнесе, долях в компаниях, недвижимости, интеллектуальных правах.

Наследственный фонд в России – это особый юридический механизм, созданный в целях управления наследственным имуществом после смерти завещателя. Такой фонд – это некоммерческая организация, юридическое лицо со специальным правовым статусом, образуемое исключительно после смерти гражданина, если такое создание предусмотрено в его завещании. Наследственный фонд получает имущество наследодателя и управляет им в соответствии с условиями, закрепленными в уставе фонда и завещании [9].

Для создания наследственного фонда через завещание в России завещание должно отвечать ряду конкретных требований. Оно не может быть закрытым или сделанным в чрезвычайных обстоятельствах, при этом завещание должно быть нотариально удостоверено. В завещании должно содержаться решение о создании наследственного фонда после смерти завещателя. Необходимо утвердить в завещании устав наследственного фонда, который включает наименование (с словами «наследственный фонд»), цели деятельности, органы управления фонда, а также порядок назначения и освобождения должностных лиц. В завещании должны быть прописаны условия управления наследственным фондом, порядок, размеры, способы и сроки передачи имущества в фонд. Также необходимо указать лиц, назначенных в органы управления фонда, либо порядок их определения. Завещание с созданием наследственного фонда должно учитывать права обязательных наследников, переживших супругов, права кредиторов и возможное подназначение наследников. После смерти гражданина фонд создается по заявлению нотариуса, ведущего наследственное дело, и подлежит государственной регистрации.

Таким образом, завещание для создания наследственного фонда представляет собой открытый документ с четко регламентированным решением об учреждении фонда, уставом и условиями управления, и оно должно соответствовать правилам наследственного, налогового и корпоративного права РФ.

Наследственный фонд освобождается от налогообложения при передаче имущества в фонд, поскольку он является некоммерческой организацией [4]. Передача имущества в наследственный фонд не облагается налогом на доходы физических лиц (НДФЛ), поскольку наследственный фонд является некоммерческой организацией. С точки зрения законодательства процесс передачи имущества в фонд рассматривается как «взнос имущества», который не подлежит налогообложению. Это касается как движимого и недвижимого имущества, так и имущественных прав, например, долей в компаниях.

Если бы имущество унаследовала коммерческая организация, то ей пришлось бы уплачивать налог на прибыль. Но наследственный фонд как некоммерческая структура освобожден от этого налога на имущество, полученное по наследству.

Таким образом, основное налоговое преимущество наследственного фонда – освобождение от налогообложения полученного по наследству имущества, что делает его эффективным инструментом для управления наследством с минимальными налоговыми рисками [5].

На протяжении 2025 года продолжаются изменения института наследования по завещанию. Введена обязательная регистрация завещаний в единой системе, что упрощает проверку их подлинности и уменьшает число споров. Предусмотрена упрощенная проверка родства через ЕГР ЗАГС, улучшена нотариальная практика и расширены меры защиты прав наследников. При установлении нотариусом содержания завещания наследникам направляются уведомления для своевременного вступления в наследство.

Правовое регулирование наследования по завещанию в России базируется на принципе свободы распоряжения, с обязательным нотариальным оформлением и государственной

регистрацией завещаний, а также соблюдением обязательных долей наследства для определенных категорий наследников [7]. Активно реализуются меры по упрощению и защите процедуры наследования в 2025 году, что делает институт наследования по завещанию более прозрачным и защищенным.

Среди перспектив развития института наследования в Российской Федерации можно отметить такие как совершенствования правовой базы с целью четкой регламентации процедур наследования, улучшение механизмов защиты наследников, введение новых форм наследования, например, наследственных фондов и агентств, предоставляющих профессиональные услуги по управлению наследственным имуществом, повышение образовательного уровня населения, цифровизация процессов наследования, включая электронные реестры и возможность онлайн-заявлений [8].

Развитие наследственного права в России направлено на создание более эффективной, прозрачной и защищающей системы завещательного наследования, адаптирующегося к современным экономическим и социальным реалиям.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12.12.1993: с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 20.10.2025).

2. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 №4462-1: ред. от 31.07.2025. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/ (дата обращения: 20.10.2025).

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ: ред. от 31.07.2025. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 20.10.2025).

4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ: ред. от 31.07.2025. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 20.10.2025).

5. Землин А.И. Налоговое право: учебник / А.И. Землин. – М.: Форум, 2006. – EDN QWNEIB.

6. Правовая культура: учебник / А.И. Землин, Е.В. Гоц, С.Н. Артамонова [и др.]. – М.: Юрайт, 2023. – 522 с. – ISBN 978-5-534-15223-4. – EDN AOPYTL.

7. Правовая культура: учебник / А.И. Землин, Е.В. Гоц, С.Н. Артамонова [и др.]. – М.: Юрайт, 2024. – 522 с. – ISBN 978-5-534-15223-4. – EDN TVZPRJ.

8. Корнеева И.Л. Наследственное право: учебник и практикум для вузов / И.Л. Корнеева. – 6-е изд., испр. – М.: Юрайт, 2025. – 184 с. – ISBN 978-5-534-15982-0.

9. Кулаков В.В. Некоммерческие организации: учебник для вузов / В.В. Кулаков. – М.: Юрайт, 2025. – 223 с. – ISBN 978-5-534-14983-8.

10. Липунов В.И. Современные проблемы правового регулирования семейных отношений / В.И. Липунов // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. – 2015. – №1 (6). – С. 27–30. – EDN VHJAUH.

Казаков Станислав Борисович
студент
Научный руководитель
Землин Александр Игоревич
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»
г. Москва

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация: *в статье исследуются ключевые правовые проблемы субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) в условиях государственного регулирования РФ. Анализируются коллизии законодательства, избыточные административные барьеры, сложности налогового администрирования, проблемы доступа к госзакупкам, а также эффективность финансово-кредитной поддержки и антимонопольного контроля.*

На основе выявленных недостатков формулируются системные, практически ориентированные предложения по корректировке государственной политики и совершенствованию нормативно-правовой базы, направленные на создание благоприятных условий для устойчивого развития МСП как фундаментального элемента национальной экономики. Методология исследования включает системный и сравнительно-правовой анализ, формально-юридический подход и обработку статистических данных.

Ключевые слова: *субъекты МСП, нормативно-правовое регулирование, юридические коллизии, административная нагрузка, фискальная политика, меры поддержки бизнеса, правовой мониторинг.*

Малое и среднее предпринимательство (МСП) выступает системообразующим элементом современной рыночной экономики, реализуя комплекс социально-экономических функций: обеспечение конкурентной среды, создание рабочих мест, стимулирование инновационной активности и насыщение потребительского рынка. В развитых странах вклад сектора МСП в ВВП и занятость населения достигает 60–70%, что подчеркивает его критическую значимость для устойчивого экономического развития и социальной стабильности. Как справедливо отмечают исследователи Бондаренко Н.Л., Конаневич Ю.Г. и Бондаренко М.С., эффективное развитие предпринимательского сектора невозможно без взвешенной государственной политики, ядром которой выступает правовое регулирование, способное гармонизировать публичные и частные интересы [7]. Однако, по оценкам экспертов и данным предпринимательских объединений, действующая в России система государственного регулирования предпринимательской деятельности остается избыточно сложной, зачастую непредсказуемой и порождающей многочисленные правовые коллизии. Это создает значительные препятствия для создания и ведения бизнеса, его устойчивого развития и масштабирования, особенно в условиях структурной перестройки экономики и внешнего санкционного давления.

Актуальность настоящего исследования обусловлена высокой чувствительностью сектора МСП к качеству правового регулирования и эффективности государственного управления, а также необходимостью поиска новых, адекватных современным вызовам механизмов поддержки бизнеса. Несмотря на предпринимаемые государством меры по дебюрократизации и цифровизации, многие системные проблемы сохраняются, требуя глубокого научного анализа и выработки практических рекомендаций. Целью настоящей статьи является выявление системных правовых проблем в сфере государственного регулирования МСП и разработка на этой основе научно обоснованных перспективных направлений совершенствования

законодательства и государственной политики, ориентированных на создание благоприятных условий для устойчивого роста малого и среднего бизнеса.

Фундаментальным актом в исследуемой сфере выступает Федеральный закон от 24.07.2007 №209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», который заложил основы определения субъектов МСП, разграничил полномочия между уровнями власти и установил ключевые инструменты государственной поддержки [2]. Важным шагом в развитии законодательства стало принятие Федерального закона от 26.07.2022 №264-ФЗ, расширившего критерии отнесения к субъектам малого предпринимательства. Несмотря на сформировавшийся массив законодательства, включающего также Налоговый кодекс, законы о защите конкуренции, о контрактной системе и о государственных услугах, его практическая реализация сопряжена с системными проблемами. Как показывают исследования Бариновой В.А. с соавторами, лишь 3% субъектов МСП способны преодолеть барьер увеличения административной нагрузки и вырасти из микро- в малые предприятия. Последствиями этого становятся искусственное замедление роста, уход в теневой сектор, неуплата налогов и принудительное дробление бизнеса, что не только снижает налоговые поступления, но и деформирует конкурентную среду.

Значительную проблему представляет налоговое администрирование и фискальная политика в целом. С.Н. Орлов и Ю.В. Федотова обосновывают необходимость цифровой трансформации налогового администрирования посредством создания единой технологической платформы обмена данными – специальной отраслевой экосистемы, которая позволила бы снизить издержки взаимодействия бизнеса и налоговых органов и минимизировать ошибки при исчислении платежей [10]. Сложности применения специальных налоговых режимов (УСН, ПСН), жесткие ограничения по доходам и численности персонала вынуждают успешно растущие компании переходить на общую систему налогообложения, что резко увеличивает фискальную нагрузку и административные издержки. В 2025 году активно обсуждаются предложения Минфина России о снижении порога для обязательной уплаты НДС с 60 млн до 10 млн рублей годовой выручки, что, по оценкам экспертов и депутатского корпуса, может поставить под угрозу существование сотен тысяч малых предприятий и индивидуальных предпринимателей, особенно в регионах [9]. Это создает атмосферу правовой неопределенности и препятствует долгосрочному планированию бизнеса.

Административное давление на бизнес, несмотря на введенный мораторий на плановые проверки, остается значительным. Согласно исследованию П.Л. Глухих с соавторами, в научный оборот введен термин «административный барьер роста субъектов малого и среднего предпринимательства», а разработанная типология микропредприятий позволяет эмпирически оценивать масштабы проблемы и идентифицировать наиболее уязвимые категории бизнеса. Сохраняются проблемы с обоснованностью внеплановых проверок, сложностью получения лицензий и разрешений, а также низким качеством предоставления государственных и муниципальных услуг в ряде регионов. Как отмечается в аналитических материалах, в Кемеровской области до 29% заявителей сталкиваются с задержками при обработке обращений в МФЦ из-за нехватки кадров и технических проблем [11]. В.В. Воронов и В.А. Никонов подчеркивают, что государственное регулирование нуждается в существенных изменениях, направленных на повышение социальной ответственности всех субъектов предпринимательства и внедрение риск-ориентированного подхода, при котором интенсивность контроля зависит от потенциальной опасности деятельности [8].

Для преодоления выявленных проблем необходима консолидированная работа законодательной и исполнительной власти, бизнес-сообщества и экспертного сообщества. Перспективными направлениями совершенствования правового регулирования выступают: внедрение «регуляторной гильотины» в цифровом формате, предполагающее создание единой актуальной базы всех обязательных требований к бизнесу в машиночитаемом виде; расширение практики оценки регулирующего воздействия (ОРВ) на региональном и муниципальном уровнях, что позволяет учитывать мнение предпринимателей при принятии нормативных

актов; развитие государственно-частного партнерства в сфере гарантирования и страхования кредитов для МСП, а также создание цифрового профиля субъекта МСП для проактивного предоставления мер поддержки. Как показывает практика Самарской области, где работа по ОРВ признана одной из самых эффективных, вовлечение бизнеса в обсуждение проектов нормативных актов позволяет предотвращать появление новых административных барьеров еще на стадии их проектирования.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что преодоление существующих барьеров требует не точечных изменений, а системной модернизации всей парадигмы государственного регулирования предпринимательства. Ключевыми векторами такой модернизации должны стать технологический (цифровизация процессов), процедурный (риск-ориентированный подход и ОРВ), фискальный (поиск баланса между нагрузкой и стимулами) и финансово-имущественный (адресные механизмы поддержки). Реализация предложенных мер будет способствовать созданию предсказуемой и благоприятной правовой среды, необходимой для устойчивого роста и развития малого и среднего бизнеса, который рассматривается в качестве одного из фундаментальных элементов национальной экономики и драйвера ее диверсификации.

Список литературы

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 №117-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2000. – №32. – Ст. 3340.

2. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федеральный закон №209-ФЗ от 24.07.2007 (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2007. – №31. – Ст. 4006.

3. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федеральный закон №248-ФЗ от 31.07.2020 // Собрание законодательства РФ. – 2020. – №31 (ч. I). – Ст. 5007.

4. Минэкономразвития России. Доклад о состоянии и развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации. 2019–2023. – М., 2024. – 98 с.

5. Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей. Ежегодный доклад о состоянии делового климата и барьерах для бизнеса. 2024. – М., 2024. – 156 с.

6. Малое и среднее предпринимательство в периоды кризисов: от уязвимости к адаптивности / В.А. Баринова, С.П. Земцов, С.В. Конобеевский, С.В. Царев. – М.: Институт Гайдара; РАНХиГС, 2022. – 113 с.

7. Бондаренко Н.Л. Социальное предпринимательство в Республике Беларусь и Российской Федерации: проблемы и перспективы институционализации / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич, М.С. Бондаренко // Правовое регулирование экономических отношений. – 2022. – №1. – С. 23–29. EDN EPNMCQ

8. Воронов В.В. Трансформация государственного регулирования малого и среднего предпринимательства в современной России / В.В. Воронов, В.А. Никонов // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2022. – №2. – С. 116–137.

9. Глухих П.Л. Типология малых предприятий по источникам административных барьеров роста / П.Л. Глухих, М.А. Котляров, А.А. Симонова // Экономика региона. – 2021. – Т. 17. №3. – С. 876–891.

10. Орлов С.Н. Цифровая трансформация налогового администрирования субъектов малого и среднего предпринимательства / С.Н. Орлов, Ю.В. Федотова // Финансы и кредит. – 2023. – Т. 29. №2 (830). – С. 415–432.

11. Административно-правовые инструменты поддержки малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: экономико-правовой анализ / Московский университет финансов и права // Journal of Monetary Economics and Management. – 2025. – С. 215–221. – URL: https://www.jomeam.ru/en/nauka/article/103020/view (дата обращения: 22.02.2026).

12. В Самарской области обсудили влияние нормативных актов на бизнес // Департамент экономического развития, инвестиций и торговли Администрации г.о. Самара. – 2025. – 15 октября. – URL: https://xn----8sbabulg1akfpjqit6a.xn--p1ai/novosti/v-samarskoy-oblasti-obsudili-vliyanie-normativnykh-aktov-na-biznes/ (дата обращения: 22.02.2026).

13. Основные положения об оценке регулирующего воздействия // Портал МСП Республики Крым. – URL: https://business.rk.gov.ru/content/orv/osnovnyie-polozheniya (дата обращения: 22.02.2026).

14. Russia's Planned Tax Hike Would Put Hundreds of Thousands of Small Businesses at Risk of Closure, Lawmaker Warns // The Moscow Times. – 2025. – 21 October. – URL: https://www.themoscowtimes.com/2025/10/21/russias-planned-tax-hike-would-put-hundreds-of-thousands-of-small-businesses-at-risk-of-closure-lawmaker-warns-a90886 (дата обращения: 22.02.2026).

15. Счетная палата РФ отметила низкое качество имущественной поддержки МСП // АК&М. – 2026. – 20 января. – URL: https://www.akm.ru/eng/news/the-joint-venture-noted-the-low-quality-of-property-support-for-smes/ (дата обращения: 22.02.2026).

Кем Наталья Александровна
магистрант
Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»
г. Москва

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЕЩНЫХ ПРАВ НА НЕДВИЖИМОСТЬ

Аннотация: *в статье комплексно исследуются актуальные проблемы правового регулирования вещных прав на недвижимое имущество в Российской Федерации, выявляя системные недостатки государственной регистрации прав. Особое внимание уделяется техническим ошибкам в Едином государственном реестре недвижимости (ЕГРН), таким как дублирование записей об объектах, несоответствия данных из БТИ и кадастровых выписок, а также ошибки в характеристиках имущества, приводящие к рискам двойных продаж и спорам о самовольных постройках. Анализируются последствия этих дефектов для добросовестных приобретателей, опираясь на позицию Верховного Суда РФ о приоритете публичной достоверности реестра при отсутствии доказательств осведомленности покупателя о нарушениях.*

Исследование опирается на материалы IX Всероссийского юридического форума от 24 сентября 2025 года в Москве «Проблемы правового регулирования имущественного оборота», где эксперты обсудили вызовы цифровизации и межведомственного взаимодействия.

Предлагаются следующие направления совершенствования: унификация судебной практики через обзоры ВС РФ, модернизация технической инфраструктуры ЕГРН. Дополнительно акцентируется внимание на разработке механизмов защиты добросовестных приобретателей, включая внесение расширенных сведений об обременениях и создание единой базы рисков, что минимизирует судебные споры и повысит надежность оборота недвижимости.

Ключевые слова: *государственный учет прав, вещные права, недвижимость, незаконное строение, двойные продажи, добросовестный приобретатель, публичная достоверность реестра.*

Правовое регулирование вещных прав на недвижимое имущество занимает центральное место в системе гражданского законодательства Российской Федерации. Конституция РФ гарантирует право частной собственности (статья 35) и признаёт равную защиту всех форм собственности (статья 8). Однако, практическая реализация этих конституционных гарантий сталкивается с многочисленными проблемами, связанными с несовершенством законодательства, технических систем регистрации прав и правоприменительной практики.

24 сентября 2025 года в Москве состоялся IX Всероссийский юридический форум «Проблемы правового регулирования имущественного оборота». На форуме были представлены доклады ведущих специалистов в области гражданского права, посвящённые актуальным вопросам вещных прав на недвижимость [10]. Эксперты отметили необходимость дальнейшего

совершенствования законодательства о государственной регистрации прав, устранения пробелов в правовом регулировании и унификации судебной практики.

Актуальность темы исследования подтверждается статистикой судебных споров. По данным анализа практики Верховного Суда РФ, около половины дел, связанных с недвижимостью, касаются установления или оспаривания вещных прав, включая споры о признании права собственности на самовольные постройки и объекты незавершённого строительства. Это свидетельствует о наличии системных проблем в правовом регулировании данной сферы.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ актуальных проблем правового регулирования вещных прав на недвижимость и выработка научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Правовая природа и система вещных прав на недвижимость.

Вещное право представляет собой абсолютное субъективное гражданское право, обеспечивающее возможность его обладателю своими непосредственными действиями извлекать полезные свойства из индивидуально-определённой вещи. Статья 216 Гражданского кодекса РФ устанавливает перечень вещных прав, включающий помимо права собственности: право пожизненного наследуемого владения земельным участком, право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком, сервитуты, право хозяйственного ведения и право оперативного управления.

Вещные права обладают следующими характерными признаками [2]:

– *абсолютный характер* – управомоченному лицу противостоит неопределённый круг обязанных лиц, которые должны воздерживаться от нарушения вещного права;

– *право следования* – вещное право следует за вещью при переходе права собственности к другому лицу (пункт 3 статьи 216 ГК РФ);

– *непосредственное господство над вещью* – правообладатель может осуществлять своё право без содействия обязанных лиц;

– *объектом является индивидуально-определённая вещь,* в случае недвижимости – объект, прочно связанный с землёй (статья 130 ГК РФ);

– *защита вещно-правовыми способами* – виндикационный иск, негаторный иск, иск о признании права (статья 305 ГК РФ).

Особый правовой режим недвижимости обусловлен её экономической и социальной значимостью.

Федеральный закон от 13 июля 2015 года №218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (далее – Закон о регистрации) [11] определяет, что государственной регистрации подлежат право собственности и другие вещные права на недвижимое имущество (пункт 6 статьи 1). Государственная регистрация права в Едином государственном реестре недвижимости (ЕГРН) является единственным доказательством существования зарегистрированного права (пункт 5 статьи 1 Закона о регистрации).

Принцип публичной достоверности реестра означает презумпцию соответствия содержащихся в ЕГРН сведений действительному правовому положению. Однако на практике этот принцип реализуется не в полной мере, что порождает многочисленные споры.

Проблемы государственной регистрации вещных прав на недвижимость.

Одной из наиболее острых проблем является наличие технических ошибок в ЕГРН, которые приводят к некорректным записям о правах и характеристиках объектов недвижимости. Такие ошибки возникают вследствие:

– технических сбоев программного обеспечения;

– ошибок при внесении данных регистраторами;

– несоответствия данных из различных источников (кадастровых и регистрационных);

– отсутствия автоматизированного контроля качества вносимой информации.

Исправление технических ошибок требует длительных судебных процессов, что нарушает принцип публичной достоверности реестра и подрывает доверие участников

гражданского оборота к системе регистрации прав. На IX Всероссийском юридическом форуме эксперты отметили необходимость создания превентивных механизмов предотвращения технических ошибок и упрощения процедуры их исправления.

Случаи «двойных продаж», когда один и тот же объект недвижимости отчуждается нескольким приобретателям, представляют серьёзную угрозу стабильности гражданского оборота. Такие ситуации возникают в результате:

– мошеннических действий отчуждателя;

– технических сбоев в системе регистрации прав;

– использования поддельных документов;

– недобросовестных действий регистрирующих органов.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума ВАС РФ от 29 апреля 2010 года №10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» устанавливает, что при множественности сделок с недвижимостью приоритет имеет лицо, чьё право зарегистрировано первым, при условии его добросовестности. Однако, критерии добросовестности приобретателя остаются дискуссионными и требуют дальнейшей конкретизации в судебной практике.

Расхождения данных между реестрами различных ведомств создают препятствия для регистрации прав, особенно при банкротстве юридических лиц, где необходимо учитывать интересы кредиторов и добросовестных покупателей.

Основные проблемы:

– отсутствие единой информационной системы, объединяющей данные Росреестра, налоговых органов, органов ЗАГС, миграционной службы;

– несвоевременное обновление информации в различных реестрах;

– различные форматы хранения и обмена данными;

– отсутствие автоматизированного контроля соответствия данных.

Закон о регистрации предусматривает механизмы информационного взаимодействия, однако, на практике их реализация осуществляется недостаточно эффективно, что приводит к задержкам и спорам.

Проблемы защиты вещных прав на недвижимость: *проблемы защиты прав добросовестных приобретателей и судебной защиты.*

Статья 305 ГК РФ устанавливает [12–14], что вещные права лица, не являющегося собственником, защищаются от их нарушения любым лицом в порядке, предусмотренном статьями 301–304 ГК РФ. Основными способами защиты являются:

– *виндикационный иск* (статья 301 ГК РФ) – истребование имущества из чужого незаконного владения;

– *негаторный иск* (статья 304 ГК РФ) – устранение нарушений права, не связанных с лишением владения;

– *иск о признании права* – при отсутствии спора между конкретными лицами, но наличии неопределённости в правах.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума ВАС РФ от 29 апреля 2010 года №10/22 детально разъясняет особенности применения этих способов защиты применительно к недвижимому имуществу.

Однако, применительно к недвижимости возникают следующие сложности:

– конфликт между правом собственника и правом добросовестного приобретателя;

– проблема определения добросовестности приобретателя;

– вопрос о возмещении убытков добросовестному приобретателю, от которого недвижимость была истребована.

Конституционный Суд РФ неоднократно указывал на необходимость баланса между защитой права собственности и защитой прав добросовестных участников гражданского оборота.

Проблемы судебной защиты:

– длительность судебных процессов;

– противоречивая судебная практика по однотипным спорам;

– недостаточная специализация судей по вопросам вещного права

Направления совершенствования правового регулирования: *модернизация системы государственной регистрации прав*

Необходимые меры.

1. Техническая модернизация ЕГРН:

– внедрение искусственного интеллекта [9] для автоматического контроля качества данных;

– создание системы предупреждения о возможных ошибках;

– улучшение защиты от несанкционированного доступа.

2. Совершенствование межведомственного взаимодействия:

– создание единой информационной платформы [5];

– обеспечение автоматического обмена данными в режиме реального времени;

– стандартизация форматов данных.

3. Упрощение процедуры исправления ошибок:

– расширение перечня ошибок, исправляемых во внесудебном порядке;

– сокращение сроков рассмотрения заявлений об исправлении ошибок;

– введение компенсационных механизмов для лиц, пострадавших от ошибок в реестре.

Унификация судебной практики.

Необходимые меры.

1) принятие новых разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по актуальным вопросам вещных прав;

2) публикация обзоров судебной практики по спорам о недвижимости;

3) повышение квалификации судей в области вещного права;

4) создание специализированных составов судов по спорам о недвижимости.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Правовое регулирование вещных прав на недвижимость в Российской Федерации характеризуется наличием системных проблем, связанных с техническими ошибками в ЕГРН, спорами о двойных продажах, самовольном строительстве и недостаточной эффективностью межведомственного взаимодействия.

2. Основными направлениями совершенствования правового регулирования должны стать: модернизация технической инфраструктуры ЕГРН, унификация судебной практики, совершенствование законодательства о самовольном строительстве, развитие института нотариата и создание эффективных механизмов защиты прав добросовестных приобретателей.

3. Цифровизация системы регистрации прав должна сопровождаться усилением правовых гарантий для участников гражданского оборота, включая создание компенсационных механизмов при ошибках регистрирующих органов.

4. Необходима дальнейшая работа по реформированию вещного права в рамках совершенствования гражданского законодательства, с учётом положений Концепции развития гражданского законодательства РФ и зарубежного опыта правового регулирования.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования сформулированных выводов и предложений в законотворческой деятельности, правоприменительной практике и дальнейших научных исследованиях в области вещного права.

Список литературы

1. Актуальные проблемы правового регулирования и организации контрольно-надзорной деятельности: учебник / С.Н. Артамонова, Е.В. Гоц, Ю.Г. Едигарева [и др.]. – М.: КноРус, 2023. – 592 с. – ISBN 978-5-406-10620-4. – EDN: ZFMLLM.

2. Бакунов А.В. Вещное право (курс лекций): учебное пособие / А.В. Бакунов, И.В. Сазанова. – Южно-Сахалинск: СахГУ, 2020.

3. Бегичев А.В. Вещное право: исторические условия становления, систематика, формы защиты: монография / А.В. Бегичев, С.А. Деханов. – М.: Проспект, 2024.

4. Бондаренко Н.Л. Дискуссия о системе права и её значение для цивилистической науки / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич, О. Шкут // Методологические проблемы цивилистических исследований. – 2022. – №4. – С. 11–28. – EDN: WVAKDT. DOI 10.33397/2619-0559-2022-4-4-11-28

5. Бондаренко Н.Л. Правовая и организационная природа процессов цифровизации и регуляторная функция государства в данной сфере / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич // Ex Jure. – 2021. – №1. – С. 56–67. – EDN: OZFAFE. DOI 10.17072/2619-0648-2021-1-56-67

6. Публично-частное партнёрство как социальный феномен и правовой институт: новый методологический подход к идентификации общественных отношений / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич, М.С. Бондаренко, А.Г. Костенко // Право.by. – 2022. – №6. – С. 31–45. – EDN: HLDLVT.

7. Правовая культура: учебник / А.И. Землин, Е.В. Гоц, С.Н. Артамонова [и др.]. – М.: Юрайт, 2024. – 522 с. – ISBN 978-5-534-15223-4. – EDN: TVZPRJ.

8. Землин А.И. К вопросу о некоторых деформациях системы предупреждения коррупции и направлениях совершенствования антикоррупционного законодательства Российской Федерации / А.И. Землин, Р.Ф. Идрисов // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века – COUNTER-TERRORISM. – 2018. – №4. – С. 32–45. – EDN: YSGERN.

9. Липунов В.И. Искусственный интеллект и тренды цифровизации: техногенный прорыв как вызов праву / В.И. Липунов // Искусственный интеллект и тренды цифровизации: техногенный прорыв как вызов праву: материалы Третьего Международного транспортно-правового форума (Москва, 10–11 февраля 2021 года). – М.: Российский университет транспорта, 2021. – С. 241–249. – EDN: PBDDMP.

10. Материалы IX Всероссийского юридического форума «Проблемы правового регулирования имущественного оборота» (Москва, 24 сентября 2025 года). – URL: https://conf.garant.ru (дата обращения: 05.04.2026).).

11. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. №218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости (с изм. и доп.).

12. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.05.2020 №23-П.

13. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.10.2020 №41-П.

14. Определение Конституционного Суда РФ от 08.06.2023 №1409-О.

Кириллин Александр Александрович
бакалавр, студент
Научный руководитель
Землин Александр Игоревич
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»
г. Москва

ОСОБЕННОСТИ ПОСТУПЛЕНИЯ НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ СЛУЖБУ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: *в статье рассматриваются особенности и процедурные аспекты поступления на государственную гражданскую службу в Российской Федерации, анализируются нормативно-правовые основы этого процесса и механизмы реализации конституционного принципа равного доступа граждан к государственной службе. Основное внимание уделено требованиям к кандидатам: обязательному наличию гражданства Российской Федерации, достижению 18 лет, владению русским языком, соответствию квалификационным стандартам по уровню образования и стажу работы. Детально описана система конкурсного отбора как приоритетный способ замещения должностей – она включает формирование конкурсной комиссии, оценку профессионального уровня (с помощью собеседований, анкетирования, тестирования, написания рефератов) и процедуру принятия решения о назначении. Затронуты также вопросы проверки достоверности представленных сведений, проведения испытания для впервые поступающих и ограничений, препятствующих поступлению (в том числе наличие гражданства другого государства). Статья подчёркивает значимость*

прозрачности, объективности и строгого соблюдения правовых норм на всех этапах отбора. Акцентируется внимание на том, что кандидат должен осознавать особые обязанности и ограничения, связанные со статусом государственного служащего Российской Федерации, – в частности, необходимость декларирования доходов и соблюдения антикоррупционных требований. В завершение обозначены актуальные проблемы практики поступления на государственную службу и возможные направления совершенствования кадровой политики в этой сфере.

Ключевые слова: *служба, аттестация, конкурс, квалификационные требования, служебный контракт, квалификация, профессиональный уровень.*

Государственная служба является важнейшим институтом государственного управления, обеспечивающим реализацию функций государства. Поступление на государственную службу представляет собой сложный правовой механизм, регулируемый обширной нормативно-правовой базой [7].

Порядок поступления на государственную службу.

Государственная служба – профессиональная деятельность граждан по обеспечению исполнения полномочий государственных органов и лиц, замещающих государственные должности.

Поступление на государственную гражданскую службу – это регламентированный процесс, предполагающий строгую последовательность действий и соблюдение установленных законом требований.

Правовая основа поступления на государственную гражданскую службу закреплена в:

Федеральном законе от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»;

указах Президента РФ, регулирующих конкурсную процедуру

и квалификационные требования;

ведомственных нормативных актах государственных органов.

Основные способы поступления [1]:

1) конкурс на замещение вакантной должности.

Проводится для оценки профессионального уровня кандидатов и их соответствия квалификационным требованиям и включает в себя: приём и проверку документов, оценочные процедуры (тестирование, анкетирование, собеседование, деловые игры), подведение итогов и издание приказа о назначении [13];

2) назначение без конкурса.

Проводится в исключительных случаях таких как: заключение срочного служебного контракта; перевод из другого госоргана, для должностей категории «руководители», назначаемых Президентом Российской Федерации или Правительством Российской Федерации,

а также в иных случаях, предусмотренных законом.

Конкурсная процедура поступления включает следующие этапы.

1. Объявление вакансии – публикация информации о вакантной должности на официальных сайтах государственных органов, в СМИ и других информационных ресурсах.

2. Прием документов – сбор пакета документов от претендентов, проверка их полноты и достоверности.

3. Конкурсный отбор – оценка профессиональных и личностных качеств кандидатов, включающая тестирование, собеседование и другие методы оценки.

4. Оценка профессионального уровня – анализ соответствия кандидата квалификационным требованиям.

5. Принятие решения – оформление назначения на должность или отказ в приеме на службу.

Необходимо отметить нюансы проведения конкурса:

– конкурс проводится в течение 30 дней с даты окончания приёма документов;

– кандидат вправе оспорить результаты в комиссии по служебным спорам или в суде;

Для новых служащих может устанавливаться испытание от 1 до 12 месяцев;

После назначения заключается служебный контракт, где фиксируются права, обязанности и условия оплаты труда [2].

Требования к кандидатам.

Для поступления на государственную службу необходимо соответствовать следующим критериям:

1) гражданство Российской Федерации – обязательное условие для поступления на государственную службу;

2) возраст от 18 лет – минимальный возрастной порог для поступления;

3) владение государственным языком – свободное владение русским языком как государственным языком Российской Федерации;

4) соответствующее образование – высшее или среднее профессиональное образование в зависимости от категории должности;

5) необходимый стаж работы – определенный опыт работы по специальности для ряда должностей;

6) отсутствие ограничений – отсутствие судимости, заболеваний, препятствующих службе.

В условиях современных вызовов, к кандидатам предъявляются и иные требования, связанные с цифровой грамотностью и способностью работать с новыми технологиями [5].

В условиях цифровизации государственного управления всё большее значение приобретают [10]:

навыки работы с электронными системами документооборота;

владение инструментами цифровой аналитики и обработки данных;

понимание основ информационной безопасности и защиты персональных данных;

умение применять цифровые технологии для решения управленческих задач.

Эти компетенции не закреплены в законе в качестве обязательных, но активно учитываются при оценке кандидатов в ряде ведомств, особенно в сферах, связанных с IT, финансами, статистикой и аналитикой [5].

Рекомендации кандидатам [12]:

необходимость изучения квалификационных требований к должности;

подготовка к тестированию по правовым и профессиональным вопросам;

проверка достоверности и полноты подаваемых документов;

готовность к объективной оценке ваших компетенций;

необходимость изучения актуальных цифровых сервисов и платформ, используемых в государственном управлении (например, портал «Госуслуги», системы электронного документооборота, аналитические платформы);

необходимость ознакомления с основными нормативными актами в сфере цифровой трансформации государственного управления (например, с программами «Цифровая экономика», «Электронное правительство»);

необходимость развития навыков работы с большими данными, искусственного интеллекта и других технологий, востребованных в государственном управлении.

Результаты исследования.

Анализ показал, что процедура поступления на государственную службу характеризуется следующими особенностями:

конкурсный характер отбора – обязательное прохождение конкурсного отбора для большинства должностей;

строгая регламентация – детальное регулирование всех этапов поступления;

многоступенчатость процесса – последовательное прохождение нескольких этапов отбора;

четкие квалификационные требования – строгое соответствие кандидатов установленным критериям.

Исследование выявило ряд тенденций, влияющих на процесс поступления:

Цифровизация процедур отбора: внедрение онлайн-тестирования и дистанционного собеседования, использование цифровых платформ для подачи документов и отслеживания статуса заявки и автоматизированная проверка достоверности сведений (через интеграцию с базами данных ФНС, МВД и др.).

Актуализация квалификационных требований: включение цифровых компетенций в профессиональные стандарты, учёт опыта работы с цифровыми инструментами при оценке кандидатов и введение дополнительных оценочных критериев для IT-специалистов в госуправлении.

Усиление антикоррупционных механизмов: расширение перечня сведений, подлежащих декларированию, применение алгоритмов машинного обучения для выявления конфликта интересов и публичность результатов проверок в рамках конкурсных процедур.

Таким образом, поступление на гражданскую службу – это прозрачный, но требовательный процесс, нацеленный на отбор наиболее квалифицированных и мотивированных кандидатов. Соблюдение всех процедур и подготовка к оценочным мероприятиям повышают шансы на успешное назначение [9].

Таким образом, успешное поступление на государственную службу в Российской Федерации предполагает не только наличие необходимого уровня профессиональной подготовки и соответствия установленным квалификационным требованиям, но и готовность кандидата пройти комплексную оценку своих компетенций в рамках конкурсного отбора.

В условиях постоянного развития системы государственного управления особую значимость приобретает непрерывное совершенствование механизмов подбора работников, направленное на привлечение высококвалифицированных специалистов, способных эффективно решать задачи публичного управления и обеспечивать реализацию стратегических приоритетов развития государства. Дальнейшая оптимизация процедур поступления на службу, повышение прозрачности конкурсного отбора и внедрение современных кадровых технологий позволят укрепить кадровый потенциал государственной службы и повысить качество государственного управления в целом [7].

В условиях цифровой трансформации государственного управления особую роль играет развитие кадровых технологий, направленных на: автоматизацию рутинных процедур отбора (проверка документов, тестирование), создание цифровых профилей кандидатов с возможностью их актуализации, внедрение систем искусственного интеллекта для объективной оценки компетенций, формирование единой базы данных о вакансиях и кандидатах на федеральном и региональном уровнях.

Перспективными направлениями совершенствования процедур поступления являются: унификация цифровых платформ для конкурсного отбора, разработка единых стандартов цифровой грамотности для госслужащих, интеграция образовательных программ по цифровой трансформации в систему подготовки кадров.

Реализация этих мер позволит повысить эффективность отбора кандидатов, сократить сроки прохождения конкурсных процедур, обеспечить равный доступ к госслужбе для граждан из разных регионов и укрепить кадровый потенциал государственной службы в условиях цифровой экономики.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 1 февраля 2005 г. №112 «О конкурсе на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2005. – №6. – Ст. 459.

2. Указ Президента РФ от 10 октября 2024 г. №871 «Об утверждении примерной формы служебного контракта о прохождении государственной гражданской службы Российской Федерации и замещении должности государственной гражданской службы Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2024. – №41. – Ст. 7021.

3. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. №79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – №31. – Ст. 3215.
4. Бахрах Д.Н. Административное право России: учебник для вузов / Д.Н. Бахрах. – М.: Юрайт, 2023. – 576 с.
5. Бондаренко Н.Л. Правовой режим транспортных экосистем, основанных на принципах функционирования искусственного интеллекта / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич, А.И. Землин // Мир транспорта. – 2024. – Т. 22. №1 (110). – С. 50–57. DOI 10.30932/1992-3252-2024-22-1-7. EDN DYOWDQ
6. Гришковец А.А. Правовое обеспечение государственной гражданской службы / А.А. Гришковец. – М.: Проспект, 2022. – 248 с.
7. Землин А.И. Правовое регулирование гражданской службы с практикумом / А.И. Землин, И.В. Мишуткин, О.М. Землина, Т.Ю. Сухондяева; под общ. ред. А.И. Землина. – М.: Изд-во РГСУ, 2023. – С. 135–154.
8. Основы права (с практикумом): учебник / А.И. Землин [и др.]. – М.: КноРус, 2025. – 384 с. – ISBN 978-5-406-14734-4. – EDN: OYPYOL.
9. Овсянко Д.М. Государственная служба Российской Федерации: учебное пособие / Д.М. Овсянко. – М.: Юрайт, 2023. – 320 с.
10. Синицын С.А. Российское и зарубежное гражданское право в условиях роботизации и цифровизации. Опыт междисциплинарного и отраслевого исследования: монография / С.А. Синицын. – М.: Инфотропик Медиа, 2021. – 212 с.
11. Тихомиров С.В. Проблемы государственной службы в России / С.В. Тихомиров. – М.: Юристъ, 2021. – 192 с.
12. Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности / Т.Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2018. – №9. – С. 5–14. DOI 10.12737/art_2018_9_1. EDN OZGIAV
13. Чиркин В.Е. Государственное и муниципальное управление: учебник / В.Е. Чиркин. – М.: Юрайт, 2022. – 416 с.

Клавдиева Маргарита Романовна
магистрант
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
г. Казань, Республика Татарстан

ГЕНЕЗИС И СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК: ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ, ЭФФЕКТИВНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОГО РЕЖИМА И АНТИКОРРУПЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ

Аннотация: *в статье рассматривается становление правового регулирования импортозамещения в системе государственных и муниципальных закупок России. Исследуется исторический генезис института торгов, анализируется влияние вступления в ВТО на формирование современной контрактной системы. Особое внимание уделяется эффективности национального режима, механизмам квотирования, антикоррупционным (комплаенс) мерам, специфике закупок, содержащих государственную тайну. На основе анализа последствий санкционного давления 2014 и 2022 годов оцениваются практические результаты политики импортозамещения и предлагаются перспективные направления развития законодательства в данной сфере.*

Ключевые слова: *импортозамещение, государственные закупки, национальный режим, квотирование, комплаенс-контроль, государственная тайна, санкции, 44-ФЗ, 223-ФЗ, технологический суверенитет.*

Институт государственных закупок не является изобретением современности. Его исторические корни уходят вглубь веков, и его развитие всегда было тесно связано с потребностями государства в эффективном расходовании казны. Как отмечается в исследованиях, первые упоминания о торгах на Руси относятся к XVII веку. Ключевым этапом стал Указ царя Алексея Михайловича «О подрядной цене» 1654 года, который ввел само понятие «государственный заказ». Однако подлинной реформой стала эпоха Петра I, когда Регламент «О

управлении Адмиралтейства и верфи» заложил основы конкурсного отбора: предпочтение отдавалось поставщику, предлагавшему наименьшую цену, и вводилось понятие добросовестности исполнения [2].

В последующие столетия система усложнялась: при Екатерине II был введен принцип конкуренции и двойного контроля, при Александре I – механизм «справочных цен», а в XIX веке появились и первые нормы об ответственности за сговоры и мошенничество. Нынешняя система, регулируемая Федеральными законами №44-ФЗ и №223-ФЗ, впитала в себя этот исторический опыт, адаптировав его к требованиям рыночной экономики и международной интеграции.

Стремление к интеграции в мировую экономику и приведение отечественных норм в соответствие с международными стандартами послужило отправной точкой для следующего важнейшего этапа развития. Вступление в состав Всемирной торговой организации (ВТО) потребовало адаптации национального законодательства к требованиям международных норм. В частности, интеграция России в международные торговые отношения, а также обязательства, вытекающие из членства в ВТО, послужили принятием в 2013 году Федерального закона №44-ФЗ [4]. Однако, как показывает анализ, Россия несмотря на получение статуса наблюдателя в Комитете по государственным закупкам ВТО, до сих пор не присоединилась к Соглашению о правительственных закупках. Такая позиция продиктована расхождениями между принципами ВТО и более жесткими протекционистскими мерами, действующими в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), где национальный режим предоставляется на принципах взаимности и с возможностью временных изъятий и исключений [5]. Это решение отражает стратегический курс государства на приоритетную защиту внутреннего рынка, что, в свою очередь, автоматически повышает значимость требований к прозрачности и добросовестной конкуренции в национальной закупочной системе.

Успешность реализации любой закупочной политики, в том числе в сфере импортозамещения, определяется степенью ее открытости и устойчивости к коррупционным проявлениям. В данном контексте определяющее значение приобретает комплаенс-контроль. Понимание комплаенса прошло путь от узкой трактовки как соблюдения закона до широкой концепции формирования целостной «комплаенс-культуры» внутри организации. Поскольку закупки относятся к зонам повышенного риска из-за концентрации финансов, комплаенс реализует две ключевые задачи: выявляет уже совершенные нарушения и предотвращает их возникновение.

Эффективная модель комплаенса сегодня немыслима без гибридного подхода, который интегрирует управление рисками и цикла непрерывного совершенствования (цикл PDCA). Применение данной модели позволяет не только блокировать коррупционные схемы, но и поддерживает баланс при предоставлении преференций отечественным производителям, не допуская снижения стандартов качества и уровня конкурентной борьбы. Необходимость подобных механизмов многократно возрастает, когда речь идет о наиболее охраняемой сфере – закупках, затрагивающих государственную тайну.

Именно в сфере обороны и безопасности требования к надежности и контролю достигают своего максимума, что предопределяет особый правовой режим. Регулирование закупок для обороны и безопасности страны традиционно выделяется в отдельную категорию. Закупки с государственной тайной, регулируемые как 44-ФЗ, так и 223-ФЗ, проводятся по закрытым процедурам на специализированных площадках и не подлежат публичному раскрытию в ЕИС [3]. Это необходимый инструмент обеспечения безопасности, однако он создает дополнительные риски с точки зрения контроля эффективности расходования средств. Именно в этом сегменте политика импортозамещения является наиболее жесткой и безальтернативной, что делает особенно важным наличие надежных антикоррупционных механизмов внутри самих оборонных предприятий и контролирующих органов. Логика обеспечения безопасности напрямую смыкается с задачей обеспечения технологической независимости, что выводит

нас на следующий уровень регулирования – инструменты количественного стимулирования отечественного производства.

С 1 января 2021 года вступили в силу Постановления Правительства №2014 (для 44-ФЗ) и №2013 (для 223-ФЗ), которые установили минимальную долю закупок товаров российского происхождения по широкому перечню позиций – от электроники до медицинских изделий. Цель квотирования – гарантировать спрос на продукцию отечественных производителей, стимулируя тем самым развитие производственных мощностей.

Однако данный инструмент обнажил и противоречия внутри самой политики импортозамещения. Ярким примером служит сложившаяся обстановка вокруг процессоров «Байкал» и «Эльбрус». Долгое время они считались «российскими», поскольку были разработаны в России, хотя их производство размещалось зарубежом. Это позволяло им участвовать в государственных закупках на льготных условиях.

Новая инициатива Министерства промышленности и торговли по введению трехуровневой балльной системы оценки продукции меняет процедуру. Чтобы претендовать на максимальные преференции (100 баллов), продукция должна быть не только разработана, но и произведена, упакована и даже собрана с использованием отечественных материалов и ПО на всех этапах. «Байкал» и «Эльбрус», не имеющие собственного производства в России, рискуют потерять статус «полностью отечественных» и, как следствие, значительную часть государственной поддержки.

В данной ситуации действия Минпромторга и Правительства можно оценить неоднозначно. С одной стороны, это жесткая, но технологически обоснованная позиция. Стимулирование направлено не просто на сборку, а на создание полного цикла производства, что является единственным путем к реальному технологическому суверенитету. С другой стороны, это порождает колоссальную нагрузку на разработчиков, ставя их перед выбором: инвестировать миллиарды рублей и годы в создание собственных производств или оставаться с пониженным статусом. Это классическая дилемма между амбициозными целями и реальными возможностями отрасли.

Говоря о механизме национального режима в сфере закупок, стоит отметить его долгий путь становления. До 2025 года он регулировался множеством разрозненных актов, что создавало сложности для правоприменения. Ключевым моментом стало вступление в силу Постановления Правительства №1875 от 23.12.2024, которое с 1 января 2025 года унифицировало правила для 44-ФЗ и 223-ФЗ.

Новый регламент ввел три единых механизма: запрет на допуск иностранных товаров и преимущество отечественным товарам [6]. Ключевое новшество – переход на реестровое подтверждение происхождения товара, что значительно усложнило жизнь недобросовестным поставщикам, но и повысило административную нагрузку на добросовестных участников. Примечательно, что такое фундаментальное ужесточение норм стало возможным и необходимым во многом благодаря тому колоссальному внешнему давлению, которое обнажило все уязвимости прежней системы.

Санкционное давление стало мощнейшим внешним фактором, который не просто повлиял, а кардинально изменил вектор развития всей системы государственных закупок. Этот процесс прошел через две ключевые волны.

1. Волна 2014 года, когда первые санкции стали «тревожным звонком» для российской экономики. Именно тогда политика импортозамещения направила вектор на крупные государственные корпорации и агропромышленные комплексы [1]. Это позволило к 2021 году добиться значительных успехов в сельском хозяйстве. Однако общая зависимость от импорта в высокотехнологичных отраслях оставалась критически высокой, измеряясь десятками процентов.

2. Волна 2022 года. Санкции носили тотальный и беспрецедентный характер. Заморозка резервов, отключение от SWIFT, запрет на поставки высокотехнологичной продукции и

главное, массовый уход иностранных компаний и поставщиков создал колоссальные рыночные «ниши», которые российский бизнес был вынужден заполнять.

Проведенный анализ позволяет проследить неразрывную связь в развитии системы: исторически сложившийся институт торгов, пройдя через этап интеграции в мировую экономику, выработал сложные механизмы защиты и стимулирования. Внешнее санкционное давление выступило катализатором, превратив импортозамещение из желаемой цели в критически необходимую стратегию.

Ключевыми элементами нынешней системы являются антикоррупционные комплаенс-механизмы, обеспечивающие прозрачность, и квотирование, стимулирующее спрос на отечественную продукцию. Однако практика применения, особенно в высокотехнологичных сферах, выявила фундаментальное противоречие между необходимостью реального технологического суверенитета и текущими возможностями промышленности. Инициатива Минпромторга по ужесточению критериев локализации, хотя и является стратегически верной, но создает препятствия для отрасли в краткосрочной перспективе.

Перспективы развития лежат в плоскости дальнейшей цифровизации, адаптации законодательства с партнерами по интеграционным объединениям и выработке гибких, но жестких механизмов стимулирования полного производственного цикла. Только комплексный подход, сочетающий правовые, экономические и контрольные меры, способен обеспечить достижение главной цели – технологического суверенитета и экономической безопасности страны.

Список литературы

1. Алаухова О.И. Импортозамещение в условиях преодоления внешнего санкционного давления / О.И. Алаухова // Вестник Евразийской науки. – 2022. – Т. 14. №3. – С. 1–9. EDN XAAKWH

2. Георгадзе Н.Д. Этапы становления системы государственных закупок в Российской Федерации / Н.Д. Георгадзе // Московский экономический журнал. – 2022. – №8. – С. 494–504. DOI 10.55186/2413046X_2022_7_8_490. EDN WHZSHA

3. О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 16.02.2026).

4. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 05.04.2013 №44-ФЗ (в ред. от 28.12.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 16.02.2026).

5. Панкратов М.В. Регулирование сферы государственных закупок в рамках ВТО и ЕАЭС / М.В. Панкратов // Московский экономический журнал. – 2021. – №5. – С. 162–168. DOI 10.24411/2413-046X-2021-10305. EDN MIEXPG

6. Рагулин А.В. Применения национального режима в сфере государственных и муниципальных закупок / А.В. Рагулин // Вестник магистратуры. – 2022. – №5–4. – С. 116–119. EDN UCDWWT

Колбасова Ксения Александровна
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»
г. Москва

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ГЕНЕТИЧЕСКОГО РОДСТВА ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ДОНОРСКИХ ПОЛОВЫХ КЛЕТОК: ВОПРОСЫ ОТЦОВСТВА, МАТЕРИНСТВА И НАСЛЕДОВАНИЯ

Аннотация: *статья посвящена актуальной проблеме правовых последствий генетического родства при использовании донорских половых клеток в репродуктивных технологиях. В условиях стремительного развития вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) и их широкого применения в медицинской практике возникают сложные правовые коллизии, связанные с установлением отцовства, материнства и наследственных прав детей, зачатых с использованием донорских половых клеток. Автор анализирует действующее законодательство Российской Федерации, включая Семейный кодекс РФ, Гражданский кодекс РФ и Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», выявляя пробелы и противоречия в правовом регулировании. Особое внимание уделяется вопросам определения юридического родительства в случаях использования донорских половых клеток, правам детей на знание своих биологических родителей и наследственным последствиям генетического родства. В статье представлен сравнительно-правовой анализ регулирования данной сферы в различных правовых системах, а также предложены рекомендации по совершенствованию законодательства с учетом международных стандартов и практики Европейского Суда по правам человека. Результаты исследования могут быть использованы при разработке нормативных правовых актов и в правоприменительной практике.*

Ключевые слова: *донорство половых клеток, генетическое родство, отцовство, материнство, наследование, вспомогательные репродуктивные технологии, юридическое родительство.*

Современные репродуктивные технологии открывают новые возможности для преодоления бесплодия и реализации репродуктивных прав граждан. Однако их применение порождает сложные правовые вопросы, связанные с установлением родственных связей и правовыми последствиями генетического родства. Проблема определения отцовства и материнства при использовании донорских половых клеток приобретает особую актуальность в условиях отсутствия четкого законодательного регулирования и противоречивой судебной практики.

Как отмечает М.И. Брагинский [2], «развитие медицинских технологий опережает правовое регулирование, что создает правовые пробелы и коллизии в сфере установления родственных связей». В.В. Витрянский [3] подчеркивает, что «вопросы установления родительства при использовании вспомогательных репродуктивных технологий требуют комплексного подхода с учетом интересов всех участников правоотношений».

Целью настоящего исследования является анализ правовых последствий генетического родства при использовании донорских половых клеток, включая вопросы отцовства, материнства и наследования.

1. Понятие и правовая природа донорства половых клеток.

Донорство половых клеток представляет собой добровольную передачу сперматозоидов или яйцеклеток для использования в целях искусственного оплодотворения или

экстракорпорального оплодотворения. Согласно ст. 51 Федерального закона от 21.11.2011 №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан»), донорство половых клеток осуществляется на добровольной основе с соблюдением принципов конфиденциальности и анонимности.

А.П. Сергеев [13] отмечает, что «донорство половых клеток представляет собой особый вид медицинского вмешательства, который требует особого правового регулирования с учетом этических и правовых аспектов». Е.А. Суханов [16] подчеркивает, что «правовая природа донорства половых клеток определяется как медицинская услуга, оказываемая на основании договора, но с учетом особых условий, связанных с использованием биологического материала».

Важным аспектом правовой природы донорства половых клеток является вопрос об установлении родственных связей между донором и ребенком, зачатым с использованием его половых клеток [18]. Согласно ч. 3 ст. 51 Семейного кодекса Российской Федерации (СК РФ), «мужчина, давший согласие на имплантацию его спермы женщине, не состоящей с ним в браке, либо на экстракорпоральное оплодотворение такой женщины, не может быть признан отцом ребенка, зачатого в результате такого оплодотворения».

2. Правовые аспекты установления отцовства и материнства при использовании донорских половых клеток.

Установление отцовства.

Вопросы установления отцовства при использовании донорских половых клеток регулируются ст. 51–52 СК РФ. Согласно ч. 1 ст. 51 СК РФ, отцом ребенка, родившегося у супругов, состоящих в браке между собой, а также в течение 300 дней с момента расторжения брака, признания его недействительным или с момента смерти супруга, признается супруг матери ребенка.

Как отмечает О.Н. Кравец [5], «законодательство РФ исходит из презумпции отцовства супруга матери ребенка, что создает правовую определенность в вопросах установления отцовства». Однако при использовании донорских половых клеток возникает коллизия между генетическим и юридическим отцовством.

В случае использования донорских сперматозоидов при искусственном оплодотворении или экстракорпоральном оплодотворении супруги ее муж признается отцом ребенка, если он дал письменное согласие на проведение процедуры (ч. 4 ст. 51 СК РФ). При этом генетический отец (донор) не приобретает прав и обязанностей родителя.

Установление материнства.

Вопросы установления материнства при использовании донорских половых клеток регулируются ст. 51–52 СК РФ. Согласно ч. 1 ст. 51 СК РФ, матерью ребенка признается женщина, родившая его. Это правило действует независимо от того, использовались ли донорские яйцеклетки при зачатии ребенка.

Как подчеркивает А.М. Нечаева [11], «принцип «матерью признается женщина, родившая ребенка», является основополагающим в российском семейном праве и применяется независимо от генетической связи между матерью и ребенком». При использовании донорских яйцеклеток женщина, родившая ребенка, признается его матерью, а генетическая мать (донор яйцеклетки) не приобретает прав и обязанностей родителя.

3. Наследственные права детей, зачатых с использованием донорских половых клеток.

Права детей на наследование от юридических родителей.

Дети, зачатые с использованием донорских половых клеток, приобретают полные наследственные права в отношении своих юридических родителей. Согласно ст. 1142 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), дети, супруг и родители наследодателя относятся к наследникам первой очереди.

Как отмечает Е.В. Белова [1], «дети, зачатые с использованием донорских половых клеток, имеют равные наследственные права с детьми, зачатыми естественным путем, в отношении

своих юридических родителей». При этом генетические родители (доноры половых клеток) не входят в круг наследников детей, зачатых с использованием их половых клеток.

Права детей на знание своих генетических родителей.

Вопрос о праве детей на знание своих генетических родителей является дискуссионным в российском праве. Согласно ст. 57 СК РФ, ребенок имеет право на общение с обоими родителями, дедушкой, бабушкой, братьями, сестрами и другими родственниками. Однако данная норма не распространяется на генетических родителей (доноров половых клеток).

Как подчеркивает В.И. Старинский [15], «вопрос о праве детей на знание своих генетических родителей требует особого правового регулирования с учетом интересов всех участников правоотношений». В ряде стран (например, в Великобритании) дети, зачатые с использованием донорских половых клеток, имеют право на получение информации о своих генетических родителях по достижении совершеннолетия.

4. Сравнительно-правовой анализ регулирования в разных странах.

Регулирование в странах Европейского Союза.

В странах Европейского Союза подходы к регулированию донорства половых клеток и установлению родительства различаются. В Великобритании дети, зачатые с использованием донорских половых клеток, имеют право на получение информации о своих генетических родителях по достижении 18 лет. В Германии донорство половых клеток разрешено только в анонимной форме, но дети имеют право на получение неидентифицирующей информации о своих генетических родителях.

Как отмечает А.Ю. Кабалкин [4], «европейские страны постепенно переходят от принципа полной анонимности доноров к принципу ограниченной идентифицируемости с учетом прав детей на знание своих генетических родителей».

Регулирование в США.

В США регулирование донорства половых клеток осуществляется на уровне штатов. В большинстве штатов доноры половых клеток не приобретают прав и обязанностей родителей в отношении детей, зачатых с использованием их половых клеток. Однако в некоторых штатах (например, в Калифорнии) дети имеют право на получение информации о своих генетических родителях.

Как подчеркивает М.А. Рожкова [12], «американский подход к регулированию донорства половых клеток характеризуется большим разнообразием и гибкостью, что позволяет учитывать интересы всех участников правоотношений».

5. Проблемы и перспективы совершенствования законодательства.

Пробелы в законодательстве.

Действующее законодательство РФ содержит ряд пробелов в регулировании вопросов, связанных с использованием донорских половых клеток. В частности, отсутствует четкое регулирование вопросов о праве детей на знание своих генетических родителей, порядке получения такой информации и условиях ее предоставления.

Как отмечает Н.В. Куркина [6], «пробелы в законодательстве создают правовую неопределенность и могут привести к нарушению прав детей, зачатых с использованием донорских половых клеток».

Перспективы совершенствования законодательства.

Для совершенствования законодательства в сфере регулирования донорства половых клеток необходимо:

Ввести четкое регулирование вопросов о праве детей на знание своих генетических родителей с учетом международных стандартов и практики Европейского Суда по правам человека.

Разработать механизм получения детьми информации о своих генетических родителях по достижении совершеннолетия с соблюдением баланса интересов всех участников правоотношений.

Усовершенствовать правовое регулирование вопросов установления родительства при использовании донорских половых клеток с учетом современных репродуктивных технологий.

Как подчеркивает Е.С. Митячкина [8], «совершенствование законодательства в сфере регулирования донорства половых клеток должно осуществляться с учетом интересов детей, зачатых с использованием этих технологий, а также с соблюдением баланса интересов всех участников правоотношений».

Анализ правовых последствий генетического родства при использовании донорских половых клеток позволяет сделать следующие выводы.

Действующее законодательство РФ устанавливает четкое разграничение между генетическим и юридическим родительством при использовании донорских половых клеток. Юридические родители приобретают полные права и обязанности в отношении детей, зачатых с использованием донорских половых клеток, включая наследственные права.

Генетические родители (доноры половых клеток) не приобретают прав и обязанностей родителей в отношении детей, зачатых с использованием их половых клеток, и не входят в круг наследников таких детей.

Вопрос о праве детей на знание своих генетических родителей требует особого правового регулирования [19]. Необходимо разработать механизм получения детьми информации о своих генетических родителях по достижении совершеннолетия с соблюдением баланса интересов всех участников правоотношений.

Сравнительно-правовой анализ показывает, что ведущие страны мира постепенно переходят от принципа полной анонимности доноров к принципу ограниченной идентифицируемости с учетом прав детей на знание своих генетических родителей.

Для совершенствования законодательства в сфере регулирования донорства половых клеток необходимо ввести четкое регулирование вопросов о праве детей на знание своих генетических родителей, разработать механизм получения такой информации и усовершенствовать правовое регулирование вопросов установления родительства при использовании донорских половых клеток.

Список литературы

1. Белова Е.В. Правовые аспекты использования вспомогательных репродуктивных технологий в Российской Федерации / Е.В. Белова // Российский юридический журнал. – 2017. – №2. – С. 85–93.

2. Брагинский М.И. Договорное право / М.И. Брагинский. – Т. 3. Договоры о выполнении работ и оказании услуг. – М.: Статут, 2011. – 872 с. EDN PARKCO

3. Витрянский В.В. Гражданское право / В.В. Витрянский. – Т. 2. – М.: Статут, 2012. – 768 с.

4. Кабалкин А.Ю. Сравнительно-правовой анализ регулирования донорства половых клеток в странах Европейского Союза / А.Ю. Кабалкин // Европейское право. – 2019. – №2. – С. 130–139.

5. Кравец О.Н. Семейное право России / О.Н. Кравец. – М.: Юрайт, 2015. – 416 с.

6. Куркина Н.В. Пробелы в законодательстве о регулировании донорства половых клеток и пути их устранения / Н.В. Куркина // Законодательство. – 2021. – №5. – С. 175–183.

7. Матвеева М.В. Актуальные проблемы суррогатного материнства в современной России / М.В. Матвеева, Е.А. Этко // Актуальные вопросы гражданского и предпринимательского права: сборник научных статей. – М.: Нефть и газ, 2009. – С. 28.

8. Митячкина Е.С. Перспективы совершенствования законодательства о регулировании донорства половых клеток в Российской Федерации / Е.С. Митячкина // Российский юридический журнал. – 2022. – № 3. – С. 185–194.

9. Мосиенко Т.А. Сравнительный анализ института суррогатного материнства в российском и зарубежном законодательстве / Т.А. Мосиенко, К.И. Лысогорская, О.С. Федоренко, Е.Н. Щекина // Вестник Ростовского государственного экономического университета. – 2016. – № 4 (56). – С. 142–148. EDN YSEEOF

10. Мягкова М.А. Материнство в неполной семье: монография / М.А. Мягкова, Р.В. Овчарова. – М.: Юрайт, 2026. – 312 с.

11. Нечаева А.М. Правовые проблемы установления происхождения детей при использовании вспомогательных репродуктивных технологий / А.М. Нечаева // Семейное и жилищное право. – 2016. – № 3. – С. 110–118.

12. Рожкова М.А. Правовые аспекты регулирования донорства половых клеток в США / М.А. Рожкова // Американское право. – 2020. – № 1. – С. 163–172.

13. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации / А.П. Сергеев. – М.: Проспект, 2013. – 640 с.
14. Силуянова И.В. Биомедицинская этика: учебник и практикум для вузов / И.В. Силуянова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2026. – 221 с.
15. Старинский В.И. Правовые проблемы установления родительства при использовании донорских половых клеток / В.И. Старинский // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2018. – № 4. – С. 152–161.
16. Суханов Е.А. Гражданское право. Т. 2 / Е.А. Суханов. – М.: Волтерс Клувер, 2014. – 592 с.
17. Ульбашев А.Х. Семейное право: учебник для среднего профессионального образования / А.Х. Ульбашев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2026. – 148 с.
18. Ушаков Е.В. Биоэтика: учебник и практикум для вузов / Е.В. Ушаков. – М.: Юрайт, 2026. – 15 с.
19. Филиппова Г.Г. Психология материнства: учебник для среднего профессионального образования / Г.Г. Филиппова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2026. – 110 с.

Кузьмина Ульяна Михайловна
магистрант
Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»
г. Москва

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ НА ЖИЛОЕ ПОМЕЩЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: *в статье проводится комплексный анализ права собственности на жилое помещение в Российской Федерации как центрального института жилищного и гражданского права. Исследуется юридическая природа и содержание данного права, определяемое Гражданским кодексом РФ и Жилищным кодексом РФ. Автором подробно анализируются правомочия владения, пользования и распоряжения в контексте специфики жилого помещения как объекта недвижимости, предназначенного исключительно для проживания граждан. Особое внимание уделяется системе оснований возникновения права собственности на жилье, включая как общегражданские способы (приватизация, купля-продажа, наследование, дарение), так и специальные, характерные для жилищной сферы (участие в жилищных и жилищно-строительных кооперативах). Значительная часть работы посвящена рассмотрению гражданско-правовых и публично-правовых ограничений права собственности, обусловленных специальным правовым режимом жилых помещений и их высокой социальной значимостью. Исследуются пределы осуществления права собственности, в том числе необходимость соблюдения прав и законных интересов соседей, целевое использование помещения, а также вопросы перепланировки и переустройства. Особый акцент сделан на правовом регулировании общего имущества в многоквартирных домах, что порождает специфические ограничения для собственников. В заключительной части делается вывод о дуалистическом характере правового регулирования, сочетающем частноправовые начала (свобода усмотрения собственника) с активным публично-правовым вмешательством государства, направленным на обеспечение конституционного права граждан на жилище, защиту прав третьих лиц и поддержание стабильности жилищных отношений.*

Ключевые слова: *владение, пользование, распоряжение, защита прав, законодательство, приватизация, недвижимость.*

Право собственности на жилое помещение является фундаментальным институтом, обеспечивающим реализацию конституционного права каждого на жилище (ч. 1 ст. 40 Конституции РФ). Его значимость обусловлена не только экономической ценностью жилья как объекта недвижимости, но и его социальной функцией – обеспечением необходимых условий

для достойной жизни и развития личности. В современной России формирование и развитие рынка жилья, а также проведение масштабной приватизации государственного и муниципального жилищного фонда в 1990-х годах привели к тому, что частная собственность на жилье стала преобладающей формой владения [5].

Целью настоящей статьи является системный анализ права собственности на жилое помещение в РФ через призму его содержания, оснований возникновения и специфических ограничений. Для достижения цели поставлены следующие задачи: раскрыть содержание права собственности на жилое помещение; классифицировать и охарактеризовать основания его возникновения; выявить и проанализировать систему ограничений, налагаемых на право собственности в жилищной сфере.

В соответствии со ст. 209 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ), собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом. Однако применительно к жилым помещениям эти правомочия имеют существенную специфику, обусловленную целевым назначением данного объекта [7].

Согласно ст. 17 Жилищного кодекса РФ (ЖК РФ), жилое помещение предназначено для проживания граждан. Именно это целевое назначение является системообразующим фактором, определяющим правовой режим жилья.

Правомочие пользования является центральным в триаде правомочий собственника жилья. Пользование заключается в возможности проживания в нем собственника и членов его семьи. Законодатель прямо устанавливает, что пользование жилым помещением осуществляется с учетом соблюдения прав и законных интересов проживающих в нем граждан, соседей, требований пожарной безопасности, санитарно-гигиенических, экологических и иных требований. Размещение в жилых помещениях промышленных производств не допускается.

Правомочие владения обеспечивает физическое и хозяйственное господство собственника над помещением. В контексте многоквартирного дома (МКД) это правомочие тесно связано с долей в праве общей собственности на общее имущество дома (лестничные клетки, крыши, инженерные коммуникации и т. д.) (ст. 36 ЖК РФ).

Правомочие распоряжения означает возможность определять юридическую судьбу жилья: продавать, дарить, завещать, сдавать внаем, отдавать в залог и т. д. Однако и это правомочие ограничено. Например, отчуждение жилого помещения, в котором проживают несовершеннолетние члены семьи собственника, допускается с согласия органа опеки и попечительства.

Таким образом, право собственности на жилое помещение – это не абсолютная, а социально ориентированная категория, обремененная публичными обязанностями [8].

Возникновение права собственности на жилье подчиняется общим правилам гражданского законодательства, но имеет и специальные основания. Все способы можно классифицировать на следующие группы:

Первоначальные способы:

– строительство жилого дома или объекта ИЖС при условии получения необходимых разрешений и соблюдения градостроительных норм;

– приобретательная давность – лицо, не являющееся собственником, но добросовестно, открыто и непрерывно владеющее жилым помещением как своим собственным в течение 15 лет, приобретает на него право собственности (ст. 234 ГК РФ) [9].

Производные способы:

– возмездные сделки: купля-продажа, мена, участие в долевом строительстве (регулируется Федеральным законом №214-ФЗ);

– безвозмездные сделки: дарение, наследование по завещанию и по закону;

– приватизация – бесплатная передача в собственность граждан занимаемых ими жилых помещений в государственном и муниципальном жилищном фонде. Является уникальным основанием, порожденным социально-экономическими реформами в России. В настоящее время приватизация является бессрочной;

– членство в жилищных кооперативах: право собственности у члена ЖК возникает после полного внесения паевого взноса за помещение [6].

Моментом возникновения права собственности в случаях, когда оно подлежит государственной регистрации, считается момент внесения соответствующей записи в Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН) (ст. 8.1, ст. 131 ГК РФ). Государственная регистрация носит правоустанавливающий характер [5].

Ограничения права собственности на жилье являются одним из наиболее ярких проявлений его публично-правовой составляющей. Их можно разделить на две основные категории:

Гражданско-правовые ограничения, вытекающие из права собственности на объекты общего пользования в МКД.

Собственник квартиры в МКД не может отчуждать свою долю в праве общей собственности на общее имущество отдельно от права собственности на квартиру (ч. 4 ст. 37 ЖК РФ). Его правомочия по владению и пользованию общим имуществом ограничены необходимостью соблюдать права и интересы других собственников. Решения по вопросам управления МКД принимаются на общем собрании собственников помещений большинством голосов, что также ограничивает единоличную волю отдельного собственника [8].

Публично-правовые ограничения, обусловленные интересами общества и государства.

1. Соблюдение целевого назначения: Использование жилого помещения не по назначению (например, для офиса, магазина) влечет административную ответственность, а в случае систематического нарушения – принудительное прекращение права собственности через продажу с публичных торгов (ст. 293 ГК РФ).

2. Обеспечение прав соседей: Шум после 23 часов, нарушение санитарных норм и другие действия, нарушающие права соседей, могут быть пресечены в административном и судебном порядке.

3. Изъятие помещения для государственных или муниципальных нужд: возможно при условии предварительного и равноценного возмещения (ст. 32 ЖК РФ, ст. 235, 281 ГК РФ).

4. Обращение взыскания на жилое помещение: По обязательствам собственника (например, по ипотечному кредиту) на жилье может быть обращено взыскание.

Эти ограничения свидетельствуют о том, что законодатель стремится найти баланс между интересами частного собственника и публичными интересами, гарантируя использование жилья прежде всего для удовлетворения жилищных потребностей [9].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что право собственности на жилое помещение в Российской Федерации представляет собой сложный правовой институт, находящийся на стыке частного и публичного права.

Его содержание, традиционно включающее правомочия владения, пользования и распоряжения, существенно модифицировано целевым назначением жилого помещения – обеспечением проживания граждан. Это предопределяет широкую систему как гражданско-правовых, так и публично-правовых ограничений, направленных на защиту прав соседей, интересов несовершеннолетних, обеспечение безопасности и сохранности общего имущества в МКД [5].

Система оснований возникновения права собственности на жилье является диверсифицированной и включает как классические гражданско-правовые способы (сделки, наследование), так и специальные (приватизация, полное внесение паевого взноса в ЖК).

Таким образом, современное российское законодательство формирует модель права собственности на жилое помещение, которая, гарантируя собственнику широкий круг прав, одновременно налагает на него существенные социальные обязанности, превращая жилье из объекта чисто рыночного оборота в объект, обладающий особой социальной ценностью.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 24.02.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – №32. – Ст. 3301.

2. Федеральный закон от 30.12.2004 №214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2005. – №1 (часть 1). – Ст. 40.

3. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 24.02.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2005. – №1 (часть 1). – Ст. 14.
4. Бондаренко Н.Л. Дискуссия о системе права и её значение для цивилистической науки / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич, О. Шкут // Методологические проблемы цивилистических исследований. – 2022. – №4. – С. 11–28. – EDN WVAKDT. DOI 10.33397/2619-0559-2022-4-4-11-28
5. Землин А.И. Правовая культура: учебник / А.И. Землин, Е.В. Гоц, С.Н. Артамонова [и др.]. – М.: Юрайт, 2024. – 522 с. – ISBN 978-5-534-15223-4. – EDN TVZPRJ.
6. Крашенинников П.В. Жилищное право / П.В. Крашенинников. – 10-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2022. – 480 с.
7. Мыскин А.В. Общая собственность на жилые помещения: теория гражданского права и практика Верховного Суда РФ / А.В. Мыскин. – М.: Статут, 2018. – 127 с.
8. Толстой Ю.К. Жилищное право: учебник для вузов / Ю.К. Толстой. – М.: Проспект, 2021. – 320 с.
9. Чайкин М. Право собственности и другие вещные права на жилые помещения / М. Чайкин. – М.: Лаборатория книги, 2010. – 117 с.
10. Щенникова Л.В. Приватизация жилых помещений: теоретические и практические проблемы // Журнал российского права. – 2020. – №5. – С. 110–120.

Кулаева Екатерина Александровна
студентка
Научный руководитель
Юн Лариса Владимировна
канд. юрид. наук, доцент

Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия им. В.М. Лебедева»
г. Казань, Республика Татарстан

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ПРАВО НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ: ПРАВОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАЩИТЫ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация: *статья посвящена проблемам защиты права на неприкосновенность частной жизни в условиях стремительного развития цифровых технологий. Анализируется влияние цифровизации на реализацию конституционного права человека на конфиденциальность личной информации. Рассматриваются вопросы правового регулирования, интерпретации и судебной практики, а также необходимость совершенствования законодательства и внедрения технологических средств защиты информации.*

Ключевые слова: *неприкосновенность частной жизни, цифровизация, персональные данные, конституционные права, правовая защита, Конституция РФ.*

Стремительное развитие современных технологий трансформирует общественные структуры, приводя к повсеместной цифровизации различных сфер бытия. В контексте данного процесса возникают новые вызовы, касающиеся обеспечения прав человека, в частности, права на конфиденциальность личной информации, в том числе при реализации права на участие делами государства [8–10]. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 №203, определяет стратегию развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы [1].

Цифровизация оказывает влияние на понимание и осуществление права на неприкосновенность частной жизни. Развитие таких технологических направлений, как интернет вещей, облачные сервисы и социальные сети, привело к экспоненциальному росту объема собираемых и обрабатываемых данных о гражданах [3, с. 320]. Это, в свою очередь, повышает риск утечек персональной информации и ее неправомерного применения. К примеру, данные о действиях пользователей в сети Интернет могут применяться для составления профилей, что может привести к манипуляциям и ущемлению прав граждан.

В современной юриспруденции и действующем российском законодательстве отсутствует однозначное понимание конституционного права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. Российские правоведы предлагают различные интерпретации права на неприкосновенность частной жизни: одни рассматривают его комплексно и детально [6; 11], другие – узко и конкретно, определяя его суть через границы допустимого вмешательства в личную жизнь при реализации свободы [4, с. 12]. Неприкосновенность частной жизни, в широком смысле, представляет собой право человека на самостоятельность и независимость, сохранение индивидуальности и свободы, конфиденциальность личной информации и персональных данных, которое обеспечивается запретом на проведение информационных процессов в его частной жизни без его согласия, что гарантирует его независимость в отношениях с другими людьми, обществом и государством.

Уровень гарантированности, обеспечения и защиты права на неприкосновенность частной жизни через правовые нормы и судебную практику [12] является важным индикатором демократизации и институционализации общества [7] и необходимым условием для формирования правового государства.

В современной России, в эпоху информационного общества и активной цифровизации, случаи нарушения права на частную жизнь стали обыденностью, хотя часто остаются незамеченными пользователями. Распространение цифровых технологий для создания, обработки, передачи, хранения и отображения информации в различных областях общественной жизни, безусловно, расширяет горизонты коммуникации, но параллельно создает угрозы для приватности и новые проблемы в сфере защиты персональных данных. Развитие мобильного интернета приводит к тому, что пользователи оставляют в сети огромное количество информации о себе и своих действиях, так называемые «цифровые следы», включая посещаемые ресурсы, электронную переписку и данные, вводимые в онлайн-формы [2, с. 19]. Компании и организации собирают и обрабатывают все больше персональных данных о местоположении, покупках, привычках, здоровье и других аспектах частной жизни, что повышает риск утечек и несанкционированного доступа.

Разумные ожидания защиты частной жизни остаются важным и проверенным временем критерием. Однако безграничный характер технологий требует не только адекватного законодательного регулирования, но и активного участия судебной власти в развитии права, путем эволюционного толкования правовых норм. Такой подход позволяет более оперативно реагировать на технологические инновации, чем это возможно в рамках законодательного процесса. Справедливо утверждается, что «цифровизация» оказывает значительное влияние на правовую сферу, являясь важным фактором, определяющим ее развитие [5, с. 91].

Переход к цифровым технологиям порождает немало вызовов для сохранения личной информации. Наблюдение со стороны государства, несанкционированное раскрытие информации и применение искусственного интеллекта для изучения персональных данных создают ощутимые угрозы.

Фундаментальными принципами в сфере защиты прав человека в цифровом обществе должны стать прозрачность, ответственность и уважение к личности. Необходимо создание действенных правовых механизмов, обеспечивающих гармонизацию интересов государства, общества и индивида. Это является необходимым условием для обеспечения безопасности и свободы каждого человека в современном мире.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. №203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. – 2017. – №20. – Ст. 2901.

2. Гаджиев Х.И. Защита частной жизни в цифровую эпоху / Х.И. Гаджиев // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2019. – №6. – С. 5–21. DOI 10.12737/jflcl.2019.6.1. EDN ETQMUE

3. Наумов А.Г. Конституционные гарантии неприкосновенности частной жизни в условиях глобальной сети / А.Г. Наумов // Вестник науки. – 2025. – №1 (82). – С. 316–322. EDN GKCDFQ

4. Наумов А.Г. Неприкосновенность частной жизни в условиях цифровизации: вызовы и перспективы / А.Г. Наумов / Вестник науки. – 2025. – №1 (82). – С. 364–370. EDN AJRKMW

5. Томилова И.И. К вопросу об обеспечении конституционного права на неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации в условиях цифровой трансформации / И.И. Томилова, В.А. Глушков // Вопросы права. – 2024. – №1. – С. 11–17.

6. Комкова Г.Н. Конституционное право Российской Федерации: учебник для вузов / Г.Н. Комкова, Е.В. Колесников, М.А. Липчанская. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2023. – 448 с. EDN LVXTTF

7. Липчанская М.А. Институционализация конституционной системы власти в федеративном российском государстве / М.А. Липчанская // Власть. – 2013. – №7. – С. 136–139. EDN QLIEMN

8. Липчанская М.А. Общественное обсуждение законопроектов как форма участия граждан Российской Федерации в управлении делами государства / М.А. Липчанская // Правовая политика и правовая жизнь. – 2011. – №2. – С. 12–18. EDN NUGWCL

9. Липчанская М.А. Формы участия граждан в управлении делами государства в решениях Конституционного Суда Российской Федерации / М.А. Липчанская // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2011. – № 1 (17). – С. 32–40. EDN NYGEZH

10. Липчанская М.А. Деятельность общественных советов при федеральных органах исполнительной власти как форма участия граждан в управлении делами государства / М.А. Липчанская // Пробелы в российском законодательстве. – 2009. – №4. – С. 27–30.

11. Колесников Е.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник / Е.В. Колесников, Г.Н. Комкова, М.А. Кулушева. – М.: Высш. образование, 2008. – 365 с. – ISBN 978-5-9692-0191-0 (В пер.).

12. Юн Л.В. Модели конституционного правосудия как важный элемент конституционной юстиции: зарубежный опыт // Российский судья. 2021. №2. С. 52–54. DOI 10.18572/1812-3791-2021-2-52-54. EDN MXYVXJ

Матвеева Ксения Васильевна
магистрант
Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»
г. Москва

РОЛЬ БРАЧНОГО ДОГОВОРА В РАМКАХ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ БРАКА, ПОСЛЕДСТВИЯ, РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ СОХРАНЕНИЯ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ

Аннотация: *в статье автор рассматривает роль брачного договора в контексте недействительности брака с акцентом на последствия, риски и возможности сохранения имущественных прав супругов. Анализирует основания недействительности брачного договора, а также его влияние на имущественные отношения сторон при аннулировании брака. Особое внимание уделяется анализу судебной практики, механизмов защиты интересов супругов и несовершеннолетних детей, а также актуальным проблемам правоприменения в условиях роста фиктивных браков. Применяется сравнительный анализ норм семейного и гражданского законодательства, доктринальных подходов, профильных научных исследований и конкретных судебных решений. Такой подход позволяет выявить системные недостатки правового регулирования, оценить эффективность брачного договора как инструмента автономии воли супругов и предложить практические меры по минимизации споров и имущественных потерь. Предложены рекомендации по составлению и исполнению договора: строгое соблюдение нотариальной формы, привлечение квалифицированных юристов для разработки четких условий, подтверждение добровольности соглашения, учет прав и интересов несовершеннолетних детей, а также применение дополнительных механизмов защиты имущества. Исследование подчеркивает двойственную природу брачного договора как мощного средства индивидуализации имущественных отношений, но одновременно*

уязвимого при аннулировании брака, что приводит к переходу на стандартный равнодольный раздел имущества. Актуальность темы обусловлена частыми спорами о разделе имущества в судебной практике, необходимостью повышения правовой грамотности сторон и дальнейшего совершенствования института для снижения судебной нагрузки. Полученные выводы способствуют укреплению правовой защиты имущественных интересов супругов, повышая доверие к механизму брачного договора.

Ключевые слова: *брачный договор, недействительность брака, имущественные права, раздел имущества, юридические риски, обязательства супругов, режим собственности.*

Обоснование темы и актуальность исследования обусловлены необходимостью надежной фиксации имущественных прав супругов в условиях возможной недействительности брака. В российском семейном праве брачный договор выступает ключевым инструментом регулирования имущественных отношений, но при признании брака недействительным возникают существенные правовые сложности и риски утраты прав на имущество. Проблема заключается в выявлении тех положений брачного договора, которые способны обеспечить защиту имущественных прав, несмотря на признание брака недействительным, а также в оценке рисков, связанных с недействительностью самого договора.

Цель настоящей статьи – провести системный анализ правового регулирования брачного договора в контексте недействительности брака, определить юридические последствия и разработать рекомендации для минимизации имущественных рисков.

В работе применяется сравнительный анализ норм Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ), судебной практики и профильных научных исследований, что позволяет всесторонне оценить правовые аспекты и выработать практические рекомендации.

Брачный договор в российском семейном праве представляет собой гражданско-правовую сделку, регулирующую имущественные отношения супругов как в браке, так и в случае его расторжения. По своей правовой природе он является сложным институтом, объединяющим элементы гражданского и семейного законодательства. Брачный договор регулируется нормами СК РФ (ст. 40–45), которые устанавливают обязательную нотариальную форму, содержание и порядок его заключения, изменения и расторжения. Особое значение имеет ст. 30 СК РФ, определяющая последствия признания брака недействительным, включая отмену правовых эффектов, возникших из брачных отношений. Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) закрепляет общие правила недействительности сделок (ст. 168 и последующие), применимые к брачным договорам, что подкрепляется судебной практикой и разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ.

Значение брачного договора в том, что он расширяет возможности супругов для самостоятельного урегулирования имущественных вопросов, снижая риски споров при разводе и защищая имущественные права сторон. Несмотря на это, брачный договор право, а не обязанность, и его заключение не гарантирует автоматическое предотвращение судебных споров, что связано с трудностями правоприменения и отсутствием в некоторых случаях судебной практики.

Юридическая доктрина и практика подтверждают, что брачный договор расширяет свободу супругов в имущественных вопросах, снижая риски судебных споров. Однако право заключения договора не гарантирует защиту от признания его недействительным.

Брачный договор признается недействительным при нарушении основных требований, таких как отсутствие нотариального удостоверения (ст. 41 СК РФ), заключение договора лицом, признанным недееспособным (ст. 171 ГК РФ), а также при наличии притворных или мнимых сделок (ст. 170 ГК РФ). Нарушение правоспособности одной из сторон и злоупотребление правом также служат основаниями для признания договора недействительным.

При признании брака недействительным имущественные отношения переходят к состоянию до брака (ст. 30, 33 СК РФ), брачный договор при этом теряет силу. Имущество, приобретенное в период брака, подлежит разделу на общих основаниях по равным долям. Это

существенно ослабляет позиции сторон, которые рассчитывали на индивидуальные условия договора.

Недействительность договора может вызвать необходимость возвращения имущества, пересмотра долей, а также стать причиной длительных судебных споров, особенно если возникли имущественные операции по состоянию на момент заключения договора и после. Закон защищает добросовестного супруга и учитывает интересы несовершеннолетних детей, особенно при наличии имущественных обязательств и расходов (постановления Пленума ВС РФ) [3].

Практика судов разнообразна и включает дела о нарушениях формы, давления, отсутствия добровольности. Суд учитывает дееспособность сторон, фактические условия соглашения и влияние на имущественные права детей. Судебные решения подчеркивают важность надлежащего нотариального оформления и равенства сторон при заключении брачного договора [9].

Раздел имущества производится с учетом статей 38, 39 СК РФ и статьи 254 ГК РФ, основываясь на равных долях и фактической стоимости имущества, включая личное имущество и долги супругов. Учитываются также действия супругов по распоряжению имуществом во время брака.

Суд по заявлению супругов определяет, какое имущество и в какой доле должно быть передано каждому. Если имущество не поддается делению или одной из сторон передается имущество большей стоимости, другому присуждается компенсация.

При наличии детей суды учитывают интересы несовершеннолетних, что налагает ограничения на распоряжение имуществом, поскольку имущественные права детей должны быть защищены. Это может осложнять применение брачного договора и влиять на решение о его недействительности, особенно если договор ущемляет права детей или создает угрозу их благополучию.

Суд обращает внимание на доказательства происхождения имущества, выделяя личное имущество (наследство, подарки), которое в раздел не входит без согласия сторон.

При разделе суд также учитывает действия супругов: если один из них отчуждает общее имущество без согласия другого, стоимость или имущество учитывается при разделе. Общие долги супругов пропорционально распределяются между ними.

Таким образом, судебная практика по разделу имущества после признания брачного договора недействительным строится на соблюдении принципов равенства и справедливости с учетом доказательств, особенностей имущества и интересов детей. Это служит важным ориентиром для разрешения имущественных споров супругов в суде.

Основные риски при заключении и исполнении брачного договора связаны с недостаточной правовой грамотностью сторон, принуждением, ошибками в оформлении, а также с нечеткостью условий договора. Эти факторы могут привести к признанию договора недействительным и неоправданным потерям имущественных прав супругов [10].

Злоупотребление, мошенничество и попытки сокрыть имущество под видом брачного договора создают дополнительные сложности для судов и представителей правоохранительных органов. Часто возникают ситуации фиктивных соглашений, что подрывает доверие к институту брачного договора.

В целях минимизации рисков рекомендуется:

– тщательное соблюдение требований законодательства при составлении и нотариальном удостоверении;

– привлечение квалифицированных юристов для проверки условий и оформления документа;

– включение детализированных условий о разделе имущества и гарантиях содержания;

– фиксация добровольности и учета интересов несовершеннолетних детей;

– использование дополнительных гражданско-правовых механизмов для защиты имущественных прав супругов.

Таким образом, брачный договор является важным инструментом правовой защиты имущественных интересов супругов, однако в случае признания брака недействительным его роль снижается, что создает значительные имущественные риски.

Выводы исследования подтверждают необходимость строгого соблюдения формы и содержания брачного договора, нотариального удостоверения и учета интересов всех сторон, включая детей. Практические рекомендации направлены на минимизацию конфликтов и потерь при разделении имущества. Дальнейшее совершенствование законодательства и учет зарубежного опыта могут повысить эффективность института брачного договора в России.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025).

2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 №223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025).

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 №15 (ред. от 06.02.2007) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака».

4. Дергунова В.А. Брачный договор как инструмент предотвращения корпоративных конфликтов в случае развода или смерти одного из супругов / В.А. Дергунова // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2024. – №9. – С. 91–97. EDN APORZY

5. Емелина Л.А. Раздел имущества супругов и корпоративные права: брачный договор как способ минимизации семейных споров / Л.А. Емелина, С.А. Яворский // Юрист. – 2025. – №3. – С. 10–15.

6. Казакова И.А. К вопросу определения способов приобретения имущества: сравнительно правовой анализ современного гражданского законодательства и Свода законов Российской империи / И.А. Казакова, Н.В. Куркина, Е.С. Митячкина // Вестник Академии управления и производства. – 2022. – №3. – С. 179–185. – EDN: QIMAOA.

7. Липунов В.И. Современные проблемы правового регулирования семейных отношений / В.И. Липунов // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. – 2015. – №1 (6). – С. 27–30. – EDN: VHJAUH.

8. Основы права (с практикумом): учебник / А.И. Землин, И.В. Мишуткин, А.А. Агешин [и др.]; под общ. ред. А.И. Землина. – М.: КноРус, 2024. – 373 с. – ISBN 978-5-406-13285-2. – URL: https://book.ru/book/955241 (дата обращения: 01.07.2025). – EDN: FJEQON.

9. Тимкин А.А. Институт брачного договора в России: проблемы практики применения / А.А. Тимкин // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2024. – №4. – С. 94–99. EDN EQRJFD

10. Чудиновская Н.А. Брачный договор – инструмент защиты или способ обойти закон? / Н.А. Чудиновская // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2025. – №4. – С. 106–112. – DOI: 10.24412/2072-4098-2025-4283-106-112. EDN QXEEJW

Морозов Даниил Романович
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»
г. Москва

ЛИЦЕНЗИРОВАНИЕ И РАЗРЕШИТЕЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РФ

Аннотация: *лицензирование и разрешительный порядок в Российской Федерации представляют собой ключевые институты административно-правового регулирования предпринимательской деятельности, направленные на защиту публичных интересов – жизни, здоровья, безопасности, морали и прав граждан. Несмотря на декларируемую политику снижения барьеров для бизнеса, система лицензирования сохраняет значительную сложность и противоречивость. В статье анализируются правовая природа лицензии, критерии отнесения видов деятельности к лицензируемым, процедуры выдачи и аннулирования лицензий, а также соотношение лицензирования с иными формами государственного контроля. Особое внимание уделяется доктрине «разумного регулирования» (М.Н. Марченко), принципу пропорциональности (Т.Я. Хабриева) и проблемам правоприменительной практики. На основе анализа Федерального закона №99-ФЗ, судебных решений и научных трудов делается вывод о необходимости дальнейшей деформализации лицензионных процедур, перехода к риск-ориентированному подходу и усилении гарантий прав предпринимателей при оспаривании решений лицензирующих органов.*

Ключевые слова: *лицензирование, предпринимательская деятельность, разрешительный порядок, административное регулирование, публичный интерес, государственный контроль, пропорциональность.*

Свобода предпринимательской деятельности, гарантированная статьёй 34 Конституции Российской Федерации, не является абсолютной. В целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц государство вправе устанавливать ограничения, в том числе в форме лицензирования [1]. Лицензирование представляет собой особый режим правового регулирования, при котором право на осуществление определённых видов деятельности возникает только после получения специального разрешения – лицензии. Несмотря на многолетнюю реформу, направленную на сокращение числа лицензируемых видов деятельности, данный институт остаётся одним из самых спорных и сложных в российском административном праве.

Как отмечает Т.Я. Хабриева, «любое ограничение экономической свободы должно быть оправдано, пропорционально и минимально необходимым» [15]. Однако на практике лицензирование нередко используется не как инструмент защиты общества, а как механизм административного давления на бизнес. В этих условиях особенно актуальным становится научный анализ правовой природы лицензии, её места в системе административно-правовых средств и эффективности существующих процедур.

1. Правовая природа лицензии и её отличие от иных разрешительных актов.

Согласно статье 2 Федерального закона от 04.05.2011 №99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (далее – ФЗ №99-ФЗ), лицензия – это специальное разрешение, выдаваемое лицензирующим органом на осуществление конкретного вида деятельности, подлежащего лицензированию [3]. Важно подчеркнуть, что лицензия не является административным актом в классическом понимании, поскольку она не содержит индивидуального

предписания, а лишь констатирует наличие у субъекта права на занятие деятельностью при соблюдении установленных требований [12].

М.Н. Марченко справедливо указывает, что «лицензия – это не милость власти, а юридическое признание соответствия заявителя публично установленным критериям» [9]. Это отличает её от таких разрешительных документов, как санитарно-эпидемиологическое заключение, разрешение на строительство или патент на самозанятость, которые носят более узкий, ситуационный характер.

Ключевое различие между лицензированием и иными формами разрешительного порядка заключается в цели: лицензирование направлено на постоянный контроль за деятельностью, связанной с повышенным риском, тогда как иные разрешения чаще всего подтверждают соответствие объекта или действия определённым стандартам на момент проверки [7].

2. Критерии лицензируемости и их эволюция.

Перечень лицензируемых видов деятельности установлен статьёй 12 ФЗ №99-ФЗ и включает 47 позиций, среди которых: медицинская деятельность, образование, оборот наркотиков, охранная деятельность, производство этилового спирта, транспортировка опасных грузов и др. Все они объединены общим критерием: деятельность должна быть связана с реальной угрозой жизни, здоровью, безопасности, правам граждан или государственному интересу.

Однако на практике этот критерий применяется не всегда последовательно. Так, до 2020 года лицензировалась деятельность по перевозке пассажиров такси, что вызывало критику со стороны экспертов как избыточное регулирование. Лишь после принятия Федерального закона от 27.12.2018 №538-ФЗ данная деятельность была переведена на режим уведомительного учёта.

А.П. Сергеев подчёркивает, что «расширение сферы лицензирования без чёткого обоснования рисков ведёт к бюрократизации экономики и созданию коррупционных возможностей» [14]. Поэтому важнейшим направлением реформы остаётся строгая привязка каждого лицензируемого вида к конкретному, верифицируемому риску [10].

3. Процедура лицензирования: от заявления до аннулирования.

Процедура лицензирования в РФ прошла путь от многоэтапной бумажной волокиты к преимущественно электронному взаимодействию через портал «Госуслуги». Согласно статье 13 ФЗ №99-ФЗ, решение о выдаче лицензии принимается в течение 45 рабочих дней с момента подачи заявления.

Особую роль играет проверка соответствия лицензиата лицензионным требованиям. До 2020 года эта проверка проводилась в форме плановой выездной проверки, что занимало до 60 дней. После вступления в силу изменений, внесённых Федеральным законом от 01.05.2019 №77-ФЗ, проверка стала документарной и проводится одновременно с рассмотрением заявления [3].

Однако наиболее острую проблему представляет аннулирование лицензии. Согласно статье 20 ФЗ №99-ФЗ, лицензия может быть аннулирована в случае:

– представления заведомо ложных сведений;

– неоднократного нарушения лицензионных требований;

– прекращения деятельности на срок более 12 месяцев.

На практике суды часто сталкиваются с ситуациями, когда аннулирование происходит за незначительные нарушения, не повлёкшие реального вреда. В этом контексте приобретает значение позиция Верховного Суда РФ, изложенная в Постановлении Пленума от 24.03.2016 №7, согласно которой «мера административного воздействия должна быть соразмерна степени нарушения и его последствиям» [4].

4. Проблемы и перспективы развития института лицензирования.

Несмотря на прогресс в цифровизации, лицензирование в РФ сталкивается с рядом системных проблем:

– избыточность требований: например, для получения лицензии на медицинскую деятельность требуется оформление десятков документов, многие из которых дублируют друг друга;

– неопределённость формулировок: такие понятия, как «соответствующее оборудование» или «квалифицированный персонал», допускают широкое толкование;

– отсутствие эффективных механизмов обжалования: решения лицензирующих органов часто обжалуются годами, в то время как деятельность уже прекращена.

В.В. Витрянский предлагает перейти от формального соответствия требованиям к оценке реальных рисков, предлагая внедрить градацию нарушений – критические, существенные и несущественные – с разными последствиями [6].

Кроме того, перспективным направлением является интеграция лицензирования с системой обязательного страхования ответственности, что позволило бы компенсировать вред даже в случае нарушений, не лишая предпринимателя права на деятельность.

Лицензирование в Российской Федерации остаётся необходимым, но требующим глубокой реформы институтом. Его цель – не ограничение предпринимательства, а обеспечение безопасного и справедливого оборота [8]. Для этого необходимо:

– строго соблюдать критерий «реального риска» при включении видов деятельности в перечень лицензируемых;

– упрощать процедуры, переводя их в полностью цифровой формат;

– вводить градацию нарушений и пропорциональные санкции;

– усиливать судебную защиту прав добросовестных предпринимателей.

Только при условии соблюдения принципов законности, прозрачности и пропорциональности лицензирование сможет выполнять свою истинную функцию – служить обществу, а не бюрократическому аппарату.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12.12.1993 // Собрание законодательства РФ. – 1993. – №3. – Ст. 28.

2. Федеральный закон от 04.05.2011 №99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – №19. – Ст. 2714.

3. Федеральный закон от 01.05.2019 №77-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – №18. – Ст. 2477.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 №7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах из административных и иных публичных правоотношений» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – №6.

5. Алексеев С.С. Проблемы теории права / С.С. Алексеев. – М.: Норма, 2020. – 512 с.

6. Витрянский В.В. Общая теория обязательств: учебник / В.В. Витрянский. – М.: Статут, 2022. – 672 с.

7. Землин А.И. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в РФ: учеб. пособие / А.И. Землин. – М.: Изд-во РГСУ, 2023. – 168 с.

8. Казакова И.А. Получение субъектами предпринимательской деятельности необоснованной налоговой выгоды по НДС / И.А. Казакова, Н.В. Куркина, Е.С. Митячкина // Право и государство: теория и практика. – 2023. – №11 (227). – С. 310–313. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_11_310. – EDN XHTEYO.

9. Марченко М.Н. Административное право России: учебник / М.Н. Марченко. – М.: Проспект, 2023. – 720 с.

10. Медиация в социальной сфере: основы применения и перспективы развития: учеб. пособие / Е.В. Савельева, Е.С. Митячкина, М.А. Фастова [и др.]. – Астрахань: ИП Сорокин Роман Васильевич, 2021. – 94 с. – ISBN 978-5-91910-964-8. – EDN AZJGMX.

11. Медиация: от общих положений к интеграции в систему высшего образования / Е.В. Савельева, Е.С. Митячкина, М.А. Фастова [и др.]. – Астрахань: ИП Сорокин Роман Васильевич, 2020. – 120 с. – ISBN 978-5-91910-906-8. – EDN CFDNDG.

12. Межнациональные конфликты и этномедиация / Е.В. Савельева, И.В. Иванова, Е.С. Митячкина [и др.]. – Астрахань: ИП Сорокин Роман Васильевич, 2021. – 52 с. – ISBN 978-5-91910-936-5. – EDN LPMJDT.

13. Митячкина Е.С. Актуальные вопросы теории и практики правового статуса главы муниципального образования в Российской Федерации / Е.С. Митячкина. – Астрахань: ИП Сорокин Роман Васильевич, 2020. – 226 с. – ISBN 978-5-91910-939-6. – EDN JZJZXP.
14. Сергеев А.П. Гражданское право: учебник / А.П. Сергеев. – Т. 1. – М.: Проспект, 2021. – 720 с.
15. Хабриева Т.Я. Российская правовая система: вызовы времени / Т.Я. Хабриева. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2022. – 320 с.

Мухортикова Полина Сергеевна
студентка
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина»
г. Краснодар, Краснодарский край

ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ ОБ УСЫНОВЛЕНИИ ДЕТЕЙ ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДАНАМИ

Аннотация: *статья посвящена теме анализа процессуальных особенностей доказывания по делам об усыновлении российских детей иностранными гражданами. Рассматриваются нормативные основы, специфика предмета доказывания, субъектный состав участников процесса, особенности отдельных видов доказательств. Анализируются проблемы контроля за условиями жизни усыновленных детей и риски злоупотреблений институтом усыновления в миграционных целях.*

Ключевые слова: *международное усыновление, иностранные граждане, особое производство, доказательства, органы опеки и попечительства, прокурор, защита прав ребенка.*

Усыновление детей иностранными гражданами относится к наиболее сложным категориям гражданских дел, поскольку сочетает семейно-правовой и международно-правовой аспекты. Российское законодательство исходит из приоритета устройства ребенка в семью граждан Российской Федерации и необходимости максимальной защиты прав несовершеннолетнего. Целью настоящей работы является анализ особенностей доказывания по делам об усыновлении российских детей иностранными гражданами.

Правовое регулирование усыновления иностранными гражданами осуществляется Семейным кодексом РФ и главой 29 ГПК РФ в порядке особого производства. Заявление подается по месту нахождения ребенка с обязательным приложением документов, предусмотренных статьями 270–271 ГПК РФ. Часто препятствием к движению дела становится отсутствие медицинских заключений, разрешений иностранных органов на въезд ребенка или подтверждения невозможности его устройства в российскую семью. Как отмечают А.А. Тютюник и Л.Р. Юлбердина, наличие иностранного элемента существенно осложняет контроль за судьбой усыновленного, особенно при «независимом» усыновлении без участия аккредитованных организаций. Данная процедура, несмотря на ускоренный режим, снижает уровень защиты прав ребенка: после выезда за границу часто прекращается предоставление отчетов, происходит смена гражданства и утрата правовой связи с РФ. Авторы указывают, что попытки решения данной проблемы предпринимались на законодательном уровне, в том числе посредством принятия Федерального закона №272-ФЗ, вводящего ограничительные меры [1].

Постановление Правительства РФ от 29 марта 2000 г. №275 утвердило Правила передачи детей-граждан Российской Федерации на усыновление и детально регламентировало механизм контроля за условиями жизни усыновленных детей, порядок консульского учета детей, усыновленных иностранцами. Усыновление допускается в отношении несовершеннолетних детей, единственный родитель или оба родителя которых умерли, неизвестны, признаны безвестно отсутствующими или объявлены умершими, признаны недееспособными, лишены родительских прав, дали согласие на усыновление, по причинам, признанным судом неуважительными, не проживают более 6 месяцев совместно с ребенком и уклоняются от его

воспитания и содержания. Данное постановление обуславливает включение в предмет доказывания обстоятельств, связанных с возможностью реализации механизмов последующего контроля за жизнью ребенка в семье усыновителей [2].

Предмет доказывания включает совокупность обстоятельств, подлежащих установлению судом: наличие оснований для усыновления, предусмотренных СК РФ; соответствие личности и обстоятельств жизни усыновителей требованиям закона; невозможность устройства ребенка в российскую семью; соблюдение процедурного порядка; соответствие усыновления интересам ребенка. Бремя доказывания в основном возлагается на заявителей – иностранных граждан, намеревающихся усыновить ребенка. Они обязаны представить полный пакет документов, подтверждающих их правоспособность, дееспособность, отсутствие судимости, стабильный доход, надлежащие жилищные условия, отсутствие медицинских противопоказаний, правомерность нахождения на территории РФ.

Анализ особенностей доказывания позволяет обратиться к позиции А.О. Джалябовой и Я.Н. Куемжиевой, которые указывают, что рассмотрение дел данной категории требует обязательного участия органа опеки и попечительства, а также прокурора, выступающего гарантом соблюдения прав ребенка (ст. 140 СК РФ). Авторы отмечают, что центральным доказательством является заключение органа опеки об обоснованности усыновления, хотя законодательно утвержденная форма такого документа отсутствует. Исследователи также подчеркивают важное значение свидетельских показаний педагогов, врачей и соседей для оценки психоэмоционального состояния ребенка и личности усыновителей. Мнение самого ребенка, согласно выводам авторов, учитывается судом исключительно в его интересах; при этом процесс может проходить без его участия при наличии риска негативных последствий, что должно быть подтверждено органом опеки [3].

Как указывают А.В. Богданов, И.И. Ильинский и Т.С. Лангнер, современная практика демонстрирует использование института семейных правоотношений иностранными гражданами для обхода миграционного законодательства. Ученые отмечают участившиеся случаи оформления фиктивного отцовства над несовершеннолетними гражданами России с целью получения вида на жительство по упрощенной схеме, квалифицируя это как одну из форм организации незаконной миграции. Исследователи подчеркивают, что в подобных ситуациях правоохранительные органы сталкиваются с необходимостью выявления преступлений, связанных с использованием института родительства исключительно в миграционных целях. Опираясь на данные выводы, можно заключить, что по делам об усыновлении с участием иностранных граждан суду следует выходить за рамки формальной проверки документов и осуществлять комплексную оценку обстоятельств, включая мотивы усыновителя и признаки фиктивности намерений [4].

В своем исследовании А.О. Джалябова и Я.Н. Куемжиева анализируют процессуальную природу дел об отмене усыновления, отмечая их сложный субъектный состав. Авторы указывают, что в таких спорах, помимо усыновителей и органов опеки, особое место занимают биологические родители и сам ребенок, интересы которого имеют безусловный приоритет. Исследователи приходят к выводу, что специфика данных дел требует от суда тщательного подхода к определению круга участников процесса, поскольку решение напрямую затрагивает судьбу несовершеннолетнего и его правовую связь с семьей [5].

В работе «Целесообразность рассмотрения дел об отмене усыновления в порядке особого производства» Я.Н. Куемжиева отмечает, что, несмотря на схожесть с особым производством и частое отсутствие спора о праве, дела об отмене усыновления рассматриваются в исковом порядке. Автор указывает на фрагментарность процессуального регулирования: основания и субъектный состав закреплены в СК РФ, тогда как в ГПК РФ специальные правила практически отсутствуют. Исследователь подчеркивает, что в отличие от детально прописанной процедуры усыновления, нормы об его отмене разобщены, что снижает прозрачность правосудия. При этом Я.Н. Куемжиева приводит статистические данные, согласно которым

ежегодно российские суды рассматривают порядка трехсот подобных дел, удовлетворяя более семидесяти процентов требований [6].

Подводя итог, следует отметить, что участие иностранных граждан существенно трансформирует процесс доказывания по делам об усыновлении. Необходимость минимизации рисков фиктивного родительства и обеспечения безопасности ребенка за рубежом требует от суда расширительного толкования предмета доказывания. Однако существующие пробелы в процессуальном праве, касающиеся статуса доказательств и мнений уполномоченных органов, осложняют правоприменение. Решение проблемы видится в совершенствовании нормативной базы: четкая регламентация требований к доказательствам и порядку выяснения мнения ребенка позволит создать прозрачный и безопасный механизм передачи детей на воспитание в иностранные семьи.

Список литературы

1. Тютюник А.А. Особенности рассмотрения дел об усыновлении детей иностранными гражданами / А.А. Тютюник, Л.Р. Юлбердина // Юридические науки. – 2023.

2. Постановление Правительства РФ от 29 марта 2000 г. № 275 «Об утверждении Правил передачи детей на усыновление (удочерение) и осуществления контроля за условиями их жизни и воспитания в семьях усыновителей на территории Российской Федерации и Правил постановки на учет консульскими учреждениями Российской Федерации детей, являющихся гражданами Российской Федерации и усыновленных иностранными гражданами или лицами без гражданства» (с изм. и доп. от 27 сентября 2021 г.).

3. Джалябова А.О. Особенности судебного рассмотрения дел, связанных с отменой усыновления / А.О. Джалябова, Я.Н. Куемжиева. – 2024. EDN EUZGDX

4. Богданов А.В. Выявление и раскрытие преступлений при получении вида на жительство по упрощенной схеме иностранными гражданами, оформившими фиктивное отцовство над несовершеннолетними гражданами / А.В. Богданов, И.И. Ильинский, Т.С. Лангнер // Криминологический журнал. – 2024. – №3.

5. Джалябова А.О. Природа и субъектный состав дел, связанных с отменой усыновления / А.О. Джалябова, Я.Н. Куемжиева. – 2024. EDN NRLVKM

6. Куемжиева Я.Н. Целесообразность рассмотрения дел об отмене усыновления в порядке особого производства / Я.Н. Куемжиева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2024. – №8. DOI 10.24412/2220-2404-2024-8-11. EDN GEMSQW

Панфилова Лариса Сергеевна
магистрант
Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»
г. Москва

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ БРАЧНОГО ДОГОВОРА В РФ

Аннотация: *в статье рассматриваются актуальные проблемы применения брачных договоров в российском законодательстве. Анализируются ключевые правовые коллизии, возникающие при регулировании имущественных отношений супругов, включая несоответствия между положениями Семейного и Гражданского кодексов Российской Федерации.*

Автором проведен анализ правовой природы брачного договора, его основных элементов и особенности применения в правовом поле Российской Федерации. В частности, выделяются пробелы правового регулирования особенностей имущественных взаимоотношений супругов в результате актуальных изменений семейного законодательства в связи с заключением брачного договора. В последние годы отмечается повышенное внимание к брачному договору (согласно открытым данным, предоставляемыми Федеральной нотариальной

палатой), что указывает на то, что тенденция брачных соглашений может сохраниться и в будущем.

Особое место занимает рассмотрение международных аспектов заключения брачных договоров. С учетом роста числа межнациональных браков, возникают сложные вопросы коллизионного права и взаимодействия российского семейного законодательства с правом иностранных государств.

Подчёркивается важность повышения осведомлённости граждан о брачных договорах.

Ключевые слова: *брачный договор, добрачное имущество, имущество супругов, семейное законодательство, нотариус, раздел имущества, регистрация брака.*

В современном обществе вопрос заключения брачного договора становится все более актуальным, поскольку он позволяет регулировать имущественные отношения супругов и защищать их права в случае расторжения брака. Однако, несмотря на наличие законодательных норм, практика показывает, что многие граждане не осознают важность и преимущества такого документа, что приводит к различным правовым конфликтам и недопониманиям [9].

Знание порядка заключения и расторжения брачного договора позволяет гражданам рационально защитить свои имущественные интересы и предотвратить возможные споры в семье.

На процесс заключения брачных договоров влияют различные факторы, включая правовую осведомленность населения, культурные традиции и экономические условия [11]. Актуальность темы заключается в том, что в условиях экономической нестабильности и увеличения числа разводов необходимость в правовом регулировании имущественных вопросов становится особенно важной как для России, так и для других стран.

Брачный договор выступает инструментом регулирования имущественных отношений между супругами, а также механизмом предотвращения и урегулирования возможных споров в процессе совместной жизни и при расторжении брака.

Популярность брачных контрактов среди жителей РФ растет год от года. В 2023 году их число выросло на 11% по сравнению с предыдущим годом. За 2022 год в нашей стране нотариусы удостоверили более 107 тыс. брачных договоров, а в первом квартале 2023 почти 23 тыс. – такую статистику ГАРАНТ.РУ привели в пресс-службе Федеральной нотариальной палаты.

Брачный договор предоставляет супругам возможность заранее определить условия будущего развода или раздельного проживания. Это позволяет супругам защитить свои интересы и уменьшить возможные конфликты в случае развода.

Нормы, регулирующие брачные договоры в России, довольно общие и ограничиваются некоторыми обязательными условиями. Это может затруднять индивидуализацию условий договора в зависимости от конкретных обстоятельств каждой семейной ситуации [12].

Статья 41 Семейного кодекса РФ предусматривает, что брачный договор может быть заключён как до государственной регистрации брака, так и в любой момент в период [13]. При этом договор, подписанный до заключения брака, вступает в силу с даты государственной регистрации брака. Эта норма имеет целью защитить права и законные интересы обеих сторон, указывая чёткий момент начала действия соглашения, что предотвращает возможные споры касательно момента возникновения юридических последствий.

Законодатель требует обязательной письменной формы договора и его нотариального удостоверения. Такая процедура нотариального заверения служит дополнительной гарантией юридической силы документа, подтверждает дееспособность и осознанность сторон, а также предотвращает случаи заключения фиктивных и недействительных соглашений. Нотариальное удостоверение способствует укреплению доверия между сторонами и снижает судебные споры, возникающие из имущественных разногласий супругов [8].

Стоит обратить также внимание на п. 3 ст. 244 ГК РФ согласно которому режим совместной собственности устанавливается только в силу закона, в том числе на основании заключения брака и приобретения в нем совместного имущества. Соответственно договорной

режим может быть установлен только над совместно нажитым имуществом супругов, но никак не сожителей [16].

Одна из проблем – проблема справедливости брачного договора. Дело в том, что во многих случаях один из супругов может оказаться в более уязвимом положении и иметь ограниченные возможности влиять на условия договора. Возможным решением этой проблемы является более тщательное регулирование процесса заключения брачного договора, а также установление ограничений на его содержание для защиты интересов более слабой стороны. Проблема справедливости брачного договора может возникнуть из-за дисбаланса владения имуществом и финансовыми ресурсами между супругами. В некоторых случаях одна из сторон может получить несправедливое преимущество, что может привести к конфликтам и нарушению равенства прав и интересов.

Также важным моментом в решении проблемы справедливости брачного договора является прозрачность и открытость процесса заключения. Супруги должны быть полностью информированы о своих правах, обязанностях и возможных последствиях, связанных с заключением брачного договора.

Особое значение в российском законодательстве имеет запрет на одностороннее расторжение брачного договора без согласия другой стороны или без решения суда, что подчеркивает серьёзность и устойчивость обязательств, взятых супругами [13].

Важным вызовом становится противоречивость норм, регулирующих имущественные отношения супругов: конфликт положений Семейного и Гражданского кодексов, в частности статей 36 и 1228 ГК РФ, а также статье 45 СК РФ в сопоставлении со статьей 256 ГК РФ, создает правовую коллизию. Это приводит к неоднозначной трактовке законодательного регулирования и затрудняет единообразное применение закона на практике [14].

В российском семейном праве брачный договор регулирует только имущественные отношения супругов. Однако в научных кругах ведутся дискуссии о расширении его предмета [7].

В некоторых странах, например, в Республике Беларусь брачным договором могут регулироваться формы и методы воспитания детей, место их проживания, размер алиментов.

Международный аспект заключения брачных договоров приобретает особую значимость в контексте глобализации и роста количества межгосударственных браков. Каждая юрисдикция предъявляет свои требования к заключению и действию брачных договоров, что создаёт сложные коллизионные ситуации [12].

Расторжение брачного договора в РФ представляет собой юридически значимую процедуру, которая может быть инициирована только по взаимному согласию супругов. Данное соглашение о расторжении заключается в письменной форме и подлежит нотариальному удостоверению, что соответствует требованиям, предъявляемым к заключению самого брачного договора. Односторонний отказ от исполнения условий контракта, независимо от причины, законом не допускается, что подчёркивает специфический двусторонний характер данного института.

С прекращением брака действие брачного договора автоматически прекращается, за исключением тех положений, которые по договору продолжают действовать и после расторжения брака. Это связано с тем, что брачный договор зачастую регулирует не только имущественные отношения в период супружества, но и определённые обязательства после его окончания, например, порядок распоряжения совместно нажитым имуществом или выполнение иных финансовых обязательств [15].

Еще одной проблемой является проблема общественного отношения к такому правовому механизму как брачный договор. В некоторых обществах брачный договор воспринимается негативно и считается недостатком доверия или олицетворением непостоянства брака. Как решение этой проблемы, необходимо освещать пользу и целесообразность брачного договора через массовые медиа, образовательные программы и профессиональное консультирование [9].

В ходе исследования выявлены ключевые особенности и актуальные проблемы, связанные с заключением брачного договора в Российской Федерации на современном этапе. Анализ нормативно-правовой базы, в частности положений Семейного кодекса, показал, что несмотря на детальное регулирование формы и требований к нотариальному удостоверению договора, сохраняется ряд неопределённостей, осложняющих правоприменительную практику. В частности, вопросы, касающиеся порядка вступления договора в силу при заключении его до регистрации брака, требуют дополнительного уточнения для повышения прозрачности и юридической безопасности сторон.

Кроме того, важно усилить правовое просвещение граждан и специалистов, занимающихся вопросами брачного права, чтобы повысить качество подготовки и оформления документов, тем самым снизив количество судебных конфликтов. Особое значение имеет гармонизация национального законодательства с международными правовыми стандартами, что позволит надежно защищать интересы россиян во взаимоотношениях с иностранными супругами.

В целом, исследование показало, что брачный договор в России становится всё более востребованным инструментом обеспечения имущественной безопасности супругов, однако для достижения его полной эффективности и универсальной применимости необходимо устранить существующие законодательные и практические недостатки. Реализация предложенных рекомендаций будет способствовать стабилизации семейных правоотношений, снижению конфликтности и укреплению правовой защищённости участников брачного соглашения.

Таким образом, брачный договор имеет значительную роль в регулировании прав и обязанностей супругов. Однако, чтобы эффективно использовать его возможности, необходимо решить актуальные проблемы: справедливость, общественное отношение и недостаток информированности.

Список литературы

1. Краснова Т.В. Семейное право. Практикум: учебник для вузов / Т.В. Краснова, Л.А. Кучинская. – М.: Юрайт, 2025. – 327 с. – ISBN 978-5-534-00823-4.

2. Нечаева А.М. Семейное право. Курс лекций / / А.М. Нечаева. – М.: Юристъ, 2006. – 88 с.

3. Нечаева А.М. Семейное право: учебник для вузов / А.М. Нечаева. – 9-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2025. – 251 с. – ISBN 978-5-534-17235-5.

4. Основы права (с практикумом): учебник / под общ. ред. А.И. Землина; А.И. Землин, И.В. Мишуткин, А.А. Агешин [и др.]. – М.: КноРус, 2024. – 373 с. – ISBN 978-5-406-13285-2. – URL: https://book.ru/book/955241 (дата обращения: 24.02.2026).

5. Правовая культура: учебник / А.И. Землин, Е.В. Гоц, С.Н. Артамонова [и др.]. – М.: Юрайт, 2023. – 522 с. – ISBN 978-5-534-15223-4. – EDN: AOPYTL.

6. Липунов В.И. Современные проблемы правового регулирования семейных отношений / В.И. Липунов // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. – 2015. – №1 (6). – С. 27–30. – EDN: VHJAUH.

7. Брачный договор: проблемы правоприменения. – URL: https://fparf.ru/news/fpa/brachnyy-dogovor-problemy-pravoprimeneniya/ (дата обращения: 24.02.2026).

8. Глава 8. Договорный режим имущества супругов. – URL: https://base.garant.ru/10105807/ece92382efb38f5899252c9982390b2d/ (дата обращения: 24.02.2026).

9. Институт брачного договора в России: история. – URL: https://www.law.ru/article/27426--institut-brachnogo-dogovora-v-rossii-istoriya (дата обращения: 24.02.2026).

10. Проблемы международного брачного договора: правовые аспекты. – URL: https://moluch.ru/archive/545/119253 (дата обращения: 24.02.2026).

11. Суворова О.С. Проблемы применения брачного договора / О.С. Суворова. – URL: http://2aas.arbitr.ru (дата обращения: 24.02.2026).

12. Проблемы применимого права к брачному договору. – URL: https://www.iupr.ru/_files/ugd/b06fdc_347b6c980881490a9073192b9dcea38f.pdf?index=true (дата обращения: 24.02.2026).

13. СК РФ. Статья 41. Заключение брачного договора. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_8982/f740df81e619df139f0525c103792da82a176aa7/ (дата обращения: 24.02.2026).

14. Брачный договор судебная практика (2023–2025 гг.). – URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/brachnyj_dogovor_sudebnaya_praktika/ (дата обращения: 24.02.2026).
15. Статья 43. Изменение и расторжение брачного договора. – URL: http://base.garant.ru (дата обращения: 24.02.2026).
16. Ст. 244 ГК РФ «Понятия и основания возникновения общей собственности». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/d4a10f5bfae31a92591cd934251a6222d1c771c6/ (дата обращения: 11.03.2026).

Перелыгина Александра Дмитриевна
магистрант
Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»
г. Москва

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ДОГОВОРА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СИСТЕМА, ПРОБЛЕМА И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация: *в статье проводится комплексный анализ ограничений принципа свободы договора в российском гражданском праве. Исследуется система ограничений, включающая как законодательные, так и судебные механизмы. На основе анализа судебной практики и цивилистической доктрины выявляются проблемные аспекты правоприменения, в частности, при квалификации непоименованных договоров. Цель работы – систематизировать существующие ограничения, оценить их эффективность и предложить пути минимизации судебных ошибок при сохранении необходимого уровня защиты публичных интересов и слабой стороны.*

В рамках исследования детально рассматриваются нормы Гражданского кодекса РФ, устанавливающие прямые ограничения свободы договора: положения о публичном договоре (ст. 426 ГК РФ), договоре присоединения (ст. 428 ГК РФ), обязательном заключении договора (ст. 445 ГК РФ) и императивных нормах, не допускающих отклонения соглашением сторон. Отдельное внимание уделяется косвенным ограничениям – принципам добросовестности (п. 3 ст. 10 ГК РФ), недопустимости злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ), защите публичных интересов и социально уязвимых категорий граждан.

Анализируется практика Верховного Суда РФ и арбитражных судов по делам о признании сделок недействительными, толковании условий договоров и разрешении споров из непоименованных договорных конструкций. Выявляются типичные ошибки судов при разграничении дозволенного договорного творчества и обхода закона, определении баланса частных и публичных интересов. На этой основе формулируются предложения по совершенствованию правоприменительного подхода, включая разработку разъяснений высших судебных инстанций и уточнение критериев допустимости нестандартных договорных моделей.

Ключевые слова: *свобода договора, ограничение свободы договора, непоименованный договор, императивные нормы, судебный контроль, злоупотребление правом, добросовестность.*

Принцип свободы договора, закрепленный в ст. 421 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), является краеугольным камнем частноправового регулирования, гарантирующим автономию воли участников оборота. Он позволяет сторонам самостоятельно решать вопросы о вступлении в договорные отношения, выборе контрагента и определении условий сделки, включая возможность заключения смешанных и непоименованных договоров, согласно п. 2 ст. 421 ГК РФ.

Однако, как верно отмечается в научной литературе, абсолютной свободы в какой-либо сфере, в том числе и правовой, быть не может, абсолютная свобода – изначальная утопия [9]. Противоречие между необходимостью свободы и потребностью в ограничениях составляет основную проблематику настоящего исследования. Целью статьи является формирование целостного представления о системе ограничений свободы договора в РФ, выявление ее дисбалансов и разработка предложений по ее оптимизации.

Содержание принципа свободы договора раскрывается в статье 421 ГК РФ и включает в себя несколько ключевых аспектов: свободу принятия решения о заключении договора, свободу выбора контрагента, свободу определения вида заключаемого договора (включая возможность заключения смешанных и непоименованных договоров, свободу формирования его условий [5].

Сложившаяся в Российской Федерации система определения границ свободы договора развивается по двум взаимосвязанным направлениям: законодательный и судебный. Ограничения принципа свободы договора в России носят комплексный характер и могут быть классифицированы по различным основаниям. Наиболее релевантной для целей настоящего исследования является классификация по моменту возникновения ограничения: законодательные и судебные.

Законодательные ограничения возникают в силу государственного регулирования по установлению норм права, их переработке и отмене. Данный вид ограничений устанавливается законодателем посредством императивных норм, действующих до и независимо от заключения конкретного договора. К ним относятся:

Требование соответствия императивным нормам – в силу ст. 422 ГК РФ договор должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законом и иными правовыми актами. Условия, противоречащие им, ничтожны.

Защита слабой стороны – законодатель вводит специальные режимы для защиты экономически неравноправных участников. Это нормы о публичном договоре (ст. 426 ГК РФ), о договоре присоединения (ст. 428 ГК РФ) и законодательство о защите прав потребителей.

Как справедливо отмечает Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ: «Принцип свободы договора является фундаментальным частноправовым принципом, основой для организации современного рыночного оборота. Отступления от этого принципа допускаются лишь в крайних случаях для защиты интересов и экономических ожиданий третьих лиц, слабой стороны договора (потребителей), основ правопорядка или нравственности, или интересов общества в целом» [3].

Стоит обратить внимание на принцип добросовестности и запрет злоупотребления правом, нашедшие сове отражение в ст. 10 ГК РФ. На этом основании Суд может отказать в защите права лицу, действующему недобросовестно, в том числе навязавшему заведомо несправедливые условия. В соответствии с Постановлением Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 №16 «О свободе договора и ее пределах», суд вправе признавать недействительными условия, которые «явно обременительны для присоединившейся стороны».

Отсутствие четких критериев для оценки соответствия целям правового регулирования является проблемой в современной юридической литературе и судебной практике, так как создает риски правовой неопределенности.

В частности, как замечали ранее российская практика заключения непоименованных договоров еще не укрепилась и находится на стадии своего развития [9]. Проблемы возникают на стыке законодательных и судебных ограничений.

Наиболее сложные вопросы правоприменения возникают в связи с реализацией свободы определения вида договора, то есть при заключении непоименованных договоров. Российский законодатель, закрепляя в ст. 421 ГК РФ возможность заключения договоров, не предусмотренных законом, не дает их легального определения. Согласно разъяснениям Пленума ВАС РФ, непоименованный характер договора обуславливается не названием, а отличными от поименованных в ГК РФ предметом, распределением рисков, правами и обязанностями

сторон (Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 №16 «О свободе договора и ее пределах»).

К таким договорам применяются установленные сторонами условия, а в случае неурегулированности какого-либо аспекта может применяться аналогия закона. Яркими примерами непоименованных договоров из судебной практики являются: Договор на использование отдельного конструктивного элемента здания для размещения рекламы (Письмо Президиума ВАС РФ от 11 января 2002 г. №66). Договор о предоставлении персонала (аутстаффинг), к которому суды применяют положения о возмездном оказании услуг (Постановление ФАС Московского округа от 10.10.2008 №КА-А40/8810-08).

Договор, по которому лицо предоставляет возможность другому лицу совершать определенные действия на своей территории без фиксации точных границ (например, для съемок или реализации товаров) [8].

Проблема заключается в том, что, несмотря на декларацию свободы, суды зачастую занимают излишне запретительную позицию, безосновательно признавая такие договоры незаключенными или недействительными. В истории уже были периоды, как, например, со сделками цессии во второй половине 1990-х годов, когда судебная практика устанавливала чрезмерно строгие, не предусмотренные законом требования, что приводило к массовому разрушению договоров. Либерализация наступила лишь с принятием специального разъяснения (Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 30 октября 2007 г. №120).

Другой типичный пример – распространенный запретительный подход к потестативным условиям в условных сделках (т.е. условиям, зависящим от воли одной из сторон), хотя статья 157 ГК РФ прямо такого запрета не содержит. Еще одна сложность заключается в том, что грамотное регулирование некоторых сфер требует не только правовых и экономических знаний, но и, часто, специальной технической квалификации, понимания принципов работы электронных систем [6].

Еще одной проблемой являются императивные нормы, которые, защищая одну сторону, могут ущемлять интересы другой. Например, в соответствии с пунктом 1 статьи 782 ГК РФ заказчик вправе в любое время отказаться от договора возмездного оказания услуг, уплатив исполнителю лишь фактически понесенные расходы [2]. Данная норма является императивной, что позволяет оспорить любое договорное условие об ином порядке компенсации, даже если услуга носит уникальный характер и ее исполнение уже начато, но реальных расходов у исполнителя еще нет.

Для совершенствования сложившейся ситуации предлагается следующее.

Закрепить на федеральном уровне открытый перечень оснований для судебного вмешательства в договор. Это могут быть такие основания, как: наличие в договоре потребителя; явно завышенная неустойка; наличие преддоговорных фидуциарных (доверительных) отношений между контрагентами; заключение договора присоединения.

Взять за ориентир зарубежный опыт, например, британское законодательство (Unfair Terms in Consumer Contract Regulation) [10], которое позволяет суду признавать недействительными несправедливые условия в договорах с потребителями, не затрагивая при этом весь договор в целом.

Резюмируя, можно констатировать, что ограничение принципа свободы договора в Российской Федерации представляет собой сложную и динамичную систему, сочетающую законодательные и судебные механизмы. Хотя эта система необходима для защиты фундаментальных ценностей, она продолжает сталкиваться с проблемами, особенно в сфере квалификации непоименованных договоров и определения разумных пределов судебного усмотрения. Российская практика в этой области находится в стадии развития, делая пока не всегда уверенные, но необходимые шаги для становления сбалансированного подхода. Основной задачей для законодательной и судебной власти на данном этапе является поощрение диверсификации договорных практик при одновременном выработке четких, предсказуемых и

справедливых критериев для вмешательства в договорные отношения, основанных на принципах добросовестности, разумности и соразмерности.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // СПС «Консультант Плюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 №146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СПС «Консультант Плюс».
3. Постановление Президиума ВАС РФ от 5 ноября 2013 г. №9738/13 по делу №А57-1954/2011 // СПС «Консультант Плюс».
4. Бондаренко Н.Л. Социальное предпринимательство: проблемы идентификации и институционализации / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич, М.С. Бондаренко // Юстиция Беларуси. – 2022. – №6. – С. 54–62. – EDN: NPKRTA.
5. Гольдин Е.Т. Принцип свободы договора: понятие и содержание / Е.Т. Гольдин // International scientific review. – 2022. – №LXXXV. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-svobody-dogovora-ponyatie-i-soderzhanie (дата обращения: 18.10.2025).
6. Казакова И.А. К вопросу определения способов приобретения имущества: сравнительно правовой анализ современного гражданского законодательства и Свода законов Российской империи / И.А. Казакова, Н.В. Куркина, Е.С. Митячкина // Вестник Академии управления и производства. – 2022. – №3. – С. 179–185. – EDN: QIMAOA.
7. Колоколова Д.А. Проблемы развития предпринимательской деятельности в сфере АПК и предложения по совершенствованию ее регулирования в муниципальном районе / Д.А. Колоколова, О.В. Саратова // Молодежный вектор развития аграрной науки: материалы 73-й национальной научно-практической конференции студентов и магистрантов (Воронеж, 1 марта – 31 марта 2022 года). – Т. 5. – Воронеж: Воронежский ГАУ, 2022. – С. 449–456. – EDN: MTXWTY.
8. Митячкина Е.С. К вопросу о нарушениях требований законодательства по вопросам заключения сделок, заключенных корпорациями / Е.С. Митячкина, Н.В. Куркина // Современное состояние и перспективы развития науки и образования: проблемы и решения: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции (Анапа, 7 марта 2022 года). – Анапа: Научно-исследовательский центр экономических и социальных процессов, 2022. – С. 14–18. – EDN: XFAVIY.
9. Полякова А.С. Реализация принципа свободы договора в современном гражданском праве: проблемы и практика заключения договоров sui generis в Российской Федерации / А.С. Полякова // Уральский журнал правовых исследований. – 2022. – №1 (18).
10. Unfair Terms in Consumer Contracts Regulations 1999. – URL: https://www.legislation.gov.uk/uksi/1999/2083/contents/made (дата обращения: 18.10.2025).

Пугоев Артур Русланович
магистрант
Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»
г. Москва

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЗА НАРУШЕНИЕ ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Аннотация: *статья посвящена исследованию института гражданско-правовой ответственности коммерческих организаций за нарушение договорных обязательств. Актуальность темы обусловлена широким распространением договорных отношений в предпринимательской деятельности и необходимостью обеспечения стабильности гражданского оборота. Автор анализирует понятие и правовую природу гражданско-правовой ответственности, её место в системе мер государственного принуждения. Рассматриваются основные формы ответственности: возмещение убытков, взыскание неустойки, потеря задатка, а также иные меры, предусмотренные законом или договором. Особое внимание уделяется основаниям наступления ответственности, включая противоправность поведения*

должника, наличие вреда (убытков), причинно-следственную связь и вину как необходимое условие ответственности в гражданском праве. В работе исследуются особенности ответственности коммерческих организаций как профессиональных участников оборота, в том числе повышенные требования к их деятельности и случаи ответственности независимо от вины. Анализируется соотношение договорной и внедоговорной ответственности, а также проблемы квалификации смешанной ответственности при нарушении обязательств. Отдельный раздел посвящён практическим аспектам применения мер ответственности, включая порядок исчисления неустойки, доказывания убытков, а также возможности снижения неустойки судом на основании статьи 333 Гражданского кодекса РФ. Рассматривается судебная практика применения указанных норм и актуальные разъяснения высших судебных инстанций. В заключении автор формулирует предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в сфере договорной ответственности коммерческих организаций, направленные на повышение эффективности защиты прав кредиторов и обеспечение баланса интересов участников гражданского оборота.

Ключевые слова: *коммерческая организация, договорное обязательство, убытки, неустойка, вина, противоправное поведение, арбитражная практика.*

В условиях рыночной экономики договор выступает основным инструментом регулирования имущественных отношений между субъектами хозяйствования. Коммерческие организации как профессиональные участники гражданского оборота несут повышенную ответственность за нарушение принятых на себя обязательств. Институт гражданско-правовой ответственности призван не только компенсировать причинённый вред, но и обеспечивать стабильность и предсказуемость договорных связей. Вместе с тем, несмотря на относительную устоявшуюся доктрину,

в правоприменительной практике сохраняется ряд проблем, требующих научного осмысления и нормативного уточнения.

Правовая природа ответственности коммерческих организаций.

Гражданско-правовая ответственность коммерческой организации за нарушение договора представляет собой меру имущественного воздействия, применяемую в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства. Её специфика обусловлена следующими факторами.

Во-первых, предпринимательская деятельность носит профессиональный и систематический характер, что предполагает повышенную степень осмотрительности и добросовестности при заключении и исполнении договоров (согласно п. 1 ст. 2 ГК РФ, предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли. Рисковый характер деятельности предполагает повышенные требования к осмотрительности и добросовестности предпринимателей при исполнении обязательств).

Во-вторых, в отношении коммерческих организаций действует презумпция вины (п. 3 ст. 401 ГК РФ). Это означает, что бремя доказывания отсутствия вины (в частности, наличия обстоятельств непреодолимой силы) возлагается на самого нарушителя, что усиливает гарантии защиты прав кредитора.

В-третьих, суды исходят из того, что коммерческая организация как профессиональный участник оборота обязана располагать полной и достоверной документацией, подтверждающей факт и объём исполнения обязательств. Отсутствие такой документации зачастую расценивается как свидетельство неисполнения обязательства (в-третьих, суды исходят из того, что коммерческая организация как профессиональный участник оборота обязана располагать полной и достоверной документацией, подтверждающей факт и объём исполнения обязательств. Отсутствие такой документации зачастую расценивается как свидетельство неисполнения обязательства).

Условия наступления ответственности.

Согласно общему правилу, для привлечения коммерческой организации к гражданско-правовой ответственности необходимо наличие четырёх условий: противоправное поведение, вина, наличие убытков и причинно-следственная связь между нарушением и наступившими последствиями.

Противоправное поведение выражается в отклонении от условий договора или требований закона. При этом судебная практика не требует доказывания умысла или грубой неосторожности – достаточно установить факт нарушения (согласно п. 2 ст. 401 ГК РФ, отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим обязательство. В предпринимательских отношениях ответственность наступает, если должник не докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы. При этом факт нарушения фиксируется объективно, без необходимости установления вины в форме умысла или неосторожности).

Убытки, как известно, включают в себя реальный ущерб и упущенную выгоду. Однако именно последняя вызывает наибольшие сложности при доказывании. Арбитражные суды всё чаще принимают во внимание косвенные доказательства (бизнес-планы, отчётность, данные о рыночных ценах), но отсутствие единых методик расчёта упущенной выгоды приводит к неоднородности судебных решений.

Что касается причинно-следственной связи, то суды требуют чёткого установления того, что убытки возникли именно в результате нарушения, а не по другим, независящим от должника причинам.

Формы гражданско-правовой ответственности.

Наиболее распространёнными формами ответственности являются:

– возмещение убытков – универсальная мера, применяемая независимо от вида договора. Проблема заключается в том, что при определении размера упущенной выгоды суды нередко проявляют излишнюю осторожность, что снижает эффективность защиты прав кредитора;

– неустойка – договорная мера, призванная обеспечить исполнение обязательства. Актуальной остаётся проблема применения ст. 333 ГК РФ. Несмотря на разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, суды по-разному подходят к оценке соразмерности неустойки. В ряде случаев снижение производится даже при отсутствии доказательств явной несоразмерности (неустойка – договорная мера, призванная обеспечить исполнение обязательства. Актуальной остаётся проблема применения ст. 333 ГК РФ. Несмотря на разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, суды по-разному подходят к оценке соразмерности неустойки. В ряде случаев снижение производится даже при отсутствии доказательств явной несоразмерности, что создаёт риски злоупотреблений со стороны должников), что создаёт риски злоупотреблений со стороны должников;

– проценты за пользование чужими денежными средствами (ст. 395 ГК РФ) – особая форма ответственности, не требующая доказывания убытков. Привязка размера процентов к ключевой ставке Банка России делает этот инструмент объективным и прозрачным.

Проблемы правоприменения и пути их решения.

Анализ практики арбитражных судов позволяет выделить три ключевые проблемы.

1. Отсутствие единых подходов к расчёту упущенной выгоды. Рекомендации по разработке отраслевых методик расчёта (например, для строительства, торговли, IT-сферы) могли бы повысить единообразие судебных решений и снизить неопределённость для участников оборота.

2. Недостаточная определённость критериев соразмерности неустойки. Целесообразно дополнить разъяснения высших судебных инстанций конкретными примерами расчётов и чёткими ориентирами для судов первой инстанции.

3. Злоупотребление правом на снижение неустойки. В целях противодействия недобросовестному поведению должников следует закрепить в судебной практике презумпцию добросовестности кредитора при определении размера неустойки, если должник не докажет обратное.

Институт гражданско-правовой ответственности коммерческих организаций продолжает развиваться в направлении баланса интересов сторон договора. Современные вызовы – от цифровизации хозяйственных связей до роста числа сложных корпоративных споров – требуют дальнейшего совершенствования механизмов ответственности. Уточнение критериев доказывания убытков, унификация подходов к применению неустойки и усиление превентивной функции ответственности позволят повысить уровень договорной дисциплины и обеспечить более эффективную защиту прав добросовестных участников гражданского оборота.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – №32. – Ст. 3301.

2. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22.12.2005 №99 «Об отдельных вопросах практики применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. – 2006. – №3.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 №7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 5.

4. Андреев Ю.Н. Механизм гражданско-правовой защиты / Ю.Н. Андреев. – М.: Норма, 2019. – 256 с.

5. Брагинский М.И. Договорное право. Общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – М.: Статут, 2011. – 847 с.

6. Велиева Б.Т. Особенности гражданско-правовой ответственности в предпринимательских отношениях / Б.Т. Велиева // Закон и право. – 2018. – № 8. DOI 10.24411/2073-3313-2018-10100. EDN XUKXKH

7. Егоров А.В. Проблемы ответственности в гражданском праве: монография / А.В. Егоров. – М.: Статут, 2020. – 318 с.

8. Золотарёв А.П. Некоторые особенности гражданско-правовой ответственности / А.П. Золотарёв // Современное право. – 2016. – № 6. EDN WCESKD

9. Малинина Н.М. Гражданско-правовая ответственность / Н.М. Малинина // Гражданское право / под ред. А.Г. Калпина, А.И. Масляева. – Ч. 1. – М., 1997.

10. Суханов Е.А. Гражданское право / Е.А. Суханов. – М.: Волтерс Клувер, 2018. – В 4 т. Т. 3. Обязательственное право. – 768 с.

Сайфуллин Адель Ильнурович
студент
Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия им. В.М. Лебедева»
г. Казань, Республика Татарстан

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В АРБИТРАЖНЫХ СУДАХ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РАЗВИТИЯ

Аннотация: *в статье рассмотрены актуальные вопросы разграничения дел, рассматриваемых в порядке административного судопроизводства, и дел об административных правонарушениях в порядке арбитражного судопроизводства. Анализируются нормативные правовые акты, критерии подведомственности административных дел и ключевые правовые позиции высшего судебного органа.*

Ключевые слова: *арбитражные суды, арбитражный процесс, административное судопроизводство, дела об административных правонарушениях, правовые позиции, цифровизация.*

Правосудие в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности осуществляется арбитражными судами в Российской Федерации. В арбитражном судопроизводстве могут рассматриваться дела, возникающие из административных и иных публичных отношений, поскольку административное право непосредственно влияет на правоотношения, складываемые в деятельности предпринимателей.

Арбитражным процессуальным законодательством определены категории дел, подлежащих рассмотрению арбитражными судами и Судом по интеллектуальным правам. Так, к компетенции арбитражных судов отнесено рассмотрение дел:

– об оспаривании ненормативных правовых актов, решений и действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, наделенных федеральным законом отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц;

– об административных правонарушениях;

– о взыскании обязательных платежей и санкций.

При этом производство по делам, возникающим из административных и иных публичных отношений, регулируется широким кругом нормативных правовых актов: законодательством об административных правонарушениях, арбитражным процессуальным законодательством или законодательством об административном судопроизводстве [1, с. 473] При обращении с заявлением в суд и его рассмотрении возникает проблема выбора вида производства, по которому будет рассматриваться дело.

Кроме того, в ч. 2 ст. 118 Конституции Российской Федерации выделено пять видов судопроизводств, в том числе арбитражное и административное. Однако среди них в самостоятельное судопроизводство не выделено производство по делам об административных правонарушениях, что являлось и до сих пор остается предметом дискуссий. Особого внимания данный вопрос заслужил при обсуждении вносимых поправок к Конституции Российской Федерации в 2020 году.

В связи с этим необходимо выделить особенности производства по делам об административных правонарушениях, подлежащих рассмотрению в арбитражных судах, позволяющие отграничить его от других категорий дел, возникающих из административных и иных публичных отношений.

Кроме того, протекающие процессы реформирования судопроизводства в России, принятые называть «процессуальной революцией», вызваны множеством внешних и внутренних факторов.

В первую очередь, главным вызовом является устранение противоречий между нормами процессуального и материального законодательства как фактор, непосредственно влияющий на качество правосудия по административным делам в предпринимательской и иной экономической деятельности.

Фактором, способствующим повышению доступности правосудия, является унификация судопроизводства, где основным двигателем таких реформ выступает «электронное правосудие» посредством внедрения информационных и цифровых технологий. Ежегодные доклады Председателя Верховного Суда Российской Федерации и Председателя Совета судей Российской Федерации включают основные показатели использования таких технологий, что создает необходимость широкого интегрирования информационных и цифровых достижений в судебную деятельность.

Как было сказано выше, арбитражные суды в Российской Федерации осуществляют правосудие в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Производство по делам об административных правонарушениях в арбитражных судах регулируется нормативными правовыми актами разной отраслевой принадлежности. При рассмотрении и разрешении дела арбитражный суд руководствуется материальными нормами КоАП РФ, но применяет их в порядке, предусмотренном процессуальными нормами АПК РФ [2, с. 189] При этом могут возникнуть проблемы по выбору вида производства, по которому будет рассматриваться дело. Проблематика вызвана вступлением в силу КАС РФ 15 сентября 2015 года.

Производству по делам об административных правонарушениях в арбитражных судах посвящена гл. 25 АПК РФ, разделенная на два параграфа, посвященных рассмотрению дел о привлечении к административной ответственности и об оспаривании решений административных органов о привлечении к административной ответственности [3, с. 21].

В арбитражных судах рассматриваются дела об административных правонарушениях юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, на которые распространяется их

компетенция. В Постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации отмечается, что такие дела подлежат рассмотрению арбитражными судами по правилам гл. 25 АПК РФ, а гл. 22 КАС РФ и гл. 24 АПК РФ применяются в связи с иными основаниями обращениями.

Во-первых, по КАС РФ не рассматриваются дела, связанные с предпринимательской и иной экономической деятельностью.

Во-вторых, по правилам гл. 24 АПК РФ решения административных органов о привлечении к административной ответственности не оспариваются.

Законодателем отмечено, что дела об административных правонарушениях рассматриваются по общим правилам искового производства, но с учетом особенностей такого производства. Так, установлена форма содержания заявления о привлечении к административной ответственности или об оспаривании таких решений, которая содержит правила оформления искового заявления. При этом из ст. 125 АПК РФ применению подлежат пп. 1, 2 и 10 ч. 2 ст. 125 АПК РФ.

Важным элементом подачи заявления является приложение к нему протокола об административном правонарушении, что является особенностью присущей производству по делам об административных правонарушениях. Регламентирован и сам порядок рассмотрения и разрешения дела непосредственно в судебном заседании. Так, арбитражный суд может предусмотреть обязательную явку лиц, участвующих в деле, за невыполнение такого требования судом накладывается штраф.

По результатам рассмотрения заявления о привлечении к административной ответственности арбитражный суд принимает решение о привлечении к административной ответственности или об отказе в удовлетворении требования административного органа о привлечении к административной ответственности.

По результатам рассмотрения заявления об оспаривании решений административных органов о привлечении к административной ответственности арбитражный суд принимает решение:

– о признании незаконным и об отмене оспариваемого решения полностью или в части либо об изменении решения в случае, если при рассмотрении заявления суд установит:

– об отказе в удовлетворении требования заявителя, в случае если при рассмотрении заявления суд установит, что решение административного органа законно и обоснованно.

Особенности оспаривания принятых судебных решений устанавливаются АПК РФ и КоАП РФ, в связи с особенностями оспаривания отдельных актов – либо в суд апелляционной инстанции, либо – кассационной инстанции.

Несмотря на наличие правовой регламентации производства имеется возможность его совершенствования. Отдельное внимание уделяется вопросам информатизации судебной деятельности при производстве по делам об административных правонарушениях в арбитражных судах, в частности «электронному правосудию».

Важно предоставить лицам, участвующим в деле, право подачи процессуальных документов в электронном виде. В настоящее время наблюдается активное введение таких возможностей в практику.

Однако при дальнейшем развитии «электронного правосудия» и сохранении бумажного делопроизводства, их сосуществование возможно лишь путем взаимодействия.

С 2023 года активно обсуждаются перспективы внедрения документарного производства при рассмотрении отдельных категорий дел [4, с. 12–15] Аналогичный порядок возможно предусмотреть и при рассмотрел дел об административных правонарушениях в арбитражных судах, поскольку обе стороны признаются профессиональными участниками отношений и обладают достаточными ресурсами для защиты прав и законных интересов в документарном порядке.

Документарное производство позволит снизить нагрузку на судебные составы, связанную с необходимостью подготовки и проведения судебных заседаний, в то время как обстоятельства, связанные с делами об административных правонарушениях, считаются

установленными и требуют оценки посредством изучения документально оформленных доводов и доказательств участников дела.

В настоящее время имеется положительный опыт внедрения документарного производства в арбитражный процесс в делах о несостоятельности (банкротстве). Необходимо отметить, что дела о несостоятельности (банкротстве) в большинстве случаев рассматриваются административными судебными коллегиями, потому принятие аналогичных норм при рассмотрении дел об административных правонарушениях вызовет положительное отношение в судейском сообществе.

Таким образом, продолжающееся реформирование теоретико-правовых и правоприменительных аспектов, а также сохраняющиеся вопросы, связанные с производством по делам об административных правонарушениях в арбитражных судах, требуют усиленного внимания со стороны юридического сообщества и судебной системы.

Список литературы

1. Бесельман И.В. Некоторые вопросы процессуального рассмотрения дел об административных правонарушениях в арбитражных судах Российской Федерации / И.В. Бесельман // Вопросы российской юстиции. – 2024. – №30. – С. 471–483. EDN GONPLD

2. Казюра А.Р. Особенности производства по делам об административных правонарушениях в арбитражных судах / А.Р. Казюра // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – №2–3 (101). – С. 188–192. DOI 10.24412/2500-1000-2025-2-3-188-192. EDN AJECOH

3. Левина Ю.В. Особенности рассмотрения и разрешения арбитражными судами дел об административных правонарушениях / Ю.В. Левина, Л.А. Колодько // Альтернативные способы урегулирования споров в механизме защиты гражданских прав: актуальные проблемы и перспективы: сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 30 октября 2024 года). – Ростов н/Д.: Издательско-полиграфический комплекс Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), 2025. – С. 17–23. EDN RHIJXB

4. Царегородцева Е.А. Документарное производство как способ упрощения производства по делам о несостоятельности (банкротстве) / Е.А. Царегородцева // Арбитражный и гражданский процесс. – 2025. – №8. – С. 12–15. DOI 10.18572/1812-383X-2025-8-12-15. EDN OICWPO

Сибирина Дарья Сергеевна
магистрант
Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»
г. Москва

ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ НА ФОТОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Аннотация: *в статье рассматриваются особенности защиты исключительных прав на фотографические произведения в сети Интернет в условиях массового оборота цифрового визуального контента и высокой воспроизводимости изображений. Анализируются типовые модели нарушения (копирование, размещение на сайтах, использование в дизайне и инфографике), ключевые сложности доказывания и фиксации цифровых следов, а также пределы свободного использования, прежде всего в контексте цитирования и недопустимого «иллюстрирования» чужих материалов. На основе актуальных подходов судов и разъяснений высших судебных инстанций предлагаются направления повышения эффективности защиты при сохранении баланса интересов правообладателей и пользователей сети Интернет.*

Ключевые слова: *исключительные права, фотографические произведения, незаконное использование, доказывание авторства, цифровые доказательства, свободное использование, цитирование, иллюстрирование, компенсация, судебная практика.*

Фотографическое произведение в цифровой среде одновременно является одним из самых распространенных объектов авторско-правовой охраны и одним из наиболее «уязвимых» в практическом смысле результатов интеллектуальной деятельности, поскольку технологически простые операции копирования и повторного размещения нивелируют барьеры для неправомерного использования. Интернет как инфраструктура распространения информации многократно увеличивает скорость оборота фотографий, но при этом усложняет идентификацию первоисточника, корректное указание авторства и контроль правомерности цепочки лицензирования, что порождает устойчивый рост конфликтов между правообладателями, редакциями, владельцами сайтов, маркетинговыми агентствами и дизайнерами. В этих условиях защита исключительных прав на фотографии приобретает системный характер: она требует не только опоры на общие положения гражданско-правовой охраны, но и учета доказательственных стандартов по «цифровым» спорам, специфики свободного использования (в частности, цитирования), а также экономических стимулов, формируемых практикой взыскания компенсации.

Фотография как объект охраны рассматривается в отечественной практике прежде всего через призму ее отнесения к фотографическим произведениям и результатам, полученным способами, аналогичными фотографии, что позволяет применять к ней общий инструментарий авторского права при установлении авторства, объема исключительного права и способов использования. В прикладном плане ключевой вопрос обычно сводится не к признанию охраноспособности как таковой, а к доказательству факта использования конкретным ответчиком, установлению объема такого использования (например, на каких страницах сайта и в течение какого периода размещалось изображение), а также к проверке наличия (или отсутствия) оснований свободного использования без согласия правообладателя.

Типология нарушений в интернете относительно стабильна. Наиболее распространены: 1) воспроизведение и доведение до всеобщего сведения путем размещения на страницах сайта (в том числе в карточках товаров, в новостных публикациях, в блогах и каталогах); 2) использование в рекламе и продвижении (баннеры, лендинги, таргетированные объявления с «позаимствованными» изображениями); 3) включение фотографии в производные материалы – макеты, презентации, инфографику, визуальные «обложки» и превью; 4) переработка (обрезка, наложение текста, фильтров, логотипов), нередко сопровождаемая удалением водяных знаков или сведений об авторе. Особенность цифровой среды состоит в том, что нарушение нередко имеет «смешанную» природу: пользователь копирует файл на сервер (как элемент технического процесса) и одновременно организует публичный показ через веб-страницу, при этом экономический эффект может достигаться косвенно – через рост трафика, рекламных доходов или повышение конверсии продаж.

Серьезной проблемой остается ошибочное представление о допустимости заимствований из поисковых систем или социальных сетей без проверки правового статуса контента. В публичных разъяснениях и в медиапространстве неоднократно подчеркивалось, что отсутствие подписи «©», имени автора или прямого указания лицензии рядом с изображением не трансформирует его в «свободное» для использования и не снимает с пользователя обязанности получить разрешение или уложиться в рамки свободного использования, установленного законом. В практическом аспекте именно этот разрыв между привычками цифрового потребления и юридическими требованиями зачастую запускает спор: правообладатель обнаруживает изображение у ответчика, формирует доказательства факта размещения, направляет претензию, а при отсутствии урегулирования обращается в суд за компенсацией.

При этом доказывание по таким делам имеет специфические черты, поскольку веб-страницы динамичны: контент может быть удален или изменен после получения претензии, а следы размещения могут сохраняться в кэше, архивах или на зеркалах. Поэтому решающую роль играет своевременная фиксация доказательств в цифровой форме – с закреплением URL, даты и времени доступа, визуального отображения страницы, HTML-структуры (когда это уместно), а также сведений, позволяющих связать контент с конкретным доменом и

владельцем ресурса. В ряде случаев именно качество фиксации определяет исход спора: при недостаточно надежном подтверждении факта использования суд может отказать в удовлетворении требований, тогда как корректно оформленные доказательства размещения создают высокий уровень предсказуемости судебного решения.

Значительная часть конфликтов связана с попытками ответчиков сослаться на свободное использование изображений. В этой связи центральной категорией становится цитирование, поскольку оно выступает наиболее «востребованным» аргументом в медийных, образовательных и информационных проектах, где фотография служит средством иллюстрации событий или подтверждения сообщаемых фактов. Однако именно здесь возникают методологические ошибки: в обыденном языке «цитирование» ассоциируется с любым заимствованием при наличии ссылки, тогда как правовая конструкция цитирования – это исключение, связанное с целями использования и функциональной ролью заимствованного произведения в новом материале. В юридических комментариях и анализе практики подчеркивается, что фотография может выступать объектом цитирования, но при строгом соблюдении условий, включая оправданность объема и соблюдение целевой направленности (критика, полемика, научные или информационные цели), а также надлежащее указание автора и источника заимствования.

Разъяснения высших судебных инстанций и практикообразующие позиции по интеллектуальным спорам задают ориентиры для оценки пределов свободного использования. В научно-практическом измерении важно, что такие разъяснения фокусируют внимание на необходимости взвешивания обстоятельств дела, включая характер спорного произведения, контекст использования, роль изображения в структуре материала и наличие альтернатив – например, возможность передать информацию без заимствования полного изображения или с использованием собственных материалов. Тем самым формируется критерий «функциональной необходимости»: если фотография не используется как объект анализа, критики или сопоставления, а выполняет лишь роль декоративной «картинки», ссылка на цитирование становится слабой.

Практически значимым является разграничение цитирования и так называемого иллюстрирования, под которым в доктринальных и прикладных источниках обычно понимают включение чужого изображения для визуального сопровождения текста без самостоятельной аналитической нагрузки. Судебные акты по конкретным делам показывают, что при оценке роли фотографии суды обращают внимание на то, является ли изображение необходимым элементом сообщения (например, предметом обсуждения) или может быть безболезненно заменено/удалено без потери смысла, что косвенно свидетельствует об «иллюстративной» функции. В прикладной плоскости это означает, что даже добросовестное намерение автора публикации «проиллюстрировать» новость не трансформирует использование в правомерное цитирование: требуется показать, что фотография именно цитируется как объект, а не просто размещается для привлечения внимания.

Особую группу дел образуют споры, где фотографии используются в коммерческом дизайне, презентационных материалах и инфографике. В новостных сообщениях о резонансных делах подчеркивалось, что дизайнеры и иные создатели визуальных макетов обязаны учитывать авторские права при скачивании и использовании фотографий, а «техническая доступность» изображения в интернете не тождественна правовой доступности. Для правообладателя здесь принципиально то, что коммерческий контекст обычно усиливает аргументы о нарушении исключительных прав и влияет на оценку размера компенсации, тогда как для ответчика возрастает значимость доказательств наличия лицензии или иных законных оснований использования.

Переходя к мерам гражданско-правовой защиты, следует отметить устойчивую популярность требования о компенсации как способа защиты, поскольку оно снижает для истца бремя доказывания реального размера убытков и одновременно выполняет превентивную функцию. В публичных разъяснениях для широкой аудитории указывается диапазон компенсации (в рамках установленного законом коридора), что дополнительно стимулирует

обращение в суд при выявлении незаконного использования, особенно в отношении коммерческих сайтов. При этом в практических источниках подчеркивается, что суд оценивает обстоятельства использования, длительность размещения, характер деятельности ответчика и иные факторы, что делает итоговую сумму результатом судебного усмотрения в пределах установленных подходов.

Нельзя игнорировать и специфику использования серий фотографий, когда спор касается не одного изображения, а набора снимков, объединенных общим сюжетом, стилем и назначением (например, фоторепортаж, серия каталожных фото, тематическая подборка). В правоприменительных позициях Суда по интеллектуальным правам отмечалась значимость восприятия серии как целостного результата, что может влиять на подход к квалификации использования и оценке объема нарушенного права. Для доказывания это означает, что истцу следует структурировать доказательства не только поштучно (по каждому файлу), но и показывать единство серии, если оно имеет значение для понимания характера использования ответчиком.

Сравнительно-правовой ракурс позволяет точнее увидеть российскую специфику охраны фотографий, в том числе в вопросе различения «простых» и «творческих» фотографий, что в отдельных правопорядках влияет на объем охраны и применимые критерии. В аналитических материалах, посвященных сопоставлению подходов России и ряда зарубежных стран, подчеркивается, что различия в критериях охраноспособности и в модели защиты формируют разный «уровень правовой определенности» для пользователей, особенно для трансграничных онлайн-проектов. Для российской практики это означает повышенные требования к комплаенсу: ориентироваться следует на презумпцию охраны и на необходимость получения прав или корректного обоснования свободного использования.

В качестве практических рекомендаций, вытекающих из анализа, целесообразно обозначить несколько направлений повышения эффективности защиты исключительных прав на фотографии в интернете. Во-первых, правообладателям следует выстраивать системную доказательственную стратегию: хранить исходники и метаданные, фиксировать первичную публикацию и использовать надежные способы закрепления факта нарушения при его обнаружении. Во-вторых, владельцам сайтов, редакциям и дизайнерам необходимо внедрять процедуры проверки источников изображений, хранения лицензионных подтверждений и корректного указания авторства, поскольку судебная практика демонстрирует персональную значимость таких мер для снижения рисков ответственности. В-третьих, научно обоснованным представляется развитие единых критериев разграничения цитирования и иллюстрирования применительно к фотографиям, поскольку именно на этом стыке формируется значительная часть споров и правовой неопределенности.

Наконец, ключевой методологической задачей остается поиск баланса интересов: исключительное право на фотографию должно быть эффективно защищено, но механизмы ответственности должны сохранять соразмерность и предсказуемость, исключая стимулирование «индустрии исков» при отсутствии значимого ущерба. Разъяснения высших судов, развитие практики Суда по интеллектуальным правам и накопление кейсов по цифровым доказательствам постепенно формируют более устойчивые стандарты, но потребность в научном осмыслении и уточнении критериев (включая цифровую фиксацию, оценку целей использования и расчет компенсации) сохраняется. В совокупности эти обстоятельства позволяют рассматривать защиту исключительных прав на фотографические произведения в интернете как междисциплинарную задачу на стыке авторского права, гражданского процесса и цифровой криминалистики доказательств, требующую дальнейшей доктринальной разработки.

Список литературы

1. Анищенко А. Правовая охрана фотографических произведений в сети Интернет / А. Анищенко // Зуйков и партнеры: сайт. – URL: https://zuykov.com/about/articles/pravovaya-ohrana-fotograficheskih-proizvedenij-v-s/ (дата обращения: 28.02.2026).

2. Куликов В. Суд обязал дизайнеров соблюдать авторские права при скачивании фотографий / В. Куликов // Российская газета: сайт. – URL: https://rg.ru/2025/01/03/sud-obiazal-dizajnerov-sobliudat-avtorskie-prava-pri-skachivanii-fotografij.html (дата обращения: 04.03.2026).

3. Митячкина Е.С. Проблемы и перспективы развития института интеллектуальной собственности / Е.С. Митячкина // Актуальные вопросы права в банковской сфере: материалы Международного правового банковского форума (Самара, 23–24 сентября 2021 года). – Самара: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева. 2022. – С. 251–255. – EDN: NWLVZK.

4. Оганесян А.Н. Обзор постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 декабря 2023 г. №57-П и практики применения содержащихся в нем разъяснений / А.Н. Оганесян // IPCMagazine – журнал Суда по интеллектуальным правам: сайт. – URL: https://ipcmagazine.ru/articles/1811129/ (дата обращения: 05.03.2026).

5. Пределы свободного использования в рамках статьи 1274 ГК РФ: судебная практика // Зуйков и партнеры: сайт. – URL: https://zuykov.com/about/articles/predely-svobodnogo-ispolzovaniya-v-ramkah-stati-12/ (дата обращения: 02.03.2026).

Фалинская Людмила Евгеньевна
магистрант
Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»
г. Москва

НАЛОГОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация: *в статье рассмотрены вопросы регулирования предпринимательской деятельности в Российской Федерации. Исследуются правовые основы налогообложения, анализируются особенности современной налоговой политики и механизмы её реализации. Особое внимание уделяется вопросам фискальной нагрузки на бизнес, эффективности применения налоговых льгот и инструментов цифровизации налогового администрирования.*

Актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска оптимального баланса между фискальными интересами государства и потребностями развития предпринимательского сектора. В работе проводится комплексный анализ существующих проблем в сфере налогового регулирования, включая неоднозначность толкования налогового законодательства, сложность процедур получения налоговых льгот и высокую административную нагрузку на бизнес.

В статье рассматриваются современные тенденции цифровизации налогового администрирования, их влияние на эффективность взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков. Анализируется роль налоговых стимулов в развитии предпринимательской активности, выявляются основные препятствия для эффективного функционирования системы налоговых льгот.

Автором предложены конкретные направления совершенствования налоговой системы, направленные на снижение административных барьеров, упрощение процедур налогового администрирования и повышение прозрачности взаимодействия между государством и бизнесом. Особое внимание уделяется вопросам развития механизмов инвестиционного стимулирования и создания благоприятных условий для развития предпринимательства.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов при разработке мер по совершенствованию налогового законодательства и оптимизации налоговой политики в отношении предпринимательского сектора.

Ключевые слова: *налоговое регулирование, предпринимательская деятельность, налоговая политика, налоговая нагрузка, налоговые льготы, цифровизация, налогообложение.*

Налоговое регулирование является одним из ключевых инструментов государственного воздействия на экономику. С его помощью государство не только обеспечивает поступление

средств в бюджет, но и воздействует на инвестиционную и предпринимательскую активность [1]. Эффективность налоговой системы определяется степенью её сбалансированности: налоговое бремя не должно чрезмерно ограничивать развитие бизнеса, но при этом должно обеспечивать выполнение социальных и экономических функций государства.

В Российской Федерации наметились противоречивые тенденции. С одной стороны, наблюдается стремление к упрощению налогового администрирования и цифровизации взаимодействия между налоговыми органами и бизнесом. С другой стороны, сохраняется высокая налоговая нагрузка, сложности в применении законодательства и неоднозначность его толкования. Всё это делает актуальным исследование вопросов функционирования налоговой системы и поиска направлений её совершенствования.

Правовое регулирование налогообложения предпринимательской деятельности в Российской Федерации основывается на Налоговом кодексе Российской Федерации, который закрепляет общие принципы налогообложения, виды налогов, порядок их исчисления и уплаты, а также права и обязанности налогоплательщиков и налоговых органов. Важнейшими принципами выступают законность, равенство, экономическая обоснованность и соразмерность налогообложения. Однако их реализация на практике нередко сталкивается с трудностями.

Одной из ключевых проблем является неоднозначность толкования налоговых норм. Налоговые органы и налогоплательщики нередко по-разному понимают порядок применения налоговых вычетов, определения налоговой базы и признания расходов [5]. Это приводит к многочисленным спорам, затрудняет планирование финансовой деятельности предприятий и снижает доверие бизнеса к налоговой системе. Отсутствие единообразной судебной практики и стабильных правовых разъяснений усиливает правовую неопределённость.

Серьёзную озабоченность у предпринимателей вызывает и уровень налоговой нагрузки. Для многих предприятий налоги остаются одним из основных факторов, ограничивающих развитие. Особенно это касается сфер с низкой рентабельностью, где даже незначительное повышение налоговых ставок может привести к снижению прибыли или вынужденному уходу в теневой сектор. Современная налоговая система во многом ориентирована на фискальные цели, а не на стимулирование предпринимательской активности.

Немаловажное значение имеет и процесс цифровизации налогового администрирования. В последние годы активно внедряются электронные сервисы Федеральной налоговой службы, онлайн-кассы, личные кабинеты налогоплательщиков, автоматизированные системы учёта. Эти меры направлены на повышение прозрачности и удобства взаимодействия бизнеса и государства. Однако внедрение цифровых инструментов пока не решило проблему единообразного применения законодательства. Отсутствие чётких правовых критериев при автоматизированной проверке данных порождает новые риски для налогоплательщиков, особенно в случае некорректной работы систем или различий в трактовке электронных данных [9].

Современная налоговая политика Российской Федерации сочетает стремление к повышению собираемости налогов и контролю за их уплатой с попытками стимулировать экономическое развитие. Важной задачей становится поиск баланса между фискальными интересами государства и возможностями бизнеса. Для этого необходимо совершенствовать налоговое законодательство, обеспечивая его предсказуемость и стабильность. Снижение административных барьеров, упрощение отчётности, развитие цифровых сервисов и предоставление адресных льгот для инновационных и производственных предприятий могут стать основой для повышения эффективности налоговой системы.

Важным направлением совершенствования налогового регулирования является развитие механизмов инвестиционного стимулирования. Законодательство предусматривает возможность предоставления налоговых льгот и вычетов предприятиям, вкладывающим средства в инновации, модернизацию производства и создание новых рабочих мест [6]. Однако процедура получения таких льгот остаётся сложной, а условия их предоставления –

неоднородными по регионам. Для повышения инвестиционной привлекательности экономики необходимо унифицировать подходы и сделать систему налоговых стимулов более доступной и прозрачной.

Развитие налоговой системы должно основываться на принципах справедливости, прозрачности и предсказуемости. Государство, реализуя налоговую политику, должно учитывать не только бюджетные интересы, но и необходимость поддержания устойчивости деловой активности. Эффективное налоговое регулирование способно стать одним из факторов экономического роста, если будет обеспечен баланс между контролем и стимулированием [10].

Таким образом, налоговое регулирование предпринимательской деятельности в Российской Федерации представляет собой сложную систему, объединяющую правовые, экономические и организационные элементы. Современные тенденции показывают, что налоговая политика страны находится в постоянном поиске баланса между задачами фискального наполнения бюджета и стимулированием деловой активности. Для повышения эффективности налогового регулирования необходимо совершенствовать законодательство, обеспечивать его стабильность и однозначность, развивать цифровые формы администрирования и упрощать взаимодействие между бизнесом и налоговыми органами [2]. Дальнейшее развитие налоговой системы должно быть направлено на формирование условий, при которых налогообложение станет не только источником бюджетных доходов, но и инструментом экономического роста, стимулирования инвестиций и развития предпринимательства в России.

Список литературы

1. Губин Е.П. Налоговая политика и стимулирование инновационной деятельности предприятий / Е.П. Губин, Д.В. Петров // Журнал экономической теории. – 2019. – №2. – С. 59–67.

2. Герасименко В.В. Актуальные проблемы налогового регулирования в условиях цифровизации экономики / В.В. Герасименко // Финансы и кредит. – 2022. – №6. – С. 24–31.

3. Землин А.И. Налоговое право: учебник / А.И. Землин. – М.: Форум, 2006. – EDN: QWNEIB.

4. Непрерывное образование как условие повышения эффективности контроля (надзора) на транспорте в условиях санкций / А.И. Землин, Е.Г. Багреева, С.В. Карпова, О.М. Землина // Экономика. Налоги. Право. – 2024. – Т. 17. №4. – С. 53–63. DOI 10.26794/1999-849X-2024-17-4-53-63. EDN ZKBTKL

5. Казакова И.А. Получение субъектами предпринимательской деятельности необоснованной налоговой выгоды по НДС / И.А. Казакова, Н.В. Куркина, Е.С. Митячкина // Право и государство: теория и практика. – 2023. – №11 (227). – С. 310–313. – DOI: 10.47643/1815–1337_2023_11_310. – EDN: XHTEYO.

6. Крюкова Е.В. Международный опыт налогового регулирования малого и среднего бизнеса: уроки для России / Е.В. Крюкова // Вестник финансового университета. – 2021. – №3. – С. 47–54.

7. Левшиц Д.Ю. Налоговое мошенничество в зарубежных странах / Д.Ю. Левшиц // Налоги. – 2007. – №6. – С. 15–17. – EDN: IJQYVL.

8. Малиновская Н.В. История развития и становления налоговых органов и налоговой системы в Российской Федерации / Н.В. Малиновская, Д.А. Колоколова // Актуальные проблемы защиты прав и свобод личности: теория, история, практика: материалы 22-й заочной Всероссийской научно-практической конференции (Воронеж, 11 апреля 2024 г.). – Воронеж: Редакционно-издательский отдел Воронежского филиала РАНХиГС, 2024. – С. 67–73. – EDN: AKUUVY.

9. Панченко И.А. Проблемы налогового администрирования и их влияние на предпринимательскую деятельность / И.А. Панченко, А.С. Рогов // Налоги и налогообложение. – 2020. – №8. – С. 35–40.

10. Пепеляев С.Г. Налоговое регулирование в России: теория, практика и перспективы / С.Г. Пепеляев // Налоги и финансы. – 2018. – №5. – С. 12–22.

Фаткуллин Оскар Русланович
магистрант
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
г. Казань, Республика Татарстан

НЕУСТОЙКА КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В ХОЗЯЙСТВЕННОМ ОБОРОТЕ

Аннотация: *в статье осуществляется комплексный теоретико-правовой анализ неустойки как самостоятельного и многофункционального способа обеспечения исполнения обязательств в системе хозяйственного оборота. Раскрывается правовая природа неустойки через призму ее двойственного характера, сочетающего обеспечительную и гражданско-правовую ответственность. Исследуются доктринальные подходы к определению места неустойки в механизме договорного регулирования предпринимательских отношений, а также ее соотношение с иными способами обеспечения исполнения обязательств. Значительное внимание уделяется классификации неустойки, особенностям договорной и законной неустойки, а также условиям и пределам ее применения в хозяйственной практике. Анализируется судебная практика, связанная с реализацией принципа соразмерности и правом суда на уменьшение неустойки, с учетом баланса интересов сторон обязательства. В результате обосновывается вывод о том, что неустойка выступает важнейшим инструментом минимизации предпринимательских рисков, стимулирования надлежащего исполнения обязательств и обеспечения устойчивости хозяйственного оборота в условиях динамичного экономического развития.*

Ключевые слова: *неустойка, исполнение обязательств, способы обеспечения обязательств, хозяйственный оборот, предпринимательская деятельность.*

Экономико-правовая природа неустойки в системе обязательственных отношений. Хозяйственный оборот характеризуется высокой интенсивностью договорных связей, множественностью субъектов и постоянным риском неисполнения обязательств. Участники предпринимательской деятельности действуют в условиях неопределённости, что требует использования правовых механизмов, способных заранее снизить вероятность нарушения договорных условий. Одним из таких механизмов выступает неустойка, закреплённая в гражданском законодательстве Российской Федерации. Правовая природа неустойки раскрывается в статье 330 ГК РФ, где она определяется как денежная сумма, подлежащая уплате кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, включая просрочку. Указанная норма отражает двойственный характер неустойки, сочетающей элементы обеспечительной меры и гражданско-правовой ответственности. Экономическое содержание неустойки проявляется в перераспределении рисков между сторонами договора. Должник принимает на себя дополнительную обязанность, связанную с возможным нарушением, а кредитор получает предсказуемый способ компенсации без необходимости доказывать размер причинённых убытков. Такой подход снижает транзакционные издержки и ускоряет разрешение хозяйственных споров. В отличие от мер ответственности, применяемых постфактум, неустойка включается в структуру обязательства на стадии его формирования. Это придаёт ей превентивный характер, что неоднократно подчёркивалось в правовых позициях высших судебных инстанций.

Система способов обеспечения исполнения обязательств закреплена в главе 23 ГК РФ. Наряду с залогом, поручительством, удержанием имущества и задатком, неустойка занимает самостоятельное место как универсальный инструмент договорного регулирования. Особенность неустойки заключается в отсутствии необходимости обособления имущества или привлечения третьих лиц. В отличие от залога, она не создаёт вещных прав, а в отличие от поручительства – не формирует дополнительный субъект ответственности. Это делает неустойку удобной для использования в массовых хозяйственных договорах. Судебная практика подтверждает

самостоятельность неустойки как способа обеспечения. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. №7 указано, что наличие неустойки не лишает кредитора права использовать иные способы защиты, если это не противоречит условиям договора и закону. Неустойка сохраняет обеспечительную функцию до момента прекращения основного обязательства. Прекращение обязательства по основаниям, предусмотренным законом или договором, влечёт прекращение и обеспечительного элемента, если стороны не установили иное, что вытекает из системного толкования статей 329 и 330 ГК РФ.

Договорная и законная неустойка в хозяйственном обороте. Гражданское законодательство различает договорную и законную неустойку. Первая устанавливается соглашением сторон, вторая – непосредственно нормами права. В предпринимательской деятельности преобладает договорная форма, что соответствует принципу свободы договора, закреплённому в статье 421 ГК РФ. Законная неустойка применяется независимо от наличия соответствующего условия в договоре. Примером служат положения статьи 395 ГК РФ, предусматривающие ответственность за пользование чужими денежными средствами. Несмотря на формальное отличие от классической неустойки, судебная практика рассматривает эту мер как близкую по экономическому назначению. Договорная неустойка предоставляет сторонам возможность гибко учитывать специфику хозяйственного обязательства. Размер санкции, порядок её начисления и пределы ответственности могут быть адаптированы под конкретную модель взаимодействия. При этом суды сохраняют право контроля за разумностью условий, что следует из статьи 333 ГК РФ.

Конституционный Суд РФ в ряде определений подчёркивал, что свобода договора не является абсолютной и не исключает вмешательства суда при наличии явного дисбаланса интересов сторон.

Классификация неустойки по способу соотношения с убытками получила закрепление в доктрине и судебной практике. В зависимости от договорных условий неустойка может быть штрафной, зачётной, исключительной или альтернативной. Штрафная неустойка допускает взыскание установленной суммы сверх убытков. Такая модель прямо не запрещена законом, однако суды применяют к ней повышенные требования соразмерности. Это отражено в пункте 65 Постановления Пленума Верховного Суда РФ №7 от 24 марта 2016 г. Зачётная неустойка предполагает уменьшение размера подлежащих возмещению убытков на сумму санкции. Этот вариант считается базовым и применяется при отсутствии прямого указания в договоре на иной режим. Исключительная неустойка ограничивает ответственность должника заранее установленной суммой. Судебная практика признаёт допустимость такого подхода, если воля сторон выражена ясно и недвусмысленно. Альтернативная форма предоставляет кредитору выбор между неустойкой и убытками. В хозяйственном обороте она используется ограниченно из-за сложности прогнозирования последствий.

Неустойка как средство стимулирования надлежащего исполнения. Превентивный потенциал неустойки неоднократно подчёркивался Верховным Судом РФ. В правовых позициях указывается, что неустойка направлена не только на компенсацию последствий нарушения, но и на побуждение должника к добросовестному исполнению обязательства. Размер санкции играет ключевую роль в реализации стимулирующей функции. Судебная практика исходит из того, что чрезмерно низкая неустойка утрачивает дисциплинирующее значение, а чрезмерно высокая – превращается в средство давления. Баланс достигается с учётом характера обязательства, срока просрочки и поведения сторон. В предпринимательских договорах часто используется дифференцированная неустойка, размер которой увеличивается по мере продолжительности нарушения. Такой подход признаётся допустимым при условии соблюдения принципа соразмерности. Реальность взыскания усиливает стимулирующий эффект. Формальное наличие санкции без намерения её применять снижает практическую ценность обеспечительного механизма.

Доказывание убытков в хозяйственных спорах связано с высокой степенью сложности. Это обусловливает широкое распространение неустойки как упрощённого способа защиты интересов кредитора. Позиция о самостоятельности требований о взыскании неустойки

закреплена в статье 394 ГК РФ. При зачётной модели кредитор вправе требовать возмещения убытков в части, превышающей сумму неустойки. Судебная практика подтверждает допустимость такого требования при условии надлежащего доказывания размера ущерба. В случаях установления штрафной неустойки суды оценивают её соразмерность последствиям нарушения. При выявлении явного дисбаланса применяется статья 333 ГК РФ, что подтверждается многочисленными постановлениями арбитражных судов округов. Исключительная неустойка, напротив, снижает объём судебного усмотрения и повышает предсказуемость правовых последствий для сторон.

Судебный контроль за применением неустойки. Право суда снижать неустойку закреплено в статье 333 ГК РФ и рассматривается как исключительная мера. Верховный Суд РФ указывает, что вмешательство допустимо лишь при наличии явной несоразмерности, а не при любом превышении разумного уровня. При оценке соразмерности суды учитывают совокупность факторов: цену договора, длительность нарушения, степень исполнения обязательства, экономические последствия и поведение сторон. Формальный подход признаётся недопустимым. В предпринимательских спорах суды проявляют большую сдержанность по сравнению с делами с участием потребителей. Это обусловлено профессиональным характером деятельности сторон и презумпцией равенства их возможностей.

Практика применения статьи 333 ГК РФ формирует ориентиры для договорной работы и способствует более взвешенному подходу к установлению санкций.

В договорах поставки неустойка чаще всего связана с нарушением сроков передачи товара. Судебная практика признаёт обоснованным установление санкций, соразмерных стоимости недопоставленной продукции, что отражено в постановлениях арбитражных судов по спорам между коммерческими организациями. Подрядные отношения используют неустойку для обеспечения соблюдения сроков выполнения работ. Просрочка в строительных проектах нередко влечёт цепочку негативных последствий, что учитывается судами при оценке соразмерности санкций. В арендных обязательствах неустойка применяется при нарушении платёжной дисциплины. Судебные органы, как правило, поддерживают такие условия при отсутствии признаков злоупотребления правом. Финансовые договоры требуют особенно точной формулировки условий о неустойке, поскольку она тесно связана с процентными механизмами и оценкой риска.

Проблемы злоупотребления неустойкой в предпринимательской практике. Судебная практика фиксирует случаи использования неустойки как инструмента давления. Завышенные санкции нередко признаются несоразмерными, что влечёт их снижение. Основанием служит не только статья 333 ГК РФ, но и принцип добросовестности, закреплённый в статье 10 ГК РФ. Злоупотребление проявляется и в формальном начислении неустойки при отсутствии существенных последствий нарушения. Суды оценивают реальный характер ущерба и вклад сторон в возникновение просрочки. В условиях экономического неравенства контроль со стороны суда приобретает особое значение. Это позволяет предотвратить использование договорных условий в ущерб стабильности хозяйственного оборота.

Развитие цифровых форм взаимодействия и усложнение договорных конструкций требуют адаптации института неустойки. Судебная практика постепенно вырабатывает подходы к оценке санкций в новых экономических условиях. Повышение предсказуемости правоприменения связано с формированием единых критериев соразмерности. Позиции Верховного Суда РФ играют ключевую роль в этом процессе. Неустойка сохраняет значение универсального инструмента обеспечения исполнения обязательств. Её эффективность зависит от разумного использования и баланса интересов сторон, что подтверждается устойчивой практикой арбитражных судов.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 16.12.2025).

2. Маликова Э.М. Методология изучения неустойки / Э.М. Маликова. – Стерлитамак, 1999. – С. 47–48.

3. Суханов Е.А. Курс лекций по гражданскому праву. Особенная часть / Е.А. Суханов. – М., 2001–2002.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 №7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Российская газета. – 2016. – №70.

Филатова Диана Владимировна
магистрант
Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»
г. Москва

ЗАЩИТА ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ РЕБЕНКА ПО РОССИЙСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

Аннотация: *в статье исследуются механизмы защиты личных неимущественных прав детей в семье в контексте российского законодательства. Актуальность обусловлена значением семьи как среды формирования личности, где реализуются право на имя, честь, достоинство, частную жизнь, семейную тайну и свободу мнения. Анализируются признаки личных неимущественных прав и специфика их реализации при ограниченной дееспособности ребенка.*

Рассмотрены конституционные основы защиты детства, нормы Семейного и Гражданского кодексов, международные обязательства РФ. Исследуются юрисдикционные и неюрисдикционные способы защиты: роль родителей, органов опеки, прокуратуры и судебная практика (споры об общении, компенсация морального вреда и др.).

Выявлены проблемы правоприменения: низкая правовая грамотность, сложность доказывания морального вреда, новые цифровые угрозы. Сформулированы рекомендации по совершенствованию законодательства и правовому просвещению как условиям эффективной защиты прав несовершеннолетних.

Ключевые слова: *ребенок, защита, Семейный кодекс РФ, семья, опека и попечительство, закон, суд.*

Личные неимущественные права (нематериальные блага) ребенка – это совокупность прав, связанных с его личностью: право на имя, честь и достоинство, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, свободу выражения мнения и иные нематериальные блага [6]. Защита таких прав в семье имеет особое значение: семья – первичная среда воспитания и социальной адаптации ребенка, где формируются и реализуются многие его права. В Российской Федерации правовое обеспечение защиты прав ребенка регламентируется Конституцией РФ, Семейным кодексом, Гражданским кодексом, международными актами и рядом иных нормативных правовых актов [2].

Личные неимущественные права ребенка представляют собой категорию прав, которые возникают в силу самого факта рождения и неразрывно связаны с личностью их обладателя. В отличие от имущественных прав, они не подлежат отчуждению, передаче или ограничению по воле родителей либо иных лиц. Данные права принадлежат каждому ребенку от рождения, вне зависимости от гражданства, происхождения или социального статуса семьи.

Современная теория права выделяет несколько ключевых признаков личных неимущественных прав ребенка:

а) абсолютный характер (все обязаны воздерживаться от их нарушения);

б) неотчуждаемость и непередаваемость;

в) нематериальная природа и невозможность денежной оценки;

г) особая форма защиты – морально-правовая и судебная.

Эти признаки подчеркивают естественно-правовую природу данных прав, поскольку они вытекают из достоинства личности ребенка.

Сравнение личных неимущественных прав ребенка с аналогичными правами совершеннолетних граждан показывает, что в детском возрасте реализация прав происходит в условиях ограниченной дееспособности, а следовательно, требует участия законных представителей. Однако это не отменяет самостоятельности ребенка в выражении мнения и защите собственных интересов. Статья 57 Семейного кодекса РФ прямо закрепляет право ребенка на выражение своего мнения по вопросам, затрагивающим его интересы, что отражает принцип участия несовершеннолетнего в принятии решений в семье и обществе [3].

Правовая наука рассматривает защиту личных неимущественных прав ребенка как процесс взаимодействия нескольких институтов: семьи, государства, системы образования и общественных организаций. Эффективная защита требует баланса между автономией семьи и обязанностью государства вмешиваться при нарушении прав. В российской доктрине закрепляется подход, согласно которому семья является первичной средой формирования личности и ответственности, а государство – гарантом охраны этих процессов. Таким образом, защита нематериальных благ ребенка – это не только юридическая, но и социокультурная функция современного общества [10].

В заключение следует отметить, что развитие цифровой среды и социальных сетей приводит к появлению новых угроз личным неимущественным правам детей (например, нарушение тайны переписки, травля, публикация изображений без согласия). Эти явления требуют адаптации правовой системы к новым формам нарушений и создания механизмов оперативного реагирования в рамках административного и гражданского судопроизводства. Расширение просветительских программ для родителей и педагогов также является необходимой частью комплексной защиты нематериальных благ несовершеннолетних.

Конституция Российской Федерации провозглашает, что материнство, детство и семья находятся под защитой государства, а забота о детях и их воспитание являются равными правами и обязанностями родителей. Это создает конституционную основу для правовой защиты детей в семейных отношениях.

Семейный кодекс РФ закрепляет права несовершеннолетних: право жить и воспитываться в семье, право на общение с родителями, право на защиту своих прав и законных интересов, право выражать свое мнение, право на имя, отчество и фамилию и иные права. В частности, статья 56 СК РФ прямо устанавливает право ребенка на защиту, а способы защиты включают действия родителей, органы опеки и попечительства, прокурора и суд.

Гражданский кодекс РФ определяет перечень нематериальных благ (личных неимущественных прав) и содержит нормы, связанные с их защитой, включая институты взыскания компенсации морального вреда и опровержения порочащих сведений. Эти положения важны при защите чести, достоинства и неприкосновенности частной жизни ребенка.

Международно-правовой аспект представлен Конвенцией ООН о правах ребенка (1989), которую Россия признала (ратификация/принятие). Положения конвенции устанавливают стандарты защиты прав ребенка, которые используются при толковании национального законодательства и в формировании рекомендаций по правоприменительной практике [1].

Основными субъектами защиты являются сами родители (законные представители), органы опеки и попечительства, прокуратура и суды. Родители наделены обязанностью защищать права и интересы ребенка, включая нематериальные блага; при отсутствии или ненадлежащем исполнении этой обязанности вмешательство государства осуществляется через органы опеки и попечительства и суд [4].

Органы опеки и попечительства осуществляют профилактику нарушений прав ребенка, дают рекомендации и принимают решения о мерах, направленных на защиту интересов несовершеннолетних (включая временные ограничения, контроль условий проживания и пр.).

Прокуратура имеет право на надзор в сфере защиты прав детей и может инициировать проверочные и процессуальные действия. Судебная защита доступна для восстановления нарушенных прав (включая иски об опровержении, компенсации морального вреда, установлении порядка общения и др.).

Существуют практические механизмы защиты в семейной среде:

– семейный диалог и профилактика конфликтов: первичная и часто самой эффективной мерой защиты является своевременное урегулирование конфликтов внутри семьи, правовое просвещение родителей и детей о допустимых пределах вмешательства в личную жизнь ребенка;

– административные и ведомственные меры: органы опеки проводят обследования условий жизни ребенка и могут рекомендовать меры по защите его прав; в отдельных случаях органы образования и здравоохранения также вовлекаются для защиты неприкосновенности частной жизни и достоинства ребенка;

– судебная защита: суды рассматривают споры, связанные с ограничением родительских прав, определением порядка общения, защитой чести и достоинства ребенка, взысканием компенсации морального вреда. Примеры судебной практики подтверждают использование гражданско-правовых инструментов для защиты нематериальных благ [8].

Однако, несмотря на наличие базовых норм, на практике встречаются трудности: отсутствие системного учета интересов ребенка в семейных спорах, недостаточная правовая грамотность родителей, вариативность подходов органов опеки в разных регионах, а также медленная реакция на нарушения нематериальных прав (например, распространение порочащей информации в сети). Имеют место сложности при доказательстве морального вреда и оценке интересов ребенка в конфликтных ситуациях.

Для повышения эффективности защиты личных неимущественных прав ребенка следует:

1) усилить правовое просвещение родителей и детей;

2) унифицировать методические подходы органов опеки и попечительства;

3) совершенствовать механизмы оперативного реагирования на нарушения в цифровой среде;

4) развивать практику предварительных мер защиты в судебном порядке и улучшать стандарты оценки морального вреда применительно к несовершеннолетним. Также целесообразно повышать квалификацию судей и прокуроров в вопросах детского права и расширять межведомственное взаимодействие [12].

Таким образом, защита личных неимущественных прав ребенка в семье в российском праве опирается на устойчивую нормативную базу – Конституцию РФ, Семейный и Гражданский кодексы, а также международные обязательства. На практике необходима координация усилий родителей, органов опеки, прокуратуры и судов, а также совершенствование правоприменительной практики и правового просвещения. Реализация предложенных рекомендаций может способствовать более оперативной и адекватной защите нематериальных благ ребенка в семейной среде [13].

Список литературы

1. Конвенция о правах ребёнка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1993. – №32.

2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – №31.

3. Семейный кодекс Российской Федерации: от 29 декабря 1995 г. №223-ФЗ (ред. от 01.09.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – №1.

4. Актуальные проблемы частного и публичного права: монография / под ред. И.Ф. Колонтаевской; И.Ф. Колонтаевская, В.И. Липунов, Д.А. Самородов, С.Ф. Гуляйкин. – М.: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2016. – 156 с. – ISBN 978-5-9580-0290-0. – EDN: WHOAIX.

5. Баронов В.И. Международное право в схемах и таблицах: учебное пособие / В.И. Баронов, В.А. Батырь, В.И. Липунов. – М.: Альфа-Пресс, 2011. – ISBN 978-5-94280-529-6. – EDN: QSCFZX.

6. Жуковская Н.Ю. Личные права ребёнка: сущность и слагаемые концепта / Н.Ю. Жуковская, Д.С. Казарова, В.А. Типунова // Российское право: образование, практика, наука. – 2024. – №2. – С. 13–24. DOI 10.34076/2410-2709-2024-140-2-13-24. EDN CWZBTJ

7. Колоколова Д.А. Некоторые вопросы представительства в гражданском процессуальном праве / Д.А. Колоколова // Современное состояние системы принудительного исполнения в Российской Федерации и пути её совершенствования: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Уфа, 12 ноября 2020 г.) / отв. ред. У.М. Мурзабулатов. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2020. – С. 126–130. – EDN: QNEEOM.

8. Липунов В.И. Современные проблемы правового регулирования семейных отношений / В.И. Липунов // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. – 2015. – №1 (6). – С. 27–30. – EDN: VHJAUH.

9. Липунов В.И. Развитие образования в условиях глобализации / В.И. Липунов // 20-летие Конституции Российской Федерации: практика реализации принципов конституционализма в условиях развития российской правовой традиции: сборник научных статей по материалам VIII Международной научно-практической конференции (Туапсе, 27–28 сентября 2013 г.). – Туапсе: Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», 2013. – С. 18–20. – EDN: UIWWYX.

10. Липунов В.И. Правовые основы государственной семейной политики Российской Федерации / В.И. Липунов // Актуальные проблемы и направления развития права, общества и государства в современной России: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 9 декабря 2016 г.). – М.: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2017. – С. 343–350. – EDN: ZPTDIT.

11. Медиация: от общих положений к интеграции в систему высшего образования: учебное пособие / Е.В. Савельева, Е.С. Митячкина, М.А. Фастова [и др.]. – Астрахань: ИП Сорокин Роман Васильевич, 2020. – 120 с. – ISBN 978-5-91910-906-8. – EDN: CFDNDG.

12. Медиация в социальной сфере: основы применения и перспективы развития: учебное пособие / Е.В. Савельева, Е.С. Митячкина, М.А. Фастова [и др.]. – Астрахань: ИП Сорокин Роман Васильевич, 2021. – 94 с. – ISBN 978-5-91910-964-8. – EDN: AZJGMX.

13. Шульга А.А. Социально-правовая защита детей: учебник / А.А. Шульга. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2025. – 175 с.

Филиппова Виктория Олеговна
магистрант
Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»
г. Москва

СОГЛАШЕНИЕ ОБ УПЛАТЕ АЛИМЕНТОВ КАК ИНСТИТУТ СЕМЕЙНОГО ПРАВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: *статья посвящена вопросу анализа института алиментных обязательств в российском семейном праве с акцентом на соглашение об уплате алиментов как добровольную форму урегулирования споров. Рассматривается социальная направленность семейного права, обеспечивающая конституционный принцип охраны семьи, материнства, отцовства и детства (ст. 38 Конституции РФ). Особое внимание уделяется соглашению как гражданско-правовой сделке особого рода, регулируемой ст. 100 СК РФ. Оно характеризуется как консенсуальная, возмездная и двусторонне обязывающая сделка, приобретающая силу исполнительного документа после нотариального удостоверения, что позволяет сторонам избежать судебного разбирательства. В статье подчеркивается принцип добровольности заключения соглашения, требующий дееспособности сторон и строгой нотариальной формы (ст. 103 СК РФ). Несоблюдение формы влечет недействительность по п. 3 ст. 163 ГК РФ. Нотариус обязан проверить добровольность волеизъявления и соответствие содержания закону, включая интересы несовершеннолетних. Стороны вправе определить размер алиментов (в твердой сумме, доле от дохода, ином виде), порядок и периодичность выплат, формы предоставления (деньги, имущество, услуги), условия изменения или*

расторжения. Допускается комбинация способов уплаты, с обязательным учетом индексации и защиты интересов получателя; невыгодные условия могут быть оспорены в суде. Обсуждаются основания изменения или расторжения соглашения (ст. 101 СК РФ) при существенном изменении обстоятельств: материальном или семейном положении, здоровье, рождении детей, смене места жительства. Суд вправе корректировать условия в приоритет интересов ребенка. После заключения соглашения получатель теряет право на судебное взыскание алиментов, но может предъявить исполнительный документ. Анализируется баланс частной автономии воли и публично-правовых гарантий, сочетающий гибкость договора с защитой уязвимых субъектов. Статья опирается на нормы Конституцию РФ, ГК РФ, СК РФ и учебную литературу. Выводится эффективность соглашения как инструмента правового регулирования, демонстрирующего приоритет интересов несовершеннолетних над формальной стабильностью сделки. Практическое значение заключается в рекомендациях по составлению соглашений, повышении их юридической устойчивости и минимизации судебной нагрузки.

Ключевые слова: *алименты, алиментные обязательства, размер алиментов, исполнительный документ, семейное право, взыскание алиментов, получатель алиментов.*

Институт алиментных обязательств занимает важное место в системе российского семейного права, поскольку демонстрирует его социальную направленность и ориентированность на охрану интересов более уязвимых участников семейных отношений. Через алиментные обязательства реализуется закреплённый в статье 38 Конституции Российской Федерации принцип государственной защиты семьи, материнства, отцовства и детства [1].

Соглашение об уплате алиментов выступает одной из ключевых форм добровольного урегулирования алиментных правоотношений между членами семьи. Данный инструмент позволяет сторонам самостоятельно определить условия, размер и способ исполнения алиментной обязанности, обеспечивая при этом баланс их интересов при сохранении юридической силы, сопоставимой с судебным решением [3].

По своей сути соглашение об уплате алиментов представляет собой особую гражданско-правовую сделку, прямо урегулированную нормами Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ). Базовым нормативным положением выступает статья 100 СК РФ, предусматривающая возможность заключения соглашения о содержании между супругами, бывшими супругами и иными лицами, обязанными уплачивать и имеющими право требовать алименты [3].

С точки зрения юридической характеристики такое соглашение относится к консенсуальным, возмездным и двусторонне обязывающим сделкам, направленным на возникновение, изменение либо конкретизацию алиментного обязательства. С момента нотариального удостоверения документ приравнивается к исполнительному листу, что позволяет сторонам обходиться без обращения в суд для последующего принудительного исполнения.

Тем самым соглашение об уплате алиментов сочетает элементы частной автономии воли и механизмы публично-правовой защиты, что делает его гибким и одновременно надёжным инструментом правового регулирования алиментных отношений [5].

При подготовке соглашения существенное значение имеют соблюдение условий его заключения и надлежащая форма. Одним из базовых принципов регулирования алиментных обязательств является добровольность: документ может быть подписан лишь при взаимном согласии сторон, обладающих необходимой дееспособностью. В случаях, когда соглашение заключается между родителями в интересах несовершеннолетнего ребёнка, подлежат учёту требования статьи 103 СК РФ о обязательном нотариальном удостоверении [3].

Форма соглашения строго определена законом: оно должно быть составлено письменно и удостоверено нотариусом. Несоблюдение этой формы влечёт ничтожность сделки в силу отсылки к пункту 3 статьи 163 Гражданского кодекса Российской Федерации [2]. Нотариус, удостоверяющий документ, проверяет добровольность волеизъявления сторон, их

правоспособность и дееспособность, а также соответствие содержания соглашения требованиям законодательства и интересам несовершеннолетних детей.

В соглашении стороны вправе зафиксировать, в частности:

– размер алиментных выплат (в твёрдой денежной сумме, в долях к доходу либо в комбинированной форме);

– порядок, способ и периодичность уплаты (ежемесячно, разовыми платежами, с учётом индексации);

– формы предоставления содержания (денежные средства, передача имущества, оплата услуг и иных расходов);

– условия изменения, расторжения и возможной индексации выплат.

Допускается использование смешанных вариантов исполнения алиментной обязанности. Например, плательщик может передать получателю алиментов имущество в собственность и одновременно взять на себя обязанность ежемесячно выплачивать определённую сумму, либо участвовать в содержании ребёнка путём несения отдельных расходов [8].

СК РФ предоставляет участникам соглашения значительную свободу при определении размера алиментов. Стороны могут согласовать как фиксированную сумму, подлежащую последующей индексации в связи с ростом уровня цен, так и долевой механизм, близкий по своей конструкции к судебному порядку взыскания алиментов. При этом ключевым требованием остаётся недопустимость установления условий, ущемляющих права лица, имеющего право на получение алиментов. В случае, если соглашение ставит получателя алиментов в заведомо неблагоприятное положение, оно может быть оспорено и признано судом недействительным полностью или в части [11].

Таким образом, законодательство стремится совместить принцип свободы договора и необходимость защиты социально уязвимых участников алиментных правоотношений.

Изменение и расторжение соглашения возможно как по взаимному согласию сторон, так и по решению суда при наличии существенного изменения обстоятельств, что следует из статьи 101 СК РФ [3]. К подобным обстоятельствам обычно относят изменение семейного или материального положения, ухудшение состояния здоровья, появление новых иждивенцев, изменение места жительства и другие факторы, существенно влияющие на возможность исполнения алиментной обязанности. В таких ситуациях суд вправе скорректировать условия соглашения, если их сохранение приводит к несправедливым последствиям или нарушает интересы ребёнка, что подтверждает приоритет защиты прав несовершеннолетних над стабильностью гражданско-правовой сделки [10].

Подписанное и нотариально удостоверенное соглашение подлежит обязательному исполнению, а его неисполнение либо ненадлежащее исполнение влечёт применение мер ответственности. Важно учитывать, что с момента удостоверения соглашения лицо, имеющее право на получение алиментов по нему, обычно не обращается в суд за взысканием тех же платежей, поскольку защита его интересов обеспечивается через предъявление соглашения к исполнению.

Нотариально удостоверенное соглашение об уплате алиментов имеет силу исполнительного документа, что прямо следует из статьи 100 СК РФ и статьи 12 Федерального закона от 02.10.2007 №229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [4]. Это позволяет направить документ непосредственно судебному приставу-исполнителю или работодателю должника, существенно упрощая процедуру взыскания и повышая вероятность реального исполнения обязательств.

При нарушении условий соглашения и образовании задолженности допускается применение мер принудительного исполнения, включая взыскание долга, обращение взыскания на имущество плательщика и применение неустойки. В соответствии с пунктом 2 статьи 115 СК РФ за просрочку выплаты алиментов виновное лицо уплачивает получателю неустойку в размере 0,1% от суммы невыплаченных алиментов за каждый день задержки. При этом суд может уменьшить размер неустойки, если с учётом материального и семейного положения должника она явно несоразмерна последствиям допущенного нарушения [3].

Судебная практика относит к существенным изменениям материального и семейного положения обстоятельства, такие как рождение детей в новом браке, выход плательщика на пенсию, потеря работы, установление инвалидности и другие схожие жизненные ситуации. Если в результате просрочки выплаты алиментов получателю причинены убытки, не покрытые суммой неустойки, он вправе заявить дополнительные требования о возмещении этих убытков на основании общих норм гражданского законодательства.

Сравнивая соглашение об уплате алиментов и судебный порядок взыскания, можно выделить несколько ключевых различий. Во-первых, соглашение строится на добровольном согласии сторон и оформляется в нотариальной форме, придающей ему силу исполнительного листа, тогда как при судебном порядке исполнительный документ выдаётся судом после рассмотрения дела и вынесения решения. Во-вторых, соглашение предоставляет более широкие возможности для индивидуализации условий – стороны могут гибко определять размер, сроки, способ и форму выплат, в то время как суд связан предписаниями СК РФ [6].

С точки зрения сроков заключение соглашения у нотариуса, как правило, занимает меньше времени, чем полноценное судебное разбирательство с последующей стадией исполнения решения. В то же время судебная форма нередко обеспечивает большую степень защиты интересов стороны, находящейся в конфликте, особенно при отсутствии доверия между участниками. Такое сопоставление позволяет сделать вывод, что соглашение об уплате алиментов предпочтительно при наличии взаимного доверия и готовности к компромиссу, тогда как судебный порядок целесообразен в спорных и конфликтных ситуациях [7].

Несмотря на очевидные преимущества, практика применения соглашений об уплате алиментов выявляет и ряд проблем. Среди них можно отметить недостаточный уровень правовой осведомлённости граждан, случаи давления и принуждения к подписанию соглашений, формальный подход отдельных нотариусов к оценке баланса интересов сторон, а также трудности с адаптацией условий соглашения к резким экономическим изменениям [9].

Перспективным направлением видится усиление механизмов правового просвещения и консультирования граждан, расширение разъяснительной работы нотариусов, а также развитие цифровых способов заключения алиментных соглашений, например с использованием портала государственных услуг при обязательной нотариальной верификации. Подобные меры могли бы повысить доступность и прозрачность процедуры, а также снизить риск злоупотреблений [12].

В итоге соглашение об уплате алиментов можно рассматривать как эффективный инструмент реализации принципа автономии воли сторон в семейных правоотношениях при сохранении их социальной направленности. Оно сочетает добровольность, гибкость и высокую степень юридической обязательности, способствует снижению нагрузки на суды и укреплению доверительных отношений между бывшими супругами и другими членами семьи. Дальнейшее совершенствование правового регулирования и практики нотариального удостоверения, а также развитие цифровых сервисов направлено на более полную реализацию цели семейного законодательства – защиту прав и законных интересов членов семьи, прежде всего несовершеннолетних детей.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12.12.1993: с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ: ред. от 11.03.2024 // Собрание законодательства РФ. – 1994. – №32. – Ст. 3301.

3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 №223-ФЗ: ред. от 31.07.2023 // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №1. – Ст. 16.

4. Федеральный закон от 02.10.2007 №229-ФЗ «Об исполнительном производстве»: ред. от 25.12.2023 // Собрание законодательства РФ. – 2007. – №41. – Ст. 4849.

5. Агапов С.В. Семейное право: учебник и практикум для среднего проф. образования / С.В. Агапов. – 2-е изд. – М.: Юрайт, 2025. – 208 с.

6. Правоведение: учебник для вузов / под ред. В.А. Белова, Е.А. Абросимовой. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2025. – 494 с.

7. Основы права (с практикумом): учебник / А.И. Землин, И.В. Мишуткин, А.А. Агешин [и др.]; под общ. ред. А.И. Землина. – М.: КноРус, 2024. – 373 с. – URL: https://book.ru/book/955241 (дата обращения: 01.07.2025).

8. Корнеева И.Л. Семейное право: учебник и практикум для вузов / И.Л. Корнеева. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2025. – 285 с.

9. Липунов В.И. Правовые основы государственной семейной политики Российской Федерации / В.И. Липунов // Актуальные проблемы и направления развития права, общества и государства в современной России: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. (Москва, 9 декабря 2016 года). – М.: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2017. – С. 343–350. EDN ZPTDIT

10. Липунов В.И. Современные проблемы правового регулирования семейных отношений / В.И. Липунов // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. – 2015. – №1 (6). – С. 27–30. EDN VHJAUH

11. Пузиков Р.В. Семейное право: учебник для среднего проф. образования / Р.В. Пузиков, Н.А. Иванова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2025. – 148 с.

12. Медиация в социальной сфере: основы применения и перспективы развития: учеб. пособие / Е.В. Савельева, Е.С. Митячкина, М.А. Фастова [и др.]. – Астрахань: ИП Сорокин Роман Васильевич, 2021. – 94 с. EDN AZJGMX

13. Соколова Е.С. Апелляционное обжалование (исторический аспект) / Е.С. Соколова // Правовая политика и правовая жизнь. – 2008. – №1. – С. 184–188. EDN ISJTLT

Чупрова Евгения Дмитриевна
студентка
Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»
г. Москва

ПРАВОВОЕ ПОНЯТИЕ «ИСТОЧНИК ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ»

Аннотация: *статья посвящена рассмотрению понятия источника повышенной опасности через следующие теории: «теория деятельности», «теория объекта», теория «движущихся вещей». Изучение мнений представителей указанных теорий, их дискуссий на тему понятия «источник повышенной опасности» подтверждает, что на сегодняшний день в законодательстве отсутствует четко закрепленная позиция по определению и разграничению рассматриваемого понятия. Принятые в последние годы, зачастую в оперативном порядке, законодательные акты, дополняющие перечень видов источников повышенной опасности, имеют определенные недостатки. К тому же наблюдается отсутствие системности в принятии таких актов, ввиду точечных реакций законодателя на причинение вреда, спровоцированное резонансным случаем его причинения, либо увеличением таких случаев. Неопределенность в понятии привела к формированию большого массива противоречивой судебной практики по изучаемой проблеме. Ведь при отнесении тех или иных объектов к источникам повышенной опасности судьям приходится руководствоваться своим внутренним убеждением.*

Ключевые слова: *повышенная опасность, повышенно-опасная деятельность, специфическая деятельность, предметы материального мира, ответственность, вредоносность, эксплуатация.*

Понятие «источник повышенной опасности» (далее – ИПО) берет свое начало в Гражданском кодексе РСФСР 1922 года. К изучению специфики ответственности за ущерб, нанесенный ИПО, обращались такие видные цивилисты, как Б.С. Антимонов, А.М. Белякова и О.С. Иоффе. Их научный интерес обусловлен особым правовым режимом данной категории, предполагающим возмещение вреда вне зависимости от наличия вины причинителя.

Действующее законодательство (ст. 1079 ГК РФ) устанавливает безусловную обязанность лиц компенсировать вред, возникший в процессе эксплуатации опасных технических средств, веществ или энергии. Единственным основанием для снятия ответственности является наличие форс-мажорных обстоятельств или вины самого потерпевшего. Однако правовая норма не содержит нормативного определения ИПО, что делает этот вопрос дискуссионным. Среди ученых-цивилистов наиболее распространены три трактовки природы этого явления: «теорию деятельности», «теория объекта», теория «движущихся вещей».

Представители «теории деятельности» – М.М. Агарков, Б.С. Антимонов, О.С. Иоффе полагают, что под ИПО необходимо понимать определенного рода деятельность, которая создает опасность для окружающих [11]. Так, М.М. Агарков писал: «ИПО...является не вещь, а определенная деятельность по использованию соответствующих вещей» [1].

По мнению Б.С. Антимонова, ИПО – это «всегда действие или система действий, т. е. деятельность, но никогда не «вещь» и не отсутствие действия, деятельности, не бездействие» [2].

Для признания деятельности «ИПО, – Б.С. Антимонов отмечал, «...не имеет значения характер деятельности: производственный, хозяйственный, научно-исследовательский или административно-управленческий».

Данная теория определяет, что возмещение вреда невозможно и недопустимо вне связи с деятельностью владельца ИПО. Авторы данного подхода связывают правовую природу опасности с поведением владельца. Они рассматривают любые формы использования материальных благ (от хранения до эксплуатации) как источник угрозы, который неотделим от деятельности самого субъекта права.

Авторы «теории деятельности» исходят из того, что статичные объекты не представляют угрозы – вредоносные свойства проявляются только тогда, когда вещь приводится в движение или задействуется в каком-либо процессе. При этом, как отметил О.А. Красавчиков [12], происходит отождествление двух понятий: «действие (функционирование) ИПО» и «деятельность владельца ИПО» – повышенно-опасная деятельность. Первостепенное значение фактора воздействия источника для наступления вреда не вызывает сомнений. Тем не менее, сведение природы ИПО лишь к механическому (физическому) аспекту не позволяет в полной мере раскрыть специфику деятельности, создающей повышенную опасность.

Представители «теории объекта» также косвенно подтверждают значимость признаков опасной деятельности. В рамках данного подхода подчеркивается, что определенные материальные предметы (например, оружие или стройматериалы), которые суды не квалифицируют как ИПО в единичном и статичном виде, трансформируются в объекты повышенной опасности при их массовой эксплуатации. Таким образом, концентрация объектов на определенном пространстве (полигоне или стройплощадке) придает самой деятельности статус опасной для окружающих.

Представители «теории объекта» (О.А. Красавчиков, А.М. Белякова и др.) считают, что ИПО являются предметы материального мира, опасные свойства которых не поддаются полному контролю человека [13]. Представители данной концепции не отделяют материальные объекты от сферы человеческой деятельности. Их подход сводится к перечислению способов обращения с источником (хранение, транспортировка, эксплуатация), вследствие чего качественные признаки повышенной опасности лишаются самостоятельного правового значения.

Согласно этой позиции, деятельность, создающая повышенную опасность, сводится лишь к набору технических манипуляций владельца с объектом. В данной трактовке акцент смещается на физические свойства самого предмета, который признается источником угрозы в силу своих внутренних характеристик, независимо от процесса его непосредственной эксплуатации.

Характер повышенно-опасной деятельности во многом зависит от специфики используемых в ней предметов. Тем не менее, «теория объекта» подвергается критике за необоснованное сужение круга источников опасности. Ярким примером является работа транспорта: если рассматривать автомобиль как ИПО сам по себе, вне процесса эксплуатации, то теряется

смысл повышенной ответственности, ведь неподвижная машина в гараже безопасна. Как отмечает А.П. Сергеев, различия между концепциями теорий деятельности и объекта в значительной степени сглаживаются тем, что как сторонники «теории деятельности», так и приверженцы «теории объекта» «не абсолютизируют свои позиции, а, напротив, стараются связать «деятельность» и «объект» воедино» [7]. Поэтому, по мнению А.П. Сергеева, «допустимо определять ИПО и через понятие «деятельность», и через понятие «объект» при условии, что в обоих случаях указанные понятия будут неразрывно связаны друг с другом».

Концепция «движущихся вещей» дополняет перечень теоретических подходов к пониманию ИПО. Её сторонники (Н.Ю. Сергеева, Л.А. Майданник) полагают, что источником опасности следует считать лишь те предметы, которые находятся в процессе непосредственного использования. Таким образом, решающее значение придается признаку «работы» или «движения» агрегата, будь то поезд на маршруте или станок под напряжением, так как именно в этом состоянии они представляют риск для окружающих.

Л.А. Майданик и Н.Ю. Сергеева пишут: «Следует учесть, что те или иные вещи сами по себе не являются ИПО, а таковыми они становятся лишь в процессе их использования – тогда, когда они пускаются в эксплуатацию, когда они находятся в состоянии движения» [14].

Теоретические дискуссии нашли отражение в правоприменительной практике, которая трактует ИПО дуалистично: и как специфическую деятельность, и как материальный объект. Согласно разъяснениям Пленума ВС РФ (Постановление №1 от 26.01.2010), под источником повышенной опасности понимается любая активность, которую человек не способен полностью контролировать, что обуславливает высокую вероятность причинения вреда. Суды вправе расширять перечень ИПО, опираясь на технические свойства используемых объектов. Принципиально важным является то, что ответственность наступает независимо от того, был ли вред следствием целенаправленной эксплуатации или самопроизвольного проявления опасных свойств предмета. Таким образом, в судебной практике ИПО понимается как совокупность материальных средств, чья вредоносность в процессе использования не поддается полному человеческому контролю.

Деятельность, создающая повышенную опасность для окружающих, характеризуется не только тем, что она вредоносна, но и тем, что она содержит в себе некую неуправляемость, риск случайного причинения [15].

Вне рамок эксплуатации субъектами источники повышенной опасности сами по себе не несут угрозы. При этом закон рассматривает саму деятельность как правомерную – противоправным признается исключительно факт причинения вреда в ходе её осуществления. Следовательно, для возникновения деликтного обязательства достаточно наличия двух условий: факта нанесения ущерба в процессе опасной деятельности и прямой причинно-следственной связи между ними. Таким образом, вина и противоправность поведения владельца не являются обязательными условиями для наступления гражданско-правовой ответственности.

Современный этап развития общества характеризуется стремительной технологизацией и внедрением инноваций, что неизбежно влечет за собой новые риски причинения вреда. Постоянное расширение перечня потенциально опасных объектов и появление нетрадиционных видов деятельности (от специфических медицинских методик до экстремального туризма) обуславливают противоречивость судебной практики. В условиях отсутствия легального определения «источника повышенной опасности» квалификация объектов во многом зависит от субъективного усмотрения судей. Представляется, что закрепление четкой дефиниции ИПО в гражданском законодательстве способствовало бы унификации правоприменения и минимизации правовой неопределенности.

Вторая причина обусловлена отставанием законодательной базы от динамичного развития технологий. Наиболее остро эта проблема проявляется в транспортной сфере, лидирующей по числу случаев причинения вреда жизни, здоровью и имуществу. Зачастую новые средства передвижения эксплуатируются в условиях правового вакуума, без четкого определения их статуса. Как следствие, при наступлении деликтных обязательств к владельцам таких объектов не применяется режим «строгой» ответственности по ст. 1079 ГК РФ. Вместо

этого суды вынуждены квалифицировать правоотношения на общих основаниях (ст. 1064 или 1085 ГК РФ), что существенно усложняет защиту интересов потерпевших.

На сегодняшний день остро встал вопрос об отнесении к ИПО, например, беспилотных транспортных средств, сигвеев, робомобилей, гироскутеров и т. д. Электросамокаты уже признаются судом ИПО.

По мнению А.А. Антонова, «бурное развитие науки и техники привело к возникновению новых и модификации существующих видов ИПО, представляющих угрозу общественным интересам: применение новых видов энергии; вредных сверхсложных технологий и производств; систем искусственного интеллекта (ИИ)» [3].

Несмотря на то что законодатель предпринимает попытки нормативного регулирования данной проблемы, текущая нормотворческая деятельность носит фрагментарный характер. Принимаемые в оперативном порядке акты, расширяющие перечень ИПО, зачастую лишены системности и являются лишь «точечной» реакцией на резонансные инциденты или резкий рост статистики правонарушений. Представляется, что преодоление этой бессистемности возможно лишь путем разработки и принятия специализированного федерального закона. Такой акт должен консолидировать как общие принципы ответственности за вред от опасной деятельности, так и специфические нормы, регулирующие обязательства в отношении новых технологических объектов.

Законодательное закрепление дефиниции «источник повышенной опасности» (ИПО) в рамках специального нормативного акта обеспечит унификацию понятийного аппарата во всех отраслях права. Реализация данной инициативы позволит упростить процедуру компенсации ущерба третьим лицам и четко разграничить ответственность в зависимости от типа используемого источника. Представляется целесообразным предусмотреть в законе возможность договорного регулирования ответственности, наделив потерпевшего правом выбора субъекта возмещения (собственника или фактического владельца). В качестве ориентиров при разработке такого акта могут выступать релевантные зарубежные примеры, такие как Закон Германии «Об ограниченной ответственности» или Закон КНР «О деликтной ответственности».

Обобщая результаты анализа существующих концепций, представляется целесообразным интерпретировать ИПО как ситуацию, выходящую из-под непрерывного и всеобъемлющего контроля субъекта. Данное состояние детерминировано совокупностью факторов: характеристиками внешней среды, свойствами причинителя вреда, пространственно-временными условиями, а также поведением потерпевшего или третьих лиц, что зачастую сопряжено с эксплуатацией опасных объектов. Проведенное исследование охватывает лишь малую часть этой фундаментальной проблемы, требующей дальнейшего изучения в условиях стремительного технологического прогресса. Очевидно, что под влиянием инноваций сущность ИПО будет непрерывно трансформироваться, что диктует необходимость гибкой и тщательной правовой регламентации новых видов опасной деятельности.

Список литературы

1. Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву / М.М. Агарков. – В 2 т. Т. 2. – М.: Статут, 2012. – 535 с. EDN QSOCSV

2. Антимонов Б.С. Гражданская ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности / Б.С. Антимонов. – М.: Госюриздат, 1952. – 295 с.

3. Антонов А.А. Беспилотные транспортные средства как источник повышенной опасности / А.А. Антонов // Транспортное право. – 2021. – №4. – С. 7–10. – DOI: https://doi.org/10.18572/1812-3937-2021-4-7-10. EDN DDBJLG

4. Белякова А.М. Имущественная ответственность за причинение вреда / А.М. Белякова. – М.: Юрид. лит., 1979. – 7 с.

5. Бондаренко Н.Л. Правовая и организационная природа процессов цифровизации и регуляторная функция государства в данной сфере / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич // Ex Jure. – 2021. – №1. – С. 56–67. DOI 10.17072/2619-0648-2021-1-56-67. EDN OZFAFE

6. Бурова И.Л. О некоторых проблемах правового регулирования новых видов транспортных средств с электродвигателем / И.П. Бурова // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2019. – №2 (209). – С. 84–93. EDN YXCVOH

7. Гражданское право: учебник / под ред. А.П. Сергеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – В 3 т. Т. 1. – М.: Проспект, 2021. – С. 288–315.
8. Землин А.И. Проблемные вопросы правового обеспечения использования высокоавтоматизированных транспортных средств / А.И. Землин // Транспортное право. – 2022. – №4. – С. 13–20. DOI 10.18572/1812-3937-2022-4-13-20. EDN YNLWLS
9. Землин А.И. Проблемные вопросы правового регулирования отношений, связанных с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств / А.И. Землин // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26. №12. – С. 58–69. DOI 10.12737/jrl.2022.128. EDN BSMKWA
10. Правовая культура: учебник / А.И. Землин, Е.В. Гоц, С.Н. Артамонова [и др.]. – М.: Юрайт, 2024. – 522 с. – ISBN 978-5-534-15223-4.
11. Иоффе О.С. Обязательственное право / О.С. Иоффе. – М.: Юрид. лит., 1975. – 880 с.
12. Красавчиков О.А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности / О.А. Красавчиков. – М.: Юрид. лит., 1966. – 200 с. EDN ELZMYM
13. Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права: избранные труды / О.А. Красавчиков. – В 2 т. Т. 2. – М.: Статут, 2005. – 494 с. EDN QWNJOZ
14. Майданик Л.А. Материальная ответственность за повреждение здоровья / Л.А. Майданик, Н.Ю. Сергеева. – М.: Госюриздат, 1962. – 231 с.
15. Малеин Н.С. Возмещение вреда, причиненного личности / Н.С. Малеин. – М.: Юрид. лит., 1965. – 7 с.
16. Медведев М.Ф. Ответственность за нарушение обязательств по новому Гражданскому кодексу Российской Федерации: учеб. пособие / М.Ф. Медведев. – Волгоград: Изд. ВАГС, 1996. – 7 с.

Эйфир Маргарита Михайловна
магистрант
Научный руководитель
Землин Александр Игоревич
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»
г. Москва

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СФЕРЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

Аннотация: *в статье исследуются правовые проблемы внедрения искусственного интеллекта (ИИ) в сферу психологической помощи в условиях нормативной неопределенности. Цель работы – выявление ключевых коллизий и разработка предложений по совершенствованию законодательства.*

Анализируются отсутствие легального определения психологической помощи с использованием ИИ, множественность квалификации таких систем, а также сложности распределения ответственности между разработчиками, операторами и психологами в рамках гражданского и административного права. Особое внимание уделяется вопросам обработки персональных данных, защиты информации и валидации алгоритмов.

Обосновывается вывод о необходимости внедрения контекстно-зависимого правового режима, дифференцирующего требования к ИИ-системам в зависимости от уровня автономности и степени риска. Предлагается разработка специализированного федерального закона о применении ИИ в здравоохранении.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, правовое регулирование, психологическая помощь, психологическое здоровье, ответственность, цифровая этика, персональные данные, конфиденциальность, цифровизация.*

На сегодняшний день, внедрение технологий искусственного интеллекта (далее ИИ) в различные сферы человеческой деятельности является одним из определяющих трендов современности. Тут же стоит отметить, что сфера ментального здоровья не стала исключением:

сегодня мы наблюдаем взрывной рост количества приложений и платформ, использующих ИИ для предоставления психологической поддержки, когнитивно-поведенческой терапии (КПТ), мониторинга эмоционального состояния и даже предварительной диагностики психических расстройств [3]. Однако стремительная цифровизация психологической практики порождает комплекс нетривиальных правовых вопросов, ответы на которое текущее законодательство пока не дает [7].

Поэтому актуальность данной работы обусловлена нарастающим разрывом между технологическими возможностями и правовыми нормами. Отсутствие четких правовых рамок создает риски как для пациентов, так и для профессионалов и разработчиков.

Целью настоящей статьи является выявление и системный анализ ключевых правовых проблем, связанных с использованием ИИ в психологической помощи, и разработка на этой основе концептуальных предложений по совершенствованию правового регулирования.

Цифровизация отечественного здравоохранения является одним из приоритетных направлений. В Российской Федерации имеется нормативно-правовая база, регулирующая отношения в сфере цифровизации здравоохранения, однако она фрагментирована [8]. Первым нормативным актом, давшим официальное определение искусственного интеллекта, стала Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. [2].

Особую актуальность вопрос правового регулирования принимает в рамках оказания психологической помощи. Законодательство не дает точного определения психологической помощи, что создает терминологическую неопределенность. Анализ нормативной базы показывает, что законодатель относит эту деятельность к сфере услуг, основывая регулирование на Законе «О защите прав потребителей» и соответствующих национальных стандартах [4].

Фундаментальной проблемой является определение правовой природы ИИ-системы, оказывающей психологическую помощь. Возможны несколько вариантов квалификации.

1. Как медицинское изделие (Software as a Medical Device – SaMD). Этот подход предполагает сертификацию системы, что влечет необходимость клинических испытаний. Однако многие ИИ-системы позиционируются как инструменты «психологической поддержки», что позволяет избежать строгого регулирования [10].

2. Как услуга или информационный сервис. Регулирование в этом случае ограничивается рамками законодательства о связи и о защите прав потребителей, что явно недостаточно.

3. Как «профессиональный цифровой помощник». Система рассматривается как инструмент в руках дипломированного специалиста, и правовой режим определяется профессиональными стандартами [6].

Отсутствие четкой квалификации создает правовой вакуум, позволяя недобросовестным разработчикам уходить от ответственности.

В традиционной модели «пациент-врач» ответственность несет медицинский работник. В модели с ИИ возникает цепочка субъектов: разработчик алгоритма, владелец платформы (оператор), лечащий психолог.

Возможные правовые конструкции распределения ответственности.

1. Ответственность разработчика может быть реализована по нормам о возмещении вреда, причиненного вследствие недостатков товара, работы или услуги (ст. 1095 Гражданского кодекса РФ). Сложность заключается в доказывании «недостатка» алгоритма, особенно в условиях «проблемы черного ящика». Одновременно разработчик, являющийся оператором персональных данных, несет ответственность за нарушение требований к обработке данных, использованных для обучения и функционирования алгоритма (ст. 13.11 Кодекса РФ об административных правонарушениях).

2. Ответственность оператора платформы (юридического лица или индивидуального предпринимателя, оказывающего услугу) может наступать по следующим основаниям.

3. За нарушение договора возмездного оказания услуг с конечным потребителем (глава 39 ГК РФ).

4. Как оператора персональных данных – за ненадлежащее информирование субъекта о порядке обработки его данных (п. 1 ст. 18 Федерального закона от 27.07.2006 №152-ФЗ «О

персональных данных»), несоблюдение требований к защите данных (ст. 19 Закона №152-ФЗ), что влечет административную ответственность по ст. 13.11 КоАП РФ.

5. За нарушение прав потребителей, в частности, за предоставление недостоверной или недостаточной информации об услуге (ст. 8, ст. 10 Закона РФ от 07.02.1992 №2300-1 «О защите прав потребителей») [9].

6. Ответственность психолога определяется, прежде всего, его профессиональным статусом. Если деятельность осуществляется в рамках системы здравоохранения, применяются нормы Федерального закона от 21.11.2011 №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Специалист обязан оказывать помощь в соответствии с установленными порядками оказания медицинской помощи и клиническими рекомендациями (протоколами лечения). Его ответственность за вред, причиненный пациенту в результате недобросовестного следования рекомендациям ИИ без критической оценки, может наступать в рамках ст. 1068 ГК РФ (ответственность юридического лица за вред, причиненный работником при исполнении трудовых обязанностей) или по ст. 1064 ГК РФ (общие основания ответственности за причинение вреда). Также может быть применена ст. 13.16 КоАП РФ («Разглашение информации с ограниченным доступом») в случае нарушения врачебной тайны при использовании ИИ.

В российском законодательстве на данный момент отсутствуют специальные нормы, напрямую регулирующие применение систем искусственного интеллекта в психологической практике, что создает правовую неопределенность и приводит к необходимости применять общие нормы.

Психологические данные относятся к специальным категориям персональных данных, обработка которых допускается только с письменного согласия субъекта (п. 1 ст. 10 Закона №152-ФЗ). Использование ИИ в данной сфере создает повышенные риски, подпадающие под действие следующих норм:

1) массовый сбор данных для тренировки алгоритмов без надлежащим образом оформленного согласия субъекта является прямым нарушением п. 1 ст. 10 Закона №152-ФЗ и влечет ответственность по ч. 2 ст. 13.11 КоАП РФ;

2) утечки и кибератаки регламентируются требованием о обеспечении безопасности персональных данных (ст. 19 Закона №152-ФЗ). Для обработки специальных категорий данных оператор обязан обеспечить 1-й уровень защищенности в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 01.11.2012 №1119 «Об утверждении требований к защите персональных данных»;

3) целевая реклама и манипуляция на основе выявленных психологических уязвимостей могут быть квалифицированы как нарушение законодательства о персональных данных, а также как нарушение законодательства о рекламе (Федеральный закон от 13.03.2006 №38-ФЗ «О рекламе») и о защите прав потребителей (в части навязывания услуги) [5].

Эффективность и безопасность ИИ в психологии зависят от качества алгоритмов и данных. Действующее правовое поле устанавливает общие требования, которые могут быть применены к этим аспектам:

– требования к качеству и безопасности продукции и услуг установлены Законом РФ «О защите прав потребителей» (ст. 4, ст. 7) и общими нормами ГК РФ о надлежащем качестве;

– требования к обработке персональных данных, включая принципы законности и целесообразности, установлены ст. 5 Закона №152-ФЗ;

– право пациента на получение информации о своем здоровье и проводимых вмешательствах закреплено в ст. 22 Закона №323-ФЗ. Это право может быть распространено и на требование о предоставлении понятного объяснения рекомендаций, полученных с помощью ИИ, однако действующее законодательство не содержит конкретных механизмов реализации этого права в контексте «объяснимости» алгоритмов [1].

Предлагаемое решение: контекстно-зависимый правовой режим.

В качестве решения выявленных проблем предлагается ввести контекстно-зависимый правовой режим для ИИ-систем в психологической помощи. Его суть заключается в

градации уровня правового регулирования и ответственности в зависимости от двух ключевых параметров: уровня автономности системы и степени риска для пациента.

Чем выше уровень автономности и степень риска, тем строже должны быть требования к сертификации, прозрачности, информированному согласию и страхованию ответственности. Данный подход позволит избежать как избыточного регулирования для простых систем, так и недостаточного – для сложных и опасных.

Таким образом, правовое регулирование использования ИИ в психологической помощи находится в только на стадии разработки. Анализ выявил ряд системных проблем: неопределенность правового статуса ИИ-систем, размытость в вопросах распределения ответственности, повышенные риски для конфиденциальности данных и отсутствие надежных механизмов валидации алгоритмов.

Существующие правовые конструкции недостаточны для адекватного ответа на эти вызовы. Требуется разработка специализированного нормативно-правового акта (например, Федерального закона «О применении искусственного интеллекта в здравоохранении»), который бы установил четкие критерии классификации, процедуры сертификации, правила информированного согласия и распределения ответственности, а также специальные режимы защиты данных.

Предложенная концепция контекстно-зависимого правового режима может стать методологической основой для такого законодательства, обеспечивающего гибкий, пропорциональный и эффективный подход, способствующий как защите прав пациентов, так и развитию инновационных технологий в сфере ментального здоровья.

Список литературы

1. Балтутите И.В. Правовые проблемы использования искусственного интеллекта в сфере здравоохранения / И.В. Балтутите // Legal Concept. – 2022. – Т. 21. №2. – С. 140–148.

2. Бегишев И.Р. Искусственный интеллект как правовая категория: доктринальный подход к разработке дефиниции / И.Р. Бегишев, Э.Ю. Латыпова, Д.В. Кирпичников // Russian Journal of Economics and Law. – 2020. – №1. – С. 79–91. DOI 10.21202/1993-047X.14.2020.1.79-91. EDN ESEBKI

3. Бондаренко Н.Л. Правовая и организационная природа процессов цифровизации и регуляторная функция государства в данной сфере / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич // Ex Jure. – 2021. – №1. – С. 56–67. – EDN: OZFAFE. DOI 10.17072/2619-0648-2021-1-56-67

4. Корж Е.М. Потенциал применения технологий искусственного интеллекта в психологии / Е.М. Корж, А.В. Громова // Системная психология и социология. – 2023. – №2 (46). – С. 60–70. DOI 10.25688/2223-6872.2023.46.2.5. EDN IARGCD

5. Корнехо Я. Нейроправа, нейротехнологии и персональные данные: обзор проблем психологической автономии / Я. Корнехо // Journal of Digital Technologies and Law. – 2024. – Vol. 2. № 3. – С. 711–728. – DOI: 10.21202/jdtl.2024.36. EDN SPERFJ

6. Козлова Н.В. Договор об оказании психологической и психотерапевтической помощи: правовые аспекты / Н.В. Козлова, С.Ю. Филиппова // Национальный психологический журнал. – 2013. – №1 (9). – С. 83–88. EDN SCAPLN

7. Липунов В.И. Искусственный интеллект и тренды цифровизации: техногенный прорыв как вызов праву / В.И. Липунов // Искусственный интеллект и тренды цифровизации: техногенный прорыв как вызов праву: материалы Третьего Международного транспортно-правового форума (Москва, 10–11 февраля 2021 года). – М.: Российский университет транспорта, 2021. – С. 241–249. – EDN: PBDDMP.

8. Основы права (с практикумом): учебник / А.И. Землин, И.В. Мишуткин, А.А. Агешин [и др.]; под общ. ред. А.И. Землина. – М.: КноРус, 2024. – 373 с. – EDN: FJEQON.

9. Сидорова А.В. Правовое регулирование бесплатной психологической помощи: анализ и перспективы развития / А.В. Сидорова, С.В. Макушева // Юридический вестник Самарского университета. – 2024. – Т. 10. №4. – С. 22–27. – DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-4-22-27. EDN FJTLBG

10. Фрейманис И.Ф. Чат-бот как инструмент психологической поддержки: обзор исследований / И.Ф. Фрейманис // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2024. – №2. – С. 250–259. – DOI: 10.17072/2078-7898/2024-2-250-259. EDN OKMZWX

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА

Мальцева Полина Николаевна
канд. экон. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет»
г. Магадан, Магаданская область

ОСОБЕННОСТИ РАЗРАБОТКИ БИЗНЕС-ПЛАНОВ ПО ПРОДВИЖЕНИЮ РЕГИОНАЛЬНОГО ТУРИСТСКОГО ПРОДУКТА (НА ПРИМЕРЕ МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация: *в статье рассмотрены роль и современное состояние развития туризма в 2020–2024 годах в Магаданской области. Показаны основные виды туризма и достопримечательности в регионе, сделаны рекомендации по составлению бизнес-планов для туристических фирм.*

Ключевые слова: *туризм, индустрия туризма, туристский продукт, индустрия туризма, гостиничный бизнес, средства размещения.*

Туризм является важнейшей отраслью экономики любой страны. Туризм выполняет не только экономические функции, но и способствуют возникновению социальных эффектов, в том числе способствует культурному и духовному развитию населения, усиливает процессы экологизации и сохранения окружающей среды туристических мест, оказывает положительное воздействие на качество жизни и здоровье населения.

В Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года на период до 2035 года (далее – Стратегия), утвержденной распоряжением Правительства РФ от 20 сентября 2019 г. №2129-р, в качестве основного целевого ориентира обозначено комплексное развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации за счет создания условий для формирования и продвижения качественного турпродукта, конкурентоспособного на внутреннем и мировом рынках, а также усиление социальной роли туризма, увеличение доступности услуг туризма, отдыха и оздоровления для населения Российской Федерации.

К основным принципам, определяющими социальную значимость развития туризма в Российской Федерации, отнесены необходимость формирования и развития туристского продукта с учетом природного, историко-культурного и национально-этнического разнообразия регионов Российской Федерации, обеспечение межкультурного, межрегионального и международного взаимодействия и использование комплексного подхода при развитии туризма [1].

С точки зрения развития экономики туризм создает мультипликативные прямые и индуцированные эффекты. К прямым эффектам относят развитие самой индустрии туризма, включая гостинично-ресторанный, сувенирно-экскурсионный и транспортно-логистические виды деятельности. Индуцированный эффект развитии туризма проявляется себя в развитии всех отраслей экономики, способствует появлению новых рабочих мест и росту доходов местного населения.

Магаданская область относится к районам Северо-Востока России. Территория региона с суровыми природно-климатические условиями значительно удалена от центральной части страны. Основным географическим преимуществом является близость к странам Азиатско-Тихоокеанского региона (к Японии, Корее и КНР). Существенно усложняет региональные экономические процессы отсутствие железнодорожного сообщения и изолированность энергетических систем.

Основу экономики составляют промышленное производство, включая горнодобывающую и рыбную отрасли, энергетику и сферу торговли. В структуре валового регионального продукта (далее – ВРП) в 2023 году около 55% приходилось на вид экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых», менее 1% ВРП региона было сформировано за счет

деятельности гостиниц и предприятий общественного питания. Доля вида экономической деятельности «Транспорт и связь» в 2023 году в ВРП составляла около 4%.

В 2024 году общее количество туристских фирм в Магаданской области, в том числе занимающихся турагентской деятельностью, составляло 7 единиц, что меньше 2020 года на 2 единицы. В регионе в 2024 году функционировало 5 санаторно-курортных учреждений и 20 гостиниц и аналогичных средств размещения. За последние 5 лет количество средств размещения сократилось на 1 единицу [2].

В рамках Национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» в 2027 году планируется построить первую гостиницу четыре звезды на 121 номер в 2027 году [3].

Основными внутренними туроператорами по Магаданской области являются туристические компании ООО «Каюр Трэвел», «МагФишТур» (индивидуальный предприниматель Любимцев А. И.), «Твоя Колыма» (индивидуальный предприниматель Шевченко Д.Д.), туристическая компания «Джип-тур Магадан» (https://visitkolyma.ru) и др.

В таблице 1 представлены основные показатели деятельности туристической отрасли в Магаданской области в 2020–2024 гг.

Таблица 1

Основные показатели развития туризма в Магаданской области

Показатель	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Численность лиц, размещенных в гостиницах и аналогичных средствах размещения, тыс. чел.	56,3	75,1	63,5	109,4	112,7
Число реализованных населению туристических пакетов, ед.	646	951	1007	900	1057
Стоимость реализованных населению турпакетов, млн руб.	80,4	177,1	203,4	217,9	306,5

По данным Росстата, в регионе в 2020–2024 гг. наметилась тенденция к ежегодному увеличению количества и стоимости реализованных турпакетов и численности лиц, размещенных в гостиницах и аналогичных средств размещения. В 2024 году общее количество лиц, размещенных в гостиницах, составляло 112,7 тыс. человек, что больше 2020 года более чем в 2 раза. Ежегодный средний прирост количества реализованных турпакетов в 2020–2024 годах составлял 13%. В 2024 году было реализовано туристических фирмами туристических пакетов населению в Магаданской области на сумму около 306 млн рублей.

В Магаданской области развиты культурно-познавательный, спортивно-экстремальные виды туризма, джип-туры, туры с морскими прогулками и рыбалкой. В рамках событийного туризма региональным Правительством и профильными министерствами Магаданской области ежегодно проводятся всероссийское соревнование по промывке золота «Старательский фарт», фестиваль рыбалки «Клевая Колыма», эвенский праздник встречи Нового года «Хэбденек» и праздник первой рыбы «Бакылдыдяк» на Нюклинской косе и др.

Основные достопримечательности Магаданской области – место высадки в 1928 году Первой Колымской экспедиции Ю. А. Билибина и В. А. Цареградского на Нюлинском пляже возле поселка Ола, озеро Джека Лондона и Колымская ГЭС в Ягоднинского округе, краеведческий музей, музей-квартира В. А. Козина, памятник Владимиру Высоцкому, скульптура мамонта «Время», экологические бухты Нагаево и Гертнера, парк «Маяк и этнопарк «Дюкча» и многие другие.

Для развития туризма в регионе важным является разработка и подготовка туристическими фирмами бизнес-планов по продвижению регионального продукта. В структуре бизнес-планов целесообразно отразить такие разделы, как резюме с кратким содержанием туристической бизнес-идеи, раздел с анализом рынка, организационный, операционно-технологический, финансовый планы, план рекламы и продвижения.

При формировании финансовой модели бизнес-плана важно предусмотреть плановые и устойчивые поступления доходов с учетом периодичности спроса на туристические услуги и специфику их предоставления в зависимости от видов и форм региональных туров.

В целях прогнозирования поступления доходов от реализации региональных туров и услуг рекомендуется использовать статистические методы, в том числе прогнозирование на основе среднего ежегодного прироста с использованием средней геометрической простой, прогнозирование временных рядов на основе экстраполяции, линейные и нелинейные эконометрические модели, а также экспертное прогнозирование.

В структуре затрат должны быть отражены инвестиционные затраты и текущие затраты с расчетом затрат на фонд оплаты труда штатных сотрудников и работников, оформленных на условиях договоров гражданско-правового характера, амортизацию основных фондов, расходов на выплату процентов по кредиту, расходов по налогам, затрат на рекламу и продвижение.

В качестве мероприятий по продвижению и рекламы возможны различные мероприятия, в том числе мероприятия «партизанского маркетинга»:

– развитие социальных сетей, создание уникальных хэштегов, проведение конкурсов и розыгрышей репостов и лайков;
– проведение событийного маркетинга (ивент-маркетинга);
– установка арт-объектов с демонстрацией местных туров;
– использование визиток и купонов с партнерскими организациями;
– создание фотопленеров с фотографиями туристов и гостей города;
– дегустация фирменных напитков и угощений и др.

В процессе бизнес-планирования рассчитывается ежемесячный чистый дисконтированный доход путем вычитания ежемесячных расходов из суммы ежемесячных доходов и дальнейшим экономическим приведением полученного чистого дохода к текущему моменту с использованием конкретного значения ставки дисконта. Денежный поток в бизнес-плане можно агрегировать и рассматривать по кварталам или годам.

В процессе финансового планирования рассчитывается ставка дисконтирования различными методами, в том числе путем кумулятивного построения, методом аналогов, методом средневзвешенной стоимости капитала (WACC), методом ценообразования капитальных активов (CAPM).

В ставку дисконтирования, сформулированную кумулятивным способом, включается безрисковая ставка по депозитам надежных банков, надбавки на альтернативные доходные вложения, инвестиционные, предпринимательские и иные риски.

Денежный поток с ежемесячным чистым дисконтированным доходом позволяет рассчитать основные инвестиционные показатели, включая чистый дисконтированный доход (NPV), дисконтированный чистый срок окупаемости (DPP), внутреннюю норму рентабельности (IRR) и индекс доходности инвестиций (PI).

Важность развития туризма в регионах России, в том числе и на территориях Севера, не вызывает сомнений, так как туристическая отрасль способствует диверсификации и экологизации среды региональной экономики, появлению новых рабочих мест и повышению качества жизни местного населения. Особую роль в процессе развития туризма регионе играет создание и продвижение регионального турпродукта и финансового бизнес-планирования турфирмами туристической бизнес-идеи.

Список литературы

1. Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года на период до 2035 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2019 г. №2129-р // Официальный сайт Правительства России. – URL: http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm (дата обращения: 03.03.2026).

2. Магаданская область: стат. ежегодник // Официальный сайт Управления Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю, Магаданской области, Еврейской автономной области и ЧАО. – Магадан, 2024. – 200 с. – URL: https://27.rosstat.gov.ru/folder/66943# (дата обращения: 03.03.2026).

3. Строительство первого отеля категории «четыре звезды» начинается в Магадане // Информационно-аналитический ресурс EastRussia («Восток России»). – URL: https://eastrussia.ru/news/stroitelstvo-pervogo-otelya-kategorii-chetyre-zvezdy-nachinaetsya-v-magadane/ (дата обращения: 03.03.2026).

Рахматов Александр Ахмедович
канд. полит. наук, профессор
Российская академия естествознания (РАЕ)
г. Москва

АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО СОЦИУМА

Аннотация: *в статье рассматриваются объективные факторы, обусловливающие современные глобальные процессы, такие как экологические проблемы, становление информационного общества, углубление международного разделения труда и рост свободы перемещения граждан. Анализируются противоречия глобализации: с одной стороны, развитие интеллектуальной и нравственной сферы как главного вектора эволюции, с другой – концентрация экономической власти транснациональных корпораций, ведущая к ослаблению национальных государств и деформации социальных институтов. Особое внимание уделяется негативным последствиям для развивающихся стран: ухудшению социального самочувствия, разрушению внутреннего рынка, утрате культурной идентичности. В заключение автор указывает на трансформацию объективной глобализации в политику глобализма, направленную на установление мирового господства, иллюстрируя это позицией США и их союзников.*

Ключевые слова: *мировое хозяйство, обеспечение жизни, легитимность власти, глобализация, человеческая цивилизация.*

Развивающиеся в мире глобальные процессы обусловлены рядом объективных факторов. В их числе:

– необходимость решения экологических проблем цивилизации, которые приобрели общепланетарные масштабы;

– становление информационного общества, превращение науки, образования, информации одновременно и в главный фактор общественного развития, и в наиболее значимую часть общественного богатства;

– дальнейшее углубление и разрастание международного разделения труда, что усиливает интеграционные процессы в мировом хозяйстве;

– увеличение степени свободы граждан в условиях нарастающей информатизации общества, что предоставляет возможность более свободного перемещения по странам мира.

Человечество вошло в полосу сложных и противоречивых трансформаций, которые затрагивают исторические судьбы всех стран и народов. Острейшие проблемы ресурсного обеспечения жизни человека, резкое отставание общественного развития от стремительных темпов научно-технического прогресса, усиление экологическо- кризиса, расширение военных конфликтов предопределяют необходимость противодействия нарастающим угрозам.

Цивилизация постепенно превращается в основной фактор эволюции. Ее мощность по многим показателям начинает превосходить мощность большинства естественных процессов, протекающих в биосфере. Этот факт не только вселяет чувство гордости за человека и веру в могущество его интеллекта, и тревогу. Неразумное использование своего могущества может каждый обернуться трагедией. И не только для всего человечества, и для биосферы.

Главный вектор глобального развития связан не с производством потреблением, а с интеллектуальной и нравственной сферой, где действительно происходит качественная перестройка человеческого знания – как индивидуального, так и коллективного.

Признавая высокую значимость нематериального фактора, нельзя не учитывать и *политико-экономических* корней глобализации. Дело в том, что эти процессы, концентрируя в себе финансового и экономическое могущество транснациональных корпораций, способствуют ускоренному перетоку властных полномочий государственных структур периферийных стран в руки международных транснациональных корпораций. Миграция власти и вытеснение ее национальной составляющей при дальнейшем развитие глобализации может

привести к децентрализации управления огосударствлению» человечества. На определенном этапе эта тенденция будет сопряжена с разрушением *социально-правовой* основы регулирования отношений в обществе, деформацией традиционных институтов, ибо наднациональные, внегосударственные ТНК не несут перед населением стран никаких обязательств. Они равнодушны к проблемам развития человеческого потенциала и трудовых ресурсов.

Одна из сторон нарастающей глобализации – ухудшение социального самочувствия населения развивающихся стран. Традиционные общества доиндустриальной эпохи были ориентированы на воспроизводство существующих форм *местной жизни* и удовлетворение насущных *потребностей жителей.* Индустриальное общество в большей мере нацелено на производство товаров для элитарных слоев. Крушение индустриальной цивилизации вовлекает уцелевший в ходе глобальной трансформации производственный потенциал в процессы копирования образцов высокотехнологичных продуктов, потребляемых в первую очередь населением стран «золотого миллиарда» и немногочисленной собственной элитой. При этом внутренний рынок зачастую остается без самых необходимых и дешевых товаров и услуг, рассчитанных на массовое потребление. Это прежде всего относится к сфере образования, здравоохранения, коммунального и транспортного обслуживания населения.

Невосполнимые потери наносятся этим странам в *социокультурной, духовной* сфере, тесно связанной с собственной идентичностью, устоявшимися за долгие века самостоятельного существования религией, обычаями и традициями, жизненным укладом, местной средой обитания, уникальным менталитетом. Насильственному подавлению при помощи орудий массово-информационного воздействия подвергаются духовные и нравственные ценности взаимодействия и помощи, добра и солидарности, социально-исторической памяти поколений. Таким образом, глобализация уже сегодня создаёт предпосылки формирования новой структурной дифференциации мира, видоизменяет его политические, социально-экономические формы, равно как и общую картину взаимодействия цивилизационных культур. Во всем этом – и богатейший потенциал развития, и инструмент навязывания новой модели бытия.

Особый отпечаток и на восприятие глобализации, и на ее проявления в мировой политике накладывает отношение США и их ближайших союзников к развивающимся глобальным процессам. По сути дела речь идет о преобразовании глобализации как нового феномена цивилизованного развития в глобализм, то есть политику установления мирового господства. Один из наиболее влиятельных политологов Збигнев Бжезинский в своей книге «Великая шахматная доска» писал: Гегемония также стара, как мир. Однако американское мировое превосходство отличается стремительностью своего становления, своими глобальными масштабами и способами осуществления. Свою работу он завершает так: «В течение нескольких ближайших десятилетий может быть создана реально функционирующая система глобального сотрудничества, построенная с учетом геополитической реальности, которая постепенно возьмет на себя роль международного «регента». Геостратегический успех, достигнутый в этом деле, надлежащим образом узаконит роль Америки как первой, единственной и последней истинно мировой сверхдержавы».

Список литературы

1. Альтерглобализм. Теория и практика «антиглобалистского движения». – М.: Едиториал УРСС, 2021.

2. Барроуз М. Будущее: рассекречено. Каким будет мир в 2030 году / М. Барроуз. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2022.

3. Богатуров А.Д. Международные отношения России в «новых политических пространствах». Космос. Приполярные зоны. Воздушные и морские пространства. Глобальная информационная сфера / А.Д. Богатуров. – М.: Наука, 2020.

4. Быков А.Н. Постсоветское пространство. Стратегии интеграции и новые вызовы глобализации: моногр. / А.Н. Быков. – М.: Алетейя, 2022.

5. Бюрократия в современном мире: теория и реалии жизни. – М.: Машиностроение, 2019.

6. Веселовский С.Я. Глобализация рынков труда. Динамика. Проблемы. Перспективы: моногр. / С.Я. Веселовский. – М.: Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, 2018.

Стренюк Егор Андреевич
бакалавр, студент
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ТЕРРОРИЗМА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ

Аннотация: *в статье анализируются современные формы терроризма и их влияние на экономическую безопасность Российской Федерации. Особое внимание уделяется эволюции террористических угроз в условиях цифровизации, глобализационных процессов и трансформации способов организации и финансирования экстремистской деятельности. Раскрываются основные современные формы терроризма, включая международный, внутренний, кибертерроризм и финансируемые через криптовалюты сети, а также их характерные особенности в контексте современного международного экологического и информационного пространства.*

Проводится системный анализ влияния современных форм терроризма на ключевые компоненты экономической безопасности: устойчивость финансовых рынков, инвестиционный климат, функционирование критической инфраструктуры, эффективность государственной экономической политики и социальное благополучие населения. Отмечается, что усиление террористической активности провоцирует рост неопределенности, увеличивает издержки бизнеса, снижает приток иностранных инвестиций и требует значительных бюджетных расходов на обеспечение безопасности.

Ключевые слова: *современные формы терроризма, экономическая безопасность России, кибертерроризм, международный терроризм, финансирование терроризма, критическая инфраструктура, национальная безопасность, инвестиционные риски, финансовая стабильность, государственная политика противодействия терроризму.*

Актуальность исследования обусловлена тем, что в условиях ускоренной цифровизации экономики, геополитической нестабильности и трансформации глобальной архитектуры безопасности современные формы терроризма приобретают качественно новые характеристики, усиливающие их деструктивный потенциал. Террористические угрозы смещаются в сферу информационно-коммуникационных технологий, финансовых платформ и объектов критической инфраструктуры, что существенно расширяет спектр рисков для экономической безопасности Российской Федерации. В этой связи исследование современных форм терроризма как фактора дестабилизации экономической системы России является актуальным и социально значимым направлением научного поиска.

Целью исследования является комплексный анализ современных форм терроризма и выявление механизмов их воздействия на экономическую безопасность Российской Федерации с последующей разработкой теоретически обоснованных направлений совершенствования системы противодействия данным угрозам.

Задачи исследования.

1. Систематизировать современные формы терроризма с учетом их трансформации в условиях цифровой экономики и глобальных процессов.

2. Определить структурные элементы экономической безопасности Российской Федерации, наиболее уязвимые к террористическим угрозам.

3. Проанализировать прямые и опосредованные экономические последствия террористической активности.

4. Оценить влияние кибертерроризма и финансовых механизмов поддержки экстремистской деятельности на устойчивость национальной финансовой системы.

Гипотеза исследования состоит в том, что современные формы терроризма, характеризующиеся высокой технологичностью, сетевой организацией и диверсифицированными источниками финансирования, оказывают системное и многоуровневое воздействие на экономическую безопасность Российской Федерации; при этом повышение эффективности межведомственного взаимодействия, развитие цифровых механизмов мониторинга угроз и устранение социально-экономических предпосылок радикализации способны существенно снизить уровень уязвимости национальной экономики к террористическим рискам.

Современные формы терроризма представляют собой сложный, динамично развивающийся феномен, значимо влияющий на экономическую безопасность государства. Терроризм уже давно вышел за рамки традиционных актов насилия и организованных группировок, расширив спектр своих проявлений за счёт новых технологических и финансовых инструментов. В XXI веке терроризм всё чаще включает в себя использование информационных технологий, криптовалют, киберпространства и транснациональных сетей, что обуславливает его устойчивость и адаптивность к изменениям со стороны силовых структур и экономических санкций.

Анализ современных форм терроризма показывает, что в настоящее время можно выделить несколько ключевых направлений его развития. К традиционным формам относят организованный и националистический терроризм, ориентированный на достижение политических целей через применение насилия. Однако современная практика демонстрирует рост кибертерроризма и финансово-технологически подкреплённых форм экстремистской деятельности. Кибертерроризм, в отличие от классических актов насилия, направлен на дезорганизацию критической информационной и технологической инфраструктуры, что приводит к значительным экономическим потерям и нарушению функционирования государственных и частных систем.

Системный анализ влияния современных форм терроризма на экономическую безопасность Российской Федерации выявляет многогранное воздействие на ключевые компоненты экономической системы.

Устойчивость финансовых рынков. Террористические акты и угрозы, включая кибератаки на финансовые организации, способны спровоцировать панические настроения на рынках, повышение волатильности и снижение доверия инвесторов. Эти эффекты ведут к ухудшению финансовой стабильности и росту затрат на страхование рисков. Более того, использование террористами финансовых инструментов, не поддающихся традиционному контролю, усложняет работу регуляторов и увеличивает вероятность утечек капитала.

Инвестиционный климат. Потенциальные инвесторы оценивают риск террористических угроз как фактор неопределённости, который снижает привлекательность регионов и секторов экономики для долгосрочных вложений. Террористическая активность, особенно в сочетании с киберугрозами, повышает издержки компаний на обеспечение защиты и страхование, что может привести к снижению объёма национальных и иностранных инвестиций.

Функционирование критической инфраструктуры. Атаки на критическую инфраструктуру, включая энергетические сети, транспортные системы и телекоммуникации, приводят к значительным экономическим потерям и нарушению нормальной деятельности предприятий. Работа таких объектов напрямую связана с обеспечением экономической безопасности, и их дестабилизация способна вызвать цепные эффекты во всей экономической системе.

Эффективность государственной экономической политики. Террористические угрозы требуют перераспределения бюджетных ресурсов в пользу безопасности, что ограничивает возможности финансирования социальных и инвестиционных программ. Такая переориентация бюджетной политики может задерживать реализацию долгосрочных национальных проектов, снижая общую эффективность управления экономикой.

Социальное благополучие населения. Негативные экономические последствия терроризма, включая рост безработицы, ухудшение условий жизни и снижение уровня доверия к институтам, ведут к усилению социальной напряжённости. Социально-экономическое

благополучие населения является важнейшей составляющей экономической безопасности; его подрыв оказывает долговременное влияние на устойчивость общества.

Таким образом, современные формы терроризма оказывают комплексное воздействие на экономическую безопасность России, затрагивая ключевые компоненты национальной экономики. Повышение эффективности институциональных мер, совершенствование правового регулирования и внедрение инновационных технологий противодействия являются критически важными направлениями для минимизации рисков и укрепления устойчивости национальной экономической системы.

Список литературы

1. Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 18.03.2026).

2. Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 №115-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 18.03.2026).

3. Корсикова Н.А. Современное состояние терроризма в Российской Федерации / Н.А. Корсикова // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2024. – №3. – С. 178–185. – DOI: 10.36511/2078-5356-2024-3-178-185. EDN DTGMLA

4. Сабитов Р.А. Понятие, сущность и проявления терроризма как угрозы национальной безопасности / Р.А. Сабитов [и др.] // Пробелы в российском законодательстве. – 2023.

Стренюк Егор Андреевич
бакалавр, студент
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

ТЕРРОРИЗМ КАК УГРОЗА УСТОЙЧИВОМУ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМУ РАЗВИТИЮ ГОСУДАРСТВА

Аннотация: *в статье рассматривается терроризм как одна из ключевых угроз устойчивому социально-экономическому развитию государства в условиях глобализации и трансформации международной системы безопасности. Раскрывается сущность терроризма как деструктивного социально-политического явления, оказывающего комплексное воздействие на экономическую стабильность, инвестиционный климат, состояние финансовой системы и уровень общественного доверия к институтам власти. Проанализированы прямые и косвенные экономические последствия террористической деятельности, включая снижение темпов экономического роста, рост бюджетных расходов на обеспечение безопасности, ухудшение предпринимательской активности и увеличение социального напряжения. Особое внимание уделяется взаимосвязи между уровнем социально-экономического развития и уязвимостью государства к террористическим угрозам, а также роли институциональных механизмов противодействия экстремизму и радикализации. Обосновывается необходимость формирования комплексной государственной политики, направленной на предупреждение терроризма, укрепление правовых и организационно-экономических инструментов обеспечения национальной безопасности и повышение устойчивости социально-экономической системы. Сделан вывод о том, что эффективное противодействие терроризму является неотъемлемым условием обеспечения долгосрочного устойчивого развития государства.*

Ключевые слова: *терроризм, национальная безопасность, устойчивое социально-экономическое развитие, экономическая безопасность, государственная политика, инвестиционный климат, социальная стабильность, противодействие экстремизму, институциональные механизмы, глобальные угрозы.*

Актуальность обусловлена тем, что в условиях усиления глобальных рисков и трансформации форм политического насилия проблема терроризма приобретает особую значимость для обеспечения устойчивого социально-экономического развития государства. Террористическая деятельность оказывает деструктивное воздействие на экономическую стабильность, инвестиционную привлекательность, состояние общественных институтов и уровень социальной безопасности. Усиление транснационального характера террористических угроз требует совершенствования механизмов государственного управления и разработки комплексных мер противодействия. В этой связи исследование влияния терроризма на устойчивость социально-экономической системы государства представляется своевременным и научно обоснованным.

Целью исследования является выявление и теоретическое обоснование характера и масштабов влияния терроризма на устойчивое социально-экономическое развитие государства, а также определение направлений повышения эффективности системы противодействия террористическим угрозам.

Задачи исследования.

1. Раскрыть сущность и основные характеристики терроризма как социально-политического и экономического явления.

2. Проанализировать механизмы воздействия террористической деятельности на социально-экономическую систему государства.

3. Оценить прямые и косвенные экономические последствия террористических актов.

Гипотеза исследования заключается в том, что терроризм оказывает системное негативное воздействие на устойчивое социально-экономическое развитие государства, снижая темпы экономического роста, усиливая социальную нестабильность и увеличивая нагрузку на бюджетную систему; при этом эффективность институциональных механизмов противодействия террористическим угрозам прямо влияет на уровень устойчивости национальной экономики и социальной системы.

Терроризм в современных условиях выступает как сложное, многокомпонентное социально-политическое явление, оказывающее деструктивное воздействие на ключевые сферы жизнедеятельности государства. Его специфика заключается не только в применении насилия или угрозы его применения, но и в целенаправленном формировании атмосферы страха, подрыве общественного доверия к институтам власти и дестабилизации социально-экономической системы. В условиях глобализации террористические угрозы приобретают транснациональный характер, что существенно усложняет механизмы их предупреждения и нейтрализации.

С экономической точки зрения терроризм оказывает как прямое, так и косвенное влияние на развитие государства. К прямым последствиям относятся разрушение объектов инфраструктуры, материальный ущерб предприятиям и организациям, снижение деловой активности в пострадавших регионах, рост расходов государственного бюджета на ликвидацию последствий террористических актов и усиление мер безопасности. Косвенные последствия выражаются в ухудшении инвестиционного климата, повышении рисков для предпринимательской деятельности, оттоке капитала, снижении туристической привлекательности и росте транзакционных издержек. В совокупности данные факторы приводят к замедлению темпов экономического роста и снижению конкурентоспособности национальной экономики.

Особое значение имеет влияние терроризма на финансовую систему государства. Усиление террористических угроз требует перераспределения бюджетных ресурсов в пользу силовых структур и правоохранительных органов, что может ограничивать финансирование социально ориентированных программ и инфраструктурных проектов. Кроме того, нестабильность повышает волатильность финансовых рынков, увеличивает страховые и кредитные риски, а также способствует росту издержек на обеспечение экономической безопасности.

Социальное измерение проблемы проявляется в росте напряжённости в обществе, усилении миграционных процессов, радикализации отдельных групп населения и снижении

уровня доверия к государственным институтам. Терроризм способен провоцировать межэтнические и межконфессиональные конфликты, тем самым подрывая основы социальной стабильности, которая является важнейшим условием устойчивого развития. Негативное воздействие распространяется также на систему образования, информационное пространство и сферу занятости.

Взаимосвязь между уровнем социально-экономического развития и уязвимостью государства к террористическим угрозам носит двусторонний характер. С одной стороны, низкий уровень жизни, безработица, социальное неравенство и ограниченный доступ к социальным благам могут способствовать распространению экстремистских идеологий. С другой стороны, сами террористические проявления усугубляют существующие социально-экономические диспропорции. Таким образом, формируется замкнутый цикл, в котором нестабильность подпитывает угрозы безопасности, а угрозы безопасности тормозят развитие.

Эффективное противодействие терроризму требует комплексного подхода, сочетающего правовые, организационные, экономические и информационные меры. Существенную роль играет совершенствование нормативно-правовой базы, развитие системы мониторинга и предупреждения угроз, укрепление межведомственного взаимодействия и международного сотрудничества. Важным направлением является формирование устойчивых институтов гражданского общества, повышение правовой культуры населения и реализация программ профилактики радикализации.

С позиции обеспечения устойчивого социально-экономического развития ключевым является формирование сбалансированной государственной политики, ориентированной не только на силовые методы борьбы, но и на устранение социально-экономических предпосылок экстремизма. Инвестиции в образование, занятость, региональное развитие и цифровую безопасность способны существенно повысить устойчивость национальной экономики к внешним и внутренним угрозам.

Таким образом, терроризм представляет собой системную угрозу устойчивому социально-экономическому развитию государства, оказывая многоуровневое воздействие на экономические процессы, социальную сферу и институциональную структуру. Повышение эффективности механизмов противодействия террористическим угрозам является необходимым условием обеспечения долгосрочной стабильности и национальной безопасности.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с учётом поправок).

2. Федеральный закон №35-ФЗ «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 (действующая редакция).

3. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 №400).

4. Токбаев А.А. Современный терроризм как реальная угроза обществу и государственности// Пробелы в российском законодательстве» (исследование характеристик и угроз современного терроризма) // Современный терроризм как реальная угроза обществу и государственности. – 2024.

Шемет Вадим Сергеевич
канд. юрид. наук, доцент
УО «Белорусский государственный экономический университет»
г. Минск, Республика Беларусь

DOI 10.31483/r-154100

МЕЖДУНАРОДНОЕ ВОЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ ОБОРОНОСПОСОБНОСТИ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация: *в статье рассмотрены основные аспекты и особенности организации и осуществления международного военного сотрудничества Министерства обороны Республики Беларусь в условиях геополитической нестабильности и полицентрического мироустройства. Определены место и роль этой деятельности в укреплении обороноспособности белорусского государства.*

Ключевые слова: *военная безопасность, военная политика, международная безопасность, международное военное сотрудничество, контроль над вооружениями, оборона, оборонный потенциал.*

Введение.

В первой четверти XXI века военно-политическая обстановка в Европе и мире в целом развивается в условиях глобальных геополитических трансформаций, лавинообразного нарастания напряженности и бескомпромиссного соперничества центров силы за формирование принципов нового мирового порядка. Результатом сложившейся ситуации стали конфликт на территории Украины, противостояние Израиля и Палестины, иные локальные конфликты, географически разбросанные по всему земному шару.

В проведенных нами ранее исследованиях [1, с. 253–255; 2, с. 309–310] отмечалось, что в условиях геополитической нестабильности и полицентрического мироустройства обеспечение обороноспособности и военной безопасности белорусского государства является важной теоретико-прикладной проблемой.

Решение указанной проблемы лежит в русле Приоритетных направлений научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2026–2030 годы, утвержденных Указом Президента Республики Беларусь от 1 апреля 2025 г. №135 (п. 5 Научное и научно-техническое обеспечение безопасности человека, общества и государства: военная безопасность (в том числе строительство военной организации государства, коллективная безопасность в рамках интеграционных объединений и военно-политических союзов, системы управления войсками и оружием)), что указывает на ее актуальность.

1. Некоторые элементы военно-политической обстановки.

Страны коллективного Запада, возглавляемые США, продолжают деструктивную деятельность, направленную на обеспечение глобального доминирования и ослабление Союзного государства, а также других неугодных стран, проводящих суверенную внутреннюю и внешнюю политику.

В настоящее время деятельность Запада сфокусирована на следующем: принятие беспрецедентных дискриминационных мер в отношении России и Беларуси; ведение широкомасштабной информационной войны, проведение психологических операций, направленных на разрушение устоев Союзного государства; дальнейшая милитаризация и рост количества и масштабов мероприятий оперативной и боевой подготовки в Европе на белорусско-российском направлении.

Итогом этой деятельности стали разрушение архитектуры международной безопасности, деградация системы контроля над вооружениями, начало очередного витка «гонки вооружений» и бесконтрольного наращивания ударных потенциалов. Во главу угла практически открыто ставится силовой вариант решения существующих межгосударственных

противоречий. Заложниками ситуации стали международные организации, форумы и механизмы, призванные обеспечивать взаимопонимание, инклюзивный диалог и мирное сосуществование государств и народов. Сегодня они фактически перестали влиять на геополитические процессы, а их деятельность уже не является сдерживающим фактором от развязывания военных конфликтов. Существующие международные площадки в большинстве своем активно используются западными странами для навязывания и продвижения собственной повестки, интересов и устремлений. Все это не только не способствует урегулированию конфликтов, но наоборот толкает мир в пропасть хаоса и разрушения.

2. Место и роль международного военного сотрудничества в укреплении обороноспособности белорусского государства.

В условиях геополитической турбулентности с точки зрения необходимости обеспечения обороноспособности государства все большую важность приобретает международное военное сотрудничество Министерства обороны Республики Беларусь (далее – МВС), которое призвано выполнять две основные задачи: повышение оборонных возможностей Вооруженных Сил Республики Беларусь за счет использования потенциала дружественных государств и международных организаций; поиск политической, информационной, военной, экономической и иной поддержки на международной арене в случае развязывания вооруженной агрессии.

МВС играет одну из ключевых роль в обеспечении обороноспособности Республики Беларусь. Оно осуществляется через взаимодействие с различными государствами и международными организациями, что позволяет стране укреплять свои оборонные возможности и повышать уровень безопасности в военной сфере. Участие в реализации МВС закреплено в качестве одной из функций Министерства обороны Республики Беларусь [3].

Впервые в белорусском правовом поле термин «международное военное сотрудничество» появился в Законе Республики Беларусь «О Вооруженных Силах Республики Беларусь». Согласно данному Закону, МВС представляет собой комплекс мероприятий двустороннего и многостороннего характера, проводимых Министерством обороны в сфере оборонного строительства и планирования, подготовки Вооруженных Сил, контроля над вооружениями, военного образования, науки, культуры и спорта, а также в военно-технической сфере [4].

В несколько расширенном виде данный термин нашел свое отражение в основном руководящем документе оборонного ведомства в этой области – действующей редакции Концепции международного военного сотрудничества Министерства обороны Республики Беларусь [5].

Так, в данной Концепции под МВС понимается комплекс мероприятий двустороннего и многостороннего характера, направленных на повышение обороноспособности государства и проводимых в следующих сферах: в сфере военной политики и контроля над вооружениями (военно-политическое сотрудничество); в сфере военного образования, культуры и спорта (военное сотрудничество); в сфере военной науки (военно-научное сотрудничество); в военно-технической сфере (военно-техническое сотрудничество); в сфере деятельности по поддержанию международного мира и безопасности.

В структуре белорусского оборонного ведомства подразделением, уполномоченным на осуществление функций в сфере МВС, является Департамент международного военного сотрудничества [6].

Исходя из целей МВС, предельно ясно, что во главу угла в качестве конечного результата поставлено обеспечение обороноспособности государства путем поиска союзников и партнеров, поддержания должного уровня подготовки и оснащенности Вооруженных Сил Республики Беларусь, их совершенствования за счет проводимых совместных мероприятий.

Заключение.

В условиях критического ухудшения военно-политической обстановки в Европейском регионе, вызванной утратой доверия по линии Запад – Россия и последовавшими за этим события на территории Украины, выстроенная за более чем три десятилетия система

международных отношений, в том числе и в военной сфере, оказалась на грани полного разрушения. Это обусловило повышающуюся важность МВС в интересах обеспечения обороноспособности и военной безопасности Республики Беларусь.

МВС, осуществляемое Министерством обороны, носит системный характер, проводится на плановой основе с учетом положений Военной доктрины Союзного государства и Военной доктрины Республики Беларусь.

Список литературы

1. Шемет В.С. Геополитическая нестабильность как детерминант формирования внешних функций государства / В.С. Шемет // Право, экономика и управление: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участ. / гл. ред. Э. В. Фомин; Чувашский государственный институт культуры и искусств Минкультуры Чувашии. – Чебоксары: Среда, 2025. – С. 253–255. EDN ZNPRLT

2. Шемет В.С. Полицентрическое мироустройство как детерминант формирования внешних функций государства / В.С. Шемет // Актуальные вопросы гуманитарных и социальных наук: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участ. / гл. ред. Ж.В. Мурзина. – Чебоксары: Среда, 2025. – С. 309–310. EDN ZFNVMP

3. Вопросы центральных органов военного управления Вооруженных Сил Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь, 7 декабря 2006 г., №719 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2026.

4. О Вооруженных Силах Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь, 3 ноября 1992 г., №1904-XII // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2026.

5. Об утверждении Концепции международного военного сотрудничества Министерства обороны Республики Беларусь: приказ Министра обороны Республики Беларусь, 23 сентября 2024 г., №1390 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь. Банк данных «Министерство обороны» / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2026.

6. О мерах по совершенствованию международного военного сотрудничества: Указ Президента Республики Беларусь, 17 августа 2015 г., №357 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2026.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА

Горшкова Марина Викторовна
студентка
Научный руководитель
Бачина Татьяна Валерьевна
канд. экон. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Рязанский государственный радиотехнический университет имени В.Ф. Уткина»
г. Рязань, Рязанская область

ПЛАНИРОВАНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ ЖИЛЬЕМ НАСЕЛЕНИЯ РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация: *в статье рассматривается динамика жилищного строительства в Рязанской области за 2015–2024 гг. Анализируется его взаимосвязь с демографическими процессами, дается прогноз объемов ввода жилья на период до 2035 года и предлагается план мероприятий по стимулированию строительной отрасли с учетом демографического развития.*

Ключевые слова: *жилищное строительство, демография, прогнозирование, обеспеченность жильем, Рязанская область, дефицит жилья, планирование.*

В данной работе рассматривается проблема обеспеченности населения жильем.

Доступное и удобное жилье для граждан – это показатель благополучия региона и важный фактор, влияющий на то, как люди решают заводить детей, хотят ли они переезжать в этот регион и остаются ли там молодые специалисты.

Рязанская область, как и другие регионы Центральной России, испытывает серьезные демографические трудности. Недостаток жилья перестал быть просто социальной проблемой и теперь тормозит как экономический рост, так и увеличение численности населения.

Требуется создать научно обоснованный план, который предскажет, насколько обеспечено будет население Рязанской области жильем в ближайшие годы. На основе этого плана нужно разработать комплекс мер для улучшения жилищной политики, учитывая демографические проблемы.

Целью данного исследования является анализ динамики жилищного строительства и демографических процессов, разработка прогноза обеспеченности жильём населения Рязанской области до 2035 года и формирования плана мероприятий по оптимизации жилищной политики региона.

За последнее 10 лет динамика жилищного строительства в Рязанской области отличалась выраженной нестабильностью, чередованием периодов роста и резкого сокращения объемов [1]. Максимальный ввод жилья был зафиксирован в 2022 году, который составил 805 тыс. кв. м, после чего последовало значительное снижение – до 602 тыс. кв. м в 2024 году, что оказалось ниже уровня 2015 года. Такие значительные колебания свидетельствуют о высокой зависимости отрасли от внешних конъюнктурных факторов: действия государственных ипотечных программ, макроэкономической стабильности, стоимости кредитных ресурсов и платежеспособного спроса населения.

За анализируемый период численность населения Рязанской области сократилась на 57 992 человека, или на 5,1% [2]. Убыль наблюдается как в городской, так и в сельской местности. Основными причинами являются естественная убыль и миграционный отток, в том числе молодежи, в более экономически развитые регионы. Доля городского населения стабилизировалась на уровне около 71,4%.

Для оценки масштаба жилищной проблемы был проведен расчет дефицита жилья на основе социальной нормы площади жилого помещения, установленной законодательством

Рязанской области (33 кв. м на человека) [3]. Сравнение с фактическим годовым вводом показывает, что ежегодное строительство покрывает лишь 1,7–2,2% от текущей совокупной потребности. Накопленный за десятилетие дефицит к 2024 году превысил 36 млн кв. м. Этот дефицит является не только социальной проблемой, но и серьезным демографическим тормозом. Недоступность жилья для молодых семей напрямую сдерживает рождаемость, а для квалифицированных специалистов снижает миграционную привлекательность региона.

Для количественной оценки взаимосвязи между объемом строительства и численностью населения был проведен корреляционный анализ. Полученный коэффициент корреляции -0,88 указывает на сильную обратную связь. Это не означает, что строительство ведет к сокращению населения, а подтверждает, что существующие объемы ввода жилья недостаточны для того, чтобы стать драйвером демографического роста и компенсировать сложившиеся негативные тенденции.

Прогнозирование выполнено с применением статистического прогноза и метода экспертных оценок (метод Дельфи).

Статистический прогноз, основанный на экстраполяции данных 2015–2024 гг., показывает слабовыраженную восходящую тенденцию. Согласно этому методу, прогнозируемый объем ввода жилья к 2035 году составит 748 тыс. м².

Метод Дельфи с участием 5 экспертов позволил получить средневзвешенную оценку объема ввода жилья на 2035 год в размере 795 тыс. кв. м. Коэффициент вариации 3,5% свидетельствует о высокой степени согласованности мнений экспертов.

Для формирования комплексного прогноза применяется методика корректировки статистического прогноза на основе экспертных оценок через коэффициент корректировки (табл.1). Коэффициент корректировки равен 4273 кв. м/год.

Таблица 1

Комплексный прогноз объема строительства жилья на 2025–2035 гг., кв. м

Год	Статистический прогноз, кв.м	Корректировка, кв.м	Комплексный прогноз, кв.м
2025	733964	4273	738237
2026	735366	8545	743911
2027	736767	12818	749585
2028	738168	17091	755259
2029	739570	21364	760933
2030	740971	25636	766607
2031	742372	29909	772282
2032	743774	34182	777956
2033	745175	38455	783630
2034	746576	42727	789304
2035	747978	47000	794978

Показатель прогнозной обеспеченности жильем характеризует количество квадратных метров нового жилья, которое планируется ввести в эксплуатацию в расчете на одного человека в течение года. Согласно прогнозу, к 2035 году население Рязанской области составит 1013860 человек. При запланированном объеме строительства в 794978 кв. м, обеспеченность жильем на одного человека составит 0,784 кв. м. Это означает, что для достижения нормативной потребности в 33 кв. м нового жилья на каждого жителя потребуется 42 года. Полученный результат указывает на то, что дефицит жилья сохранится, однако при условии внедрения мер государственной поддержки существует потенциал для некоторого улучшения ситуации.

Для достижения прогнозных значений на 2025–2035 гг. представлен план мероприятий, направленный на повышение доступности жилья для ключевых демографических групп и создание условий для устойчивого социально-экономического развития региона. Реализация программы потребует консолидации усилий федеральных, региональных и муниципальных органов власти.

Основные направления программы включают:

– стимулирование спроса через расширение программ льготной ипотеки, регионального семейного капитала и субсидирования первоначального взноса для молодых специалистов;

– развитие арендного жилищного фонда и расселение аварийного жилья;

– упрощение административных процедур в строительстве и развитие механизмов государственно-частного партнерства;

– обеспечение инженерной и социальной инфраструктурой новых жилых районов.

Проведенное исследование выявило системные проблемы в жилищной сфере Рязанской области: накопленный дефицит жилья и его негативное влияние на демографическую ситуацию. Прогноз указывает на сохранение дефицита в среднесрочной перспективе даже при умеренном росте объемов строительства.

Реализация предложенного комплекса мероприятий, на наш взгляд, позволит повысить доступность жилья для населения, стимулировать строительную отрасль и создать условия для улучшения демографических показателей региона.

Список литературы

1. Ввод строительства жилья в Рязанской области // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Рязанской области: сайт. – URL: https://62.rosstat.gov.ru/folder/30463 (дата обращения: 11.11.2025).

2. Численность населения по Рязанской области // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Рязанской области: сайт. – URL: https://62.rosstat.gov.ru/folder/30448 (дата обращения: 11.11.2025).

3. Закон Рязанской области от 21.12.2006 №91-ОЗ (ред. от 07.11.2024). – URL: https://rgk1rzn.gosuslugi.ru/netcat_files/8/9/Zakon_Ryazanskoy_oblasti_ot_21.12.2016_N_91_OZ_red._ot_07.11.pdf (дата обращения: 11.11.2025).

Давлетова Алина Камиловна
канд. экон. наук, доцент, преподаватель
Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»
г. Стерлитамак, Республика Башкортостан

DOI 10.31483/r-153928

МОДЕЛИРОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ НЕРАВЕНСТВА НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ И ИНВЕСТИЦИЙ В ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ: ПОДХОД НА ОСНОВЕ ПЕРЕКРЫВАЮЩИХСЯ ПОКОЛЕНИЙ

Аннотация: *в статье исследуется нелинейная взаимосвязь между уровнем экономического неравенства и долгосрочным экономическим ростом через ключевой трансмиссионный канал – социальную мобильность. Разработана модель перекрывающихся поколений (OLG), в которой способность домохозяйств инвестировать в человеческий капитал (образование и здоровье) потомства напрямую зависит от их текущего дохода и наследуемого социально-экономического статуса.*

Ключевые слова: *экономическое неравенство, экономический рост, человеческий капитал, социальная мобильность, модель перекрывающихся поколений, пороговые эффекты, инклюзивное развитие.*

Дискуссия о влиянии неравенства на экономический рост остается одной из центральных в макроэкономике. Если неоклассические модели долгое время рассматривали равенство и рост как цели, находящиеся в противоречии («дилемма Кузнеца»), то современные исследования все чаще выявляют негативное влияние чрезмерного неравенства на долгосрочные темпы роста. Однако механизмы этого влияния требуют дальнейшей конкретизации. Цель данной статьи – смоделировать и проанализировать ключевой трансмиссионный канал: социальную мобильность, опосредованную возможностями инвестиций в человеческий капитал.

Новизна исследования заключается в явном моделировании социальной мобильности не как экзогенного параметра, а как эндогенной переменной, определяемой взаимодействием начального неравенства, кредитных ограничений и отдачи от образования. Акцент делается на пороговых эффектах и нелинейностях: при определенном уровне концентрации доходов доступ бедных домохозяйств к формированию человеческого капитала блокируется, что снижает совокупную производительность и создает самовоспроизводящийся цикл неравенства.

1. Теоретические основы и обзор литературы.

Классические работы (Galor & Zeira, 1993; Aghion & Bolton, 1997) заложили основу для анализа связи неравенства и роста через кредитные рынки и инвестиции в человеческий капитал. В них показано, что при несовершенных кредитных рынках бедные семьи не могут финансировать образование детей, даже если его отдача высока. Более поздние исследования (Chetty et al., 2014; Corak, 2013) эмпирически подтвердили сильную корреляцию между высоким неравенством и низкой социальной мобильностью («Великая американская мечта»).

Данная статья развивает эти идеи, интегрируя в единую OLG-рамку три взаимосвязанных элемента: 1) *межпоколенческую передачу возможностей*, 2) *эндогенное формирование человеческого капитала*, зависящее от доходов родителей, и 3) *совокупную производственную функцию*, где качество человеческого капитала определяет темпы технологического прогресса и роста.

2. Структура модели.

Модель строится на основе агентов, живущих два периода: в первом периоде (молодость) агент получает образование, финансируемое родителями, и накапливает человеческий капитал. Во втором периоде (зрелость) агент работает, получает доход, распределяемый между потреблением, сбережениями и инвестициями в образование своего единственного ребенка.

2.1. Производство человеческого капитала.

Уровень человеческого капитала индивида i из поколения $t+1$ ($h_{i,t+1}$) является функцией инвестиций родителей ($e_{i,t}$) и унаследованного «социального капитала» или базовых возможностей, коррелирующих с человеческим капиталом родителей ($h_{i,t}$):

$$h_{i,t+1} = A * (\theta * h_{i,t}^\gamma + (1-\theta) * e_{i,t}^\gamma)^{1/\gamma},$$

где A – общая продуктивность системы образования, θ – параметр, определяющий важность унаследованных факторов (мера «жесткости» социального лифта), γ определяет эластичность замещения. Ключевое допущение: инвестиции $e_{i,t}$ имеют минимальный эффективный порог (e_{min}), ниже которого отдача от образования близка к нулю.

2.2. Бюджетные ограничения и кредитный рынок.

Доход зрелого индивида:

$$y_{i,t} = w_t * h_{i,t},$$

где w_t – цена единицы человеческого капитала.

Индивид максимизирует межвременную полезность, выбирая потребление ($c_{i,t}$), сбережения ($s_{i,t}$) и инвестиции в образование ребенка ($e_{i,t}$). Кредитный рынок несовершенен: заем под будущий доход ребенка невозможен. Таким образом, инвестиции ограничены текущим доходом родителя:

$$e_{i,t} \leq \lambda * y_{i,t},$$

где λ – максимальная доля дохода, которую родитель готов (или может) направить на образование.

2.3. Совокупное производство и динамика.

Совокупный выпуск в экономике в период *t* задается функцией Кобба-Дугласа: Y_t = K_t^α * H_t^{1-α}, где

H_t – совокупный эффективный человеческий капитал, агрегированный из *h_{i,t}*. Накопление физического капитала происходит за счет сбережений предыдущего поколения. Динамическая система модели определяется эволюцией распределения человеческого капитала *{h_{i,t}}* и уравнением накопления капитала.

3. Анализ равновесия и пороговые эффекты.

Модель допускает два типа стационарных равновесий:

1) равновесие с высокой мобильностью и инклюзивным ростом. Если начальное неравенство умеренно, а доля бедных домохозяйств с доходом y_{i,t} < e_min / λ мала, то большинство семей преодолевает порог эффективных инвестиций. Человеческий капитал накапливается в широких слоях населения, социальная мобильность высока, совокупный *H_t* растет устойчивыми темпами, подтягивая за собой физический капитал и выпуск;

2) равновесие с низкой мобильностью и «ловушкой неравенства».

Если начальное распределение доходов сильно сконцентрировано, значительная доля населения оказывается в состоянии y_{i,t} < e_min / λ. Эти домохозяйства не могут сделать продуктивные инвестиции в детей. В результате:

Человеческий капитал и доходы их детей остаются низкими (межпоколенческая корреляция стремится к 1).

Социальная мобильность падает.

Совокупный человеческий капитал *H_t* стагнирует, так как потенциал значительной части общества не реализуется.

Слабый рост *H_t* сдерживает спрос на капитал и инновации, что приводит к снижению долгосрочных темпов роста *g*.

Критический порог неравенства определяется как такое состояние распределения {y_{i,t}}, при котором доля населения, не способная преодолеть инвестиционный порог e_min, становится достаточно большой, чтобы перевести экономику с траектории (1) на траекторию (2). Этот порог зависит от параметров λ (жесткость кредитных ограничений), θ (наследуемость статуса) и e_min (технология образования).

4. Результаты численного моделирования и обсуждение.

Для калибровки модели использовались данные стран ОЭСР за 1990–2020 гг. (коэффициент Джини, показатели мобильности, доля расходов на образование). Численные симуляции подтвердили:

– *нелинейную зависимость*: при низких и средних уровнях Джини влияние неравенства на рост слабо выражено. После превышения условного порога (коэффициент Джини ~0.45–0.50 в данной калибровке) темпы роста начинают резко снижаться;

– *роль социальной мобильности*: показатель межпоколенческой эластичности доходов выступает надежным предиктором долгосрочного роста в симуляциях, объясняя бóльшую часть вариации, чем коэффициент Джини сам по себе;

– *эффективность политик*: симуляции показали, что целевые образовательные гранты для беднейших домохозяйств (повышающие их эффективный параметр λ) являются более действенным инструментом для ускорения роста в условиях высокого неравенства, чем общее снижение налогов, которое может не достичь нуждающихся групп.

Разработанная модель демонстрирует, что чрезмерное экономическое неравенство подрывает долгосрочный экономический рост не столько напрямую, сколько через блокировку каналов социальной мобильности и неполное использование человеческого потенциала. Когда неравенство лишает значительную часть населения возможности инвестировать в

человеческий капитал детей, экономика попадает в ловушку низкого роста и высокой межпоколенческой передачи бедности.

Список литературы

1. Влияние уровня развития человеческого капитала на эффективность экономики регионов: использование метода пространственной корреляции / В.В. Акбердина, П.Ю. Грошева, О.П. Смирнова, А.О. Пономарева // Региональная экономика: теория и практика. – 2022. – Т. 20. №7 (502). – С. 1208–1234. – DOI: 10.24891/re.20.7.1208. – EDN: LGVTSF.

2. Воробьев Н.И. Кластерный анализ статистических профилей пространственного распределения гумуса / Н.И. Воробьев, С.С. Ладан // Плодородие. – 2021. – №5 (122). – С. 33–36. – DOI: 10.25680/S19948603.2021.122.09. – EDN: QDFFPA.

3. Чайка К.Д. Офсетные контракты как инструмент сокращения диспропорций пространственного развития России / К.Д. Чайка // Экономическое развитие России. – 2025. – Т. 32. №3. – С. 192–198. – EDN: NQSIND.

Исаева Ольга Олеговна
канд. экон. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева»
г. Саранск, Республика Мордовия

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ РЫНКА СТРАХОВЫХ УСЛУГ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИИ

Аннотация: *в статье проведен анализ современного состояния рынка страховых услуг Республики Мордовия. Рассмотрены количественные и качественные показатели деятельности страховых организаций в регионе, выявлена структура страховых премий и выплат. Особое внимание уделено специфике регионального рынка в контексте общероссийских экономических трендов, включая цифровизацию и изменение потребительского поведения. Выявлены ключевые проблемы, сдерживающие развитие страхового потенциала республики.*

Ключевые слова: *страховой рынок, Республика Мордовия, страховые премии, страховое возмещение.*

Страховой рынок является неотъемлемым элементом финансовой системы любого государства, выполняя функции защиты имущественных интересов, накопления капитала и обеспечения социальной стабильности. На региональном уровне развитие страхового бизнеса выступает индикатором экономической активности и уровня жизни населения. Целью данной работы является анализ текущего состояния рынка страховых услуг в Республике Мордовия, выявление проблемных зон.

Рынок страховых услуг Республики Мордовия характеризуется высокой степенью зависимости от федеральных игроков. В регионе отсутствуют крупные местные страховые компании с федеральной лицензией, что типично для большинства субъектов РФ, не являющихся финансовыми центрами. Основную долю рынка занимают филиалы ведущих федеральных страховщиков (АО «СОГАЗ», Росгосстрах, СПАО «Ингосстрах», ПАО «САК «ЭНЕРГОГАРАНТ», САО «ВСК» и др.).

Анализ динамики сборов страховых премий за последние три года (2021–2023 гг.) показывает умеренный рост номинальных показателей. Однако в реальном выражении, с учетом инфляции, темпы роста могут быть менее значительными.

Таблица 1

Динамика страховых премий и выплат в Республике Мордовия за 2021–2023 гг. (оценочные данные, млн рублей)

Год	Сборы страховых премий (всего)	Из них: обязательные виды	Из них: добровольные виды	Страховые выплаты (всего)	Уровень выплат, %
2021	2840	1620 (57,0%)	1 220 (43,0%)	1278	45,0%
2022	3150	1890 (60,0%)	1 260 (40,0%)	1480	47,0%
2023	3580	2220 (62,0%)	1 360 (38,0%)	1683	47,0%
Темп роста 2023 г. /2021 г.	+26,1%	+37,0%	+11,5%	+31,7%	+2,0 п.п.

Источник: расчеты автора на основе данных Банка России и Мордовиястата.

Уровень выплат (отношение выплаченного возмещения к собранным премиям) в регионе традиционно варьируется в пределах 40–50%, что соответствует общероссийским показателям по видам страхования, иным чем страхование жизни. Высокий уровень выплат в сегменте ОСАГО сдерживает тарифную гибкость страховщиков, тогда как в сегменте добровольного имущественного страхования маржинальность остается выше.

Важным показателем развития страхового рынка является плотность страхования (сборы премий на душу населения) и уровень проникновения страхования (сборы премий в % к ВРП). Для Республики Мордовия эти показатели традиционно ниже среднероссийских значений. Низкая плотность страхования свидетельствует о недостаточной страховой культуре населения и ограниченной платежеспособности домохозяйств. Экономическая структура региона, где значительную долю занимает аграрный сектор и промышленность с низкой добавленной стоимостью, накладывает отпечаток на структуру спроса на страховые продукты.

Структура страхового портфеля региона имеет выраженную специфику. Традиционно лидирующее положение занимает обязательное страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств (ОСАГО). Это обусловлено высоким уровнем автомобилизации и жестким государственным контролем за наличием полисов. Доля ОСАГО в общих сборах премий часто превышает 40–50%.

Вторым по значимости сегментом является добровольное имущественное страхование, включая страхование жилья и имущества юридических лиц. В последние годы наблюдается рост интереса к ипотечному страхованию, что коррелирует с активностью на рынке недвижимости в Саранске и крупных районных центрах.

Страхование жизни в Республике Мордовия развито слабо. Доля этого сегмента в структуре премий незначительна (менее 5%), что связано с низкой финансовой грамотностью населения и предпочтением краткосрочных сберегательных инструментов (банковские вклады) долгосрочным страховым продуктам. Однако данный сегмент обладает высоким потенциалом роста, особенно в части инвестиционного страхования жизни и накопительного страхования жизни, при условии повышения доверия к финансовым институтам.

Отдельного внимания заслуживает сельскохозяйственное страхование. Республика Мордовия обладает развитым агропромышленным комплексом. Государственная поддержка агрострахования с субсидированием части страховой премии должна стимулировать спрос. Однако на практике многие малые и средние сельхозпроизводители избегают заключения договоров из-за сложности процедур и высокой стоимости полисов относительно ожидаемой доходности.

Конкурентная среда на страховом рынке республики характеризуется олигополистической структурой. Топ-10 федеральных страховых компаний контролируют более 80% рынка. Местные страховые агенты и брокеры выступают преимущественно как каналы продаж федеральных игроков.

Анализ структуры страховых случаев, зафиксированных «Росгосстрахом» в 2024 году, позволяет выделить ключевые риски, характерные для региона. В Мордовии зафиксирован

один из самых высоких показателей доли пожаров в структуре обращений по страхованию строений – 40% от общего числа заявлений по данному виду риска (для сравнения: в соседней Нижегородской области этот показатель составил 30%, во Владимирской – 33%). Основной причиной возгораний эксперты называют аварийный режим работы электропроводки [2].

Ключевым трендом последних лет стала цифровизация страховых услуг. Пандемия и последующие ограничения ускорили переход клиентов в онлайн. В Республике Мордовия, как и в целом по стране, растет доля продаж полисов ОСАГО и КАСКО через мобильные приложения и сайты страховых компаний. Это снижает издержки страховщиков на содержание офисов и агентской сети в районных центрах, но одновременно создает риски для традиционных каналов продаж.

Несмотря на наличие позитивных тенденций, рынок страховых услуг Республики Мордовия сталкивается с рядом системных проблем. Во-первых, низкая страховая культура. Значительная часть населения рассматривает страхование как навязанную услугу или способ изъятия средств, а не как механизм защиты рисков. Добровольные виды страхования воспринимаются как избыточная финансовая нагрузка.

Во-вторых, экономические ограничения. Уровень доходов населения в регионе ниже среднероссийского, что ограничивает спрос на дорогие страховые продукты (ДМС, НСЖ, комплексное страхование имущества). В условиях инфляции приоритет отдается товарам первой необходимости.

В-третьих, тарифное давление в обязательных видах. В сегменте ОСАГО тарифы регулируются государством и часто не покрывают убыточность в отдельных регионах или категориях водителей. Это приводит к тому, что страховщики могут ограничивать продажу полисов в «убыточных» сегментах, создавая социальную напряженность.

В-четвертых, дефицит квалифицированных кадров. На региональном рынке ощущается нехватка специалистов высокой квалификации в области актуарных расчетов, урегулирования убытков и страхового права. Молодые специалисты часто мигрируют в крупные финансовые центры (Москва, Казань, Нижний Новгород).

В-пятых, правовая неопределенность. Частые изменения в законодательстве (например, корректировки тарифных коридоров ОСАГО, правила техосмотра) создают нестабильность для бизнеса и затрудняют долгосрочное планирование.

Для устойчивого развития страхового рынка Республики Мордовия необходим комплексный подход, включающий меры как со стороны государства (стимулирование спроса, поддержка агрострахования, финансовая грамотность), так и со стороны участников рынка.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что рынок страховых услуг Республики Мордовия находится в стадии зрелости с элементами стагнации в отдельных сегментах. Регион демонстрирует устойчивость базовых показателей, однако отстает от лидеров по уровню проникновения страхования. Основным драйвером роста в ближайшей перспективе останется обязательное страхование и цифровые каналы продаж.

Дальнейшее развитие рынка невозможно без повышения доверия населения к страховым институтам и улучшения экономической ситуации в регионе. Страхование должно трансформироваться из формального выполнения требований закона в осознанную потребность граждан и бизнеса в защите своих активов. Реализация предложенных рекомендаций позволит повысить вклад страхового сектора в финансовую стабильность Республики Мордовия и обеспечить защиту экономических интересов ее жителей.

Список литературы

1. Аналитический обзор рынка страхования Российской Федерации по итогам 2023 года: рейтинг страховых компаний // Эксперт РА: сайт. – URL: https://raexpert.ru/researches/insurance/2023/ (дата обращения: 13.03.2026).

2. Отчет о развитии страхового рынка Приволжского федерального округа за 2023 год / Центральный банк Российской Федерации, Главное управление Банка России по Приволжскому федеральному округу. – М.: Банк России, 2024. – 87 с.

3. «Росгосстрах»: в 2024 году Мордовия вошла в топ-10 регионов, жители которых чаще всего сообщали о страховых случаях с домами // СФО-информ: сетевое издание. – URL: https://sfo-inform.ru/2025/01/24/1957289-rosgosstrakh-v-godu-mordoviya-voshla-v-top-re-ng/ (дата обращения: 15.03.2026).
4. СберСтрахование: в Мордовии по объему страховых сумм лидирует строительная отрасль // Известия Мордовии: сайт. – URL: https://113rus.ru/news/132389 (дата обращения: 15.03.2026).
5. Статистика. Страховой рынок // Центральный банк Российской Федерации: официальный сайт. – URL: https://cbr.ru/finmarket/supervision/sv_insurance/ (дата обращения: 13.03.2026).

Калмыков Николай Николаевич
канд. социол. наук, председатель правления
ММО «Объединение наставников»
г. Москва

DOI 10.31483/r-154348

ЦИФРОВЫЕ «ТАЙМ-КИЛЛЕРЫ» КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ И МЕДИАБЕЗОПАСНОСТИ: КОГНИТИВНЫЕ РИСКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация: *в статье анализируются цифровые отвлекающие механизмы («тайм-киллеры») как фактор медиабезопасности в условиях цифровой трансформации. В качестве контекста кратко фиксируются продуктивные эффекты цифровизации (ускорение коммуникаций, доступ к данным, повышение прозрачности процессов), на фоне которых проявляется «обратная сторона» медиатизации внимания. Рассматриваются когнитивные эффекты информационной перегрузки, постоянных уведомлений и медиамногозадачности, их влияние на качество управленческих решений и устойчивость организаций к информационным воздействиям. Обосновывается необходимость включения когнитивного измерения в систему медиабезопасности и предлагаются организационные меры противодействия.*

Ключевые слова: *социально-экономическая эффективность, медиабезопасность, глобализация, цифровизация, информационная перегрузка, когнитивная устойчивость, медиамногозадачность, социальная архитектура.*

Введение.

Устойчивое развитие организаций и общества в целом предполагает не только технологическое обновление, но и сохранение управленческой дееспособности в условиях усложнения среды. В экономике знаний и глобализированного медиапространства внимание, способность к аналитическому мышлению и качество координации становятся ресурсами социально-экономической эффективности предприятий, сопоставимыми по значимости с материальными и финансовыми факторами. Глобализация усиливает трансграничность медиасреды: значимая часть коммуникаций и информационных стимулов формируется платформами, работающими по единой логике удержания внимания, что влияет на повседневные практики труда, социализации и потребления информации.

Цифровая трансформация общественных и управленческих процессов сопровождается устойчивой медиатизацией профессиональной деятельности. Информационные технологии ускоряют коммуникацию и расширяют доступ к данным, повышают прозрачность рабочих процессов и управленческую наблюдаемость, создают условия для распределённого взаимодействия и более оперативной координации. В то же время рост интенсивности цифровых коммуникаций усиливает плотность информационных потоков и фрагментацию внимания.

В нормативных документах Российской Федерации устойчивость информационной среды рассматривается преимущественно в техническом и правовом измерении [3; 9; 10]. В прикладном измерении для предприятий и организаций это означает необходимость учитывать не только киберриски, но и когнитивные и организационные эффекты цифровой коммуникационной среды, влияющие на производительность, качество решений и социально-

экономическую результативность. На уровне социальных процессов это проявляется в распространении режимов «постоянной включённости», изменении норм коммуникации и перераспределении временных ресурсов, что затрагивает качество жизни и устойчивость профессиональных траекторий. Между тем в условиях цифровой среды особую значимость приобретает когнитивное измерение медиабезопасности. Под медиабезопасностью в настоящем исследовании понимается состояние и совокупность мер, обеспечивающих устойчивость аудитории и организаций к деструктивным информационным воздействиям и манипулятивным практикам в медиасреде [7, с. 44]. Когнитивное измерение медиабезопасности связано со способностью субъектов сохранять концентрацию, критическое мышление и устойчивость к манипулятивным воздействиям. В отечественной научной дискуссии когнитивная безопасность рассматривается как условие сохранения социального и управленческого ресурса в ситуациях информационного давления [8, с. 119–121].

Цель статьи – анализ цифровых «тайм-киллеров» как фактора социально-экономической эффективности предприятий и медиабезопасности, а также выявление их управленческих последствий в условиях глобализации.

В качестве дополнительной теоретико-методологической оптики используется социально-архитектурный подход, рассматривающий медиасреду как проектируемую многомерную среду (цифровое, семиотическое, организационное и историко-культурное измерения), которая выступает активным актором и задаёт режимы внимания, коммуникации и принятия решений через систему стимулов, ограничений и контуров обратной связи. Задачи исследования: раскрыть содержание феномена информационной перегрузки; охарактеризовать механизмы цифровых отвлечений; определить их влияние на качество решений; сформулировать меры организационного противодействия.

Методологическую основу исследования составили анализ и систематизация отечественных и зарубежных публикаций по проблематике информационной перегрузки, медиамногозадачности и медиабезопасности, сравнительный анализ подходов к оценке когнитивных рисков цифровой среды, а также интерпретация нормативных документов Российской Федерации в сфере информационной политики. Эмпирические выводы зарубежных исследований сопоставлялись с отечественными концепциями когнитивной безопасности. Применялись методы теоретического обобщения, сравнительного анализа и концептуального моделирования, позволившие сформировать социально-архитектурную матрицу диагностики медиасреды.

Научная новизна работы заключается в интерпретации цифровых отвлечений как элемента архитектуры медиаугроз и одновременно как фактора социально-экономической эффективности, воздействующего на когнитивную устойчивость субъектов управления. Практическая значимость определяется возможностью применения предложенных регламентов цифровых коммуникаций и мер цифровой гигиены в организациях, включая структуры с повышенными требованиями к устойчивости информационной среды.

Теоретическая рамка: информационная перегрузка, когнитивная уязвимость и социально-архитектурная перспектива

Социальная архитектура медиасреды как управленческий объект.

Информационная перегрузка определяется как состояние, при котором объем поступающей информации превышает когнитивные возможности ее обработки [13, с. 326–327]. Это приводит к снижению способности к системному анализу и росту вероятности ошибок. В исследованиях подчеркивается «тёмная сторона» информационного изобилия, выражающаяся в росте тревожности и ухудшении качества решений [12, p. 183].

Медиамногозадачность связана со снижением когнитивного контроля и ослаблением фильтрации нерелевантных стимулов [15, p. 15584–15585]. Получение уведомлений формирует когнитивные издержки даже без непосредственного взаимодействия с устройством [16, p. 895]. Прерывания деятельности сопровождаются увеличением времени восстановления

концентрации и ростом стрессовых показателей [14, p. 108–109]. Указанные эффекты формируют предпосылки для когнитивной уязвимости.

Социально-архитектурная перспектива позволяет описывать когнитивную уязвимость не только как индивидуальную проблему внимания, но и как результат конфигурации среды. В социально-архитектурном понимании медиасреда выступает динамически формируемой системой дизайна многомерной среды, коэволюционирующей с практиками субъектов и воспроизводящей устойчивые режимы внимания и коммуникации. Следовательно, управленческое воздействие должно адресовать не отдельные поведенческие акты, а параметры среды, закрепляющие типовые траектории действий. Цифровая медиасреда конструируется через интерфейсы, алгоритмические правила, регламенты коммуникации и культурные ожидания «постоянной доступности». В совокупности они формируют устойчивые паттерны поведения (реактивность, частые переключения, поверхностное чтение), которые затем воспроизводятся как «норма» и снижают качество управленческих решений. Тем самым объектом управления становится не отдельный индивид, а архитектура среды, задающая вероятностные траектории действий субъектов.

Цифровые «тайм-киллеры» как механизм медиаугрозы.

Под цифровыми отвлекающими механизмами (далее – «тайм-киллерами») понимаются технологически обусловленные прерывающие стимулы и элементы интерфейса: push-уведомления, мгновенные сообщения, алгоритмические рекомендации и иные инструменты удержания внимания. Их специфика заключается не только в потере рабочего времени, но в систематическом разрыве когнитивных процессов.

Для аналитической диагностики целесообразно выделять несколько групп цифровых «тайм-киллеров».

1. Коммуникационные: мессенджеры, корпоративные чаты, электронная почта, звонки и видеосвязь в режиме «постоянной доступности».

2. Контентно-потребительские: социальные сети, новостные ленты, потоковое видео и развлекательные сервисы, формирующие режим непрерывного «потребления фрагментов».

3. Платформенно-алгоритмические: рекомендации, автоподборки, бесконечная лента, механизмы удержания внимания и «подталкивания» к следующему действию.

4. Организационно-процессные: избыточные согласования, дублирующие каналы коммуникации, размытые правила срочности и приоритизации.

По характеру воздействия их можно рассматривать как: (а) внешние (поступающие извне как сигнал/требование реакции) и (б) внутренние (закреплённые привычкой постоянного переключения и поиском микростимулов). Дополнительным измерением выступает «активность» отвлечения: активные отвлечения предполагают сознательное вовлечение в нерелевантный контент, пассивные – навязаны уведомлениями и регламентами постоянной коммуникации.

Эффект псевдосрочности закрепляет реактивный стиль поведения, при котором стратегические задачи вытесняются краткосрочными коммуникативными реакциями. В условиях информационного противоборства такая модель функционирования снижает устойчивость субъекта к манипулятивным воздействиям.

Управленческие последствия для социально-экономической эффективности и риски медиабезопасности

Фрагментация внимания имеет прямые управленческие последствия: снижается глубина анализа, ухудшается качество стратегических решений, возрастает зависимость от шаблонных интерпретаций. Для предприятий это выражается в росте транзакционных издержек внутри организации (увеличение времени согласований, исправление ошибок, коммуникационные циклы), снижении производительности интеллектуального труда и ухудшении качества управленческих решений, что в совокупности влияет на социально-экономическую эффективность. В отечественных исследованиях медиабезопасность трактуется как обеспечение устойчивости аудитории к деструктивным информационным воздействиям [7, с. 44].

Подчеркивается необходимость учета когнитивного измерения безопасности и развития механизмов защиты от информационно-психологических интервенций [5, с. 124; 6, с. 60].

Таким образом, цифровые отвлекающие механизмы могут рассматриваться как элемент архитектуры медиаугроз, воздействующий на уровень когнитивной устойчивости организаций.

Примеры и кейсы (исследовательские и институциональные).

1. Экспериментальное ограничение цифровой реактивности. В экспериментальном исследовании К. Кушлева и Э. Данн ограничение частоты проверки электронной почты до нескольких фиксированных интервалов в течение дня сопровождалось снижением субъективного стресса по сравнению с режимом свободной проверки [17, p. 220–228]. Результат важен как эмпирическое подтверждение тезиса о том, что «параметры среды» (режим доступа и правила реагирования) выступают управляемым фактором когнитивной устойчивости.

2. «Стоимость уведомления» как эффект без действия. В исследованиях показано, что даже получение уведомления (без последующего взаимодействия с устройством) снижает показатели выполнения задачи, сопоставимо с эффектом активного использования телефона [16, p. 893–897]. Для управленческой практики это означает, что политика «не отвечать на сообщения сразу» недостаточна без одновременного управления самим потоком сигналов.

3. Институциональный кейс: «право на отключение». Во Франции «право на отключение» закреплено в трудовом регулировании и предполагает выработку внутриорганизационных правил, ограничивающих цифровые коммуникации вне рабочего времени. Обзоры практик реализации показывают, что ключевым механизмом выступают коллективные договорённости и корпоративные хартии, задающие рамки допустимой доступности [18, p. 1–2; 19, p. 1–2]. Данный кейс важен как пример формализации медиабезопасности через социально-архитектурные меры – регламенты, нормы и распределение ответственности.

Меры организационного противодействия.

Противодействие цифровым отвлечениям требует системного подхода, сочетающего регламентацию цифровых коммуникаций, настройку цифровой среды и развитие когнитивной устойчивости. В социально-архитектурной логике эти меры трактуются как проектирование среды: целенаправленное формирование «режимов внимания» и «режимов коммуникации», в которых снижается вероятность непроизводительных переключений и повышается устойчивость к внешним информационным воздействиям. На уровне организаций целесообразно внедрение регламентов цифровых коммуникаций, ограничение несущественных уведомлений и формирование культуры осознанного использования цифровых инструментов. Практически это предполагает: определение «окон» для ответов на сообщения, разведение каналов по степени срочности, сокращение дублирования коммуникаций, а также правила постановки задач (кто, что, к какому сроку, в каком формате) во избежание постоянных уточнений и многократных итераций.

Важным компонентом является «средовая» настройка рабочей среды. Речь идёт не только о цифровых настройках (фильтрация уведомлений, режимы фокуса, приоритеты каналов), но и об организационном дизайне, который снижает шум: ясность ролей, предсказуемость процессов, снижение числа незапланированных отвлечений. В этом смысле медиабезопасность включает элементы управленческого проектирования среды как системы стимулов и ограничений, поддерживающих устойчивое внимание и качество решений.

Для практической диагностики и проектирования целесообразно использовать социально-архитектурную матрицу, включающую четыре измерения:

– цифровое (интерфейсы, уведомления, алгоритмы, настройки каналов);

– организационное (регламенты, роли, правила срочности, управленческие циклы согласования);

– семиотическое (языковые маркеры «срочно/немедленно», нормы реакции, символический статус постоянной включённости);

– историко-культурное (инерция управленческих привычек, типовые модели контроля и отчётности).

Каждое измерение задаёт ограничения и стимулы, а в связке формирует контуры обратной связи: чем чаще среда поощряет реактивные ответы, тем сильнее закрепляется режим фрагментации внимания и тем ниже устойчивость к манипулятивным воздействиям. Соответственно, меры медиабезопасности должны воздействовать на параметры среды, а не только на «дисциплину» отдельных сотрудников.

Развитие когнитивной устойчивости предполагает обучение управлению вниманием и формирование цифровой гигиены. В практическом измерении это включает: формирование навыков приоритизации и работы с информационными потоками; снижение привычки к постоянной проверке уведомлений; закрепление практик «глубокой работы» при выполнении аналитических задач; развитие критического мышления и проверку информации в условиях насыщенной медиасреды. Значение экспертного обеспечения медиабезопасности и институционализации соответствующих практик подчеркивается в современных исследованиях [1, с. 63–65]. Интеграция когнитивного измерения в концепцию медиабезопасности позволяет рассматривать внимание как стратегический ресурс, требующий управленческой защиты.

Выводы.

1. Цифровые отвлекающие механизмы формируют режим когнитивной перегрузки и закрепляют реактивные паттерны поведения.

2. Информационная перегрузка и медиамногозадачность снижают качество управленческих решений и усиливают зависимость от упрощённых интерпретаций.

3. Для предприятий и организаций это выражается в росте внутренних транзакционных издержек и снижении социально-экономической эффективности управленческих процессов.

4. Когнитивные эффекты цифровых «тайм-киллеров» повышают уязвимость организаций к манипулятивным информационным воздействиям.

5. Медиабезопасность в цифровую эпоху должна включать когнитивное измерение наряду с техническими и правовыми аспектами.

6. Социально-архитектурный подход позволяет рассматривать объектом управления архитектуру медиасреды (стимулы, ограничения и контуры обратной связи), а не только индивидуальные практики поведения.

Эффективное противодействие предполагает регламентацию цифровых коммуникаций, настройку цифровой среды, развитие когнитивной устойчивости и управленческое проектирование среды; в условиях глобализации это становится фактором конкурентоспособности и устойчивости организаций.

Список литературы

1. Богатырев К.М. Экспертное обеспечение медиабезопасности в цифровой среде / К.М. Богатырев // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2022. – Т. 13. №4 (50). – С. 60–70. – DOI: 10.37973/KUI.2022.13.69.009. EDN DBTVQR

2. Быкадорова А.С. Медиабезопасность как актуальное направление медиаобразовательной деятельности / А.С. Быкадорова, Е.В. Шаповалова // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2017. – №4 (26). – С. 53–57. EDN ZRCRXF

3. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 05.12.2016 №646 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001201612060002 (дата обращения: 23.02.2026).

4. Информационно-психологическая и когнитивная безопасность: коллективная монография / под ред. И.Ф. Кефели, Р.М. Юсупова. – СПб.: Петрополис, 2017. – 300 с.

5. Кефели И.Ф. Проблемы обеспечения когнитивной безопасности информационного общества / И.Ф. Кефели, О.В. Плебанек // Respublica Literaria. – 2025. – Т. 5. №3. – С. 122–136. – DOI: 10.47850/RL.2024.5.3.122-136. EDN CEHBKN

6. Комлева В.В. Когнитивно-ментальные интервенции как инструмент гибридных войн / В.В. Комлева // Россия: общество, политика, история. – 2025. – №2 (15). – С. 57–74. DOI 10.56654/ROPI-2025-2(15)-57-74. EDN QTNVGQ

7. Марочкина С.С. Медиабезопасность аудитории СМИ в современном информационном пространстве / С.С. Марочкина, М.С. Круглова, Л.Э. Круглова // Вопросы безопасности. – 2023. – №1. – С. 42–50. – DOI: 10.25136/2409-7543.2023.1.39836. EDN FYSTSK

8. Миронова Н.Г. О проблеме обеспечения когнитивной безопасности / Н.Г. Миронова // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2021. – №1 (157). – С. 119–125. DOI 10.34773/EU.2021.1.24. EDN HKUXXC

9. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 №149-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102108264 (дата обращения: 23.02.2026).

10. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 №203 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102431687 (дата обращения: 23.02.2026).

11. Шангараев Р.Н. Когнитивное превосходство в контексте современных угроз / Р.Н. Шангараев // Социально-политические науки. – 2025. – Т. 15. №2. – С. 84–88. – DOI: 10.33693/2223-0092-2025-15-2-84-88. EDN NJLPWS

12. Bawden D., Robinson L. The dark side of information: overload, anxiety and other paradoxes and pathologies // Journal of Information Science. 2009. Vol. 35. No. 2. Pp. 180–191. DOI: 10.1177/0165551508095781.

13. Eppler M. J., Mengis J. The Concept of Information Overload: A Review of Literature from Organization Science, Accounting, Marketing, MIS, and Related Disciplines // The Information Society. 2004. Vol. 20. No. 5. Pp. 325–344. DOI: 10.1080/01972240490507974.

14. Kushlev K., Dunn E. W. Checking email less frequently reduces stress // Computers in Human Behavior. 2015. Vol. 43. Pp. 220–228. DOI: 10.1016/j.chb.2014.11.005.

15. Mark G., Gudith D., Klocke U. The cost of interrupted work: more speed and stress // Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI ’08). 2008. Pp. 107–110. DOI: 10.1145/1357054.1357072.

16. Ophir E., Nass C., Wagner A. D. Cognitive control in media multitaskers // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2009. Vol. 106. No. 37. P. 15583–15587. DOI: 10.1073/pnas.0903620106.

17. Right to disconnect: Implementation and impact at company level. Luxembourg: Publications Office of the European Union; Eurofound, 2023. URL: https://assets.eurofound.europa.eu/f/279033/70e915b9f3/ef23002en.pdf (дата обращения: 23.02.2026).

18. Stothart C., Mitchum A., Yehnert C. The attentional cost of receiving a cell phone notification // Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance. 2015. Vol. 41. No. 4. P. 893–897. DOI: 10.1037/xhp0000100.

19. The right to disconnect / European Parliamentary Research Service (EPRS). 2020. URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/642847/EPRS_BRI%282020%29642847_EN.pdf (дата обращения: 23.02.2026).

Кротова Вероника Викторовна
бакалавр, студентка
Научный руководитель
Трунов Анатолий Анатольевич
канд. филос. наук, доцент

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
г. Белгород, Белгородская область

КУЛЬТУРА ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ: ПРОЕКТИРОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ КАК ОСНОВА САМОСОХРАНИТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ

Аннотация: *в статье исследуются механизмы формирования культуры пищевого поведения молодежи как основы самосохранительных стратегий. На основе анализа социологических данных, выявившего диссонанс между установками на здоровое питание и реальными практиками, предлагается проектная модель «Осознанный выбор», интегрирующая образовательные, средовые и профилактические механизмы для развития осознанного отношения к питанию и здоровью в молодёжной среде.*

Ключевые слова: *культура пищевого поведения, молодежь, самосохранительные стратегии, проектирование механизмов, пищевые практики, социология питания, социальные факторы.*

Введение (Introduction). Актуальность исследования культуры пищевого поведения молодежи обусловлена комплексом острых социально-демографических и медико-социальных вызовов. Несбалансированное питание выступает одним из ключевых факторов риска развития хронических неинфекционных заболеваний, что в условиях ухудшения здоровья молодого поколения и демографического кризиса напрямую влияет на качество человеческого капитала и устойчивость общества. Трансформация образа жизни под влиянием урбанизации, цифровизации и коммерциализации пищевой среды формирует новые риски, делая проблему питания не только индивидуальным, но и значимым социальным феноменом.

Особую остроту проблеме придает наблюдаемый в молодежной среде устойчивый когнитивно-поведенческий диссонанс. Он проявляется в противоречии между декларируемой приверженностью ценностям здорового образа жизни и реальными практиками, для которых характерны нерегулярность, высокая доля ультраобработанных продуктов и зависимость от ситуативных факторов – темпа жизни, стресса и медийных трендов. Это противоречие свидетельствует о недостаточной эффективности существующих подходов и требует разработки целенаправленных социокультурных механизмов формирования осознанного отношения к питанию.

Целью данной статьи является теоретическое обоснование и проектирование комплексной модели механизмов формирования культуры пищевого поведения молодежи, направленной на становление индивидуальных самосохранительных стратегий. Работа базируется на междисциплинарном анализе и эмпирических данных, а ее практическая значимость заключается в предложении конкретного проектного инструментария для образовательных и профилактических программ в молодежной среде.

Методология и методы (Methodology and methods). Проблематика пищевого поведения активно исследуется социологией, психологией и культурологией. П. Бурдье [16], Ю.В. Веселова [10] и А.В. Носкова [8] изучают влияние социальных структур, гендера и экономики на пищевые нормы. П.А. Сорокин [2] анализирует, как голод разрушает мораль, доминируя инстинкт самосохранения [2].

Для теоретической базы важны структурно-функциональный анализ Т. Парсонса и мир-системный подход Ф. Броделя [12]. П. Фридман [15], Дж. Гуди [14] и С. Меннелл [13] вносят

вклад в социологию и антропологию питания. А.Ю. Тихонова [1] исследует самосохранительное поведение, показывая, что оно опосредует влияние других факторов [1].

Отечественные ученые Н.Б. Стамбулова [3], Г.С. Никифоров [5] и Э.Н. Вайнер [11] изучают здоровый образ жизни и пищевое поведение. Л.А. Сабурова [3], О.Г. Рослова [4] и С.И. Кайгородова [9] исследуют ценностные аспекты здорового питания. Однако, недостаточно изучено проектирование социокультурных механизмов для формирования осознанного пищевого поведения молодежи и разработки самосохранительных стратегий.

Научные результаты и дискуссия (Scientific results and discussion). В рамках исследования были проведены глубинные интервью с двумя респондентами, имеющими различный опыт проблемного пищевого поведения. Анализ данных выявил полярные символические значения пищи. Для участницы с расстройством пищевого поведения (РПП) еда – источник страха и контроля: «*Еда для меня – это маятник между страхом и стыдом. Каждый приём пищи – это выбор между «можно» и «нельзя»*. Для участника с ожирением пища ассоциируется с безопасностью и поддержкой: «*В еде я вижу своего рода убежище... как объятие, которого не хватает*».

Ключевые факторы формирования таких установок также различались. Участница с РПП связала начало проблем с критикой матери и подростковыми диетическими нормами: «*Мама всегда говорила: «Посмотри на себя». Эти слова стали внутренним голосом*». Участник с ожирением указал на семейные традиции, где еда была мерой любви: «*В нашей семье любовь измерялась количеством еды на столе*».

Существенные различия наблюдались в сфере телесности и саморегуляции. Респондент с РПП испытывал отчуждение от собственного тела и трудности в распознавании его сигналов: «*Иногда я смотрю в зеркало и не понимаю, чьё это тело*». Респондент с ожирением отмечал потерю чувствительности к насыщению, особенно в стрессе: «*Я ем, пока физически не станет тяжело. В стрессе будто отключаюсь*».

Эмоциональная регуляция через пищу присутствовала в обоих случаях, но носила разный характер. Для участницы с РПП срыв влечет за собой вину и цикл самонаказания, тогда как для участника с ожирением переедание вызывает скорее досаду и разочарование в себе.

Влияние социального окружения и медиасреды также воспринималось по-разному. Критические замечания о внешности были травматичны для респондента с РПП, усиливая тревогу. Для респондента с ожирением давление окружения было более фоновым. Социальные сети для первого выступали постоянным триггером для сравнения, а для второго – лишь источником краткосрочной мотивации.

Таким образом, полученные нарративы подтверждают, что проблемное пищевое поведение в молодежной среде формируется под комплексным воздействием семьи, медиа и индивидуальной психологии, но его специфика (РПП или ожирение) определяет качественно разные дисфункциональные механизмы. Это доказывает необходимость разработки дифференцированных профилактических подходов и адресных самосохранительных стратегий, учитывающих глубинные эмоциональные и смысловые связи индивида с пищей.

На основе выявленных проблем проектируется модель «Осознанный выбор», направленная на формирование у молодежи (16–25 лет) рациональной и осознанной культуры питания. Целью проекта является преодоление когнитивно-поведенческого диссонанса через повышение нутрициональной грамотности, развитие навыков критической оценки пищевой информации и создание поддерживающей среды в образовательных учреждениях.

Реализация проекта основана на системе взаимодополняющих механизмов: образовательного (факультативы, лекции), интерактивно-поведенческого (игры, проекты), средового (оптимизация питания в столовых), ценностно-нормативного (дискуссии) и профилактического (работа с психологами). Комплексный подход обеспечивает воздействие на знания, практики и ценностные установки молодежи.

Оценка эффективности включает анкетирование и экспертизу, на основе которых разработаны три сценария реализации: базовый (формирование устойчивых навыков у 40–50%

участников), оптимистический (институционализация здорового выбора) и пессимистический (сохранение эффекта лишь у 15–20% наиболее мотивированных). Достижение ключевых показателей позволит говорить об эффективности модели и возможности её масштабирования.

Заключение (Conclusion). Проведенный анализ культуры пищевого поведения молодежи выявил ключевое противоречие между декларируемыми ценностями здорового образа жизни и реальными практиками, которые характеризуются несбалансированностью, нерегулярностью и высокой зависимостью от социально-экономических, медийных и ситуативных факторов. Это подтверждает необходимость перехода от констатации проблемы к целенаправленному проектированию социокультурных механизмов, способных трансформировать пищевые установки и модели поведения в сторону большей осознанности и рациональности.

В качестве практического решения предлагается проектная модель «Осознанный выбор», интегрирующая образовательные, интерактивные, средовые и профилактические механизмы. Ее реализация направлена не только на повышение нутрициональной грамотности, но и на формирование устойчивых навыков самосохранительного поведения. Таким образом, проектирование становится основой для создания действенных стратегий, способствующих укреплению здоровья молодого поколения через развитие ответственной культуры питания.

Список литературы

1. Самосохранительное поведение в системе жизненных ценностей молодежи / А.Ю. Тихонова, М.А. Рассихина, В.А. Кузнецова, М.А. Харина // Молодой ученый. – 2022. – №22 (417). – С. 642–645. – URL: https://moluch.ru/archive/417/92529 (дата обращения: 20.01.2026). EDN METEXE

2. Сорокин П.А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь / П.А. Сорокин. – М.: Academia & LVS, 2003.

3. Сабурова Л.А. Здоровье как предмет социологического изучения / Л.А. Сабурова // Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы: тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе. – М.: Альфа-М, 2003. – Т. 3. – С. 9–11.

4. Рослова О.Г. Социальный механизм формирования ценностных ориентаций молодежи современной России (теоретико-методологические аспекты): дис. ... канд. соц. наук / О.Г. Рослова. – Саратов, 2000. – 164 с. EDN QDJJEX

5. Психология здоровья / под ред. Г.С. Никифорова. – СПб.: Питер, 2003. – 607 с.

6. Парсонс Т. Функциональная теория изменения / Т. Парсонс // Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В.И. Добренькова. – М.: Изд-во Международного университета бизнеса и управления, 1996. – С. 478–493.

7. Образование и здоровый образ жизни (Опыт валеологического сопровождения учебно-воспитательного процесса в школе № 588 Колпинского района г. Санкт-Петербурга): учеб.-метод. пособие / под ред. Н.Б. Стамбуловой. – СПб.: Центр карьеры, 2000. – 144 с.

8. Носкова А.В. Питание как объект социологии и маркер социального неравенства / А.В. Носкова // Вестник Института социологии. – 2015. – №3 (14).

9. Кайгородова С.И. Отношение студенческой молодежи к здоровому образу жизни в Республике Саха (Якутия) / С.И. Кайгородова // Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы: тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе. – – Т. 3. – М.: Альфа-М, 2003. – С. 144–145.

10. Веселов Ю.В. Социология питания: теоретические основания / Ю.В. Веселов // Проблемы теоретической социологии: межвуз. сб. / отв. ред. А.О. Бороноев. – Вып. 10. – СПб.: Изд. центр экономического факультета СПбГУ, 2014.

11. Вайнер Э.Н. Валеология / Э.Н. Вайнер, Е.В. Волынская. – М.: Флинта; Наука, 2002. – 312 с.

12. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. / Ф. Бродель. – Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. – М.: Прогресс, 1986. EDN FUQOYR

13. Mennell S. All Manners of Food: Eating and Taste in England and France from the Middle Ages to the Present. Chicago: University of Illinois Press, 1996.

14. Goody J. Cooking, Cuisine and Class: A Study in Comparative Sociology. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

15. Freedman P.H. (ed.) Food: The History of Taste / ed. P.H. Freedman. – Berkeley and LA: University of California Press, 2007.

16. Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste / P. Bourdieu. Cambridge, Mass.: Harvard University Press; Routledge & Kegan Paul, 1984.

Кутало Мария Борисовна
магистрант
Новикова Татьяна Александровна
студентка
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
г. Воронеж, Воронежская область

ПРОЕКТИРОВАНИЕ, СТРОИТЕЛЬСТВО И ЭКСПЛУАТАЦИЯ ДОРОГ

Аннотация: *статья посвящена анализу кризиса транспортной системы Германии, который замедляет экономический рост и нарушает логистику. Проблема возникла из-за растущего объема грузоперевозок при одновременном ухудшении состояния дорог и мостов. Рассматриваемые вопросы – нехватка инвестиций, ориентация на ремонт вместо развития и отсутствие долгосрочного плана – актуальны и для других стран, что делает исследование востребованными не только для Германии, но и для многих стран, столкнувшихся с вызовом модернизации устаревшей инфраструктуры в условиях растущих нагрузок и ограниченных ресурсов.*

Ключевые слова: *планирование дорог, экономическая эффективность, экологическая эффективность, дорожная инфраструктура, стандартизация.*

Развитие дорожной инфраструктуры остается одной из наиболее актуальных задач для современных государств, поскольку напрямую влияет на экономический рост, мобильность населения и территориальную связанность. В условиях ограниченности бюджетных ресурсов особую важность приобретают вопросы эффективного планирования и рационального использования средств.

Немецкий опыт организации дорожного хозяйства представляет особый интерес как пример системного подхода, сочетающего технические инновации с экономической целесообразностью. Актуальность изучения этой модели обусловлена необходимостью разработки оптимальных механизмов управления инфраструктурными проектами в России. Детальное рассмотрение немецких стандартов проектирования, методов контроля стоимости и процедур экологической экспертизы позволяет выявить потенциал для адаптации отдельных элементов этой системы. Анализ представленных в статье примеров и нормативных требований дает практический материал для совершенствования подходов к дорожному строительству с учетом принципов устойчивого развития и оптимального использования ресурсов.

В результате проведенного анализа было выявлено, что основой для планирования проектов нового строительства или расширения дорог в ФРГ служат планы путей сообщения или планы развития транспорта. При планировании дорог учитываются и соотносятся между собой, в частности, интересы транспорта, пространственного планирования, охраны природы и окружающей среды, а также экономической эффективности.

Фазы планирования от крупного до детального масштаба, особенно при новом строительстве, можно подразделить на:

– предварительное планирование (трассировка);
– процедуру пространственного планирования с определением коридора;
– определение трассы;
– предварительное проектное планирование;
– проект для утверждения плана;
– утверждение плана с оценкой воздействия на окружающую среду и
– рабочий проект с учетом решения об утверждении плана.

При этом на каждой из стадий планирования необходимо взвешивать и надлежащим образом учитывать упомянутые выше аспекты. Решения по ним могут существенно повлиять на масштабы объекта дорожной инфраструктуры, но, прежде всего, на объем необходимых инженерных сооружений, а также компенсационных и замещающих мер в области охраны

природы и, тем самым, на стоимость проводимых мероприятий. Например, чувствительный с экологической точки зрения коридор может потребовать строительства экологических тоннелей, экодуков или эстакад. Или прокладка трассы дороги вблизи жилой зоны может повлечь за собой строительство шумозащитных сооружений вплоть до полного закрытия соответствующей дороги [5; 6].

Взаимосвязи между различными сферами жизни – проживанием, работой, отдыхом – и многообразные экономические взаимосвязи требуют различных транспортных систем, адаптированных к конкретным задачам. К задачам транспортного планирования относятся определение вида и объема транспортных потребностей, создание основы для принятия решений по проектированию и эксплуатации отдельных транспортных систем. В пространственном и земельном планировании доступность центральных мест является важной целью.

С начала третьего тысячелетия Федеральное министерство транспорта Германии поставило цель значительного сокращения числа погибших в дорожном движении. Одним из ее элементов является безопасность дорожной инфраструктуры. Поэтому Федеральное министерство транспорта поручило переработать нормативы для проектирования дорог с требованием, чтобы дорога своей четкой характеристикой отражала соответствующую сетевую функцию. Таким образом, появится возможность повысить безопасность движения и качество транспортного потока.

Новые федеральные автомагистрали, как правило, относятся к определенным группам категорий и классов (например, автобаны, городские дороги, региональные и т. п.). Внутри классов проектирования указания предписывают проектные и эксплуатационные характеристики [1; 3]. Их, как правило, не изменяют, чтобы сохранить эффективность дороги. К этим характеристикам относятся, среди прочего:

– допустимая скорость;
– поперечный профиль дороги;
– тип узлов, а также
– определенные элементы трассировки в плане и продольном профиле (уклоны, подъемы, кривизна).

Определение класса проектирования не влияет на официальное назначение дороги. Однако отнесение дороги к определенной категории существенно влияет на ее взаимодействие с участниками дорожного движения и на транспортный поток.

Следует подчеркнуть, что установление категории дороги имеет значительные последствия для строительных затрат [2].

Рассмотрим прокладывание дорог. Трассировка дороги оказывает влияние на качество транспортного потока, безопасность дорожного движения, а также на стоимость строительства и содержания. Основой для трассировки в плане положения и высоты являются соображения безопасности и расчеты динамики движения. Путем класса проектирования устанавливаются следующие предельные и ориентировочные значения для основных элементов проектирования:

– минимальные радиусы для круговых кривых;
– минимальные параметры клотоид (переходных кривых);
– максимальные продольные уклоны (для подъемов и спусков) и
– минимальные радиусы выпуклых и вогнутых вертикальных кривых.

Помимо отдельных элементов проектирования, необходимо также соблюдать принципы пространственного проложения трассы. Ход участка дороги должен быть достаточно видимым для участника дорожного движения и, следовательно, своевременно воспринимаемым и однозначно понимаемым [4].

Для безопасности также важен достаточный водоотвод с поверхности дороги. Кроме того, необходимо соблюдать так называемое расстояние видимости для остановки, чтобы водитель в случае опасности мог в любой момент своевременно остановиться перед препятствиями. Все эти пункты проверяются в рамках аудитов безопасности, чтобы исключить влияющие на безопасность ошибки в проложении трассы.

Рассмотрим пример. В одной из федеральных земель дорожная администрация исследовала несколько вариантов трассировки для нового строительства участка федеральной автомагистрали. Проект, подлежащий утверждению в порядке плановой процедуры, изначально предусматривал строительство федеральной автомагистрали с высокими техническими затратами на склоне, параллельно уже существующей федеральной дороге. В отличие от этого, вариант из более позднего проекта планировки предполагал использование трассы существующей федеральной дороги. Третий вариант, по крайней мере, частично использует существующую трассу. Этим предполагалось уменьшить ущерб природе. В соответствии с инструкциями Федеральной счетной палаты, совместное использование существующей трассы более всего соответствует интересам государства, поскольку это позволяет избежать высоких затрат на новое строительство на склоне и снижает экологические риски. Федеральная счетная палата сделала перерасчет и определила, что в данном случае можно сэкономить до 5 млн евро [2; 4].

Важными элементами проектирования дороги являются поперечные профили для свободного участка и связывающие их элементы – узлы. При этом также необходимо учитывать безопасность дорожного движения, качество транспортного потока и затраты на строительство и содержание. Выбор поперечного профиля в значительной степени влияет на пропускную способность дороги, поскольку им определяется количество полос движения.

Для федеральных автомагистралей в соответствии с руководством по проектированию автомагистралей имеются типовые поперечные профили и узлы для каждого класса проектирования в зависимости от интенсивности движения.

Для региональных дорог в руководстве, согласно классам проектирования, также содержатся предписания для поперечных профилей дорог и узлов. Они характеризуются фундаментальной стандартизацией. Каждому классу проектирования в нормативных документах соответствуют характеристики проектирования, от которых следует отступать лишь в исключительных случаях. Одним из таких исключений, например, является интенсивность движения. Если она выпадает или растет сверх определенных значений, необходимо проверить, следует ли планировать дорогу в классе проектирования более низкого или более высокого ранга. Из соображений узнаваемости категории дороги следует избегать изменения отдельных элементов в рамках одного класса проектирования. Отметим, что в руководящих принципах планирования не установлены отдельные критерии экономической эффективности дорог. Для того чтобы этот критерий учитывался при подтверждении качества транспортного потока, министерство транспорта постановило для федеральных дорог дальнего сообщения, что при новом строительстве, переустройстве или расширении дорог достаточно уровня качества региональных дорог, чтобы предотвратить избыточно дорогое строительство дорог. Если при подтверждении качества транспортного потока для перегонов или отдельных элементов (поперечных профилей и узлов) федеральных автомагистралей и федеральных дорог получается уровень качества лучше региональных дорог, необходимо доказать, что менее затратный вариант строительства не достигает указанного уровня качества. В противном случае следует выбирать этот вариант. Ср.: дорожная администрация одной из федеральных земель запланировала для объездной дороги вокруг населенного пункта федеральной дороги два перекрестка с региональными дорогами и один перекресток с федеральной дорогой. Она предусмотрела для трех перекрестков – в одном случае по инициативе Федерального министерства транспорта – высший стандарт расширения. Она не проверяла, были бы перекрестки с более низким стандартом достаточно производительными и безопасными. При другом планировании дорожная администрация была намерена построить новый перекресток с двумя мостами, чтобы объединить несколько следующих близко друг за другом подъездов к участкам и перекрестков и таким образом улучшить безопасность дорожного движения, не учитывая при этом наиболее экономичную альтернативу. Федеральное министерство транспорта и дорожная администрация признали, что запланированные перекрестки не были

экономичными и превышали правовые предписания, после чего было изменено планирование. Благодаря этому экономия составила около 5 млн евро [2; 4].

Другой пример. Дорожная администрация одной из федеральных земель в настоящее время осуществляет поэтапное расширение федеральной дороги до федеральной автомагистрали. На окраине общины был построен съезд. Примерно в 400 м от него планировался – по желанию другой общины – еще один съезд. Федеральная счетная палата указала Федеральному министерству транспорта на методические ошибки в транспортных заключениях по этим двум съездам. Дорожная администрация в конечном итоге установила, что может оптимизировать существующий съезд так, чтобы он мог принимать и транспортные потоки планируемого второго съезда. После этого федеральным министерством транспорта было отозвало обещание о выделении федеральных средствах для планируемого съезда. Благодаря этому экономия на строительные затраты составила 3,7 млн евро. Община также отказалась от строительства съезда, которое ей теперь пришлось бы финансировать самостоятельно [2; 4].

Рассмотрим еще пример. Несмотря на сравнительно невысокую транспортную нагрузку, одна дорожная администрация запланировала для объездной дороги вокруг населенного пункта три съезда с высшим стандартом расширения, которые должны были располагаться на небольшом расстоянии друг от друга. Федеральная счетная палата рекомендовала дорожной администрации проверить планировку. Дорожная администрация отказалась от одного съезда и снизила тем самым строительные затраты на 500 000 евро [2; 4].

В заключение можно констатировать, что немецкая система планирования дорожной инфраструктуры характеризуется продуманным сочетанием стандартизации, проверки экономической эффективности и экологической ответственности. Четкие нормативы проектирования обеспечивают безопасность и единство требований ко всей дорожной сети. Важным принципом является ориентация на достаточный уровень качества, что позволяет избежать излишних затрат. Регулярные проверки счетной палаты предотвращают нерациональное использование средств. Практика показывает, что можно экономить значительные суммы без ущерба для безопасности. Таким образом, немецкая модель предлагает ценный опыт для оптимизации процессов планирования в других странах, особенно в вопросах баланса между техническими стандартами и бюджетной дисциплиной.

Список литературы

1. Bundeshaushaltsordnung (BHO) vom 19. August 1969 (BGBl. I S. 1284), zuletzt geändert durch Artikel 8 Absatz 10 des Gesetzes vom 3. Dezember 2015 (BGBl. I S. 2178).

2. Bundesverkehrsministerium: Richtlinie zur Durchführung von Wirtschaftlichkeitsuntersuchungen im Rahmen von Instandsetzungs-/Erneuerungsmaßnahmen bei Straßenbrücken (RI-WI-BRÜ), eingeführt mit ARS 22/2004 vom 22. September 2004; aktuelle Ausgabe 2007.

3. Müller/Schulz. Bundesfernstraßengesetz mit Bundesfernstraßenmautgesetz – Kommentar. 2. Auflage 2013 Verlag C. H. Beck. Rd. 18. S. 302.

4. FGSV: Handbuch für die Bemessung von Straßenverkehrsanlagen (HBS), Ausgabe 2015, eingeführt vom Bundesverkehrsministerium mit ARS 14/2015 vom 26. August 2015.

5. Новикова Т.А. Влияние природно-климатических факторов на состояние автомобильных дорог / В.И. Чечетка, П.М. Соколов, Т.А. Новикова // Формирование и развитие новой парадигмы науки в условиях постиндустриального общества: сборник статей Всероссийской научно-практическая конференции с международным участием (Екатеринбург, 13 октября 2022 г.). – Уфа: Аэтерна, 2022. – С. 5–7.

6. Новикова Т.А. Организация и проведение строительных дорожных работ в ландшафтно-художественном аспекте / Т.А. Новикова, П.М. Соколов // Концепции, теория и методика фундаментальных и прикладных научных исследований: сборник статей Международной научно-практической конференции (Воронеж, 10 января 2024 г.). – В 2 ч. Ч. 2. – Уфа: Аэтерна, 2024. – С. 59–68. – ISBN 978-5-00177-863-9.

Лапшина Ирина Владимировна
канд. филос. наук, доцент
Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал)
ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»
г. Таганрог, Ростовская область

DOI 10.31483/r-154210

ЭКОЛОГИЧЕСКИ ЧИСТЫЙ ВОДОРОД В ГЛОБАЛЬНОМ ПЕРЕХОДЕ К БЕЗУГЛЕРОДНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация: *в статье анализируется проблемная область, связанная с внедрением водородных проектов в современности. Отмечается, что водород может играть важную роль в глобальном переходе к безуглеродной энергетике в качестве химического сырья и топлива. Приводятся примеры уже выявленных проблем в мировой практике при внедрении водородных проектов. Отдельно отмечается, что усложняет развитие рынка экологически чистого водорода: это недостаточное количество покупателей для расширения рынка, неразработанная политика снижения налогов, необходимость в строительстве новой инфраструктуры и отсутствие общественного признания. В конечном итоге нет существенных достижений странами поставленных целей по декарбонизации. В итоге цены на чистый водород остаются выше, чем на электроэнергию и природный газ, в связи с чем производители не заинтересованы в синтезе чистого водорода.*

Ключевые слова: *экологически чистый водород, декарбонизация, природный газ, возобновляемая электроэнергия, общественное признание.*

В начале отметим, что в настоящее время ожидается, что водород будет играть важную роль в глобальном переходе к безуглеродной энергетике в качестве химического сырья и топлива. Как известно, при производстве с использованием возобновляемых источников энергии водород становится средством обезуглероживания труднообрабатываемых промышленных процессов и тяжелого транспортного сектора [1]. Например, согласно текущим прогнозам, спрос на возобновляемый водород в Европе, как ожидается, достигнет 8,5 тонн к 2030 году, что значительно ниже запланированных в регионе 20 млн тонн поставок [2].

Аналогичным образом, правительства США принимают нормативные акты, которые прямо или косвенно способствуют развитию рынков водорода. Например, Калифорнийский закон о транспортных средствах с нулевым уровнем выбросов (ZEV) запрещает продажу новых автомобилей с двигателями внутреннего сгорания (ICE) в Калифорнии к 2035 году [3]. К 2050 году внедрение чистого водорода может сократить выбросы углекислого газа в США примерно на 8%, однако для того, чтобы к тому времени осуществить экономически эффективный переход к нулевому потреблению водорода, спрос на водород в США должен вырасти почти в 7 раз по сравнению с текущим объемом рынка [4].

Тем не менее, барьеров для роста спроса множество. В США водородные проекты застопорились из-за задержки с разъяснением правил, касающихся налоговых льгот и субсидий IRA (Закон о снижении инфляции). Кроме того, опасения по поводу срока действия налоговых льгот еще больше снижают мотивацию конечных потребителей [5]. Администрация Трампа может изменить систему стимулирования или полностью приостановить выделение финансирования, поскольку президент Трамп в ходе предвыборной кампании пообещал «отозвать неизрасходованные деньги» [6].

Далее посмотрим более конкретно на ситуацию в Европе. За последние пять лет европейские правила использования водорода ужесточились. В связи с усилением кризиса, связанного с COVID-19, в июне 2020 года Европейская комиссия разработала широкую стратегию использования водорода в рамках регионального плана «зеленого восстановления»; в этой стратегии инвестиции в водород были представлены как важнейшие инструменты, способствующие как переходу к энергетике, так и восстановлению экономики [6]. Среди 20

подстратегий выделяются следующие цели: наращивание инвестиции в водород; расширение масштабов производства и внедрения водорода; разработка сопоставимых стандартов и совместимой инфраструктуры для производства водорода. А также содействие международному сотрудничеству и партнерствам в области использования водорода [7]. ЕС планирует произвести 10 миллионов тонн и импортировать 10 миллионов тонн возобновляемого водорода к 2030 году [8].

При этом по прогнозам некоторых экспертов, для производства водорода из возобновляемых источников потребуется примерно 14% от общего прогнозируемого потребления электроэнергии в регионе в 2030 году [9]. Однако в этом направлении есть трудности, хотя ЕС стремится к достижению 20 млн тонн внутреннего потребления водорода к 2030 году, текущие квоты позволят достичь лишь 2–3,8 млн тонн [10]. В целом, цели по производству низкоуглеродистого водорода к 2030 году кажутся недостижимыми.

Таким образом, несмотря на растущую в последние годы поддержку производителей чистого водорода, политические соображения, связанные со спросом, по-прежнему остаются актуальными. Увеличивающийся разрыв между стимулами со стороны предложения и спроса усложняет развитие рынка экологически чистого водорода, поскольку недостаточно покупателей для расширения рынка, снижения цен и достижения значимых целей по декарбонизации. Соответственно, Международный Энергетическое агентство (МЭА) предупредило, что политика в отношении спроса на водород недостаточна для достижения долгосрочных климатических целей [11].

Проблемы увеличения спроса на чистый водород включают высокие затраты, технологические неопределенности, отсутствие рыночных сигналов, неразвитость цепочек поставок и инфраструктуры, а также недоверие общественности. Поскольку цены на чистый водород остаются выше, чем на электроэнергию и природный газ, производители не заинтересованы в синтезе чистого водорода.

Следовательно, для снижения затрат на производство чистого водорода необходимо значительно снизить затраты как на природный газ, так и на возобновляемую электроэнергию. Более того, инфляция привела к увеличению как финансовых, так и капитальных затрат на производство низкоуглеродистого водорода, при этом рост капитальных затрат на 3% потенциально может привести к увеличению общей стоимости проекта почти на треть [11].

Вместе с тем затраты на хранение и распределение создают дополнительные финансовые барьеры. Возросшие затраты на производство отпугивают конечных пользователей от перехода на чистый водород, поскольку такой переход сделает их продукцию и услуги более дорогими и менее конкурентоспособными по сравнению с их аналогами, использующими ископаемое топливо.

Цены на экологически чистый водород могут снизиться в течение ближайшего десятилетия в случае, если затраты также будут снижаться на электролизеры и на возобновляемые источники энергии. Однако эти оценки еще больше снижают мотивацию к внедрению в настоящее время, поскольку конечные пользователи хотят избежать «долгосрочных контрактов, которые фактически вынудили бы их платить более высокие цены, чем в противном случае» [12]. Такие проблемы угрожают долгосрочной финансовой жизнеспособности крупномасштабного производства экологически чистого водорода, и надо заметить, что их трудно решить.

Так, бывшие и будущие потребители водорода сталкиваются с уникальными проблемами при переходе на экологически чистые альтернативы. Около 2,5 миллиона метрических тонн водорода, производимого в Соединенных Штатах ежегодно, являются побочным продуктом промышленных и/или химических процессов; при таких операциях используется тот самый водород, который они производят [13]. Переход на чистый водород потребовал бы от этих фирм строительства новой инфраструктуры и разработки новых цепочек поставок, что привело бы к новым затратам, нестабильности и рискам для их бизнес-моделей. Некоторым

отраслям промышленности, использующим ископаемое топливо и с трудом, сокращающим его потребление, также потребуется модернизировать производственное оборудование для использования водорода.

Например, существующие турбины на природном газе и печи для подогрева стали должны быть переоборудованы на использование экологически чистого водорода, чтобы обеспечить более высокую температуру горения этого элемента и более низкую температуру вспышки [14]. Однако для перерабатывающих отраслей существует мало стимулов компенсировать затраты на разработку новой или модернизацию существующей инфраструктуры для использования чистого водорода.

Еще пример, в Орегоне местные заинтересованные стороны потребовали, чтобы коммунальная компания NW Natural прекратила многолетний пилотный проект по смешиванию водорода и природного газа из-за проблем со здоровьем населения и выбросов; в свою очередь предыдущий проект был закрыт в 2022 году из-за отсутствия участия сообщества и прозрачности [15]. Региональные водородные центры Министерства энергетики, включая Региональный центр чистого водорода в Аппалачах (ARCH2) и Срединно-Атлантический центр чистого водорода (MACH2), подвергаются аналогичному контролю [16].

Существенным будет также и то, что группы, представляющие общественные интересы, такие как Earthjustice, раскритиковали недостаточную вовлеченность местных сообществ в работу центров (особенно в отношении потенциальных неблагоприятных производственных последствий для местных сообществ) и прозрачность проектов (особенно в отношении запланированных мер безопасности для защиты сообществ).

Итак, общественное признание вносит дополнительный элемент неопределенности в рост спроса на экологически чистый водород, поскольку отложенные проекты и критика граждан могут помешать конечным пользователям заключить соглашения о приобретении или публично не поддержать развитие рынка. В итоге, для перехода на экологически чистый водород нынешним потребителям водорода потребуется: 1) снижение цен на чистый водород; 2) безопасность производства (т.е. гарантия того, что производители смогут стабильно производить и поставлять необходимое количество чистого водорода), 3) надежные транспортные системы и 4) инфраструктура трубопроводов и хранилищ.

Кроме того, новым конечным потребителям в будущих водородных отраслях промышленности, предполагающих спекулятивное использование водорода, также потребуются гарантии того, что водородные технологии эффективны и надежны для их конкретных производственных процессов и что выбор водородных технологий не снизит их конкурентоспособность на региональных или глобальных рынках. Системный характер этих требований подчеркивает, что стимулы на стороне предложения сами по себе не могут устранить нерешенные проблемы, и, следовательно, для создания надежных рынков чистого водорода необходима инновационная политика на стороне спроса. Без должного внимания недостаточная политика в области спроса может не только подтолкнуть потребителей к внедрению непрактичных технологий, потере активов и растрате государственного финансирования, но и затормозить развитие зарождающихся рынков экологически чистого водорода, что нанесет ущерб прогрессу в области промышленной декарбонизации.

Заметим, что в России проявляют осторожный интерес к природному водороду. Принятая в феврале 2025 года Энергетическая стратегия Российской Федерации до 2050 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 12 апреля 2025 года №908-р) предусматривает развитие в стране производства низкоуглеродного водорода.

Таким образом выходит, что в настоящее время нужны дополнительные исследования, пилотные проекты и эксперименты и они необходимы не только для определения наилучших политических механизмов, направленных на повышение спроса на экологически чистый

водород, но и для поддержки первых пользователей и снижения неопределенности в масштабах всего рынка.

References

1. Hydrogen in the Energy Transition. Rocky Mountain Institute. 12.09.2024. URL: https://rmi.org/hydrogen/ (date of request: 23.02.2026).

2. Kurmayer Nikolaus J. EU's Hydrogen Economy Struggles to Pick up Pace. Euractiv. 07.09.2023. URL: https://www.euractiv.com/ section/energy-environment/news/eus-hydrogen-economy-struggles-to-pick-up-pace/ (date of request: 23.02.2026).

3. Baldwin Roberto. California to Ban Sale of New Gasoline Vehicles in 2035, Favoring EVs. Car and Driver. 23.09.2020. URL: https://www.caranddriver.com/news/a34129129/california-ban-internal-combustion-vehicles-2035/ (date of request: 23.02.2026).

4. Harnessing Hydrogen. A Key Element of the U.S. Energy Future. National Petroleum Council. 23.04.2024. URL: https://harnessinghy drogen.npc.org/downloads.php (date of request: 23.02.2026).

5. Johnson Luke. US Makes Stuttering Progress on Clean Hydrogen/ Energy Intelligence. 22.08.2024. URL: https://www.energyintel. com/00000191–7076-d8c8-a3d5–7cf621780000 (date of request: 23.02.2026).

6. In Focus: Renewable Hydrogen to Decarbonise the EU's Energy System. European Commission. 15.11.2022. URL: https://com mission.europa.eu/news/focus-renewable-hydrogen-decarbonise-eus-energy-system-2022-11-15-0_en (date of request: 23.02.2026).

7. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions: A Hydrogen Strategy for a Climate-Neutral Europe (European Commission, 2020). URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020DC0301 (date of request: 23.02.2026).

8. RE Power EU: A Plan to Rapidly Reduce Dependence on Russian Fossil Fuels and Fast Forward the Green Transition, Government, European Commission. 18.05.2022. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/e%20n/ip_22_3131 (date of request: 23.02.2026).

9. Burgess James. EC Proposes Phasing in «additionality» Rules on Renewable Hydrogen to 2028. S&P Global, February 13.02.2023. URL: https://www.spglobal.com/commodityinsights/en/market-insights/latest-news/electric-power/021323-ec-proposes-phasing-in-additionality-rules-on-renewable-hydrogen-to 2028#:~:text=The%20EU%20is%20aiming%20to,consumption%20in%202030%2C%20it%20said (date of request: 23.02.2026).

10. Lambert Martin et al., State of European Hydrogen Market Report. The Oxford Institute for Energy Studies. 10.06.2024. URL: https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2024/06/2024-State-of-the-European-Hydrogen-Market-Report.pdf (date of request: 23.02.2026).

11. IEA. Global Hydrogen Review 2023: 09.2023. URL: https://www.iea.org/reports/global-hydrogen-review-2023/ executive-summary (date of request: 23.02.2026).

12. White House Council of Economic Advisors, Issue Brief: The Economics of Demand-Side Support for the Department of Energy's Clean Hydrogen Hubs, Government, The White House. 05.07.2023. URL: https://www.whitehouse.gov/cea/written-materials/2023/07/05/the-economics-of-demand-side-support-for-the-department-of-energys-clean-hydrogen-hubs/ (date of request: 23.02.2026).

13. John Jeff St. Clean Hydrogen Has a Serious Demand Problem. Canary Media. 2024. URL: https://www.canarymedia.com/articles/ hydrogen/clean-hydrogen-has-a-serious-demand-problem (date of request: 23.02.2026).

14. Cattermole John [et al.]. Net Zero Innovation Portfolio Industrial Fuel Switching Desktop Feasibility Study: Green Hydrogen in Steel Manufacture. Government, UK Government. 30.11.2022. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/649aa8b3831311 00132963fd/British_Steel_-_Green_Hydrogen_in_Steel_ Manufacture_-_IFS_Feasibility_Report_.pdf (date of request: 23.02.2026).

15. Baumhardt Alex. Environmentalists, Customers Raise Concerns over NW Natural Hydrogen Project. 05.09.2024. URL: https://www.opb.org/article/2024/08/05/nw-natural-hydrogen-project (date of request: 23.02.2026).

16. Al-Sadi Batoul. Seven Months After the DOE Hydrogen Hub Announcement: Where Are We Now on Community Engagement. Natural Resources Defense Council. 22.09.2024. URL: https://www.nrdc.org/bio/batoul-sadi/seven-months-after-doe-hydrogen-hub-announcement-where-are-we-now-community (date of request: 23.02.2026).

Литвяк Лариса Геннадиевна
канд. юрид. наук, доцент, профессор
ФГКОУ ВО «Краснодарский университет
Министерства внутренних дел Российской Федерации»
г. Краснодар, Краснодарский край

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В РОССИИ И ОСНОВНЫХ ЭТАПАХ ИХ РАЗВИТИЯ

Аннотация: *более 20 лет назад в нашей стране появились и успешно реализуются национальные проекты, цель которых состояла и состоит, в частности, в улучшении качества жизни россиян, здравоохранения, демографических показателей, экономическом росте России, развитии образования и науки. Статья посвящена вопросу эволюции национальных проектов как инструмента стратегического развития РФ – от зарождения до современного состояния.*

Ключевые слова: *национальные проекты, национальные цели, целевые показатели, социально-экономическое развитие, качество жизни, правовое регулирование.*

В 2002–2003 гг. Владимир Владимирович Путин, являвшийся тогда Президентом РФ, изучив такие сферы жизни нашего общества как ЖКХ, медицинское обслуживание населения, жилищное и инфраструктурное строительство, агропромышленный комплекс, обозначил ряд проблем, которые мешали им эффективно развиваться. В числе последних монополизм, бюрократизм, убыточность некоторых секторов экономики, слабая инвестиционная деятельность, недостаточность финансирования. Президент РФ предложил для преодоления этих трудностей и социально-экономического развития страны новый формат управления и планирования. Была сформирована номенклатура социально-экономических приоритетов, которые легли в основу создания первых четырех национальных проектов (далее НП), работа над которыми шла до 2006 года. К слову сказать, только в июле 2024 года в федеральный закон от 28 июня 2014 года №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» была добавлена статья 27.1 «Национальные проекты», в которой говорится, что Президент РФ определяет, о чем будут нацпроекты, на какой срок они будут рассчитаны, для достижения каких национальных целей развития нашей страны они принимаются, их состав и источники финансирования, кто отвечает за реализацию НП. То есть по прошествии двух десятков лет с момента начала деятельности государства по разработке и реализации НП появилась правовая норма, которая дала описание того, что представляет собой нацпроект.

Итак, с 1 января 2006 года в нашей стране начали реализовываться следующие НП: «Здоровье», «Доступное и комфортное жильё – гражданам России», «Образование» и «Развитие агропромышленного комплекса» (далее АПК). Почему выбор пал именно на эти темы, очевидно. Здоровье, получение образования, доступное жилье, АПК – ключевые приоритетные компоненты политики любого государства, включая нашу страну. НП выступали тогда и выступают сейчас в качестве масштабных и технологических инструментов, посредством которых государство стремится повысить благосостояние населения, уменьшить бедность, увеличить рождаемость, сформировать честную рыночную среду, снизить зависимость от мировой экономики [1]. Цель этих нацпроектов, равно как и других, последовавших за ними, состояла и состоит в объединении средств бюджета страны и административных ресурсов и направлении их на устойчивое социально-экономическое развитие нашей страны, что в итоге должно улучшить качество жизни россиян и в целом способствовать росту благосостояния государства.

14 ноября 2005 года принятое Правительством Российской Федерации Распоряжение №1926-р утвердило план подготовки первоочередных актов по реализации указанных выше нацпроектов [2]. Распоряжение предусматривало принятие, например, нормативных правовых актов главы государства о поддержке со стороны государства одаренной молодежи, о

поощрении каждый год лучших педагогов страны; постановления Правительства РФ о финансировании расходов на денежные выплаты врачам общей практики, участковым врачам-терапевтам и педиатрам; распоряжения Правительства РФ о создании в федеральных округах на базе действующих высших учебных заведений академических центров и ряд других нормативных правовых актов (далее НПА). Всего Распоряжение №1926-р содержало более 30 видов НПА, которые следовало принять для претворения в жизнь четырех первых нацпроектов. Большинство этих документов были приняты, а меры, в них предусмотренные, реализованы. Так, в частности, Распоряжением Правительства РФ от 23 ноября 2006 года №1616-р в отношении ряда вузов Ростовской области была проведена реорганизация в форме их присоединения к университету, который стал федеральным государственным образовательным учреждением высшего профессионального образования «Южный федеральный университет» [3]. Принятая Программа социально-экономического развития страны на среднесрочную перспективу (2006–2008 гг.) сделала акцент на создании в стране благоприятного климата для повышения инвестиционной активности, модернизации промышленности, активизации инновационной деятельности, что было необходимо в тот момент для успешно реализации нацпроектов. В последующие годы, равно как и в настоящий период времени, принимается большое количество нормативных правовых актов, необходимых для претворения в жизнь НП.

Реализовать указанные выше четыре национальных проекта планировалось к 2010 году, когда, по мнению их разработчиков, будут достигнуты целевые показатели, ради которых они и принимались. Так, например, в рамках НП «Доступное и комфортное жильё – гражданам России» был предусмотрен ежегодный рост объема жилищного строительства, который к 2010 году должен был составить 80 млн. кв.м, выдаваемых ипотечных кредитов с 20 до 415 млрд рублей в год. Но к 2010 году первый показатель не был достигнут, поэтому было принято решение продлить действие этого нацпроекта. Достигли его только в 2014 году. Второй показатель также достигли немного времени спустя. По другим НП картина была иная. Проект в области развития АПК был реализован уже в 2007 году (достигли всех предусмотренных показателей). В связи с этим национальный проект «Развитие агропромышленного комплекса» в 2010 году преобразовали в Государственную программу развития сельского хозяйства. НП «Здоровье» и «Образование» показали себя очень хорошо (были установлены надбавки врачам и медицинскому персоналу, построены фельдшерские и акушерские пункты, начала действовать программа «Родовой сертификат», государственную поддержку получили тысячи инновационных учебных заведений, все школы страны были подключены к интернету, созданы федеральные университеты), поэтому было принято решение их продлить первоначально до 2013 года, затем до 2030, а на перспективу и до 2036. Среди причин их пролонгации необходимо назвать и включение в данные НП новых целевых показателей, которые стремится достичь наше государство. Так, например, к 2013 году Правительство РФ планировало увеличить продолжительность жизни россиян на 2,3 года до возраста 71,3 года (фактически этот показатель смогли достичь только в 2015 году). В рамках НП «Образование» планировалось потратить 41 млрд рублей на развитие ведущих вузов страны, дополнительно обучить более 17 тыс. школьных педагогов [1].

В мае 2012 года Президент РФ В.В. Путин, в день своей инаугурации, подписал 11 указов, в которых обозначил основные направления развития страны в области экономики, обороны, науки, образования, социальной сфере, а также те показатели, достичь которые было необходимо к 2018–2020 гг. Среди них можно выделить рост зарплаты в полтора раза; создание более 20 миллионов новых рабочих мест высокой производительности с оплатой труда выше отраслевой; обновление вооружения армии более чем на 70%; увеличение длительности жизни до 74 лет. Решить поставленные Президентом страны задачи должны были в том числе как действовавшие не тот момент три нацпроекта, так и новые, разработать которые только предстояло.

Летом 2016 года на своем заседании Совет по стратегическому развитию и приоритетным проектам (совещательный орган при Президенте РФ, созданный в 2016 году и призванный обеспечивать взаимодействие различных субъектов в ходе достижения национальных целей; пришел на смену иным похожим органам, появившимся еще в 2005 году) утвердил 11 основных направлений стратегического развития страны до 2018 и 2025 годов, а также принял решение о формировании к 1 декабря 2016 года новых нацпроектов для их реализации. Работа в этом направлении продолжалась два года. 7 мая 2018 года был принят Указ Президента РФ В.В. Путина №204 [4], в п.2 которого Правительству РФ было предписано в соответствии с национальными целями, предусмотренными в п.1 этого же нормативного правового акта (эти цели в дальнейшем корректировались в Указе Президента РФ от 21.07.2020 №474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [5]), а также целевыми показателями, которые необходимо достичь к 2024 году, представить до 1 октября 2018 года на заседание указанного выше Совета такие национальные проекты как: 1. «Демография»; 2. «Здравоохранение»; 3. «Образование»; 4. «Жилье и городская среда»; 5. «Экология»; 6. «Безопасные и качественные автомобильные дороги»; 7. «Производительность труда и поддержка занятости»; 8. «Наука» (в последующем стал называться «Наука и университеты»); 9. «Цифровая экономика»; 10. «Культура»; 11. «Малое и среднее предпринимательство»; 12. «Международная кооперация и экспорт».

Также пункт 15 данного нормативного правового акта предписывал Правительству РФ с участием органов государственной власти субъектов РФ до 1 октября 2018 года разработать и утвердить Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры со сроком реализации до 2024 года со своими показателями и целями. Перечисленные выше проекты и Комплексный план были разработаны, утверждены и начали реализовываться в 2019 году. В 2021 году к ним был добавлен еще один нацпроект «Туризм и индустрия гостеприимства». Действовавшим на тот момент нацпроектом также признавали и Комплексную программу «Развитие техники, технологий и научных исследований в области использования атомной энергии в РФ на период до 2024 года», которая была принята в декабре 2020 года. Рассчитана она была до 2024 года, но Указом Президента РФ от 14.04.2022 №202 «О продлении срока действия комплексной программы «Развитие техники, технологий и научных исследований в области использования атомной энергии в Российской Федерации на период до 2024 года» [6] ее продлили до 2030 года. С 1 января 2024 года начал реализовываться национальный проект «Беспилотные авиационные системы». Он стал шестнадцатым НП. Большинство из них действовали до 2025 года.

В 2024 году была проведена работа по трансформации указанных выше нацпроектов. Указ Президента РФ 2024 года №309 [7] (им был отменен Указ №204 в редакции 2020 года), перечислив в п.1 обновленные национальные цели РФ, в пп. 2–8 целевые показатели, которые надо достичь, и задачи, требующие решения для этого, в п.9 установил, что Правительство РФ до 1 сентября 2024 года должно разработать или скорректировать при участии Государственного Совета РФ и представить на рассмотрение Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам блок НП по обеспечению технологического лидерства нашей страны, а также следующие нацпроекты (помочь достичь национальных целей они должны к 2030 году, а в перспективе, в случае необходимости, их продление возможно до 2036 года): 1. «Продолжительная и активная жизнь»; 2. «Семья»; 3. «Молодежь и дети»; 4. «Кадры»; 5. «Инфраструктура для жизни»; 6. «Эффективная транспортная система»; 7. «Экологическое благополучие»; 8. «Эффектная и конкурентная экономика»; 9. «Туризм и гостеприимство»; 10. «Международная кооперация и экспорт»; 11. «Экономика данных и цифровая трансформация государства».

Эти и ряд других нацпроектов были разработаны в течение 2024 года и начали претворяться в жизнь в конце 2024 – начале 2025 годов [8]. По состоянию на март 2026 года на официальном сайте национальных проектов «национальныепроекты.рф» размещена информация о двадцати новых или обновленных НП. Нацпроекты, действовавшие в период с 2018 по

2024 годы (кроме некоторых, которые были продлены или обновлены), как сказано там же на сайте, прекратили свое действие с 1 января 2025 года, но достигнутые благодаря им результаты помогают в реализации других инициатив и возможностей.

Таким образом, некоторые нацпроекты появились еще в 2006 году и, изменив название и обновив содержание, существуют до сих пор (например, НП в области охраны здоровья граждан именовался с 2006 года «Здравоохранение», в 2018 году сменил название на «Здоровье», а в 2025 году это уже НП «Продолжительная и активная жизнь»). Некоторые национальные проекты были запущены в 2019 году (например, «Культура», «Экология» и ряд других), а часть только начала реализовываться в конце 2024 – 2025 годах (например, НП «Космос»). Но все же стоит отметить, что результаты почти всех действовавших до 2024 года НП вошли в новые нацпроекты, имеющие уже другие наименования. Президент РФ определяет национальные приоритеты, какие цели и к какому периоду должны быть достигнуты в области социально-экономического развития нашей страны и улучшения качества жизни россиян, задачи, которые необходимо для этого решить. Делает он это путем принятия соответствующего указа, в котором дает поручение Правительству РФ организовать разработку пакета документов, требующихся для претворения в жизнь НП. Порядок проектной деятельности определен в Постановлении Правительства от 31.10.2018 №1288 [9], в котором прописаны положения, регламентирующие порядок создания, утверждения, продления, мониторинга нацпроектов и других результатов такой деятельности, определены ее участники (так называемая функциональная структура), их права и обязанности.

Список литературы

1. История нацпроектов в России. – URL: https://tass.ru/info/6101471 (дата обращения: 16.03.2026).

2. Об утверждении плана подготовки первоочередных актов по реализации приоритетных национальных проектов, решения по которым необходимо принять в 2005 году и в I квартале 2006 г.: Распоряжение Правительства РФ от 14.11.2005 №1926-р. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online (дата обращения: 16.03.2026).

3. О реорганизации государственных образовательных учреждений высшего профессионального образования «Ростовский государственный университет» (г. Ростов-на-Дону), «Ростовская государственная академия архитектуры и искусства» (г. Ростов-на-Дону), «Ростовский государственный педагогический университет» (г. Ростов-на-Дону) и «Таганрогский государственный радиотехнический университет» (г. Таганрог, Ростовская область) в форме присоединения учреждений к университету, образовав федеральное государственной образовательное учреждение высшего профессионального образования «Южный федеральный университет: Распоряжение Правительства РФ от 23.11.2006 №1616-р. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online (дата обращения: 16.03.2026).

4. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 07.05.2018 №204 (утратил силу). – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online (дата обращения: 16.03.2026).

5. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 21.07.2020 №474. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online (дата обращения: 16.03.2026).

6. О продлении срока действия комплексной программы «Развитие техники, технологий и научных исследований в области использования атомной энергии в Российской Федерации на период до 2024 года»: Указ Президента РФ от 14.04.2022 №202. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online (дата обращения: 16.03.2026).

7. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ от 07.05.2024 №309. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online (дата обращения: 16.03.2026).

8. Правительство завершило разработку нацпроектов на 2025–2030 годы. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/6920937 (дата обращения: 16.03.2026).

9. Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 31.10.2018 №1288. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online (дата обращения: 16.03.2026).

Luneva Polina Andreevna
student
Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering
Saint Petersburg

THE INFLUENCE OF ECONOMIC SPACE ON THE ENTREPRENEURIAL ACTIVITY OF SMALL AND MEDIUM-SIZED ENTERPRISES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract: *this study investigates how the properties of economic space shape the business landscape for small and medium-sized enterprises (SMEs) in Russia. The research aims to provide a comprehensive analysis of the current challenges facing Russian SMEs, with a particular focus on the impact of international sanctions and the efficacy of state-led support programs designed to stabilize the sector.*

Keywords: *economic space, SMEs, sanctions, business activity, territorial development.*

Лунева Полина Андреевна
студентка
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА НА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКУЮ АКТИВНОСТЬ МАЛЫХ И СРЕДНИХ ПРЕДПРИЯТИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: *в статье исследуется, как свойства экономического пространства формируют бизнес-ландшафт для малых и средних предприятий (МСБ) в России. Целью исследования является всесторонний анализ текущих проблем, с которыми сталкиваются российские малые и средние предприятия, с особым акцентом на влияние международных санкций и эффективность государственных программ поддержки, направленных на стабилизацию сектора.*

Ключевые слова: *экономическое пространство, малый бизнес, средний бизнес, санкции, деловая активность, территориальное развитие.*

The productivity of small and medium-sized businesses is intrinsically linked to the nature of the economic space in which they operate. Analyzing this relationship is vital for optimizing business performance and stimulating regional economic growth. Currently, the expansive Russian territory is navigating intense external pressures from sanctions. During this turbulent period, authorities have introduced special provisions to aid entrepreneurs. A thriving SME sector is a cornerstone of a resilient economy, as these enterprises play a pivotal role in shaping the nation's socio-economic trajectory and ensuring its overall stability.

In addition, the drive for innovation within the SME sector accelerates the pace of market evolution and contributes to broader societal progress. As the number of such enterprises grows, the economy benefits from improved indicators, while the population enjoys a better quality of life thanks to new employment opportunities and reduced social strain. This positive dynamic, in turn, fortifies the economic security of the entire nation.

Within the state territory, the state is the highest authority in relation to all persons and organizations, which is ensured by a system of state bodies (legislative, representative, executive, and judicial). According to Article 67 of the Constitution of the Russian Federation, the territory of the Russian Federation includes the territories of its constituent entities, internal waters and territorial sea, and the airspace above them. The state territory includes: land and waters (internal and

territorial) within the state borders; the airspace above the land and waters (the troposphere, stratosphere, ionosphere, and a significant part of the space above); and the subsoil beneath them.

Economic space (ES) is the state territory within which the system of human life is created, used, and reproduced, and where people carry out activities to satisfy their needs. In a broad sense, economic space encompasses the territory of land, internal and territorial waters that are necessary to maintain and improve the conditions of the population. In a narrow sense, it is the economically developed territory of a country where activities related to the production, distribution, exchange, and consumption of goods and services are carried out.

A *single economic space* is an association of the economies of several isolated territories that interact and are synchronized with each other thanks to a single institutional environment. Within this space, unified socio-economic processes are carried out, and joint activities are aimed at achieving effective and sustainable development of national economies. Thus, an ideal condition for a common economic space is created.

A *common economic space* is an association of territories of different countries, implemented through an intergovernmental agreement that regulates the process of social (intergovernmental) division of labor by removing customs restrictions and creating a single market for participating countries, thereby ensuring a single competitive environment.

The main characteristics of an economic space are considered to be:

– dynamism – the ability to change over time, qualitatively;

– properties of space as an element of the economic system: finiteness, openness, interaction with the external environment;

– structural properties – heterogeneity, the existence of a hierarchy of spaces, layers, and levels of space.

The Russian Federation guarantees the integrity of its economic space and the unimpeded movement of goods and services, as stipulated in Part 1 of Article 8 of its Constitution. This principle is reinforced by Clause 4 of Article 3 of the Tax Code, which prohibits taxes that disrupt this unified economic space, and by Article 71 of the Constitution, which establishes the legal foundations for a single market.

On one hand, the economic space encompasses the entire national territory, allowing for the free flow of production factors, thereby ensuring their efficient utilization within the business sector. The coherence and unity of this space have both physical and institutional dimensions, facilitating the dynamic distribution of entrepreneurial activity throughout the country.

On the other hand, this economic space is marked by considerable heterogeneity. It features distinct centers of economic activity-modern agglomerations being a prime example-alongside semi-peripheral and peripheral territories characterized by lower levels of economic development.

Key components of a unified economic space include national markets for labor and capital, which are themselves undergoing processes of integration and disintegration. Consequently, the coordination between federal and regional authorities must prioritize preserving the universal principles of market operation nationwide, alongside regulating tax and credit policies and centralizing the economic framework for natural resource management.

The unity of financial policy, as guaranteed by Article 75 of the Constitution, is a prerequisite for maintaining this unified economic space and ensuring the free movement of financial resources. Federal financial legislation applies uniformly across all constituent entities of the Federation. However, outside the exclusive purview of the federal government and areas of joint jurisdiction, each region exercises its own legal regulation of financial relations, conducts independent financial activities, approves its budget, and levies its own taxes.

Regarding the business landscape, small and medium-sized enterprises (SMEs) are defined as businesses employing no more than 250 people and generating annual revenues of up to 1 billion rubles. Inclusion in the official SME register grants these enterprises access to various benefits and participation in state support programs. As outlined in Federal Law No. 88-FZ of July 14, 1995,

«On State Support for Small Businesses in the Russian Federation," SMEs are characterized as commercial organizations that may be affiliated with one or more legal entities.

In a market economy, the sustainable development of small and medium-sized enterprises is characterized by their ability to adapt to a constantly changing competitive environment.

The following advantages of small and medium-sized businesses are highlighted:

– comparatively small amount of initial capital and working capital;
– flexibility, mobility, quick response to changes in the market environment;
– efficiency in management and reduction of overhead costs, etc.;
– accessibility for all citizens due to the small amount of start-up capital required.

Let's look at the number of SMEs and their dynamics.

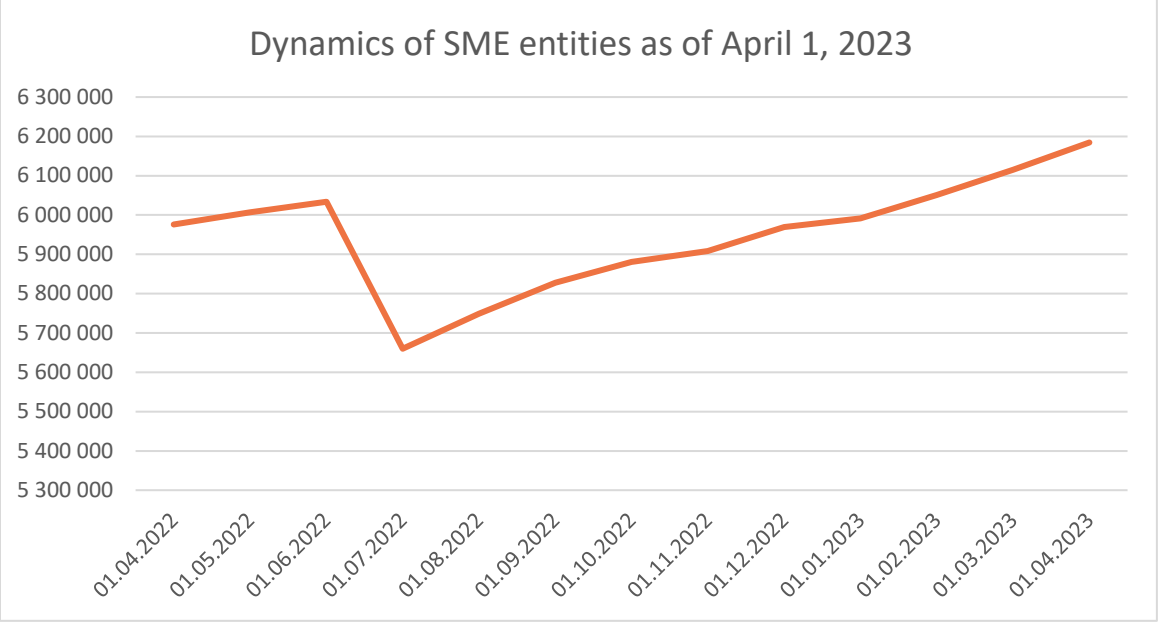

Fig. 1

Against the backdrop of increased sanctions pressure, the number of SMEs increased by 500,000 between August 2022 and March 2023. According to Anton Beloglazov, director of the Center for Strategic Research's evidence-based economics department, the increase in the number of SMEs may be due to seasonal factors.

Entrepreneurial activity is significantly higher in central regions than in peripheral areas. Small and medium-sized businesses follow the general trends in the development of the economic space, and their overall level of development will be higher due to the concentration of productive forces in a particular city.

Half of small businesses (SBs) are concentrated in two federal districts (Central and Volga). Let's compare the figures for 2021 with those for 2023.

Let's look at how many SMEs were registered in 2023.

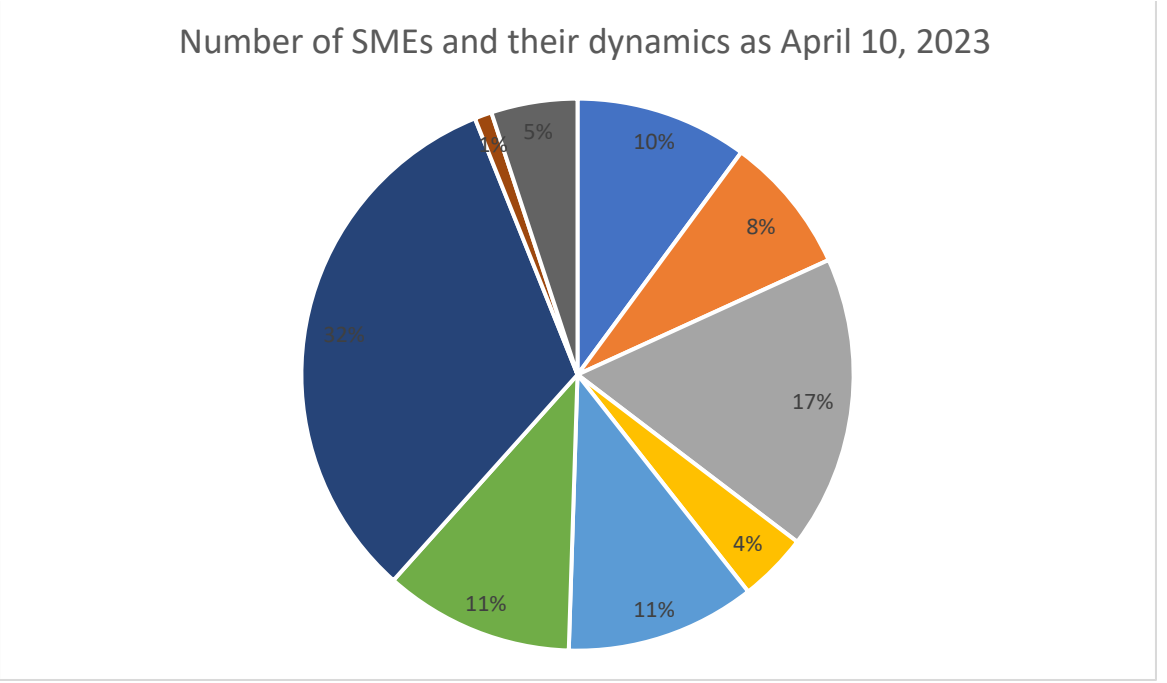

Fig. 2. Number of SMEs in 2023

In 2023, most entities were concentrated in the same federal districts as in 2021, but with a slight difference of 1%.

Despite the active sanctions policy towards Russia, the trend of creating new enterprises and organizing new jobs continues in the Russian Federation, which has a positive impact on the country's economy as a whole.

SMEs ensure the socio-economic development of the country. Economically developed countries have already come to the conclusion that small and medium-sized businesses are an integral part of the economy, participating in the development of society and ensuring the growth of production efficiency. In the Russian Federation, there is also an understanding that SMEs are a link in the economic structure without which it is impossible to ensure a sufficient level of economic security in the long term. Nevertheless, the share of SMEs in GDP in leading Western countries and in Russia differs significantly. In the Russian economy, the share of small businesses cannot be called high when comparing our country with developed Western countries in terms of this indicator.

Compared to large enterprises and monopolies, small and medium-sized enterprises (SMEs) have undeniable advantages. Small businesses are mobile and able to adapt to consumer preferences and change in response to environmental conditions. In turn, medium-sized businesses create jobs, promote healthy competition in the economy and, like small businesses, influence changes in the structure of gross domestic product, including regional aspects, as well as economic growth rates.

The sanctions have caused a number of problems, many of which are still relevant today, including:

– lack of working capital;
– the fall in the ruble exchange rate (currency instability);
– decline in demand for goods;
– difficulties with the supply of raw materials and components;
– decrease in production volumes;
– inaccessibility of equipment for new equipment modern technologies due to the impact of sanctions.

The current situation provides an opportunity to restore the industrial potential of the Russian economy and increase competitiveness in domestic and foreign markets. Despite the rather difficult situation for SMEs under sanctions, their positive impact should also be noted:

– import substitution;
– expansion of the market for goods and services of enterprises in the domestic market;
– increasing competitiveness;
– diversification of entrepreneurship;
– the possibility of obtaining new government contracts;
– increased exports.

Below are the dynamics as of April 10, 2023, «Ratio of the number of employees to SMEs»:

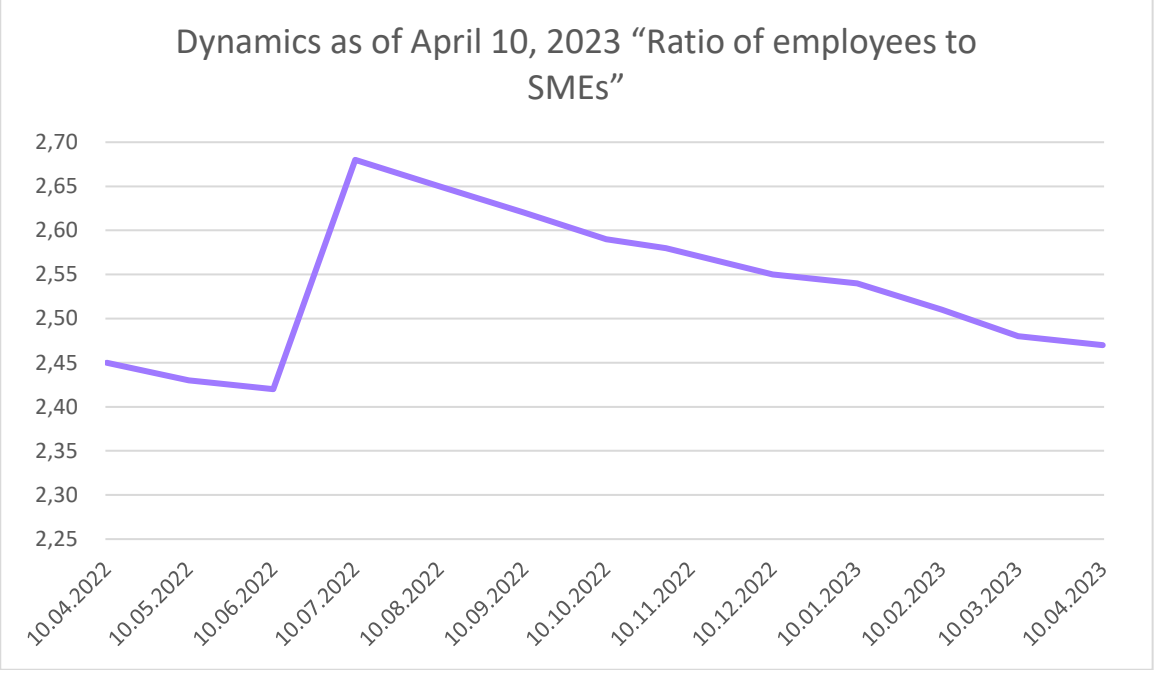

Fig. 3. Dynamics of the ratio of the number of employees to SMEs

With the start of sanctions against Russia, the dynamics began to deteriorate from July 10, 2022. According to experts, those working in the small business sector could re-register as self- employed. Let us consider how the number of individuals and individual entrepreneurs who have registered their status and apply the special tax regime «Tax on Professional Income» as of December 31, 2022, is distributed among the constituent entities of the Russian Federation.

Federal District ranks first in terms of the number of registered self-employed persons (1,567,261 people). The Volga Federal District ranks second, with 697,123 people.

It can be assumed that the number of self-employed people will continue to grow. The reasons for this may be as follows:

Some citizens believe that self-employment can be a kind of entrepreneurial strategy that allows them to earn income in conditions of economic instability.

Others choose self-employment as a means of survival if they are unable to find a job or pass numerous interviews. However, in this case, self-employment has limited potential for developing the country's human capital and does not contribute to the sustainability of economic development.

Support measures for SMEs.

In response to recent economic pressures, a range of government measures have been implemented to stabilize the small and medium-sized enterprise (SME) sector. A temporary provision allows SMEs in certain sectors to suspend payments on loans issued before March 1, 2022, by

requesting a «credit holiday» from their lender, valid until the end of 2023. While this generally entails a full suspension of obligations for a term set by the borrower, individual entrepreneurs may instead opt for a reduction in their periodic payments during this period.

Significant regulatory adjustments have also been made to streamline access to state support. For instance, during 2022–2023, state and municipal preferences for SMEs can be allocated without the need for prior authorization from the antimonopoly service, although post-factum notification is typically mandatory. Concurrently, lending conditions have been eased, with revised maximum interest rates on certain soft loan programs and the launch of anti-crisis initiatives by the Central Bank and the Government. A notable example is the availability of preferential financing from JSC «SME Bank» for high-tech and innovative enterprises between 2022 and 2024.

Beyond financial instruments, the state has expanded its institutional support network. Newly established entrepreneur support centers offer complimentary advisory services on a wide array of business issues. These measures are complemented by targeted programs for demographics such as families with children, who may be eligible for grants, subsidies, or preferential loans if they are engaged in entrepreneurial activities.

The underlying rationale for these extensive measures is the particular vulnerability of SMEs to external economic volatility. As the least protected segment of the economy, they bore the brunt of the initial shock from sanctions. Consequently, these government interventions are critical not only for stabilizing businesses but also for facilitating the broader adaptation of the Russian economy. By creating a more favorable environment for business initiation and growth, the state aims to nurture the still-developing SME sector. Continued oversight and effective support are imperative to unlock the full potential of small and medium-sized businesses, a development that is key to improving both domestic economic performance and Russia's global economic competitiveness.

References

1. Markov A.G. Support for small businesses at the present stage in Russia / A.G. Markov, Yu.I. Klimashova // Management and Economics in the 21st Century. 2021. No. 3. Pp. 17–25.

2. Korchagina I.V. The economic space of small and medium-sized enterprises: theoretical aspects and development trends / I.V. Korchagina, A.V. Starikova // Russian Entrepreneurship. 2017. Vol. 18. No. 4. Pp. 594–602. DOI 10.18334/rp.18.4.37453. EDN YGDHHH.

3. Lelyavina T.A. Fundamentals of Management and Security of Commercial Enterprises: a textbook for students majoring in Economic Security / T.A. Lelyavina, A.V. Shekhovtsova, V.V. Uskov. Saint Petersburg: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University», 2023. 165 p. ISBN 978-5-7422-8141-2. EDN FWNVLJ.

4. Uskov V.V. On the analysis of certain factors in assessing the creditworthiness and bankruptcy of individuals in the Russian Federation / V.V. Uskov, M.A. Subbotina // Man. Society. Inclusion. 2023. Vol. 14. No. 3–1(55). Pp. 150–158. – EDN CTOJZL.

5. Uskov V.V. Methods for assessing the impact of import substitution on stimulating the development of domestic production in the Russian Federation / V.V. Uskov, D.A. Dudarov // Economics: yesterday, today, tomorrow. 2022. Vol. 12, No. 9–1. Pp. 691–698. DOI 10.34670/AR.2022.28.57.005. EDN UAZALQ.

6. Kvasov A.S. The current situation of small and medium-sized businesses in Russia under Western sanctions / A.S. Kvasov, D.N. Pavlov // Bulletin of the University of the Russian Academy of Education. 2022. No. 4. Pp. 140–147. DOI 10.24412/2072-5833-2022-4-140-147. EDN VIKIBC.

7. The concept of SME. – URL: https://finance.rambler.ru/business/47655947/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (date of request: 04.03.2026).

8. Statistics on small and medium-sized enterprises in Russia. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13223 (date of request: 04.03.2026).

9. Unified Register of Small and Medium-Sized Enterprises (Federal Tax Service). – URL: https://ofd.nalog.ru (date of request: 04.03.2026).

10. Dubkova E.M. Small and medium-sized businesses as a strategic factor in economic security Russia / E.M. Dubkova, A.Yu. Karpunin. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/malyi-i-srednii-biznes-kak-strategicheskii-faktor-ekonomicheskoi-bezopasnosti-rossii/viewer (date of request: 04.03.2026).

11. Federal State Statistics Service. Socio-economic situation in Russia. January–February 2023. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-02–2023.pdf (date of request: 04.03.2026).

12. Support measures for SMEs // Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411198/5bc46481589901e5ac516e41a554a61f46e2c127/ (date of request: 04.03.2026).

13. Business support measures // Portal of the Russian Federation State Services. URL: https://www.gosuslugi.ru/life/details/business_support_measures (date of request: 04.03.2026).
14. SME development statistics compared to 2022. URL: https://opora.ru/site/assets/files/42057/statistika_razvitiya_msp_v_rf.pdf?ysclid=lgunlw53fm194766499 (date of request: 04.03.2026).

Махинов Даниил Сергеевич
студент
Научный руководитель
Мальцева Полина Николаевна
канд. экон. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет»
г. Магадан, Магаданская область

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОГО СОЮЗА МОЛОДЁЖИ В РЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ НА ТЕРРИТОРИИ МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация: *в статье рассматривается специфика функционирования Магаданской региональной общественной организации Российского союза молодёжи (РСМ) как ключевого субъекта реализации государственной молодёжной политики в условиях Крайнего Севера. На основе анализа открытых источников и эмпирических данных выявлены основные направления работы, проблемы территориального охвата и роль организации в социализации молодёжи Магаданской области. Предложена авторская классификация реализуемых программ и проектов.*

Ключевые слова: *молодёжная политика, Российский союз молодёжи, Магаданская область, общественные организации, социальная активность молодёжи, региональное развитие.*

Современная государственная молодёжная политика Российской Федерации характеризуется расширением участия институтов гражданского общества в процессах воспитания и социализации подрастающего поколения. Одним из старейших и наиболее массовых объединений выступает Общероссийская общественная организация Российский союз молодёжи (РСМ), имеющая отделения в 85 субъектах РФ. Особый интерес представляет деятельность РСМ в регионах со сложными климатогеографическими условиями и специфической структурой расселения, к числу которых относится Магаданская область.

Цель данной статьи – выявить особенности реализации программ РСМ на территории Колымского края, оценить охват молодёжи и определить роль регионального отделения в структуре местного сообщества.

Магаданская региональная общественная организация Общероссийской общественной организации Российский союз молодежи (МРО РСМ) ведёт свою деятельность с 1991 года [2]. Анализ доступных источников и отчётных данных позволяет утверждать, что специфика работы организации в Магаданской области детерминирована тремя основными факторами:

1) суровыми природно-климатическими условиями, ограничивающими возможности для проведения массовых уличных акций в зимний период;

2) низкой плотностью населения и удалённостью населённых пунктов от областного центра;

3) высоким миграционным оттоком молодёжи в западные регионы страны.

Несмотря на указанные сложности, МРО РСМ демонстрирует устойчивую динамику развития. Согласно данным платформы ДОБРО.РФ, организация ежегодно реализует более 50 программ и 15 проектов, охватывая свыше 30 000 молодых людей [2]. Для сравнения: в 2012 году этот показатель составлял около 12 000 участников при членской базе в 650 человек [5]. Таким образом, наблюдается количественный рост при сохранении высокого процента вовлечённости молодёжи с учётом общей численности населения региона.

Ключевой особенностью деятельности является сочетание федеральных проектов РСМ с региональными инициативами, адаптированными к местным условиям. Обобщённые результаты анализа проектной деятельности представлены в таблице 1.

Таблица 1

Основные направления и проекты МРО РСМ за период 2016–2025 гг.
(составлено автором по: [2; 6; 8]

Направление деятельности	Федеральные проекты	Региональные проекты	Охват (в год), чел.
Творческое развитие	Российская студенческая весна	Школа студенческой весны «Территория ярких»	≈ 500
Образование и самоуправление	Студенческое самоуправление, Арт-Профи Форум	Школа студенческого самоуправления	≈ 300
Гражданско-патриотическое	«Патриот и гражданин»	Акции, приуроченные к Дням воинской славы	≈ 1000
Добровольчество	Добровольческие акции РСМ	Помощь в проведении Дня физкультурника и др.	≈ 500

Одной из ключевых проблем остаётся территориальный разрыв между областным центром и муниципальными образованиями. Для её решения МРО РСМ использует модель «кустовых» мероприятий и активное привлечение представителей районов к участию в выездных школах. В 2012 году на Пленуме Областного Комитета присутствовали представители 8 местных организаций из муниципальных районов [5]. Учитывая, что в состав области входит 9 городских округов, можно говорить о высоком (около 90%) уровне представленности.

Анализ структуры показывает, что структура носит иерархический характер, однако на практике значительная часть работы по вовлечению молодёжи в муниципалитетах ложится на плечи местных лидеров. Например, в Сусуманском районе деятельность ведёт местная организация «Союз молодёжи Сусумана», которая в 2012 году привлекла к участию в проектах более 1000 человек [5], что является значительным показателем для депрессивного горнодобывающего района.

Основной проблемой остаётся ресурсное обеспечение. В отличие от Ульяновской области, где правительство предоставляет транспорта и технику [3], в Магаданской области поддержка носит менее системный характер, хотя и осуществляется на базе партнёрства с Министерством образования и молодёжной политики, а также с Ресурсным центром поддержки общественных инициатив [6]. Кроме того, наблюдается хронологический разрыв в информационной открытости: наиболее полные отчёты датируются 2012–2016 годами [5; 8], что затрудняет анализ актуальной ситуации.

Перспективы развития связаны с интеграцией в новые национальные проекты, такие как «Молодёжь и дети» [7]. Программа «Регион для молодых» позволяет создавать современные молодёжные пространства, на базе которых РСМ мог бы развернуть свою деятельность с большей эффективностью. Также важным направлением является работа с сельской молодёжью, однако здесь наблюдается конкуренция/партнёрство с РССМ (Российский союз сельской молодёжи), который не активен в регионе [4].

Деятельность Магаданской региональной организации Российского союза молодёжи является неотъемлемым элементом системы реализации молодёжной политики в регионе. Организации удаётся, несмотря на суровые климатические условия и низкую плотность населения, сохранять высокий охват молодёжи (свыше 30 000 человек ежегодно). Специфика деятельности проявляется в сочетании федеральных программ с региональными инициативами («Территория ярких», Школа студенческого самоуправления), а также в выстраивании многоуровневой системы взаимодействия с муниципальными образованиями. Дальнейшее развитие МРО РСМ будет зависеть от степени интеграции в федеральные проекты, укрепления материально-технической базы и актуализации информационной политики организации.

Список литературы

1. ГОСТ Р 7.0.5-2008. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления. – М.: Стандартинформ, 2008. – 22 с.
2. МРО РСМ: профиль организации // ДОБРО.РФ: платформа добрых дел. – URL: https://dobro.ru/organizations/10022954/about (дата обращения: 09.03.2026).
3. К концу 2018 г. во всех районах Ульяновской области будут созданы местные отделения Российского союза молодежи // Волга Ньюс: сетевое издание. – URL: https://pfo.volga.news/article/465351.html (дата обращения: 09.03.2026).
4. Проект «Молодые предприниматели села» // Официальный сайт мэрии города Магадана. – URL: https://magadangorod.ru/search/index.php?ayear_4=2021&amonth_4=01&from_4=1000 (дата обращения: 09.03.2026).
5. Пленум Областного Комитета // Наша молодежь: информационный портал. – URL: http://nasha-molodezh.ru/society/plenum_oblastnogo_komiteta.html (дата обращения: 09.03.2026).
6. «Школа студенческого самоуправления» прошла в Магадане. – URL: https://kolyma.ru/news/obrazovanie/print:page,1,32381-shkola-studencheskogo-samoupravleniya-proshla-v-magadane.html (дата обращения: 09.03.2026).
7. Национальный проект «Молодёжь и дети» открывает новые возможности для магаданцев // Официальный сайт мэрии города Магадана. – URL: https://magadangorod.ru/press/news/index.php?id_4=107573 (дата обращения: 09.03.2026).
8. Новости региона // Магаданская региональная организация Российского Союза Молодежи: официальный сайт. – URL: https://magadan.ruy.ru/news/ (дата обращения: 09.03.2026).

Морозов Леонид Олегович
магистрант
ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»
г. Москва

ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО ГОРОДСКОГО И СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ: ДОСТУП, НАВЫКИ И ПРАКТИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕРНЕТА

Аннотация: *в статье рассматривается проблема цифрового неравенства между городским и сельским населением России. На основе анализа данных Федерального статистического наблюдения и результатов ряда эмпирических исследований последних лет выявляются тенденции изменения разрыва в доступе к сети Интернет, уровне цифровых навыков и практиках использования цифровых технологий жителями городских и сельских территорий. Показано, что при сокращении разрыва в физическом доступе к интернету сохраняется и даже усиливается дифференциация во втором (навыки) и третьем (реальные социально-экономические преимущества) уровнях цифрового неравенства. Особое внимание уделяется анализу факторам, препятствующим полноценной цифровой интеграции городского и сельского населения.*

Ключевые слова: *цифровое неравенство, цифровой разрыв, цифровые навыки, компьютерная грамотность.*

Цифровая трансформация стала одним из ключевых трендов современного общественного развития. При этом процесс цифровизации протекает неравномерно как в социальном, так и в региональном аспектах. Одним из устойчивых проявлений этой неравномерности выступает цифровое неравенство между городским и сельским населением, грозящее перерасти в цифровой разрыв [1, с. 50]. Ситуацию осложняют ряд факторов:

– численность населения сельской местности, несмотря на тенденцию к сокращению, составляет около четверти населения России [2];

– цифровое неравенство сельских и городских территорий является только одной из форм социально-экономического неравенства и значительно усиливает другие формы, ограничивая возможности сельских жителей в получении образования, доступе к качественной медицине, трудоустройстве и реализации иных социальных благ;

– государственные программы, направленные на преодоление реальных масштабов и структуры цифрового неравенства реализуются сравнительно недавно, что, зачастую, не позволяет объективно зафиксировать результативность происходящих изменений.

В этой связи представляется важным выявить тенденции и качественные параметры цифрового неравенства (разрыва) между городским и сельским населением, с целью определения путей решения возникающих при этом социальных и экономических проблем. В настоящем исследовании, анализ показателей доступа к интернету, наличия цифровых навыков и различия практик использования цифровых технологий позволит комплексно оценить цифровой разрыв между городскими и сельскими территориями.

Переходя к анализу проблем цифрового неравенства, требуется определиться с терминологией.

Цифровое неравенство возможно рассмотреть, как один из аспектов социального неравенства. Его возникновение стало следствием интенсивной цифровой трансформации, в ходе которой стал невозможным равномерный доступ цифровым технологиям для различных социальных групп и отдельных лиц. Таким образом, «цифровое неравенство – это неравенство в распределении цифровых благ и доступа к ним» [3, с. 267].

Цифровой разрыв – это термин, который позволяет зафиксировать наличие социально ощутимой полярности в констатация того факта, что разные социальные группы и страты получают различное число цифровых благ [4].

На сегодняшний день ведущие исследователи придерживаются трехступенчатой модели цифрового неравенства, фиксирующей три его уровня:

Первый уровень (digital divide 1.0, уровень доступа) фиксирует неравенство на уровне физического доступе к цифровым устройствам и подключению к интернету.

Второй уровень (digital divide 2.0, уровень навыков) фиксирует неравенство на уровне цифровых компетенций, необходимых для эффективного использования технологий.

Третий уровень (digital divide 3.0, уровень результатов) фиксирует неравенство в реальных социально-экономических преимуществах, получаемых от использования цифровых технологий (образование, трудоустройство, доступ к услугам, социальный капитал и т. д.) [5; 6].

Рассмотрим показатели цифрового неравенства между городским и сельским населением на трех указанных уровнях.

На уровне физического доступа анализ динамики доступа к интернету в городской и сельской местности демонстрирует устойчивую тенденцию к сокращению разрыва. Федеральный проект Минцифры РФ (УЦН) призванный обеспечить малочисленные населенные пункты (100–500 человек) высокоскоростным интернетом и связью 4G/LTE до 2030 года признан успешным. С 2020 по 2025 г. в рамках реализации УЦН к интернету было подключено более 8,5 тыс. малочисленных населённых пунктов России. Тем не менее, по данным за 2025 год, каждая седьмая сельская семья проживает без доступа к интернету (14,1%), в городах этот показатель существенно ниже (8,3%). В отдельных регионах ситуация еще сложнее. В Кировской, Псковской областях и Чувашии почти каждая пятая семья находится вне цифровой среды [7].

Это также подтверждается данными Федерального статистического наблюдения (№1-ИТ «Анкета выборочного федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей). Опросы за 2022 г. фиксируют 77022,5 тыс. активных пользователей сети Интернет в возрасте 15–74 лет среди городского населения, в то время как аналогичный сегмент сельского населения составляет только 23389,9 тыс. чел [8].

Кроме того, следует отметить особенности региональной дифференциации – в некоторых субъектах РФ доля домохозяйств, подключенных к сети, превышает 90% (Москва, Санкт-Петербург, Чукотский АО, Ямало-Ненецкий АО, Ханты-Мансийский АО), в других регионах этот показатель может быть ниже 80% (Вологодская область, Забайкальский край, Томская область) [9, с. 9]. Эти данные указывают на то, что проблему цифрового неравенства

необходимо рассматривать не только в дихотомии «город-село», но и в разрезе межрегиональных различий.

Важным фактором, способствующим сокращению неравенства в физическом доступе, стало распространение мобильного интернета и использование смартфонов как основного устройства для выхода в сеть. Если десять лет назад в каждом втором домохозяйстве главным устройством был персональный компьютер, то в 2022 г. с помощью смартфонов выходили в интернет уже в 85% домохозяйств. Для сельских жителей, где инфраструктура проводного интернета развита слабее, мобильные устройства стали ключевым каналом доступа в цифровую среду. И несмотря, на эту положительную динамику есть тревожные тенденции – игнорирование сельскими жителями стационарных компьютеров, при увеличении аналогичного формата доступа среди городского населения свидетельствуют о нарастании показателей неравенства второго уровня [1, с. 57].

Очень показательны данные исследования Высшей школы экономики, представляющие основные причины отказа от подключения к интернету. Среди домохозяйств, не имеющих доступа к сети на 2021 г., большинство (71, 6%) в качестве главной причины называют отсутствие необходимости. Об отсутствии технической возможности подключения в качестве причины говорят только 4,7%; населения [10]. Эти данные позволяют предположить, что по мере преодоления инфраструктурных ограничений на первый план выходят факторы субъективного характера, основным из которых является недостаточная мотивация к использованию цифровых технологий. Другими словами, сельские жители имеют меньшую мотивацию в приобретении необходимых цифровых навыков.

Говоря о втором уровне цифрового неравенства (неравенство цифровых компетенций), исследователи фиксируют сохранение значительного отставания сельских жителей по навыкам владения информационно-коммуникационными технологиями.

А.И. Костяев отмечает наличие тенденции не просто сохранения, но и роста разрыва в уровне цифровой компетентности пользователей в городе и сельских регионах. Он объясняет это действием механизма «цифрового усиления», способствующего тому, что те группы, которые обладают более высоким образовательным уровнем и включены в профессиональную среду, требующую использования цифровых технологий, быстрее наращивают свои компетенции, тогда как сельские жители, часто занятые в сферах с низкими цифровыми требованиями, остаются на периферии этого процесса [1, с. 60]. Отсутствие базовых компетенций создает психологический барьер: люди не видят смысла в подключении, поскольку не знают, как использовать цифровые возможности для решения своих повседневных задач.

Сравнительный анализ методик оценки цифровых навыков, проведенный Садыртдиновым Р.Р., Варламовой Ю.А. и Еремеевой Е.А., показывает, что наиболее проблемными областями для сельских жителей являются навыки обеспечения безопасности, защиты данных и решения проблем в цифровой среде. Эти компетенции требуют более высокого уровня цифровой грамотности и реже формируются в повседневной практике использования интернета [13, с. 482].

Особую озабоченность вызывает ситуация в сфере образования. В школах, расположенных в сельской местности и малых городах, часто используется устаревшее компьютерное оборудование, скорость интернета недостаточна для полноценной учебной работы, не хватает квалифицированных учителей информатики и программирования. Это создает риск воспроизводства цифрового неравенства в следующих поколениях.

Различия между городскими и сельскими жителями проявляются не только в наличии доступа и уровне навыков, но и в реальных практиках использования цифровых технологий. Исследователи фиксируют неоднородность в интенсивности и направлениях использования интернета.

В исследовании института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ проанализированы изменения в различных сферах жизни (образовании, организации досуга, рабочих практиках) в их связи с ресурсами цифровизации. Представленный индекс

цифровизации повседневных практик (ИЦПП), измеряющий интенсивность использования цифровых технологий для решения конкретных повседневных задач, в 2024 г. составил 55 пунктов, но при этом индекс цифровизации индивидов (ИЦИ), измеряющий активность индивида в использовании цифровых технологий составляет 49 пунктов. Наиболее высокий индекс ИЦИ отличает молодых, образованных и трудоустроенных россиян, проживающих в городах [14, с. 76].

Анализ конкретных направлений использования интернета показывает, что активнее всего цифровые технологии применяются в сфере финансовых и государственных услуг (значения ИЦПП – 81 и 76 пунктов соответственно) [15, с. 84]. Однако доступность этих услуг для сельских жителей ограничена как качеством связи, так и отсутствием необходимых навыков. Исследователи отмечают наличие позитивной тенденции сокращения межрегионального разрыва в получении через интернет государственных и муниципальных услуг, но при этом фиксируют рост разрыва при осуществлении заказов товаров и услуг [15, с. 85].

Последнее наблюдение особенно важно в контексте складывающихся потребительских практик, фиксируемых на третьем уровне цифрового неравенства. Цифровая грамотность предоставляет сельским жителям потенциальную возможность доступа к товарам по более низким ценам и более широкому ассортименту, чем в местной рознице. Однако реализация этой возможности требует не только доступа в интернет, но и навыков безопасного совершения онлайн-платежей, понимания механизмов защиты прав потребителей в цифровой среде.

Многие представители старшего поколения, доля которого в сельской местности традиционно выше, не имеют доступа в интернет или навыков для его эффективного использования. В результате они могут быть лишены ряда преимуществ цифровизации, таких как возможности более простой коммуникации с близкими, поддержания здорового образа жизни благодаря изучению специальных материалов, получению оперативной и квалифицированной медицинской помощи и др.

Обобщая результаты исследований, можно выделить соотношение ряда факторов, сохраняющих цифровое неравенство между городским и сельским населением.

Несмотря на позитивную динамику, сельские территории продолжают отставать от городов по обеспеченности высокоскоростным интернетом. Развитие инфраструктуры в сельской местности требует более высоких удельных затрат в расчете на одного подключенного абонента, что снижает коммерческую привлекательность таких инвестиций для провайдеров.

Сказываются социально-демографические особенности сельского населения, с большой долей пожилых людей, которые в целом менее активно осваивают цифровые технологии и чьи повседневные практики не требуют регулярного использования компьютера и доступа в интернет.

Уровень доходов сельских домохозяйств в среднем ниже, чем городских, что ограничивает возможности приобретения современного цифрового оборудования и оплаты интернет-доступа. Хотя данные показывают, что стоимость не является главной причиной отказа от подключения, для части малообеспеченных семей этот фактор может быть существенным.

Уровень формального образования в сельской местности ниже, а доступ к программам дополнительного профессионального образования и повышения цифровой грамотности ограничен. Поэтому, отсутствие навыков снижает мотивацию к использованию интернета, а отсутствие практики использования не позволяет развивать навыки.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о неоднородности процессов преодоления цифрового неравенства между городским и сельским населением России. На первом уровне доступа к интернету разрыв последовательно сокращается благодаря развитию мобильной связи и реализации государственных программ. Однако на втором уровне формирования цифровых навыков разрыв сохраняется, а по некоторым оценкам даже увеличивается, что ведет к сохранению дифференциации и на третьем уровне – в реальных социально-экономических преимуществах от использования цифровых технологий.

Перспективы преодоления цифрового неравенства связаны с реализацией комплексных программ, сочетающих обучение цифровым навыкам, повышение мотивации к использованию интернета и создание доступных и понятных цифровых сервисов, ориентированных на потребности сельских жителей.

Список литературы

1. Костяев А.И. Цифровое неравенство между городским и сельским населением / А.И. Костяев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2024. – Т. 17. №3. – С. 50–67. DOI 10.15838/esc.2024.3.93.3. EDN SERPAN

2. Характеристика уровня развития сельских территорий в Российской Федерации // Счетная палата Российской Федерации. – URL: https://ach.gov.ru/upload/iblock/f2f/f2faedcd68e364b3468d3588ca2f5337.pdf (дата обращения: 01.03.2026).

3. Орехов А.М. Цифровое неравенство и цифровая справедливость: социально-философские аспекты проблемы / А.М. Орехов, Н.А. Чубаров // Вестник РУДН. Сер. Философия. – 2024. – №1. – С. 260–272. DOI 10.22363/2313-2302-2024-28-1-260-272. EDN CPGPPX

4. Садыртдинов Р.Р. Цифровой разрыв между сельскими и городскими домохозяйствами в России / Р.Р. Садыртдинов, Ю.А. Варламова, Е.А. Еремеева // Ars Administrandi (Искусство управления). – 2025. – Т. 17. №3. – С. 473–494. DOI 10.17072/2218-9173-2025-3-473-494. EDN DSJALI

5. Van Deursen A. New Media and the Digital Divide / A. Van Deursen, J. Van Dijk // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences / ed. by J.D. Wright. 2nd ed. New York: Elsevier, 2015. Pp. 787–792.

6. Cong Y. Bridging the Digital Divide: The Imperative for a Human Rights-Based Approach to Digital Literacy // Vrije Universiteit Brussel. 2025. URL: https://hall.research.vub.be/bridging-the-digital-divide-the-imperative-for-a-human-rights-based-approach-to-digital-literacy (дата обращения: 02.03.2026).

7. Счетная палата оценила эффективность расходов на устранение цифрового неравенства // Официальный сайт Счетной Палаты Российской Федерации. – URL: https://ach.gov.ru/checks/effektivnost-raskhodov-na-ustranenie-tsifrovogo-neravenstva.

8. Выборочное федеральное статистическое наблюдение по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей // Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt22/index.html (дата обращения: 02.03.2026).

9. Басова Е.А. Цифровое неравенство российских регионов: современные проблемы и пути преодоления / Е.А. Басова // Вопросы территориального развития. – 2021. – Т. 9. №4. – С. 1–17. DOI 10.15838/tdi.2021.4.59.4. EDN XXUDPQ

10. Расчеты ИСИЭЗ НИУ ВШЭ по данным Росстата; результаты проекта «Мониторинг цифровой трансформации бизнеса» тематического плана научно-исследовательских работ, предусмотренных Государственным заданием НИУ ВШЭ. – URL: https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/810217629.pdf (дата обращения: 02.03.2026).

11. Козырева П.М. Цифровая адаптация сельского и городского населения России / П.М. Козырева // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE): сборник научных статей / отв. ред. П.М. Козырева. – Вып. 15. – М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2025. – С. 115. – URL: https://www.hse.ru/rlms/vestnik#vestnik15 (дата обращения: 01.03.2026).

12. Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. Жизнь онлайн: цифровая трансформация российского общества // ITWeek. – 2024. – 9 дек. – URL: https://www.itweek.ru/digitalization/news-company/detail.php?ID=231242 (дата обращения: 01.03.2026).

13. Садыртдинов Р.Р. Цифровой разрыв между сельскими и городскими домохозяйствами в России / Р.Р. Садыртдинов, Ю.А. Варламова, Е.А. Еремеева // Ars Administrandi (Искусство управления). – 2025. – Т. 17, №3. – С. 473–494. DOI 10.17072/2218-9173-2025-3-473-494. EDN DSJALI

14. Жизнь онлайн: цифровая трансформация российского общества: коллект. моногр. / Е.А. Стрельцова (рук. авт. колл.), Л.С. Кузина, В.В. Полякова [и др.]; науч. ред. Е.А. Стрельцова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. – 188 с.

15. Капранова Л.Д. Цифровая трансформация общества и уровень жизни населения / Л.Д. Капранова // Экономика. Налоги. Право. – 2025. – №18 (3). – С. 81–91. DOI 10.26794/1999-849X-2025-18-3-81-91. EDN GDXTGU

Набиуллина Гульназ Расимовна
студентка
Павлова Ирина Ивановна
канд. пед. наук, доцент, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ДОСТУПНОСТЬ СТОМАТОЛОГИЧЕСКИХ УСЛУГ В РАЗНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУППАХ: БАРЬЕРЫ И РЕШЕНИЯ

Аннотация: *в статье приводится системный анализ ограничений, с которыми сталкиваются различные социальные группы при получении стоматологической помощи в России. Особое внимание уделено положению сельских жителей, людей с инвалидностью, многодетных семей и беременных женщин, для которых эти барьеры наиболее выражены. В работе предлагается оценка реально действующих региональных практик – от мобильных бригад и централизации услуг до целевых льготных программ.*

Ключевые слова: *доступность стоматологической помощи, стоматологическая услуга, социальные группы, льготное зубопротезирование.*

Возможность получения стоматологических услуг определяется уровнем дохода пациента. В Российской Федерации функционирует раздельная модель организации этой медицинской отрасли, представленная коммерческим сектором и государственным, который предоставляет помощь через систему обязательного медицинского страхования.

Ценообразование в частных стоматологических клиниках формируется исходя из принципов рыночной экономики, что обеспечивает данному сегменту высокие показатели прибыльности. По отдельным оценкам, к 2025 году средняя стоимость посещения такой клиники может приблизиться к 28–30 тысячам рублей. Для семей с низким уровнем дохода, в частности для многодетных, подобные расходы представляют собой серьёзную, зачастую непреодолимую, финансовую нагрузку.

Программа обязательного медицинского страхования формально включает в себя основной перечень стоматологических процедур. Фактически же предоставляемый объём помощи является минимальным. Как правило, в базовую страховку входит лишь лечение кариеса с установкой недорогих пломб и удаление зубов [1]. При необходимости применения современных методик, использования качественных реставрационных материалов или обращения к узкопрофильным специалистам пациенту приходится оплачивать лечение самостоятельно. Таким образом, гражданин оказывается перед сложным выбором: получить бесплатную, но недолговечную помощь или пройти дорогостоящее, но качественное лечение.

По финансовым соображениям многие откладывают обращение за стоматологической помощью до возникновения неотложных состояний, когда незначительное повреждение развивается в острое воспаление или требует сложного хирургического лечения. Подобная практика не только увеличивает страдания пациента, но и приводит к существенному росту финансовых затрат как для самого человека, так и для всей системы здравоохранения.

Дефицит стоматологов в малых городах и селах – это системная проблема. Ее главная причина – массовый переезд молодых врачей в крупные города. Их выбор легко объясним: там их ждет более высокий доход, современное оснащение клиник и широкие возможности для профессионального роста. В результате в регионах формируется устойчивый кадровый дефицит, а для жителей поход к стоматологу превращается в долгую и затратную поездку в областной центр [6].

Усугубляет ситуацию плачевное состояние оснащения многих государственных стоматологий. Они часто работают на устаревшем оборудовании, без цифровых визиографов, микроскопов и качественных анестетиков. Это напрямую снижает качество и безопасность оказываемой помощи [7].

Экономические показатели стоматологических клиник демонстрируют значительную вариативность в зависимости от их географического расположения. Уровень доходов медицинских организаций, определяющий их материально-техническую базу и доступность для населения, существенно отличается по регионам. Например, месячная выручка стоматологии в Москве может достигать 6–8 миллионов рублей, тогда как в небольших населенных пунктах этот показатель обычно не превышает 1–3 миллионов рублей. Данное неравенство прямым образом сказывается на оснащении клиник, уровне оплаты труда специалистов и конечной стоимости лечения для пациентов [5].

Статистическая информация по федеральным округам за первый квартал 2024 года наглядно подтверждает существующую региональную дифференциацию (табл. 1).

Таблица 1

Финансовые показатели стоматологических клиник по федеральному округу

Федеральный округ	Выручка клиник (млрд руб.)	Средний чек (тыс. руб.)
Центральный	92,69	7,5
Северо-Западный	43,87	8,1
Приволжский	41,16	6,6
Сибирский	26,62	7,4
Уральский	24,79	8,6
Южный	19,2	6,3
Дальневосточный	12,42	10,4
Северо-Кавказский	3,11	5,1

Доступность стоматологической помощи для сельского населения остается системной проблемой, что находит подтверждение в результатах исследований. Обследование, проведенное в Смоленской области в рамках проекта «Добро в село», демонстрирует значительную распространенность стоматологических заболеваний.

Среди взрослого населения в возрасте 18–44 года кариес и его осложнения зафиксированы у 77,8% человек. Среднее значение индекса КПУ в этой группе достигает 10,4. Отсутствие хотя бы одного зуба наблюдается у 37% человек, причем ни один из дефектов не был восстановлен с помощью протезирования.

В средней возрастной группе (45–59 лет) показатель КПУ резко увеличивается, доходя до 18,5. В старшей возрастной категории (60–74 года) у всех обследованных отмечается частичное отсутствие зубов, а у 32,1% – полная адентия. Индекс КПУ здесь достигает максимального значения в 21,6.

Приведенные результаты свидетельствуют о высоком уровне неудовлетворенной потребности в лечении и протезировании.

Стоматологическое обследование московских детей, имеющих нарушения слуха и зрения, выявило комплекс серьезных проблем. Анализ данных позволяет констатировать следующие проблемы. Значительной проблемой остается неудовлетворительная гигиена полости рта. Среди слабовидящих детей недостаточный гигиенический уход был отмечен в 38,1% случаев, что резко контрастирует с показателем у слабослышащих (3,3%). Также была установлена высокая потребность в ортодонтическом лечении. Помощь специалиста требовалась 77% детей с нарушениями слуха и 79,4% их сверстников с нарушениями зрения. Доступность платной стоматологической помощи оставалась низкой. К коммерческим услугам обращались лишь 28,8% семей, воспитывающих слабослышащих детей, и 38,1% семей с слабовидящими детьми. При этом качеством лечения было недовольно 59% родителей из первой группы и 38,1% – из второй. По мнению респондентов, ключевыми препятствиями для получения медицинской помощи являются трудности с записью на прием, а также нехватка стоматологов, обладающих специализацией для работы с данной категорией пациентов [6].

Многодетные семьи сталкиваются со значительными сложностями при обращении за стоматологической помощью. Многие родители сталкиваются с проблемами воспитания детей [4; 5]. Помимо финансовой нагрузки, серьезной проблемой становится организация

визитов к врачу, поскольку одновременное сопровождение в клинику нескольких детей требует от родителей больших временных и организационных затрат.

Наиболее выраженные стоматологические проблемы отмечаются среди беременных и кормящих женщин. Данные исследования в Ростовской области иллюстрируют прогрессирование кариеса в этот период: если средний индекс КПУ у беременных составляет 9,21, то у кормящих матерей он увеличивается до 11,5. У 77,1% женщин в период лактации диагностируется глубокий кариес. Выявленная динамика свидетельствует о необходимости создания специализированной системы профилактики для данной категории пациенток [3].

Опыт различных регионов и медицинских организаций демонстрирует реальные пути повышения доступности стоматологических услуг, которые обеспечивают результат за счет системного подхода.

1. Выездные осмотры и сбор эпидемиологических данных. Ярким примером эффективной работы служит всероссийский проект «Добро в село». В Смоленской области и других регионах деятельность мобильных стоматологических бригад позволила не только оказать медицинские услуги на местах, но и сформировать репрезентативную базу данных, объективно отражающую состояние полости рта у жителей сельских территорий. Полученная таким образом информация служит ключевым аргументом для планирования и запуска специализированных профилактических программ на региональном уровне, а также для рационального перераспределения ресурсов в системе здравоохранения.

2. Опыт Чебоксарской городской стоматологической поликлиники №1 наглядно продемонстрировал преимущества объединения муниципальных стоматологий. Разрозненные клиники были преобразованы в единый комплекс, где создали специализированные центры имплантологии и ортодонтии. Централизация управления и такая реорганизация позволили добиться значительного эффекта: за три года операционные издержки сократились на 20%, а объем финансирования по ОМС вырос на 40%.

3. Одним из инструментов социальной поддержки являются целевые программы. Среди них – локальные инициативы, вроде права первоочередной записи для многодетных семей в одной из клиник Ханты-Мансийска, а также системные меры, например, программа льготного зубопротезирования для ветеранов и инвалидов в Чебоксарах.

4. Для укрепления стоматологического здоровья населения ключевую роль играют профилактика и просвещение. Такие проекты, как «Школы здоровых зубов» для детей и родителей, а также выпуск памяток на национальных языках, позволяют добиться улучшений на популяционном уровне.

5. Для качественной стоматологической помощи детям-инвалидам и другим уязвимым пациентам стоматологам требуется особая подготовка. Им необходимо освоить как практические навыки лечения, так и научиться эффективному общению с этими пациентами [2].

Таким образом, проведенное исследование позволило комплексно проанализировать ограничения в доступности стоматологической помощи в России и оценить эффективность мер по их устранению. В результате анализа выявлены и структурированы три основные категории препятствий: финансовые, территориальные, организационные. Исследование показало, как выявленные ограничения по-разному воздействуют на конкретные социальные группы. Анализ реализованных в регионах мер позволил выделить наиболее результативные подходы: мобильные стоматологические бригады в рамках проекта «Добро в село», централизация муниципальных клиник, целевые льготные программы и просветительские мероприятия.

Список литературы

1. Бабенко А.И. Социологическая оценка организации стоматологической помощи, оказываемой в амбулаторных условиях / А.И. Бабенко, С.А. Кострубин // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. – 2020. – №2. – С. 239–254. DOI 10.24411/2312-2935-2020-00045. EDN YORFCP

2. Беркович О.Е. Психология конфликта / О.Е. Беркович. – Н. Новгород, 2015. EDN VHBMQH

3. Куракбаев К. Анализ и оценка доступности и качества стоматологической помощи беременным / К. Куракбаев, В. Деточкина, В. Долгих // InterConf. – 2021. – №55 – С. 69–74. DOI 10.51582/interconf.7-8.05.2021.007. EDN ELIMIP

4. Павлов В.И. Воспитание человека в поликультурной школе / В.И. Павлов, И.И. Павлова // Личность. Культура. Общество. – 2007. – Т. 9. №2 (36). С. 343–357. EDN IJLILR

5. Павлова И.И. Формирование нравственной устойчивости у подростков на основе духовно-нравственных ценностей / И.И. Павлова, В.И. Павлов, Д.О. Тихонов // Развитие образования. – 2024. – Т. 7. №2. – С. 29–35. DOI 10.31483/r-112276. EDN ORDQZR

6. Степанова Ю.С. К вопросу о доступности терапевтической стоматологической помощи пациентам, проживающим в сельской местности / Ю.С. Степанова, Э.Н. Мингазова // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. – 2025. – №1. – С. 1016–1030. DOI 10.24412/2312-2935-2025-1-1016-1030. EDN SSLRNF

7. Успенская И.В. Апробирование медико-социологического инструментария для оценки качества организации и стоимостной доступности стоматологической ортопедической помощи / И.В. Успенская, Л.Н. Тишкина, М.В. Пешков // Российский медико-биологический вестник имени академика И.П. Павлова. – 2023. – Т. 31. №2. – С. 211–220. DOI 10.17816/PAVLOVJ112586. EDN WASKKR

Рассадина Яна Александровна
ассистент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ РОССИИ

Аннотация: *статья посвящена исследованию влияния системы образования на социально-экономическое развитие регионов Российской Федерации. Рассматриваются ключевые факторы, определяющие эффективность образовательных учреждений и их вклад в формирование человеческого капитала, инновационной активности и экономического роста территорий. Автор выделяет роль высшего профессионального образования, дополнительного профессионального обучения и среднего специального образования в подготовке квалифицированных кадров, необходимых для реализации региональных проектов и повышения конкурентоспособности экономики региона.*

Ключевые слова: *экономика, образование, трудовые ресурсы, инновационные подходы, экономика региона.*

Современное общество характеризуется высоким уровнем конкуренции на глобальном рынке, определяющим необходимость формирования высококвалифицированных трудовых ресурсов. Качество и доступность образования являются важнейшими факторами, обеспечивающими конкурентоспособность региона и его способность адаптироваться к меняющимся условиям внешней среды [3].

Образование играет ключевую роль в социально-экономическом развитии регионов России, выступая катализатором прогресса и основой для устойчивого роста. Его влияние многогранно и охватывает широкий спектр аспектов, от человеческого капитала до инновационного потенциала.

Образование – это не просто процесс передачи знаний, а мощный двигатель социально-экономического прогресса на региональном уровне. Его влияние ощущается во многих сферах:

1. Формирование человеческого капитала – основа всего:

– именно образовательная система готовит кадры для всех отраслей экономики региона, а качественное образование обеспечивает регион рабочими руками, способными решать задачи, соответствующие современным требованиям;

– современное образование дает не только теоретические знания, но и развивает практические навыки, способность к адаптации, критическое мышление – всё то, что необходимо для успешной работы в быстро меняющемся мире;

– доступное и качественное образование дает шанс людям из разных слоев общества улучшить свое положение, получить новую профессию, внести больший вклад в развитие региона.

2. Стимулирование инноваций и конкурентоспособности:

– университеты и научные центры – это «генераторы» новых идей и технологий, их разработки могут быть внедрены в местную экономику, создавая новые производства, повышая эффективность существующих и делая регион более конкурентоспособным.

– образовательные учреждения могут быть центрами поддержки предпринимательства, создавая условия для появления стартапов, бизнес-инкубаторов.

– регионы с сильной образовательной базой, где есть много квалифицированных специалистов, более привлекательны для инвесторов.

3. Улучшение качества жизни и социальное развитие:

– образованные люди, как правило, имеют больше возможностей для трудоустройства, меньше склонны к криминальному поведению и более активно участвуют в жизни общества;

– образование способствует повышению правовой грамотности, развитию критического мышления и формированию ответственного отношения к общественным делам;

– существует прямая связь между уровнем образования и показателями здоровья, продолжительностью жизни и общим уровнем благосостояния населения.

4. Преодоление региональных диспропорций:

– инвестиции в образование в менее развитых регионах помогают им сократить отставание от более успешных субъектов Федерации, создавая новые возможности для жителей;

– если в регионе есть хорошие вузы, колледжи и перспективы трудоустройства, молодёжь с меньшей вероятностью будет уезжать в крупные города.

Совершенствование системы образования в Российской Федерации является одной из приоритетных задач государственной политики, направленной на обеспечение конкурентоспособности страны, развитие человеческого капитала и повышение качества жизни граждан. Этот процесс затрагивает все уровни образования, от дошкольного до высшего и дополнительного.

Регионы активно внедряют инновационные подходы, адаптируют федеральные программы и разрабатывают собственные инициативы для повышения качества и доступности образования [4].

В Республике Татарстан активно реализуется программа строительства и реконструкции детских садов, внедряются различные формы дошкольного образования (частные сады, семейные группы, центры развития).

В Московской области строятся школы, оснащенные по последнему слову техники, с цифровыми лабораториями, робототехническими классами, спортивными комплексами.

В Республике Саха (Якутия), учитывая огромные расстояния, активно развиваются дистанционные технологии для обеспечения доступа к качественному образованию детей из удаленных населенных пунктов.

В Самарской области активно внедряется модель «регионального чемпионата профессионального мастерства» (по аналогии с WorldSkills), что стимулирует студентов к освоению востребованных профессий.

В Новосибирской области научно-образовательный центр (НОЦ) «Инновации и технологии» объединяет вузы, научные организации и промышленные предприятия для решения актуальных задач региона.

Во многих регионах (например, Краснодарский край, Приморский край, Чувашская Республика) действуют программы «Земский учитель», «Земский доктор», предоставляющие льготы и выплаты молодым специалистам, приезжающим работать в сельскую местность.

Проведенное исследование подтверждает гипотезу о значимой роли образования в достижении высоких показателей социально-экономического развития регионов России. Формирование эффективной образовательной системы требует комплексного подхода, включающего инвестиции в инфраструктуру образовательных учреждений, внедрение современных методик обучения и поддержку талантливых студентов и преподавателей. Инвестируя в образование, государство создает основу для дальнейшего процветания и стабильности всех сфер общественной жизни.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 18.02.2026).

2. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон №273-ФЗ: принят 29 дек. 2012 г.

3. Бакаева Ж.Ю. Региональная система управлением образования как основа качественных преобразований социально-экономических институтов страны / Ж.Ю. Бакаева, Э.Н. Щеголева, И.В. Стеклова // Oeconomia et Jus. – 2022. – №2. – С. 8–18. DOI 10.47026/2499-9636-2022-2-8-18. EDN MGYLAE

4. Райлян Г.С. Формирование и реализация конкурентных преимуществ образовательного учреждения в условиях цифровой трансформации социально-экономических процессов / Г.С. Райлян, Н.В. Морозова // Регионы России в меняющемся мире: преемственность приоритетов и новые возможности: сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Чебоксары, 2023. – С. 49–51. EDN ZKTUTE

5. Рассадина Я.А. Образование как драйвер роста экономики регионов России / Я.А. Рассадина, Н.В. Морозова // Социально-экономический ландшафт региона: инвестиции роста: сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Чебоксары, 2025. – С. 81–84. EDN SUEOMR

6. Морозова Н.В. Анализ процесса цифровизации в государственных учреждениях Чувашской Республики / Н.В. Морозова, И.А. Васильева // Грань науки – 2022. – Ростов н/Д.; Мадрид, 2022. – С. 223–229. EDN HIAOAY

Рудниченко Татьяна Дмитриевна
студентка
Научный руководитель
Мальцева Полина Николаевна
канд. экон. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет»
г. Магадан, Магаданская область

РАЗВИТИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ МОЛОДЕЖИ В МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация: *в статье анализируется роль физической культуры и спорта в формировании здорового образа жизни молодежи Магаданской области. На основе данных официального доклада о положении молодежи в 2024 году рассматриваются тенденции развития спортивной активности, инфраструктурные возможности и интеграция физкультурно-спортивной деятельности в систему профилактики социально-негативных явлений. Делается вывод о значимости систематических занятий физической культурой как фактора укрепления здоровья и социальной адаптации молодежи в условиях северного региона.*

Ключевые слова: *физическая культура, спорт, здоровый образ жизни, молодежь, Магаданская область, спортивная инфраструктура, профилактика.*

В современном российском обществе вопросы развития массового спорта и формирования здорового образа жизни приобретают особую актуальность. Качественные характеристики народонаселения ухудшаются: снижается рождаемость, повышается смертность от сердечно-сосудистых заболеваний, наркомании, алкоголизма, ухудшаются показатели

физического развития молодежи. Популяризация здорового образа жизни должна стать приоритетом государственной политики [1, с. 360].

Особое значение эта проблема имеет в регионах с экстремальными природно-климатическими условиями, к числу которых относится Магаданская область. Специфика северного региона предъявляет повышенные требования к состоянию здоровья населения, и в первую очередь – молодежи как основного трудового потенциала территории.

Физическая культура и спорт являются важнейшими компонентами здорового образа жизни. Спорт выполняет не только функцию укрепления организма, но и социально-воспитательную миссию, способствуя формированию дисциплины и лидерских качеств.

Данные Всемирной организации здравоохранения свидетельствуют, что регулярная физическая активность снижает риск возникновения депрессии и тревожных расстройств у молодежи более чем на 25% [3, с. 360]. Это особенно важно в условиях северного региона, где высокая учебная нагрузка и влияние цифровой среды могут провоцировать стрессовые состояния.

Согласно данным департамента физической культуры и спорта Магаданской области, в 2024 году физической культурой занимались около 32 тысяч человек в возрасте 14–35 лет, что на 13% больше, чем в 2023 году (28 736 человек). Молодежь посещает тренировки в 18 учреждениях спортивной подготовки, тренажерных залах, фитнес-центрах и спортивных клубах. В регионе работает 25 фитнес-клубов, где в 2024 году занималось около 10 тысяч человек.

Наиболее популярные виды спорта: плавание, волейбол, баскетбол, футбол, хоккей, единоборства (бокс, дзюдо, самбо), лыжные гонки, горнолыжный спорт, сноуборд, северное многоборье, фитнес. Растет число занимающихся уличными видами спорта: паркур, воркаут, скейтбординг, что особенно важно для отдаленных территорий.

В 2024 году нормативы ГТО выполняли 650 человек, 91 молодой человек получил знаки отличия: в группе 16–17 лет – 60 знаков (30 золотых), в группе 18–29 лет – 31 знак (12 золотых). Акция «Зарядись!» ко Дню физкультурника познакомила с комплексом ГТО более 140 воспитанников детских лагерей, где ребята выполняли отжимания, прыжки, бег, что способствовало интересу к спорту.

В Магаданской области спорт интегрирован в систему профилактики асоциальных явлений в рамках госпрограммы «Молодежная политика и патриотическое воспитание». В 2024 году проведены конкурс социальной рекламы «Молодежь выбирает ЗОЖ!» (49 работ), акция «Ярмарка здоровья» (700 участников), проект «Навигатор здоровья», всероссийские акции «Сообщи, где торгуют смертью» и «Стоп ВИЧ/СПИД». В рамках «Навигатора здоровья» прошла викторина «Квиз, Плиз! ЗОЖ!», выявившая 5 команд победителей [2].

Образовательные организации – ключевое звено формирования здорового образа жизни. В регионе 15,7 тысяч школьника и 6 тысяч студентов. Исследования показывают: более 70% студентов-спортсменов отмечают повышение концентрации и успеваемости [3, с. 363].

Реализуется проект «Школа Юнармейца»: в 2024 году проведено 20 занятий (120 участников) по строевой подготовке и стрельбе. На базе центра «Подвиг» прошли сборы по военной службе для 233 юношей с тактической и физической подготовкой. В летних лагерях действовали патриотические смены «Патриот» (52 участника) и смена для курсантов (35 человек).

Социологическое исследование ноября–декабря 2024 года выявило отношение молодежи к факторам риска: 43% отрицательно относятся к курению сигарет, 42% – к электронным сигаретам. К алкоголю отрицательно относятся 39,8%, нейтрально – 32%, положительно – 7,3%. Причины употребления психоактивных веществ: стремление доказать взрослость (48,4%), расслабление (44,1%), уход от проблем (38,6%), любопытство (34,9%).

Основные занятия молодежи – домашний досуг (48,3%) и творчество (41,6%), спорт и туризм развиты слабо. Миграционные настроения высоки: 58,7% планируют уехать из-за климата (17,9%), желания быть ближе к родственникам (16,2%), отдаленности региона (12,3%)

и низкого уровня жизни (11,7%). Развитие спортивной инфраструктуры может способствовать закреплению молодежи [2].

Среди проблем – недостаточная доступность услуг в отдаленных территориях и неравномерное финансирование. Перспективные направления: строительство и реконструкция объектов, развитие уличных видов спорта, повышение квалификации тренеров, популяризация ЗОЖ через СМИ [4].

Развитие физической культуры и спорта – основа формирования здорового образа жизни молодежи Магаданской области. Рост вовлеченности на 13% в 2024 году подтверждает эффективность мер. Спорт укрепляет здоровье, профилактирует негативные явления, формирует дисциплину и ответственность. Интеграция спорта в патриотическое воспитание (юнармия, ГТО) расширяет возможности личностного развития. Для решения проблем инфраструктуры и миграции необходим комплексный подход с участием органов власти, образовательных и спортивных организаций.

Список литературы

1. Анищенко А.А. Роль и значение физической культуры для современного студента / А.А. Анищенко, П.К. Панченко // Концепт. – 2025. – №43. – С. 360–363. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-znachenie-fizicheskoy-kultury-dlya-sovremennogo-studenta (дата обращения: 09.03.2026).

2. Положение молодежи на территории Магаданской области в 2024 году: доклад // Официальный сайт департамента молодежной политики Магаданской области. – URL: https://molodezh.49gov.ru/common/upload/63/editor/file/Polozhenie_molodezhi_Magadanskoy_oblasti_v_2024_godu2.pdf (дата обращения: 09.03.2026).

3. Кажен Л.Ж. Спорт как фактор формирования здорового образа жизни и социальной активности молодежи / Л.Ж. Кажен // Молодой ученый. – 2025. – №43 (594). – С. 360–363. – URL: https://moluch.ru/archive/594/128767/ (дата обращения: 09.03.2026). EDN UQSUMI

4. Резолюция круглого стола «Массовый спорт. Проблемы и перспективы развития» // Официальный сайт КПРФ Санкт-Петербург. – URL: https://cprfspb.ru/news/rezolyuciya-kruglogo-stola-massovyj-sport-problemy-i-perspektivy-razvitiya/ (дата обращения: 09.03.2026).

Суетин Илья Николаевич
канд. пед. наук, д-р ист. наук, доцент, профессор
Кошечкин Дмитрий Дмитриевич
студент

ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный
педагогический университет им. И.Н. Ульянова»
г. Ульяновск, Ульяновская область

СОЦИАЛЬНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ ГРАЖДАН ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ

Аннотация: *в статье рассматриваются правовые проблемы, возникающие в процессе социальной интеграции граждан пожилого возраста в условиях цифровой трансформации сферы социального обслуживания. Анализируются положения Федерального закона №442-ФЗ, выявляются противоречия между гарантированным правом на получение социальных услуг и фактическими барьерами, связанными с цифровым неравенством.*

Ключевые слова: *социальное обслуживание, пожилые граждане, цифровизация, правовое регулирование, цифровое неравенство.*

Современный этап развития социальной сферы в Российской Федерации характеризуется активным внедрением цифровых технологий во все аспекты социального обслуживания населения. Перевод государственных услуг в электронный формат, развитие портала «Госуслуги», создание единых информационных систем в социальной защите – всё это объективные процессы цифровой трансформации, которые призваны повысить доступность и

эффективность социальной помощи [2; 8]. Однако данный процесс имеет и обратную сторону. Граждане пожилого возраста, составляющие значительную долю получателей социальных услуг, в силу объективных причин (отсутствие цифровых навыков, психологический барьер, недостаточная адаптация интерфейсов) зачастую оказываются исключенными из нового формата взаимодействия с государством. Возникает противоречие: с одной стороны, Федеральный закон от 28.12.2013 №442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» гарантирует пожилым гражданам право на получение социальных услуг, с другой стороны – цифровизация каналов доступа к этим услугам создает дополнительные барьеры, которые действующим законодательством в полной мере не урегулированы [7]. Исследователи отмечают, что при общей ориентации на инклюзию цифровая модернизация воспроизводит зависимый статус старшего поколения и одновременно порождает новые основания неравенства [1; 3; 4]. Целью настоящего исследования является выявление правовых проблем, возникающих при реализации права пожилых граждан на социальное обслуживание в условиях цифровизации, и определение возможных направлений совершенствования законодательства в данной сфере.

Правовую основу социального обслуживания граждан пожилого возраста в Российской Федерации составляет Федеральный закон от 28.12.2013 №442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», который вступил в силу с 1 января 2015 года и кардинально реформировал всю систему социальной поддержки населения [7]. Данный закон сменил устаревшее законодательство, действовавшее более двадцати лет, и был призван создать единое правовое поле для социального обслуживания по всей стране. Ключевой идеей закона стал переход от патерналистской модели «опеки» к социально-ориентированной модели «сопровождения», направленной на максимальную автономию и интеграцию человека в общество. Закон ввел новую терминологию: «клиент социальной службы» стал «получателем социальных услуг», что подчеркивает его право на качественную услугу, а «трудная жизненная ситуация» была заменена на конкретизированное понятие «нуждаемость в социальном обслуживании», которое описывается через закрытый перечень обстоятельств в статье 15 Закона №442-ФЗ [7]. Ключевым документом для каждого получателя социальных услуг является индивидуальная программа предоставления социальных услуг, которая определяет форму, виды, объем, периодичность и сроки предоставления услуг, а также перечень рекомендованных поставщиков. Законодательство исходит из приоритета сохранения пребывания гражданина в привычной благоприятной среде, что выражается в предпочтении услуг на дому и в полустационарной форме перед помещением в стационар. На практике в центрах социального обслуживания реализуются различные программные модули для пожилых людей: информационно-обучающие, творческие, досуговые, просветительские и здоровьесберегающие, включая клубы по обучению компьютерной грамотности, «Школы здоровья» и «Школы безопасности» [6].

Цифровизация социальной сферы, будучи объективным процессом, порождает серьезные вызовы для реализации прав пожилых граждан. Одним из наиболее острых вопросов становится так называемый «цифровой разрыв» или цифровое неравенство, проявляющееся в отсутствии возможности получать доступ к информационным технологиям гражданам, относящимся к социально уязвимым категориям по состоянию здоровья, возрасту, отсутствию технических и финансовых возможностей [5]. Исследователями доказано, что цифровой разрыв препятствует развитию социального обслуживания и реализации социальных гарантий и, соответственно, увеличивает потребность в эффективной государственной защите прав граждан, нуждающихся в социальной помощи. Особую значимость приобретает феномен «цифрового эйджизма», под которым понимается совокупность практик дизайна, данных и управленческих решений, системно ухудшающих положение пожилых пользователей в цифровой среде и трансформирующих фактическую реализуемость их гражданских прав [1]. Исследователи выделяют четыре уровня проявления цифрового эйджизма: инфраструктурный (доступ к связи и устройствам), компетентностный (цифровая грамотность и доверие),

дизайн-уровень (доступность интерфейсов и идентификация) и алгоритмический (смещения в данных и моделях). Наибольшему риску подвергаются права пожилых на равный доступ к публичным услугам, участие и представительство, защиту персональных данных и недискриминацию [Там же]. Анализ показывает, что при общей ориентации на инклюзию цифровая модернизация воспроизводит зависимый статус старшего поколения и одновременно порождает новые основания неравенства, а меры доступности носят преимущественно компенсаторный характер (сохранение альтернатив офлайн, обучение, сопровождение) при одновременном усилении режима «цифрового по умолчанию». Параллельно усложняются процедуры подтверждения личности, сокращаются привычные очные каналы и вводятся стимулы, привязанные к онлайн-обращениям, что формирует внутри возрастной группы линию разделения по уровню цифровых навыков, ресурсов и поддержки.

Анализ правоприменительной практики позволяет выявить ряд конкретных правовых проблем, требующих законодательного решения. Во-первых, проблема доступности: обязан ли гражданин пользоваться исключительно электронными каналами и сохраняется ли безусловное право на бумажный документооборот? Федеральный закон №442-ФЗ прямо не урегулирует данный вопрос, хотя предусматривает возможность оформления договора о предоставлении социальных услуг в электронном виде, но не отменяет традиционные формы [7]. Во-вторых, острой остается проблема защиты прав и персональных данных пожилых граждан, которые являются основной целью мошенников из-за низкой цифровой грамотности [3]. Вопрос о том, кто несет ответственность, если пожилой человек под давлением мошенников оформил заявку на социальное обслуживание или перевел социальные выплаты, остается открытым. В-третьих, проблема идентификации: требования к подтверждению личности через учетную запись на портале «Госуслуги» могут стать непреодолимым барьером для пожилого человека с когнитивными нарушениями или отсутствием навыков работы с компьютером. Исследователи подчеркивают, что далеко не у каждого пенсионера есть компьютер и возможность выхода в интернет, и задача органов социальной защиты – дойти до каждого льготника, разъясняя его права и доступные формы получения услуг [4]. В связи с этим предлагаются дополнительные меры по обеспечению прав граждан, такие как признание гражданина, не имеющего доступа к информационным ресурсам, нуждающимся в социальном обслуживании, а также возможность оказывать таким гражданам помощь в оформлении необходимых электронных документов на дому.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что действующее правовое регулирование, основанное на Федеральном законе №442-ФЗ, не в полной мере учитывает вызовы цифровой трансформации применительно к гражданам пожилого возраста как особой категории получателей социальных услуг. Цифровизация, будучи объективно необходимой для повышения эффективности социального обслуживания, создает дополнительные барьеры для пожилых людей, порождая явления цифрового неравенства и цифрового эйджизма. Таким образом, исследование показало необходимость совершенствования законодательства по следующим направлениям: закрепление в Федеральном законе №442-ФЗ безусловного права выбора формы обращения (бумажной или электронной) при сохранении равной юридической силы обоих способов; введение обязанности поставщиков социальных услуг по обучению пожилых граждан цифровой грамотности как элемента социального сопровождения; разработка стандартов доступности цифровых интерфейсов с учетом возрастных особенностей пользователей; создание механизмов защиты пожилых граждан от мошеннических действий в цифровой среде при получении социальных услуг. Реализация данных предложений позволит обеспечить баланс между цифровой модернизацией социальной сферы и реализацией конституционного права граждан пожилого возраста на доступное и качественное социальное обслуживание.

Список литературы

1. Ананченкова П.И. Цифровой эйджизм и гражданские права пожилых: вызовы и ответы публичной власти / П.И. Ананченкова, Н.И. Осмонова // Вестник КРСУ. – 2025. – Т. 25. №11. – С. 212–218. DOI 10.36979/1694-500X-2025-25-11-212-218. EDN QWRLTF

2. Борзикова Д.Е. Региональное регулирование сервисной деятельности и сферы услуг / Д.Е. Борзикова, Н.В. Шлюгина, И.Н. Суетин // Актуальные вопросы права, экономики и управления: сб. мат. VI Всеросс. науч.-практ. конф. – Чебоксары: Среда, 2024. – С. 273–274. EDN FSNLES

3. Кошелев К.И. Правовые и социальные аспекты формирования компьютерной грамотности пожилых людей / К.И. Кошелев, Б.Х. Исомиддинов, И.Н. Суетин // Актуальные вопросы права, экономики и управления: сб. мат. VII Всеросс. науч.-практ. конф. – Чебоксары: Среда, 2025. – С. 199–200. EDN DFDUFN

4. Летова Н.В. Государственная социальная помощь отдельным категориям граждан: цифровой разрыв и юридические способы его преодоления / Н.В. Летова, Н.И. Соловяненко // Закон. – 2024. – №12. – С. 66–72. DOI 10.37239/0869-4400-2024-21-12-66-72. EDN OVSBZO

5. Нафикова Э.И. Правовые основы социального обслуживания граждан пожилого возраста / Э.И. Нафикова, И.Н. Суетин // Актуальные вопросы права, экономики и управления: сб. мат. VI Всеросс. науч.-практ. конф. – Чебоксары: Среда, 2024. – С. 438–440.

6. Новации федерального законодательства в сфере соцобслуживания. – URL: http://info-personal.ru/zakon/novacii-federalnogo-zakonodatelstva-v-sfere-socobsluzhivaniya (дата обращения: 06.03.2026).

7. Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28 дек. 2013 г. №442-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (дата обращения: 08.03.2026).

8. Электронное управление и социальный статус пожилых: механизмы включения и стратификации в цифровых государственных сервисах. – URL: https://scinetwork.ru/periodicals/1500/articles?sci=38 (дата обращения: 08.03.2026).

Фан-Юнг Герман Юрьевич
канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет
физической культуры, спорта и туризма»
г. Казань, Республика Татарстан

ЗНАЧИМЫЕ ПОПЫТКИ СОЗДАНИЯ СОДОВОГО ПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ В 1860–1870-х гг.

Аннотация: *статья посвящена вопросу истории создания содовой подотрасли химической отрасли в России в 1860-х гг. Автор продемонстрировал способы промышленного производства соды, отметил её значение и кратко описал два небольших содовых производства, возникших в указанное время. В ходе исследования сделан вывод о том, что содовое производство на них было основано на достижениях химической науки, снижавшей зависимость от природного сырья, что позволяет обозначить Барнаульский и Чистопольский содовые производства как наукоёмкие для своего времени, а также о том, что содовое производство выступало в качестве одного из важнейших показателей уровня развития всей национальной химической отрасли, а без последней было невозможным дальнейшее индустриальное развитие любой страны.*

Ключевые слова: *индустриальная революция, русская химическая промышленность 1860-х гг., производство соды, Барнаульский завод, Чистопольский содовый завод.*

Человечество познакомилось с содой уже в древности [1, с. 3]. В Средние века вместо античного «neter» европейцы стали употреблять для обозначения соды слово «natron». В описываемую эпоху арабы обозначали аналогичное вещество словом «kali» [1, с. 3]. До появления «леблановского» способа производства соды (в конце XVIII века) наиболее часто используемой щелочью являлся поташ, добываемый из древесной золы. Сода, в свою очередь, применялась в мыловарении. Её добывали не только из естественных месторождений, но и из золы морских водорослей» [1, с. 3].

В 1791 году французский доктор Николя Леблан запатентовал способ получения соды из поваренной соли. В1791 г. во Франции был запатентован и внедрён метод промышленного производства соды, разработанный Николя Лебланом. Однако, вплоть до начала эпохи

Консульства «леблановский» содовый завод находился в весьма плачевном состоянии. С приходом к власти Наполеона Бонапарта, поощрявшего науки и искусства, ситуация резко изменилась в лучшую сторону: «леблановский» способ производства соды быстро распространился не только во Франции, но и в других государствах континентальной Европы [1, с. 3–4]. А уже в 1806 г. сода, полученная по «леблановскому» методу, стала применяться для изготовления стекла. Уточним, что важнейшим препятствием для быстрого увеличения объёмов производства соды в странах Европы выступал архаичный соляной налог. Государственная монополия на добычу соли препятствовала развитию содовой подотрасли и в Великобритании [1, с. 4].

Вскоре сода стала неотъемлемым сырьём для стеариново-мыловаренной подотрасли. Её стали использовать в фармацевтике, в металлургической отрасли и в прочих отраслях промышленности. Учитывая, что индустриальная революция впервые произошла в Соединённом королевстве, весьма показательной представляется возраставшая под влиянием индустриализации потребность в соде. Уже к 1830 г. в метрополии Британской империи успешно функционировало нескольких содовых заводов. Закономерно, что это привело к резкому снижению цены на данный продукт [1, с. 4]. В середине XIX столетия «леблановский» метод производства соды был усовершенствован. И, более того, в 1852 году Уильям Госседж (1799–1877 гг.) разработал и запатентовал промышленный метод производства каустической соды. Тогда же британцы запатентовали вращающуюся содовую печь. Они же впервые внедрили технологию регенерации серы из отходов содового производства [1, с. 4–5]. В 1867 году Д.И. Менделеев отмечал, что благодаря развитию техники и технологии только в одной Англии содовые заводы «…приготовляют разных содовых продуктов ежегодно … на 25 миллионов руб., производительность их удвоилась в последние 10 лет»; а общий объём составил 17000000 пудов (278460 т) [2, с. 5].

Качественно новый этап в развитии технологии производства соды наступил с 1869 года, когда французские инженеры Шлёссинг и Ролланд продемонстрировали на Всемирной Парижской выставке соду, полученную в лабораторных условиях в результате обменного разложения растворов углекислого аммония и поваренной соли [1, с. 5]. В свою очередь, промышленная технология производства соды по данному методу была разработана и усовершенствована бельгийским учёным, инженером-технологом и предпринимателем Эрнестом Гастоном Сольвэ (1838–1922 гг.). С 1873 г. на содовом заводе в г. Варанжевилле началось производство соды по «сольвеевскому» («аммиачному») способу. Качество полученной соды произвело самое благоприятное впечатление на потребителей. Но настоящий триумф ожидал «сольвеевскую» соду на Венской международной выставке, состоявшейся в том же году [1, с. 5]. И уже к концу XIX столетия «леблановский способ» активно вытеснялся передовым аммиачным способом [1, с. 317].

В России, как и в большинстве стран, начинавших создание собственного содового производства, основным препятствием являлся налог на соль. Д.И. Менделеев зафиксировал тот факт, что в России «фабрикация мыла туалетного доведена в последнее время, …, до весьма большого развития» [2, с. 122]. В свою очередь, развитие отечественного содового производства было крайне недостаточным для стремительно развивавшейся промышленности. Так, начиная с 1864 года в стране непрерывно работал только один (Барнаульский) содовый завод. А ежегодный объём производимой по «леблановскому» способу соды не превышал 25000 пудов (409,5 т.) в год [3, с. 74]. Завод был основан Матвеем Богдановичем Прангом, барнаульским предпринимателем. С 1890 г. этим содовым заводом управляла его супруга – Юлия Августовна [4, с. 835]. Барнаульский завод выпускал соду кристаллическую, соду кальцинированную и соду каустическую. Кроме того, на предприятии производили цемент и глауберову соль [5, с. 99–100]. В начале XX века завод был продан российско-бельгийскому Обществу для производства соды в России, т.к. не выдержал конкуренции с новыми заводами, использовавшими аммиачный способ производства соды [6, с. 92].

С 1868 г. в Чистопольском уезде Казанской губернии по инициативе крупного землевладельца Ивана Васильевича Лихачёва был основан и некоторое время успешно

функционировал второй в России содовый завод, производивший соду «по смешанному способу» (и по «леблановскому», и по «аммиачному») [6, с. 93]. «Руководителем завода Лихачёва был известный в то время химик И. Тисс, который … поставил опыты по получению соды из бикарбоната аммония и затем спроектировал завод», а технологию получения аммиака разработал и внедрил профессор технологии Императорского Казанского университета М.Я. Киттары [6, с. 93]. В 1871 году «лихачёвский» завод произвёл 410 т. соды довольно высокого качества. К сожалению, к 1873 г. это предприятие прекратило свою производственную деятельность. П.М. Лукьянов обозначил две важнейшие причины, препятствовавшие развитию отечественного производства соды:

– наличие внутренней пошлины на поваренную соль (отменена в 1881 году);

– «отсутствие покровительственной пошлины на заграничную соду» (до 1890 года) [6, с. 92].

Значение содовой подотрасли химической отрасли было наглядно продемонстрировано Д.И. Менделеевым: «Соду фабрикуют из поваренной соли. Увеличение потребления соли содействует усовершенствованию её добычи и чрез то её удешевлению. Поваренная соль обрабатывается серной кислотой. От того на содовом заводе всегда готовится серная кислота. А её приготовление неизбежно для многих других производств, – без неё не существовало бы множества других заводов» [2, с. 8]. Кроме того, академик Д.И. Менделеев указывал на то, что содовое производство способствует удешевлению сернокислотного производства [2, с. 8]. А серная кислота «по своему крупному значению в хозяйственной жизни всех стран, из минеральных кислот … занимает первое место» и часто именуется «матерью всех химических производств» [7, с. 12]. Следовательно, резкий скачок в развитии отечественного содового производства, начавшийся лишь с 1887 года, свидетельствовал о снижении, затем, резкой ликвидации зависимости многих отраслей отечественной промышленности от импорта продуктов содового производства. Это объективно способствовало ещё и снижению производственных издержек в соответствующих отраслях отечественной промышленности.

Список литературы

1. Федотьев П.П. Содовое дело и связанные с ним производства (производство сульфата, соляной кислоты, соды и белильной извести) / П.П. Федотьев. – СПб.: Типо-литография Ю.А. Мансфельд, 1898. – 334 с.

2. Менделеев Д.И. О современном развитии некоторых химических производств в применении к России и по поводу Всемирной выставки 1867 года / Д.И. Менделеев. – СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1867. – 179 с.

3. Федотьев П.П. Современное состояние химической промышленности в России / П.П. Федотьев. – СПб.: Типо-литография Ю.А.Мансфельд,1902. – 143 с.

4. Сокоделов С.А. Первый в России содовый завод М.Б. Пранга / С.А. Сокоделов // Россия в XXI веке: стратегия и тактика социально-экономических, политических и правовых реформ: материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых учёных (Барнаул, 22–23 апреля 2021 г.). – Барнаул: Изд-во Алтайского филиала ФГБОУ ВО «РАНХиГС», 2021. – 842 с. EDN WQXENZ

5. Каталог Казанской научно-промышленной выставки, состоящей под покровительством Е.И. Высочества Государя Наследника Цесаревича: фабрично-заводской отдел. – Казань: Тип. Императорского университета, 1890. – 134 с.

6. Лукьянов П.М. История химической промышленности СССР: пособие для учителей / П.М. Лукьянов, А.С. Соловьёва. – М.: Просвещение, 1966. – 255 с.

7. Лукьянов П.М. Серная кислота и сода / П.М. Лукьянов, под общ. ред. П.П. Лебедева. – М.; Л.: Государственное изд-во, 1926. – 100 с.

Финогеева Наталья Николаевна
заведующая методическим отделом
МАУК «Дворец культуры химиков»
г. Дзержинск, Нижегородская область
Фомин Эдуард Валентинович
канд. филол. наук, доцент
БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств»
Министерства культуры, по делам национальностей
и архивного дела Чувашской Республики
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ОРГАНИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Аннотация: *актуальность исследования обусловлена государственной политикой в области интеграции и инклюзии людей с инвалидностью, требующей создания равных условий для их участия в культурной жизни общества. Целью статьи является изучение особенностей организации культурно-досуговой деятельности (КДД) для людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) на примере учреждения культуры клубного типа. Материалами и методами исследования послужили теоретический анализ научной литературы по проблеме, контент-анализ документов, а также эмпирические методы: наблюдение, опрос и анкетирование участников инклюзивного проекта, проведённые на базе МАУК «Дворец культуры химиков» г. Дзержинска Нижегородской области. В статье представлен анализ опыта учреждения по созданию инклюзивной среды, включая деятельность инклюзивных студий и реализацию творческого проекта «Масленица на колесах». В результате исследования выявлены эффективные формы и методы КДД, способствующие социальной адаптации и раскрытию творческого потенциала людей с инвалидностью. Особое внимание уделено барьерам, с которыми сталкиваются учреждения культуры, и факторам, способствующим успешной организации инклюзивных мероприятий. Сделан вывод о необходимости системного подхода, включающего оценку потребностей аудитории, создание доступной среды, обучение персонала и привлечение социальных партнёров для эффективной организации КДД людей с ОВЗ.*

Ключевые слова: *культурно-досуговая деятельность, люди с ограниченными возможностями здоровья, инклюзия, социальная адаптация, учреждение культуры, инклюзивный проект, формы работы, методы работы, безбарьерная среда, социализация, творческая реабилитация.*

Актуальность темы исследования обусловлена развитием направлений социальной политики, целью которых является интеграция и инклюзия людей с инвалидностью. Эти процессы требуют создания равных условий для участия инвалидов в культурной общественной жизни, что становится приоритетом для учреждений культуры, работающих с данной аудиторией. По данным Федеральной службы государственной статистики, общая численность инвалидов в России остаётся значительной: в 2023 г. она составила 11041 тыс. человек [11]. В настоящее время вопрос поддержки и интеграции в общество участников СВО, получивших инвалидность, становится особенно актуальным, требуя разработки специальных программ для восстановления их психоэмоционального состояния и возвращения к полноценной жизни.

В нашей стране правовую основу государственной социокультурной политики в отношении инвалидов образуют Конституция Российской Федерации, ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [1] и другие нормативные акты, закрепляющие право каждого человека на доступ к культурным ценностям и творческую деятельность. Несмотря на это, учреждения культуры клубного типа находятся на начальном этапе создания условий

для инклюзивного творчества и сталкиваются с рядом проблем, препятствующих эффективной организации досуга для людей с инвалидностью.

Цель данной статьи – изучить особенности организации культурно-досуговой деятельности людей с ограниченными возможностями здоровья в условиях учреждения культуры. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: рассмотреть сущность КДД, дать характеристику людей с инвалидностью как объекта этой деятельности, определить основные формы и методы работы, а также проанализировать практический опыт МАУК «Дворец культуры химиков» г. Дзержинска.

Теоретико-методологической базой исследования послужили труды ведущих специалистов в области социально-культурной деятельности. Т. Г. Киселева и Ю. Д. Красильников рассматривают социально-культурную деятельность как «самостоятельную подсистему общей системы социализации личности» [3, с. 12]. М. А. Ариарский определяет её как деятельность по созданию, освоению и развитию ценностей культуры [2]. Анализ этих и других подходов [6; 7; 10] позволяет сделать вывод, что культурно-досуговая деятельность является важной составляющей социально-культурной активности, направленной на организацию свободного времени, развитие личности и удовлетворение её культурных потребностей.

Характеризуя людей с инвалидностью как объект КДД, важно опираться на определение, данное в Федеральном законе №181-ФЗ: «Инвалид – лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма... приводящее к ограничению жизнедеятельности» [1]. Сотрудники организаций культуры ориентируются на различные группы: незрячих и слабовидящих, глухих и слабослышащих, людей с нарушениями опорно-двигательного аппарата и ментальной инвалидностью. Каждая из этих групп сталкивается с множеством барьеров при попытке включиться в культурную жизнь. К ним относятся отношенческие (стереотипы), средовые (недоступность инфраструктуры), информационные, коммуникационные и внутренние барьеры, связанные с низкой самооценкой и отсутствием мотивации [4; 9].

Основные методы исследования включали теоретический анализ научной литературы, контент-анализ документов, регламентирующих деятельность учреждения, а также эмпирические методы: включённое наблюдение за подготовкой и проведением мероприятий, анкетирование участников инклюзивного проекта и интервью с организаторами. Базой исследования выступило МАУК «Дворец культуры химиков» г. Дзержинска Нижегородской области.

Анализ практической деятельности Муниципального автономного учреждения культуры «Дворец культуры химиков» г. Дзержинска Нижегородской области (далее – ДКХ) позволяет говорить о формировании в учреждении устойчивой системы организации культурно-досуговой деятельности для людей с ограниченными возможностями здоровья. ДКХ является одним из крупнейших учреждений культуры клубного типа региона, обладающим развитой материально-технической базой: театральный зал на 837 мест, кинозал, конференц-зал, специализированные классы для занятий хореографией, вокалом и цирковым искусством. Штат учреждения насчитывает 108 человек, из которых 62 составляют творческий состав, что обеспечивает высокий профессиональный уровень подготовки и проведения мероприятий. В структуре ДКХ успешно функционирует 17 творческих коллективов, восемь из которых носят почётные звания «Народный» и «Образцовый».

Однако ключевым направлением, в рамках которого проводилось настоящее исследование, является работа с людьми с инвалидностью. Анализ документов и наблюдение показали, что учреждение планомерно выстраивает инклюзивную среду, начиная с 2010 года, когда было положено начало взаимодействию с Областным центром реабилитации для детей и подростков с ОВЗ. Важным этапом стало обучение специалистов: с 2019 по 2025 год сотрудники ДКХ прошли ряд профильных курсов повышения квалификации, посетили профильные фестивали и форумы, включая Международный инклюзивный форум «Территория Ритма» и всероссийский проект «Формула хороших дел». Это свидетельствует о понимании

руководством необходимости постоянного совершенствования компетенций в работе с данной категорией населения.

С 2020 года учреждение развивает направление инклюзивного творчества, открыв инклюзивную хореографическую группу на базе Народного коллектива «Разгуляй», а в 2021 году – инклюзивную детскую изостудию «Радужная кисточка» для детей с ментальными нарушениями. В том же году в состав ДКХ вошло любительское объединение «*Надежда*», созданное для людей категории «инвалид детства» в возрасте от 18 до 50 лет. Данные объединения, как показало наблюдение, стали эффективными площадками для социальной адаптации и развития творческих способностей, что подтверждается победами участников на международных и всероссийских конкурсах.

Наиболее сложным, но и наиболее показательным направлением деятельности ДКХ является работа с маломобильной категорией граждан – людьми с нарушением опорно-двигательного аппарата. С 2019 года Дворец активно сотрудничает с общественной организацией инвалидов-колясочников «Параплан». Как отмечалось в более раннем исследовании [12], уже на начальном этапе этого сотрудничества инвалиды-колясочники привлекались не только как зрители, но и как участники и социальные аниматоры на различных городских площадках. В рамках совместной деятельности реализуются проекты, в которых люди с инвалидностью выступают не только в роли зрителей, но и как соорганизаторы, ведущие, артисты. Кульминацией этой системной работы стал ежегодный творческий инклюзивный проект «Масленица на колесах», проводимый на протяжении шести лет. Рассмотрим его организацию и результаты подробнее, так как именно этот проект позволяет наиболее полно выявить особенности и эффективность применяемых методов.

Подготовка проекта «Масленица на колесах» представляет собой многоэтапный процесс, начинающийся с формирования организационно-постановочной группы и определения цели: создание условий для адаптации и коммуникации людей с инвалидностью через участие в традиционном русском народном празднике. На этапе планирования специалистами ДКХ был проведён тщательный анализ возможных барьеров, что является ключевым моментом в организации КДД для данной аудитории. Были выявлены и проработаны следующие проблемные зоны.

1. Архитектурная недоступность. Здание ДКХ является памятником архитектуры, что ограничивает возможности его перестройки. Решением стало проведение мероприятия на сцене театрального зала со служебным входом и приобретение телескопического пандуса-аппарели для преодоления порогов.

2. Транспортная доступность. Для доставки участников было налажено партнёрство с Центром социального обслуживания населения, предоставляющим специализированное такси.

3. Метеозависимость. Отказ от проведения на улице в пользу теплого помещения с учётом особенностей терморегуляции и кровоснабжения у людей с травмами позвоночника.

4. Психологическая готовность. Вовлечение инвалидов-колясочников в качестве активных действующих лиц (купцов на ярмарке), что позволило им не чувствовать себя пассивными наблюдателями.

Творческая составляющая проекта базировалась на принципе дифференцированного подхода. Сценарный план разрабатывался с учётом физических возможностей участников. Главными героями стали сами парапланеровцы, представляющие в шуточной форме свои увлечения и бытовую деятельность. Это позволило реализовать методы анимационной и арт-терапии. Все игровые приёмы, такие как «Масленичная кадрилочка», «Быстрые лапти», «Боулинг по-русски», «Закинь блинчик в сковородку», были адаптированы: акцент смещён на движения руками, корпусом, метание, а не на активное передвижение. Важно отметить, что при изготовлении костюмов для участников на колясках учитывались особенности посадки, делались дополнительные разрезы, а реквизит подбирался по весу и размеру, для чего проводились консультации с самими участниками.

Результатом проведённой работы стала праздничная программа «Масленичная ярмарка», состоявшаяся 26 февраля 2025 года. Наблюдение в ходе мероприятия показало высокую степень включенности всех участников: инвалиды-колясочники, люди с ментальными нарушениями и здоровые воспитанники творческих коллективов активно взаимодействовали, помогали друг другу, демонстрировали свои таланты. Атмосфера доброжелательности и взаимопомощи, зафиксированная в ходе фото- и видеосъёмки, а также последующие отзывы, свидетельствуют о достижении цели проекта по социальной адаптации и коммуникации.

Для количественной оценки эффективности организации КДД было проведено анкетирование среди двух групп участников: людей с нарушением опорно-двигательного аппарата (30 человек, члены организации «Параплан») и подростков без инвалидности (35 человек, воспитанники творческих коллективов ДКХ).

Анализ анкет людей с ОВЗ (возраст 30–69 лет, преимущественно 1-я группа инвалидности) позволил получить следующие данные.

На вопрос о предпочтительной роли в культурно-массовых мероприятиях 80% респондентов выразили желание быть как в составе творческой группы, так и в роли зрителя. Это говорит о высоком уровне мотивации к активному участию в культурной жизни и стремлении к самореализации. Только 13% предпочли исключительно зрительскую позицию, что может быть связано с неуверенностью в своих силах или отсутствием соответствующего опыта (рис. 1).

Рис. 1. Распределение ответов респондентов с ОВЗ на вопрос о предпочтительной роли участия в мероприятиях

При ответе на вопрос об учреждениях, где реализуются творческие способности, 83% опрошенных указали Дворец культуры химиков. Это подчеркивает его роль как основного центра инклюзивного творчества в городе и свидетельствует о востребованности предлагаемых программ. Лишь 17% также упомянули детскую школу искусств (рис. 2).

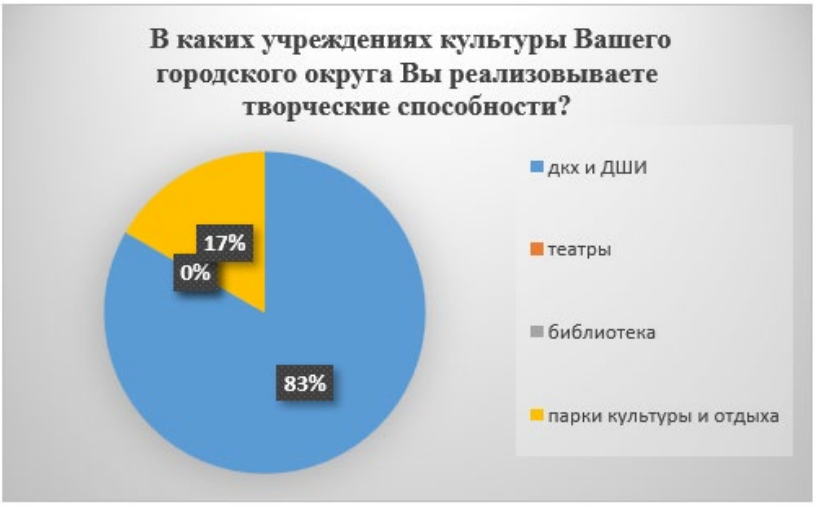

Рис. 2. Учреждения культуры, в которых респонденты с ОВЗ реализуют творческие способности

Особый интерес представляет отношение к инклюзивным форматам творчества. 67% респондентов заявили, что хотели бы участвовать как в инклюзивных, так и в неинклюзивных номерах. Это свидетельствует об их открытости к разнообразным формам самовыражения и желании взаимодействовать с широким кругом людей, не замыкаясь в рамках своей группы. 20% отдали предпочтение только инклюзивным номерам, вероятно, чувствуя себя в них более комфортно и защищенно (рис. 3).

Рис. 3. Предпочтения респондентов с ОВЗ в отношении формата творческих номеров

Наиболее показательными стали ответы на вопрос о качественных изменениях в жизни, произошедших благодаря активному включению в КДД. Респондентам можно было выбрать несколько вариантов, и распределение ответов (рис. 4) наглядно демонстрирует полифункциональность досуговой деятельности, о которой писал Ю.А. Стрельцов [10]. 80% опрошенных отметили появление развлечений и содержательного отдыха. 73% указали на расширение круга общения и появление новых знакомств. 60% заявили о раскрытии новых талантов и творческих способностей. По 53% набрали такие важные пункты, как «получение новой информации» и «появление уверенности в себе, самоценности». 47% отметили получение одобрения и положительной оценки со стороны общества.

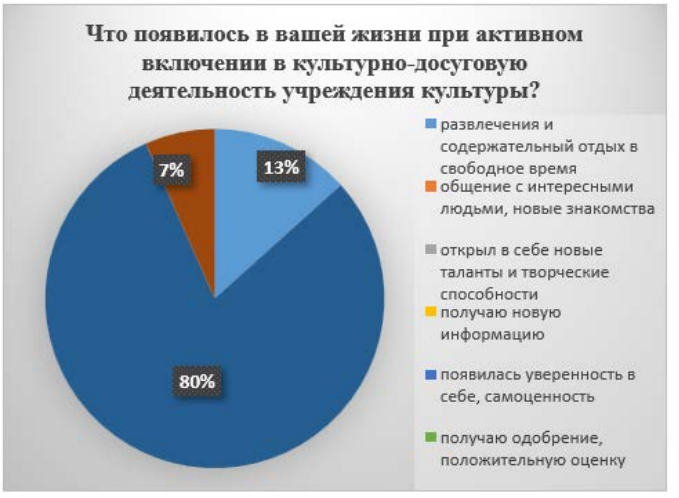

Рис. 4. Положительные изменения в жизни людей с ОВЗ при активном включении в культурно-досуговую деятельность

Обсуждение этих результатов позволяет сделать вывод, что правильно организованная КДД перестаёт быть просто способом проведения свободного времени. Она превращается в мощный фактор социализации, обеспечивая людям с инвалидностью не только рекреацию, но и возможность для личностного роста, развития коммуникативных навыков, повышения самооценки и обретения социального признания.

Опрос 35 подростков (13–15 лет), участвовавших в проекте в качестве волонтеров и артистов, выявил существенные изменения в их восприятии людей с ОВЗ. Анализ ответов и последующие интервью показали, что совместная неформальная деятельность и общение способствовали преодолению стереотипов. Подростки отметили, что перестали испытывать неловкость и жалость, сменив эти чувства на уважение и интерес. У них сформировалось восприятие участников «Параплана» как равноправных партнёров по творчеству. Многие указали на приобретение новых навыков общения и готовность оказывать помощь, когда это необходимо, без излишней опеки. Некоторые участники отметили, что между ними завязались дружеские отношения, выходящие за рамки проекта.

Таким образом, результаты исследования подтверждают, что инклюзивные проекты, подобные «Масленице на колесах», обладают обоюдным эффектом. Они не только способствуют адаптации и интеграции людей с инвалидностью, но и играют ключевую роль в духовно-нравственном воспитании молодёжи, формируя толерантное и осознанное отношение к людям с особыми потребностями. Это позволяет говорить о формировании в обществе установок на подлинную инклюзию, а не просто на сосуществование.

В ходе исследования также был выявлен ряд проблем, с которыми сталкивается учреждение при организации подобной деятельности. К ним относятся: сложности транспортировки участников, необходимость адаптации памятника архитектуры, отсутствие у части специалистов достаточного практического опыта, неуверенность самих людей с инвалидностью в своих силах, а также форс-мажорные обстоятельства. Тем не менее, опыт ДКХ демонстрирует, что эти проблемы решаемы при наличии системного подхода, включающего:

– постоянное обучение персонала;

– тесное партнерство с общественными организациями инвалидов (принцип «Ничего для нас без нас»);

– привлечение спонсоров и социальных партнеров для решения финансовых и организационных вопросов;

– креативный подход к разработке программ, учитывающих особенности всех участников;

– использование современных технологий (дистанционные формы, социальные сети) для расширения аудитории и подготовки к мероприятиям.

В целом, анализ деятельности Дворца культуры химиков показывает, что, несмотря на объективные трудности, учреждение успешно реализует инклюзивные проекты, способствуя не только социализации людей с инвалидностью, но и изменению общественного сознания в сторону большей открытости и равноправия. Опыт Дворца культуры химиков может служить примером для других учреждений культуры, находящихся в начале пути создания полноценной инклюзивной среды.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Организация культурно-досуговой деятельности для людей с ограниченными возможностями здоровья представляет собой сложный, но необходимый процесс, направленный на их социализацию и интеграцию в общество. Эффективность этого процесса зависит от применения комплекса форм и методов, учитывающих специфику различных групп инвалидности.

Анализ опыта МАУК «Дворец культуры химиков» г. Дзержинска Нижегородской области показал, что системная работа, включающая создание инклюзивных студий, сотрудничество с общественными организациями инвалидов и реализацию специализированных проектов (таких как «Масленица на колесах»), даёт положительные результаты. Участие в КДД способствует не только организации содержательного досуга, но и раскрытию творческого потенциала, повышению самооценки и формированию новых социальных связей у людей с инвалидностью. Для успешной организации такой деятельности учреждениям культуры необходимо решать вопросы доступной среды, обучать персонал, привлекать социальных партнёров и постоянно анализировать потребности целевой аудитории.

Таким образом, культурно-досуговая деятельность выступает важным средством трансформации человека с инвалидностью из пассивного потребителя культурных услуг в активного участника и создателя культурных ценностей, что является ключевым условием формирования подлинно инклюзивного общества.

Список литературы

1. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.11.1995 №181-ФЗ (ред. от 29.07.2018) // СПС КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 02.06.2025).

2. Ариарский М.А. Прикладная культурология / М.А. Ариарский. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: ЭГО, 2001. – 251 с. EDN YSGZDD

3. Киселева Т.Г. Основы социально-культурной деятельности: учеб. пособие / Т.Г. Киселева, Ю.Д. Красильников. – М.: МГИК, 1993. – 164 с.

4. Колеватова О.П. Инклюзивная среда организации культуры: учеб. пособие / О.П. Колеватова. – Киров: АНОО ДПО Акад. образования взрослых Альтернатива, 2021. – 186 с.

5. Красильников Ю.Д. Социально-культурная деятельность: учебник / Ю.Д. Красильников, Т.Г. Киселева. – М.: Моск. гос. ун-т культуры и искусств, 2004. – 539 с.

6. Культурно-досуговая деятельность: учебник для вузов культуры и искусств / А.Д. Жарков, Т.Г. Васильева, Ю.Г. Волков [и др.]; под ред. А.Д. Жаркова, В.М. Чижикова. – М.: МГУК, 1998. – 461 с.

7. Максютин Н.Ф. Культурно-досуговая деятельность: конспект лекций, опорные занятия и определения: учеб. пособие для вузов, колледжей и училищ культуры / Н.Ф. Максютин. – Казань: Медицина, 1995. – 137 с.

8. Нагорнова А.Ю. Теория и технология культурно-досуговой деятельности с инвалидами: учеб. пособие / А.Ю. Нагорнова, Т.А. Макарова. – Ульяновск: УГПУ, 2015. – 89 с. EDN TXEXEB

9. Организация деятельности учреждений культуры клубного типа: учеб. пособие для вузов / М.В. Воротной [и др.]; под общ. ред. Н.П. Гончаровой. – СПб.: Лань; Планета музыки, 2015. – 443 с. EDN TXRKRX

10. Стрельцов Ю.А. Культурология досуга: учеб. пособие для вузов культуры и искусств / Ю.А. Стрельцов. – М.: МГУКИ, 2002. – 184 с.

11. Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. – URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 02.06.2025).

12. Финогеева Н.Н. Опыт организации культурно-досуговой деятельности для людей с ОВЗ (нарушением опорно-двигательного аппарата) в условиях МБУК «Дворец культуры химиков» г. Дзержинска, Нижегородской области / Н.Н. Финогеева, Д.В. Вереялова // Социально-экономические процессы современного общества: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участ. (Чебоксары, 20 сент. 2023 г.) / редкол.: Э.В. Фомин [и др.]. – Чебоксары: Среда, 2023. – С. 190–200.

Фомин Эдуард Валентинович
канд. филол. наук, доцент
БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств»
Министерства культуры, по делам национальностей
и архивного дела Чувашской Республики
г. Чебоксары, Чувашская Республика
Резниченко Анна Александровна
методист
МБУК «Централизованная клубная система» Кстовского района
городского округа г. Нижний Новгород
г. Кстово, Нижегородская область

ТЕХНОЛОГИИ ОРГАНИЗАЦИИ ДОСУГА ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ СЕЛЬСКОГО УЧРЕЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация: *актуальность исследования обусловлена негативными явлениями в духовной сфере современного общества, отдалением молодёжи от культуры и необходимостью поиска новых технологий организации досуга. Цель статьи – изучить и проанализировать технологии организации мероприятий для подростков в культурно-досуговых учреждениях. Материалами исследования послужили теоретические труды ведущих специалистов в области педагогики досуга, а также эмпирические данные, полученные в ходе мониторинга деятельности Дома культуры села Запрудное МБУК «Централизованная клубная система» Кстовского района городского округа город Нижний Новгород. Методологическую базу составил анализ литературы, изучение практического опыта и анкетирование подростков. Результаты исследования показали, что традиционные формы работы не в полной мере отвечают запросам современного подростка, который большую часть свободного времени проводит в сети Интернет. Выявлена положительная динамика в изменении досуговых предпочтений при внедрении инновационных форм, таких как танцевальные марафоны, квесты и квизы. В статье представлены практические рекомендации, структурированные в виде комплексной программы, направленной на развитие художественного творчества, информационное обеспечение, патриотическое воспитание, физическое развитие и организацию отдыха подростков. Выводы подчёркивают необходимость отказа от шаблонности в работе культурно-досуговых учреждений и учёта индивидуальных психологических особенностей подросткового возраста для успешной социализации, и самореализации молодого поколения.*

Ключевые слова: *подростки, досуг, культурно-досуговое учреждение, технологии организации мероприятий, социокультурная деятельность, инновационные формы досуга, сельский дом культуры.*

Современная социокультурная обстановка характеризуется рядом отрицательных явлений в духовной сфере: потерей духовных ценностей, отдалением от культуры и искусства среди детей и молодёжи, значительным уменьшением финансового обеспечения культурных учреждений. Период активного существования рыночной экономики требует постоянного обновления содержания деятельности учреждений культуры, методов её реализации и поиска новых технологий в области организации досуга.

Одна из ключевых проблем в работе культурно-досуговых учреждений – организация досуга подростков. Социально-экономические трудности и отсутствие должного внимания со стороны властей способствуют распространению внеинституциональных форм подросткового досуга. Свободное время имеет большое значение для формирования личности подростка, так как в его условиях происходят восстановительные процессы, помогающие снять психологические и физические нагрузки. Досуг обладает рядом преимуществ для молодёжи: нерегламентированностью, добровольностью выбора форм, демократичностью. Однако эти

преимущества ещё не стали привычными атрибутами образа жизни молодых людей. Практика показывает, что наиболее интересными формами для подростков являются музыка, танцы, игры, квизы и квесты с использованием компьютерных технологий, но учреждения культуры не всегда учитывают эти интересы.

Цель данного исследования – изучить технологии организации мероприятий для подростков в культурно-досуговых учреждениях и предложить пути их совершенствования на примере Дома культуры села Запрудное МБУК «Централизованная клубная система» Кстовского района городского округа город Нижний Новгород.

Основным методом сбора первичной информации стало анкетирование подростков в возрасте 13–15 лет – посетителей Дома культуры села Запрудное [2]. Исследование проводилось в два этапа: на начальном этапе (до внедрения новых форм работы) и контрольном этапе (после реализации ряда мероприятий). Общее количество респондентов составило 27 человек на каждом этапе, что обеспечило репрезентативность выборки для данного учреждения. Также применялся анализ документации и наблюдение за деятельностью клубных формирований.

С целью составления наиболее полной картины творческих потребностей населения, а именно представителей подросткового возраста, нами был проведен мониторинг путем применения метода анкетирования на базе Дома культуры села Запрудное МБУК «Централизованная клубная система» Кстовского района городского округа город Нижний Новгород [2; 3]. Данное учреждение было выбрано в качестве исследовательской площадки не случайно. Дом культуры села Запрудное, открывшийся в марте 1980 года, является типичным представителем сельских учреждений культуры, обслуживающим население двенадцати поселений численностью более шести тысяч человек. Учреждение обладает развитой материально-технической базой: зрительным залом на 400 мест, дискотечным, спортивным и танцевальным залами, библиотекой, что создаёт потенциальные возможности для реализации разнообразных досуговых программ. В штате учреждения работает семь человек, пять из которых относятся к категории творческих работников.

На начальном этапе исследования в анкетировании приняло участие 27 респондентов в возрасте от 13 до 15 лет. Полученные результаты позволили составить объективную картину досуговых предпочтений и реального положения дел в сфере организации подросткового досуга.

Гендерный состав респондентов представлен на рисунке 1 и состоит из 56% девушек и 44% юношей, что обеспечивает сбалансированность мнений с учётом гендерных особенностей восприятия досуга.

Рис. 1. Гендерный состав респондентов (начальный этап, %)

Возрастной состав опрошенных, отражённый на рисунке 2, распределился следующим образом: 56% составили четырнадцатилетние подростки, 37% – тринадцатилетние и 7% – те, кому на момент анкетирования исполнилось 15 лет. Такое распределение позволяет говорить о том, что в выборке преобладает средний подростковый возраст, который, по мнению психологов, является наиболее сенситивным для формирования устойчивых досуговых интересов.

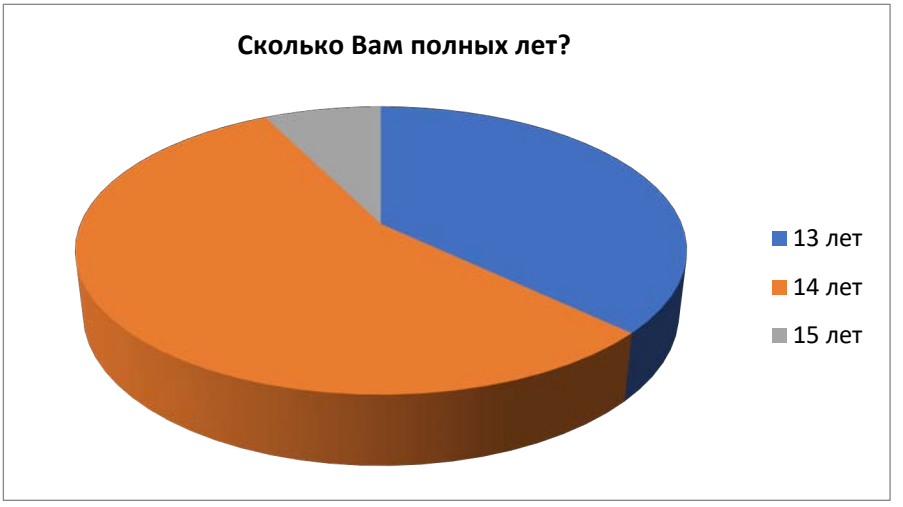

Рис. 2. Возрастной состав респондентов (начальный этап, %)

Наиболее тревожные данные были получены при ответе на вопрос о предпочтительных способах проведения свободного времени (рис. 3).

Рис. 3. Распределение предпочтений в проведении свободного времени (начальный этап, %)

Согласно полученным данным, чаще всего подростки проводят все своё свободное время в сети Интернет – 48%. Предпочитают общение со сверстниками 19% опрошенных, отдыхают (что подразумевает пассивное времяпрепровождение) 15%, посещают культурно-

досуговые учреждения лишь 11% и занимаются спортом только 7% респондентов. Данные цифры подтверждают общероссийскую тенденцию цифровизации досуга и ухода молодёжи в виртуальное пространство.

Закономерным следствием такой структуры досуга стали показатели посещаемости учреждения культуры (рисунок 4). Большинство участников исследования на момент входящего анкетирования посещали Дом культуры не чаще одного раза в месяц – таких оказалось 52%. Те, чьё посещение Дома культуры ограничивалось 2–3 посещениями в месяц, составили 22%. Два-три раза в неделю Дом культуры посещали 19% опрошенных, а доля тех, кто приходил сюда ежедневно, составила всего 7%. Эти цифры свидетельствуют о том, что учреждение не выполняло в полной мере свою функцию центра притяжения для подростков, оставаясь для большинства местом эпизодического, ситуативного посещения.

Рис. 4. Частота посещения Дома культуры (начальный этап, %)

Выяснение отношения подростков к перспективе регулярного посещения Дома культуры (рис. 5) выявило любопытный парадокс.

Рис. 5. Желание посещать Дом культуры на постоянной основе (начальный этап, %)

Число тех, кто желает посещать Дом культуры на постоянной основе, составило 41%. Однако почти столько же (37%) высказали нежелание, а 22% заявили, что вовсе не любят посещать подобные места. Это говорит о том, что у значительной части подростков существует потенциальный запрос на институционализированный досуг, но существующие формы работы этот запрос не удовлетворяют, формируя негативное или безразличное отношение.

Ещё более показательными стали данные о вовлеченности подростков в клубные формирования (рисунок 6). Из числа респондентов 67% не посещали какие-либо кружки и секции в Доме культуры. Доля тех, кто являлся участниками клубных формирований, составляла всего 33%.

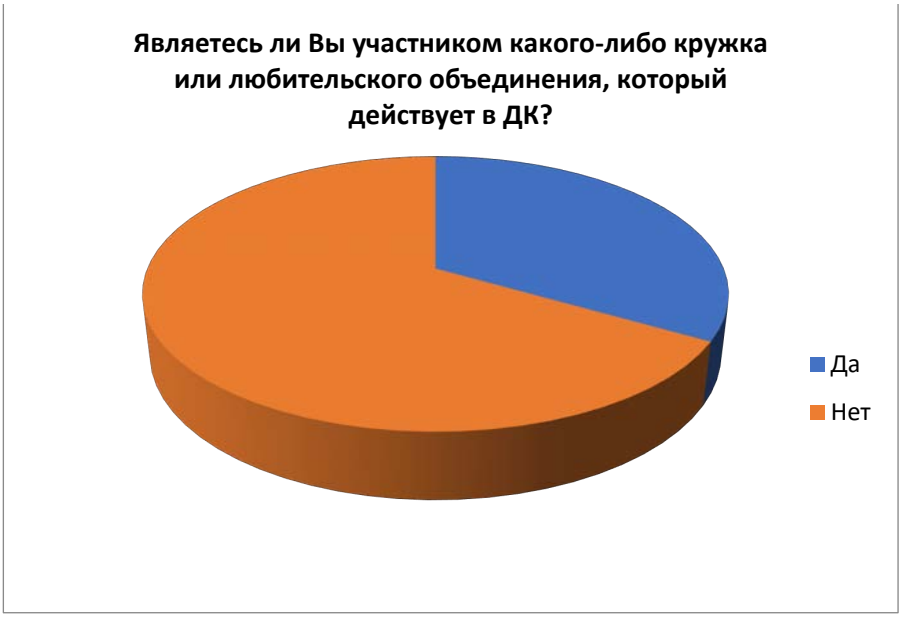

Рис. 6. Участие в кружках и секциях Дома культуры (начальный этап, %)

При этом анализ мотивации участников (рис. 7) показал, что среди посетителей клубных формирований 78% мотивированы именно проявлением творческих способностей и самовыражением, а 22% настроены лишь «убить время». Желающих путём посещения любительских объединений приобрести новые знакомства не обнаружено вовсе.

Рис. 7. Мотивация посещения клубных формирований (начальный этап, %)

Данный факт требует отдельного осмысления. Подростковый возраст, согласно возрастной периодизации, характеризуется обострённой потребностью в общении и поиске

референтной группы. Отсутствие среди мотивов пункта «новые знакомства» свидетельствует о том, что существовавшие на тот момент кружки и секции не выполняли коммуникативную функцию, будучи ориентированными исключительно на предметный результат. Это противоречит самой природе подросткового досуга, который, должен быть ориентирован на психологический комфорт в процессе общения.

Таким образом, полученные в ходе первоначального анкетирования результаты указывали на острую необходимость совершенствования работы современного культурно-досугового учреждения в направлении организации досуговой деятельности подростков. Традиционные формы работы перестали отвечать запросам цифрового поколения, требующего интерактивности, динамики и возможностей для неформальной коммуникации.

Реагируя на выявленные проблемы, администрацией и творческим коллективом Дома культуры села Запрудное был взят курс на развитие новых форм работы. В 2023 году впервые был осуществлён проект «Старшоу» – межпоселенческий танцевальный марафон для подростков. Под одной крышей Дома культуры собрались команды из различных сёл округа. Это позволило не только простимулировать приток представителей подросткового возраста в Дом культуры, но и способствовало расширению социальных контактов между ребятами разных населённых пунктов. Формат марафона, сочетающий состязательность, зрелищность и возможность командного взаимодействия, оказался созвучен внутренним потребностям подростков.

Кроме того, активное развитие получили такие формы, как квесты и квизы. В наше время, когда информация доступна благодаря компьютерам и интернету, молодёжь проявляет повышенный интерес к индустриальным видам развлечений, связанным с использованием компьютерных технологий. Интеллектуальные игры и квесты, регулярно проводимые в Доме культуры, стимулируют молодых людей расширять свой кругозор, приобретать новые знания и обмениваться информацией со сверстниками в живом, непосредственном общении, что выгодно отличает их от виртуальных развлечений.

Творческие коллективы Дома культуры активизировали участие в окружном конкурсе-фестивале детского и подросткового художественного творчества «Золотая пчелка», который включает четыре основных направления: вокал, хореографию, художественное чтение и оригинальный жанр. Участие в конкурсах такого уровня предоставляет подросткам возможность не только продемонстрировать свои таланты, но и войти в более широкий культурный контекст, ощутить свою принадлежность к сообществу творческих людей.

После применения ряда мер по улучшению технологий организации мероприятий для подростков и внедрения новых форм работы в течение года был проведён повторный мониторинг. Его целью была оценка динамики изменений в досуговых предпочтениях и лояльности подростков к деятельности Дома культуры. В повторном анкетировании приняло участие также 27 респондентов аналогичного возраста. Результаты мониторинга представлены на рисунках 8–14.

Гендерный состав респондентов на контрольном этапе (рис. 8) незначительно изменился: девушки составили 61%, юноши – 39%, что сохраняет репрезентативность выборки.

Рис. 8. Гендерный состав респондентов (контрольный этап, %)

Возрастное распределение (рис. 9) также осталось сопоставимым с первоначальным замером: 14 лет – 54%, 13 лет – 32%, 15 лет – 14%.

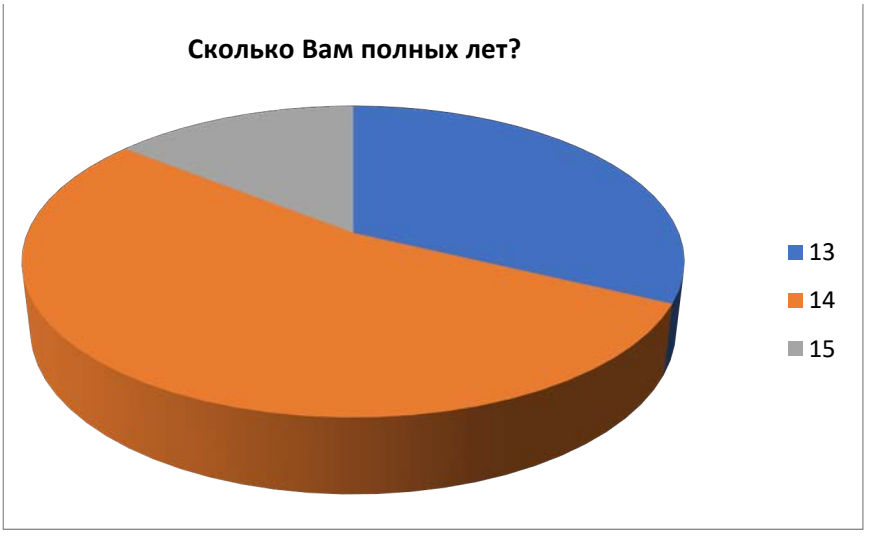

Рис. 9. Возрастной состав респондентов (контрольный этап, %)

Наиболее значимые изменения произошли в структуре досуговых предпочтений (рис. 10).

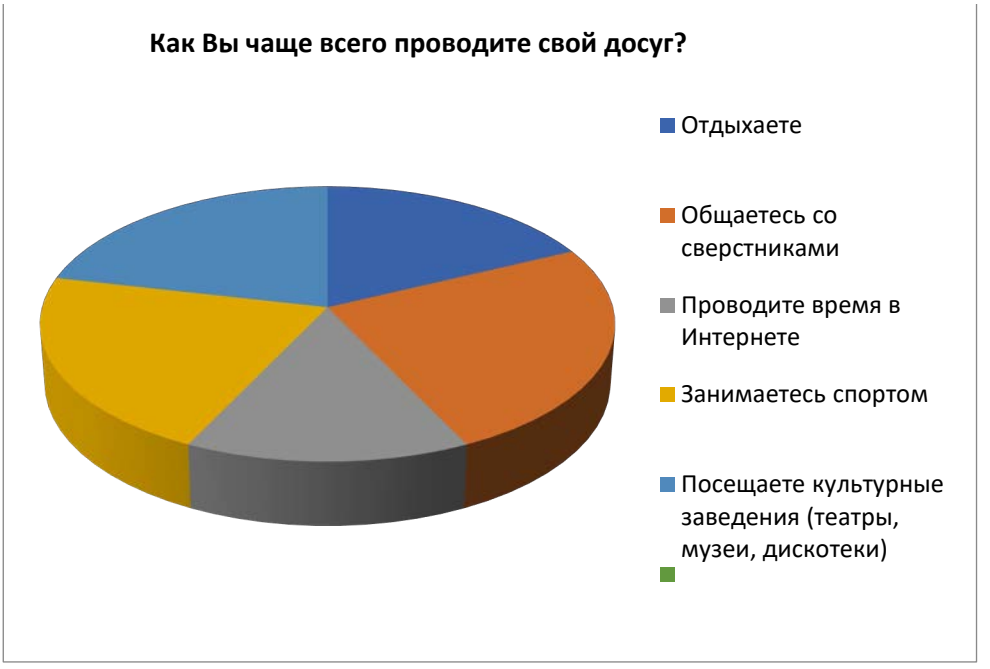

Рис. 10. Распределение предпочтений в проведении свободного времени (контрольный этап, %)

Среди опрошенных проводить свободное время в общении со сверстниками предпочли 25% (рост на 6% по сравнению с исходным уровнем). Доля тех, кто занимается спортом и посещает культурные заведения, выросла в равной степени до 21% по каждому показателю (прирост составил 14% и 10% соответственно). Отдыхают (пассивно) 18% опрошенных, а сеть Интернет в качестве основного вида досуга указали лишь 14% респондентов (снижение на 34%). Столь существенная динамика позволяет говорить о переориентации подростков с виртуального на реальный, социально насыщенный досуг. Как справедливо замечает З. Ганиева, вовлечение подростков в активные формы культурно-досуговой деятельности способствует не только развитию их творческого потенциала, но и формированию навыков здоровой конкуренции и кооперации, что невозможно в условиях изолированного пребывания в сети [1, с. 690].

Закономерно изменилась и частота посещения Дома культуры (рис. 11).

Рис. 11. Частота посещения Дома культуры (контрольный этап, %)

Согласно результатам опроса, 43% участников стали посещать Дом культуры 2–3 раза в неделю (рост на 24%). Доля посещающих учреждение 2–3 раза в месяц составила 25% (рост на 3%). Число тех, кто бывает не чаще одного раза в месяц, сократилось до 18% (снижение на 34%), а доля ежедневных посетителей ДК выросла до 14% (рост на 7%). Дом культуры перестал быть местом эпизодических визитов и начал превращаться в центр повседневной досуговой активности подростков.

Критически важным показателем эффективности новой стратегии стало изменение отношения подростков к учреждению (рис. 12). Доля желающих посещать Дом культуры на постоянной основе среди участников опроса достигла 82% (рост на 41%). Не любят подобные заведения 11% (снижение на 11%), а не желают посещать Дом культуры всего 7% респондентов (снижение на 30%). Преодоление негативного и индифферентного отношения большинства подростков стало, на наш взгляд, главным достижением реализованных мероприятий.

Рис. 12. Желание посещать Дом культуры на постоянной основе (контрольный этап, %)

Позитивные изменения коснулись и вовлеченности в клубные формирования (рис. 13). Доля участников клубных формирований среди респондентов выросла до 64% (рост на 31%). Соответственно, доля не посещающих кружки и секции сократилась до 36% (снижение на 31%). Это свидетельствует о том, что обновлённый формат деятельности и новые формы работы оказались привлекательными и побудили подростков включиться в систематические занятия.

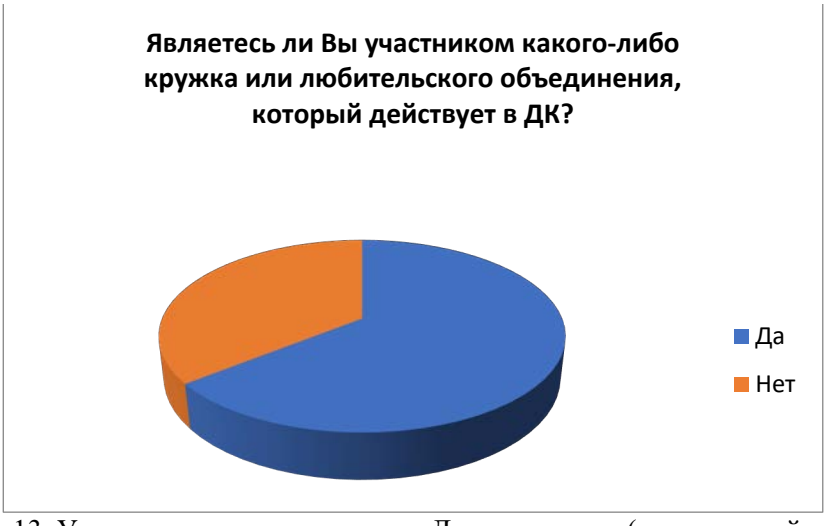

Рис. 13. Участие в кружках и секциях Дома культуры (контрольный этап, %)

Наиболее интересные изменения произошли в мотивационной структуре участников клубных формирований (рис. 14).

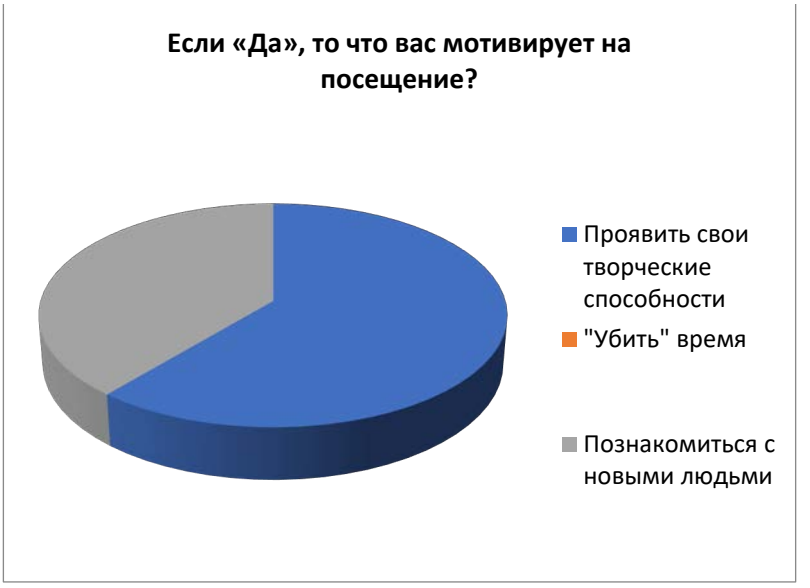

Рис. 14. Мотивация посещения клубных формирований (контрольный этап, %)

Примечательно, что главной мотивацией по-прежнему является проявление творческих способностей – этот вариант указали 61% опрошенных. Однако принципиально важным является появление нового значимого мотива: 39% респондентов указали, что их вдохновляют новые знакомства. И самое главное – не нашлось ни одного участника исследования, кто бы хотел просто «убить время», посещая клубные формирования. Это означает, что досуг приобрёл для подростков подлинную ценность, стал осмысленным и наполненным. Реализовалась важнейшая социальная функция досуга, удовлетворение потребности в общении и эмоциональном контакте органично соединилось с творческим развитием.

Полученные данные и заметная положительная динамика в вопросе лояльности подростков к деятельности культурно-досугового учреждения убедительно доказывают, что предложенные меры оказались эффективными. Однако, как показывает анализ, даже столь значительные улучшения не исчерпывают всех возможностей. Выявленные в ходе исследования потребности подростков в самореализации, общении, получении новой информации и физическом развитии требуют системного подхода. Разовые, пусть и успешные, акции и мероприятия не могут обеспечить устойчивого долговременного эффекта. Необходима целостная стратегия, которая позволила бы закрепить достигнутые успехи и создать в учреждении среду, постоянно генерирующую интересные и востребованные подростками формы досуга.

В результате анализа работы Дома культуры села Запрудное мы обнаружили, что его деятельность по организации подросткового досуга, несмотря на достигнутую положительную динамику, всё ещё нуждается в системном упорядочивании. Отдельные инновационные находки, такие как «Старшоу», квесты и квизы, доказали свою эффективность, но они функционировали скорее как локальные проекты, нежели как элементы единой системы. Это побудило нас разработать комплексную программу, направленную на улучшение досуга подростков в Доме культуры села Запрудное.

Разработанные мероприятия призваны дополнить существующие программы по организации культурно-досуговой деятельности подростков и улучшить её качество, придав ей системный и целенаправленный характер. В предложенной программе используются инновационные подходы и новые формы работы, которые ранее не применялись в Доме культуры в комплексе. Это делает программу интересной и актуальной для совершенствования досуговой деятельности подростков. Программа базируется на оценке предыдущей деятельности Дома культуры, исследовании передового опыта других организаций культуры и создании инновационных подходов для организации молодёжного досуга. Нами были определены

ключевые факторы, необходимые для успешной реализации программы: человеческие ресурсы (квалификация кадров), материальные средства (инфраструктура и оборудование) и внешние условия (поддержка социальных партнёров).

Программа работы Дома культуры села Запрудное МБУК «Централизованная клубная система» Кстовского района городского округа город Нижний Новгород по организации досуга подростков.

Цель программы – улучшить и активизировать работу Дома культуры в селе Запрудное, чтобы организовать интересный досуг для подростков, удовлетворить их духовные потребности и сформировать активную гражданскую позицию у молодёжи, а также искать новые подходы к организации досуга молодых людей.

Задачи программы:

– поддержка духовного, культурного, интеллектуального и физического развития подростков;

– создание среды для развития творческого потенциала подростков и организации их свободного времени;

– формирование здорового образа жизни;

– создание условий для продуктивного использования подростками своего свободного времени;

– сотрудничество и координация усилий различных структур и организаций, таких как образовательные учреждения, культурные центры, медицинские учреждения и правоохранительные органы, с использованием механизмов спонсорства и меценатства.

Срок реализации Программы – один год. Программа включает в себя шесть ключевых разделов, каждый из которых представляет собой самостоятельное направление работы, но в совокупности они образуют единую систему формирования культурно-досуговой среды для подростков.

Раздел 1. Развитие художественного творчества молодёжи.

Данный раздел нацелен на воспитание у молодёжи потребности в освоении национальной культуры, развитие эстетического вкуса и самодеятельного творчества через имеющиеся базы культурно-досугового учреждения. Система мероприятий включает оптимизацию рабочих процессов, анализ досуговых предпочтений, проведение окружных фестивалей и конкурсов, применение опыта семейных клубов, развитие творческой активности через клубные объединения и организацию оригинальных семейных торжеств, способствующих укреплению связей между поколениями.

Раздел 2. Поддержка талантливой молодёжи.

Этот раздел предполагает создание единой базы данных талантливой молодёжи округа, поддержку юных дарований с целью развития интеллектуального и творческого потенциала, повышение индивидуального мастерства. В рамках данного направления планируется организация научно-практических конференций учащихся, присуждение стипендий за особые заслуги талантливой молодёжи, проведение конкурса молодых поэтов и писателей «Полет души».

Раздел 3. Информационное обеспечение молодёжи.

Учитывая высокую степень вовлеченности подростков в цифровую среду, данный раздел приобретает особую актуальность. Он направлен на удовлетворение потребностей молодёжи в информации и создание сельского информационного центра. Мероприятия включают создание информационного центра на базе ДК, издание молодёжного печатного органа и, что особенно важно, организацию и активное ведение сообществ в социальных сетях, что позволяет наладить обратную связь с аудиторией и оперативно информировать о предстоящих событиях.

Раздел 4. Воспитание гражданственности и патриотизма.

Формирование условий для гражданского становления, духовно-нравственного и патриотического воспитания является одной из приоритетных задач. Раздел предусматривает

работу по созданию позитивного общественного и личностного отношения к службе в армии и защите Отечества, приобретение военно-спортивных навыков и умений. Планируется методическое обеспечение этой работы, организация мероприятий, посвящённых памятным датам истории культуры округа, а также проведение конкурса патриотической песни.

Раздел 5. Создание новых форм физкультурно-спортивной работы с молодёжью.

Данный раздел нацелен на создание такой формы, как спортклуб, который позволит дифференцированно учитывать интересы и потребности, занимающихся спортом. Это предполагает создание спортивных клубов различной направленности, включая школьные инициативные спортклубы, клуб по изучению истории рукопашного боя и русских кулачных боев. Также предусмотрена организация спортивных мероприятий, эстафет, забегов, экскурсий, походов, марафонов и конкурсов вариативных программ в сфере отдыха и оздоровления молодёжи.

Раздел 6. Организация молодёжного отдыха и развлечений.

Этот раздел аккумулирует опыт, уже доказавший свою эффективность в ходе нашего исследования. Он включает проведение молодёжных развлекательных программ и шоу, интеллектуальных игр (квизов), а также организацию встреч с интересными людьми. Именно здесь находят своё воплощение те интерактивные и коммуникативные формы досуга, которые оказались наиболее востребованными у современных подростков.

Данная программа начала процесс реализации в Доме культуры села Запрудное с января 2023 года. Важно подчеркнуть, что её структура и содержание носят универсальный характер: программа может быть адаптирована и использована в работе других учреждений культуры и учреждениях дополнительного образования, независимо от их ведомственной принадлежности и масштаба деятельности. Системный подход, заложенный в основу программы, позволяет надеяться, что достигнутая положительная динамика не только сохранится, но и получит дальнейшее развитие, превратив Дом культуры в подлинный центр притяжения для подрастающего поколения.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, досуг для подростка является не просто времяпрепровождением, а важнейшей сферой социализации, где происходит развитие самосознания, формируется мировоззрение и удовлетворяется потребность в общении и самореализации. Как отмечает Ю.А. Стрельцов, любой вид свободной деятельности выполняет две функции: восстановление сил и развитие знаний и способностей [4, с. 6], и задача культурно-досугового учреждения – обеспечить гармоничное сочетание этих функций.

Во-вторых, традиционные технологии организации мероприятий в культурно-досуговых учреждениях зачастую не отвечают динамично меняющимся запросам подростков, ориентированных на интерактивность, цифровые форматы и интенсивное общение. Исследование показало, что внедрение таких инновационных форм, как танцевальные марафоны («Старшоу»), квесты и квизы, способно значительно повысить привлекательность учреждения, увеличить посещаемость и переориентировать подростков с пассивного потребления интернет-контента на активную творческую и коммуникативную деятельность.

В-третьих, успешная реализация технологий организации подросткового досуга требует комплексного подхода, который находит отражение в целевой программе. Такая программа должна охватывать не только развлекательные, но и просветительские, патриотические, спортивные аспекты, создавая многоуровневую среду для развития личности. Важно создавать условия для перехода от простых форм досуга к более сложным, от пассивного отдыха к творчеству, что способствует духовному росту и формированию активной гражданской позиции у молодого поколения.

Таким образом, совершенствование технологий организации мероприятий для подростков является насущной необходимостью. Дальнейшее развитие этого направления должно быть связано с постоянным мониторингом интересов молодёжи, подготовкой

квалифицированных кадров, способных к творческому поиску, и укреплением материально-технической базы учреждений культуры.

Список литературы

1. Ганиева З. Культурно-досуговая деятельность как средство развития творческого потенциала сельских подростков / З. Ганиева // Человек. Общество. Культура. Социализация: материалы XVII Международной молодёжной научно-практической конференции. – 2021. – С. 686–691. EDN SSMPMM
2. Дом культуры с. Запрудное // Культура.РФ: сайт. – URL: https://www.culture.ru/institutes/32793/dom-kultury-s-zaprudnoe (дата обращения: 20.01.2026).
3. Культурная жизнь Запрудного: сообщество // ВКонтакте: социальная сеть. – URL: https://vk.com/feed (дата обращения: 20.01.2026).
4. Стрельцов Ю.А. Культурология досуга: учебное пособие / Ю.А. Стрельцов. – 2-е изд. – М.: МГУКИ, 2003. – 296 с. EDN QTMUQL

Черкасова Руслана Дмитриевна
студентка
Научный руководитель
Симикова Ирина Павловна
старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Рязанский государственный
радиотехнический университет имени В.Ф. Уткина»
г. Рязань, Рязанская область

ВЛИЯНИЕ ИНФЛЯЦИИ НА РОЖДАЕМОСТЬ В РАЗНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ

Аннотация: *в условиях демографического кризиса и макроэкономической волатильности в РФ актуализируется пересмотр моделей, связывающих экономические шоки с репродуктивным поведением. В статье проведен анализ данных Росстата (2008–2024 гг.) по восьми федеральным округам и четырём типовым регионам, в ходе которого доказано, что прямая зависимость между инфляцией и рождаемостью статистически незначима. Выявлена региональная дихотомия: в урбанизированных центрах (ЦФО, СЗФО) рождаемость снижается даже при низкой инфляции, тогда как в традиционных регионах (СКФО, ЮФО, ДФО) она остаётся высокой несмотря на инфляцию до 15,5%. Социокультурные факторы формируют «демографический иммунитет», снижающий чувствительность домохозяйств к экономическим потрясениям. Полученные результаты обосновывают переход к дифференцированной демографической политике, учитывающей региональную специфику.*

Ключевые слова: *рождаемость, инфляция, демографическое поведение, социокультурная стабильность, корреляционный анализ, прогнозирование, демографическая политика.*

Эмпирическую основу исследования составили официальные данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат) и Банка России за период 2008–2024 гг. [1, с. 5–22; 4, с. 45–89; 5, с. 12–45;]. Анализ проводился по ключевым показателям, включающим коэффициент рождаемости на 1000 человек населения [4, с. 51], уровень инфляции (ИПЦ в процентах) [1, с. 7; 5, с. 14], номинальные и реальные доходы населения, цены на социально значимые товары, а также численность родившихся в разрезе субъектов РФ. Для обеспечения репрезентативности выборки были выделены восемь федеральных округов и четыре типовых региона, представляющих различные социально-экономические уклады. В качестве урбанизированных центров выбраны Московская область и Санкт-Петербург, а в качестве традиционных регионов с высокой рождаемостью – Краснодарский край и Республика Саха (Якутия).

Методологический аппарат исследования включал сравнительный региональный анализ для выявления структурных различий в демографическом поведении, а также

корреляционно-регрессионный анализ для оценки силы и направления связи между инфляцией и рождаемостью посредством расчета коэффициентов корреляции Пирсона и детерминации. Прогнозирование осуществлялось с использованием трёх независимых методов: статистического (функция ПРЕДСКАЗ в MS Excel), экстраполяции (полином 3-го порядка) и экспертных оценок на основе прогнозов Минэкономразвития и ЦБ РФ [1, с. 18; 3, с. 24–31].

Первоначальный корреляционный анализ выявил отсутствие статистически значимой линейной зависимости между уровнем инфляции и коэффициентом рождаемости в масштабах страны [4, с. 63; 5, с. 22]. Даже в Дальневосточном федеральном округе, где наблюдается наиболее выраженная отрицательная корреляция ($r = -0{,}214$), инфляция объясняет лишь 4,6% изменчивости рождаемости ($R^2 \leq 0{,}046$). В Центральном и Северо-Западном федеральных округах коэффициент детерминации не превышает 0,005, что фактически указывает на отсутствие прямой причинно-следственной связи. Это позволяет сделать предварительный вывод о том, что инфляция сама по себе не является детерминантом рождаемости.

Углубленный анализ четырёх типовых регионов выявил устойчивую дихотомию демографического поведения, позволяющую классифицировать субъекты РФ на два типа. В урбанизированных центрах, таких как Московская область и Санкт-Петербург, снижение рождаемости происходит даже при низкой инфляции. Например, в Санкт-Петербурге несмотря на относительно низкую инфляцию в 2017–2019 гг. [1, с. 11], рождаемость неуклонно падала [4, с. 58]. Основными драйверами здесь выступают демографическое старение, высокая стоимость жилья, индивидуализация жизненных стратегий и позднее вступление в родительство. В такой среде рождаемость становится высоко чувствительной к любой неопределённости, даже если она не имеет прямого ценового выражения.

В традиционных регионах, к которым относятся Краснодарский край и Республика Саха, несмотря на инфляцию до 15,5% в кризисные годы [5, с. 28], рождаемость остаётся рекордно высокой. Так, в Республике Саха (Якутия) коэффициент рождаемости в 2023 г. составил 16,3‰, что почти вдвое выше среднероссийского показателя [4, с. 61]. Основными драйверами в данных субъектах являются молодая возрастная структура с высокой долей женщин 20–35 лет, укоренившиеся нормы многодетности, активная внутренняя миграция молодых семей, а также культурная и религиозная установка на семью как центральную социальную ячейку. Таким образом, в традиционных регионах экономические издержки воспринимаются как временные трудности, не способные подорвать фундаментальные жизненные ориентиры.

Хотя прямая связь между инфляцией и рождаемостью слаба, опосредованное влияние подтверждается через канал реальных доходов. Рост инфляции в 2015 и 2022 гг. сопровождался снижением реальных доходов населения [1, с. 14], что коррелировало с ускорением падения рождаемости на национальном уровне [4, с. 65]. Однако эта связь неравномерна по регионам: в традиционных субъектах даже падение покупательной способности не приводит к массовому отказу от репродуктивных планов, тогда как в урбанизированных центрах данный фактор становится триггером откладывания рождений.

Полученные результаты подтверждают тезис о социокультурной вложенности репродуктивного поведения. В отличие от неоклассической модели рационального выбора, согласно которой семьи взвешивают издержки и выгоды от рождения ребёнка, в традиционных обществах деторождение – это нормативное поведение, предшествующее экономическому расчёту. Экономическая нестабильность может отсрочить рождение второго ребёнка, но редко приводит к отказу от первого. В урбанизированных обществах, напротив, доминирует инструментальный тип репродуктивного поведения, где решение о детях принимается в условиях оценки рисков и требует «благоприятного окна возможностей». В этом контексте даже умеренная инфляция усиливает восприятие неопределённости, выступая катализатором демографического спада. Феномен устойчивости традиционных регионов можно охарактеризовать термином «демографический иммунитет» – способность социальной системы сохранять репродуктивную функцию несмотря на макроэкономические шоки.

Все три используемых метода прогнозирования сходятся в следующих ключевых тенденциях на период 2025–2030 гг. [3, с. 26–29]. Численность рождений стабилизируется на уровне примерно 1,22 млн человек в год [4, с. 70], инфляция будет варьироваться в диапазоне 4–9% в зависимости от внешнеэкономических условий [1, с. 19; 3, с. 22]. Демографическая динамика без целенаправленных мер продолжит спад за счёт сокращения численности женщин репродуктивного возраста. Однако риски распределены неравномерно: наибольшее падение ожидается в ЦФО и СЗФО, тогда как в СКФО и ДФО возможна относительная стабильность благодаря высокому потенциалу естественного прироста.

На основе анализа статистических данных можно сделать вывод, что инфляция влияет на рождаемость в России не напрямую, а опосредованно через снижение реальных доходов и рост экономической тревожности. Однако степень этой чувствительности кардинально различается по регионам. В урбанизированных центрах экономическая нестабильность усиливает демографический спад, тогда как в традиционных регионах устойчивые культурные нормы формируют буфер, смягчающий макроэкономические шоки. Признание этой гетерогенности является ключом к разработке эффективной, культурно адаптированной демографической политики [2, с. 10].

На наш взгляд необходим переход от унифицированной демографической политики к дифференцированной стратегии, учитывающей региональную специфику [2, с. 11–12]. Для урбанизированных регионов (ЦФО, СЗФО) приоритетными мерами должны быть снижение «стоимости родительства» через внедрение льготной ипотеки и расширение доступности дошкольного образования, развитие гибкого рынка труда для совмещения карьеры и семьи, а также приоритетное обеспечение жильём молодых семей в агломерациях. Для традиционных регионов (СКФО, ЮФО, ДФО) акцент следует сместить на инвестиции в качество жизни, развитие здравоохранения, образования и занятости молодёжи, а также на инфраструктурное развитие для поддержки миграционной привлекательности.

На федеральном уровне необходимо ужесточение мониторинга и контроля над ценами на социально значимые товары, обеспечение индексации доходов населения не ниже уровня фактической инфляции, а также внедрение системы мониторинга демографических рисков в реальном времени для оперативного реагирования.

Проведенное исследование позволяет сказать, что универсальные меры скорее всего будут обречены на ограниченную эффективность, а будущее за регионально-дифференцированными, социально-встроенными стратегиями, способными не только смягчать последствия кризиса, но и сохранять демографический потенциал страны в долгосрочной перспективе.

Список литературы

1. Инфляция и цены: аналит. обзор / Центральный банк Российской Федерации. – 2024. – №12. – 45 с. – URL: https://www.cbr.ru/hd_base/infl/ (дата обращения: 15.02.2025).

2. Демографическая политика Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Указом Президента РФ от 21.10.2020 №645 // Собрание законодательства РФ. – 2020. – №43. – Ст. 6782.

3. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2025–2027 годы: докл. / Министерство экономического развития РФ. – М., 2024. – 87 с.

4. Демографический ежегодник России. 2024: стат. сб. / Федеральная служба государственной статистики. – М.: Росстат, 2024. – 412 с. – URL: https://rosstat.gov.ru (дата обращения: 15.02.2025).

5. Индексы потребительских цен (инфляция) по субъектам Российской Федерации. 2008–2024 гг.: офиц. стат. данные / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/business/price/ipc.htm (дата обращения: 13.02.2025).

Чугреева Варвара Андреевна
студентка
ФГБОУ ВО «Рязанский государственный радиотехнический университет имени В.Ф. Уткина»
г. Рязань, Рязанская область

БРАЧНОСТЬ И РАЗВОДИМОСТЬ В РОССИИ: АНАЛИЗ ТЕНДЕНЦИЙ, ПРОГНОЗ НА 2025–2030 гг. И СТРАТЕГИИ УКРЕПЛЕНИЯ СЕМЬИ

Аннотация: *в статье приведён результат комплексного анализа динамики числа браков и разводов в Российской Федерации за период 2011–2023 гг., а также выявлены причины и последствия наблюдаемых тенденций. На основе официальных статистических данных, научных публикаций и экспертного анкетирования молодёжи (18–35 лет) сформулирован прогноз на 2025–2030 годы. Установлено, что в России наблюдается устойчивое снижение брачной активности на фоне относительно стабильного уровня разводов, что обусловлено как экономической неопределённостью, так и трансформацией ценностных установок молодого поколения. Прогноз указывает на сохранение низкого уровня заключения браков (5,5–6,0 на 1000 населения) и возможное снижение разводимости за счёт повышения осознанности при вступлении в брак. В завершение предложен комплекс мер на 2025–2030 гг., направленных на укрепление института семьи, поддержку молодых супругов и профилактику разводов.*

Ключевые слова: *брак, развод, демография, семейная политика, прогноз, молодёжь, брачная активность, разводимость, демографический кризис.*

Брак – это официально оформленный союз мужчины и женщины, направленный на создание семьи и регулируемый правовыми нормами. Развод, в свою очередь, представляет собой юридически установленную процедуру прекращения брачных отношений. В макроэкономическом контексте брак имеет стратегическое значение: он формирует новые экономические единицы – домохозяйства, которые участвуют в потреблении, сбережении, инвестициях и воспроизводстве трудовых ресурсов.

Цель данной работы – проанализировать динамику брачности и разводимости в России за 2011–2023 гг., выявить их причины и последствия, а также спрогнозировать тенденции на 2025–2030 гг. с предложением мер государственной поддержки.

По данным Росстата, число браков в России сократилось с 9,2 до 6,5 на 1000 населения (2011–2023 гг.), что свидетельствует о заметном снижении брачной активности. Наиболее выраженный спад наблюдался в Северо-Кавказском федеральном округе (с 8,1 до 3,4), в то время как в Дальневосточном и Уральском округах показатели остаются относительно высокими (около 7,0–7,4). В отличие от браков, уровень разводов остаётся стабильным на уровне 4,5–4,7 на 1000 населения, несмотря на региональные различия: например, в Северо-Кавказском округе разводы крайне редки (~2,5), а в Дальневосточном – одни из самых высоких (до 5,8).

Снижение числа браков связано с рядом факторов:

– экономической неопределённостью (рост цен, нестабильность доходов);

– изменением ценностей (приоритет самореализации, карьеры и личной свободы над традиционными семейными обязательствами);

– ростом среднего возраста вступления в брак;

– демографическим спадом в репродуктивной возрастной группе.

Уровень разводов остаётся стабильным благодаря упрощённой процедуре расторжения брака через ЗАГС (при отсутствии споров) и высокой социальной толерантности к разводу. Многие молодые люди всё чаще рассматривают брак не как обязательство, а как добровольный и обратимый выбор.

Тенденции в брачно-семейной сфере оказывают комплексное влияние:

– демографическое: падение рождаемости и ускорение старения населения;

– социальное: рост числа неполных семей, социального неравенства и уязвимости детей;

– психологическое: увеличение тревожности, одиночества и снижения качества жизни как у взрослых, так и у детей;

– экономическое: сокращение потребительского спроса, рост нагрузки на социальную инфраструктуру;

– государственное: ослабление социальной сплочённости и угроза долгосрочной демографической устойчивости страны.

Для дальнейшего анализа было проведено анкетирование. В нем приняли участие студенты 1–4 курсов РГРТУ.

На основе анкетирования прогнозируются следующие результаты (табл. 1):

– дальнейшее снижение числа браков до 5,5–6,0 на 1000 населения;

– стабилизация или лёгкое снижение разводов, поскольку молодёжь всё чаще рассматривает брак как осознанное решение.

Более половины опрошенных считают развод допустимой мерой при конфликтах, но при этом подчёркивают важность эмоциональной и ценностной совместимости, а не только юридической формы отношений.

Таблица 1

Результаты анкетирования

Планируете ли вы вступать в официальный брак в ближайшие 5–10 лет?	
А) Да, обязательно	38%
Б) Возможно, но не уверен(а)	32%
В) Нет, не планирую	12%
Г) Затрудняюсь ответить	18%
Как вы относитесь к разводу как к способу решения конфликтов в браке?	
А) Это крайняя, но допустимая мера	41%
Б) Лучше развестись, чем жить в токсичных отношениях	35%
В) Развод – признак личной несостоятельности	8%
Г) Предпочитаю решать проблемы без развода	16%
Считаете ли вы необходимым заключать брак при наличии совместных детей?	
А) Да, обязательно	33%
Б) Желательно, но не обязательно	29%
В) Нет, это устаревшая норма	15%
Г) Затрудняюсь ответить	23%
Какие факторы, по вашему мнению, наиболее важны для стабильного брака?	
А) Финансовая стабильность	22%
Б) Эмоциональная совместимость	28%
В) Общие ценности и цели	36%
Г) Поддержка со стороны родителей	14%
Как вы оцениваете вероятность развода в своём будущем браке (если планируете)? А) Очень низкая (не планирую разводиться) 27%	
Б) Ниже средней	31%
В) Средняя	24%
Г) Выше средней	18%

На основе опроса можно сделать следующие выводы.

1. Трансформация отношения к браку: 70% респондентов склоняются к вступлению в брак в ближайшие 5–10 лет, однако высокая доля неопределённости (50% – «возможно» или «затрудняюсь ответить») подтверждает тренд на осознанный, взвешенный подход к браку. Это согласуется со снижением брачной активности в статистике и отсрочкой вступления в брак.

2. Нормализация развода как социального явления: 76% опрошенных воспринимают развод как допустимую меру в конфликтных ситуациях («крайняя, но допустимая мера» и

«лучше развестись, чем жить в токсичных отношениях»). Это объясняет стабильность уровня разводов в РФ (4,5–4,7%) и свидетельствует о смещении акцента с институциональной обязательности брака на качество личных отношений.

3. Ослабление связи брака и рождения детей: только 33% считают брак обязательным при наличии детей, 44% («желательно, но не обязательно» + «устаревшая норма») отвергают традиционную модель. Это коррелирует с ростом числа неполных семей и требует пересмотра подходов к поддержке всех форм семейного воспитания.

4. Приоритет ценностной совместимости: лидирующие факторы стабильного брака это общие ценности и цели, эмоциональная совместимость. Финансовая стабильность уступает по значимости, что указывает на необходимость усиления психологической и просветительской составляющей семейной политики.

5. Оптимизм с осознанием рисков: 58% оценивают вероятность развода в будущем браке как низкую, что даёт основания для прогноза возможного снижения разводимости при условии поддержки осознанного подхода к браку. Однако 42% признают средние или высокие риски, подтверждая актуальность профилактических мер.

По представленным данным предлагаются меры в трёх ключевых направлениях:

1) финансовая поддержка:

– введение «свадебного капитала» (100 тыс. руб. на молодожёнов до 35 лет);

– льготная ипотека под 3% для семей, зарегистрировавших брак в течение года.

2) психолого-педагогическая помощь:

– «Школы будущих супругов» при ЗАГСах;

– бесплатные консультации до и в первые годы брака;

– внедрение курса «Основы семейных отношений» в школах и вузах.

3) культурно-просветительская работа:

– федеральная кампания о ценности семьи;

– поддержка празднования юбилеев брака, вручение медалей за 10, 25, 50 лет совместной жизни.

Молодое поколение России формирует новую парадигму семьи – основанную на осознанности и эмоциональной зрелости. Государственная политика должна адаптироваться: сочетать материальную поддержку («свадебный капитал», льготная ипотека) с усилением психологической подготовки («Школы будущих супругов», курсы в вузах) и культурным продвижением семейных ценностей. Только такой комплексный подход позволит преодолеть демографические вызовы и укрепить социальную устойчивость общества.

Современные тенденции в сфере брачности отражают глубокие социально-экономические и культурные изменения. Государственной политике необходимо адаптироваться к новым реалиям: поддерживать не только рождаемость, но и качество семейных отношений, делая брак более привлекательным и устойчивым. Только комплексный, междисциплинарный подход позволит обеспечить демографическую устойчивость и социальное благополучие будущих поколений.

Список литературы

1. Число браков и разводов // Росстат. – URL: https://www.fedstat.ru/indicator/33553 (дата обращения: 02.03.2026).

2. Брачно-семейные отношения в современной России. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/brachno-semeynye-otnosheniya-v-sovremennoy-rossii-demograficheskie-i-sotsialnye-aspekty (дата обращения: 02.03.2026).

3. Разводы в России: динамика и региональные различия. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvody-v-rossii-dinamika-i-regionalnye-razlichiya (дата обращения: 02.03.2026).

4. Щербакова Е.М. Политика в области рождаемости по данным опросов ООН / Е.М. Щербакова // Демоскоп Weekly. – 2022. – №949–950. – URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2022/0949/barom01.php (дата обращения: 02.03.2026). EDN FRQVKC

5. Семья и брак. – URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Семья_и_брак (дата обращения: 02.03.2026).

6. Прекращение брака: порядок расторжения брака в РФ // Юридическая компания «Суворов и партнёры». – URL: https://suvorov.legal/prekrashhenie-braka/ (дата обращения: 02.03.2026).

Научное электронное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ, ПРАВА И СОЦИОЛОГИИ

Материалы
Всероссийской научно-практической конференции с международным участием
(Чебоксары, 12 марта 2026 г.)

Главный редактор *Э. В. Фомин*
Компьютерная вёрстка *Е. В. Кузнецова*

Подписано к использованию 20.03.2026 г.
Объем 4,52 Мб. Тираж 20 экз.
Уч. изд. л. 34.59.

ООО «Издательский дом «Среда»
428023, Чебоксары, ул. Гражданская, д.75, оф.12
+7 (8352) 655-731
info@phsreda.com
https://phsreda.com